This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

3 2044 021 941 612

Digitized by Google

P Slar 475.65

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

BOUGHT WITH INCOME
FROM THE BEQUEST OF
HENRY LILLIE PIERCE
OF BOSTON

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

PScan 475.65 (1896/4)

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ XV. АПРѢЛЬ. 1896 ГОДЪ.

34-9

СОДЕРЖАНІЕ:

		СТРАН.
I.	Грѣхи отцовъ. Романъ **А. Михайлова.** (*Окончаніе*)	7
II.	Разрывъ-трава. (Изъ Рудольфа Баумбаха). Стихотвореніе **Л. Н. Трефолева**	43
III.	Рабочій трудъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. **В. В. Святловскаго**	45
IV.	Кровь. (Изъ записокъ человѣка безъ убѣжденій). Романъ **І. І. Ясинскаго.** (*Окончаніе*)	68
V.	Ночникъ. Стихотвореніе **К. М. Фофанова**	86
VI.	Еврейскій вопросъ въ нравственно-религіозномъ отношеніи. **А. П. Липранди**	87
VII.	На рубежѣ искусства. **С. И. Васюкова.** (*Окончаніе*)	113
VIII.	Прометеево потомство. Романъ изъ исторіи послѣднихъ дней независимости Абхазіи. **Д. Л. Мордовцева**	133
IX.	Въ полѣ. Стихотвореніе **П. Тулуба**	182
X.	Артистическія натуры. Повѣсть **Е. Бюлау.** (Съ нѣмецкаго).	183
XI.	Гётевскій Фаустъ, какъ художественная натура. Критическій этюдъ **В. Е. Чешихина**	262
XII.	Очерки иностранной литературы. **В. Ч—о**	287
XIII.	Сонеты Петрарки. Стихотвореніе **М. М. Гербановскаго**	304
XIV.	На покоѣ. Повѣсть **А. Мартынова.** (*Окончаніе*)	306
XV.	Разсказы А. Валенберга. Переводъ со шведскаго	326

(См. на оборотѣ).

№ 4 «Наблюдателя» вышелъ 1-го апрѣля 1896 года.

Экземпляры журнала за 1892, 1893, 1894 и 1895 гг. разошлись всѣ, равно какъ и 2-ое изданіе монографій А. П. Пятковскаго.

Digitized by Google

Современное обозрѣніе.

XVI. **Политическая хроника** . . . . . стр.
События въ Италіи.—Адуанское пораженіе, его причины и послѣдствія.—Подробности дѣла.—Волненія и манифестаціи въ Италіи при извѣстіи объ Адуанской битвѣ.—Отставка министерства Криспи.—Новое министерство съ маркизомъ ди-Рудини во главѣ.—Политическое прошлое ди-Рудини.—Министерская декларація.—Какъ разрѣшаетъ министерство вопросъ: продолжать ли войну съ Абиссиніей, или стремиться къ заключенію мира?—Дальнѣйшее участіе Италіи въ тройственномъ союзѣ.—Отзывъ о декларации «Journal de S-t Pétersbourg».—Слухи о посредничествѣ между Италіей и Абиссиніей—Россіи, короля Леопольда бельгійскаго и лорда Салисбюри.—Миролюбіе Менелика.—Поѣздка графа Голуховскаго въ Берлинъ и совѣщанія его въ германской столицѣ съ императоромъ Вильгельмомъ и Гогенлоэ о дальнѣйшей судьбѣ тройственнаго союза.

XVII. **Новыя книги.** 1) *К. Бальмонтъ.* **Въ безбрежности.** Москва, 1896 г., 2) **Древне-греческіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ.** Составилъ *В. Алексѣевъ.* С.-Петербургъ, 1895 г., 3) **Разводъ и положеніе женщины.** *М. И. Кулишера.* С.-Петербургъ, 1896 г., 4) **О заключительномъ словѣ предсѣдателя.** *В. Даневскій.* С.-Петербургъ, 1896 г., 5) **По вопросамъ, связаннымъ съ задачами и дѣятельностью министерства земледѣлія.** *П. Логашева.* С.-Петербургъ, 1895 г. Экономическій этюдъ. 6) *П. Перцовъ.* **Письма о поэзіи.** С.-Петербургъ, 1895 г. . . . . .

XVIII. **Наши внутреннія дѣла** 2
Пятидесятилѣтній юбилей «Русскаго Географическаго Общества».—Что сдѣлало это общество для изученія русскихъ окраинъ?—Экспедиціи Географическаго общества.—Крестьянскій банкъ и его дѣятельность въ вопросѣ о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія.—Желательныя измѣненія въ уставѣ крестьянскаго банка.—Опасенъ ли этотъ банкъ для дворянъ-землевладѣльцевъ?—Жалобы дворянъ и ихъ неосновательность.—Московское «Общество распространенія практическихъ знаній между образованными женщинами».—Предложеніе бар. О. О. Буксгевдена объ открытіи въ Петербургѣ перваго «Дома трудолюбія для образованныхъ женщинъ».—Откуда шли сенсаціонныя извѣстія о кавказскомъ нарзанѣ?—Командировка проф. Залѣсскаго въ Кисловодскъ.—Что думаетъ сдѣлать министерство земледѣлія съ собраннымъ матеріаломъ о состояніи нарзана?

XIX. **Фонографъ.** (Фельетонъ «Наблюдателя»). 1) **«И смѣхъ, и горе».** (Литературныя и общественныя замѣтки). Крупный скандалъ въ нашемъ журнальномъ муравейникѣ.—*Политическій шантажъ* и палочный отвѣтъ на него.—Князь Мещерскій, создавшій и культивировавшій новый сортъ публицистики.—*Типъ* или *личность* имѣлъ въ виду «Гражданинъ»?—«Толстые» намеки на А. А. Половцева и доносъ подъ видомъ патріотическаго служенія.—Духовное сродство *мещерскаго патріотизма* съ *патріотизмомъ еврейскимъ*.—Двѣ стороны одной и той же медали.—Розга, какъ одна изъ основъ «гражданинскаго» бытія.—Крѣпостническая злопамятность князя Мещерскаго.—Я. И. Ростовцевъ, уличаемый въ предательствѣ и въ измѣнѣ императору Николаю Павловичу.—Историческое опроверженіе этой клеветы.—Графъ Киселевъ, какъ первый проповѣдникъ освобожденія крестьянъ, дѣйствовавшій по предначертаніямъ самого государя.—Предводитель петербургскаго дворянства, примѣнившій къ защитнику якобы «дворянскихъ интересовъ» излюбленное имъ тѣлесное наказаніе. **Ефима Простосердова** .

2) Стихотворенія: **Хмураго Барда и Фланера** 5

Digitized by Google

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

№ 4. АПРѢЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Редакція и главная контора помѣщаются въ Пушкинской улицѣ (близъ Невскаго просп.) № д. 11.
1896.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ УДѢЛОВЪ, МОХОВАЯ, 40.

Digitized by Google

PSlav 475.65 (1893-4),

ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ И ПРОДАЕТСЯ ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТО

«УКАЗАТЕЛЬ»

статей, напечатанныхъ въ журналѣ «Наблюдатель» з
лѣтъ, съ 1882 по 1894-й годъ (по фамиліямъ автор

Цѣна: 25 к. безъ перес.; съ перес. 30 к.

Печатаются изданія редакціи:

I.

„ДВА ДРУГА И СОВРЕМЕННИКА".

(Князь В. Ѳ. Одоевскій и Д. В. Веневитино

Историко-біографическіе очерки, *А. Ш. Пятковскаго*. И
второе, съ приложеніемъ портретовъ ... Одоевскаго
невитинова, и писемъ къ автору отъ современниковъ
барона А. Г. Жомини и *княгини М. А. Вязем*

Первыя изданія внесены въ «Каталогъ ученическ
бліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства нар
просвѣщенія».

II.

„ПО ОБЩЕСТВЕННЫМЪ ВОПРОСАМ

Сборникъ публицистическихъ статей и этюдовъ. *Его же.*
войдутъ нѣкоторыя статьи изъ книги: «Живые вопросы
давно не имѣющейся въ продажѣ).

III.

„ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ БЕЦКІЙ И ЕГО ВР

Историческая монографія въ двухъ частяхъ: 1) Біографи
очеркъ Бецкаго, съ изложеніемъ его педагогической си
2) С.-Петербургскій Воспитательный Домъ подъ управле
И. И. Бецкаго (по документамъ нѣсколькихъ казенныхъ
вовъ вѣдомства Собственной Е. И. В. Канцеляріи по у
деніямъ Императрицы Маріи). *Его же.* Къ книгѣ будетъ
ложенъ портретъ Бецкаго.

***При выпискѣ этихъ книгъ изъ Главной Конт
подписчики «Наблюдателя» будутъ пользова
значительной***

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY 12 MAY 1971

Digitized by Google

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1896 Г. ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

ГОДЪ XV „НАБЛЮДАТЕЛЬ“ ГОДЪ XV

Выходитъ ежемѣсячно 1-го числа, безъ предварительной цензуры, книгами отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ, въ объемѣ и форматѣ самыхъ большихъ ежемѣсячныхъ журналовъ.

Вступивъ **въ 15-й годъ** своего существованія, нашъ журналъ будетъ издаваться въ томъ же твердо установившемся направленіи, съ которымъ хорошо знакомы наши постоянные читатели. **«НАБЛЮДАТЕЛЬ»**, прежде всего, стремился быть журналомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимали это слово лучшіе дѣятели нашей журналистики, и рядъ статей, въ немъ появлявшихся, не представляетъ собою сброда разныхъ направленій, пріютившихся подъ одною обложкою, *но проникнутъ и связанъ общностью одного опредѣленнаго міросозерцанія* [1]). Общее же направленіе нашего журнала,—насколько намъ удалось выдержать его по всѣмъ выдающимся вопросамъ внутренней и внѣшней политики,—мы имѣемъ право назвать *прогрессивно-національнымъ*. Всегда и во всемъ, въ предѣлахъ, указанныхъ для русской свободной печати, мы стояли *за прогрессивное движеніе нашей государственной и общественной жизни—въ сторону свѣта, правды, нравственнаго и экономическаго благосостоя-*

[1]) «Указатель» статей, напечатанныхъ въ нашемъ журналѣ за двѣнадцать лѣтъ (съ 1882 по 1894 годъ) былъ приложенъ къ декабрьской книгѣ 1894 года, а затѣмъ вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ (см. на оборотѣ титульной страницы).

Digitized by Google

нія—съ сохраненіемъ, притомъ, всѣхъ заслуживающихъ уваженія историческихъ основъ нашего національнаго быта. Мы отрицали и аракчеевщину, идущую сверху, и пугачевщину, поднимающуюся снизу. Слѣдуя этому пути, мы отходили одинаково-далеко и отъ дикаго обскурантизма нашей якобы «консервативной» прессы, и отъ буржуазно-космополитическаго «либерализма», весьма дружелюбнаго къ еврейству и защищающаго, главнымъ образомъ, его интересы. Изъ нашей прогрессивной программы мы навсегда и рѣшительно исключили фальшиво-гуманныя еврейскія симпатіи, которыя вторгнулись въ русскую прессу 60-хъ годовъ подъ либеральнымъ флагомъ «религіозной терпимости», благодаря тогдашнему полному невѣжеству относительно настоящаго—антисоціальнаго, а вовсе не религіознаго—смысла еврейскаго ученія; теперь же поддерживаются у насъ однимъ давленіемъ еврейскаго капитала. Разъясненію подлиннаго смысла талмуда и шулханъ-аруха,—этихъ *гражданскихъ* и *политическихъ* кодексовъ еврейства,—а также и способовъ ихъ практическаго примѣненія, мы посвятили цѣлый рядъ изслѣдованій и этюдовъ: проф. *Ѳ. И. Леонтовича*, *А. П. Пятковскаго*, *М. В. Неручева*, *А. П. Липранди*, *А. А. Быкова*, *А. Н. Котельникова*, *Н. Тембе (Н. А. Туганъ-Барановскаго)*, *С. Трушко* и др. Своими документальными—историческими и статистическими—данными эти изслѣдованія значительно разогнали напущенный евреями туманъ и поставили, такъ называемый, «еврейскій вопросъ» на принадлежащую ему политико-экономическую почву [1]).

Этого *прогрессивно-національнаго направленія* мы намѣрены держаться неуклонно и на будущее время, не смотря на все тайное и явное противодѣйствіе со стороны небезкорыстныхъ служителей якобы «гонимаго племени».

Въ первой книгѣ журнала за 1896 г. начаты романы: **«Грѣхи отцовъ»**, *А. Михайлова* (А. К. Шеллера), **«Кровь»** *І. І. Ясинскаго*, и **«Прометеево потомство»**, *Д. Л. Мордовцева*.

Фельетоны *Ефима Простосердова*: **«И смѣхъ, и горе»** будутъ помѣщаться въ каждой книгѣ журнала, кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

---

[1]) См. «*Наблюдатель*» 1882 г. №№ 2, 5 и 6; 1883 г. № 9; 1891 г. №№ 4, 5 и 6; 1892 г. №№ 2, 5 и 11; 1893 г. №№ 5 и 11; 1894 г. №№ 1, 2 и 3; 1895 г. №№ 1 и 11 1896 г. №№ 1, 2 и 4.

Digitized by Google

Воспоминанія **А. П. ПЯТКОВСКАГО** («**Изъ моего прошлаго**») приготовляются авторомъ къ печати.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.	На три мѣс.
Безъ доставки	12 р.	6 р.—к.	3 р.—к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	13 »	6 » 50 »	3 » 50 »
» пересылкою въ другія мѣста Россіи . . .	14 »	7 » — »	3 » 50 »
» » за границу	17 »	9 » — »	5 » — »

Полугодовая и трехмѣсячная подписка, съ доставкой и пересылкой внутри Россіи, разсчитана въ равныхъ доляхъ съ годовой, безъ надбавки.

Для сельскаго духовенства, учителей и учительницъ народныхъ школъ, для студентовъ и слушательницъ высшихъ учебныхъ заведеній; для субалтернъ-офицеровъ армейской пѣхоты и преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній, подписная цѣна: за **годъ** съ перес. **12** руб.; за **полгода—6** руб.; за **три мѣсяца—3** руб. Этою скидкою съ подписной цѣны пользуются только тѣ лица, которыя *дѣйствительно принадлежатъ къ указаннымъ категоріямъ подписчиковъ* и выписываютъ журналъ *на свое собственное имя*, не болѣе одного экземпляра, по мѣсту службы или ученія.

Книгопродавцамъ — 50 коп. уступки съ годоваго экземпляра. При подпискѣ полугодовой и трехмѣсячной, уступки не полагается. Гг. служащимъ — разсрочка (мѣсячная или по третямъ) за поручительствомъ гг. казначеевъ.

Подписка съ разсрочкою и скидкою адресуется *исключительно* въ Главную Контору журнала.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ **С.-Петербургѣ**—въ Главной Конторѣ редакціи (Пушкинская ул., близъ Невскаго пр., № 11), въ конторѣ «Новаго Времени» (Невскій пр., № 38); въ конторѣ Березовскаго (Поварской пер., № 2), а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ (Фену, Вольфа, Рик-

Digitized by Google

кера, Цинзерлинга, Стасюлевича и др.); въ **Москвѣ** — въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи), въ книжномъ магазинѣ Карбасникова (Моховая, противъ Университета) и въ отдѣленіи конторы «Нов. Времени»; въ **Одессѣ**—въ книжн. магазинахъ Распопова и «Нов. Времени», и въ конторѣ «Новороссійскаго Телеграфа»; въ **Кіевѣ** — въ книжн. магазинахъ Оглоблина, Литова и Идзиковскаго; въ **Харьковѣ** и **Саратовѣ**—въ книжн. магазинахъ «Нов. Времени», въ **Казани**—въ книжн. магазинѣ Дубровиной; въ **Варшавѣ**—въ книжн. магазинѣ Карбасникова. Редакція принимаетъ на себя отвѣтственность только за подписку, принятую въ Главной Конторѣ журнала.

Во избѣжаніе излишней переписки и возвращенія денегъ, Главная Контора считаетъ необходимымъ предупредить, что изданные редакціею въ разное время: 1) **Сборникъ иностранныхъ романовъ**; 2) **Сераписъ**, историческій романъ *Георга Эберса*; 3) **Гансъ-Филинъ**, романъ *Шпильгагена*; 4) **Князь В. Ѳ. Одоевскій**, литературно-біографическій очеркъ, *А. П. Пятковскаго*; 5) **Живые вопросы**, критическіе очерки и этюды изъ современной жизни, *Его-же*; 6) **Утѣха жизни**, романъ *Эмиля Золя*; 7) **Гражданскіе мотивы**, сборникъ стихотвореній; 8) **Полное собраніе сочиненій Д. В. Веневитинова**, изд. 3-е, подъ редакціей *А. П. Пятковскаго* и 9) **Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія**, монографіи и критическія статьи *А. П. Пятковскаго*, изд. 2-ое—уже распроданы.

Digitized by Google

71 575 X C 55

ГРѢХИ ОТЦОВЪ.

Романъ.

XV.

Вадимъ, какъ всѣ безсловесныя животныя, дѣти, глуповатые и безпечные люди, отличался счастливою способностью засыпать во всякое время дня и ночи. Онъ былъ молодъ, здоровъ, жилъ животною жизнью, и его до этой поры совсѣмъ не касались никакіе общіе серьезные вопросы и не тревожили никакія глубокія, но чисто личныя опасенія за свое собственное будущее, о которомъ онъ если и сталъ задумываться, то только очень недавно. Значитъ, ничто не могло мѣшать сну. Но, проводивъ мать и сестру и вернувшись съ петербургской станціи Варшавской желѣзной дороги въ нанятую имъ отъ жильцовъ небольшую и убогую комнату, онъ, можетъ быть, впервые въ жизни долго не могъ уснуть изъза тревожныхъ думъ о своей судьбѣ и, ворочаясь съ боку на бокъ, безпокойно обдумывалъ вопросы о томъ: что онъ будетъ дѣлать дальше, къ кому пойдетъ теперь, что предприметъ. Онъ сознавалъ, что въ Петербургѣ онъ не въ лѣсу родной Сорковщины, а въ чужомъ, незнакомомъ лѣсу...

Тяжелыхъ дней въ его жизни было много или, вѣрнѣе сказать, вся его жизнь состояла изъ тяжелыхъ дней. Но онъ переносилъ ихъ легко и не унывалъ особенно, не понимая всего ужаса своего положенія—положенія сына пьяницы-отца и матери-кокотки. Изъ притѣснявшей его гимназіи онъ храбро бѣжалъ къ отцу; отъ пьянаго отца онъ не менѣе смѣло бѣжалъ къ кокоткѣ-матери; теперь же не было ни души, подъ чью защиту можно бы было укрыться. Но его все еще ребяческая натура взяла — въ концѣ концовъ — верхъ и въ эту ночь надъ мрачнымъ настроеніемъ. Цвѣтущее физическое здо-

Digitized by Google

ровье оказалось сильнѣе начавшагося душевнаго недуга—нервнаго разстройства. Явились утѣшительныя мысли: вѣдь живутъ же тысячи, милліоны людей, которые не лучше его; находятъ же средства къ существованію юноши, тоже нигдѣ не кончившіе курса и почти ничего не знающіе основательно; пробиваются же на торную дорогу счастливцы, не имѣющіе ни знакомствъ, ни протекцій; съ голоду погибнуть, конечно, нельзя въ такомъ людномъ городѣ, какъ Петербургъ. Всѣ эти мысли слагались въ его головѣ въ видѣ общихъ фразъ. Въ мозгу не являлось ни одного факта, ни одного примѣра для подтвержденія этихъ фразъ, для доказательства, что въ дѣйствительности бываетъ именно такъ, а не наоборотъ; что газеты не ежедневно печатаютъ о бросившихся въ воду, о повѣсившихся и застрѣлившихся изъ-за крайней нужды и неимѣнія работы; что среди газетныхъ объявленій не появляются то и дѣло воззванія, говорящія о такой безъисходной нуждѣ, которая доводитъ людей до подлости, до униженія, до паденія: что эти дѣвушки и юноши, ищущіе мѣста въ чтицы и чтецы къ пожилымъ, одинокимъ особамъ, не кричатъ въ сущности, съ безстыдствомъ отчаянія, публично о себѣ: мы голодны и потому согласны на всякую мерзость, низость, лишь бы спастись отъ голодной смерти и самоубійства... Тѣмъ не менѣе, онъ, разсказывая себѣ утѣшительныя сказки о томъ, какъ легко спастись отъ гибели, успѣлъ окончательно успокоить и ободрить себя. Подъ утро, онъ заснулъ крѣпкимъ сномъ, уже стараясь убаюкать разблажившіеся нервы и утѣшая себя самыми свѣтлыми радужными надеждами на то, что ему, въ сущности, даже «везетъ»: случай съ Никоновымъ не былъ доведенъ до суда, а просто «замятъ», вслѣдствіе отказа старика отъ преслѣдованія «пьянаго мальчишки», такъ что все кончилось только потерею мѣста; бояться за завтрашній день ему теперь тоже нечего, такъ какъ мать обезпечила на четыре мѣсяца выдачу ему по двадцати пяти рублей въ мѣсяцъ, чего ему хватитъ на прожитіе при платѣ за комнату по восьми рублей въ мѣсяцъ; въ это продолжительное время—въ сто двадцать дней!—легко найти мѣсто, но еслибы оно даже не нашлось и въ четыре мѣсяца, то можно кое-какъ протянуть и пятый, и шестой мѣсяцы, даже съ хвостикомъ, заложивъ золотые часы, золотыя запонки,—эти подарки сест-

Digitized by Google

ры;—наконецъ, хотя мать и говорила, что она не будетъ платить его долговъ, но, въ крайности, когда деньги будутъ нужны до зарѣзу, все же можно занять у кого нибудь, и она, по возвращеніи въ Петербургъ, конечно, крѣпко поругается, а все же, въ концѣ концовъ, заплатитъ долгъ. Значитъ, впереди, по меньшей мѣрѣ, полгода, а не то и больше, обезпеченнаго существованія, а это не шутка. Затѣмъ вернутся сестра и мать, и все пойдетъ по старому...

Былъ уже давно день, когда Вадимъ, сладко потягиваясь и щурясь отъ лучей солнца, озарявшихъ его не затѣненную никакими занавѣсками или шторами комнату, сталъ соображать, что время вставать, и началъ неторопливо подниматься съ постели, лѣнивый и безпечный, какъ всегда. Его не ждало никакое занятіе, его никуда не призывали никакія обязанности. Онъ рѣшилъ даже, что покуда не предприметъ ничего для полученія какого нибудь мѣста, такъ какъ въ концѣ слѣдующей недѣли пойдетъ дѣло Пташинскаго въ судѣ, гдѣ онъ будетъ фигурировать въ качествѣ свидѣтеля. Какая логика руководила имъ въ этомъ случаѣ, какое отношеніе имѣло это дѣло къ исканію мѣста? — онъ не отдавалъ себѣ никакого отчета. Онъ просто рѣшилъ, какъ рѣшаютъ вообще всѣ лѣнивые и безпечные по натурѣ люди, откладывая работу или заботы о ней: кончится это дѣло, тогда и начну хлопотать о мѣстѣ, а теперь не стоитъ начинать, такъ какъ на будущей недѣлѣ есть дѣло въ судѣ...

Умывшись и принарядившись, онъ прошелъ въ кухню и приказалъ служанкѣ подать самоваръ. Она, толстая и неряшливая баба, въ ситцевомъ повойникѣ на головѣ, принесла, стуча ногами, подносъ съ чашками и чайникомъ, держа подъ мышкой и газету.

— Это вамъ, Вадимъ Николаевичъ,—сказала она, указывая глазами на газету.—Почтальонъ сказываетъ, что съ нынѣшняго дня будетъ носить газету на ваше имя.

— Ахъ, да, мать говорила, что теперь мнѣ будутъ присылать ея газету,—проговорилъ Вадимъ.

Служанка ушла той же тяжелой поступью за самоваромъ, а Вадимъ, не особенно интересуясь новостями, все же полюбопытствовалъ узнать, что даютъ въ театрѣ. Къ этому онъ уже привыкъ въ домѣ матери. Читать афиши и вѣсти о театрѣ

Digitized by Google

вошло у него тамъ въ обыкновеніе, такъ какъ и мать, и сестра его также интересовались только этимъ, да дневникомъ приключеній и объявленіями модныхъ магазиновъ. Взявъ, зѣвая, въ руки газету, Вадимъ вдругъ остановилъ взглядъ на крупной надписи:

«Ольга Павловна Сорко-Турина».

Объ чемъ она можетъ писать? Вѣдь распродажа вещей Анны Николаевны кончена? Онъ сталъ внимательно читать. Его глаза расширялись, щоки разгорались все болѣе и болѣе по мѣрѣ чтенія заинтересовавшаго его объявленія. Наконецъ, онъ съ гнѣвомъ отшвырнулъ скомканную газету, пробормотавъ сквозь зубы:

— Ошельмовала на прощанье!

И крупными шагами онъ заходилъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ, самъ не похожій на себя, волнуясь и тяжело дыша, сжимая въ безсильной ярости кулаки.

Въ прочитанномъ имъ объявленіи матери говорилось, что Ольга Павловна Сорко-Турина считаетъ нужнымъ, уѣзжая за границу, заявить, что она никому не выдавала никакихъ долговыхъ обязательствъ, а также ни за кого не поручалась по таковымъ, и потому ни по какимъ счетамъ, распискамъ и векселямъ, буде таковые были бы предъявлены на ея имя, въ виду ихъ завѣдомой подложности, она платить ни въ какомъ случаѣ не будетъ... Это было то средство, при помощи котораго она надѣялась,—какъ она сама говорила дочери,—лишить Вадима возможности сдѣлать какой нибудь подлогъ. Послѣ ея заявленія, конечно, никто не повѣрилъ бы ея мальчику, еслибы онъ вздумалъ дѣлать долги, ссылаясь на мать...

Прочитавъ это объявленіе, Вадимъ разомъ упалъ духомъ.

Онъ хорошо понялъ, что объявленіе касается именно его, только его, что мать какъ бы предостерегаетъ всѣхъ противъ него, что она какъ бы заранѣе рекомендуетъ его мошенникомъ всѣмъ и каждому,—мошенникомъ, если еще не сдѣлавшимъ подлога, то во всякомъ случаѣ способнымъ на подлогъ, на поддѣлку расписокъ и векселей.

— Не... не... стоило и трудиться!—съ горькой усмѣшкой замѣтилъ онъ вслухъ.—И безъ того всѣ отвернулись! Ни одна собака не вспомнитъ!..

Digitized by Google

— Чай вы сами заварите, Вадимъ Николаичъ?—окликнула его подававшая самоваръ служанка.

— Чай?.. Чай?.. А, да! Заварю!—разсѣянно отвѣтилъ онъ, на минуту остановившись и тупо взглянувъ на эту толстую бабу, словно не понимая, зачѣмъ она тутъ и что ей надо, и, опять задумавшись, заходилъ изъ угла въ уголъ.

Его вдругъ охватилъ страхъ,—тотъ страхъ, который онъ какъ-то смутно испыталъ на нѣсколько мгновеній уже вчера, когда очнулся, оставшись на платформѣ вокзала Варшавской желѣзной дороги совершенно одинъ. Это былъ страхъ передъ полнымъ одиночествомъ въ людномъ городѣ. Тамъ, въ ихъ Сорковщинѣ, онъ никогда не испытывалъ этого чувства, не испытывалъ даже въ лѣсу, такъ какъ онъ зналъ тамъ въ окрестностяхъ всѣхъ людей поименно, зналъ, гдѣ и кого можно найти, и не могъ бы представить себѣ, чтобы они дали ему погибнуть голодной смертью; можетъ быть, въ дѣйствительности, они и дали бы ему погибнуть, сами не имѣя хлѣба, но мысль объ этомъ не могла даже мимолетно прійти ему въ голову; не приходила ему въ голову эта мысль и въ Петербургѣ, пока онъ жилъ у матери и сестры, пока онъ легкомысленно и даже съ нѣкоторымъ фанфаронствомъ считалъ всѣхъ тѣхъ, иногда титулованныхъ и очень богатыхъ людей, которыхъ узналъ въ домѣ матери по фамиліямъ, за своихъ знакомыхъ; но вчера, послѣ отъѣзда матери и сестры, очнувшись на платформѣ отъ задумчивости, онъ испугался своего одиночества, увидавъ, что всѣ, провожавшіе его мать и сестру, уѣхали, даже не простившись съ нимъ, даже не обративъ на него вниманія, какъ на брошенную, никому ненужную тряпку. Для нихъ онъ былъ ничто.

— А теперь читаютъ это объявленіе и разсуждаютъ вѣрно, что оно напечатано по моему адресу, заранѣе предостерегаетъ противъ моихъ мошенничествъ,—проговорилъ онъ вслухъ, стискивая зубы.

И опять въ головѣ зароились мысли о томъ, какъ на него смотрѣли вообще здѣсь люди, сталкивавшіеся съ нимъ. Викторъ Алексѣевичъ Рюминъ-Ростовскій глядѣлъ на него, какъ на лодыря, какъ на тунеядца, живущаго на содержаніи у его содержанки. Онъ не удостоивалъ его даже поклономъ, встрѣчая на улицѣ одного. Сестра даже ссорилась изъ-за этого

Digitized by Google

со своимъ любовникомъ и каждый разъ сообщала объ этихъ ссорахъ Вадиму, разжигая въ немъ еще болѣе враждебныя чувства къ Рюмину-Ростовскому. Золотая молодежь, посѣщавшая игорные вечера его матери, пожимала ему на ходу руку, такъ какъ онъ былъ сынъ и братъ хозяекъ, но едва ли кто нибудь изъ нихъ зналъ или считалъ нужнымъ помнить даже его имя. Большинство изъ нихъ такъ и называло его просто «молодымъ человѣкомъ»: «вашъ молодой человѣкъ заносилъ ко мнѣ вашу записку, но, къ сожалѣнію, не засталъ меня дома»; «не можетъ ли вашъ молодой человѣкъ сходить въ театръ и взять билетъ на ложу»; «пошлите вашего молодаго человѣка съ этимъ чекомъ въ банкъ». Никоновъ и ему подобные старые служаки въ управленіи Епифановской желѣзной дороги презрительно смотрѣли на него уже потому, что онъ былъ сыномъ и братомъ Сорко-Туриныхъ, что онъ щеголялъ своими пиджачками и галстучками, не умѣя порядочно переписать бумаги. Они начали службу ради куска хлѣба, въ затрапезныхъ одежонкахъ и только въ теченіе десятковъ лѣтъ получили возможность носить сносное платье, заказываемое ими съ платежомъ денегъ въ разсрочку, а онъ явился сразу на службу «франтомъ», «фертомъ»,—явился заѣдать чужой хлѣбъ, какъ рѣшили они, и возненавидѣли его. Правда, у него тотчасъ явились въ томъ же управленіи и друзья-пріятели, но это были люди изъ породы Пташинскихъ: къ нимъ онъ можетъ хоть сейчасъ идти, они даже обрадуются ему; но стоитъ ему сказать, что онъ теперь нищій, и они отвернутся отъ него, такъ какъ имъ не онъ нуженъ, а нужны чьи нибудь деньги на кутежъ. Онъ сознавалъ теперь, что нѣкоторые изъ нихъ любили прогуляться или прокатиться съ нимъ по Невскому проспекту только потому, что съ нимъ раскланивались извѣстныя актрисы-кокотки и золотая молодежь.

— Можно взять самоваръ?— послышался вопросъ служанки.

— Са-мо-варъ? Да, да, берите,—отозвался, заикаясь, Вадимъ, глядя на нее безсмысленнымъ взглядомъ.

Она подняла пустой чайникъ и заглянула въ него подъ крышку, потомъ взглянула на стаканъ.

— Да вы еще и чай не заваривали? А самоваръ и остыть

Digitized by Google

успѣлъ!—сказала она, удивленно глядя своими круглыми коровьими глазами на Вадима.

— Не... не... начиналъ пить? нѣтъ, какъ же—пью!—Онъ растерялся окончательно и, не зная, о чемъ его спрашиваютъ, что онъ отвѣчаетъ, прибавилъ наконецъ отрывисто:—Уберите, я не хочу чаю! Чего стоите?

Толстая баба, съ апатичнымъ выраженіемъ лица, качая головой и что-то ворча себѣ подъ носъ, понесла самоваръ. Она была недовольна, что жилецъ только попусту безпокоилъ ее. Да и самоваръ тоже другимъ нуженъ. У хозяевъ-то не десятки самоваровъ! И другіе жильцы ждутъ...

Воркотня пропадала даромъ, такъ какъ ее не слушали...

Вадимъ совершенно безсознательно надѣлъ пальто, взялъ шляпу и трость, и вышелъ изъ комнаты. Куда онъ шелъ и зачѣмъ, онъ самъ не зналъ и шелъ, какъ во снѣ. Сознаніе вернулось къ нему, когда его окликнулъ одинъ изъ бывшихъ сослуживцевъ по управленію Епифановской желѣзной дороги. Они оба стояли у буфета-выручки ресторана Доминика и оба спрашивали по рюмкѣ водки.

— А, вотъ гдѣ встрѣтились!—проговорилъ Пименовъ, молодой, краснолицый конторщикъ, быстрымъ взглядомъ окидывая одежду Вадима, достаточно ли она прилична.

— А... а... гдѣ же болѣе мы и можемъ встрѣтиться, какъ не въ какомъ нибудь кабакѣ?—сказалъ не безъ злобы Вадимъ, чувствуя, что онъ какъ-то вдругъ возненавидѣлъ всѣхъ людей.

Дѣйствительно, онъ сознавалъ, что ему было не къ кому и некуда болѣе идти, какъ въ ресторанъ, въ трактиръ, въ кабакъ, въ веселые дома, гдѣ принимаютъ и званыхъ, и незванныхъ. Не было у него ни друзей, ни близкихъ, ни знакомыхъ. Громадный городъ съ милліоннымъ населеніемъ — и ни одной живой души, къ которой можно было бы обратиться за совѣтомъ, за помощью...

— Какъ негдѣ больше встрѣтиться? А вотъ еще въ судѣ, на дняхъ, придется встрѣтиться,—сказалъ весело и развязно Пименовъ, маленькій, кругленькій, самодовольный человѣкъ, уже начинавшій жирѣть отъ пива.—Я вѣдь тоже въ качествѣ свидѣтеля фигурирую. Хотя что же я знаю? Я съ нимъ не кутилъ... На бильярдѣ игралъ нѣсколько разъ, да пиво разъ

Digitized by Google

пять вмѣстѣ пили—вотъ и все... Я же порядочный человѣкъ, а не кабачный засѣдатель... Я всегда сторонюсь отъ скандалистовъ. Впрочемъ, въ судъ зовутъ всѣхъ сослуживцевъ Пташинскаго. Самъ Никоновъ даже призывался въ судъ, но онъ не будетъ!..

— Никоновъ?.. проклятый...—прошепталъ Вадимъ и обернулся рѣзкимъ тономъ къ буфетчику:—Еще рюмку...

— А я уже на пиво перехожу, — пояснилъ болтливый конторщикъ, закусивъ водку двумя пирожками. — Я больше рюмки водки себѣ не разрѣшаю... неприлично какъ-то...

— И... и... мнѣ пива, — приказалъ Вадимъ, отходя къ круглому мраморному столику у окна. — Такъ вы говорите, что Никоновъ не будетъ въ судѣ?

— Да, онъ вообще почти нигдѣ не показывается,—проговорилъ конторщикъ.—Все съ тѣхъ поръ, какъ вы его—помните? — смазали... Разсказываютъ, что въ правленіи со слезами просилъ замять это дѣло и не выгонять его самого... чуть не руки цѣловалъ у директора... Говорятъ, дома даже скрылъ это... отъ сына, главнымъ образомъ; тотъ у него въ профессора теперь готовится... Ну и неловко, конечно, отцу признаваться, что его того... по щекамъ били. Еще, пожалуй, сынъ за отца вступился бы, на дуэль васъ вызвалъ... Вѣдь бываетъ это... Тоже штука вышла бы!.. Я, конечно, противъ этого глупаго обычая дуэлей... а все же иной не стерпитъ...

Они уже сидѣли другъ противъ друга за двумя бутылками пива, стоявшими на кругломъ мраморномъ столикѣ. Конторщикъ щебеталъ весело и развязно, какъ глупая птица, все, что̀ попадало на языкъ, очевидно не сознавая внутренняго значенія своихъ разсказовъ, тяжелаго положенія этого побитаго мальчишкой старика, конфузливо и опасливо скрывавшаго отъ любимаго сына эту исторію.

— Видно... видно, щоки отъ моихъ пощечинъ еще болятъ! — саркастически-злобно засмѣялся Вадимъ, слушая эти разсказы и на половину уже не понимая ихъ.—Че-а-экъ, еще бутылку пива... Пусть встрѣтится еще со мною, я ему еще покажу, какъ я плачу̀, если меня ругаютъ. Кутежи, говоритъ, до добра не доведутъ!.. А ему что за дѣло? Я не на его деньги кучу. Онъ не кутитъ, ну и чортъ нимъ! А что вы говорите о его сынѣ... Профессоръ будущій... гдѣ же ему за отца драться на дуэли?.. Дохлый, вѣрно...

Digitized by Google

Онъ замѣтно охмѣлѣлъ и начиналъ такъ возвышать голосъ, что на него поглядывали окружающіе. Во время завтрака, посѣтителей тутъ набирается много, не смотря на достаточно скверный воздухъ. Собесѣдникъ Вадима, боявшійся всякихъ скандаловъ и постоянно говорившій про себя: «мы—порядочные люди», немного уже стѣснялся неприличнымъ поведеніемъ Сорко-Турина и спѣшилъ допить свое пиво, чтобы уйти поскорѣй отъ этого «скандалиста», какъ онъ уже называлъ мысленно Вадима. Связываться съ этими людьми не стоитъ, а то порядочный человѣкъ какъ разъ въ исторію попадетъ.

— Чортъ съ нимъ, если онъ не кутитъ! И онъ, и сынъ его не кутятъ, ну, и чортъ съ ними!—настойчиво повторилъ Вадимъ, стукнувъ кулакомъ по столу.

Его собесѣдникъ, раскраснѣвшійся отъ стыда, какъ вареный ракъ, уже торопливо расплачивался съ лакеемъ, презрительно пожимая плечами и какъ бы оправдывая себя этими знаками неодобренія передъ посторонними за поведеніе Вадима.

— Да, но пить онъ тоже началъ, — послышался его небрежный отвѣтъ Вадиму.

— Кто пить началъ?—тупо спросилъ Вадимъ, глядя безсмысленными глазами на Пименова.

— Старикъ Никоновъ пить началъ!—громко сказалъ тотъ и поспѣшилъ удалиться.

XVI.

Среди мелкаго петербургскаго чиновничества—и въ семьяхъ, и на службѣ,—только и толковали, что о дачахъ. Однихъ озабочивалъ вопросъ, какіе дни въ недѣлю будутъ лѣтомъ свободны отъ занятій; другіе задумывались, на сколько времени получатся ими отпуски и въ какое время; третьи рыскали:—мужья, чтобы заложить на лѣто мебель или перехватить денегъ взаймы для найма дачи, — жены, чтобы добыть возможно дешевую дачу и притомъ непремѣнно въ Павловскѣ, хотя бы на этой дачѣ павловскаго болота, даже въ самыя жаркія ночи, приходилось укрываться совершенно сырымъ бѣльемъ. И всѣ въ это время завидовали службѣ въ гимназіяхъ, въ семинаріяхъ, въ академіяхъ, въ государственной канцеляріи, въ эрми-

Digitized by Google

тажѣ, отчасти въ судѣ,—однимъ словомъ, всѣмъ чиновникамъ тѣхъ мѣстъ служенія, гдѣ лѣтомъ есть болѣе или менѣе продолжительныя вакаціи, или гдѣ служащіе могутъ чередоваться вакаціоннымъ временемъ. Нѣкоторые въ средѣ остающихся безъ лѣтняго отпуска,—изъ злоязычныхъ и вѣчно протестующихъ не по чину,—даже саркастически замѣчали, что хорошо бы шли дѣла, еслибы вездѣ такіе порядки были — лѣтнія вакаціи, молъ, такъ и можно ничего не дѣлать; и еще болѣе ѣдко, чуть не тономъ бунтовщиковъ, прибавляли, что, небось, жалованье круглый годъ всѣ получаютъ, кушать, вѣроятно, и въ вакаціонное время всѣ желаютъ. Въ эту пору, то есть въ концѣ весны и въ началѣ лѣта, работается вообще плохо, и чѣмъ жарче дни, тѣмъ болѣе тянетъ людей за городъ, тѣмъ труднѣе хорошо исполнять свои обязанности. Если мухи начинаютъ ползать сонно подъ осень, то городскіе жители именно въ пору оживленія въ природѣ начинаютъ дѣлаться такими же сонными, когда дѣло касается службы.

— Уфъ, вотъ такъ жарища!—раздается въ разныхъ департаментахъ и канцеляріяхъ, и вездѣ слышно, какъ отдуваются люди, какъ отмахиваются они отъ мухъ, раздражительно прикрикивая на нихъ:—Да отвяжитесь вы, проклятыя!

Именно въ такую пору должно было разбираться дѣло Пташинскаго, назначенное къ слушанію однимъ изъ послѣднихъ, передъ перерывомъ, засѣданій въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ суда, которыя,—какъ говорятъ состоящіе при судѣ сторожа,—на лѣто «прикрываются».

Это дѣло вообще не могло привлечь много публики даже въ самый разгаръ судебной дѣятельности, когда «уголовныя дамы» ходятъ въ окружной судъ, какъ въ театръ, на даровыя представленія. Оно принадлежало къ числу тѣхъ дѣлъ, которыя встрѣчаются все чаще и чаще въ послѣдніе годы, рѣшаются въ судахъ теперь чуть не ежедневно, оканчиваются довольно мягко и просто, не только безъ приговоровъ къ каторгѣ или смертной казни, а зачастую просто оправданіями подсудимыхъ, и потому не интересуютъ никого. Въ судѣ для уголовныхъ дамъ интересна только трагедія съ кровожадными убійцами, съ искалѣченными жертвами, со слезами, истериками, обмороками и тому подобнымъ. Въ дѣлахъ же, въ родѣ дѣла Пташинскаго, ничего подобнаго не ожидается, а значитъ,

Digitized by Google

нечего ихъ и слушать. Водевили въ судѣ вовсе не занимательны. Но если такъ бываетъ въ разгаръ зимнихъ судебныхъ представленій, то въ эту жаркую пору года и подавно ни у кого не явилось охоты печься и париться въ душной залѣ, чтобы узнать, оправдаютъ или осудятъ на нѣсколько мѣсяцевъ отсиживанья въ тюрьмѣ какого-то голоштаннаго завсегдатая мелкихъ ресторанчиковъ, танцклассовъ и кафе-шантановъ.

Въ коридорахъ зданія окружнаго суда было пусто. Налѣво отъ входа въ коридоръ втораго этажа, гдѣ помѣщается большой образъ Спасителя въ бѣлой мраморной рамѣ, стояли лѣса маляровъ, красившихъ потолки, и гулъ отъ невыносимаго, пронзительнаго скрипа, при передвиженіи этихъ лѣсовъ по каменному полу, далеко разносился по всему опустѣвшему зданію, доносясь до залы засѣданій. У трехъ дверей этой залы стояли, въ фуражкахъ на головѣ, трое скучающихъ и, уже въ силу этого, не въ мѣру грубыхъ жандармовъ. Въ самой залѣ, освѣщенной пятью большими окнами противъ входа, было душно, но въ то же время, не смотря на духоту и на то, что въ трехъ среднихъ окнахъ были заперты даже вторыя рамы, здѣсь, какъ и въ коридорѣ, былъ сквознякъ. Всѣ двѣнадцать деревянныхъ скамеекъ, отведенныхъ внизу для публики, были пусты, хоры же были просто заперты. До начала засѣданія замѣчалось еще нѣкоторое оживленіе между присяжными засѣдателями, изъ которыхъ каждый надѣялся, что онъ еще освободится и попадетъ въ запасные, да судебный приставъ, въ орденахъ и съ цѣпью на шеѣ, съ бумагой и карандашемъ въ рукахъ, суетился и бѣгалъ, точно пастухъ, собирающій разбредшееся стадо, то и дѣло повторяя:

— А гдѣ же священникъ? священникъ гдѣ?

Почтенный и благообразный старикъ-священникъ, позѣвывая и потягиваясь, воздѣвая руки надъ головой, ходилъ взадъ и впередъ по коридору и, качая головой, посматривалъ на часы, въ ожиданіи, когда его позовутъ снимать присягу съ свидѣтелей. Но скоро окончилось и это движеніе, и все стихло въ залѣ и въ коридорѣ. Теперь, въ залѣ засѣданій только отдувались отъ жары и отирали потъ со лба, безмолвствуя почти все время, присяжные засѣдатели, судебный приставъ, судьи, прокуроръ, адвокатъ да жандармы и служителя, присутствовавшіе, по обязанности, при разборѣ дѣла о томъ, какъ

Digitized by Google

какой-то кутящій и пьянствующій юнецъ-оболтусъ обманывалъ разныхъ извощиковъ, содержателей цвѣточныхъ магазиновъ, ювелировъ и двухъ француженокъ, изъ которыхъ одна — юная — вѣрила еще въ существованіе богатыхъ русскихъ «бояръ», а другая—старая—хотя и не вѣрила уже ровно ни во что, но никакъ не могла не соблазниться юношей, если только у него хватало безстыдства признаваться ей въ своемъ очарованіи ея подрумяненной старостью. Продѣлки подсудимаго были очень мелки, но ихъ было очень много, и потому явились десятки самыхъ разношерстныхъ свидѣтелей, начиная съ непомѣрнотучнаго и краснаго, какъ самоваръ красной мѣди, обливавшагося потомъ прикащика съ каретной биржи, простодушно рыгавшаго отъ времени до времени на всю залу и набожно крестившаго себѣ при этомъ ротъ съ громкимъ шопотомъ-вздохомъ: «о, Господи Іисусе», и кончая молоденькой, вертлявой француженкой, дѣлавшей видъ, что она, по своей невинности, конфузится, вздергивавшей презрительно плечиками и повторявшей на всѣ вопросы одинъ отвѣтъ: «mais je ne sais rien». Впрочемъ, отвѣчать свидѣтелямъ много не приходилось, такъ какъ прокурору было лѣнь «закатывать», адвокату было лѣнь «обѣлять», присяжнымъ же засѣдателямъ съ первой минуты стало ясно, что подсудимый «извѣстно—жульё», а подробности мошенничествъ, на одинъ и тотъ же манеръ, ихъ не интересовали,—интересовало же только то, когда все это кончится и для чего все это начиналось. Лица трехъ судей, секретаря и прокурора, сидѣвшихъ за столомъ, задрапированнымъ краснымъ сукномъ и такою же бахромою, были плохо видны, такъ какъ слишкомъ яркій свѣтъ озарялъ только ихъ затылки, оставляя физіономіи въ тѣни. Они, какъ и слѣдуетъ судьямъ, казались безличными. Прокуроръ на своемъ высокомъ стулѣ чуть не лежалъ за невысокимъ пюпитромъ. Онъ видимо изнемогалъ отъ зноя. Присяжные засѣдатели на высокихъ зеленыхъ диванахъ, казалось, дремали, изрѣдка взглядывая на сидѣвшихъ противъ нихъ, на неудобныхъ скамейкахъ и стульяхъ, подсудимаго и адвоката и, тутъ же стоявшаго сбоку, мрачнаго и тупаго по виду, жандарма въ фуражкѣ съ саблей наголо.

Оживилось немного засѣданіе только тогда, когда дошла очередь до допроса Вадима.

Digitized by Google

Кто видѣлъ его съ недѣлю тому назадъ, тотъ не узналъ бы его теперь. Его лицо носило ясные слѣды пьянства, безсонныхъ ночей, загула. Можно было сказать, не боясь ошибиться, что всю эту недѣлю сплошь, послѣ завтрака у Доминика, онъ не протрезвлялся и, съ непроходившимъ угаромъ въ головѣ, попадалъ изъ ресторана въ веселые дома, а изъ веселыхъ домовъ въ портерныя. Въ его туалетѣ былъ видимый, непріятно бросавшійся въ глаза, безпорядокъ: плохо причесанные волосы, пятна на свѣтломъ пиджакѣ, жилетѣ и брюкахъ, заношенность сорочки, небрежно обматывавшій шею, какъ веревка удавленника, черный, скрутившійся жгутикомъ галстучекъ,—все это сразу обращало на себя вниманіе. Было бы трудно повѣрить, что это тотъ юноша, котораго сразу не взлюбилъ Никоновъ за его франтовство, про котораго говорили, что въ немъ есть что-то «кокоточное». Онъ былъ похожъ на мелкаго жулика, спустившаго все на пьянство. На немъ не было ни золотыхъ запонокъ, ни часовъ, ничего, что говорило бы, что у него есть хоть грошъ въ карманѣ. Только его прекрасные, большіе, темноголубые глаза, казавшіеся теперь еще больше,—потому что они сильно впали и были окружены темноватыми кругами,—хранили все то же, свойственное имъ въ тяжкіе дни жизни, выраженіе пугливости и мольбы о снисхожденіи и, глядя на нихъ, чувствовалось, что въ нихъ стоятъ крупныя дѣтскія слезы.

Адвокатъ, увидавъ его, этого Сорко-Турина,—этого сына и брата двухъ женщинъ полусвѣта, именемъ котораго пользовался при своихъ мошенническихъ продѣлкахъ его кліентъ,—надѣлъ на носъ pince-nez, чтобы получше разглядѣть этотъ любопытный экземпляръ человѣческой разновидности. Онъ окинулъ взглядомъ Вадима съ ногъ до головы, произвелъ мысленно оцѣнку выраженія его лица, его одежды, сдѣлалъ брезгливую гримасу и сразу подумалъ:

«Такъ вотъ это какой гусь! Трактирный засѣдатель? Прокутившійся мальчишка-развратникъ»!

И рѣшилъ, что именно этотъ-то свидѣтель долженъ былъ бы фигурировать на скамьѣ подсудимыхъ вмѣсто его кліента, такъ какъ онъ навѣрное и есть самъ злокозненный Мефистофель «конца вѣка», соблазнившій непорочнаго Фауста изъ породы дурашливыхъ юнцовъ. Возбудить сочувствіе къ себѣ въ

Digitized by Google

комъ бы то ни было Вадимъ никакъ не могъ. Глядя на него, адвокатъ имѣлъ полное право видѣть въ немъ совершенно испорченнаго негодяя, способнаго только сбивать другихъ съ пути истины. Да иначе и быть не могло, по твердому убѣжденію адвоката. Пташинскій—сынъ очень почтенной и очень небогатой матери, берущей на себя неблагодарный трудъ воспитанія чужихъ—по большей части, незаконнорожденныхъ—дѣтей, и, по крайней мѣрѣ, два раза въ недѣлю посѣщающей костелъ. Ее знаютъ всѣ ксендзы, знаютъ, что она каждый грошъ добываетъ трудовымъ потомъ. Она такъ часто исповѣдуется, что у нея, вѣроятно, уже нѣтъ ни одного непрощеннаго грѣха. Тогда какъ Сорко-Турины... Кто же въ Петербургѣ не знаетъ, что́ за личности эти Сорко-Турины? Мать, прежде торговавшая собою, а потомъ дочерью, стяжала славу ростовщицы и содержательницы игорнаго притона. Дочь, не смотря на молодость, всегда жаждущую только чистой любви, спокойно продавала себя и щеголяла своимъ позолоченнымъ позоромъ. Изъ-за нея, говорятъ, даже были какія-то самоубійства. Въ такой семейной средѣ честнымъ не выростешь; это понятно само собою, даже если оставить въ сторонѣ вопросъ о наслѣдственности, о томъ, что сынъ пьяницы-отца и развратницы-матери при самомъ своемъ рожденіи обрекается на роль негодяя. Да, даже и не будучи зараженнымъ наслѣдственно, этотъ человѣкъ не могъ вырости порядочною личностью. Зная исторію матери и видя кутежи сестры, мальчишка, конечно, преждевременно развратился и самъ, и увлекалъ въ развратъ и разгулъ другихъ, заводилъ ихъ на скользкій путь паденія... И адвокатъ рѣшилъ, что ему ничего не стоитъ вымазать съ ногъ до головы свидѣтеля той самой грязью, которую онъ будетъ съ усердіемъ, достойнымъ лучшей цѣли, смывать съ обѣляемаго имъ подсудимаго:

— Вы вмѣстѣ кутили? Вы кутили на его счетъ или онъ на вашъ? Съ какихъ лѣтъ вы стали кутить, то есть ранѣе знакомства съ подсудимымъ или послѣ? До знакомства съ вами, онъ кутилъ или нѣтъ? Откуда вы черпали средства на кутежи?

Съ первыхъ же вопросовъ, предложенныхъ адвокатомъ Вадиму скрипучимъ, какъ несмазанное колесо, сильно походившимъ на воронье карканье, голосомъ, дѣйствовавшимъ

Digitized by Google

раздражающимъ образомъ на слушателей, прокуроръ точно проснулся отъ электрическаго удара, началъ въ тревогѣ почесывать за ухомъ и нервно подергивать одной ноздрей, сразу понявъ тактику своего противника, и оживился въ свою очередь, считая нужнымъ быть насторожѣ, если его противникъ подалъ знакъ оживленія и бросаетъ ему вызовъ. Они начали бороться, и оружіемъ турнира явился свидѣтель. На судѣ всегда дерутся живымъ человѣкомъ: чтобы обѣлить Гулакъ-Артемовскую, стараются очернить обличающаго ее главнаго свидѣтеля; чтобы помочь Дорошенко выпутаться въ дѣлѣ объ убійствѣ, заявляютъ, что свидѣтельствующій противъ него человѣкъ былъ воромъ, обокравшимъ Дорошенко. Рисовавшій въ меланхолическомъ настроеніи на бумагѣ какіе-то затѣйливо сплетенные между собою вензеля, желтый, какъ древній пергаментъ, предсѣдательствующій, почувствовавъ начинавшійся турниръ, тоже очнулся, многозначительно стянулъ въ трубочку тонкія, сухія губы и счелъ нужнымъ, отъ времени до времени, обрывать господина защитника, гнусаво и желчно убійственнымъ, медлительнымъ тономъ повторяя:

— Это, кажется, не имѣетъ отношенія къ дѣлу!.. Свидѣтель имѣетъ право не отвѣчать на подобные вопросы. Я, право, не знаю, зачѣмъ вы все это спрашиваете?

Прокуроръ уже чувствовалъ въ немъ своего союзника и пособника, и коварно улыбался.

И, дѣйствительно, отчасти вслѣдствіе безцеремонныхъ и нескромныхъ вопросовъ развязнаго адвоката, отчасти по причинѣ своей собственной неопытности, Вадимъ изъ свидѣтеля превращался какъ бы въ подсудимаго и словно нуждался въ поддержкѣ. Онъ говорилъ то, чего могъ не говорить. Онъ разсказалъ, между прочимъ, передъ судомъ, что онъ прежде служилъ съ Пташинскимъ въ управленіи Епифановской желѣзной дороги, а теперь тамъ не служитъ, такъ какъ его удалили со службы за данную имъ непосредственному его начальнику пощечину. Онъ выяснилъ, что старикъ-начальникъ попрекнулъ его кутежами, и онъ за это побилъ его, будучи и тогда несовсѣмъ въ своемъ видѣ. Это дало поводъ адвокату выказать свое остроуміе и спросить, что называетъ свидѣтель «быть въ своемъ видѣ» и «быть не въ своемъ видѣ», такъ какъ изъ всѣхъ показаній явствуетъ, что быть пьянымъ въ

Digitized by Google

томъ кругу, гдѣ вращались свидѣтель и Пташинскій, въ сущности, значило быть въ своемъ видѣ. Передалъ Вадимъ и то, что Пташинскій и нѣкоторые другіе его товарищи по службѣ брали у него постоянно деньги въ долгъ и кутили на его счетъ, и сознался при этомъ, что онъ получалъ всего двадцать пять рублей ежемѣсячнаго жалованья.

— Значитъ, ваши кутежи стоили баснословно дешево?— допрашивалъ, глумясь, адвокатъ.

Вадимъ молчалъ.

— Или у васъ, господинъ Сорко-Туринъ, были свои собственные капиталы?—допрашивалъ защитникъ, окидывая презрительнымъ взглядомъ его заношенный и неряшливый костюмъ.

— Нѣтъ,—тихо отвѣчалъ Вадимъ, чувствуя, что надъ нимъ издѣваются.

— Однако, изъ двадцатипятирублеваго жалованья не раскутишься,—иронизировалъ адвокатъ.

— Мои... мои... мать и сестра имѣютъ большія средства,— глухо пояснилъ Вадимъ.

Ему невольно вспомнилось, съ какою гордостью онъ еще недавно говорилъ всѣмъ и каждому, что его сестра занимаетъ «видное положеніе» въ Петербургѣ.

— А—а!—протянулъ адвокатъ.—Но, можетъ быть, вамъ иногда все же приходилось кутить въ долгъ, кредитоваться...

Вадимъ молчалъ. Онъ не зналъ, зачѣмъ ему задаютъ этотъ вопросъ, и нужно ли ему сознаваться, что имъ было надѣлано долговъ болѣе чѣмъ на четыреста рублей.

— Или ваши матушка и сестра давали вамъ такъ много денегъ, что вы могли ихъ швырять?—допытывался адвокатъ.

Предсѣдатель попробовалъ замѣтить, что все это «нейдетъ къ дѣлу».

— И зачѣмъ вы все это спрашиваете, я не понимаю,— медленно и придирчиво произнесъ его гнусавый голосъ.—Все это вовсе не относится къ дѣлу.

Но защитникъ Пташинскаго загорячился, заявляя, что это идетъ къ дѣлу, что онъ долженъ непремѣнно разъяснить вопросъ, изъ какихъ средствъ кутилъ господинъ Сорко-Туринъ, такъ какъ его кліентъ обвиняется именно въ томъ, что онъ пользовался «самовольно» именемъ господина Сорко-Турина,

Digitized by Google

нанимая коляски и покупая букеты, тогда какъ, можетъ быть, онъ игралъ только несчастную роль ширмы, подставнаго лица, прикрывая другое, болѣе виновное, лицо, добывая въ кредитъ, по его порученію, деньги или вещи.

Вадимъ буквально вертѣлся, какъ рыба на раскаленной сковородѣ, не успѣвая соображать своихъ отвѣтовъ, не зная, что̀ слѣдуетъ говорить и чего не слѣдуетъ. И, къ довершенію всего, его, и такъ уже смущеннаго, то и дѣло смущалъ еще болѣе гнусавый и придирчивый голосъ предсѣдательствующаго, напоминавшаго ему, растягивая слова:

— Господинъ свидѣтель, когда вы отвѣчаете господину защитнику, вы должны обращаться ко мнѣ!

Три опытные юриста, привычные ко всѣмъ формальностямъ суда, не лишенные ума и образованія, точно сговорились конфузить, сбивать съ толку, ставить въ дураки и забрызгивать грязью мальчика, ни на минуту не задумываясь, какую гадкую, въ сущности, роль они играютъ. Совершенно растерянный, красный и весь въ поту, Вадимъ сѣлъ, послѣ пытки-допроса, на мѣсто съ поникшей головой, не слыша даже, какъ защитникъ Пташинскаго допрашивалъ слѣдующаго свидѣтеля, сослуживца Пташинскаго, того самаго краснощекаго Пименова, который встрѣтился съ Вадимомъ у Доминика. Этотъ свидѣтель, какъ «порядочный человѣкъ», лилъ ушатами грязь на своихъ товарищей, съ которыми онъ «никогда, никогда не кутилъ».

— Какъ порядочный человѣкъ, — ораторствовалъ Пименовъ,—я никогда не водилъ компаніи со скандалистами... Они чуть сойдутся—сейчасъ начинаютъ скандалить. Господинъ Сорко-Туринъ еще недавно у Доминика...

Потокъ развязной рѣчи «порядочнаго человѣка» былъ остановленъ предсѣдателемъ, напомнившимъ ему, что его спрашиваютъ о Пташинскомъ, а не о Сорко-Туринѣ.

— Я потому... что у нихъ одна шайка,—началъ оправдываться Пименовъ и опять заговорилъ о Сорко-Туринѣ.

Его пришлось отпустить...

Не принимая болѣе участія ни въ чемъ, сидя какъ бы въ обморокѣ на своемъ мѣстѣ, Вадимъ все таки не уходилъ изъ залы и остался чего-то ждать.

Начались рѣчи прокурора, адвоката и предсѣдательствую-

Digitized by Google

щаго. Всѣ эти рѣчи отличались однимъ и тѣмъ же характеромъ: презрѣніемъ, брезгливостью и ироніей. Никто изъ нихъ—людей «порядочныхъ»,—по крайней мѣрѣ, теперь,—во дни ихъ хорошо обезпеченной жизни и довольно зрѣлаго возраста, не кутилъ такъ мелко на какіе-то жалкіе гроши; никто не надувалъ ближнихъ на какіе нибудь ничтожныя суммы; никто не гнался сорвать на даровщинку мимолетныя ласки какой нибудь случайно подвернувшейся любовницы. Вслѣдствіе этого, они не могли смотрѣть безъ пренебреженія и безъ ироніи на всѣ эти мелкія продѣлки мелкихъ членовъ мелкой среды. Всѣ три оратора говорили, конечно, разнымъ языкомъ, съ разной интонаціей, но, въ сущности, въ ихъ рѣчахъ выражалось одно и то же:

«Господа судьи и присяжные засѣдатели, вы видѣли, изъ кого состоитъ эта среда, въ которой вращался подсудимый: это юноши, вслѣдствіе лѣни или малоспособности нигдѣ не кончившіе курса, ни къ чему не подготовленные, ничѣмъ серьезно не занимающіеся, получающіе грошевое содержаніе за грошевый трудъ; но тѣмъ не менѣе они уже развратничаютъ, кутятъ, пьянствуютъ и въ пьяномъ видѣ мошенничаютъ, даютъ пощечины начальствующимъ лицамъ, изгоняются со службы! Все это ничтожно, все это мелко, но все это подлежитъ наказанію, разъ эти люди попались за свои продѣлки подъ судъ».

Прокуроръ говорилъ, что только карающій законъ можетъ образумить такихъ легкомысленныхъ людей, что они никогда не очнутся, пока имъ не покажутъ, что законъ не мирволитъ такимъ людямъ и, можетъ быть, чувство страха передъ наказаніемъ заставитъ ихъ въ будущемъ если не исправиться внутренно, то хоть внѣшнимъ образомъ сдерживать проявленіе своей испорченности,—и, такимъ образомъ, общество будетъ ограждено отъ ихъ новыхъ преступныхъ продѣлокъ. Если нельзя пересоздать и перевоспитать людей,—что и не лежитъ въ числѣ обязанностей суда,—то надо стремиться сдѣлать ихъ безопасными для общества, оградить его отъ опасныхъ проявленій ихъ злой воли. У прокурора рѣчь была книжная, съ массой иностранныхъ словъ; тутъ говорилось и о «квинтъ-эссенціи», и о «компетенціи», и о «компенсаціи»...

Адвокатъ, напротивъ того, болѣе чѣмъ нужно выставляя

Digitized by Google

на видъ ничтожество и безхарактерность своего кліента, признавалъ, что его спасетъ только оправданіе, такъ какъ съ него довольно и одного позора гласнаго суда за его неумѣнье противостоять дурному вліянію. До этого вліянія, развращающаго, необузданнаго, циничнаго, онъ былъ скромнымъ, мелкимъ труженикомъ, довольствовался за свой трудъ небольшимъ вознагражденіемъ, которымъ онъ дѣлился со своею почтенною, достойной всякого уваженія матерью, и, только попавъ подъ вліяніе той позорной среды, гдѣ нагло щеголяютъ блескомъ и роскошью, купленными цѣною своего паденія и разврата, онъ, какъ человѣкъ небольшихъ способностей и нетвердаго характера, сбился съ пути,—палъ, запутался. И вотъ мы видимъ его на позорящей скамьѣ подсудимыхъ, узнавшаго горькимъ опытомъ, что нужно бѣжать, какъ отъ огня, отъ тѣхъ людей, которые кутятъ, пьянствуютъ, развратничаютъ и спаиваютъ другихъ... изъ двадцатипятирублеваго жалованья! Въ его рѣчи были мѣста, когда его голосъ дрожалъ слезами, а порою казалось, что онъ щелкаетъ по чьей-то спинѣ бичемъ. Видно было, что адвокатъ былъ бы отличнымъ фельетонистомъ, хотя писалъ бы слишкомъ пространно и не былъ бы милъ за это издателямъ, вымогая у нихъ лишніе пятачки.

Предсѣдательствующій, въ сущности, не сказалъ ничего: не очень настаивалъ на обвиненіи, не очень возставалъ противъ оправданія. Ему было все равно, какъ рѣшатъ дѣло. Слушая его, присяжные засѣдатели могли прійти только къ одному выводу, что и подсудимый, и его свидѣтели—дрянь и останутся дрянью, хотя бы обвинили ихъ всѣхъ или всѣхъ оправдали, и что въ сущности все это дѣло, въ концѣ концовъ, выѣденнаго яйца не стоитъ, такъ какъ и все оно—такая дрянь, до которой и дотрогиваться не стоило. Онъ говорилъ свое напутствіе брюзгливымъ, придирчивымъ тономъ, точно сердясь и ругаясь за то, что эти мелкіе кутилы не дошли до геркулесовскихъ столбовъ разврата, что эти жалкіе жулики не совершили милліонныхъ кражъ и подлоговъ, что эти неопытные преступники не были закоренѣлыми убійцами и грабителями изъ рецидивистовъ.

Присяжные засѣдатели именно такъ и поняли резюмэ предсѣдательствующаго и, совѣщаясь, говорили не столько о под-

Digitized by Google

судимомъ, сколько объ его обвинителяхъ: прикащикъ извощичьей биржи — тоже жохъ — задумалъ сорвать за коляску двадцать пять рублей за день ѣзды; хорошъ и цвѣточникъ—за плюгавый букетъ, съ грошевой корзинкой и копѣечными лентами, сто рублей насчиталъ; француженка дохлая, — та, что помоложе,— учительницей практики французскаго языка публикуется, а сама вонъ какимъ дѣломъ промышляетъ; а та-то, старухато толстобрюхая,—плюнуть на нее, крашеную морду, только и стоитъ; жаль, что еще мало нагрѣлъ ее! И, придя къ заключенію, что всѣхъ бы ихъ, жалобщиковъ, самихъ надо въ тюрьму засадить, они оправдали того, кого хотѣли засадить эти жалующіеся на свои убытки, ходящіе по недоразумѣнію на свободѣ, тюремные кандидаты...

Вадимъ, перешедшій уже вмѣстѣ съ другими какъ-то машинально въ мѣста для публики, тупо глядѣлъ въ пространство почти опустѣвшей залы. Съ лѣвой стороны, между первымъ и вторымъ окнами, высился въ золоченой рамѣ портретъ императора Александра II во весь ростъ, тутъ же стоялъ аналой, въ зеленомъ, съ золотыми крестами, чехлѣ; съ правой стороны, между четвертымъ и пятымъ окнами, находился, тоже въ золоченой рамѣ и тоже во весь ростъ, портретъ императора Александра III, и тутъ же возвышался золотой двуглавый орелъ зерцала. Взглядъ Вадима упалъ на Пташинскаго, сонно ожидавшаго на скамьѣ подсудимыхъ возвращенія суда и объявленія приговора, тупо глядя на образъ въ золоченой ризѣ надъ среднимъ окномъ съ едва замѣтно теплящейся лампадой. Въ выраженіи лица ни волненіи, ни мысли... Осудятъ его или оправдаютъ, не все ли равно? Пойдетъ онъ по той же дорожкѣ внизъ и внизъ, со ступеньки на ступеньку!

Вадимъ, увидѣвъ его, инстинктивно угадалъ, что онъ думаетъ именно это.

«А я? развѣ я не въ такомъ же положеніи? Ему еще лучше, у него хоть мать есть. А у меня? Развѣ мнѣ не все равно, когда и гдѣ я погибну? Погибну же я непремѣнно. И пусть! Дурная трава изъ поля вонъ».

Онъ порывисто всталъ съ мѣста, раздраженный и съ выраженіемъ отчаянія на лицѣ... Въ ту же минуту послышался рѣзкій электрическій звонокъ, заставившій вздрогнуть всѣхъ.

Digitized by Google

Это присяжные засѣдатели возвѣстили, что они рѣшили участь подсудимаго. Опять въ залѣ произошло нѣкоторое движеніе, и черезъ пять минутъ раздалось:

— Нѣтъ, не виновенъ!

Оправдательный приговоръ не произвелъ никакого сильнаго впечатлѣнія. Всѣ понимали, что, оправданный сегодня по этому дѣлу, подсудимый будетъ обвиненъ по другому такому же дѣлу, можетъ быть, завтра. Даже защитникъ Пташинскаго, — этого «дрянца съ пыльцой», какъ онъ мысленно называлъ подсудимаго,—совсѣмъ равнодушно отнесся къ благодарностямъ своего оправданнаго кліента. Кивнувъ ему небрежно головой и направляясь къ выходу, онъ не безъ любопытства взглянулъ только на совершенно застывшаго въ какихъ-то думахъ Вадима. Тотъ сидѣлъ, сгорбившись, какъ старикъ, и опять тупымъ взглядомъ смотрѣлъ въ пространство. Онъ, казалось, окаменѣлъ въ этой позѣ, не сознавая даже, что судъ конченъ, что пора уходить. Куда уходить? Въ какой кабакъ? Въ какой вертепъ? Гдѣ пріютятъ безъ денегъ?..

— Какое замѣчательно тупое лицо, — сказалъ адвокатъ, обращаясь къ встрѣтившемуся ему, суетливо несшемуся съ какими-то бумагами, судебному приставу.

— На сестру свою онъ очень похожъ, — отвѣтилъ тотъ мимоходомъ.

Онъ всегда куда-то спѣшилъ.

— А вы ее знаете?—спросилъ адвокатъ.

— Кто же ее не знаетъ въ Петербургѣ? — сказалъ приставъ.—По шато-кабакамъ пѣла.

— Жаль только, что ни къ кому на содержаніе онъ не попалъ,—насмѣшливо замѣтилъ адвокатъ.

— Что жь, можетъ быть, и попадетъ еще на содержаніе, — пошутилъ приставъ, уже почти скрываясь въ дверяхъ.

— Въ тюрьму?—бросилъ въ догонку насмѣшливый вопросъ адвокатъ.

Собесѣдникъ уже изъ дверей кивнулъ въ знакъ согласія головой, и они поспѣшили разойтись; хотѣлось курить, хотѣлось обѣдать...

И что за зной, что за зной! Вѣрно, быть грозѣ.

Digitized by Google

XVII.

Было раннее осеннее утро. Осень стояла въ тотъ годъ ясная, сухая. По ночамъ уже вѣяло чуть не зимнимъ холодкомъ; днемъ же, послѣ морозныхъ утренниковъ, на солнечныхъ мѣстахъ жгло, какъ въ жаркое лѣто.

На мѣстѣ недавней свалки всякаго мусора, уже почти заросшемъ травой, противъ ограды Новодѣвичьяго монастыря, между полотномъ Варшавской желѣзной дороги и бывшимъ московскимъ шоссе, тотчасъ за скотопригоннымъ дворомъ, на мелкихъ буграхъ и небольшихъ откосахъ лежали, спали мертвымъ сномъ,—кто на спинѣ, кто на животѣ, порой точно въ корчахъ, то тѣсными группами, то въ одиночку,—кучи оборванцевъ. Такъ спятъ только на «горячихъ поляхъ». Горячими полями воры и бродяги окрестили, на своемъ живомъ и своеобразномъ языкѣ, болѣе или менѣе укромныя мѣста своихъ сходокъ. Это своего рода клубы: здѣсь совѣщаются, играютъ, пьютъ, развратничаютъ и спятъ послѣ безсонныхъ ночей, послѣ цѣлыхъ часовъ скитанья. «Горячихъ полей» въ Петербургѣ немало: и Семеновскій, и Преображенскій плацы, и городская свалка по царскосельскому тракту, и Петровскій островъ, и поле между Большой и Малой Охтами, — все это горячія поля. Ихъ значеніе и степень ихъ посѣщаемости колеблятся, сообразно съ грозящею ихъ завсегдатаямъ опасностью. Главнымъ образомъ, важно послѣднее, то есть Охтенское горячее поле. Его воры и бродяги окрестили характернымъ прозвищемъ — «холернымъ кладбищемъ», хотя никакого кладбища здѣсь не было. Тутъ нерѣдко замышляются грабежи и убійства. Сюда, въ случаѣ облавъ, идетъ не менѣе дюжины агентовъ сыскной полиціи, и цѣлый участокъ городовыхъ, числомъ до тридцати двухъ, да, кромѣ того, берутся на подмогу мѣстные крестьяне. Это показываетъ, насколько не безопасно иногда становиться лицомъ къ лицу со здѣшнями постоянными посѣтителями. Мѣстность противъ Новодѣвичьяго монастыря едва успѣла приманить къ себѣ бродячій людъ, какъ ее огородили, и уже въ половинѣ лѣта прошлаго года почти совсѣмъ прекратили на нее доступъ этому люду. Открывая мало по малу этотъ новый притонъ, всѣ эти «стрѣлки», то есть бродяги и

Digitized by Google

нищіе, всѣ эти «домушники» и «громилы», какъ зовутся на воровскомъ языкѣ домашніе воры, всѣ эти «тырбанники» и «магазинщики», или, говоря на нашемъ языкѣ, карманники и магазинные воры, и даже «святые воры», — какъ зовутъ на воровскомъ языкѣ обкрадывающихъ церкви,—могли быть здѣсь довольно спокойными. Крики «льютъ» или «заметутъ» еще не проносились здѣсь, такъ какъ полиція еще не дѣлала тутъ облавъ. «Сидѣть на стремѣ» не приходилось, а можно было спокойно спать или играть въ орлянку, въ четъ-нечетъ или въ излюбленную юлку — въ костяшки съ однимъ и шестью очками. Этотъ народъ принадлежитъ къ числу самыхъ страстныхъ, самыхъ азартныхъ игроковъ и, въ этомъ отношеніи, сравнительно съ имѣющимися у него денежными средствами, перещеголяетъ любыхъ прожигателей жизни изъ золотой молодежи, изъ великосвѣтскихъ завсегдатаевъ клубовъ...

Изъ спавшихъ здѣсь, въ это осеннее утро, одни были совершенно босы; на ногахъ другихъ были лапти, валенки, опорки или женскіе башмаки — обувь, купленная за пять, за шесть копѣекъ; отсутствовали только сапоги, такъ какъ ихъ сейчасъ бы пропили сами владѣльцы, или они были бы стянуты съ ногъ во время сна сосѣдями ихъ неосмотрительныхъ обладателей. Между этимъ сбродомъ, случайно сведеннымъ судьбой сегодня и также случайно расходящимся завтра, нѣтъ и не можетъ быть товарищества. Нигдѣ такъ не клевещутъ другъ на друга, нигдѣ такъ не враждуютъ между собой, какъ здѣсь. Они также легко продаютъ другъ друга, какъ стаскиваютъ другъ съ друга какіе нибудь сапоги или шапки. Тутъ были люди въ такихъ одеждахъ, что было бы трудно рѣшить, къ какому классу общества принадлежали они когда-то. Это «когда-то» для иныхъ терялось въ ихъ отдаленномъ, почти забытомъ, какъ смутное сновидѣніе, прошломъ, а для другихъ оно было чуть не вчера. Это «когда-то» — далекое или близкое, все равно,—во всякомъ случаѣ было невозвратнымъ; оно окончилось въ тотъ день, въ который они сдѣлались разъ и навсегда завсегдатаями ночлежныхъ домовъ, при условіи обладанія пятью копѣйками, или завсегдатаями «горячаго поля», при неимѣніи въ карманѣ даже и этого жалкаго пятака и, главнымъ образомъ, «очковъ», т. е. паспорта. Попавшимъ разъ сюда можно было, не боясь быть дурнымъ пророкомъ, сказать: «оставьте

Digitized by Google

всякую надежду». Для людей, ночующихъ въ ночлежныхъ домахъ, около ямокъ на Волковомъ полѣ, гдѣ нибудь въ Александровскомъ или Петровскомъ паркахъ и тому подобныхъ мѣстахъ, почти всегда отрѣзанъ навсегда трудный путь къ лучшей жизни и гостепріимно открыты торныя дороги: къ тюрьмѣ, къ высылкѣ изъ Петербурга, къ роли «Спиридоновъ-поворотовъ», къ ссылкѣ въ мѣста «столь и не столь отдаленныя», къ каторгѣ, къ смерти гдѣ нибудь подъ заборомъ, въ канавѣ, или къ самоубійству. Рѣдкій изъ нихъ можетъ спокойно сказать, что онъ «продолжаетъ сидѣть на якорѣ», то есть «имѣетъ очки» или, говоря по нашему, имѣетъ законный видъ на жительство. Этотъ якорь исчезаетъ у нихъ быстро, и они дѣлаются «Иванами непомнящими», привыкая лгать и о своемъ происхожденіи, и о своей прошлой профессіи. Лгутъ здѣсь на этотъ счетъ, какъ нигдѣ. Здѣсь, среди спящихъ посѣтителей горячаго поля, выдавалась особенно одна группа, приглядѣвшись къ которой можно было смѣло сказать, что ея члены знали когда-то и лучшія условія жизни, чѣмъ жизнь на горячемъ полѣ. Тутъ можно было замѣтить господина въ изодранной, широкополой соломенной шляпѣ бандита, въ поломанныхъ, обмотанныхъ нитками, стальныхъ очкахъ на орлиномъ носу, въ рваныхъ суконныхъ панталонахъ и въ такой же рваной ватной кофтѣ, сплошь запятнанной кровью и служившей прежде одеждою мясника, таскавшаго въ ней на спинѣ бычачьи туши. Этотъ спившійся съ круга человѣкъ, со строгимъ, почти жестокимъ выраженіемъ когда-то красиваго лица, обрамленнаго окладистой черной бородой, походившій на страшнаго разбойника, гордился данной ему товарищами кличкой «учителя» и не безъ извѣстнаго апломба, не безъ высокомѣрія, замѣчалъ, произнося тѣ или другія ходячія фразы: «такъ говорилъ нашъ безсмертный Гоголь»; «недаромъ проповѣдывалъ нашъ знаменитый Бѣлинскій». Говоря съ нимъ, прежде всего можно было подмѣтить, что онъ презиралъ всю эту «сволочь», какъ онъ называлъ своихъ собратьевъ по пьянству, разврату и паденію. Какъ бы въ противоположность ему, другой человѣкъ, лежавшій рядомъ съ нимъ, тощенькій и плюгавенькій, тоже въ соломенной широкополой шляпѣ, въ длинномъ засаленномъ подрясникѣ изъ демикотона, подпоясанномъ полинявшимъ, вышитымъ кушакомъ, въ опоркахъ на ногахъ, обвязанныхъ ону-

Digitized by Google

чами, съ трясущимися руками и головой, со слезящимися и моргающими глазками, съ длинными, какъ у женщины, волосами, носившій полное злой ироніи прозвище «духовника»,— производилъ впечатлѣніе личности, которую можетъ обидѣть каждая муха. Кто онъ былъ, этого не зналъ, дѣйствительно, никто. Знали только, что онъ облачался въ добытый гдѣ-то нарядъ не то послушника, не то дьячка или странника; слышали тоже, что онъ учился когда-то въ семинаріи, и этого было достаточно для выдумки ироническої клички. Онъ постояннно жалко улыбался и иногда пѣлъ или, вѣрнѣе, мурлыкалъ, «завывалъ»,— какъ говорили его сотоварищи,—какіе-то бурсацкіе канты и духовные стихи, и любилъ удивлять всѣхъ знаніемъ латыни, то есть двухъ-трехъ латинскихъ фразъ о великомъ значеніи вина и веселья. За эти-то фразы его терпѣлъ при себѣ «учитель». Это были два алкоголика, заслуживавшіе вполнѣ мѣста въ больницѣ неизлѣчимыхъ душевно-больныхъ и бродившіе на свободѣ въ ожиданіи того времени, когда они, совершивъ въ минуту безумія какое нибудь преступленіе, заслужатъ тюремное помѣщеніе или каторгу. Почти неизмѣнно, рядомъ съ ними, можно было встрѣтить двухъ еще довольно молодыхъ, но уже давно погибшихъ нравственно человѣчковъ въ форменныхъ фуражкахъ, давно уже выгорѣвшихъ и порыжѣвшихъ до неузнаваемости. Ихъ знали подъ насмѣшливыми кличками «скубента» и «емназиста», данными имъ, можетъ быть, только ради ихъ форменныхъ фуражекъ, хотя никто не зналъ, щеголяли ли они когда-то въ нихъ по праву, или, просто обнищавъ, нашли ихъ въ какомъ нибудь хламѣ помойной ямы. Вѣчно съ синяками отъ побоевъ, съ кровоподтеками и съ фонарями подъ глазами, они считали себя людьми изъ привилегированныхъ, держались около «учителя» и «духовника», и важно замѣчали, что пріятно поговорить съ «интеллигентами» среди этихъ «субъектовъ». «Субъектами» они презрительно именовали всю остальную братью, посѣщавшую горячее поле, «сиволапое мужичье», «пьяную мастеровщину», «отребье» и «жульё», съ которыми, впрочемъ, они пьянствовали, развратничали, играли въ «орелъ или рѣшку», ругались, дрались и уже обдѣлывали темныя дѣла въ ночлежныхъ домахъ или на горячемъ полѣ. Они были не только «стрѣлками», но уже при случаѣ умѣли «срубить кожанъ» или «колесики», то есть

Digitized by Google

украсть бумажникъ или часы, и не отказались бы «мелкозвонить», т. е. красть мелкое серебро, если оно плохо лежитъ. Можетъ быть, они еще не рисковали «идти на серьгу», но и это дѣло—взломъ замка—въ необходимомъ случаѣ уже не затруднило бы ихъ. Прогрессъ въ перемѣнѣ профессіи, въ переходѣ отъ бродяжничества къ воровству и отъ воровства къ убійству, здѣсь чрезвычайно быстръ. Профессіи мѣняются здѣсь, пожалуй, также быстро, какъ и ихъ воровской языкъ, гдѣ слова, бывшія въ употребленіи вчера, дѣлаются устарѣлыми и даже непонятными сегодня. Все это естественно: жизненный путь здѣсь скользокъ и обусловленъ массой случайностей; общество въ своемъ составѣ мѣняется быстро, и было бы странно, еслибы его своеобразный языкъ не подлежалъ тоже измѣненіямъ. Не послѣднюю роль играетъ въ быстрыхъ измѣненіяхъ въ воровскомъ языкѣ и вѣчное стремленіе перехитрить окружающихъ и, главное, сыщиковъ, которые, по неволѣ, зорко слѣдятъ за всѣми измѣненіями въ этомъ языкѣ.

Въ этой средѣ, что̀ ни личность, то цѣлая драма или романъ,—что̀ ни личность, то цѣлое собраніе всѣхъ пороковъ, способностей ко всякому преступленію. Нигдѣ нельзя лучше изучить, до какого извращенія всѣхъ страстей и поступковъ доходитъ человѣкъ подъ вліяніемъ пьянства и до чего ничтожнымъ, по физической силѣ и нравственному характеру, онъ дѣлается иногда подъ вліяніемъ того же пьянства. Тутъ каждый можетъ убить ближняго, не поморщившись, и въ то же время рѣдкій изъ этихъ людей не способенъ валяться въ ногахъ, ревѣть и цѣловать ваши руки и ноги въ минуты вдругъ обуявшаго его неодолимаго страха передъ угрозой, въ минуту охватившаго его полусознательнаго раскаянья или въ минуту униженнаго самобичеванія. Это и дикіе звѣри, и истеричныя женщины въ одно и то же время. Они страшны, какъ изверги; они жалки, какъ великовозрастные младенцы. Но, прежде всего, человѣку, не знающему ни ихъ несчастій, ни ихъ характеровъ, они внушаютъ отвращеніе своей тошнотворною грязью, своими лохмотьями изъ помойныхъ ямъ, своими циничными ругательствами, своею беззастѣнчивою порочностью и, главнымъ образомъ, своею безпредѣльною лживостью. Вѣрить здѣсь нельзя никому ни въ одномъ словѣ.

Однако, въ эту пору дня, всѣ обитатели горячаго поля

Digitized by Google

походили болѣе всего на убитыхъ и смертельно раненыхъ воиновъ, брошенныхъ безъ помощи и призора своими, продолжающими свое побѣдоносное шествіе, собратьями. Впрочемъ, именно эту роль они и играютъ вообще въ жизни: мы—побѣдители и идемъ все дальше и дальше по пути завоеваній; они—побѣжденные, они и гибнутъ на горячемъ полѣ! Вытянувшись, какъ мертвецы, или свернувшись, какъ собачонки, они спали мертвымъ сномъ послѣ ночи, проведенной, такъ или иначе, тревожно. Ночи у нихъ всегда тревожны. Пьянствовали или воровали они, собирали милостыню или укрывались отъ облавъ и патрулей, спали ли въ клоповникѣ ночлежнаго дома безъ паспорта въ карманѣ, но, во всякомъ случаѣ, они не были покойны ночью и уснули сладкимъ сномъ только подъ утро, сперва дрожа въ своихъ лохмотьяхъ отъ осенняго холодка и осенней сырости, потомъ постепенно согрѣваясь другъ подлѣ друга, подъ лучами все выше и выше поднимавшагося яркаго солнца.

Не спалъ между ними, можетъ быть, только одинъ человѣкъ... Онъ походилъ чуть не на ребенка, хотя ему было уже за двадцать лѣтъ. Бѣлокурый, голубоглазый, съ розовыми щеками, онъ былъ все еще очень красивъ собою, хотя загулъ и грязь наложили на него свою роковую печать. На немъ не было и признаковъ бѣлья; его затасканные штаны, съ отпоровшимися то тутъ, то тамъ лампасами, застегивались только на единственную, еще уцѣлѣвшую на нихъ, пуговицу, и также единственная пуговица у горла придерживала лохмотья его жакетки. Когда онъ лежалъ на спинѣ, закинувъ подъ голову руки и смотря въ небо,—онъ казался чуть не голымъ. Впрочемъ, эпитетъ «Голыша» и былъ данною ему, не далѣе какъ вчера, насмѣшливою кличкой среди нѣкоторыхъ изъ спавшихъ тутъ же завсегдатаевъ горячаго поля, съ которыми вчера онъ пропилъ свое послѣднее бѣлье. Захмѣлѣвъ, онъ даже не сообразилъ, что, пропивъ бѣлье, онъ какъ бы отрѣзалъ себѣ возможность показаться гдѣ нибудь на улицахъ столицы. Въ среду этого отребья общества попалъ онъ менѣе чѣмъ съ мѣсяцъ; мѣсяца четыре тому назадъ, онъ еще имѣлъ свою собственную комнату отъ жильцовъ; какихъ нибудь полгода тому назадъ онъ еще ѣздилъ въ экипажахъ на резиновыхъ шинахъ. Все прошлое ему казалось теперь какимъ-то сновидѣніемъ и онъ

Digitized by Google

самъ не вѣрилъ, что все, что̀ снилось ему въ этомъ сновидѣніи, было то, что̀ пережито имъ. Никогда онъ столько не передумывалъ объ этомъ прошломъ, сколько въ эту довольно холодную ночь, сколько въ это жгучее утро. Онъ отдавалъ себѣ отчетъ во всемъ, точно именно сегодня наставалъ для него конецъ. Думать вообще онъ сталъ только очень недавно, но зато сталъ думать какъ-то лихорадочно много, какъ-то страстно, точно вознаграждая себя за цѣлые годы ребяческаго, чуть ли не растительнаго, существованія безъ думъ и размышленій, съ ничѣмъ не оправдываемою безпечностью и ни на чемъ не основаннымъ задоромъ. Событія жизни и этотъ міръ голи перекатной открыли ему глаза на многое, и то, на что̀ онъ прежде не обращалъ вниманія, заставляло его теперь думать и передумывать. Думы были тѣмъ тяжелѣе, тѣмъ мрачнѣе, что концомъ всѣхъ размышленій явилось одно роковое слово: «поздно».

Онъ теперь лежалъ все время на спинѣ, машинально слѣдя то за бѣгущими вверху облачками, то за ощущавшимся около него пробужденіемъ столичной жизни. Вотъ потянулись возы молочницъ, съ массой блестящихъ жестяныхъ кувшиновъ и деревянныхъ фляжекъ, заткнутыхъ деревянными пробками, обмотанными тряпицами, и возы огородниковъ, съ грудами овощей, перевязанныхъ мочалами въ гигантскіе пучки, точно букеты изъ свѣтло-кирпичнаго цвѣта моркови, съ кудреватой зеленью, и изъ темнолистной, темномалиновой еще, покрытой землею, свеклы. Вотъ, плетясь на убой, прошлепали, тяжело ступая и увязая чуть не по колѣно въ грязи, пепельнаго цвѣта быки съ огромными рогами—и, кажется, не сосчитать, сколько ихъ прошло, почти отъ самой заставы вплоть до скотопригоннаго двора, протоптавъ дорожку, никогда не просыхающую, хранящую слѣды ихъ, промѣсившихъ эту грязь, крѣпкихъ и широкихъ ногъ; вотъ, раздались усиленные и частые свистки съ полотна Варшавской желѣзной дороги, и начали маневрировать поѣзда, сцѣпляя и отцѣпляя вагоны, точно звенья гигантской цѣпи, готовой соединить вмѣстѣ сотни и тысячи людей, сотни и тысячи пудовъ издѣлій ихъ мозолистыхъ рабочихъ рукъ; вотъ, потянулись жалкія больничныя и мужицкія дроги въ одну лошадь съ некрашеными или вымазанными охрой гробами подъ рваными, какъ рубище нищихъ, покровами, отвозя бѣдныхъ покойниковъ на Митрофаньевское

Digitized by Google

кладбище. Потомъ появились за ними и парныя дроги, съ пучками раскрашеныхъ пѣтушьихъ перьевъ или аляповатыми деревянными высеребренными амурами съ факелами въ рукахъ, по угламъ дрогъ, и четверни, въ затѣйливыхъ попонахъ съ блестящими балдахинами изъ серебряной и золотой парчи, съ покойниками въ позолоченыхъ гробахъ, не боящіеся опоздать къ обѣднѣ, такъ какъ не эти покойники должны поспѣть къ ея началу, а она будетъ ждать ихъ прибытія, какъ бы ни запоздали они,—зачастую и при жизни приходившіе на шапочный разборъ въ церковь, — къ мѣсту своего послѣдняго жилища. Сколько нужно ѣды, — молока, зелени, быковъ,—чтобы могъ жить одинъ этотъ городъ, прожорливый, ненасытный, часто алчущій только потому, что у него завистливые глаза, привередливые вкусы, и сколько въ немъ умираетъ людей, нерѣдко только потому, что имъ вовсе нечего было ѣсть или что они ѣли въ теченіе всей жизни чуть не отбросы всего того, чѣмъ можетъ питаться человѣкъ.

— Вотъ и я умираю... съ голоду умираю!—проговорилъ юноша, вздыхая.—И слава богу! такъ жить нельзя человѣку, какъ я, жить нельзя...

Лѣнтяйничанье въ гимназіи, гдѣ никто не заботился о немъ, никто не наставлялъ его, такъ какъ гимназія не воспитательное, а учебное заведеніе; нелѣпое бѣгство въ родной домъ,—въ этотъ притонъ пьянства, картежной игры, дебоша и разгула,—и праздная жизнь у вѣчно-пьянаго отца, гдѣ убили, по милости того же отца, единственныхъ дорогихъ ему, несчастному юношѣ, людей; не менѣе нелѣпое бѣгство къ матери и сестрѣ, кокоткамъ, не хотѣвшимъ прежде знать его и незамѣтно и мимовольно превратившимъ его въ своей средѣ въ кутящаго и развратничающаго мальчишку-забіяку; грубое и ничѣмъ не оправдываемое оскорбленіе, нанесенное имъ ненавидѣвшему его и ненавистному для него старику-начальнику, и изгнаніе со службы, послѣ чего трудно было бы найти мѣсто даже при извѣстныхъ личныхъ способностяхъ или протекціяхъ; отъѣздъ матери и сестры, бросившихъ его, какъ щенка, на произволъ судьбы, и всѣ позорящія его подробности суда надъ бывшимъ пріятелемъ, жившимъ не лучше его,—все это вспомнилось ему теперь, вспомнилось и впервые освѣтилось настоящимъ свѣтомъ. Его звали лодыремъ. Онъ и дѣй-

Digitized by Google

ствительно былъ не болѣе, какъ лодыремъ. Но развѣ не на эту именно роль создали и воспитали его ближніе? Развѣ не былъ онъ обреченъ на нее со дня рожденія? Это было что-то роковое. Вообще, въ его жизни все было роковымъ. Когда уѣзжала его мать, онъ еще думалъ найти себѣ мѣсто и во всякомъ случаѣ прожить спокойно четыре-пять мѣсяцевъ до возвращенія матери въ Петербургъ, и вдругъ, на другой же день послѣ ея отъѣзда, онъ запилъ... Съ чего? Прочелъ газетное объявленіе матери—и запилъ! Нашло на него тогда то отчаяніе, которое часто безсознательно охватывало его, понуждало къ бѣгству. Прежде въ такія минуты онъ бѣжалъ къ отцу, потомъ къ матери, теперь приходилось бѣжать—къ кабаку. Гостепріимное убѣжище всѣхъ униженныхъ и оскорбленныхъ, слабыхъ духомъ! А кто же изъ униженныхъ и оскорбленныхъ не слабъ духомъ?.. Тѣ, которые вступаютъ въ борьбу съ унижающими и оскорбляющими ихъ,—грабятъ и рѣжутъ оскорбившихъ и унижавшихъ ихъ. Онъ былъ неспособенъ на это, а потому и погибъ. Гостепріимное убѣжище дало ему на время забвеніе, но заплатить за это забвеніе пришлось дорогой цѣной. Сперва онъ заложилъ золотые часы и золотыя запонки; потомъ, продалъ зимнее платье; далѣе, нашелся благодѣтель, который «учелъ», оставленныя матерью на имя сына, деньги, какъ, можетъ быть, не разъ «учитывала» векселя и расписки другихъ такихъ же юношей сама она, его мать. Вѣдь она тоже была одной изъ такихъ благодѣтельницъ... А затѣмъ онъ остался безъ крова, безъ денегъ... Какъ все это быстро совершилось одно за другимъ! Пропить гроши, жалкіе гроши, бывшіе въ его распоряженіи, было такъ легко.

— И развѣ камень, спущенный съ горы, можетъ катиться тихо, если нѣтъ задержки и препятствій?—опять проговорилъ онъ вслухъ, тяжело вздыхая.—Выгнали со службы за буйство; мать бросила, какъ мота и буяна: въ судѣ хуже преступника ошельмовали... покатишься тутъ подъ гору, вплоть до самого «горячаго поля»...

И точно, оно, при современномъ строѣ общества, при нашихъ отношеніяхъ къ ближнимъ, вовсе не такъ далеко отъ свихнувшихся людей, какъ кажется. Исхода для нихъ только два: сума да тюрьма. Правда, есть еще средство спастись: самоубійство. Но для этого нужны силы...

Digitized by Google

При воспоминаніи о судѣ, ему вдругъ ясно вспомнилось, что̀ говорилъ прокуроръ, обвиняя Пташинскаго.

— Конечно, защита укажетъ намъ,—говорилъ прокуроръ,—на ту среду, въ которой вращался подсудимый. Къ несчастію, среда, условія жизни, системы и отвлеченныя понятія не подлежатъ вѣдѣнію суда, не могутъ привлекаться на скамью подсудимыхъ. Судъ можетъ привлекать къ отвѣтственности только живыя лица. Ихъ только и можно карать за тѣ или другія преступныя дѣянія.

Онъ стиснулъ зубы и почти въ ярости прошепталъ задыхающимся голосомъ:

— А меня за что покарали?.. Зачатъ былъ въ пьяномъ видѣ, брошенъ былъ съ колыбели, развращался съ дѣтскихъ лѣтъ... и гибну, гибну за то, что былъ несчастливъ со дня рожденія...

Онъ порывисто приподнялся съ земли, сѣлъ и изподлобья взглянулъ на позолоченыя главы монастырскаго собора. Его обнаженная грудь тяжело дышала, кулаки невольно сжимались. Его охватила какая-то ярость противъ всего и всѣхъ, та безумная ярость, которую прежде испытывалъ онъ только въ пьяномъ видѣ. По его лицу скользнула какая-то тѣнь.

— И сколько разъ хотѣлъ уцѣпиться хоть за что нибудь въ эти сто двадцать дней,—прошепталъ онъ.—За каждую соломенку хватался, какъ утопающій...

Передъ нимъ стали проходить картины его мытарствъ въ исканіяхъ мѣста. Онъ провелъ всѣ эти мѣсяцы, какъ въ лихорадкѣ: то запивалъ съ горя, то отрезвлялся и чуть не валялся въ ногахъ, чтобы ему дали работу. Какой работы онъ искалъ? Всякой, потому что онъ не былъ подготовленъ ни къ одной. На всякомъ мѣстѣ его нужно было бы учить, водить на помочахъ, потому онъ и просилъ не опредѣленныхъ, а «какихъ нибудь» занятій. Онъ готовъ былъ таскать дрова, служить мальчишкой въ лавкѣ, быть разсыльнымъ, идти въ лакеи. Но кому же былъ нуженъ человѣкъ, ищущій «какихъ нибудь» занятій и не подготовленный ни къ какимъ? Кто, ни съ того, ни съ сего, станетъ благотворить пришедшему съ улицы человѣку не подачею ему гроша, Христа ради, а упорною вознею съ нимъ, перевоспитаніемъ его, подготовкою къ труду? Развѣ онъ одинъ такой на свѣтѣ? Развѣ не гибнутъ

Digitized by Google

ежедневно десятки, сотни такихъ лодырей и физически, и нравственно? Почему же именно о немъ нужно было заботиться, изъ-за него хлопотать? Въ немъ нѣтъ даже ни одной симпатичной черты! И вотъ въ одномъ мѣстѣ его не принимали на службу, потому что онъ тщедушный бѣлоручка; въ другомъ,—потому что онъ дворянинъ; въ третьемъ,—потому что онъ былъ выгнанъ со службы за буйство, и «что-то было у него въ судѣ»; въ четвертомъ,—потому что уже по его лицу были видны его дурныя привычки; наконецъ, вездѣ просто потому, что онъ Сорко-Туринъ. А кто же не знаетъ Сорко-Туриныхъ? Лучше и не связываться съ ними и ихъ отродьемъ. И люди были правы: скверная семья, скверное отродье!

— Ужь лучше бы просто взяли да и задушили!—въ отчаяньѣ проговорилъ онъ.

— Что, голышъ, выспался?—послышался насмѣшливый голосъ, зазѣвавшаго и потягивавшагося съ просонья, «учителя».—Что во снѣ видѣлъ?

— А... а... тебѣ-то что?—почти крикнулъ Вадимъ, раздражаясь отъ одного тона, которымъ говорилъ «учитель».—Убирайся къ чорту!

И сердито проворчалъ:

— Всякій... всякій... прохвостъ туда же зубы скалитъ!

— Ишь ты какой сердитый, да не страшный!—опять подшутилъ учитель, кривя ротъ и щуря глаза.

Онъ всегда говорилъ этимъ пренебрежительно-насмѣшливымъ тономъ, издѣваясь надъ кѣмъ нибудь.

— Это ты что же, на слугъ своихъ привыкъ такъ кричать у папаши,—продолжалъ онъ,—или у милой сестрицы на полюбовниковъ ея такъ фыркалъ?

— Отстань ты отъ меня!—крикнулъ Вадимъ.—Чего привязался?

— А ты бы и шелъ туда, гдѣ тебѣ лучше,—посовѣтовалъ съ иронiей учитель.—Жаль только, въ одѣяніи-то твоемъ въ городѣ теперь нельзя показаться... заберутъ...

— Среди васъ и совсѣмъ безо всего останешься... Оберете, да потомъ и издѣваетесь,—еще болѣе раздражительно попрекнулъ Вадимъ, вспомнивъ, что вчера въ компаніи «учителя», «духовника», «емназиста» и «скубента» онъ пропилъ даже послѣднее бѣлье.

Digitized by Google

Кругомъ нихъ просыпалась разная несчастная голь, потягиваясь, зѣвая и понемногу расходясь собирать гроши на хлѣбъ насущный.

— И кто это рѣчи такія говоритъ?—проговорилъ протяжнымъ и жалующимся голосомъ проснувшійся «духовникъ», услыхавъ перебранку Вадима и «учителя».—Не слыхано давно ничего такого!.. Никто здѣсь никого не обиралъ, никогда этого не бывало...

— Молчалъ бы, старый хрычъ, пока тебѣ рта не заколотили!—злобно огрызнулся на него Вадимъ.—Всѣ вы здѣсь хороши... добру научите...

Ему вспомнилось, какъ вчера эта пьяная компанія перечисляла разные свои невинные подвиги. «Скубентъ», со счетомъ отъ гробовщика, ходилъ собирать на похороны матери, причемъ и счетъ былъ поддѣльный, и никакой матери у него не умирало. «Духовникъ» собиралъ на путешествіе въ Іерусалимъ и имѣлъ какую-то поддѣланную сборщицкую книгу. Хвастая мелкими мошенничествами, эта компанія говорила Вадиму, что дуракъ онъ былъ, что не проучилъ мать и сестру. Можно бы ихъ такъ нагрѣть, что потомъ и рта не разинули бы. Что-то зловѣщее было въ тонѣ этихъ совѣтовъ.

— Грабить да убивать—вотъ ваше дѣло!—закончилъ Вадимъ.

— Ага, руками работать не умѣлъ, такъ языкомъ хочетъ хлѣбъ добывать,—презрительно сказалъ «учитель», и въ его голосѣ зазвучала угроза.

— *Лягавый* еще нашелся,—прошамкалъ духовникъ.

Услышавъ про «лягаваго», т. е. про «доносчика», «учитель» на томъ же воровскомъ языкѣ сказалъ:

— Видно, дрова поставлять на Офицерскую думаетъ.

Это значило, что юноша хочетъ доносить.

У всѣхъ мелькнула мысль, не «мѣтка» ли это, не «фигарь» ли, то есть не сыщикъ ли. Кто его знаетъ? Проявился въ ихъ компаніи недавно, не впутался покуда ни въ какое темное дѣло, вообще покуда еще не «работаетъ». А какъ же думаетъ жить, если все уже спустилъ, а «работать», то есть мошенничать, не хочетъ?..

— Видно, не битъ еще!—мрачно произнесъ проснувшійся и поднявшійся съ мѣста «скубентъ», едва открывая опухнувшіе глаза.—Подлецъ эдакій!

Digitized by Google

— Да что ему, лягавому, въ зубы-то смотрѣть! Намять бока, вотъ и будетъ знать, каково языкомъ хлѣбъ зарабатывать,—рѣшилъ задорно «емназистъ», какъ всегда готовый къ бою.—Прохвостъ!

— Ты... ты... что ли, мять-то бока станешь, пьяная тварь!—прикрикнулъ на него Вадимъ.—Мало рожа-то еще бита. Старые синяки, что ли, проходить стали?..

Ему было и жутко при видѣ этихъ людей, готовыхъ напасть на него, и страстно хотѣлось съ кѣмъ-то помѣриться силою, кого-то избить, изувѣчить, кому-то показать себя...

Должно быть, перебранка имѣла зловѣщій характеръ, потому что «субъекты», не принадлежавшіе къ компаніи четырехъ «интеллигентовъ», понемногу стали расходиться съ поля, какъ истые забитые трусы, готовые драться и буянить только въ пьяномъ видѣ. Здѣсь было въ обычаѣ избѣгать быть свидѣтелями безцѣльныхъ ссоръ и дракъ, изъ-за пустяковъ попадать въ исторію, а какъ приведутъ въ полицію, глядишь, и не пустяшныя дѣла всплывутъ наружу. Принимали участіе въ такихъ мелкихъ ссорахъ и дракахъ только въ пьяномъ видѣ, когда люди не вѣдаютъ, что творятъ, когда человѣку и море по колѣно. Перебранка же «интеллигентовъ» все росла и росла. Нецензурныя слова и нецензурные упреки сыпались градомъ. «Емназистъ», приземистый и косолапый, то и дѣло подлеталъ со сжатыми кулаками къ Вадиму, какъ пѣтухъ съ распущенными крыльями, и, наконецъ, напросился на то, что тотъ ударилъ его въ грудь, отталкивая отъ себя, какъ противную гадину. Тотъ не устоялъ и свалился. Этого было довольно, чтобы емназистъ,—задира и жалобщикъ по характеру,—крикнулъ:

— Братцы, да что же это? Дерется еще шваль!

— А ты бы его самого за машинку хватилъ,—посовѣтовалъ духовникъ на своемъ воровскомъ языкѣ, указывая на горло.

Скубентъ, не говоря ни слова, грузный, опухнувшій, красный, тяжело выступилъ впередъ, повалилъ Вадима и, тяжело дыша, какъ паровикъ, сѣлъ на него верхомъ. Двѣ послѣднія пуговицы разомъ слетѣли съ одежды юноши. Онъ сталъ выбиваться руками и ногами изъ-подъ тяжелой туши, налегшей на него, а могучіе кулаки точно барабанили по его

Digitized by Google

лицу. Емназистъ, низенькій, кривоногій, угреватый, широко осклабляясь отъ удовольствія, только подзадоривалъ и поощрялъ:

— Лупи лягаваго, лупи!.. Намни ему бока-то!..

Всѣ они были еще какъ бы въ угарѣ отъ вчерашняго пьянства. Впрочемъ, вполнѣ трезвыми едва ли когда нибудь можно было ихъ встрѣтить.

— Ну, чего тамъ еще... отлупили и довольно,—сказалъ, потягиваясь, учитель.—Ишь смирился барчукъ... Идемъ въ кабакъ...

Скубентъ теперь уже не билъ противника, а давилъ ему горло, встряхивая его:

— Что, лягавый... дрова поставлять на Офицерскую будешь?.. Языкомъ хлѣбъ добывать станешь?..

«Какъ бѣшеную собаку душатъ»! мелькало въ головѣ Вадима, а въ глазахъ, вслѣдъ за какимъ-то кровавымъ свѣтомъ, все окрасилось въ чудный лазурный цвѣтъ, точно синее-синее море слилось съ такимъ же синимъ-синимъ небомъ, и онъ поплылъ въ этомъ, полномъ свѣта и тепла, безбрежномъ пространствѣ. «Что жь и стоитъ»,—опять мелькнула въ его головѣ мысль, но мелькнула, не вызвавъ ни боли, ни раздраженія.—«Такъ и надо... Собакѣ собачья и смерть».

Онъ уже не ругался, не злился, даже не думалъ, что его душатъ, что онъ умираетъ, а только чувствовалъ, что ему такъ жарко, какъ въ горячей банѣ, что ему такъ хорошо въ этомъ безбрежномъ синемъ небѣ-морѣ. Изъ его груди даже вылетѣло едва слышнымъ вздохомъ это слово, котораго никто не разобралъ:

— Хо-ро-шо!

— Да брось его, лягаваго. Ишь смирился, ну, и брось!—скомандовалъ учитель, и какое-то чувство тревоги за себя шевельнулось въ немъ.

Тяжелая туша разжала свои руки-клещи, давившія чужое горло, и поднялся съ чужой груди, тяжело дыша отъ усталости, и, вмѣстѣ съ тремя товарищами, ворча что-то про подлецовъ-лягавыхъ, потащилась по кочкамъ.

День уже вполнѣ вступилъ въ свои права, и яркое солнце заливало своими лучами все «горячее поле», и густую, зеленую траву, и слѣды мусора, еще не заросшіе ею, и какія-то гряз-

Digitized by Google

ныя тряпки, служившія недавно одеждой человѣка, и бѣлое, со струйками крови на вискѣ, прекрасное въ своей наготѣ, молодое тѣло, почти уже не прикрытое никакимъ тряпьемъ и не нуждавшееся болѣе, вообще, ни въ какихъ земныхъ лохмотьяхъ...

А. Михайловъ.

Конецъ.

Digitized by Google

Разрывъ-трава.

(Изъ Рудольфа Баумбаха).

Мой дятелъ—въ ботаникѣ истинный геній:
Онъ знаетъ немало чудесныхъ растеній,
Цвѣтущихъ незримо и тайно весной,
Далеко-далеко въ трущобѣ лѣсной.

Особенно онъ сберегаетъ ревниво
Отъ взора людскаго «чудесное диво».
Достать это «диво» для насъ мудрено,—
Разрывомъ-травою зовется оно.

Владѣющій имъ не узнаетъ потери:
Оно открываетъ калитки и двери,
Оно разрываетъ легко на куски,
Какъ тонкія ткани, стальные замки.

Послушай-ка, дятелъ! Нельзя ли со мною
Тебѣ подѣлиться разрывомъ-травою?
Клянусь, я не буду, какъ воръ и злодѣй,
Замки разбивать у богатыхъ людей.

Копѣйки чужой я не трону, и даже
Меня не поймаютъ въ невиннѣйшей кражѣ:
Въ подвалъ монастырскій (хоть выпить не прочь!)
Спускаться не стану я каждую ночь...

Но, дятелъ, охотно покаюсь тебѣ я:
Есть дѣвушка—прелесть... Смущаясь, робѣя,
Къ сердечку ея приближаюсь тайкомъ;
Она его держитъ подъ крѣпкимъ замкомъ.

Digitized by Google

Готовъ я войти къ небесамъ съ «челобитной»:
Зачѣмъ это сердце любовію скрытной
Кого-то согрѣло, отдавшись мечтамъ?
И кто въ немъ хозяинъ? Живу ли я тамъ?

Разрывомъ-травой я его отомкнулъ бы,
И тихо, и нѣжно въ него заглянулъ бы;
Но если «чужаго» нашелъ бы я въ немъ,—
Ревниво не вспыхнулъ бы страстнымъ огнемъ.

Напрасно не мучась любовью тревожной,
Я быстро схватилъ бы мой посохъ дорожный
И снова пошелъ бы блуждать,—на пути
Стараясь другое сердечко найти.

Л. Трефолевъ.

Digitized by Google

Рабочій трудъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.

I.

Англичане всегда строго судили американцевъ. Достаточно вспомнить, какъ Диккенсъ отдѣлалъ бѣдныхъ янки въ своемъ превосходномъ романѣ подъ заглавіемъ: «Жизнь и приключенія Мартина Чёзльвита, его родныхъ, друзей и враговъ». Когда одного изъ героевъ этого романа спросили, какъ бы онъ изобразилъ американскаго орла, еслибы былъ художникомъ, то онъ съ паѳосомъ отвѣтилъ, что нарисовалъ бы его «въ видѣ летучей мыши въ знакъ его близорукости; въ видѣ пѣтуха въ знакъ его тщеславія; въ видѣ сороки—въ знакъ его честности: въ видѣ страуса, потому что онъ прячетъ голову въ грязь и думаетъ, что этого никто не замѣчаетъ, и въ видѣ феникса—за его способность возрождаться изъ пепла своихъ собственныхъ пороковъ и снова возноситься къ небу»!

Но со временъ, когда Диккенсъ написалъ эти строки, подъ которыми охотно подпишется всякій англичанинъ, утекло много воды и Соединенные Штаты стали неузнаваемы даже съ внѣшней стороны. Вотъ маленькая историко-статистическая справка. Когда Соединенные Штаты сбросили съ себя англійское иго, территоріальныя владѣнія бѣднаго дядюшки Сама ограничивались къ востоку—Миссисипи, а къ югу—штатомъ Флоридой. Затѣмъ американцы прикупили Луизіану, заплативъ за эту покупочку 12 милліоновъ свѣтленькихъ долларовъ (въ 1803 году); къ этому періоду ихъ владѣнія значительно округлились и представляли собою ни болѣе, ни менѣе, какъ площадь въ 3 милл. кв. десятинъ.

Затѣмъ дальнѣйшія пріобрѣтенія шли въ слѣдующей постепенности: въ 1821 году пріобрѣтена была Флорида за 5 милліоновъ долларовъ, въ 1845 году присоединенъ Техасъ; засимъ Мексика продала, за 15 милліоновъ долларовъ, $1^1/_2$ милл. кв. километровъ

Digitized by Google

земли, а въ 1853 году присоединены покупкой зѣмли, составляющія нынѣ штатъ Аризону и Новую Мексику. За этотъ участокъ заплачено 10 милліоновъ долларовъ. Наконецъ, въ 1867 году купленъ полуостровъ Аляска за 7 милліоновъ долларовъ и вся поверхность Соединенныхъ Штатовъ достигла величины 9.300,000 квадр. километровъ. Возрастаніе народонаселенія штатовъ совершалось съ еще болѣе поразительной энергіей. Въ 1790 году число жителей не достигало и четырехъ милліоновъ, а спустя сто лѣтъ эта цифра перевалила за 62 милліона. Такимъ образомъ, народонаселеніе возросло еще быстрѣе, чѣмъ росла территорія. Къ 1890 году территорія за сто лѣтъ увеличилась лишь въ четыре съ половиной раза, а населеніе возросло въ пятнадцать разъ. Впрочемъ, плотность населенія въ Соединенныхъ Штатахъ и теперь еще не велика (6, 7 человѣкъ на квадрат. километръ) и даже ниже русской и норвежской. Наиболѣе населенныя страны западной Европы въ этомъ отношеніи не могутъ даже сравниваться съ Соединенными Штатами. По общей цифрѣ населенія, Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты занимаютъ четвертое мѣсто послѣ Китая (385 милл.), Индіи и Россіи. За одно лишь послѣднее тридцатилѣтіе число американскихъ гражданъ удвоилось, тогда какъ въ тотъ же періодъ времени населеніе Франціи увеличилось лишь на три процента, а Англіи и Ирландіи—на 29%.

Впрочемъ, возрастаніе народонаселенія совершается далеко не равномѣрно во всѣхъ штатахъ. Имѣются штаты, которые въ этомъ отношеніи остановились на точкѣ замерзанія. Таковы штаты Мэнъ и Вермонтъ. Въ штатѣ Невада даже замѣчается убыль въ населеніи. Сто лѣтъ тому назадъ, самымъ населеннымъ штатомъ считалась Виргинія, въ 1820 году первое мѣсто занялъ штатъ Нью-Іоркъ и удержалъ его до переписи послѣднихъ лѣтъ. Въ настоящій моментъ, самыми населенными штатами являются Нью-Іоркъ и Пенсильванія. Въ обоихъ почти по 6 милл. жителей. Затѣмъ идутъ штаты Иллинойсъ (3.800,000) и Огіо (3.670,000), а пятое мѣсто занимаетъ штатъ Миссури (2.670,000).

Распредѣленіе жителей на горожанъ и сельчанъ въ Америкѣ нѣсколько произвольно. Перепись разсматриваетъ всякую общину, имѣющую свыше 8,000 душъ, какъ городское населеніе. И съ этой точки зрѣнія, сто лѣтъ тому назадъ, горожанъ считалось всего 131 тысяча противъ 3.797,000 обитателей деревни. Теперь эти цифры измѣнились до неузнаваемости: горожанъ стало восемнадцать милліоновъ, а сельчанъ—44 милліона. Другими словами, сто лѣтъ тому назадъ, городскаго населенія считалось всего лишь *три* процента, а теперь свыше *29*. Россія,—которую по преимуществу можно на-

Digitized by Google

звать деревенской страной,—въ 1882 году имѣла городскаго населенія 11,9%, т. е. почти впятеро меньше, чѣмъ въ Англіи, вчетверо меньше, чѣмъ въ Саксоніи, и почти втрое меньше, чѣмъ въ Пруссіи и во Франціи.

Въ 1790 году, въ Соединенныхъ Штатахъ Америки всего лишь шесть городовъ имѣли свыше 8,000 жителей, теперь же такихъ городовъ 443. Примѣняя эту мѣрку къ Россіи, получимъ, что у насъ число такихъ поселеній доходитъ до 454 (считая и Финляндію). Всего сильнѣе развито городское населеніе въ штатѣ Родъ-Эйландъ, гдѣ города вобрали въ себя свыше трехъ четвертей всѣхъ жителей (78%), затѣмъ въ Массачусетѣ (69%) и въ Нью-Іоркѣ (59,5%).

Въ 1870 году, въ штатахъ было всего лишь 14 городовъ, въ которыхъ считалось свыше ста тысячей жителей въ каждомъ; спустя десять лѣтъ, такихъ городовъ стало двадцать, а еще спустя 10 лѣтъ—двадцать восемь. Общая сумма жителей въ этихъ 28 городахъ равна 9.788,150 человѣкъ; другими словами, эти города впитали въ себя 15 процентовъ всего населенія. У насъ въ Россіи такихъ городовъ въ послѣднее время имѣется всего лишь 17, съ населеніемъ въ 4.480,000. Наконецъ, въ штатахъ считается одиннадцать городовъ съ населеніемъ свыше четверти милліона въ каждомъ.

Вотъ эти города: Нью-Іоркъ—1½ милліона, Чикаго—1.100,000, Филадельфія 1.040,000, Бруклинъ — 800 т. [1]), С.-Луи—451 т., Бостонъ—448 т., Балтимора 434 т., С. Франциско—298 т., Цинцинати—296 т., Кливелендъ—261 т. и Буффало—255 т. У насъ такихъ городовъ всего пять:—обѣ столицы, Варшава, Одесса и, вѣроятно, *Лодзь*. Быть можетъ, предстоящая въ скоромъ времени, всероссійская перепись прибавитъ къ этому списку какой нибудь шестой городъ. Среднее число членовъ одной семьи, за послѣднія 40 лѣтъ, нѣсколько уменьшилось въ Америкѣ и упало съ 5,55 на 4,93. Наивысшее среднее число падаетъ на южные штаты, да и то въ этомъ отношеніи американцы обязаны своимъ чернымъ согражданамъ, которые отличаются значительною плодливостью. Съ точки зрѣнія половъ, послѣдняя перепись показала, что мужчинъ въ штатахъ почти на 1½ милліона болѣе, чѣмъ женщинъ,—именно первыхъ 32 милліона, а вторыхъ—30 милл. съ половиной. Въ Европѣ наблюдается, какъ извѣстно, обратное явленіе и чувствуется нѣкоторый перевѣсъ въ количествѣ прекраснаго пола надъ бородатымъ человѣчествомъ. Для Россіи всѣ эти факты и, конечно, многіе другіе будутъ освѣщены лишь послѣ ожидаемой переписи, которая вообще будетъ, вѣроятно, чревата многими сюрпризами.

[1]) Въ сущности, это тотъ же Нью-Іоркъ.

Digitized by Google

О числѣ американскихъ негровъ мы уже говорили раньше; чернокожихъ и мулатовъ здѣсь приходится почти 12 человѣкъ на каждую сотню населенія; другими словами, всѣхъ ихъ почти 7½ милл. человѣкъ. Чернокожее человѣчество далеко, какъ мы знаемъ, не вымираетъ, а постоянно растетъ, хотя, конечно, и не въ той пропорціи, какъ идетъ приростъ бѣднолицыхъ джентльменовъ, благодаря волнамъ европейской иммиграціи. Въ Луизіанѣ, цвѣтное народонаселеніе составляетъ половину всѣхъ обитателей страны; въ штатахъ Миссисипи и южной Каролинѣ негры составляютъ три пятыхъ всего населенія и по одной трети—въ береговыхъ областяхъ между Виргиніей и Луизіаной. Въ послѣднее время обнаружено замѣтное распространеніе цвѣтнаго человѣчества по направленію къ югу. Китайцы стали переселяться въ штаты, можно сказать, на нашихъ глазахъ, именно въ 1854 году; сперва ежегодно пріѣзжало отъ четырехъ до пяти тысячъ человѣкъ; такъ продолжалось до 1870 года, когда началась массовая эмиграція сыновъ небесной имперіи въ помѣстье бѣднаго дядюшки Сама. Американцы забили тревогу и издали извѣстный законъ, не допускающій новыхъ китайскихъ эмигрантовъ и изгоняющій старыхъ (1882 годъ). Тѣмъ не менѣе, въ штатахъ и теперь проживаетъ не менѣе 106 т. желтолицыхъ сыновъ Азіи. Число индѣйцевъ, которымъ мы посвятили въ «Наблюдателѣ» особую главу нашихъ очерковъ, доходитъ до 250 т. Вообще иностранцы составляютъ нынѣ почти 11% американскаго населенія; въ шестидесятыхъ же годахъ этотъ процентъ доходилъ до 13. Послѣдняя перепись показала, что бо̀льшая часть населенія «сидитъ на землѣ», т. е. занято земледѣліемъ, и съ этой точки зрѣнія Америку можно назвать страною по преимуществу земледѣльческой, но если обратиться къ стоимости получаемыхъ продуктовъ, то промышленность станетъ на первое мѣсто, ибо она въ 1890 году произвела цѣнностей болѣе нежели на 20 милліардовъ франковъ, тогда какъ земледѣліе дало продуктовъ лишь на 13 милліардовъ.

Табакъ культивируется нынѣ въ 42 штатахъ и территоріяхъ (всѣхъ штатовъ 50), но почти половина всего табаку даетъ штатъ Кентуки. Американскую пшеницу можно увидать на всѣхъ рынкахъ Новаго Свѣта и хлѣбныя поля штатовъ могутъ соперничать съ необозримыми нивами нашего отечества [1]). Во время всемірной

[1]) Въ 1895 г. Россія произвела хлѣбнаго зерна 130 милліоновъ гектолитровъ (въ 1893 г.—124 милл., въ 1894 г.—160 милл.), а Соединенные Штаты дали въ 1895 году—155 милл. гектолитровъ (въ 1893 г.—165 милл. и въ 1894 г.—185 милл.). Соперничать съ этими цифрами могутъ лишь Франція (120 милл. гектолитровъ) и Индія (до 100 милл. гектолитровъ).

Digitized by Google

выставки въ Чикаго, американцы вздумали показать пріѣзжимъ гостямъ свои житницы. Экскурсія была организована въ грандіозныхъ, чисто американскихъ размѣрахъ. Насъ, приглашенныхъ, было 200 человѣкъ. Спеціально были приглашены писатели, журналисты и корреспонденты, собравшіеся въ Чикаго со всѣхъ концовъ свѣта. Изъ русскихъ приглашенъ былъ одинъ только я, въ качествѣ представителя русской прессы, не считая двухъ или трехъ лицъ, занимавшихъ офиціальное положеніе при выставочномъ русскомъ комисаріатѣ. Экскурсія была разсчитана на десять дней и въ распоряженіе наше былъ снаряженъ роскошный экстренный поѣздъ, состоявшій изъ знаменитыхъ пульмановскихъ вагоновъ, съ чудеснымъ рестораномъ, въ изобиліи снабженнымъ яствами и питіями. Десять дней возили гостей по сѣверной Дакотѣ, поили, кормили, поливали шампанскимъ, показывали поля, фермы, земледѣльческія орудія, и въ заключеніе поднесли каждому экскурсанту по прекрасному портфелю на память. Въ моемъ портфелѣ, обдѣланномъ серебромъ, сдѣлана такая надпись: «Souvenir of the Harvest, Larimore, North Dakota, august 29, 1893». Средства на экскурсію дало богатѣйшее общество сѣверной междуокеанійской желѣзной дороги. Въ числѣ представителей финансовой науки, въ поѣздкѣ принималъ участіе, между прочимъ, извѣстный мюнхенскій профессоръ Вальтеръ Лотцъ, одинъ изъ наиболѣе выдающихся учениковъ знаменитаго Брентано, а самая поѣздка прекрасно описана даровитымъ польскимъ публицистомъ Людвигомъ Крживицкимъ въ его книгѣ: «Za Atlantykiem». Возили насъ съ огромною скоростью. Вообще, на лучшихъ линіяхъ въ Америкѣ ѣздятъ даже скорѣе, чѣмъ въ Англіи. Такъ, мнѣ пришлось проѣхать въ экстренномъ поѣздѣ, который выѣхалъ изъ Нью-Іорка 11 сентября, въ 5 час. 40 мин. утра, и прибылъ въ Буфало въ 12 ч. пополудни и 34 минуты. Такимъ образомъ, разстояніе въ 700 верстъ было сдѣлано въ 6 часовъ 47 минутъ, вычитая остановки; среднимъ числомъ поѣздъ шелъ съ головокружительной скоростью свыше 100 верстъ въ часъ!

Капиталъ, служащій для промышленныхъ цѣлей, болѣе чѣмъ учетверился въ послѣднія сорокъ лѣтъ въ Америкѣ. Вотъ нѣсколько круглыхъ цифръ изъ этой области. Промышленный капиталъ доходитъ до 31 милліарда франковъ. Армія фабричныхъ работниковъ считаетъ въ своихъ рядахъ почти 5 милліоновъ. Зарабатываетъ вся эта армія около 10 милліардовъ и производитъ продукта на 42 милліарда. Средній годовой заработокъ средняго фабричнаго рабочаго въ 1850 году равнялся на наши деньги 308 рублямъ, въ 1890 году эта норма почти удвоилась и дошла до 540 рублей.

Digitized by Google

Съ положеніемъ фабричнаго работника въ штатахъ стóитъ ознакомиться подробнѣе.

Большинство населенія всѣхъ странъ живетъ, какъ извѣстно, въ настоящее время на счетъ своихъ заработковъ, т. е. на счетъ получаемой заработной платы. Гдѣ нѣтъ рабовъ и крѣпостныхъ, тамъ главная категорія доходовъ слагается изъ заработной платы. Желѣзный законъ заработной платы, съ такимъ остроуміемъ развитый Ф. Лассалемъ, далеко не выясняетъ всѣхъ условій, отъ которыхъ зависитъ средній размѣръ заработной платы. Трудъ несчастнаго каменьщика, который моститъ булыжную мостовую, никогда не сравняется съ оплатой высшихъ квалифицированныхъ видовъ труда, которые даютъ иногда грандіозно-исключительныя величины. Такъ напримѣръ, знаменитый Диккенсъ за нѣсколько публичныхъ лекцій, прочитанныхъ въ Нью-Іоркѣ и другихъ большихъ городахъ Америки, заработалъ свыше 200 тысячъ рублей чистыми деньгами [1]). Гаррисонъ, бывшій президентомъ штатовъ до Клевеленда, получилъ отъ редакціи иллюстрированнаго журнала «The Cosmopolitan» по доллару за каждое слово, за свою статью о выставкѣ въ Чикаго. Статья по содержанію вполнѣ ничтожна, но подписана: «Ex-president Harrison». А труды Патти, Сарры Бернаръ и тому подобныхъ усладителей человѣческаго сплина и утѣшителей въ моменты меланхоліи? Пожалуй, иной капиталистъ позавидуетъ заработку такихъ поденныхъ работъ!

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что въ Соединенныхъ Штатахъ величина заработной платы далеко не опредѣляется потребностями первой необходимости и культурными привычками (Standart of live) рабочаго класса, ибо иначе не могло бы существовать такого разнообразія заработныхъ платъ для однѣхъ и тѣхъ же профессій, но въ различныхъ мѣстностяхъ страны, гдѣ стоимость жизни совершенно одинакова. Такъ напримѣръ, сельскій рабочій въ штатѣ Кентуки получаетъ въ мѣсяцъ 25 руб. мет., а въ штатѣ Айова, по крайней мѣрѣ, въ полтора раза больше, между тѣмъ за прокормъ взрослаго работника и тамъ, и тутъ берутъ не болѣе 10 руб. мет. въ мѣсяцъ. Мы какъ разъ взяли примѣры двухъ почти сосѣднихъ штатовъ, а не какихъ нибудь Орегона и Флориды, которые находятся на различныхъ концахъ американской территоріи.

Кажется, Мёльгаль (Mulhall) разсчиталъ, что во всѣхъ европейскихъ государствахъ и въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ еже-

---

[1]) Диккенсъ оставилъ послѣ смерти около 1 милл. руб. состоянія, а Тролопъ еще больше. Всѣ эти деньги были заработаны перомъ.

Digitized by Google

годно расходуется на пищу 3 милліарда фунтовъ стерлинговъ, а изъ нихъ почти пятая часть (18%) идетъ на покупку хлѣба. Еслибъ все человѣчество питалось въ толстовскихъ столовыхъ (1 р. 10 к. въ мѣсяцъ на человѣка), то, конечно, этотъ разсчетъ Мельгаля пришлось бы сильно измѣнить. Вообще, довѣрять вычисленіямъ Мельгаля нужно съ большою осторожностью и многіе серьезные ученые прямо называютъ его статистикомъ-фантазеромъ. Можно считать, что въ странахъ даже наиболѣе склонныхъ къ вегетаріанскому режиму человѣкъ съѣдаетъ, среднимъ числомъ, хлѣба около фунта съ небольшимъ при наличности, конечно, другой пищи, и статистика бо̀льшей части европейскихъ государствъ показываетъ, что хлѣба, главнымъ образомъ ржи и пшеницы, на одного человѣка въ годъ расходуется около 10 пудовъ.

Строго говоря, въ это же число входитъ и тотъ хлѣбъ, который нейдетъ прямо на пищу, а поступаетъ на переработку (винокуреніе, крахмальное дѣло, пивовареніе и т. д.), но мы, во избѣжаніе упрека въ натяжкѣ, оставимъ взятое число безъ всякой поправки. Статистикой установлено далѣе, что расходъ на хлѣбъ представляетъ собою около $^1/_{10}$ или $^1/_{12}$ всѣхъ остальныхъ необходимыхъ расходовъ, которые несетъ европейскій работникъ. Сюда, слѣдовательно, нужно включить расходы на остальныя части пищи, на одежду, жилище и на уплату податей. Далѣе, если принять, что покупка 10 пудовъ хлѣба обходится среднимъ числомъ (въ послѣдніе годы) отъ 10 до 12 рублей, то, такимъ образомъ, удовлетвореніе первыхъ потребностей для одного человѣка во всѣхъ европейскихъ странахъ стоитъ не болѣе 120—150 рублей въ годъ. Но что же это за потребности? Еще Джонъ Стюартъ Милль опредѣлялъ, что на содержаніе въ Англіи одного рабочаго съ двумя дѣтьми нужно въ годъ 50 фунтовъ стерлинговъ. Въ другомъ мѣстѣ мнѣ неоднократно приходилось показывать, что бюджетъ русскаго работника составляется далеко не похоже на бюджетъ иностраннаго рабочаго и что у насъ зачастую три четверти бюджета уходятъ на пищу, а въ частности расходы на хлѣбъ и муку зачастую составляютъ пятую и даже четвертую (а не двѣнадцатую) часть всѣхъ расходовъ.

Кто знакомъ съ пищей французскаго фабричнаго работника, тотъ отлично знаетъ, насколько она не похожа на пищу нашего рабочаго, и у Золя, въ его «Жерминалѣ», рабочіе начинаютъ свирѣпѣть, если получаютъ на завтракъ хлѣбъ съ масломъ и кофе съ молокомъ!

Мнѣ пришлось прогостить 3 дня у рабочаго американца, живущаго въ Пульмановскомъ городкѣ. Правда, мой рабочій былъ хоро-

Digitized by Google

шимъ слесаремъ и заработывалъ не менѣе 2—3 долларовъ въ день. Ежедневно семья его, состоявшая изъ жены, тещи и двухъ ребятъ, получала слѣдующее продовольствіе: рано утромъ, передъ уходомъ главы семьи на фабрику, всѣмъ подается завтракъ (breakfast), въ составъ котораго входятъ: прекрасный кофе, молоко, хлѣбъ, масло и какой нибудь мясной консервъ, чаще всего армуровская солонина или языкъ; въ 12 часовъ всѣ обѣдаютъ, причемъ зачастую дается два мясныхъ блюда, тоже солонина, языкъ, картофель и проч. Въ 4 — 5 часовъ подается чай, непремѣнно съ хлѣбомъ и масломъ, а вечеромъ снова ѣдятъ и приканчиваютъ всѣ обѣденные остатки.

При обсужденіи вопроса о питаніи американскаго работника, необходимо помнить, что качество этого питанія опредѣляется, между прочимъ, малочисленностью американской семьи сравнительно съ семьей европейскаго работника и тѣмъ обстоятельствомъ, что предметы первой необходимости стоютъ меньше въ Старомъ Свѣтѣ, нежели въ Новомъ. Такимъ образомъ, на свои первыя потребности американецъ затрачиваетъ меньшую сумму денегъ, нежели европейскій работникъ. Офиціальная литература по рабочему вопросу въ штатахъ поставлена необычайно высоко. Въ 30-ти штатахъ изъ 44 организованы нынѣ спеціальныя учрежденія или бюро, которыя систематически изучаютъ и разрабатываютъ вопросы рабочей статистики въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова (Bureau of Labour). При министерствѣ внутреннихъ дѣлъ имѣется уже лѣтъ десять спеціальный департаментъ, занятый разработкой, сводкой и обобщеніемъ всѣхъ бюро въ разныхъ штатахъ.

Такъ вотъ работы этого-то Вашингтонскаго департамента of Labour самымъ неопровержимымъ образомъ показали, что среднія цѣны мяса, которое подается на столъ рабочаго, выше въ Германіи на 23%, въ Бельгіи на 47%, въ Великобританіи на 50%, во Франціи на 52%. Сахаръ въ Англіи вдвое дешевле, чѣмъ въ штатахъ, но въ Германіи онъ дороже на 19%, въ Бельгіи на 51%, во Франціи на 34%. Масло въ Англіи дороже на 4%, въ Бельгіи на 9%, въ Германіи на 22% и во Франціи на 35%. Кофе, хлѣбъ, молоко, яйца стоютъ въ штатахъ приблизительно на 15—60% дешевле, чѣмъ въ Новомъ Свѣтѣ. Знаменитый статистикъ Гульдъ составилъ любопытную таблицу, которая наглядно выясняетъ превосходство питанія рабочаго американца сравнительно съ его европейскимъ собратомъ. Онъ обозначилъ числомъ 100 цѣны всякихъ съѣстныхъ припасовъ въ Соединенныхъ Штатахъ и рядомъ помѣстилъ соотвѣтствующія цѣны въ Новомъ Свѣтѣ. Получилась слѣдующая поучительная картина.

Digitized by Google

Названіе съѣстныхъ припасовъ.	Штаты.	Англія.	Бельгія.	Германія.	Франція.
Мясо	100	150	147	123	152
Картофель	100	103	70	50	119
Масло	100	104	109	122	135
Сахаръ	100	50	151	119	184
Кофе	100	140	113	119	167

Если развивать дальше выводы изъ этой таблицы, то можно доказать, что, въ среднемъ, европейскій рабочій потребляетъ лишь третью часть мяса, составляющаго норму потребленія американскаго работника, потребляетъ на половину меньше сала, на $^1/_6$ меньше яицъ, меньше кофе, и т. д., и т. д. Зато картофель въ Европѣ дешевле и въ Старомъ Свѣтѣ рабочіе злоупотребляютъ имъ... Кстати, о картофелѣ. На колумбійской выставкѣ я видѣлъ экземпляръ этого фрукта, выставленный нѣкіимъ Сваномъ изъ Ловеленда (Колорадо). Этотъ рѣдкій, чудовищный по величинѣ, экземпляръ имѣлъ въ длину 70 сантиметровъ, въ діаметрѣ достигалъ 37 сантиметровъ и вѣсилъ 49 килограммовъ, т. е. ни болѣе, ни менѣе какъ два съ половиной пуда! Двѣ такихъ почтенныхъ картофелины не принести съ рынка ни одной кухаркѣ. Въ Америкѣ эта разновидность извѣстна подъ названіемъ *Maggie Murphy* и отличается большимъ плодородіемъ. Въ объявленіяхъ Свана значилось, что съ одного акра картофельнаго поля онъ собралъ 430 бушелей картофеля [1]). Въ переводѣ на русскія цифры это даетъ приблизительный урожай съ десятины въ 200 четвертей. Подобные урожаи неизвѣстны въ Россіи, и половина этого количества у насъ считается уже небывалой роскошью. Въ Россіи подъ картофель, который играетъ видную роль въ продовольствіи, отводится ежегодно площадь въ 1.375,176 десятинъ (2% всей площади русскаго засѣва). Съ этого пространства было снято, въ 1894 году, 47 милліоновъ четвертей, т. е. около 35 четвер. съ десятины.

До какой степени не одинаковы бюджеты русскаго и иностраннаго рабочаго, еще лучше видно на слѣдующемъ примѣрѣ. Въ Россіи рабочій на сахарномъ заводѣ, при готовой квартирѣ и отопленіи, получаетъ, среднимъ числомъ, около 8 руб. въ мѣсяцъ, а во Франціи около 24 руб. Если даже допустить, что во Франціи цѣны на всѣ продукты вдвое выше нашихъ,—чего нѣтъ на самомъ дѣлѣ,—то и тогда разница выдетъ колоссальная.

Между тѣмъ, американскій рабочій относится къ французскому

[1]) 1 акръ равенъ приблизительно трети десятины, а бушель, примѣрно, равенъ 10 гарнцамъ.

Digitized by Google

такъ, какъ послѣдній къ нашему. Для доказательства приведу параллельно бюджеты русскаго рабочаго, француза и американца. Всѣ три бюджета относятся къ профессіи прядильщика. У русскаго (Привислянскій край), при работѣ по 11 часовъ день, въ теченіе 323 дней въ году, заработокъ даетъ 140 руб. въ годъ, у француза—380 руб. (340 дней работы) и у американца (313 дней)—650 руб.

Не приводя подробно отдѣльныхъ статей расходнаго бюджета русскаго рабочаго, приведу только бюджетъ американскаго работника изъ штата Массачусетсъ, руководствуясь образцовыми изслѣдованіями Райта (*Wright*).

Пищевые продукты составляютъ почти 41 процентъ всего бюджета, поглощая почти 300 руб. сер. Но зато тутъ одного мяса соленаго и свѣжаго—на 75 рублей, да, кромѣ того, свинаго сала на 20 рублей, да масла на 40 рублей. Одного кофе расходуетъ такой рабочій 48 фунтовъ, да вышиваетъ 6 фунтовъ чаю (семья американца состоитъ изъ жены и двоихъ дѣтей). Сахару эти рабочіе съѣдаютъ болѣе двухъ пудовъ въ годъ, да зелени, фруктовъ и молока—на 55 руб. въ годъ.

Квартира, освѣщеніе и отопленіе поглощаютъ 23 процента (около 160 руб.) и почти столько же одежда, обувь и бѣлье (21 проц.). Довольно дорого обходятся докторъ и лѣкарство (около 30 рублей въ годъ) и, наконецъ, на газеты (10 р.) и на разныя мелочи американецъ можетъ удѣлять до 70 руб. въ годъ, внося изъ этого до 20 рубл. за страховку своей жизни, что собственно и составляетъ его сбереженіе. Правда, на театръ и на другія удовольствія немного можетъ быть удѣлено въ этомъ бюджетѣ, но какая же разница съ нашимъ бюджетомъ, гдѣ мяса и сала на шесть душъ покупается въ годъ на 19 рублей.

Заработная плата на американскихъ фабрикахъ почти всюду задѣльная. Извѣстно, что заработная плата вообще дѣлится на срочную (день, мѣсяцъ, годъ) и штучную, или задѣльную. Въ крупныхъ производствахъ нынѣ почти повсемѣстно первый видъ платы вытѣсненъ вторымъ, съ цѣлью увеличить интенсивность труда работниковъ.

Для штата Иллинойсъ, для котораго мы могли лично провѣрить офиціальныя статистическія данныя, заработная плата, т. е. то, что можно среднимъ числомъ выработать въ день, при 10-часовой работѣ, колеблется между $1^1/_2$ и $2^1/_2$ рублями металлическими. Такимъ образомъ, въ годъ, при 300 дняхъ работы, можно среднимъ числомъ выработать отъ 450 до 750 руб. золотомъ. Наибольшую плату получаютъ наборщики, литейщики, каменьщики на постройкахъ, рабочіе на фабрикахъ земледѣльческихъ машинъ, при судо-

Digitized by Google

строеніи и на часовыхъ фабрикахъ; среднее мѣсто, т. е. около 2 рублей металлическихъ въ день, вырабатываютъ мельники, кожевники, металлургическіе рабочіе, рабочіе на фабрикахъ мясныхъ консервовъ, мыловары, кирпичники; наконецъ, наименьшая плата приходится на долю простыхъ рабочихъ на лѣсопильняхъ. Заработокъ углекоповъ, сравнительно, очень великъ. Такъ, въ одной копи, которую намъ пришлось посѣтить, съ 535 рабочими, только 68 человѣкъ получало меньше 400 рублей въ годъ; почти половина зарабатывала между 400—625 руб. и треть добывала отъ 625 до 875 руб.—все золотомъ.

Желающихъ подробнѣе ознакомиться съ вопросомъ о заработной платѣ въ разныхъ отрасляхъ труда въ Америкѣ, а также съ расходными бюджетами американскаго работника, мы отсылаемъ къ капитальнымъ трудамъ «бюро работы» штата Массачусетсъ. Въ этихъ капитальныхъ трудахъ можно найти массу матеріала для сравненія американской заработной платы съ платой, получаемой рабочими въ Англіи. Для исполненія этой части работы, бюро не остановилось передъ затратами, связанными съ командировкой спеціальныхъ статистиковъ въ Англію для изученія этого вопроса на мѣстѣ. Въ результатѣ оказалось, что, въ среднемъ, англійскій рабочій получаетъ на 60 слишкомъ процентовъ меньше за свой трудъ, нежели американецъ. Равномѣрно съ этимъ, англійскій рабочій и питается хуже американскаго. Еще Энгель показалъ, что для рабочаго нужно въ сутки 120 граммъ бѣлковъ, 60 граммъ жира, углеводовъ 500 граммовъ и солей 30 грам., и если англійскій рабочій не всегда получаетъ эту норму при своемъ образѣ питанія, зато массачусетскій, — какъ показали изслѣдованія того же бюро,—получаетъ 127 граммъ бѣлковъ, 186 гр. жировъ, 531 граммъ углеводовъ и 32 гр. солей. Не забудемъ, что, по всѣмъ новѣйшимъ изслѣдованіямъ, работоспособность даннаго лица тѣсно связана съ его питаніемъ и вообще рабочая сила возрастаетъ въ странѣ, независимо отъ климата и этническихъ различій, прямо пропорціонально питанію населенія. Однако, весьма далекъ отъ истины тотъ, кто думаетъ, что въ Америкѣ умственный и физическій трудъ оплачивается *одинаковою* цѣною. Это великое заблужденіе. Никакой портной или самый искусный столяръ, или тѣмъ болѣе чернорабочій поденщикъ, не заработаютъ того, что получитъ хорошій врачъ, или адвокатъ, или писатель. Все отличіе отъ Стараго Свѣта заключается въ томъ, что плохо оплачиваемыя профессіи въ Новомъ Свѣтѣ замѣщаются не природными американцами, а неграми, китайцами, также итальянцами, и изъ славянъ—поляками. Впрочемъ, плата чернорабочимъ и прислугѣ несравненно выше, чѣмъ въ

Digitized by Google

западной Европѣ. Напр., мнѣ приходилось платить негритянкѣ-нянѣ въ Чикаго по 30 долларовъ въ мѣсяцъ, т. е. около 60 рублей на наши деньги. Няня-еврейка въ Нью-Іоркѣ стоила то же самое [1]). Конечно, это громадныя деньги, которыя у насъ получаетъ далеко не всякій чиновникъ изъ некрупныхъ. Чѣмъ больше въ данной мѣстности негровъ или китайцевъ, тѣмъ ниже заработная плата для поденныхъ работъ. Такимъ образомъ, поденьщикъ всего дешевле въ южныхъ штатахъ, гораздо дороже на востокѣ и всего дороже на западѣ. Очень немногіе штаты, напр., Нью-Іоркъ, ввели для казенныхъ работъ однообразную плату по 2 доллара за 8 часовъ любой формы труда. Безработница давно проникла и въ Америку, такъ что и въ этомъ отношеніи ей уже не приходится кичиться передъ старой Европой.

Злоупотребленій съ уплатой заработка въ Америкѣ не оберешься, и потому въ законодательство многихъ штатовъ (Канзасъ, Небраска) введены постановленія, по которымъ *рабочему дается привилегія при взысканіи долговъ съ хозяина*. Почти повсемѣстно практикуется обычай расплачиваться съ рабочимъ не въ томъ мѣсяцѣ, когда произведена работа, а въ слѣдующемъ, и, такимъ образомъ, не рѣдки случаи, что деньги, заработанныя въ первыхъ числахъ января, выдаются въ концѣ февраля. Получается картина весьма напоминающая тѣ обычаи, которые, къ счастью, уже упразднены въ фабричной Россіи, хотя и остались въ Россіи ремесленной.

Многія угольныя компаніи въ Америкѣ выдаютъ рабочимъ, въ счетъ заработной платы, особыя квитанціи, которыя сами же учитываютъ за наличныя деньги, взимая за дисконтъ двадцать пять процентовъ со ста. Эти же квитанціи принимаются за наличныя деньги въ фабричныхъ лавкахъ, принадлежащихъ компаніи, гдѣ всѣ продукты на 50 процентовъ дороже рыночныхъ.

Не правда ли, какъ всѣ эти подробности знакомы русскому читателю и какъ, даже въ этомъ отношеніи, имѣется много родственнаго сходства между обоими великими народами?

Эта надувательская система расплаты носитъ здѣсь спеціальное названіе: «Truck System» или «Pluckme», и большинство штатовъ съ 1893 года вводитъ у себя по этому вопросу такія же постановленія, какія введены нѣсколько лѣтъ назадъ у насъ въ Россіи.

Неопредѣленная расплата въ разные сроки составляетъ, какъ извѣстно, одну изъ самыхъ темныхъ и больныхъ сторонъ экономическаго положенія рабочей массы. Установленіе строго опредѣленнаго и непремѣнно короткаго срока расплаты представляется одною

[1]) Харчи въ обоихъ случаяхъ были не отъ хозяина и на ночь обѣ няни уходили спать къ себѣ домой.

Digitized by Google

изъ первыхъ реформъ рабочаго вопроса. Нѣтъ бо́льшаго вреда для экономическаго рабочаго и его семьи, какъ неопредѣленная и затяжная форма расплаты. Весьма вѣроятно, что одна лишь правильная расплата сама по себѣ убьетъ возможность существованія пресловутыхъ фабричныхъ лавокъ, такъ вредно дѣйствующихъ на карманъ работника. При неопредѣленности сроковъ расплаты, рабочій выпрашиваетъ часть своихъ денегъ къ большимъ годовымъ праздникамъ и зачастую ему удается получить ихъ лишь при окончательномъ разсчетѣ съ заведеніемъ. Кому приходилось видѣть въ нашихъ ремесленныхъ заведеніяхъ, — гдѣ вполнѣ царитъ этотъ видъ расплаты,—какъ оборванный подмастерье съ картузомъ въ рукахъ, подобно нищему, вымаливаетъ хоть частицу своихъ трудовыхъ денегъ, — тотъ знаетъ, какъ солоно приходится рабочимъ это безобразное поведеніе «хозявъ», благодаря которому спутываются всѣ разсчеты и самая разсудительная и осмотрительная семья, при всей энергіи къ труду, садится на пищу св. Антонія. При неопредѣленной расплатѣ, нельзя ничего ни разсчитать, ни предусмотрѣть; все идетъ на волю случая и на добычу еврея-ростовщика, «выручающаго» рабочаго въ трудную минуту.

Съ медицинской фабричной помощью въ Америкѣ творится какъ разъ то же, что́ и у насъ. Съ рабочихъ высчитываютъ на эту помощь по 1—2 долларамъ въ мѣсяцъ и за это время они никогда врача не видятъ и никакой помощи не получаютъ. Стачки углекоповъ въ Миссури и въ Иллинойсѣ были вызваны именно подобными вычетами на врачебную помощь.

Недавно федеральный комисаръ по рабочимъ дѣламъ, упомянутый выше К. Райтъ, издалъ подробный отчетъ о стачкахъ и такъ называемыхъ *lock out*, т. е. о прекращеніи работъ самими хозяевами. Изслѣдованіе обнимаетъ 13-лѣтній періодъ времени, съ 1881 г. по 1894 г. За этотъ промежутокъ. въ штатахъ было 14,930 стачекъ. Число участвовавшихъ въ стачкахъ равнялось почти 4 милліонамъ, число охваченныхъ предпріятій — 69 тысячамъ. Убытки отъ недополученной заработной платы исчисляются Райтомъ въ 164 милл. долларовъ для стачекъ, и въ 27 милл. долларовъ для lock out; предприниматели, т. е. хозяева, въ первомъ случаѣ потеряли 83 милл. долларовъ, во второмъ 12 милл. Рабочіе союзы выплатили стачникамъ, въ формѣ вспомоществованій, $5^1/_2$ милл. долларовъ. Сумма, конечно, громадная для бѣдняковъ-рабочихъ, состоящихъ членами союзовъ, и тѣмъ не менѣе ничтожная сравнительно съ нищетой стачниковъ и понесенной ими потерей. Приходилось терять рубль и получать взамѣнъ его пятакъ. Есть превосходное стихотвореніе Франсуа Коппэ: «Кузнецы», гдѣ положеніе рабочаго во время стачки

Digitized by Google

обрисовано гораздо лучше и нагляднѣе всякихъ статистическихъ изысканій. Какъ ни хорошъ подчасъ языкъ цифръ, но языкъ поэта говоритъ еще больше уму и сердцу непредубѣжденнаго читателя! Въ 45% всѣхъ случаевъ начатыя стачки сопровождались полнымъ успѣхомъ, т. е. хозяева уступили требованіямъ рабочихъ, не выписали дешевыхъ китайцевъ или негровъ,—какъ это часто практикуется здѣсь, — и, такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, стачникъ, который добился исполненія своего желанія, все же долженъ будетъ цѣлый годъ работать, прежде чѣмъ успѣетъ наверстать тѣ потери, которыя вызвала стачка въ его бюджетѣ. Въ 12% случаевъ успѣхъ былъ только частичный. Наибольшее число недоразумѣній между хозяевами и работниками выпало на долю штата Нью-Іоркъ; вторымъ стоитъ Иллинойсъ, а третьимъ — Пенсильванія со своими нефтяными выработками. Изъ отраслей индустріи, затронутыхъ стачками, первое мѣсто занимаютъ строительныя работы; затѣмъ идетъ угольная промышленность, металлургическая, табачное дѣло, перевозочное и пр. Женщины составляли лишь 8% всѣхъ стачниковъ.

Среднимъ числомъ, стачки продолжались не болѣе 22 дней, но были и такія (стачки желѣзнодорожныхъ рабочихъ на юго-западной желѣзнодорожной сѣти), гдѣ соглашеніе послѣдовало лишь по прошествіи *18 мѣсяцевъ*.

Главной причиной стачекъ является обыкновенно требованіе объ увеличеніи заработной платы, затѣмъ идутъ требованія объ уменьшеніи числа рабочихъ часовъ, а также совмѣстныя требованія и того, и другаго. Во многихъ случаяхъ стачки мотивировались желаніемъ, чтобы владѣльцы фабрикъ увеличили число рабочихъ часовъ, и на первый взглядъ подобное требованіе со стороны рабочихъ можетъ показаться страннымъ. Но мы сейчасъ объяснимъ это.

Такъ какъ дороговизна многихъ американскихъ продуктовъ не дозволяетъ вывозить ихъ въ другія страны, которыя не станутъ покупать дорогой американскій товаръ, имѣя свой болѣе дешевый, то американскіе промышленники, огражденные высокимъ таможеннымъ тарифомъ, разъ навсегда не дозволяютъ развиваться иностранной конкурренціи, которая могла бы понизить цѣны на внутреннемъ рынкѣ, и образуютъ немедленно грозные синдикаты, съ которыми до сихъ поръ ничего не можетъ подѣлать законодательство страны. Такіе синдикаты ограничиваютъ производство потребностями внутренняго рынка и, такимъ образомъ, удерживаютъ цѣны на высотѣ таможеннаго тарифа, а для этой цѣли нерѣдко ограничиваютъ работу своихъ фабрикъ. Подобные синдикаты, которые какъ бы сражаются помощью капитала съ общими интересами на-

Digitized by Google

селенія страны, носятъ въ Америкѣ названіе Trust'овъ, и очень недавно еще высшій судъ штата Нью-Іоркъ объявилъ незаконными всѣ дѣйствія могучей ассоціаціи сахарныхъ фабрикантовъ, называемой «сахарнымъ трустомъ». И, конечно, нетрудно понять, что такое объединеніе капиталовъ, которое достигло небывалыхъ размѣровъ въ сферѣ желѣзнодорожной дѣятельности, вызываетъ справедливое негодованіе всего американскаго народа, который чувствуетъ, какъ эта система «трустовъ» стягиваетъ своимъ желѣзнымъ кольцомъ всѣ интересы страны и подчиняетъ ихъ своимъ личнымъ выгодамъ. Особенно ненавидитъ народъ своихъ желѣзнодорожниковъ, всѣхъ этихъ знаменитыхъ архимилліонеровъ въ родѣ Кука, Гульда, Сэджа и Вандербильда. Судьба и исторія жизни нѣкоторыхъ изъ этихъ зачерствѣлыхъ «счастливцевъ» по истинѣ трагична, не смотря на то, что они провели свой вѣкъ на мѣшкахъ съ золотомъ, въ роли такъ называемыхъ «золотыхъ королей». Особенно поучительна судьба одного изъ этихъ желѣзнодорожныхъ крезовъ, недавно переселившагося въ страну, гдѣ золото не играетъ никакой роли. Я говорю про Джея Гульда, который, умирая, оставилъ своимъ дѣтямъ двѣсти милліоновъ состоянія. Замѣчательно, что въ завѣщаніи богача не нашлось ни одного параграфа, который бы предназначалъ хоть ломаный грошъ на какое либо общественное дѣло. Этотъ чудовищный эгоизмъ вызвалъ во всей странѣ настоящую бурю негодованія [1]). Гульдъ умеръ далеко не старикомъ,—ему не было и шестидесяти лѣтъ,—но мозгъ и желудокъ отказались поддерживать его истощенное тѣло, занятое всегда одной и той же мучительной мыслью: куда и какъ вѣрнѣе пристроить свои капиталы. Мозгъ высохъ въ погонѣ за этой идеей, а желудокъ пересталъ варить, какъ не варитъ онъ и у всѣхъ Ротшильдовъ Стараго и Новаго Свѣта. Всѣ деньги Джея Гульда были нажиты имъ лично, въ теченіе какой либо четверти вѣка. Онъ началъ, подобно многимъ американскимъ богачамъ, съ самыхъ незамысловатыхъ профессій. Онъ и пасъ скотъ, и работалъ у кузнеца, и удралъ изъ-подъ отцовскаго крова въ сутолоку городской жизни. Первымъ изобрѣтеніемъ будущаго милліонера была мышеловка; затѣмъ Гульдъ попеременно былъ: прикащикомъ у одного скупщика земель, писателемъ, громившимъ капиталистовъ (!) и землемѣромъ. На поприщѣ комерціи Гульдъ дебютировалъ, хотя и очень неудачно, небольшимъ кожевеннымъ заводомъ; но на истинную свою дорогу онъ вышелъ лишь послѣ того,

[1]) Американцы привыкли, чтобы ихъ милліонеры жертвовали что нибудь на нужды всей страны, и только въ Америкѣ можно найти такихъ крезовъ, какъ напр. *Rockefeller*, который въ нѣсколько пріемовъ подарилъ университету въ Чикаго 38 *милл.* франковъ.

Digitized by Google

какъ поступилъ на службу въ правленіе небольшой желѣзнодорожной линіи. Его громадная опытность, дѣловитость и знаніе жизни, пріобрѣтенныя въ теченіе долгихъ скитаній по штатамъ, быстро выдвинули его впередъ и, спустя нѣсколько лѣтъ, онъ сталъ директоромъ, а затѣмъ и собственникомъ означенной линіи. Тутъ начинается длинная повѣсть необыкновенныхъ желѣзнодорожныхъ удачъ Гульда, объясняемыхъ не только его выдающимися финансовыми способностями, памятью и пониманіемъ потребностей страны, сколько беззастѣнчивыми плутнями по отношенію къ акціонерамъ и всѣми пріемами настоящаго банковскаго и биржеваго плута. Можно исписать цѣлый фоліантъ съ перечнемъ различныхъ похожденій Гульда по ограбленію различнаго рода желѣзнодорожныхъ обществъ, по составленію фиктивныхъ отчетовъ, подкупу судей и «законодателей». Гульдъ чуть ли не первый завелъ, чтобы депутаты и сенаторы находились на жалованьѣ въ его «компаніи», и первый открылъ эру *панамскихъ скандаловъ*, которые и до сихъ поръ потрясаютъ бѣдную Францію. Гульдъ цинично называлъ этотъ способъ дѣйствія «выгоднымъ помѣщеніемъ капиталовъ». Подвиги биржеваго грабительства Гульда просто легендарны и ловкость его въ борьбѣ съ соперниками и конкуррентами вошла въ поговорку. Однажды онъ чуть не разорилъ другаго знаменитаго милліонера Вандербильда. Желѣзнодорожная линія, которой владѣлъ Гульдъ, вела отъ мясныхъ центровъ штатовъ къ портовымъ городамъ Атлантическаго океана. Туда же вела линія, находившаяся въ рукахъ Вандербильда. И вотъ однажды, къ удовольствію всей страны, между желѣзнодорожными королями объявлена была война не на животъ, а на смерть. Обѣ линіи перевозили скотъ и мясо изъ центровъ Америки въ ея порты. Началась бѣшеная сбавка тарифовъ съ цѣлью привлечь весь грузъ на свою линію. Дошло до того, что Вандербильдъ сталъ возить чуть не даромъ быковъ и свиней по своей линіи, и добился таки, что на линіи конкуррента не осталось ни одного четвероногаго пассажира. Но тутъ-то его и перехитрилъ «финансовый геній» Гульда. Оказалось именно, что онъ-то самъ и возитъ даромъ скупаемые имъ гурты скота по дорогамъ соперника и, разоряя желѣзнодорожную компанію, которая ввѣрила ему свои капиталы, обогащаетъ самого себя. Эта продѣлка и положила главное основаніе милліонамъ Гульда. Съ тѣхъ поръ начались его постоянныя тревоги и опасенія за цѣлость своей драгоцѣнной жизни. Гульдъ вѣчно былъ окруженъ сотней тайныхъ агентовъ, и доступъ въ его квартиру былъ также труденъ, какъ въ какую либо неприступную крѣпость, окруженную врагами; въ обществѣ онъ никогда не показывался, но зато дома, въ семьѣ, былъ честенъ и добродушенъ. Для

Digitized by Google

писателя-беллетриста такіе люди, какъ Гульдъ, должны доставить весьма любопытный матеріалъ, крайне цѣнный въ психологическомъ отношеніи.

Но возвратимся къ «трустамъ». Законодательство штатовъ прямо воспрещаетъ «синдикаты» заводчиковъ, но съ сокращеніемъ производства на извѣстной фабрикѣ законъ ничего не можетъ подѣлать.

Такія фабрики идутъ вмѣсто цѣлаго рабочаго дня, положимъ, три четверти. У насъ, въ Россіи, подобные пріемы, подъ названіемъ «ограниченія перепроизводства», также, какъ извѣстно, не разъ практиковались господами владѣльцами промышленныхъ заведеній. Такъ вотъ *противъ подобныхъ-то сокращеній рабочаго дня* и возставали стачники и, собственно говоря, даже пресловутое требованіе восьмичасоваго рабочаго дня скорѣе всего опредѣляется не столько желаніемъ рабочихъ сохранить свои силы и здоровье, сколько намѣреніемъ—*поставить извѣстную норму* для ограниченія произвола хозяевъ.

Одною изъ причинъ возникновенія стачекъ было также желаніе не пользоваться квартирой, даваемой въ счетъ заработной платы отъ хозяина.

Изъ числа другихъ причинъ, вызывавшихъ стачки, отмѣтимъ требованіе объ отмѣнѣ штрафовъ за опаздываніе, о переходѣ отъ поштучной работы къ поденной, объ изгнаніи съ фабрикъ иностранцевъ, т. е. главнымъ образомъ китайцевъ; объ увольненіи иностранныхъ мастеровъ, что составляетъ также больное мѣсто нашей промышленности вообще и привислянской въ особенности. Нерѣдко стачки возникали изъ-за воспрещенія принимать участіе въ рабочихъ союзахъ или изъ-за желанія хозяевъ измѣнить уставъ этихъ союзовъ и, наконецъ, изъ-за нежеланія хозяевъ вновь принять на работу уволенныхъ товарищей.

Въ прошломъ году всѣ булочные подмастерья въ Чикаго поставили своимъ хозяевамъ слѣдующій рядъ требованій: воспрещеніе принимать на работу лицъ, не принадлежащихъ къ рабочимъ союзамъ, упраздненіе хозяйскихъ квартиръ, установленіе десятичасоваго рабочаго дня и воскреснаго отдыха, установленіе однообразной платы въ 3 доллара за ночную работу и еще цѣлый рядъ мелкихъ требованій, неинтересныхъ для русскаго читателя.

Нерѣдко стачки въ Америкѣ оканчиваются кровопролитіемъ, какъ напримѣръ, стачки на сталелитейныхъ заводахъ Carnegie близь Питсбурга, хотя, къ сожалѣнію, статистика Соед. Штатовъ не отмѣчаетъ ни числа этихъ случаевъ, ни числа жертвъ, принесенныхъ на «алтарь промышленности», въ образѣ искалѣченныхъ машинами

Digitized by Google

и потерявшихъ здоровье отъ вредной работы и при вредной обстановкѣ труда.

Стачка на сталелитейныхъ заводахъ Корнеджи породила въ штатахъ цѣлую литературу, подобно стачкѣ въ Кармо во Франціи. Многіе изслѣдователи пресерьезно утверждаютъ, что Клевеленд никогда бы не занялъ президентскаго кресла, еслибы эта стачка не освѣтила новымъ свѣтомъ все положеніе рабочаго вопроса въ странѣ. Мы не имѣемъ въ виду излагать здѣсь исторію этой небывалой—даже въ лѣтописяхъ штатовъ—стачки, въ которой принимало участіе до 15 тысячъ рабочихъ этого колоссальнаго промышленнаго предпріятія, располагающаго основнымъ капиталомъ въ 50 милл. рублей. Мы упоминаемъ объ этой стачкѣ,—окончившейся, впрочемъ, полнымъ пораженіемъ рабочихъ,—лишь для иллюстраціи тѣхъ размѣровъ, до которыхъ могутъ доходить въ Америкѣ взаимныя недоразумѣнія между рабочими и предпринимателями. Въ этой стачкѣ не только лилась кровь, но часто рабочіе давали настоящія сраженія приглашенному отряду Пинкертоновской гвардіи (частные сыщики) [1]); съ обѣихъ сторонъ принесена масса жертвъ, затѣмъ на сцену выступила милиція штатовъ, начались поджоги, взрывы и убійства. Въ результатѣ получились громадные убытки съ обѣихъ сторонъ и выселеніе и разореніе множества рабочихъ семей.

Вообще стачки въ штатахъ дозволяются закономъ, но всякое насиліе при этомъ подавляется военнымъ вмѣшательствомъ. Нынѣ, почти повсемѣстно, во всѣхъ мануфактурныхъ штатахъ Америки одобрено постановленіе, по которому стачки вѣдаются особымъ бюро посредниковъ. Эти посредники доставляютъ обѣимъ сторонамъ свѣдѣнія, выясняющія положеніе дѣла, ведутъ переговоры, склоняютъ къ примиренію обѣ стороны во время стачки и доставляютъ законодательной власти точный отчетъ обо всемъ происшедшемъ. У насъ, какъ извѣстно, вся эта роль принадлежитъ къ числу функцій фабричнаго инспектората. Въ нѣкоторыхъ штатахъ эти бюро уже успѣли принести огромную пользу, равно какъ въ Старомъ Свѣтѣ принесло огромную пользу учрежденіе вышеупомянутаго института фабричныхъ инспекторовъ,—института, который, какъ мы сказали, зачастую играетъ роль клапана для предупрежденія остраго развитія рабочаго вопроса и принимаетъ на себя функціи американскаго бюро посредниковъ или, какъ здѣсь говорятъ, «State Board of arbitration». Впрочемъ, относительно значенія «бюро посредниковъ», повидимому и въ Америкѣ не имѣется вполнѣ установившагося взгляда. Спеціальная enquête, произведенная по этому поводу въ Висконсинѣ, дала 13 тыс. голосовъ изъ среды рабочихъ *противъ*

[1]) См. «Наблюдатель», 1894 г., № 4.

Digitized by Google

этого способа разрѣшенія стачекъ, а 10 тысячъ высказалось *за* него. Владѣльцы фабрикъ также подѣлились въ своихъ симпатіяхъ: 184 фирмы высказались *за* и 241 *противъ* этой системы. Стачки рабочихъ до такой степени въ ходу въ штатахъ, что даже минувшая колумбійская выставка не обошлась безъ нихъ, и, пока шла постройка выставочныхъ зданій, нѣсколько разъ прекращали свои работы—то плотники, то каменьщики, то тѣ и другіе вмѣстѣ.

Многіе изслѣдователи экономической жизни американскаго и европейскаго работника,—напр. Юнгъ и Беванъ,—высчитали, что американскій прядильщикъ получаетъ за свою работу 60 рублей, англичанинъ—за тотъ же періодъ времени сорокъ четыре рубля, а русскій—всего лишь девятнадцать цѣлковыхъ. А потому, конечно, не удивительно, что русскій рабочій въ одиннадцать разъ меньше ѣстъ мяса, чѣмъ его американскій собратъ, и пьетъ водку рѣдко, да метко, тогда какъ американецъ напивается рѣдко, но зато регулярно тянетъ и водку, и вино, и превосходное пиво.

Разсказываютъ, что во времена Паскаля рабочій лакировалъ деревянный шкафъ въ аббатствѣ Port-Royal des Champs. Одинъ изъ монаховъ спросилъ его: «скажите мнѣ, мой другъ, вы янсенистъ или молинистъ»? Рабочій отвѣтилъ: «нѣтъ, я эбенистъ». Американскій рабочій никогда не дастъ подобнаго отвѣта, и въ западныхъ штатахъ всякій изъ нихъ, не задумываясь, объявитъ вамъ, что онъ «протекціонистъ» и вотируетъ вмѣстѣ съ республиканской партіей, а въ штатѣ Нью-Іоркъ и вообще во всѣхъ крупныхъ промышленныхъ городахъ почти всякій рабочій—фритредеръ и подаетъ голосъ за демократовъ.

Въ жизни американскаго рабочаго немалую роль играютъ такъ называемыя сберегательныя кассы и, дѣйствительно, нѣтъ сомнѣнія, что большинство рабочихъ въ этой странѣ *могутъ* имѣть и имѣютъ небольшія сбереженія. Кассы эти даютъ до $3^1/_2$ процентовъ и въ одномъ, напримѣръ, штатѣ Нью-Іоркъ въ кассы вложено свыше 750 милліоновъ рублей сбереженій, причемъ средній размѣръ вклада доходитъ до 500 руб. Весьма охотно также страхуютъ американскіе рабочіе свою жизнь, и въ случаѣ смерти работника общество оплачиваетъ похоронные расходы и выдаетъ субсидіи вдовѣ и дѣтямъ. Страховыя общества буквально запрудили своими объявленіями всѣ улицы городовъ и соперничаютъ развѣ лишь съ назойливой рекламой аптекарей, которые со всякаго забора увѣряютъ публику, что дѣти просятъ дать имъ касторовaго масла («Castoria, castoria, children cry for it»).

Возвращаясь къ сберегательнымъ кассамъ, трудно согласиться съ положеніемъ, по которому всѣ онѣ представляютъ лишь игрушку

Digitized by Google

для бѣдняковъ. Говорятъ, что страсть къ сбереженію отзывается тяжело на народномъ питаніи: развивается, якобы, скопидомство, и человѣкъ, голодая самъ, заставляетъ жить впроголодь и семью, а все лишь для того, чтобы снести рубль въ сберегательную кассу. Конечно, это утрировка, но несомнѣнно также, что путемъ сберегательныхъ кассъ не разбогатѣлъ еще ни одинъ крезъ Стараго или Новаго Свѣта. Если рабочій даже въ теченіе тридцати лѣтъ будетъ ежедневно откладывать по рублю въ свою копилку, то и тогда ему не набрать солиднаго капитала и не сдѣлаться ни Вандербильдомъ, ни Гульдомъ, ни Сэджемъ, ни другимъ архимилліонеромъ Соединенныхъ Штатовъ. И, конечно, нѣтъ сомнѣнія, что девять десятыхъ всѣхъ колоссальныхъ состояній Америки обязаны своимъ происхожденіемъ безсердечному мошенничеству, при благосклонномъ содѣйствіи союзнаго правительства, а никакъ не участію въ сберегательныхъ кассахъ. Недаромъ французы говорятъ, что «il n'y a pas deux façons de devenir millionnaire», и, пожалуй, эта истина пригодна не для одного лишь Новаго Свѣта.

Существуетъ извѣстный разсказъ, что когда въ 1848 году къ парижскому Ротшильду начали приставать поклонники равенства состояній и капиталовъ, то онъ отдѣлался отъ нихъ слѣдующимъ разсужденіемъ. «Я допускаю,—отвѣтилъ милліонеръ,—что мое состояніе составилось цѣною усилій многихъ людей. Но если его раздѣлить между всѣми обитателями Европы, то на каждаго придется какихъ либо 5 франковъ. Ну, что же, я готовъ каждому выдать причитающуюся ему долю». Увѣряютъ, что какіе-то шутники остановили Ротшильда на улицѣ и потребовали свою долю, которая и была имъ вручена съ благосклонною улыбкою.

Такихъ зажигательныхъ тенденцій не раздѣляетъ большинство американскихъ рабочихъ, хотя они и большіе охотники принимать участіе въ прибыляхъ отъ предпріятія (система tantième, или gain sharing), кромѣ, конечно, полученія той или иной формы заработной платы, т. е. поденной или задѣльной. Кооперативное движеніе, вышедшее изъ Франціи и Англіи, пускаетъ въ Америкѣ все больше и больше корней. Напримѣръ, въ Минеаполисѣ владѣлецъ трехъ громадныхъ паровыхъ мельницъ, къ сожалѣнію, купленныхъ нынѣ англійскимъ синдикатомъ, выдалъ своимъ рабочимъ, прослужившимъ у него не менѣе 5 лѣтъ, до 200 т. рублей добавочнаго содержанія изъ прибылей, что̀ составило для нѣкоторыхъ прибавку въ 33% къ ихъ заработку. Въ Сенъ-Луи, Нельсонъ, фабрикантъ издѣлій изъ латуни, отчисляетъ въ пользу капитала 7 процентовъ, а остальная прибыль дѣлится пропорціонально между хозяиномъ и рабочими. Уже 6 мѣсячное пребываніе на фабрикѣ даетъ право на участіе

Digitized by Google

въ ея прибыляхъ. Тотъ же режимъ установленъ на фабрикѣ земледѣльческихъ орудій Шовеля и К° въ Сенъ-Луи, у Гоффмана и Билинга на табачной фабрикѣ, на мыловаренномъ заводѣ Проктора и Гамбля и на многихъ другихъ. Отчисленіе въ пользу хозяина иногда доходитъ до трехъ четвертей всѣхъ прибылей, но бывали случаи, что и на долю одного лишь работника приходилось прибыли больше 300 рублей въ годъ. Нѣкоторыя желѣзнодорожныя общества обѣщаютъ то же самое своимъ служащимъ, но, къ сожалѣнію, эти обѣщанія пока сдѣланы лишь тѣми дорогами, которыя еще не приносятъ никакой прибыли (напр., сѣверо-мичиганская линія). Нѣкоторые американскіе фабриканты, по зрѣлому обсужденію, отказались, однако, отъ этой системы (напр., бр. Нортонъ въ Чикаго, фабрика консервовъ), ибо она одинаково-де вознаграждаетъ и прилежнаго работника, и лѣнтяя, и перешли къ системѣ личныхъ награжденій по заслугамъ.

Впрочемъ, всѣ эти попытки еще очень молоды въ Америкѣ и самой старой изъ нихъ нѣтъ и 15-ти лѣтъ. Извѣстно, что въ дѣлѣ участія въ прибыляхъ предпріятій на первомъ мѣстѣ нынѣ стоитъ Франція, которой принадлежитъ и починъ этого благаго дѣла. Именно въ 1842 году малярный мастеръ Леклеръ привлекъ своихъ рабочихъ къ полученію прибылей отъ своего предпріятія. Дѣло получило громадное развитіе и въ свое время прошумѣло на весь свѣтъ. Въ Англіи такой опытъ en grand былъ впервые примѣненъ на угольныхъ копяхъ богача Бригса, который, перессорившись со своими рабочими, говорившими, что «всѣ углепромышленники— черти, а Бригсъ — царь чертей», задумалъ поставить прочнѣе свое дѣло, разоряемое стачками, привлеченіемъ рабочихъ къ общимъ прибылямъ предпріятія. Дѣла пошли необычайно хорошо и Бригсъ не только далъ заработать своимъ рабочимъ, но колоссально заработалъ и самъ, тогда какъ его конкурренты разорились.

Интересны требованія, формулируемыя американскими рабочими конгрессами, причемъ замѣчательно, что резолюціи нѣкоторыхъ изъ этихъ сборищъ вполнѣ совпадаютъ съ постановленіями, вотируемыми учеными гигіенистами и вообще людьми, обсуждающими дѣло исключительно съ точки зрѣнія законовъ справедливости и науки.

Такъ наприм., рабочій конгрессъ, состоявшійся въ Чикаго, которому главныя газеты города: «Herold», «Interocean» и «Tribune» посвящали ежедневно по 20 столбцовъ, принялъ, безъ различія партій, слѣдующія резолюціи: 1) Отмѣна тюремныхъ работъ, поступающихъ на общественные рынки. 2) Учрежденіе повсемѣстно

Digitized by Google

«бюро посредниковъ» для разбора недоразумѣній между рабочими и хозяевами. 3) Введеніе восьмичасоваго рабочаго дня во всѣ производства, за исключеніемъ работы землепашцевъ и фермеровъ. 4) Отвѣтственность хозяевъ за увѣчья. 5) Введеніе хорошихъ законовъ для «учениковъ». 6) Воспрещеніе работы малолѣтнихъ до 15 лѣтъ, за исключеніемъ мастерскихъ, преслѣдующихъ цѣли профессіональнаго образованія. 7) Учрежденіе лучшаго надзора за горными работами и установленіе отвѣтственности за нарушенія. 8) Воспрещеніе хозяевамъ образовывать синдикаты для ограниченія времени производства, и воспрещеніе имъ—препятствовать рабочимъ принадлежать къ «союзамъ». 9) Установленіе еженедѣльной расплаты и воспрещеніе расплаты товарами. 10) Воспрещеніе отсутствующимъ иностранцамъ владѣть землями въ штатахъ. 11) Установленіе наказанія за спекуляцію жизненными припасами и за фальсификацію ихъ. 12) Разрѣшеніе рабочимъ «союзамъ» учреждать кооперативныя товарищества. 13) Выкупъ желѣзныхъ дорогъ и водныхъ каналовъ въ собственность государства. 14) Учрежденіе должностей санитарныхъ инспекторовъ для надзора за съѣстными припасами.

Тюремное производство, о которомъ говоритъ первый пунктъ только что приведенной программы, уже не впервые подвергается ярымъ нападкамъ со стороны рабочихъ разныхъ штатовъ. Арестантъ, сидя на дешевыхъ хлѣбахъ, можетъ, конечно, продавать свою работу дешевле работника, которому нужно и нанять квартиру, и уплатить за дорогіе харчи. Въ 1889 году, изъ числа 64,000 (изъ которыхъ 6 т. женщинъ) невольныхъ обитателей всѣхъ тюремныхъ заведеній въ штатахъ, около 45 т. принимали участіе въ производствѣ различнаго рода продуктовъ. Вся эта группа людей обошлась союзному правительству (содержаніе тюремъ, персоналъ, пища; одежда и пр.) въ крупную сумму — 12 милл. руб. и выручила отъ продажи своихъ издѣлій около 5 милл. Вотъ противъ этихъ-то пяти милліоновъ и кричатъ рабочіе, требуя возвращенія ихъ въ свои руки, такъ какъ они-де даютъ средства на содержаніе тюремъ.

Изученіе условій промышленности въ Соединенныхъ Штатахъ представляетъ вообще громадныя трудности вслѣдствіе полной самостоятельности каждаго штата во всѣхъ своихъ внутреннихъ дѣлахъ. Вотъ ужь гдѣ именно вполнѣ пригодна пословица: «всякъ молодецъ—на свой образецъ». Въ каждомъ изъ 44 штатовъ, входящихъ въ составъ могучаго американскаго организма, имѣются свои собственные фабричные законы, и объединеніе пока касается лишь такихъ вопросовъ, которые находятся въ вѣдѣніи союзнаго

Digitized by Google

правительства. А такихъ вопросовъ очень немного: *высшій судъ*, *иностранная политика* и *таможня*. Фабричное же законодательство въ число этихъ вопросовъ не включено. Въ слѣдующей главѣ мы закончимъ описаніе обстановки рабочаго вопроса въ Америкѣ.

В. Святловскій.

Digitized by Google

КРОВЬ.

(Изъ записокъ человѣка безъ убѣжденій).

Романъ.

XXXIV.

Безъ содержанія.

Извиняюсь передъ молодымъ поколѣніемъ, облеченнымъ въ синіе мундирчики и вооруженнымъ шпажонками: я назвалъ ослами не всѣхъ поголовно студентовъ, а только тѣхъ изъ нихъ, которые катались съ Лизетою и ѣздили съ нею за Днѣпръ. Просто—я ревновалъ. Передъ молодымъ поколѣніемъ принято извиняться при всякомъ удобномъ случаѣ. Извиняюсь. Дважды извиняюсь. Ревность ослѣпила мой разумъ и вызвала во мнѣ потребность выругаться. Заговорила бѣлоглазовская кровь. Студенты вообще—лучшая часть молодаго поколѣнія, и на нихъ покоятся наши надежды. Я тоже возлагаю надежды на нихъ и уповаю, что всегда будетъ то же самое. А тѣ студенты—ослы; остаюсь при своемъ мнѣніи. Не только ослы, но и... (ставлю точки). Разумѣется, они внушили Лизетѣ превратное представленіе о женской свободѣ; они вдолбили ей въ голову, что невинность дѣвушкѣ не нужна, и хотя не убѣдили ее въ этомъ наглядно, однако сбили съ толку. Она слушала всѣ мои диѳирамбы невинности тѣлесной и душевной съ недовѣрчивой улыбкой и, повидимому, не понимала, какъ можно увлекаться дѣвушкой, не разсчитывая на ея благосклонность или не добиваясь ея руки въ болѣе или менѣе ближайшемъ будущемъ? Ей твердили также, что надо трудиться—то есть служить, по окончаніи курсовъ, народной учительницей за 15 руб. въ мѣсяцъ и умереть въ холодной избѣ отъ малокровія. Какъ извѣстно, изъ студентовъ дѣлаются судебные слѣдо-

Digitized by Google

ватели, чиновники особыхъ порученій, акцизники, медики, судьи, адвокаты, исправники. Всѣ эти господа ни за что, конечно, не уступятъ своихъ мѣстъ людямъ, носящимъ юбки и корсеты. Но когда какая нибудь несчастная юбка, требующая починки, взываетъ къ нимъ во имя своихъ правъ на трудъ, они осуждаютъ ее на медленное мученичество, называемое служеніемъ родинѣ, и увѣряютъ, что ничего не можетъ быть благороднѣе и самоотверженнѣе русской женщины, отказывающейся отъ новой юбки въ пользу земства. Умненькая, насмѣшливая и самолюбивая Лизета имѣла смутное представленіе о служеніи родинѣ; о совмѣстномъ же со студентами стремленіи къ Черторою представленія ея были гораздо яснѣе. Она соглашалась со мною, что невинность спасетъ женщину; но она подразумѣвала подъ этимъ то, что подразумѣваютъ всѣ барышни и о чемъ еще Мефистофель пѣлъ: «Мой совѣтъ—до обрученья не цѣлуй его». Мнѣ трудно было увидѣть, что дѣлается въ ея сердечкѣ. Думаю, что въ немъ былъ изрядный хаосъ, и въ этомъ отношеніи милое сердечко мало чѣмъ уступало моей мѣднолобой головѣ. Одно было несомнѣнно: студенты оставили въ немъ слѣдъ.

Когда лошадь повернула и мы поѣхали въ городъ обратно, вѣтеръ сталъ дуть намъ въ лицо. Это былъ рѣзкій морозный вѣтеръ. Дѣвушка мигомъ продрогла. Я естественно проникся состраданіемъ къ ней и, принявъ во вниманіе, что ее ожидаетъ еще прогулка съ Никитой Панкратьевичемъ по магазинамъ и она рискуетъ окончательно замерзнуть, предложилъ ей заѣхать на пять минутъ въ загородный ресторанчикъ, розовыя башеньки котораго, окруженныя серебряными деревьями, выдѣлялись противъ насъ на голубомъ фонѣ небесъ. Вообразите, на Лизету нашло благоразуміе! Она посмотрѣла на меня такими глазами, точно хотѣла спросить: «Это еще что за дерзость»? Она даже тряхнула головой и презрительно оттопырила нижнюю губку.

— Почему же? И это неприлично?

— Это тѣмъ болѣе,—произнесла она, дрожа отъ холода.

— Вамъ надо согрѣться.

— Нѣтъ,—рѣшительно сказала она.

— Ресторанъ приличный... выпейте стаканъ чаю.

— Не надо.

Digitized by Google

— Но, Лизета, вы со студентами ѣздили богъ знаетъ куда... въ какой кабакъ!

— Опять... я запрещаю вамъ говорить объ этомъ.

Понимаю, понимаю, дитя мое! Неужели ты думаешь, что я безнадежно глупъ и у меня не бываетъ разумныхъ проблесковъ? Еслибы я былъ мальчишкой, я имѣлъ бы право ѣздить съ тобою въ заднѣпровскую корчму—для тебя я не представлялъ бы ничего въ будущемъ и ты довольствовалась бы моимъ настоящимъ. Но развѣ я тебѣ лгалъ, когда говорилъ, что ты мнѣ совсѣмъ не нужна и какъ жена, и какъ любовница? Развѣ чувство, которое ты мнѣ внушаешь, похоже на любовь? Развѣ я не радовался, что ты «испорчена»—то есть, что въ тебѣ живетъ что-то протестующее и каждый день можно ждать отъ тебя какой нибудь выходки? Я шелъ дальше—я смотрѣлъ на тебя, какъ на олицетвореніе молоденькой дѣвушки конца вѣка! Чего только я тебѣ не проповѣдывалъ! Какъ соскоблить съ тебя плѣсень стараго воспитанія и плоской дѣвичьей «дальновидности»! Я не прикоснусь къ тебѣ, проклятое маленькое созданіе, но отчего по временамъ ты мнѣ не довѣряешь и боишься, что я сдѣлаю пошлость, тогда какъ я—все что угодно и, конечно, мѣдный лобъ, но не пошлякъ!? Зябни же, не скажу больше ни слова. На днѣ моего сердца зашевелилось что-то въ родѣ скуки—блѣдное, усталое разочарованіе.

Городскія ворота, украшенныя черными пушками, оставались позади насъ. Вскорѣ я узналъ то мѣстечко, куда низверглась красная шляпка Настасьи Карповны, и узналъ пристань.

Подумать: я ставилъ на карту жизнь ради этой подруги студентовъ—какъ она себя называетъ! Какой магнитъ тянулъ меня къ ней?

И я взглянулъ въ полъ-оборота на бѣлокурое лицо Лизеты съ неправильнымъ профилемъ, на которомъ застыла какая-та странная, загадочная улыбка.

Въ городѣ она промолвила:

— А въ самомъ дѣлѣ жаль, что мы не заѣхали напиться чаю... такъ и быть, въ другой разъ буду уступчивѣе... Милый, еслибъ вы знали, какъ я васъ люблю и все готова сдѣлать для васъ!—проговорила она замерзшими губами.

Digitized by Google

XXXV.

Попытка бѣгства.

Понялъ! Я понялъ эти запоздалыя уступки и клятвы сдѣлать все. Мнѣ не надо всего. Мнѣ надо было очень немногаго, мнѣ хотѣлось сердечности, близости духовной, братства, а не рабства. Еслибы я былъ въ гостяхъ у друга, и онъ, выходя въ другую комнату, потребовалъ, чтобы я тоже послѣдовалъ за нимъ, такъ какъ въ его отсутствіе я могу что нибудь стибрить у него, грудь мою залила бы волна бѣшенства, я ушелъ бы совсѣмъ и навсегда, а тотъ, кто меня оскорбилъ, былъ бы вычеркнутъ изъ списка моихъ друзей. Но Лизета—дѣвчонка. Развѣ можно требовать отъ нея честности въ отношеніяхъ (потому что честность и довѣріе это одно и то же). Кромѣ того, во всѣхъ пріемахъ ея, въ этомъ отпусканіи и притягиваніи, въ порываніяхъ ко мнѣ и внезапныхъ ссорахъ изъ-за пустяковъ угадывалась старинная, избитая, рутинная система опутыванія кавалеровъ дѣвицами. Какъ! и Лизета, душу которой мое воображеніе населяло такими утонченными и благородными призраками гордаго сатанинства,—заражена ничѣмъ не истребимой пошлостью? Она разыгрываетъ комедіи, она лжетъ, притворяется; она служитъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ своей мамаши! Она, значитъ, любитъ Настасью Карповну больше, чѣмъ меня! она ближе съ нею? Она не скрываетъ ничего отъ нея, какъ скрываетъ отъ меня; она прячетъ отъ меня свое сердце, на днѣ котораго ползаетъ, можетъ быть, не одинъ Бурачокъ!

Нѣтъ, подальше, подальше. Слишкомъ много чести, чтобы я возненавидѣлъ тебя, крошка. Но мѣдный лобъ умѣетъ презирать, если онъ научился презирать самого себя! Тебя онъ раздавитъ.

Я пошелъ на службу, сунулъ въ карманъ деньги, которыя причлись мнѣ, и моимъ первымъ движеніемъ было вспомнить совѣтъ профессора—переѣхать на другую квартиру.

Навѣрно есть люди, которыхъ распаляетъ сопротивленіе. Пошлость любитъ дразнить наши апетиты. Но я знаю себя. Меня можетъ разжечь только подчиненіе мнѣ. Я требую безусловнаго подчиненія. Это не значитъ, что я хочу быть госпо-

Digitized by Google

диномъ—взамѣнъ и я готовъ подчиниться. Но должны быть такіе пункты между двумя душами, готовыми отдаться другъ другу, гдѣ не можетъ быть спора изъ-за власти. Тождество взглядовъ и тождество желаній! Взволнованный, я пріѣхалъ домой, позвалъ Соню и сказалъ ей:

— Принесите чемоданъ и уложите бѣлье!

Чемоданъ хранился въ мезонинѣ, тамъ, гдѣ была библіотека хлама и гдѣ хозяйничали мыши: можетъ быть, онѣ успѣли свить гнѣздо въ моемъ чемоданѣ. Она выброситъ крысъ, я все таки уѣзжаю.

— Эрастъ Харитоновичъ!

— Къ вашимъ услугамъ, Настасья Карповна.

Она пріотворила дверь и спросила:

— Вы требовали чемоданъ?

— Я потребовалъ.

— Не бойтесь, онъ цѣлъ.

— Настасья Карповна, я намѣренъ проститься съ вами.

Она совсѣмъ вошла въ комнату. Съ лица ея исчезъ румянецъ, и кожа на горлѣ съ обѣихъ сторонъ стала трепетать. Я какъ-то сравнилъ ее съ лягушкой. Нѣтъ, она противнѣе. Лягушка—прелестное божье твореніе въ сравненіи съ нею.

— Это такъ неожиданно, что я теряюсь въ догадкахъ,—начала она.—Чѣмъ вы недовольны? Къ тому же, до мѣсяца вамъ остается еще недѣли двѣ. Вы дожили бы, по крайней мѣрѣ, до мѣсяца.

— Простите, меня тошнитъ.

— Вы опять нездоровы?—съ испугомъ спросила она.

— Болитъ подъ ложечкой.

— Но вамъ можно было бы тогда готовить цыпленка,—вообще, легкіе обѣды. У насъ никто не страдаетъ катарромъ,—кушанье готовится на хорошемъ маслѣ.

Не смотря на то, что дворянская учтивость была моей слабостью, я грубо отвернулся, подошелъ къ столу и сталъ шумно укладывать карандаши, палочки и прочія писчія принадлежности; я бросалъ ихъ въ коробку.

— Вздоръ! вы не уѣдете!—громко и почти весело произнесла пришедшая въ себя г-жа Шипова.—У васъ, вѣрно, что нибудь вышло съ Лизетой? Развѣ я не жаловалась вамъ на

Digitized by Google

нее? Она была груба со мной и, вотъ видите, съ вами. Я накажу ее. Мнѣ вовсе не жаль терять жильца, потому что на ваше мѣсто найдется двадцать; но я привыкла къ вамъ. Вы—точно нашъ родной. Какъ можно? Ни за что не отпущу васъ!

Она постаралась очаровательно улыбнуться и взяла меня за руку.

— Не сердитесь на насъ! Мы очень высокаго мнѣнія о себѣ и ждемъ въ мужья принца. У насъ страшно развита критика: мы взвѣшиваемъ каждый шагъ, каждое слово, каждый взглядъ и все толкуемъ по своему. Лизета!—крикнула Настасья Карповна, выдя въ коридоръ.

— Лизета! — продолжала она кричать визгливо и сердито.

Дѣвушка вошла или, вѣрнѣе, вбѣжала, поправляя обѣими руками свои растрепавшіеся волосы. Щоки ея раскраснѣлись. Она недавно вернулась изъ города.

— Я страшно озябла, мама,—сказала она.—Что тебѣ надо? Неужели я не надоѣла вамъ утромъ?—продолжала она, уловивъ взглядъ матери.—Вы потребовали, чтобы я пришла, а мама такъ и готова исполнять ваши капризы. Право, въ послѣдній разъ повинуюсь!

— Вы видались утромъ?— съ фальшивымъ удивленіемъ спросила Настасья Карповна.

Я понялъ, что карты уже раскрыты.

— Мы катались съ Елизаветой Елизаровной.

— Катались? Новость!—со смѣхомъ вскричала Настасья Карповна.—Какъ мнѣ не бранить васъ? Сами же вы виноваты и еще... представь себѣ, онъ собирался уѣзжать. Я не пущу! Какъ ты думаешь?

— Очень нужно,—холодно произнесла Лизета, но горячій взглядъ ея старался упасть въ мою душу.

Для меня уже ясна была вся механика, а я еще надѣялся на что-то, и мѣдный лобъ мой не могъ пробить прозы дѣйствительности....

Соня вошла въ комнату и съ вѣжливымъ смѣхомъ доложила:

— Въ чемоданѣ, дѣйствительно, два гнѣзда мышей. Я боюсь мышей, не могу, баринъ.

Digitized by Google

— Мыши? маленькія?—спросила Лизета.

— Совсѣмъ... и голыя, какъ отрубленные пальцы.

— Пойдемте, я страсть люблю мышей!—весело предложила Лизета.

— Что касается меня, то я терпѣть не могу мышей.

Послѣ тѣхъ прекрасныхъ, отвлеченныхъ, глубокихъ разговоровъ о дружбѣ, которая выше любви, объ обновленіи, которое ожидаетъ человѣчество, и послѣ ссоры, послѣдовавшей на извощикѣ, послѣ рѣшенія бѣжать безъ оглядки изъ этого дома,—идти съ прелестнымъ существомъ на верхъ смотрѣть на голыхъ мышей было довольно забавно. Но жизнь состоитъ изъ противорѣчій и контрастовъ. Отчего, въ самомъ дѣлѣ, не покориться милому капризу ребенка, которому иногда, при всей его испорченности, хочется рѣзвиться и быть ангельски-невиннымъ и недалекимъ? А Настасья Карповна посмотрѣла намъ вслѣдъ—я не видѣлъ, какъ она смотритъ, но понималъ, что иначе она не можетъ смотрѣть, — взглядомъ бабы-яги, которой удалось хитростью задержать въ своей избушкѣ на курьихъ ножкахъ глупаго Ваничку-Царевича, съ тѣмъ чтобы потомъ вечеромъ, сговорившись съ дочерью, бросить его въ котелъ, сварить и съѣсть.

XXXVI.

Голыя мыши.

Лѣстница, которая вела въ мезонинъ и на чердакъ, была узенькая и такая отвѣсная, что когда Лизета пошла впереди, край ея подола приходился противъ моихъ глазъ. Я видѣлъ, какъ мелькали ея каблучки и одинъ былъ искривленъ. Но этотъ искривленный каблучокъ растрогалъ меня и я хотѣлъ бы забыть все недавнее негодованіе свое противъ Лизеты. Бѣдную дѣвочку прижимаетъ мать; она хочетъ, чтобы дочь пристроилась,—это ясно, ей надоѣло покупать каждый мѣсяцъ свѣжія ботинки. Вдругъ, пока я предавался этому размышленію, стараясь не оступиться внизъ, Лизета пошатнулась. Можетъ быть, виною былъ кривой каблучокъ, а можетъ быть... я сталъ такъ подозрителенъ! Однимъ словомъ, мнѣ пришлось поддержать Лизету. Когда мы очутились на верху, лихорадочная дрожь охватила меня.

Digitized by Google

— Тутъ холодно,—сказалъ я.

— А развѣ бѣднымъ голенькимъ мышкамъ не холодно?—спросила она, и я замѣтилъ, что она тоже дрожитъ.

Комната была большая съ низкимъ потолкомъ, давно нетопленая, пропитанная запахомъ сырости и разлагающихся газетъ, вороха которыхъ были навалены въ углахъ. На полкахъ пылились груды такихъ же плѣсневѣющихъ книгъ, классныхъ тетрадей, старой изношенной обуви (безчисленное множество кривыхъ каблучковъ) битаго стекла и посуды. У дверей стоялъ полуопрокинутый мѣшокъ съ картофелемъ.

— Гдѣ же вашъ чемоданъ?—спросила Лизета.

Я взглянулъ. Онъ былъ раскрытъ и находился въ самомъ жалкомъ видѣ. По тиковому дну его, среди бумажныхъ огрызковъ, клочковъ ваты, соринокъ и разнаго, непонятно откуда явившагося крошева, вяло бѣгали творенія, которыя были такъ живописно сравнены Соней съ отрубленными пальцами.

— Ахъ, вотъ, вотъ. Какая прелесть!—закричала Лизета и, присѣвъ, наклонилась надъ чемоданомъ.

Я долженъ былъ послѣдовать ея примѣру. Дрожь наша не проходила; напротивъ, это была какая-то несносная лихорадка. Я видѣлъ всѣ бѣлыя нитки, которыми Лизета быстро старалась заштопать прорѣху, образовавшуюся въ моихъ отношеніяхъ къ ней. Но лихорадка отняла у меня разумъ. Я глупо смотрѣлъ на «отрубленные пальцы» и почти не видѣлъ ихъ. Въ эту минуту мнѣ казалось, что стоитъ мнѣ протянуть руку и Лизета отдастся мнѣ.—Мышки, мышки!—ломалась она.

«Какъ грубо»! — подумалъ я и взглянулъ на профиль наклоненнаго лица Лизеты. Я еще не видѣлъ такихъ длинныхъ рѣсницъ. Изъ-подъ нихъ свѣтились глаза, но они были устремлены съ наивнымъ вниманіемъ на голыхъ мышекъ. Блѣдныя ручки ловили противныхъ животныхъ.

— Помогите же мнѣ!—наконецъ вскричала она и слегка ударила своею головою мою голову.—А вы таки порядочный трусъ!—продолжала она, такъ какъ я все не рѣшался.

— Возьмите. Неужели вы никогда не рѣшитесь подержать на рукѣ голую мышку?—захлебнувшись смѣхомъ, спросила она.

Digitized by Google

— У васъ страшно дрожатъ руки, Лизета!

— Не правда ли, и холодны?—сказала она и подала мнѣ ихъ.

Я взялъ ее за руки. Этотъ чемоданъ съ мышиными гнѣздами, холодный чердакъ и эта сцена на полу—теперь все это кажется такимъ непривлекательнымъ! Но тогда у меня темнѣло въ глазахъ. Передъ этимъ, благодаря ли болѣзни, или моему новому настроенію, я велъ воздержную жизнь. Крови много было въ моемъ сердцѣ. Она внезапно захлеснула мой мозгъ. Я притянулъ къ себѣ Лизету и поцѣловалъ ее въ щеку. Она не отвѣтила на мой поцѣлуй. Лицо ея стало неподвижно; румянецъ выступилъ на немъ и трепещущія губы ея проговорили только:

— Что же вы боитесь? А она такая хорошенькая, миленькая, маленькая, и мордочка розовенькая!

Я повиновался Лизетѣ и схватилъ мерзкое существо. Но отвращеніе такъ было сильно во мнѣ, что я тряхнулъ рукой, и мышка упала между мной и Лизетой. Дѣвушка отстранилась. Я вскочилъ и нечаянно наступилъ на мышь. Брызнула кровь.

О, Господи! Я пролилъ кровь неповиннаго созданія. Оно было гадко и гнусно, не отрицаю; но, тѣмъ не менѣе, нельзя было сомнѣваться въ его безгрѣшности. Лизета закричала и въ отвѣтъ на этотъ крикъ кто-то сталъ быстро карабкаться по лѣсенкѣ. Влетѣлъ Одуровъ, за нимъ Настасья Карповна.

— Что васъ здѣсь мыши ѣдятъ?—спросила она, а на лицѣ Одурова, который ничего не говорилъ, я прочиталъ другой вопросъ.

Краска стыда и гнѣва бросилась мнѣ въ лицо. Я стоялъ на одномъ концѣ комнаты, Лизета на другомъ. Удивительнѣе всего было то, что на нее смерть мышонка подѣйствовала угнетающимъ образомъ. Отвернувшись, она закрыла лицо руками и, кажется, плакала.

XXXVII.

Чѣмъ кончилось?

Бѣдное невинное созданіе, кровь котораго я пролилъ! Какъ ты во-время подвернулось и какъ хорошо, что ты погибло! Я не знаю, какое объясненіе произошло бы между мною и

Digitized by Google

Лизетою, но, должно быть, мнѣ не поздоровилось бы. Теперь же я могъ окинуть орлинымъ окомъ театръ военныхъ дѣйствій. Называю свое око орлинымъ не изъ самохвальства, а чтобы показать вамъ, какъ я быстро пришелъ въ себя и все сообразилъ. Я произнесъ:

— Мы раздавили мышь.

— Позвольте, милостивый государь!—въ приподнятомъ тонѣ началъ Одуровъ.—Вы избрали плохое мѣсто для шутокъ. Рѣчь идетъ, милостивый государь, не о раздавленномъ мышонкѣ!

— Мама, простите меня,—начала Лизета, отнимая руки отъ лица.—Я нехорошая.

— Что вы сдѣлали съ моей дочерью?—адскимъ голосомъ произнесла вслѣдъ затѣмъ Настасья Карповна.

Я отступилъ шагъ назадъ, скрестилъ руки, закинулъ голову и обвелъ всѣхъ надменнымъ взглядомъ. Жениться при такихъ обстоятельствахъ и на Лизетѣ въ наказаніе за безвременное прекращеніе мною жизни голаго мышонка было бы болѣе, чѣмъ глупо. Вообще было бы глупо жениться на Лизетѣ. Если она не могла подняться до меня, мнѣ незачѣмъ было спускаться до нея. Пусть мать сама покупаетъ ей новыя ботинки.

Стыдно ли стало Лизетѣ моего взгляда, или въ сердцѣ ея задрожала сама собою благородная струнка, только она заговорила:

— Мама! Никита Панкратьевичъ! Я плакала потому, что у меня слабые нервы.

— Говори откровенно и не бойся меня!—голосомъ бѣлухи проревѣла m-me Шиповъ.—Что сдѣлалъ съ тобою онъ?

— Ничего, мама!

Рука Настасьи Карповны мелькнула въ воздухѣ и звонко прикоснулась къ прелестной щекѣ Лизеты. Я не успѣлъ остановить руки. Дѣвушка бросилась къ выходу и стремглавъ сбѣжала по лѣсенкѣ.

Когда мы остались втроемъ, я сказалъ:

— Какая низость!

— Повторите, милостивый государь!—произнесъ Одуровъ.

— Низость!—повторилъ я.

— Можете уѣзжать, я васъ болѣе не удерживаю!—вскричала m-me Шиповъ.

Digitized by Google

— Я съ вами раздѣлаюсь!—проговорилъ Одуровъ, подойдя ко мнѣ, но не успѣлъ я придать моимъ рукамъ другое положеніе, не обнаруживъ ни малѣйшаго намѣренія пускать ихъ въ дѣло, какъ Никита Панкратьевичъ отстранился, какъ бы прячась за Настасью Карповну.

— Я съ вами раздѣлаюсь!—повторилъ онъ, задыхаясь.

Не знаю, былъ ли это искусственный гнѣвъ или натуральный,—я потерялъ способность безпристрастно относиться. Все вокругъ меня дышало притворствомъ, а—главное—все было такъ глупо. Я наклонился, опрокинулъ чемоданъ, ударивъ его объ полъ, и вытряхнулъ мышей. Потомъ я сбросилъ чемоданъ съ лѣстницы. Грохотъ, произведенный имъ, заставилъ Одурова съежиться и броситься въ дальній уголъ комнаты.

— Я съ вами раздѣлаюсь!—прохрипѣлъ онъ вслѣдъ мнѣ съ благородной отвагой.

XXXVIII.

Кто страдаетъ?

— Уѣзжаете?—спросилъ ученый сморчокъ.

— Надо было раньше уѣхать,—отвѣчалъ я.

— Я отниму у васъ пять минутъ, по обыкновенію.

— Пятнадцать, профессоръ, и даже хоть сто пятьдесятъ. Все мое время въ вашемъ распоряженіи.

— Что ваша любовь?—тихо и серьезно освѣдомился онъ, входя и садясь на диванъ.

— Ея больше нѣтъ, если она только была.

— Сомнѣваюсь. Можно ли было ожидать, что васъ отпустятъ безъ скандала?—произнесъ профессоръ и пожалъ плечами.

— Скандалъ былъ.

— А, очень радъ.

— Чему же, профессоръ?

— Онъ долженъ былъ быть. Еслибы его не было, логика сумбура пострадала бы.

— Что вы называете сумбуромъ?

— Ваши отношенія къ моему дому. Они были ненормальны и нелѣпы. Вы искали свѣта тамъ, гдѣ его нѣтъ.

Digitized by Google

— Мнѣ кажется, я нашелъ его въ васъ, профессоръ. Я бы хотѣлъ только, чтобы вы дали мнѣ нѣсколько лучей.

— Съ удовольствіемъ, если у меня найдется для васъ. Въ теченіе своей долгой жизни я только расходовалъ свой свѣтъ, съ каждымъ днемъ все больше и больше приближаясь къ мраку. Мнѣ снилось сегодня, что я умру. Узнавъ, что вы уѣзжаете, я зашелъ къ вамъ проститься и кстати попросить васъ, чтобы вы пришли на мои похороны. Хотѣлъ бы, чтобы кто нибудь убѣдился,—что смерть не всегда являетъ собою прекращеніе всѣхъ психологическихъ отправленій. Я буду имѣть радостное выраженіе. Прошу обратить особенное вниманіе на мою улыбку.

— Соня, сварите намъ чернаго кофе! Да, профессоръ, я непремѣнно приду на ваши похороны. Но, скажите мнѣ, что̀ такое жизнь безъ вѣры въ того, кого любишь?

— Вы очень страдаете?—спросилъ профессоръ.

— Очень.

— Прибавьте въ черный кофе, который принесутъ, коньяку. На старости лѣтъ я нашелъ, что въ винѣ скрывается нѣсколько весьма спасительныхъ вещей.

— Этимъ исчерпывается вашъ совѣтъ, профессоръ?

— Мнѣ жаль васъ. Вы не шутите и, значитъ, дѣйствительно, страдаете. Для меня вы представляете, тѣмъ не менѣе, нѣкоторую загадку.

— Ваша анатомія мѣднаго лба остановилась на многоточіи и вопросительномъ знакѣ, не правда ли?

Ученый сморчокъ отклонилъ голову, такъ что напряглись всѣ жилы на его шеѣ, и, скосивъ ротъ, пытливо посмотрѣлъ на меня, что̀ означало: откуда вы знаете?

— Мнѣ сказала Настасья Карповна,—солгалъ я.

Ужасно преобразилось лицо профессора. Носъ его утонулъ во вздувшихся щекахъ, ротъ безобразно сморщился, глаза исчезли. Онъ выскочилъ въ коридоръ и вбѣжалъ въ апартаменты своей супруги. Этого онъ никогда не дѣлалъ раньше. Я услышалъ трескъ стула, который онъ сломалъ о паркетъ, и жалобный вопль Настасьи Карповны. Я не думалъ, что моя безцѣльная шутка произведетъ такое превосходное дѣйствіе.

По коридору застучали каблучки. На помощь мамашѣ бѣжали дочери, туда же бросилась Соня, а г-нъ Одуровъ стоялъ

Digitized by Google

поодаль, справедливо опасаясь, по нѣкоторымъ соображеніямъ, войти къ Настасьѣ Карповнѣ. Я пріотворилъ дверь и съ наслажденіемъ прислушивался ко всему этому хаосу. «Если на профессора *находитъ*,—думалъ я,—то будетъ отлично, если онъ ее оттаскаетъ».

Антигона и Лариса, къ сожалѣнію, вывели ученаго сморчка подъ руки, уговаривая успокоиться. Онъ страшно моргалъ бровями, вытягивалъ руки, словно для бокса, и кричалъ:

— Воры... къ прокурору!..

Потомъ вдругъ остановился среди коридора, покраснѣлъ и посинѣлъ, звѣрски топнулъ ногою и визгливо закричалъ:— Завтра начну убивать!

«Отчего же не сегодня?—подумалъ я.—Все равно тебя посадятъ, бѣдняжку. Они воспользуются твоей способностью терять человѣческій образъ. Имъ стоитъ только нажать пуговку и—зазвонишь. Ахъ, пустите же старика! Дайте ему въ руки топоръ, кухонный ножъ поострѣе, молотокъ! Профессоръ, возьмите, наконецъ, мой чемоданъ и прихлопните имъ нашего общаго врага».

Жалѣю, что я не высказалъ этой мысли вслухъ. Мы не всегда бываемъ откровенны до конца и самые смѣлые и удачные выводы, къ какимъ мы приходимъ, хранимъ про себя и не дѣлаемъ изъ нихъ достойнаго употребленія.

XXXIX.

Послѣднее слово.

Неужели вы думаете, что я разлюбилъ Лизету? Но развѣ я ее любилъ? Скажите мнѣ еще разъ, что такое любовь? Сердце мое горѣло. Позвольте употребить вульгарное сравненіе и уподобить его лампѣ съ масломъ. Оно горѣло, какъ лампада, и освѣщало мою пошлую жизнь яркимъ и, мнѣ казалось, благороднымъ свѣтомъ. Но въ масло стали окунаться пальцы Настасьи Карповны, безподобнаго Одурова и сама милочка, дѣвственная Лизета, стала смазывать имъ свои искривленные башмачки. Послѣдній разъ вспыхнула лампа и такъ начадила, что я чуть было не угорѣлъ, а затѣмъ погасла. Сердце погасло. Яркій солнечный день превратился въ сумрачный вечеръ. Надъ моею головою рѣютъ летучія мыши вос-

Digitized by Google

поминаній. У ногъ моихъ скачутъ жабы раскаянія (выражаясь декадентскимъ языкомъ). Я жалѣю, что, пріѣхавъ въ этотъ городъ, поселился въ семейномъ домѣ. Я раскаиваюсь, что мохнатой лапѣ, схватившей меня тогда ночью въ передней моего подъѣзда, я не придалъ болѣе серьезнаго значенія, не посмотрѣлъ на нее, какъ на предзнаменованіе, какъ на дурной знакъ, какъ на жесть домоваго, предупреждающаго, что меня ждетъ несчастіе и чтобы я былъ осторожнѣе. Вмѣсто этого, я легкомысленно отправился къ Никитѣ Панкратьевичу смотрѣть самосвѣтящіеся предметы! Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно. Каждое новое разочарованіе проводитъ морщину на сердцѣ, а иныя морщины такъ глубоки, что ихъ ничѣмъ не замажешь до конца жизни — никакими радостями и увлеченіями. Сердце болитъ отъ времени до времени; къ этой боли присоединяются ревматическія схватки въ лѣвой ногѣ. Въ моей прекрасной золотисто-рыжей шевелюрѣ начинаетъ пробиваться сѣдина; вокругъ глазъ ложатся «гусиныя лапки». То, что̀ еще недавно казалось такимъ идеальнымъ, свѣтлымъ, чистымъ, потускнѣло. Прекрасныя слова, исполненныя вѣры въ будущее обновленіе человѣчества, не срываются съ языка. Они кажутся чѣмъ-то фальшивымъ и лживымъ. Полно! наступитъ ли когда нибудь обновленіе—по крайней мѣрѣ, для Бѣлоглазовыхъ?

Недавно я встрѣтился съ Косточкой въ вагонѣ втораго класса, по дорогѣ въ Москву, куда я ѣхалъ принять наслѣдство отъ сестры,—бывшей гражданской жены доктора и нынѣ навсегда распростившейся съ земными предразсудками. Наслѣдство состояло изъ трехъ племянницъ и двухъ племянниковъ. Когда у насъ нѣтъ своихъ дѣтей, судьба посылаетъ намъ чужихъ. Что̀ касается доктора, то онъ умеръ еще раньше жены. Озабоченный пріятной перспективой сдѣлаться главою семейства, я мрачно смотрѣлъ на дымъ, какъ тургеневскій герой; а дымъ, разумѣется, цѣплялся за болотныя кочки, за верхушки деревьевъ, за телеграфные столбы и просто катился по лужамъ, продѣлывая все до малѣйшихъ подробностей, что̀ было уже много разъ описано нашими беллетристами.

Косточка узнала меня и сама окликнула:

— Эрастъ Харитоновичъ! какими судьбами?

Я посмотрѣлъ на нее и увидѣлъ, что Косточка, строго го-

Digitized by Google

воря, перестала быть косточкой. Это была высокая, полная дама, съ красивымъ розовымъ лицомъ, съ кавалергардской грудью и даже съ легкимъ баскомъ. Крошечные усики тоже выросли у Косточки.

— Самыми обыкновенными судьбами, — сказалъ я. — Конечно, вы замужемъ?

— Конечно.

— А... вашъ папаша живъ?

— Какой папаша?

— Профессоръ. Умеръ, разумѣется?

— Профессоръ скончался въ Кирилловскомъ богоугодномъ заведеніи, въ третьемъ году. Развѣ вы не читали въ газетахъ?

— Пропустилъ.

— Онъ ждалъ васъ. Передъ смертью умъ его прояснѣлъ.

— Значитъ, его таки посадили?—проговорилъ я.—Виноватъ, я только теперь вспомнилъ, что обѣщалъ ему пріѣхать на его похороны. Но какимъ образомъ онъ могъ ждать меня, однако, лежа въ гробу?

— Представьте, онъ умиралъ два раза. Когда его ужь обрядили и положили на столъ, онъ вдругъ поднялся и спросилъ: «А гдѣ мѣдный лобъ»? Всѣ страшно перепугались, конечно, и никто не понялъ, кромѣ меня, что дѣло идетъ о васъ. Вы простите меня, я три года назадъ еще была дѣвчонкой.

Со свойственной мнѣ наглостью,—къ «старости» она развилась во мнѣ еще больше,—я окинулъ Косточку съ ногъ до головы внимательнымъ взглядомъ, какъ бы сомнѣваясь въ справедливости ея заявленія. Формы такія, что ой-ой-ой! — выражаясь междометіемъ безсмертнаго Базарова.

— Никита Панкратьевичъ Одуровъ,—продолжала Косточка,—женился на мамѣ.

— Женился на мамѣ? на Настасьѣ Карповнѣ?

— Теперь нечего скрывать,—понизивъ голосъ, продолжала Косточка,—онъ нашъ отецъ. Онъ благородно поступилъ.

— Вообще, онъ благородный человѣкъ,—сказалъ я.

Косточка, улыбаясь, смотрѣла на меня. Пикантна улыбка у молодыхъ дамъ, у которыхъ въ уголкахъ губъ растетъ пушокъ! Не поухаживать ли за Косточкой? Но это такъ только мелькнуло у меня, а на самомъ дѣлѣ мнѣ было не до ухаживанья. Меня, правду сказать, интересовало, что̀ сталось съ

Digitized by Google

Лизетой. Я ужь нѣсколько лѣтъ, какъ на другомъ мѣстѣ и въ другомъ городѣ. Мѣсто очень хорошее, жалованья вдвое больше, а дѣла еще меньше. Но все не находилось времени справиться о Лизетѣ. Косточка догадалась по моимъ глазамъ, какой вопросъ шевелился у меня въ сердцѣ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ подъ густымъ слоемъ пепла, накопившагося годами, не могла сохраниться еще какая нибудь ничтожная искорка?

— Какъ вы измѣнились! — сказала Косточка. — Были вы такъ хороши собой! Сказать вамъ по секрету, я была влюблена въ васъ.

Она разсмѣялась.

— Смѣшно, конечно?

— Вѣроятно, я скоро сказалъ бы вамъ по секрету то же самое теперь, еслибы намъ пришлось проѣхать два дня вмѣстѣ.

— Благодарю васъ. Но теперь я впустила бы въ одно ухо и выпустила бы въ другое ваше признаніе. Александра,— помните Александру?—замужемъ, тоже за профессоромъ греческой словесности.

— А гречанки какъ же уступили?

— Лариса и Антигона? Онѣ въ старыхъ дѣвахъ такъ и остались, открыли пансіонъ.

— Для благородныхъ дѣвицъ?

— Ошибаетесь, для мальчиковъ.

— Я предпочелъ бы дѣвицъ. Ну, а...

Косточка усмѣхнулась и пристально посмотрѣла на меня.

— Вы хотите спросить о...

— О Лизетѣ Елизаровнѣ.

— Не знаю, кому обязана она,—вамъ или дурному обществу, въ которое она попала послѣ того, какъ вы уѣхали отъ насъ, но только...

— Что же такое? Говорите ради бога!

— Ради бога извольте. Лизеты больше нѣтъ.

— Не умерла же она? Вы говорите такими загадками.

— Она стала кокоткой.

— Она обязана этимъ не мнѣ, а вашей мамашѣ,—горячо сказалъ я.—Когда же это началось?

— Скоро. Можетъ быть, черезъ годъ.

— А почему же студентъ Бурачокъ не спасъ ее?

Digitized by Google

— Онъ, кажется, былъ самъ въ числѣ счастливцевъ, — объявила Косточка съ откровенностью, которая всегда была ей присуща.—Она ѣздитъ въ своемъ экипажѣ и вся въ брилліантахъ.

— Вотъ какъ!

— Свобода не всегда, однако, приводитъ... — начала Косточка, затрудняясь подыскать выраженіе.

— Къ брилліантамъ?—подсказалъ я.

— Да. Но она дурно поняла свободу, о которой вы ей толковали.

— Меньше всего я ожидалъ такого ужь окончательно пошлаго конца для Лизеты. Я думалъ, что она выдетъ замужъ и будетъ измѣнять мужу... замужъ непремѣнно за человѣка со средствами... а въ дѣвицахъ она должна была свято блюсти свою тѣлесную чистоту, на которую смотрѣла, какъ на завѣтный капиталъ. А вы куда же ѣдете?

Косточка объяснила, что она ѣдетъ въ деревню, такъ какъ мужъ ея—помѣщикъ. Черезъ двѣ станціи, она простилась со мною, и я опять остался одинъ въ вагонѣ. День былъ такой скучный, и угрюмая погода навѣвала неопредѣленный, мелкій, пошлый ужасъ на душу. Я съ отвращеніемъ смотрѣлъ и на пейзажи, мелькавшіе изъ окна вагона, и на товарищей моихъ по путешествію. Насилу дождался я вечера, поднялъ откидной диванъ и забрался наверхъ. Вагонъ покачивало. Въ его крышу стучалъ дождь. Я хотѣлъ заснуть и думалъ о Лизетѣ. Неотступно она стояла передъ моими глазами. Ни въ какомъ случаѣ не я способствовалъ ея паденію. Я спасалъ себя— и только. Смутные сны начали слетать ко мнѣ на душу, образы расплывались, соединялись въ туманныя или грозныя группы. Положительно не помню, что̀ такое мнѣ снилось. Но мнѣ показалось,—я слышу сквозь сонъ,—какъ кто-то громко рыдаетъ. Рыданія были такъ нестерпимо болѣзненны, что душа моя ныла, а сердце переворачивалось отъ состраданія. Я готовъ былъ умереть, лишь бы не слышать этихъ рыданій. Наконецъ, я не выдержалъ, проснулся, и каково было мое удивленіе,—это я самъ рыдалъ! Слезы текли у меня по лицу и бородѣ. Я прижалъ къ глазамъ платокъ и уткнулся въ подушку. Мнѣ было странно, что я плачу. Я такъ давно не плакалъ,— съ дѣтства. Кого мнѣ было жаль? себя? Лизету? погибшихъ

Digitized by Google

мечтаній? Стыдно было за свою духовную пустоту? Страшно было ожидавшаго меня будущаго? Не знаю. Я былъ несказанно одинокъ, и еслибы кукуевская катастрофа случилась въ эту ночь и погребла бы меня на днѣ размытой плотины, это былъ бы самый лучшій мой конецъ! Но страшныя несчастія случаются съ нами вовсе не тогда, когда мы ихъ жаждемъ.

Я совершенно благополучно пріѣхалъ въ Москву.

І. Ясинскій.

Конецъ.

Digitized by Google

Ночникъ.

Чадитъ, коптитъ ночникъ мой одинокій
И гаснетъ онъ... Восходитъ ясный день;
Колебляся, бѣжитъ ночная тѣнь,
И гаснетъ пологъ звѣздоокій..,

Но тьма души растетъ при свѣтѣ дня,
Мучительно упреки сердце гложутъ...
И тайныя сомнѣнія тревожатъ,
Какъ фуріи, преслѣдуя меня...

Мнѣ ночи жаль, мнѣ жаль ея видѣній
И сладкаго самообмана сновъ...
И сѣтовать, и плакать я готовъ
Подъ бременемъ тяжелыхъ впечатлѣній.

Ни радостей, ни счастія въ быломъ;
Грядущее—восторгомъ не согрѣто...
И мнится мнѣ:—вотъ-вотъ въ сіяньѣ свѣта
Погаснетъ жизнь унылымъ ночникомъ!

К. Фофановъ.

Digitized by Google

Еврейскій вопросъ въ нравственно-религіозномъ отношеніи.

«Либерализмъ относительно евреевъ—
это кабала для русскаго народа».
И. С. Аксаковъ.

I.

Наши законы, какъ извѣстно, строго соблюдаютъ достоинство государственной религіи и, охраняя ея господствующее положеніе, тщательно ограждаютъ ее отъ вліянія всякаго рода иновѣрцевъ, пресѣкая тѣмъ возможность совращенія православныхъ въ иновѣріе и вообще какого бы то ни было измѣненія ихъ религіознаго положенія. Особенною ясностью,—хотя, какъ увидимъ ниже, и неполнотою, — отличаются въ этомъ отношеніи статьи закона, ограждающія православіе, какъ равно и всѣ другія христіанскія вѣроисповѣданія, отъ пагубнаго вліянія именно нехристіанскихъ ученій вообще; главнымъ же образомъ юдаизма, отличающагося наибольшимъ человѣконенавистничествомъ, фанатически-враждебно относящагося къ христіанству и рѣзко-противоположнаго *всему духу* христіанскаго нравоученія.

Существуетъ, правда, мнѣніе, что религіозно-нравственныя основы у христіанъ и іудеевъ почти тожественны (sic), разнясь только (?!) непризнаніемъ послѣдними въ Іисусѣ Христѣ Мессіи,—такъ что, стоя на такой почвѣ, пришлось бы только удивляться, какъ можетъ іудейство погубно вліять на христіанство и зачѣмъ законодателю такъ заботливо ограждать его отъ «сроднаго» ему юдаизма? Но какъ ни распространено это мнѣніе, пущенное и усердно распространяемое въ корыстныхъ цѣляхъ евреями, оно является у однихъ—грубою тенденціей и наглою инсинуаціей, а у другихъ—плодомъ печальнаго заблужденія, вытекающаго изъ крайне скуднаго знакомства нашихъ не только частныхъ людей, но даже миссіонеровъ и богослововъ съ главнѣйшими основами еврейско-раввинскаго ученія. Достаточно, однако, бѣглаго, но яснаго,—не окутаннаго туманомъ еврейскихъ мудрецовъ (дѣйствующихъ и въ этомъ случаѣ въ интересахъ своего кагала),—знакомства съ сущностью іудейскаго ученія, чтобы увидѣть и признать, что ходячее мнѣніе о тожествѣ его съ христіанскимъ—*въ самой основѣ своей не только невѣрно и ошибочно, но и прямо нелѣпо*. «Основы христіанской и совре-

Digitized by Google

менной еврейской религіи не только не тожественны, но онѣ *совершенно противоположны*» — говоритъ извѣстный изслѣдователь іудаизма С. Я. Диминскій, — и съ нимъ согласятся, конечно, всѣ, кто такъ или иначе приходилъ въ соприкосновеніе съ іудаизмомъ и кто мало-мальски знакомъ съ доктринами этого антихристіанскаго ученія.

Прежде всего, врядъ ли іудаизмъ можетъ даже считаться религіей въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимается и должно пониматься это слово. Еще въ до-христіанскія времена, еврейское вѣроученіе удалилось отъ того, что́ называется религіей и что́ составляетъ основу и сущность всякой религіи. Что же нынѣ, спустя еще двѣ тысячи лѣтъ, осталось *религіознаго* въ этомъ ученіи, основными кодексами котораго служатъ талмудъ и шулханъ-арухъ,—эти ужаснѣйшія хитросплетенія коварства, лжи и изувѣрства? Культъ современнаго еврейства окончательно потерялъ всякія свойства и основы религіи въ дѣйствительномъ, возвышенномъ смыслѣ этого понятія, и въ настоящее время *евреи не имѣютъ въ сущности никакой религіи*: они утратили ее, благодаря талмуду и шулханъ-аруху, и, не смотря на свою наружную, показную якобы-религіозность, на самомъ дѣлѣ являются племенемъ совершенно безрелигіознымъ.

Безъ сомнѣнія, это многимъ покажется страннымъ. Но таково уже вѣдь свойство еврейства: какъ только начнешь копаться въ немъ, тотчасъ же одна странность обнаруживается за другою и самая бо́льшая, самая изумительная изо всѣхъ этихъ странностей,— это, конечно, самое существованіе израиля въ наше время и среди насъ. Безрелигіозность еврейства принадлежитъ еще къ числу наименьшихъ странностей и притомъ является одною изъ немногихъ, которыя не только не отрицаются, но и открыто признаются самими евреями, разумѣется, тѣми изъ нихъ, которые не лишены способности мышленія. «*Еврей не имѣетъ религіи*— говоритъ одинъ изъ такихъ евреевъ, Дубновъ:—онъ имѣетъ только *систему обрядовъ*, доведенныхъ до абсурда. Онъ (т. е. еврей) не знаетъ истиннаго Бога... Ортодоксальный еврей свято почитаетъ мелкія необъяснимыя обрядности, не поднимаясь до смысла послѣднихъ по весьма простой причинѣ: что *въ нихъ смысла никакого нѣтъ*... Раскройте всѣ религіозные кодексы всѣхъ народовъ міра и вы ничего подобнаго шулханъ-аруху (и талмуду, добавлю я) не найдете. Развѣ у одного Конфуція увидите слабое (очень слабое) подобіе *такой возмутительной регламентаціи*... Еврейство стоитъ вотъ уже много вѣковъ на такой ступени развитія, при которой внѣшняя религіозность господствуетъ во всѣхъ сферахъ дѣла, слова и мысли, и при которой народу *невозможно прогрессировать* въ духѣ времени, ни въ качествѣ мыслящаго цѣлаго, ни въ качествѣ части государственнаго механизма, т. е. ни въ умственномъ, ни въ нравственномъ, ни въ общественно-гражданскомъ отношеніяхъ» [1]).

Таковъ смыслъ или—точнѣе—таково безсмысліе еврейской религіи, которая (если даже и считать ее религіей) во всякомъ случаѣ не только не имѣетъ, ни въ существѣ, ни въ деталяхъ своихъ,

[1]) «Восходъ» 1893 г., іюнь.

Digitized by Google

ничего общаго съ христіанствомъ, но, напротивъ, находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ нимъ и совершенно противна всему духу христіанскаго нравоученія, на почвѣ котораго создалась и выросла вся міровая культура и цивилизація. Что̀ можетъ быть, напримѣръ, выше и святѣе первой и главной христіанской заповѣди: «возлюби ближняго, какъ самого себя»? Ничего подобнаго вы не найдете въ еврейскихъ религіозныхъ кодексахъ. Основа христіанства—миръ и любовь, основа іудейства — вражда, ненависть и коварство. «Въ христіанствѣ—говоритъ С. Я. Диминскій—не представляется никакихъ трудностей ни въ вопросѣ о томъ, какая заповѣдь самая бо́льшая, ни въ вопросѣ о томъ, кто нашъ ближній. Христіанинъ не только долженъ любить всякаго другаго, какъ самого себя, но долженъ жертвовать за него своею жизнью, долженъ любить своихъ враговъ, благотворить ненавидящимъ, а о томъ, чтобы христіанинъ имѣлъ право кого либо ненавидѣть, обманывать, грабить, подводить подъ напасть и даже убивать,—объ этомъ въ христіанствѣ не можетъ быть и рѣчи. Между тѣмъ, еврейско-талмудическая доктрина, принимаемая нашими евреями, не требуетъ самоотверженной любви даже относительно своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, *которые одни считаются у евреевъ ближними и братьями*. Еврейская талмудическая доктрина опредѣлила въ точности, кто имѣетъ преимущественное право на проявленіе къ себѣ любви и въ какомъ порядкѣ эта любовь должна проявляться; она установила, что дѣйствіями враждебнаго характера даже единовѣрный и единоплеменный еврей не только можетъ потерять право на любовь евреевъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ *открытое убійство такого человѣка признано будетъ великимъ дѣломъ благочестія*. Иноплеменники и иновѣрцы *ни въ какомъ случаѣ* не братья и не ближніе евреямъ, и въ отношеніи ихъ исполненіе требованій гуманности еврейскими канонистами *только допускается* «для путей мира», т. е. *для пользы самихъ евреевъ*. Общее же для евреевъ правило въ разсужденіи иноплеменниковъ и иновѣрцевъ состоитъ въ томъ, чтобы вообще *не щадить ихъ*» [1]).

Если прибавить къ этому извѣстную непримиримую ненависть евреевъ къ христіанству, ихъ фанатическую раболѣпность передъ своею «системою обрядовъ»; обязанность ихъ всегда и во всемъ поступать противъ и во вредъ христіанамъ, которыхъ они огульно называютъ *скотами*, и которыхъ, по ученію талмуда, должны не только остерегаться, но развращать и истреблять [2]),—то ясно станетъ изо всего этого, какъ пагубно долженъ вліять вообще юдаизмъ на все, съ чѣмъ онъ такъ или иначе приходитъ въ соприкосновеніе, и какое нравственно-религіозное растлѣніе вноситъ еврейство въ ту среду, куда вторгается и которой на дѣлѣ, такъ сказать, приходится знакомиться съ его антисоціальными доктринами.

---

[1]) С. Я. Диминскій. «Евреи, ихъ вѣроученіе и нравоученіе». Спб. 1891 г., стр. 8—10.

[2]) Это точныя требованія талмуда. См. подробно о нихъ въ книгѣ профессора петербургской католической духовной академіи Пранайтиса: *Christianus in Talmude Iudaeorum* (Христіанство въ іудейскомъ талмудѣ). Спб. 1892 г.

Digitized by Google

Вотъ почему законъ такъ заботливо стремится оградить христіанство отъ всегда тлетворнаго и пагубнаго юдаизма, тщательно охраняя его отъ всякихъ посягательствъ со стороны послѣдняго,— и вотъ почему эта сторона еврейскаго вопроса заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія, какъ одна изъ существеннѣйшихъ сторонъ этого глубоко важнаго вопроса, никогда не сходящаго съ авансцены нашей государственной жизни.

Намъ нѣтъ, конечно, рѣшительно никакого дѣла до внутренняго содержанія и внѣшней обрядовой стороны іудейскаго вѣроученія, поскольку и то, и другое касается *самихъ только евреевъ*. Но мы не можемъ и не должны оставаться пассивными зрителями, когда разлагающее вліяніе юдаизма *начинаетъ выходить изъ присущихъ ему и обозначенныхъ для него рамокъ*, вторгаясь въ чужую среду, — въ среду, которая и въ нравственномъ, и въ культурномъ, и въ общественно-гражданскомъ отношеніяхъ стоитъ неизмѣримо выше его и которую поэтому онъ способенъ только растлѣвать и, во всякомъ случаѣ, понизить ея нравственный уровень. Въ такомъ случаѣ мы уже прямо обязаны немедленно оградить христіанское населеніе отъ этого растлѣнія, и этимъ огражденіемъ,—какъ бы рѣшительно и энергично оно ни было проведено, — нисколько не нарушится всегда соблюдаемый нами принципъ вѣротерпимости, ибо быть вѣротерпимымъ по отношенію къ какой нибудь народности — вовсе не означаетъ, что эта народность можетъ свободно вторгаться въ нравственно-религіозную жизнь другихъ народностей и что должно относиться безразлично ко всѣмъ другимъ, — въ томъ числѣ и къ своей,—религіямъ.

Я не говорю уже о томъ, что по отношенію къ юданизму полная терпимость и немыслима въ государствѣ, главнѣйшій устой котораго составляетъ *христіанская нравственность. Собственно религіозное ученіе*, его обрядность и пр.,—каковы бы они ни были,— всегда пользуются у насъ полною свободою обращенія и безусловною терпимостью съ нашей стороны; никому изъ насъ и въ голову не придетъ дѣйствовать противъ какой бы то ни было религіи, *какъ религіи*. Также точно мы совершенно терпимы по отношенію и къ еврейскому вѣроученію, пользующемуся у насъ полною свободою обращенія, *но не къ гражданскимъ уложеніямъ, каковыми являются de facto и de jure талмудъ и шулханъ-арухъ*. Ихъ изувѣрство, человѣконенавистничество и безнравственная мораль не могутъ не вызывать чувства глубокаго отвращенія къ нимъ во всѣхъ, кто не способенъ проникнуться ихъ низменными идеалами. Мы отлично уживаемся съ евреями-караимами и они пользуются у насъ всѣми правами гражданства. Но ни мы и *никто на всемъ земномъ шарѣ не можетъ ужиться съ евреями-талмудистами*; никто не можетъ примириться съ тѣми, унижающими человѣческое достоинство, безнравственными стремленіями, которыми (возведя ихъ даже въ религіозную догму!) живетъ и дышетъ эта огромнѣйшая часть еврейства, и отъ проникновенія которыхъ въ свою среду должны, безъ сомнѣнія, тщательно ограждаться всѣ народы и государства.

Въ отношеніи къ талмудистамъ, мы—не нападающая, а обороняющаяся сторона и,—какъ это ни непріятно имъ,—должны всѣми

Digitized by Google

средствами обороняться и отбиваться какъ отъ нихъ самихъ, такъ и отъ ихъ *воинствующаго*, по отношенію къ христіанству, юдаизма. Въ повседневныхъ молитвахъ своихъ, евреи-талмудисты обрекаютъ всѣхъ насъ, христіанъ, на гибель, призывая на насъ страшный гнѣвъ Божій и прося истребленія нашего. «*Клеветникамъ (т. е. христіанамъ* [1])—говорится въ одной изъ этихъ молитвъ,—*да не будетъ надежды и да пропадутъ въ мигъ всѣ*»... «Гони ихъ (христіанъ) съ яростью—говорится въ другой молитвѣ—и сотри ихъ изъ-подъ небеснаго свода Твоего» [2]). У насъ, какъ христіанъ, нѣтъ и, конечно, не можетъ быть такого дикаго изувѣрства, такой животной ненависти ни къ евреямъ, ни къ кому бы то ни было. Не о гибели и истребленія израиля просимъ мы въ своихъ молитвахъ, а о скорѣйшемъ пришествіи его въ разумъ,—объ отрѣшеніи его отъ средневѣковаго мрака и заблужденій, о просвѣщеніи его свѣтомъ христіанской морали...

Но до тѣхъ поръ, пока наступитъ это просвѣтленіе израиля и пришествіе его въ разумъ, мы должны всѣми средствами охранять себя отъ талмудическаго ненавистничества и злоумышленій по отношенію къ намъ, отъ вторженія его въ нашу нравственно-общественную и литературную жизнь.

II.

Евреи, въ такомъ ужасномъ обиліи населяющіе наше злополучное отечество, какъ извѣстно, отличаются необыкновенною косностью въ своихъ «религіозныхъ» вѣрованіяхъ; живя, безъ малаго два тысячелѣтія, среди христіанства, они тѣмъ не менѣе и до сихъ поръ фанатически-ненавистно относятся къ нему и не только не выказываютъ вообще ни малѣйшей наклонности пріобщиться къ нему, усвоить его высокіе общественные идеалы и нравственную мораль,—но, вѣрные своимъ талмудическимъ утопіямъ, всегда и во

---

[1]) Евреи, какъ и ихъ религіозныя книги, никогда не называютъ христіанъ своимъ именемъ, присвоивая имъ всевозможные, крайне нелестные эпитеты, какъ-то: гойи, акумы, клеветники, язычники, мужеубійцы, развратники, звѣздопоклонники, и т. п. Также точно и имя Христа почти не упоминается въ еврейскихъ религіозныхъ книгахъ, хотя о немъ безпрестанно говорится въ нихъ, разумѣется, со страшною злобою и ненавистью. «Имя Іисуса—говоритъ Фарраръ, извѣстный англійскій историкъ и богословъ (см. его *Жизнь Іисуса Христа*, т. I прилож. II)—встрѣчается около 20 разъ только въ *неподчищенныхъ* изданіяхъ талмуда, послѣднее изъ которыхъ вышло въ Амстердамѣ въ 1645 году. Указанія на него отличаются крайнею ненавистью, прикрытою страхомъ; они отличаются также грубою беззастѣнчивостью и небрежностью, характеризующею этихъ, совершенно лишенныхъ всякаго критико-историческаго смысла, писателей... Спаситель называется такими терминами: «Тотъ Человѣкъ», «Такой-то», «Тотъ, Котораго нельзя назвать по имени», «повѣшенный», «Авессаломъ», «Бенъ-Стада», «Бенъ-Пандера». Перелагая греческую форму Его имени на еврейскія буквы, они каждую букву дѣлали началомъ еврейскаго слова, которыя всѣ вмѣстѣ означали: «Память Его да погибнетъ и Его имя да изгладится».

[2]) Я. Брафманъ. *Книга Кагала*, изд. III, 1888 г., ч. I, стр. 35 и 51.

Digitized by Google

всемъ дѣйствуютъ наперекоръ и во зло ему, никогда не упуская случая пропагандировать среди него свой заскорузлый юдаизмъ.

Правда, въ послѣднее время, весьма нерѣдки случаи принятія евреями христіанства, что̀ многими считается за признакъ начинающагося просвѣщенія израиля и выхода его изъ средневѣковаго мрака. Къ сожалѣнію, на дѣлѣ это оказывается далеко не такимъ отраднымъ и знаменательнымъ явленіемъ, какъ можетъ казаться многимъ, видящимъ только самый фактъ, внѣшнюю его сторону. По официальному и авторитетному свидѣтельству преосвященныхъ тѣхъ епархій, которыя входятъ въ черту еврейской осѣдлости (именно: волынскаго, литовскаго, могилевскаго и полоцкаго), «*обращеніе евреевъ (въ христіанство) вызывается въ большинствѣ случаевъ не искреннимъ убѣжденіемъ, а какими либо житейскими разсчетами и выгодами* (и здѣсь гешефтъ!). Поэтому, *когда эти разсчеты не оправдаются, перекрёсты большею частію опять совращаются въ іудейство*» [1]).

Таковъ дѣйствительный ходъ «ассимиляціи» евреевъ съ христіанскимъ населеніемъ, въ возможность которой у насъ вѣрили еще очень недавно. Увы! на дѣлѣ это оказывается не болѣе, какъ пустыми и ни на чемъ неосновательными мечтаніями. Къ ассимиляціи еврей прибѣгаетъ только тогда (за рѣдкими исключеніями), когда видитъ выгодный для себя гешефтъ, и то прибѣгаетъ къ ней,—какъ это видно изъ только что приведеннаго официальнаго удостовѣренія,—какъ къ обману, не думая даже, хотя бы на одну іоту, мѣнять складъ своего внутренняго духовнаго быта. Въ существѣ ассимилировавшійся еврей остается тѣмъ же евреемъ, какимъ былъ и ранѣе; онъ притворно измѣняетъ только наружную свою оболочку, надѣваетъ временно на себя овечью шкуру и, совершивъ такимъ обманнымъ образомъ выгодный гешефтъ, снова возвращается въ свою волчью шкуру. По официальному свидѣтельству, это происходитъ «большею частію»! Въ этомъ отношеніи, между евреями нѣтъ различія, они всѣ одинаковы: «хуссидъ» ничѣмъ не отличается отъ «цибулизованнаго» жида, обязательно, конечно, «либерала» (ими кишитъ наша печать); халатникъ, съ висящими до подбородка «пейсами», въ длинномъ до земли «лапсардакѣ» и непремѣнно съ гноящимися глазами,—совершенно подобенъ своему, такъ называемому, «интеллигенту», одѣтому въ модное нѣмецкое платье, съ выбритой бородой и пенснэ на носу. Между ними различіе только въ наружности, въ ихъ, такъ сказать, шкурѣ и въ бытовыхъ привычкахъ; что же касается до образа ихъ гражданскаго мышленія, вообще до ихъ внутренняго, духовнаго міровоззрѣнія,—то оно у нихъ совершенно одинаково. Еврейскій «интеллигентъ» не соблюдаетъ, правда, всѣхъ предписываемыхъ талмудомъ обрядовъ и церемоній, онъ часто вовсе ни во что (кромѣ, разумѣется, золотаго тельца) не вѣруетъ. Но онъ—все таки тайный приверженецъ талмудической морали и такой же фанатикъ и ненавистникъ по отношенію къ христіанству, какъ и вся вообще темная масса еврейства. Впрочемъ,

---

[1]) См. *Всеподданнѣйшій отчетъ оберъ-прокурора св. синода К. П. Побѣдоносцева* за 1890—91 годы, стр. 126—127.

Digitized by Google

въ послѣднее время евреи совсѣмъ бросили толки объ ассимиляціи съ господствующимъ въ Россіи населеніемъ и съ непомѣрною, чисто жидовскою наглостью заголосили о своемъ *еврейскомъ патріотизмѣ*, который считаютъ не только равноправнымъ съ патріотизмомъ русскимъ, но хотятъ даже поставить выше послѣдняго!

При всей, однако, враждѣ къ христіанству, съ которымъ евреи тщательно избѣгаютъ самомалѣйшаго соприкосновенія и всеохватывающее вліяніе котораго совершенно не коснулось ихъ въ теченіе цѣлыхъ XIX вѣковъ,—они всячески стараются вліять на окружающее ихъ христіанское населеніе, стремясь и его совратить въ омутъ своего средневѣковаго мрака. Вліяніе это, конечно, крайне пагубно отзывается какъ на нравственности, такъ и на религіозности христіанъ; въ нерѣдкихъ же, къ прискорбію, случаяхъ оказывается оно столь сильнымъ и разлагающимъ, что иные изъ простодушныхъ невѣждъ и совсѣмъ ожидовливаются, завлеченные въ сѣти тлетворнаго юдаизма. Евреи съ давнихъ временъ уже проявляютъ большую склонность вести систематическую пропаганду юдаизма среди христіанъ и, при малѣйшемъ просторѣ, эта пропаганда принимаетъ весьма значительные размѣры. Нѣтъ, напримѣръ, надобности доказывать, что росту современнаго нравственнаго индиферентизма и политической продажности на западѣ, — а также въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ и въ журналистикѣ—очень много содѣйствовало вліяніе еврейства, успѣвшаго, благодаря «равноправности», пролѣзть во всѣ общественные слои. Въ темной народной средѣ это вліяніе сказывается еще хуже: здѣсь, рядомъ съ возникновеніемъ нравственно-религіознаго индиферентизма, бываютъ случаи окончательнаго забвенія всѣхъ христіанскихъ идеаловъ и даже полнаго ожидовленія, въ смыслѣ принятія и внѣшнихъ обрядовъ, и внутренняго міровоззрѣнія юдаизма.

Еще въ отдаленныя сравнительно времена, въ XVI и XVII вѣкахъ, когда евреи попадались на Руси не иначе, какъ только въ видѣ единичныхъ субъектовъ (было такое счастливое время!) уже являлись съ ихъ стороны попытки совращенія христіанъ въ іудейство, хотя, конечно, въ то время зловредная пропаганда эта не могла еще имѣть сколько нибудь значительныхъ размѣровъ, какъ незначительна была и самая численность евреевъ. Но, дѣйствуя среди темнаго и невѣжественнаго народа посредствомъ спаиванія, обмана и даже насилія, она тѣмъ не менѣе имѣла единичные успѣхи и, въ виду ихъ, законъ и власть относились къ ней не только строго, но жестоко и безпощадно. Въ *Уложеніи царя Алексѣя Михайловича* 1649 года, 24 статья XXII главы гласитъ: «будетъ кого бусурманъ какими нибудь мѣрами, насильствомъ или обманомъ, русскаго человѣка къ своей бусурманской вѣрѣ принудитъ и, по своей бусурманской вѣрѣ, обрѣжетъ, а сыщется про то допряма: и *того бусурмана по сыску казнить—сжечь огнемъ безо всякаго милосердія*. А кого онъ русскаго человѣка обусурманитъ—и того русскаго человѣка отослать къ патріарху, или ко иной власти, и велѣть ему учинить указъ, по правиламъ св. апостолъ и св. отецъ» [1]). Повидимому, примѣненіе этого закона, въ виду его

[1]) *Полное Собраніе Законовъ*, т. I, № 1.

Digitized by Google

строгости и безпощадности, вызвало на первыхъ порахъ большую нерѣшительность со стороны исполнительной власти, допускавшей по отношенію къ «бусурманамъ», насильникамъ и совратителямъ, милосердіе и поблажки. Въ виду этого, въ 1669 году, въ 109 статьѣ устава «объ убивственныхъ дѣлахъ» дословно подтверждается приведенная выше статья «Уложенія» 1649 года и присовокупляется: «аще жидовинъ или агарянинъ дерзнетъ развратить отъ христіанской вѣры христіанина, повиненъ есть казни главнѣй, а аще жидовинъ, христіанина раба имый, и обрѣжетъ его—да отсѣкнутъ ему главу» [1]).

Законъ, конечно, строгій, кара жестокая, но, повидимому, пропаганда юдаизма имѣла довольно значительные размѣры, а потому строгость и безпощадность преслѣдованія ея вполнѣ оправдывалась по тогдашнимъ понятіямъ. Народъ былъ темный и подневольный, жиды наглы и фанатичны; пользуясь народнымъ невѣжествомъ и рабствомъ, они обманомъ и всѣми неправдами совращали его въ свою «бусурманскую» вѣру, насильственно совершая надъ несчастными обрѣзаніе. Патріархальный бытъ и строгость нравовъ того времени требовали во что бы ни стало прекратить эти гнусныя продѣлки жидовъ, ихъ издѣвательства надъ христіанствомъ и несчастнымъ подневольнымъ народомъ,—и единственно вѣрнымъ средствомъ для этого, по тогдашнему времени, являлось—безпощадное истребленіе насильниковъ и совратителей. Послѣднихъ, однако, нисколько не устрашала строгость закона: злокачественная дѣятельность ихъ продолжалась и, дѣйствуя по обыкновенію подкупомъ, они въ большинствѣ случаевъ оставались цѣлыми и невредимыми. Но центральная власть зорко слѣдила за ними, строго преслѣдуя исполнительные органы за каждое обнаруженное нерадѣніе и попустительство съ ихъ стороны. Петръ II. въ особомъ наказѣ губернаторамъ, воеводамъ и ихъ товарищамъ (отъ 30 августа 1728 г.), вновь подтверждаетъ и напоминаетъ 24 статью XXII главы *Уложенія царя Алексѣя Михайловича* и 109 ст. устава *объ убивственныхъ дѣлахъ*, чтобы «казнить смертію, жечь безъ всякаго милосердія» за совращеніе и обрѣзаніе «кого изъ россійскихъ народовъ» [2]).

Законъ этотъ имѣлъ неоднократное примѣненіе, причемъ нерѣдко, въ особенно важныхъ случаяхъ, дѣла этого рода доходили даже до высочайшей власти, которая и клала по нимъ свою окончательную резолюцію, давая тѣмъ примѣръ неукоснительнаго соблюденія существующихъ законовъ. Разрѣшеніе одного изъ наиболѣе крупныхъ и характерныхъ дѣлъ этого рода—дѣла «флота капитанъ-лейтенанта Возницына за отпаденіе отъ христіанской вѣры, а жида Бороха—за превращеніе онаго капитана въ жидовскій законъ»—вышало на долю императрицы Анны Іоанновны, которая, разсмотрѣвъ его, постановила (3 іюля 1738 года): «понеже оные, Возницынъ—въ богохуленіи на Христа Спасителя нашего и въ отверженіи истиннаго христіанскаго закона и въ принятіи жидовской вѣры,

[1]) Ibid., т. I, № 441.

[2]) *Полное Собраніе Законовъ*, т. VIII, № 5333.

Digitized by Google

а жидъ Борохъ Лейбовъ—въ превращеніи его чрезъ прелестныя свои увѣщанія въ жидовство сами обвинились... того ради, за такія ихъ богопротивныя вины, по силѣ государственныхъ правъ, обоихъ казнить смертію и сжечь, чтобы другіе, смотря на то, невѣжды и богопротивники, отъ христіанскаго закона отступать не могли, а таковые прелестники, какъ и оный жидъ Борохъ, изъ христіанскаго закона прельщать и въ свои законы превращать не дерзали» [1]).

Помимо этихъ карательныхъ мѣръ, въ видахъ охраненія христіанскаго населенія отъ тлетвораго вліянія еврейства, принимались также съ давнихъ временъ и мѣры предупредительнаго характера. Установлено было, что наиболѣе пагубно вліяніе это сказывается на христіанахъ, служащихъ и работающихъ у евреевъ, въ качествѣ домашней прислуги и батраковъ:—изъ числа ихъ, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго пребыванія въ еврейскомъ домѣ, болѣе всего и совращаются въ іудейство. Поэтому, еще царь Михаилъ Ѳеодоровичъ повелѣлъ, по соглашенію съ патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ, чтобы «православныхъ христіанъ у иноземцовъ некрещеныхъ изъ дворовъ взяти, и впередъ тѣмъ православнымъ христіанамъ у иновѣрныхъ некрещеныхъ иноземцевъ во дворѣхъ не быти, чтобы въ томъ христіанскимъ душамъ осквернения не было и безъ покаянія не помирали бы». Устанавливая строгую отвѣтственность за совращеніе христіанъ въ іудейство, Уложеніе царя Алексѣя Михайловича подтверждаетъ также и эту важную и существенную мѣру пресѣченія, предваряя, что «въ прошломъ году вѣдомо учинилося, что на Москвѣ и въ городѣхъ у иновѣрныхъ и некрещеныхъ иноземцевъ служатъ православные христіане, и тѣмъ православнымъ христіанамъ отъ иновѣрцевъ чинится тѣснота и осквернение, и многіе безъ покаянія, безъ отцовъ духовныхъ помираютъ, и въ великій постъ и въ иные посты мясо и всякій скоромъ ѣдятъ *неволею*». Статья 70-ая главы XX-й постановляетъ, что «русскимъ людямъ у иноземцевъ некрещеныхъ, по крѣпостямъ и добровольно, въ холопствѣ и во дворѣхъ не быти ни которыми дѣлы. А будетъ которые русскіе люди учнутъ у некрещеныхъ иноземцевъ во дворѣхъ служити, по крѣпостямъ или добровольно: и. тѣхъ сыскивая, чинити имъ жестокое наказаніе, чтобы имъ и инымъ такимъ не повадно было такъ дѣлати» [2]).

Запрещеніе это оставалось въ силѣ вплоть до настоящаго столѣтія и, безъ сомнѣнія, ему мы обязаны во многомъ тѣмъ, что зловредной іудейской пропагандѣ не открывалось во все это время того простора, при которомъ она легко могла принять широкіе и опасные размѣры, дѣйствуя растлѣвающимъ образомъ на христіанскую нравственность и религіозное чувство русскаго народа. Дѣйствіе этого запрещенія,—какъ и всѣхъ прежнихъ законоположеній о евреяхъ,—прекратилось съ изданіемъ въ 1804 году, при императорѣ Александрѣ I, извѣстнаго *Положенія о евреяхъ*. Положеніе это, хотя и сохраняло установленную въ 1794 году императрицею

[1]) Ibid, т. X, № 7612.

[2]) *Полное Собраніе Законовъ*, т. I, № 1.

Digitized by Google

Екатериною II черту для постоянной еврейской осѣдлости,—причемъ и здѣсь евреямъ разрѣшалось жить только въ городахъ и мѣстечкахъ,—но вмѣстѣ съ тѣмъ даровало евреямъ почти всѣ гражданскія права (первый печальный опытъ!) и предоставляло массу различныхъ льготъ. Этимъ путемъ (увы, скользкимъ и невѣрнымъ) предполагалось *слить евреевъ съ остальнымъ населеніемъ въ гражданскомъ отношеніи* и тѣмъ привлечь ихъ къ христіанству. Какъ и слѣдовало ожидать, предположенія эти не только не оправдались, но привели къ прямо противоположнымъ результатамъ. Евреи не только не выказывали ни малѣйшаго намѣренія ассимилироваться съ христіанскимъ населеніемъ, но, воспользовавшись дарованною имъ свободой и вполнѣ сохраняя свою обособленность, лишь усилили свои гешефтмахерскіе порывы и, какъ коршуны, налетѣли на несчастный народъ, разрушая весь его экономическій и нравственный строй. Возобновилось и усилилось и совращеніе подневольныхъ закабаленныхъ христіанъ въ іудейство. Пропаганда вскорѣ же приняла весьма широкіе размѣры, такъ что совращеніе христіанъ въ іудейство во многихъ мѣстностяхъ, особенно въ чертѣ осѣдлости, стало просто заурядным явленіемъ. Подъ вліяніемъ ея, въ витебской, могилевской, черниговской, полтавской, воронежской, херсонской и другихъ губерніяхъ возникла и быстро росла секта «субботниковъ», представляющая собою какъ бы переходную ступень отъ христіанства къ жидовству.

III.

Вліянію юдаизма, какъ и ранѣе, подвергались главнымъ образомъ христіане, находившіеся въ услуженіи у евреевъ. Съ изданіемъ «либеральнаго» *Положенія о евреяхъ* 1804 года, которое отмѣнило существовавшее еще съ Михаила Ѳеодоровича, т. е. съ начала XVII вѣка, запрещеніе евреямъ имѣть христіанскихъ батраковъ и вообще держать у себя въ услуженіи христіанъ,—всѣ евреи не замедлили обзавестись христіанскимъ «быдломъ», всецѣло подчинивъ его своему растлѣвающему вліянію. Въ средѣ этого несчастнаго «быдла» и стала быстро распространяться жидовская ересь, именуемая сектою «субботниковъ», потому что адепты ея, вмѣсто воскресеній и вообще христіанскихъ праздниковъ, справляютъ «шабашъ» (субботу) и другіе еврейскіе праздники. Все это установлено было офиціальнымъ путемъ. Такъ напримѣръ, херсонскій губернаторъ доносилъ въ 1818 году, что «женщины христіанской вѣры, живущія въ домахъ у евреевъ для услуги, не только забываютъ и оставляютъ безъ исполненія обязанности христіанской вѣры, но принимаютъ обычаи и обряды еврейскіе, и нерѣдко, по снисхожденію евреевъ, впадаютъ въ развратъ».

Какъ сами евреи, такъ и ихъ русскіе защитники и покровители, утверждаютъ, что секта еврействующихъ появилась не отъ евреевъ, которые-де вовсе непричастны были къ ея возникновенію и распространенію. Но всѣ эти утвержденія не только голословны, но и завѣдомо ложны и тенденціозны. Не говоря уже о томъ, что заблужденія субботниковъ ни въ чемъ не отличаются отъ юдаизма

Digitized by Google

и сектанты отказываются даже отъ своей русской національности, становясь вполнѣ евреями по своимъ вѣрованіямъ, обычаямъ, нерѣдко даже по языку и внѣшности,—не говоря уже объ этомъ, фактъ появленія субботниковъ вслѣдствіе еврейской пропаганды удостовѣренъ офиціально, что̀ видно, напримѣръ, изъ указа св. синода 1825 года, въ которомъ прямо говорится, чтобъ «именовать субботниковъ жидовскою сектою и оглашать, что они (субботники) подлинно суть жиды, ибо настоящее ихъ наименованіе не даетъ народу о сектѣ сей понятія и не производитъ въ немъ такого отвращенія, какое можетъ производимо быть убѣжденіемъ, что обращать стараются ихъ въ жидовство». И такъ какъ распространителями секты являлись евреи (они же, какъ мы видѣли, и ранѣе, съ момента своего появленія у насъ, вели эту пропаганду, къ каковому времени и относится собственно появленіе секты жидовствующихъ), то и было тогда же постановлено, чтобы «изъ уѣздовъ, гдѣ субботническая секта оказалась или будетъ оказываться, и изъ сосѣдственныхъ имъ уѣздовъ, выселять всѣхъ безъ исключенія евреевъ и впредь не дозволять имъ тамъ пребыванія ни подъ какимъ предлогомъ» [1]).

Распространеніе секты и вообще вредъ, проистекающій отъ службы христіанъ у евреевъ, а также заявленія губернаторовъ, что «евреи, по ихъ ученію, считаютъ обязанностью обращать всѣхъ въ свою вѣру», вынудили, наконецъ, правительство оставить свое либеральничанье по отношенію къ еврейству и принять мѣры къ огражденію христіанскаго населенія отъ вліянія юдаизма. Главари секты и ихъ пособники были отданы въ военную службу, многіе сосланы въ Сибирь. Въ числѣ предохранительныхъ мѣръ, на первомъ мѣстѣ стояло возстановленіе прежняго и очень давняго закона о воспрещеніи евреямъ держать у себя христіанъ для постоянныхъ домашнихъ услугъ. Законъ этотъ былъ изданъ въ 1820 году и хотя,—какъ и всѣ законы, относящіеся до евреевъ,—очень часто обходился, тѣмъ не менѣе сразу же остановилъ ростъ жидовствующей секты. Съ теченіемъ времени она настолько сократилась, что стала совсѣмъ малозамѣтною. Впослѣдствіи благодѣтельный законъ этотъ вошелъ въ *Уставъ о предупр. и пресѣчен. прест.*, ст. 91-я (см. *Сводъ Законовъ*, т. XIV, изд. 1876 года).

По какимъ-то непонятнымъ причинамъ, дѣйствіе этой статьи было, однако, отмѣнено положеніемъ 28 апрѣля 1887 года и съ этого времени пагубное вліяніе юдаизма на христіанское населеніе, особенно въ губерніяхъ, входящихъ въ черту постоянной еврейской осѣдлости (а такихъ губерній 24), стало замѣтно усиливаться, причемъ, рядомъ съ этимъ, поразительно быстро начала вновь расти и секта субботниковъ, т. е., говоря яснѣе, возобновилось—и въ широкихъ размѣрахъ — ожидовленіе христіанъ, совращеніе ихъ въ іудейство. Такъ напримѣръ, сейчасъ же по отмѣнѣ закона, въ 1888 году, секта возникла въ Области войска донскаго, гдѣ ея ранѣе никогда не было; въ 1889 году, по офиціальнымъ даннымъ, въ области было всего *14 душъ* іудействующихъ, а въ 1893 году, по тѣмъ же офиціальнымъ даннымъ, ихъ значилось уже *295 душъ*, т. е. за че-

[1]) *Полное Собраніе Законовъ*, т. XL, № 30,406.

Digitized by Google

тыре года численность отпавшихъ возросла въ *двадцать одинъ разъ*. Въ настоящее время секта жидовствующихъ насчитываетъ уже въ Донской области свыше 400 человѣкъ. Но особенно многочисленна эта секта въ Закавказскомъ краѣ, гдѣ послѣдователей ея, по официальнымъ данным, насчитывалось, въ 1884 году, 3,173 человѣка, а въ настоящее время насчитывается уже до 4 тысячъ. Кромѣ того, секта іудействующихъ существуетъ и распространяется и въ другихъ мѣстностяхъ, главнымъ образомъ въ губерніяхъ: воронежской (павловскій и бобровскій уѣзды), астраханской, херсонской, екатеринославской и въ нѣкоторыхъ западныхъ губерніяхъ.

Очень интересныя свѣдѣнія объ этой сектѣ были сообщены на послѣднемъ противосектантскомъ съѣздѣ въ Москвѣ (въ 1891 году). Въ докладахъ съѣзда секта называется *жидовствующей*; сами сектанты называютъ себя народомъ божіимъ, іудеями, евреями, израилемъ, пришельцами къ израилю, къ закону божію. Всѣ эти якобы-іудеи и пришельцы—коренные русскіе, отказавшіеся отъ христіанства и своей русской національности. По ихъ разсужденіямъ, еврейскій законъ данъ Богомъ на вѣчныя времена, христіанство же дано Христомъ, котораго жидовствующіе признаютъ не Богомъ, а лишь высшимъ пророкомъ, какъ равно не признаютъ они и троичности лицъ въ Божествѣ. Не признавая Христа, они отвергаютъ и церковь Его, а также не признаютъ иконъ; всѣ ихъ чаянія прикованы къ землѣ, но не къ небу. Всѣ жидовствующіе мужчины обрѣзаны и, ссылаясь на примѣры Авраама, Іакова, Измаила, Давида и другихъ древне-еврейскихъ отцовъ, допускаютъ многоженство, имѣя всѣ по двѣ и по три жены. Въ каждомъ селѣ жидовствующихъ есть свой раввинъ, выбираемый всѣмъ обществомъ изъ начетчиковъ. Эти русскіе отщепенцы полностью исповѣдуютъ еврейское вѣроученіе и признаютъ только книги ветхаго завѣта; отвергая христіанскіе праздники, они строго соблюдаютъ всѣ еврейскіе праздники и посты; предъ наступленіемъ еврейской «пейсахъ» (пасхи) въ каждомъ домѣ ихъ дѣлается запасъ прѣсныхъ лепешекъ («маца») на восемь дней, причемъ предъ самою пасхою они тщательно очищаютъ свои дома ото всего кислаго. Кромѣ «мацы», жидовствующіе, какъ и евреи, въ продолженіе праздника пасхи (восемь дней) употребляютъ еще въ пищу различныя горькія травы, какъ-то: лукъ, чеснокъ, перецъ, рѣдьку. Они празднуютъ также и «пуримъ» въ память подвига Мардохая. Въ субботу и другіе (еврейскіе) праздники жидовствующіе не занимаются никакими работами. Въ отношеніи къ пищѣ, они строго держатся раздѣленія животныхъ на чистыхъ и нечистыхъ («каширъ» и «трефъ»), причемъ особенно нетерпимыми у нихъ, какъ и у евреевъ, считаются свинья и ракъ. Подобно евреямъ, субботники ждутъ пришествія Мессіи, который соберетъ всѣхъ ихъ, вмѣстѣ со всѣмъ израилемъ, въ Палестинѣ; о послѣдней они постоянно вздыхаютъ и плачутъ, считая себя въ Россіи—плѣнниками (!). Въ Палестинѣ, по ихъ ожиданіямъ, пришедшій Мессія устроитъ іудейское царство, въ которомъ они будутъ первыми гражданами.

Этого переселенія въ Палестину субботники и чаютъ всѣми своими помыслами,—и вотъ какой курьезъ случился съ ними по

Digitized by Google

поводу этихъ чаяній въ позапрошломъ году. «Среди субботниковъ—пишетъ астраханскій корреспондентъ «Новаго Времени» (1895 г., 6 сентября, № 6,653)—разнесся слухъ, что вожделѣнное время устройства іерусалимскаго царства близко, что явились уже посланники Мессіи. Слухъ этотъ прошелъ отъ нѣкоего Дмитрія Грачева, ревностнаго субботника, называвшаго себя Аврумомъ. Служа въ Закавказьѣ полковымъ писаремъ, онъ прослышалъ тамъ про еврейскія колоніи въ Палестинѣ, устроенныя Ротшильдомъ, и про переселеніе евреевъ въ Аргентину на земли барона Гирша. Все это въ его головѣ перепуталось: Аргентину онъ счелъ за Палестину, Ротшильда и Гирша—за посланниковъ Мессіи и сталъ проповѣдывать пришествіе Мессіи и собраніе израиля. Онъ сочинилъ посланіе къ единовѣрцамъ, громко назвавъ его: «Торжественная пѣснь на свободу нашему народу», сдѣлалъ многочисленные оттиски его на гектографѣ и сталъ разбрасывать и разсылать вездѣ, гдѣ только могъ. Онъ разослалъ также письма къ субботникамъ, убѣждая ихъ слѣдовать посланникамъ Мессіи и переселяться въ Палестину. Результатомъ проповѣди было то, что 10 семействъ субботниковъ астраханской губерніи распродали свое хозяйство и выѣхали искать счастья въ палестинскомъ царствѣ, а 20 семействъ готовились уже къ этому. Эмиграція, однако, не состоялась, такъ какъ послѣдователи банкировъ, «посланниковъ Мессіи», возвращены начальствомъ съ дороги и водворены на мѣстахъ своего жительства. Но субботники на этомъ не успокоились; они снарядили депутацію къ барону Гиршу съ письмомъ, гдѣ жалуются на русскихъ властей, воспрепятствовавшихъ имъ сдѣлаться «іерусалимскими гражданами».

Все это несомнѣнно свидѣтельствуетъ не только о тѣсной связи, но и о полномъ тожествѣ субботнической секты съ юдаизмомъ, т. е., что субботники «подлинно суть жиды», какъ говорится въ указѣ св. синода 1825 года,—жиды не только по внутреннему своему міровоззрѣнію, по своимъ религіознымъ заблужденіямъ, но и по образу гражданскаго мышленія, по симпатіямъ, нравамъ и обычаямъ. Безъ сомнѣнія, это одно изъ печальнѣйшихъ явленій въ нашей народной жизни, воочію убѣждающее, какъ тлетворно и губительно вліяніе еврейства всюду, куда оно только проникаетъ, и какъ тщательно должно быть поэтому ограждено христіанское населеніе отъ этого вліянія, которое тѣмъ больше и тѣмъ пагубнѣе, чѣмъ менѣе устремлено зоркое око на заполоняющее насъ еврейство и чѣмъ бо́льшею свободою передвиженія и дѣйствій оно пользуется. Нельзя не питать чувства глубочайшаго сожалѣнія и участія къ несчастному христіанскому населенію, попадающему въ еврейскую—экономическую и нравственную—кабалу, и страшная отвѣтственность ложится на насъ за каждое самомалѣйшее попустительство, открывающее просторъ для этой тяжкой и безъисходной кабалы!

IV.

Въ злокачественной дѣятельности своей, якобы-«гонимое» племя далеко не ограничивается одною экономическою областью; оно не только спаиваетъ и разоряетъ христіанское населеніе, высасывая

Digitized by Google

всѣ соки его производительности, но и разрушаетъ нравственные устои его; мало того—вторгается далѣе въ область его духовнаго быта, его религіозныхъ вѣрованій. Пользуясь отмѣною дѣйствія 91 статьи устава о предупр. и пресѣч. прест, воспрещавшей имъ держать у себя христіанъ въ качествѣ домашней прислуги, евреи усилили и усиливаютъ свой нравственный гнетъ на нихъ, всецѣло овладѣвъ какъ ихъ тѣломъ, такъ и душою. Въ настоящее время, съ 1887 года, вся домашняя прислуга у евреевъ (какъ-то кухарки, няньки, кучера, батраки и т. д.)—христіане. Насколько вредно вліяетъ на нравственность и религіозное чувство послѣднихъ служеніе у евреевъ—едва ли нужно распространяться. Всѣмъ и каждому понятно, что вліяніе юдаизма въ этомъ случаѣ—вліяніе слишкомъ разлагающее. «Нравственнымъ недугомъ въ крестьянскомъ быту—читаемъ въ одномъ офиціальномъ документѣ отъ 1884 года—служитъ нарушеніе закона, запрещающаго евреямъ держать у себя христіанъ для домашнихъ услугъ. Нарушеніе этого закона доведено до крайнихъ размѣровъ. Почти вся прислуга у евреевъ состоитъ исключительно изъ христіанъ, и притомъ бо́льшею частію молодыхъ дѣвицъ отъ 13 до 18 и болѣе лѣтъ. Состоя у евреевъ почти въ кабалѣ за долги родныхъ или по другимъ какимъ либо причинамъ, онѣ бываютъ свободны отъ занятій только въ еврейскіе праздники, не посѣщаютъ церкви и даже не ходятъ иногда къ исповѣди» [1]).

Это относится къ 1884 году, когда существовалъ еще законъ 1820 года и когда, нарушая его, евреямъ все таки приходилось быть осмотрительными въ своихъ дѣйствіяхъ и осторожными въ своихъ отношеніяхъ къ христіанской прислугѣ. Можно представить себѣ, что̀ дѣлается въ этой области теперь, *послѣ 1887 года*, когда законъ 1820 года уже не существуетъ и когда, вслѣдствіе этого, никакой осмотрительности и осторожности въ дѣйствіяхъ со стороны евреевъ не требуется!..

Христіанское ученіе у евреевъ всегда считалось и нынѣ считается чѣмъ-то позорнымъ для юдаизма. Сдѣлать крестное знаменіе или какой либо другой видимый символъ христіанской вѣры въ домѣ еврея—это значитъ нанести ему личное оскорбленіе. Поэтому, живя у еврея, христіанская прислуга не только должна мириться съ тою ненавистью къ христіанству, которою дышетъ каждый еврей,—но она лишена даже возможности соблюдать посты и другія требованія своей религіи, какъ равно не можетъ держать возлѣ себя иконъ или распятія, которыхъ не потерпитъ,—хотя бы и на кухнѣ, въ уголкѣ,—ни одинъ еврей. Если въ началѣ своей службы у еврея христіанинъ или христіанка молятся еще Богу, то не иначе, какъ украдкой, а затѣмъ вскорѣ и совершенно забываютъ ка̀къ о постѣ, такъ и о молитвѣ. Ко всему этому, имъ приходится еще выслушивать постоянныя хулы и наругательства надъ христіанствомъ—и все это растлѣвающимъ образомъ вліяетъ на нихъ, особенно на дѣтей и подростковъ; религіозное чувство постепенно заглушается, нравственная сторона падаетъ,—и въ результатѣ, если и не получается

[1]) *Всеподданнѣйшій отчетъ оберъ-прокурора св. синода К. П. Побѣдоносцева* за 1884 г., стр. 96.

Digitized by Google

полнаго ожидовленія парня или дѣвушки до степени совершеннаго отчужденія отъ христіанства, то уже во всякомъ случаѣ они окончательно отвлекаются отъ исполненія всякихъ церковныхъ и религіозныхъ обрядовъ и выходятъ на свѣтъ божій съ совершенно расшатанными нравственными устоями.

Евреи, какъ извѣстно, не признаютъ никакихъ нравственныхъ принциповъ, считая хорошимъ всякій, хотя бы и самый безнравственный поступокъ, разъ онъ приноситъ матеріальную выгоду. Весьма естественно, что, живя и воспитываясь въ такой омрачительной атмосферѣ, и видя какія дѣйствительныя матеріальныя выгоды извлекаютъ евреи, благодаря полному пренебреженію ко всякимъ принципамъ нравственности и порядочности,—христіанская прислуга постепенно сживается и свыкается съ еврейскими правилами и пріемами, акклиматизируясь, такъ сказать, въ томъ вертепѣ, въ какой загнала ее злая судьба. «Христіанская прислуга,—справедливо указываетъ одна изъ южныхъ газетъ,—брошенная силою критическихъ обстоятельствъ въ еврейскую семью,—преимущественно женщины и дѣти,—не будучи достаточно знакомы съ основами и духомъ христіанской вѣры, мало по малу усвоиваютъ всѣ особенности еврейской жизни съ ея темными, фанатическими сторонами и съ ея обрядами. Они сживаются съ окружающею ихъ средою до того, что условія этой жизни, ея законы и религіозные обряды имъ лучше извѣстны, нежели свои собственные. Мальчики и дѣвочки, живя у евреевъ, видятъ ихъ специфическія дурныя качества, замѣчаютъ всѣ ихъ ухищренія и плутни, пріучаются къ тому сами и впослѣдствіи выростаютъ субъектами, мало отличающимися по нравственнымъ качествамъ отъ своихъ воспитателей-евреевъ. Прислуга, служившая у евревъ, уже не можетъ служить послѣ у христіанъ по той причинѣ, что усвоенныя ею дурныя качества нигдѣ и никѣмъ не могутъ быть терпимы».

Такимъ образомъ, кабала оказывается уже вѣчною, безъисходною,—и добро бы еще, еслибы изъ этой кабалы, изъ этого нравственнаго растлѣнія и религіозной одичалости, несчастные люди извлекали хоть какую нибудь матеріальную выгоду. Но—увы!—и это имъ не дается. Вѣрные своимъ традиціоннымъ наклонностямъ и велѣніямъ своего нравственно-религіознаго кодекса, талмуда, устанавливающаго, что «гой еврею ни братъ, ни ближній, ни товарищъ, а потому и недостоинъ никакого снисхожденія и милосердія»,—евреи эксплуатируютъ христіанскую прислугу самымъ безсовѣстнымъ образомъ, съ изумительнымъ, однимъ только имъ свойственнымъ искусствомъ, пользуясь ея крайнею нуждою (которая только и можетъ загнать въ услуженіе къ еврею) и беззащитностью въ чуждой средѣ. Оттого евреи и любятъ такъ христіанскую прислугу, что она, во-первыхъ, сильнѣе и болѣе способна къ физическому труду, чѣмъ своя, еврейская; а—во-вторыхъ—потому что, закабаливъ, часто даже прямо купивъ ее (за долги родителей), они свободно, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти (ибо это не только не возбраняется, но даже предписывается талмудомъ), всячески эксплуатируютъ ее, взваливая непосильный трудъ и ничего не платя

Digitized by Google

за него или же ограничиваясь самыми ничтожными подачками. Да и эти подачки въ большинствѣ случаевъ,—какъ показываетъ масса дѣлъ у мировыхъ судей западныхъ губерній, земскихъ начальниковъ и городскихъ судей на югѣ,—приходится получать не иначе, какъ судебнымъ порядкомъ, если, конечно, онъ извѣстенъ еще темному обездоленному люду и если еще у него хватитъ на то смѣлости и силъ!..

При отмѣнѣ въ 1887 году закона о воспрещеніи евреямъ держать христіанскую прислугу, постановлено, правда, что «евреямъ, нанимающимъ лицъ христіанскаго исповѣданія для домашнихъ услугъ и иныхъ работъ, *воспрещается препятствовать нанятымъ лицамъ въ чествованіи воскресныхъ и установленныхъ праздничныхъ дней*, и въ исполненіи прочихъ религіозныхъ обязанностей». Но кто наблюдаетъ и наблюдаетъ ли кто нибудь за исполненіемъ этого жалкаго обломка прежняго закона? Рѣшительно никто! Мало кто и знаетъ даже объ этой оговоркѣ въ воспоминаніе отмѣненнаго закона; она не имѣетъ положительно никакого реальнаго значенія и самымъ наглымъ образомъ попирается евреями. «Вы не правы,—скажутъ, пожалуй, намъ.—«Евреи не препятствуютъ своей христіанской прислугѣ соблюдать праздники и исполнять другія религіозныя обязанности; вообще—евреи не совращаютъ служащихъ у нихъ христіанъ». Но на этотъ счетъ,—какъ и относительно всего, что нами сказано и будетъ еще сказано въ настоящей статьѣ,—мы имѣемъ официальныя свидѣтельства, въ данномъ случаѣ свидѣтельство г. оберъ-прокурора св. синода К. П. Побѣдоносцева, который говоритъ во *всеподданнѣйшемъ отчетѣ* своемъ за 1890—91 гг. (стр. 125—126): «Вліяніе евреевъ проявляется самымъ замѣтнымъ образомъ по отношенію къ православнымъ, проживающимъ у нихъ въ домашнемъ услуженіи. Малолѣтніе, проживъ у евреевъ нѣсколько лѣтъ, *совсѣмъ забываютъ православную вѣру* (курсивъ вездѣ нашъ). *Расшатываются вѣрованія и у взрослой прислуги.* По субботамъ и въ воскресенье она лишена возможности посѣщать православные храмы: въ субботу *вынуждена* торговать или сидѣть въ шинкѣ (т. е. кабакѣ),—такъ какъ сами евреи строго соблюдаютъ свои праздники;—по воскресеньямъ же и праздничнымъ днямъ евреи, по случаю базаровъ, особенно нуждаются въ прислугѣ, почему она и *не отпускается* для молитвы, подъ страхомъ штрафовъ и отказа отъ мѣста. Такимъ образомъ, *православные, попавъ въ еврейскую среду, не посѣщаютъ храмовъ божіихъ, отвыкаютъ видѣть святыя иконы и соблюдать христіанскіе праздники и другія установленія церкви.* Духовники съ ужасомъ выслушиваютъ на исповѣди еврейскихъ слугъ тѣ неистовыя хулы на христіанство, Спасителя и Божью Матерь, которыя извергаютъ евреи и которыя чрезъ прислугу могутъ распространяться въ народѣ. Работающихъ на еврейскихъ фабрикахъ и заводахъ евреи развращаютъ различными способами, *заставляя* ихъ, между прочимъ, работать и по праздникамъ. Евреи раскинули вокругъ фабрикъ и заводовъ *сѣти кабаковъ и пивныхъ лавокъ*, и сманиваютъ туда фабричный людъ, который увлекается въ самую разгульную жизнь, пропиваетъ евреямъ всѣ заработанныя деньги, теряетъ здоровье, выходитъ искалѣченнымъ и нравственно,

Digitized by Google

и физически, часто неспособнымъ къ труду и ни на что непригоднымъ послѣ работы у евреевъ».

Время, когда быть «жидовскимъ батракомъ» являлось клеймомъ неизгладимаго позора въ глазахъ каждаго русскаго человѣка и вообще христіанина и когда, если онъ и шелъ въ услуженіе къ жиду, то не иначе, какъ въ силу какихъ либо особенно неблагопріятныхъ обстоятельствъ, насилуя себя,—время это, къ сожалѣнію, уже прошло; и теперь, особенно послѣ 1887 года, въ каждомъ рѣшительно еврейскомъ домѣ обязательно имѣется одинъ или нѣсколько человѣкъ прислуги или батраковъ изъ христіанъ. Но, не смотря на это, и нынѣ «жидовскій наймитъ» (какъ говоритъ южный и западный простолюдинъ) или «наймитка» пользуются—и совершенно основательно—крайне дурною славою не только въ народѣ, но и въ обществѣ,—и, благодаря этому, попавъ разъ въ услуженіе къ еврею, парню или дѣвушкѣ очень трудно уже выбраться изъ грязи, найти себѣ мѣсто въ приличномъ и порядочномъ христіанскомъ домѣ, который, въ силу уже одного предубѣжденія (а часто и опыта), не рѣшится принять ихъ къ себѣ. Такимъ образомъ, несчастнымъ, въ большинствѣ случаевъ, навсегда приходится оставаться въ жидовскомъ батрачествѣ.

Всѣ традиціи евреевъ дышатъ, какъ извѣстно, затаенною ненавистью къ христіанству и христіанамъ. Они вѣчно и во всемъ недовольны своей судьбой: ихъ, видите ли, всегда и всѣ безвинно притѣсняютъ и угнетаютъ, они мученики, невинныя жертвы нашей религіозной (sic) нетерпимости. Съ другой стороны, по ученію талмуда, они прямо *обязаны* развращать и совращать съ истиннаго пути христіанъ: «до прибытія Мессіи—говорится въ талмудѣ—развращенность назареевъ (т. е., какъ мы объяснили, христіанъ) будетъ велика, и *всѣ евреи всѣми способами должны стараться развращать ихъ больше*». И въ такой-то средѣ перерабатывается сырой матеріалъ, въ образѣ крестьянскаго парня или дѣвушки, въ большинствѣ случаевъ и жизни не знающихъ, и въ нравственности не окрѣпшихъ! Съ вытравленною вѣрою, съ подорванною нравственностью, съ изуродованнымъ тѣломъ, возвращаются они потомъ въ свою семью, внося и въ нее этотъ нездоровый духъ, сами испорченные, они весьма естественно портятъ и другихъ; развращая и подрывая въ нихъ важнѣйшія основы нравственности. А женясь затѣмъ или выходя замужъ, они являются уже въ качествѣ родителей и воспитателей своихъ дѣтей,—будущихъ нашихъ гражданъ, слугъ Россіи...

Невольно является вопросъ: нормально ли подобнаго рода явленіе, должно ли и можетъ ли оно быть терпимо въ христіанскомъ государствѣ? Возможно ли дальнѣйшее безучастное отношеніе наше къ этой весьма существенной и важной частности еврейскаго вопроса, подрывающей основы народной нравственности?

Нѣтъ, конечно, нѣтъ и нѣтъ! Мы должны безотлагательно обратиться въ сторону этого страшнаго разлагающаго недуга и принять самыя рѣшительныя мѣры къ охраненію нравственно-религіозныхъ основъ у христіанъ, живущихъ въ средѣ еврейства. Большою и печальною ошибкою была съ нашей стороны отмѣна испоконъ вѣка

Digitized by Google

существовавшаго у насъ закона, хоть сколько нибудь ограждавшаго христіанское населеніе отъ пагубнаго вліянія еврейства. Но всякая ошибка исправима для настоящаго и будущаго (прошедшаго, конечно, уже не вернешь) и чѣмъ скорѣе мы исправимъ ее, тѣмъ менѣе она повлечетъ дурныхъ послѣдствій. Зло пустило глубокіе корни и приняло широкіе размѣры, угрожая въ будущемъ еще бо́льшими и непоправимыми бѣдами. Поэтому, необходимо немедленное возстановленіе 91 статьи «Устава о предупр. и пресѣчен. прест.» (*Сводъ законовъ*, т. XIV, изд. 1876 года), воспрещающей евреямъ держать у себя христіанъ для постоянныхъ домашнихъ услугъ. Законъ этотъ не запрещаетъ евреямъ пользоваться рабочими-христіанами и вообще нисколько не стѣсняетъ ихъ въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ имъ, какъ неспособнымъ къ физическому труду, нельзя обойтись безъ услугъ христіанъ. Онъ лишь воспрещаетъ имъ держать христіанъ ***для постоянныхъ домашнихъ услугъ***, какъ-то: нянекъ, кухарокъ, лакеевъ, кучеровъ и т. п., которые должны постоянно жить въ ихъ домѣ и постоянно находиться подъ ихъ тлетворнымъ вліяніемъ. Это необходимо въ видахъ сохраненія въ русскомъ народѣ его нравственныхъ устоевъ, безъ которыхъ легко расшатаются и государственные наши устои.

V.

Возстановивъ дѣйствіе этого закона, мы хотя отчасти устранимъ одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ и дѣйствительныхъ видовъ еврейской пропаганды. Но, конечно, однимъ этимъ мы не можемъ ограничиться въ заботахъ своихъ по пресѣченію всѣхъ путей къ развращенію и совращенію христіанскаго населенія еврействомъ. Пресѣчь одинъ только путь,—хотя бы и немаловажный,—это не значитъ еще оградить вполнѣ христіанское населеніе отъ пагубнаго вліянія юдаизма. Мы должны пресѣчь ***всѣ*** видимые намъ пути, и тогда только будетъ соблюдено вполнѣ достоинство христіанской религіи въ христіанскомъ государствѣ и предотвращена возможность попирательства ея главнѣйшихъ интересовъ со стороны враждебнаго ей еврейства.

Въ однородномъ же, но несравненно худшемъ положеніи, чѣмъ взрослая христіанская прислуга, находятся тѣ несчастныя христіанскія дѣти, которыя томятся въ различныхъ ***еврейскихъ ремесленныхъ мастерскихъ***. Такихъ дѣтей масса, какъ въ чертѣ осѣдлости евреевъ, такъ и внѣ этой черты, гдѣ еврейскихъ ремесленныхъ мастерскихъ имѣются десятки и сотни въ городахъ и столицахъ. Въ каждой такой мастерской состоитъ нѣсколько учениковъ-христіанъ (въ иныхъ по десяти и болѣе); послѣднимъ евреи всегда отдаютъ предпочтеніе предъ своими дѣтьми, которыя и къ труду менѣе способны, да и—самое главное—которыхъ нельзя, по правиламъ еврейской добродѣтели, эксплуатировать, какъ «гоевъ». Но помимо того, что ремесленное ученичество открываетъ обширное поприще для еврейской эксплуатаціи, оно ставитъ христіанскихъ дѣтей въ самыя невозможныя нравственныя и религіозныя условія (не говоря уже о гигіеническихъ), всецѣло подчиняя ихъ па-

Digitized by Google

губному еврейскому вліянію. Если,—какъ мы видѣли,—постоянное и продолжительное нахожденіе въ еврейской средѣ развращаетъ и взрослую прислугу, то понятно, на какое нравственное растлѣніе обречены ремесленные ученики-христіане,—дѣти, съ самаго нѣжнаго и воспріимчиваго возраста попадающія въ замкнутую среду еврейства и цѣлыми годами томящіяся въ ней подъ предлогомъ обученія ремесламъ!

Законъ разрѣшаетъ, къ несчастью, еврейскимъ ремесленникамъ брать для обученія въ свои мастерскія христіанскихъ дѣтей. Въ видахъ огражденія послѣднихъ отъ пагубнаго вліянія іудаизма, въ *ремесленномъ уставѣ* 1879 года установлены только правила, по которымъ мастера-евреи могутъ держать христіанскихъ учениковъ въ томъ лишь случаѣ, «если они имѣютъ хотя одного подмастерья-христіанина», причемъ «на особенную обязанность ремесленнаго старшины возлагается наблюдать, чтобы сказанные ученики отправляемы были по воскреснымъ днямъ въ церковь» (ст. 112); затѣмъ, «на подмастерьевъ-христіанъ, находящихся у мастеровъ-евреевъ, возлагается особенное попеченіе о состоящихъ у нихъ же ученикахъ изъ христіанъ» (ст. 134). Далѣе законъ разрѣшаетъ мастерамъ и подмастерьямъ-евреямъ работать въ воскресные и праздничные (христіанскіе) дни, «но съ тѣмъ, чтобъ отнюдь не употребляли для сего подмастерьевъ и учениковъ изъ христіанъ» (ст. 152). Подобныя же правила, какъ мы видѣли, установлены и для христіанской прислуги у евреевъ, однако они лишены всякаго реальнаго значенія, ибо никогда не соблюдаются евреями; сама же прислуга, если даже и знаетъ о существованіи ихъ (что бываетъ лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ), во всякомъ случаѣ никогда не осмѣлится перечить велѣніямъ хозяина-еврея, отлично зная, что иначе нельзя служить у него и что праздничный отдыхъ на ней же отзовется въ будни усиленными требованіями и притѣсненіями разгнѣваннаго хозяина. «Съ волками жить—по волчьи выть». Также точно и съ правилами относительно ремесленнаго ученичества у евреевъ - мастеровъ, которыя (правила) также, по свидѣтельству офиціальнаго органа здѣшней духовной академіи — «Церковнаго Вѣстника» (ноябрь 1895 г.), «остаются обыкновенно мертвою буквой, потому что ни ремесленные старшины, ни подмастерья-христіане не имѣютъ ни времени, ни охоты, а подчасъ и физической возможности, «наблюдать» и «имѣть особенное попеченіе» о состоящихъ у евреевъ-ремесленниковъ ученикахъ».

Какъ бы то ни было, но на совершенно законномъ основаніи всѣ еврейскія ремесленныя мастерскія имѣютъ христіанскихъ дѣтей, надъ которыми хозяева и подмастерья-евреи свободно и безнаказанно продѣлываютъ присущіе имъ безнравственные эксперименты, калѣча и губя ихъ на всю жизнь. Вотъ какъ рисуетъ «тихій плачъ и жалобы» этихъ несчастныхъ дѣтей лицо, близко знакомое съ ихъ положеніемъ: «живя въ еврейской средѣ, христіанскій мальчикъ совершенно отчуждается отъ христіанскаго обихода повседневной жизни. Онъ не знаетъ иконъ, не видитъ молящихся, осѣняющихъ себя крестнымъ знаменіемъ; онъ утрачиваетъ самую привычку молиться на икону, креститься. Вмѣсто священника, онъ

Digitized by Google

видитъ раввина; вмѣсто Воскресенія Христова, онъ привыкаетъ чтить еврейскій «шабашъ». У изголовья его не теплится лампадка, церковный благовѣстъ не знаменуетъ для него наступленія праздника; *все вокругъ него исполнено ненависти ко всему христіанскому, онъ слышитъ глумленіе надъ обрядами его религіи, насмѣшки и издѣвательство надъ тѣмъ, что̀ дорого, свято христіанину.* Онъ не знаетъ, что̀ такое постъ, церковь, исповѣдь, таинства, не знакомъ съ тѣмъ радостнымъ настроеніемъ, которое охватываетъ христіанскія семьи съ наступленіемъ великихъ праздниковъ, и ждетъ только того момента, когда хозяева зажгутъ свои «шабашковыя» свѣчи. Въ праздникъ же христіанскій онъ сидитъ за работой и слышитъ все ту же рѣчь о «гешефтѣ». И надо всѣмъ этимъ отчужденіемъ отъ христіанскаго обихода, оставляющимъ неизгладимые слѣды на всю жизнь, царитъ еще фанатизмъ, изувѣрство хозяина, считающаго своею священною обязанностью развращать «гоя» всяческими способами... Всѣмъ извѣстенъ космополитизмъ евреевъ, отсутствіе въ нихъ патріотизма, любви къ родинѣ, наконецъ, трусость. На чуткую, воспріимчивую натуру дѣтей эти специфическія жидовскія качества также не могутъ не оказывать сильнаго вліянія» [1]).

Положеніе по истинѣ ужасное, невозможное, заставляющее удивляться только нашему терпѣнію и безпечности по отношенію къ наиболѣе насущнымъ интересамъ какъ народнымъ, такъ и государственнымъ. Это, конечно, не можетъ и не должно такъ продолжаться... Нужно вырвать беззащитныхъ христіанскихъ дѣтей изъ еврейской кабалы, необходимо пресѣчь пропаганду юдаизма въ самой воспріимчивой средѣ, что̀ достижимо только безусловнымъ запрещеніемъ евреямъ держать въ своихъ ремесленныхъ мастерскихъ христіанскихъ дѣтей, въ качествѣ учениковъ и кого бы то ни было.

Это касается, такъ сказать, народнаго быта. Но сплошь и рядомъ и наши «интеллигентныя» дѣти попадаютъ въ ту же нравственную кабалу къ евреямъ,—и она, эта еврейская кабала, оставляетъ въ нашихъ дѣтяхъ тѣ же неизгладимые слѣды, что̀ и въ дѣтяхъ простаго крестьянина.

Говорю о *евреяхъ-репетиторахъ* въ нашихъ гимназіяхъ и другихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Въ этомъ случаѣ, правда, нашимъ дѣтямъ приходится имѣть дѣло не съ простыми жидами-халатниками, какъ ремесленнымъ ученикамъ, а съ такъ называемой еврейской «интеллигенціей». Но, повторяемъ, существенной разницы между первыми и послѣдней нѣтъ; по своему нравственному міровоззрѣнію, по гражданскимъ идеаламъ, по своему бездушному космополитизму и анти-христіанскимъ тенденціямъ, еврей-пиджачникъ—такой же еврей, какъ и еврей-халатникъ, и вліяніе его также пагубно для ребенка. А между тѣмъ евреи-репетиторы христіанскихъ дѣтей—у насъ явленіе самое обыденное, почему еврейство имѣетъ весьма значительное вліяніе на молодое поколѣніе, на складъ мыслей, убѣжденій и вѣрованій будущихъ нашихъ граж-

[1]) *Русское Слово* 1895 г., 5 августа, № 211.

Digitized by Google

данъ,—быть можетъ, даже сильныхъ и вліятельныхъ государственныхъ людей. Каково можетъ быть, въ данномъ случаѣ, вліяніе еврея-репетитора? Объ этомъ едва ли нужно распространяться. Конечно, открытая пропаганда своихъ воззрѣній, своихъ нравственныхъ, т. е. безнравственныхъ принциповъ и вѣрованій —здѣсь едва ли можетъ имѣть мѣсто. Но, Боже мой, развѣ нельзя въ этомъ самомъ смыслѣ и направленіи дѣйствовать не открытою пропагандою, а исподволь, такъ сказать, мирнымъ и незамѣтнымъ образомъ? Даже помимо желанія и явнаго намѣренія еврея-репетитора, вліяніе его неизбѣжно скажется на ученикѣ. Притомъ же послѣдній такъ впечатлителенъ, неопытенъ и невѣжественъ въ вопросахъ даже чисто житейскихъ, не говоря о религіозныхъ и политическихъ. Трудно ли, при такихъ условіяхъ, репетитору сбить, какъ говорится, съ панталыку своего ученика-христіанина и незамѣтно внушить ему, ну, хотя бы извѣстныя воззрѣнія на еврейство, его «міровыя заслуги» и права (объ этомъ вѣдь серьезно говорятъ евреи, особенно пиджачники!) среди безвинно угнетающихъ и преслѣдующихъ его народовъ? И этому самому ученику,—а такихъ, повторяемъ, масса,—придется, быть можетъ, впослѣдствіи, занимая высокій государственныхъ постъ, *разрѣшать еврейскій вопросъ*, принимать участіе въ законодательной разработкѣ его!..

Законъ нашъ (какъ и другихъ государствъ) запрещаетъ евреямъ быть *домашними учителями* христіанскихъ дѣтей. О репетиторахъ же въ законѣ ничего не говорится. Но развѣ репетиторъ—не тотъ же домашній учитель и развѣ эта недомолвка закона не является очень удобной лазейкой для его обхода, обращающаго въ мертвую букву самый законъ?

Зло еврейскаго репетиторства между дѣтьми-христіанами приняло, между тѣмъ, очень широкіе размѣры и, желая пресѣчь его, министерство народнаго просвѣщенія особымъ циркуляромъ предложило въ позапрошломъ году попечителямъ всѣхъ учебныхъ округовъ принять самыя энергичныя мѣры для возможнаго сокращенія или даже совершеннаго устраненія репетиторовъ-евреевъ изъ казенныхъ заведеній. Этотъ циркуляръ офиціально, такъ сказать, подтверждаетъ ненормальность явленія и вредное вліяніе еврейскаго репетиторства. Но въ состояніи ли онъ искоренить или хотя бы только ослабить зло? Очевидно, что нѣтъ. Кто можетъ наблюдать за домашнею жизнью ученика гимназіи или реальнаго училища? Мы не говоримъ уже о томъ, что циркуляръ этотъ совсѣмъ ужь не имѣетъ никакого касательства къ той массѣ дѣтей, которыя только готовятся къ поступленію въ гимназію, а также и тѣхъ, которыя воспитываются въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Пресѣчь зло можетъ только законодательное запрещеніе евреямъ быть репетиторами христіанскихъ дѣтей вообще, какъ запрещено имъ быть домашними учителями.

VI.

Евреи не оставляютъ ни одной лазейки, чтобы не пользоваться ею въ полной мѣрѣ для расширенія своего вліянія на христіанское

Digitized by Google

населеніе, среди котораго живутъ, и для подчиненія его всецѣло своему обиходу жизни. Въ губерніяхъ, входящихъ въ черту постоянной «еврейской осѣдлости», — гдѣ евреи составляютъ не болѣе 20% общаго населенія, — они являются *полными хозяевами, господами края*, и христіанское населеніе всецѣло находится подъ ихъ вліяніемъ и—можно даже сказать — *въ ихъ распоряженіи*. Евреи, напримѣръ, фыркая на христіанскіе обряды, строго соблюдаютъ свои праздники и въ эти дни вся жизнедѣятельность двадцати четырехъ губерній буквально замираетъ: 80% христіанскаго населенія заодно съ евреями *вынуждены* соблюдать ихъ «шабаши» и праздники. Но какъ рѣшительно и нагло возстаютъ эти же самые жиды противъ того, чтобы *христіанское большинство населенія соблюдало свои праздники*, приноравливая сообразно имъ и обиходъ своей жизни! Въ этихъ случаяхъ евреи не останавливаются даже предъ открытою борьбой не только съ духовною (христіанскою), но и административною властью... Чисто жидовское «государство въ государствѣ»!!

Я слышу уже возраженія противъ этого, чувствую упреки въ несправедливомъ и пристрастномъ отношеніи къ евреямъ, въ измышленіяхъ на него и пр. Какую, въ самомъ дѣлѣ, роль можетъ играть у насъ еврейство, какъ можетъ оно закабалять себѣ христіанское населеніе, а тѣмъ болѣе еще — бороться съ властью, — когда оно, «несчастное», совершенно обезличено нами, угнетено, придавлено. Не о кабалѣ и борьбѣ приходится-де думать ему, а о жалкомъ существованіи своемъ... Такъ обыкновенно поетъ намъ еврейская и еврействующая печать, горячо, но всегда голословно возражая и негодуя на несправедливыя якобы нападки антиталмудистовъ на евреевъ [1]). Однако, факты всегда останутся фактами и, сколько бы ни изливали на нихъ еврейскіе борзописцы своего напускнаго, продажнаго негодованія, дѣло отъ этого не измѣнится и евреи не станутъ de facto лучше, чѣмъ они всегда были и есть. По отношенію къ намъ, эти господа борзописцы по неволѣ молчатъ, ибо мы ни одного слова, ни одной мысли не высказываемъ голословно, не подкрѣпивъ ихъ фактами, достовѣрно извѣстными. Въ данномъ случаѣ, — какъ и во всѣхъ предъидущихъ, — мы также, помимо личнаго и весьма близкаго знакомства съ дѣломъ (благодаря долголѣтнему изученію *бытовой стороны* еврейскаго вопроса), основываемся на офиціальныхъ свидѣтельствахъ и на данныхъ, удостовѣренныхъ тѣмъ же офиціальнымъ путемъ. Этимъ мы, конечно, избавляемъ себя отъ обычныхъ упрековъ съ противной стороны, хотя въ то же время не уклонимся отъ возможныхъ дополненій и разъясненій по поводу того, что говоримъ, если противная сторона пожелаетъ того въ интересахъ дѣла, а отнюдь не въ интересахъ кагала.

---

[1]) Названіе «антиталмудистовъ» правильнѣе, чѣмъ «антисемитовъ», ибо къ *семитамъ* принадлежатъ и другіе народы, напримѣръ, арабы, которые не обладаютъ специфическими жидовскими свойствами и противъ которыхъ мы ровно ничего не имѣемъ. Достойно отмѣтки то обстоятельство, что даже сами семиты (арабы) ненавидятъ евреевъ-талмудистовъ и, слѣдовательно, по ошибочной терминологіи, также являются «антисемитами»!

Digitized by Google

Зависимость *христіанскаго большинства отъ еврейскаго меньшинства* въ чертѣ осѣдлости и подавляющее вліяніе послѣдняго на первое — хорошо извѣстны всѣмъ, кто бывалъ въ злополучныхъ 24 губерніяхъ этой *черты*. Христіанское населеніе совершенно обезличено этою зависимостью, доходящею до *полной нравственной кабалы*, и принуждено вполнѣ и во всемъ подчиняться установленному еврействомъ режиму и обиходу жизни. Даже религіозные интересы христіанскаго большинства отходятъ на задній планъ и приносятся въ жертву религіознымъ и инымъ интересамъ жидовскаго меньшинства. Это особенно ярко вырисовывается въ порядкѣ торговли, которая въ чертѣ осѣдлости совершенно прекращается въ дни еврейскихъ праздниковъ, но особенно оживляется въ христіанскіе праздники, такъ что христіане должны въ эти дни, вмѣсто молитвы или отдыха, толкаться по базарамъ, торговаться съ евреями и пьянствовать въ ихъ кабакахъ.

Произволъ евреевъ въ этомъ отношеніи достигаетъ крайнихъ предѣловъ: они не только попираютъ религіозные интересы христіанскаго населенія, — а тѣмъ, конечно, и достоинство *государственной религіи*,—но издѣваются надъ ними самымъ наглымъ образомъ. Достаточнымъ свидѣтельствомъ этого служатъ антиеврейскіе безпорядки въ г. Стародубѣ (черниговской губ.), вызванные,—какъ удостовѣрено судебнымъ слѣдствіемъ, — именно *издѣвательствомъ евреевъ надъ христіанами*, которымъ они препятствовали, благодаря вліянію въ городской думѣ, соблюдать свои праздники прекращеніемъ въ эти дни торговли въ городѣ. То же происходитъ и во всѣхъ другихъ городахъ, мѣстечкахъ и посадахъ *24 губерній* (!!) черты еврейской осѣдлости, какъ о томъ офиціально свидѣтельствуется г. оберъ-прокуроромъ св. синода К. П. Побѣдоносцевымъ, на основаніи донесеній епархіальныхъ архіереевъ. «Въ чертѣ постоянной еврейской осѣдлости — читаемъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ оберъ-прокурора (за 1890—91 гг., стр. 123) — евреи составляютъ преобладающее большинство въ городахъ и мѣстечкахъ. Забравъ въ свои руки всю торговлю въ населяемыхъ ими мѣстностяхъ, они производятъ ее, главнымъ образовъ, *по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ*, въ ущербъ религіозно-нравственной жизни православныхъ христіанъ. Обыкновенно пустующіе въ будни, базары оживляются и переполняются народомъ въ воскресные и праздничные дни. Всѣ спѣшатъ туда въ это время: кто за покупками, кто съ возами продуктовъ и товара; торговля ведется съ обманомъ, божбой и клятвами; винныя лавки и питейные дома раскрываются для посѣтителей. Вездѣ людно и шумно, *и только въ храмахъ божіихъ въ эти дни пусто; нерѣдко доносится сюда (т. е. въ храмы) уличный шумъ пьяной бушующей толпы*. Подобныя печальныя картины даютъ поводъ иновѣрцамъ глумиться и издѣваться надъ православными, такъ недостойно проводящими праздничные дни».

Къ этому авторитетному свидѣтельству мы прибавимъ еще, что всѣ ярмарки въ городахъ и мѣстечкахъ западной и южной Россіи пріурочены къ днямъ большихъ христіанскихъ праздниковъ, причемъ, если день этотъ приходится въ субботу или другой еврейскій

Digitized by Google

праздникъ, то *ярмарка отлагается* до слѣдующаго дня (это обязательно вездѣ) и отлагается совсѣмъ не частнымъ образомъ, а официально, такъ какъ и обычные полицейскіе наряды на ярмарку въ такихъ случаяхъ дѣлаются на слѣдующій день, назначенный для ярмарки, пришедшейся въ еврейскій праздникъ. Это ли еще не говоритъ о *подавляющемъ вліяніи еврейства* и о зависимости отъ него христіанскаго населенія? И кто же, послѣ этого, смѣетъ болтать объ «угнетеніи» еврейскаго племени?

Въ послѣдніе годы, по иниціативѣ духовной власти, въ западныхъ и южныхъ губерніяхъ были сдѣланы распоряженія о перенесеніи базаровъ и ярмарокъ съ воскресныхъ и праздничныхъ дней на будни. Но это встрѣтило упорное противодѣйствіе со стороны евреевъ. Сами они слишкомъ уже чтутъ свои «шабаши», страшно стѣсняя тѣмъ христіанское населеніе, но чествованіе христіанами своихъ праздниковъ невыгодно евреямъ, и вотъ они предприняли цѣлый походъ противъ распоряженій духовной и административной власти и перенесенія на будни базаровъ и ярмарокъ

До чего доходитъ въ этомъ отношеніи наглость евреевъ, видно изъ слѣдующаго указанія г. оберъ-прокурора св. синода въ томъ же всеподданнѣйшемъ отчетѣ: «перенесенію базаровъ и ярмарокъ съ воскресныхъ и праздничныхъ дней евреи всячески противодѣйствуютъ». Такъ напримѣръ, виленскій губернаторъ неоднократно предлагалъ городской управѣ мѣстечка Радошковцы перевести базары на будни и управа дѣлала постановленія объ этомъ, но евреи учиняли заговоръ: «все, привезенное крестьянами въ воскресенье, раскупать, а привезенное въ будни не покупать, — и этимъ заставляли крестьянъ, оставляя воскресное богослуженіе, пріѣзжать въ городъ для купли и продажи». Помимо этого, «для удержанія базаровъ по праздникамъ и для привлеченія крестьянъ въ города и мѣстечки, *евреи продаютъ водку по праздникамъ дешевле и продаютъ ее лучшаго качества, чѣмъ въ будніе дни*».

Этимъ достаточно обрисовывается печальная картина *еврейской кабалы* въ чертѣ осѣдлости и растлѣвающаго вліянія еврейства на порабощенное имъ христіанское населеніе. Послѣднее, даже въ отношеніи благоустройства своихъ храмовъ, не можетъ обойтись безъ евреевъ, которые производятъ всѣ перестройки, ремонтъ и внутреннее убранство ихъ. Это фактъ чудовищный, но тѣмъ не менѣе фактъ повседневный, извѣстный всѣмъ, жившимъ въ западной или южной Россіи. Я самъ лично много разъ, съ болью въ сердцѣ, видѣлъ евреевъ, распоряжающихся въ нашихъ церквяхъ, что либо передѣлывающихъ, красящихъ и т. п. Проводя цѣлые дни за работой во внутренности православнаго храма, даже въ алтарной части—этой святая святыхъ для каждаго христіанина,— евреи позволяютъ себѣ не только всякія вольности въ немъ (харкаютъ, плюютъ, громко гогочатъ по жидовски) и неуваженіе къ предстоящимъ святынямъ, но не снимаютъ даже шапокъ. На это возмутительное обстоятельство обращено было вниманіе духовной властью волынской епархіи, и преосвященный архіепископъ Модестъ издалъ два года тому назадъ (въ мартѣ 1894 года) замѣчательный по своей внушительности циркуляръ къ подвѣдомственному

Digitized by Google

ему духовенству. «Допускающіе евреевъ строить церкви и брать подрядъ на это—говорится въ циркулярѣ—находятъ сами себѣ извиненіе въ томъ, что это дѣлается по нуждѣ, потому что нѣтъ христіанскихъ подрядчиковъ и рабочихъ. Это объясненіе неправильно, ложно, и на немъ никакъ нельзя полагать основанія къ допущенію евреевъ по нуждѣ. Священники должны знать исторію, какимъ образомъ жиды своимъ пролазничествомъ, своею конкурренціею и всѣми неправдами, въ древнія времена, оттирали изъ городовъ мѣщанъ, занимавшихся производствомъ разныхъ работъ, и сами занялись этими работами: жиды старались занять первенство во всѣхъ домахъ, даже получали (отъ поляковъ) *право держать въ арендѣ церкви* [1]); отсюда—оскуденіе ремесленниковъ русскихъ. Но отъ священниковъ и всѣхъ русскихъ, живущихъ на Волыни, требуется содѣйствовать правительству въ дѣлѣ обрусенія края. До какихъ же поръ священники и прихожане станутъ откладывать это обрусеніе, если, не принимая отъ себя никакихъ средствъ къ заведенію русскихъ художниковъ и строителей церквей, будутъ ссылаться на необходимость? Пусть священники докажутъ самымъ дѣломъ, что они не отдаютъ на откупъ церквей жидамъ, ибо что значитъ допускать подрядчиковъ изъ евреевъ, какъ не отдавать имъ прибыли и выгоды, которыя могли бы получить христіане? Когда прекратится необходимость въ услугахъ евреевъ, если не начинать, хоть съ трудомъ, теперь дѣло устраненія евреевъ отъ эксплуатаціи выгодъ даже съ церковныхъ построекъ? Поэтому предписать чрезъ благочинныхъ вновь духовенству, чтобы евреевъ не допускать ни къ какимъ церковнымъ постройкамъ» [2]).

Послѣ этого достодолжнаго пастырскаго внушенія, на Волыни нашлись и христіанскіе подрядчики, и столяры, и маляры, и рабочіе, такъ что не встрѣчается уже необходимости блюсти выгоды евреевъ и «отдавать на откупъ церкви жидамъ», въ ущербъ религіозному чувству христіанъ и достоинству нашихъ храмовъ. Въ другихъ же епархіяхъ евреи продолжаютъ хозяйничать въ православныхъ храмахъ, беря ихъ на откупъ и строя, перестраивая, ремонтируя и «украшая» ихъ...

Но этого еще мало. «Евреи вмѣшиваются въ общественную и семейную жизнь крестьянъ—читаемъ въ отчетѣ К. П. Побѣдоносцева (стр. 125)—и стараются возбуждать у нихъ неудовольствіе противъ священно-церковно-служителей. Евреи-шинкари въ одномъ приходѣ наставляли крестьянъ не платить священнику за требоисправленія: «его казна кормитъ—говорили они,—за что ты будешь ему помогать»? Производить возмущенія противъ пастырей евреямъ лестно, такъ какъ они знаютъ всѣ подробности семейной и общественной жизни крестьянъ, и не упускаютъ удобнаго случая раздуть вражду между священникомъ и крестьянами».

---

[1]) Недостаетъ только, чтобы евреи вновь присвоили себѣ это право аренды, *наложивъ таксу на исполненіе христіанскихъ обрядовъ*. Объ этомъ они, кажется, уже мечтаютъ, судя по изувѣрской наглости ихъ тона въ жидовствующей печати.

[2]) «*Холмско-Варшавскій Епархіальный Вѣстникъ*», апрѣль 1894 года.

Digitized by Google

Это уже открытая, не только антихристіанская, но и противогосударственная пропаганда, съ которою нельзя не считаться и которая, конечно, не можетъ быть терпима въ благоустроенномъ государствѣ. Подъ дружный гвалтъ своей и нашей якобы-«либеральной» печати, сообщающей міру о нашихъ якобы-жестокостяхъ и нетерпимости, еврейство угнетаетъ de facto многострадальный русскій народъ, наложивъ на него свое тяжелое ярмо во славу талмудизма, издѣваясь надо всѣмъ, что ему дорого, и подкапывая всѣ тѣ важнѣйшія и незамѣнимыя основы, на которыхъ зиждется наша народная и государственная жизнь.

Эта сторона еврейскаго вопроса несомнѣнно имѣетъ наиболѣе существенное значеніе и заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія къ себѣ, а между тѣмъ до сего времени она совсѣмъ игнорируется нами. Образъ еврея-паука, губящаго народное благосостояніе, знакомъ всѣмъ. Но мало кто уяснилъ себѣ, что паукъ этотъ—не только экономическій бичъ русскаго народа, но и нравственный его развратитель, истинный злой врагъ нашей національности и государственности. И, борясь кое-какъ съ губителемъ народнаго благосостоянія, мы оставляемъ въ полномъ покоѣ этого нравственнаго растлителя народа, этого предателя нашей государственности! Нужно ли доказывать, что это весьма опасное попустительство съ нашей стороны? Отымите отъ массы русскаго народа ея нравственные устои, ея христіанскую церковь, ея вѣками сложившуюся государственность и замѣните все это еврейской безпринципностью и человѣконенавистничествомъ,—что проку будетъ въ нашемъ матеріальномъ благосостояніи? Къ чему оно послужитъ? Да и возможно ли благосостояніе народа, лишеннаго всякихъ нравственныхъ и политическихъ оплотовъ?

Пора, давно пора обратить вниманіе на эту сторону еврейскаго вопроса. Каждое малѣйшее послабленіе наше въ области этого вопроса лишь усложняетъ его, вызывая крайне нежелательныя, вредныя осложненія и въ народной, и въ государственной жизни. Нужно поэтому, не запуская болѣзни, приступить къ радикальному ея излѣченію; необходимо освободить, наконецъ, наше народное тѣло отъ тѣхъ жадныхъ паразитовъ, которые обсѣли его и не только сосутъ кровь, разстраивая весь организмъ, но заползаютъ и въ нравственное существо,—въ народную душу.

Крѣпка можетъ быть наша Русь только своимъ народнымъ самосознаніемъ, своею государственною мощью. Будемъ же беречь этотъ великій народный свѣтильникъ, ограждая его ото всякихъ вражьихъ посягательствъ, — явныхъ и тайныхъ, вольныхъ и невольныхъ, — помня всегда, что въ этомъ народномъ самосознаніи лежитъ несокрушимая сила.

А. Липранди.

Digitized by Google

НА РУБЕЖѢ ИСКУССТВА.

VII.

Дѣла Чернова по прежнему шли въ гору. Его трупа все увеличивалась, потому что появлялись все новые и новые таланты. Оперетка имѣла уже своихъ «знаменитостей». Это былъ ея второй періодъ. Москва теперь посѣщала игранныя и переигранныя оперетки, когда въ нихъ участвовали излюбленные артистки и артисты. Одни выдвинулись несомнѣннымъ комическимъ дарованіемъ, другіе разухабистымъ, хватающимъ за самыя «поджилки», пѣніемъ.

Черновъ развивалъ свое дѣло по провинціямъ и держалъ уже нѣсколько театровъ. Расходы, конечно, увеличивались; около него наживались разные люди, отъ подрядчиковъ до капельдинеровъ включительно. Деньги у Чернова всегда водились; онъ ихъ тратилъ безъ счета, безъ сожалѣнія. Передъ нимъ преклонялись актеры; Москва его знала, какъ «непобѣдимаго» увеселителя и своего человѣка.

Черновъ вѣрилъ въ свою звѣзду и жилъ во всю широкую натуру. Во время своей славной антрепренерской дѣятельности онъ не пріобрѣлъ себѣ ни одного близкаго человѣка, кромѣ отчаянныхъ собутыльниковъ изъ комерсантовъ. Съ актерами, даже «знаменитыми», онъ держалъ себя гордо и недоступно. Въ самомъ дѣлѣ, кто имъ далъ громкое имя, сдѣлалъ изъ нихъ артистовъ? Онъ, Черновъ. Кто они были до него, до его «дѣла»?!. Онъ это зналъ, понимали хорошо и «знаменитости». Но благодарность, какъ извѣстно, не въ человѣческомъ характерѣ, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ. Начали возникать инциденты, артисты предъявляли требованія, о которыхъ прежде они не смѣли бы и подумать, разбогатѣвшіе подчиненные стѣснялись суровой дисциплиной. Плохо поставленное въ комерческомъ отношеніи, опереточное дѣло стало мало по малу показывать то здѣсь, то тамъ свои прорѣхи. Черновъ вѣрилъ только въ свой талантъ, свою популярность и не боялся конкурренціи.

Digitized by Google

Но интрига не дремала. Конкурренты возродились въ самомъ питомникѣ, среди оперетки. Съ открытіемъ другихъ частныхъ театровъ, особенно зимой, сборы стали замѣтно падать. Потребовались большіе расходы на новыя блестящія обстановки почти безсмысленныхъ феерій. Была выписана изъ-за границы знаменитая танцовщица. Фантазія Чернова хотя и работала на всѣхъ парахъ, но всему бываетъ предѣлъ. Онъ сталъ уже теперь слушать совѣты.

Теперь мы снова застаемъ его въ обществѣ Грумова, развалившагося на диванѣ, въ позѣ опереточнаго героя. Передъ нимъ стояла бутылка вина. Черновъ въ волненіи ходилъ по комнатѣ съ измятымъ листомъ почтовой бумаги въ рукахъ.

— Это чортъ знаетъ!.. До чего зазнались!.. изъ грязи вытащилъ паршивыхъ...

— Такъ всегда бываетъ!..—отвѣчалъ публицистъ по театральной части.—Какъ это пословица-то говоритъ: рыба ищетъ, гдѣ лучше, а человѣкъ, гдѣ глубже!.. Тьфу ты!.. Перепуталъ... Ну, однимъ словомъ: человѣкъ ищетъ побольше денегъ!..

— Денегъ!—заоралъ Черновъ.—Да я развѣ мало имъ платилъ?.. Кто имъ далъ бы такія деньги?..

— Конечно, никто!—согласился Грумовъ.—Но скажите, пожалуйста, чего вы ждете отъ армянина!.. вѣдь это народъ торговый. Научился, навострился, ну, и потянуло за деньгой... Такая у него природа!..

— Природа?.. да вѣдь что это было, вы посмотрѣли бы, когда появилась эта рожа. Вѣдь въ порядочномъ домѣ отъ роду не бывалъ, звонаремъ съ колокольни взялъ. Вижу: есть голосъ... Обломалъ, отшлифовалъ, выучилъ... Теперь маркизовъ, графовъ изображаетъ!.. Неугодно ли? Платилъ превосходно... А теперь, изволите видѣть, вмѣсто 1,000 р., полторы проситъ, а иначе служить не согласенъ. Прочтите!..—Черновъ съ раздраженіемъ сунулъ редактору измятое письмо.

Грумовъ хладнокровно прочелъ и положилъ бумагу на столъ.

— Не давайте!—проговорилъ онъ.

— Какъ не давать!?—вскричалъ Черновъ.—Что жь я буду безъ него дѣлать! что ставить?!.

— Найдемъ!.. у меня есть на примѣтѣ.

— Что найдемъ? Этого любятъ... идутъ, когда увидятъ его имя, особенно бабы. Съ другимъ сколько еще возни предстоитъ: учи, рекламируй!..

— Все это вѣрно, почтеннѣйшій Павелъ Ивановичъ, и будете съ нимъ возиться, и толку не выдетъ никакого. Дадутъ въ другомъ мѣстѣ больше на сотню, на двѣ—ну, и сбѣжитъ... вѣрьте слову, сбѣжитъ!..

Digitized by Google

— Что же теперь дѣлать?.. Нельзя ставить пьесы безъ этихъ паршивыхъ извѣстностей...

— И безъ нихъ можно. Заведемъ что нибудь поинтереснѣй, попикантнѣй...

— Это вы насчетъ чего?—остановился Черновъ.

— Насчетъ дамочекъ-иностраночекъ, — плотоядно засмѣялся Грумовъ.

— Ну, нѣтъ!—рѣшительно заявилъ Черновъ,—до такой пакости никогда не дойду.

— Напрасно,—отвѣчалъ Грумовъ,—я бы въ Парижъ съѣздилъ и такихъ привезъ бы пѣвичекъ, что...—«литераторъ» щелкнулъ языкомъ.—Кого вы показывали въ своихъ пьесахъ?!. какихъ-то прачекъ изъ Кишинева?.. Развѣ это можно?!.

— Но голосъ, поймите...

— Что голосъ?—началъ горячиться Грумовъ.—У васъ не опера. Съ однимъ голосомъ далеко не уѣдете!.. Цыганское пѣніе скоро и надоѣстъ, публика пожелаетъ разнообразія... А что можетъ быть разнообразнѣе, пикантнѣе истинныхъ парижанокъ? Вѣрьте мнѣ!..

— Я вамъ не разъ уже говорилъ,—перебилъ Черновъ,—что мои театры для семейной публики... А вашего безобразія съ француженками я никогда не допущу!..—Черновъ стукнулъ по столу.

— Скажите, пожалуйста, нравственность... и оперетка!..

— Да, моя оперетка приличная. Попробуйте это сдѣлать... это не такъ легко, какъ кажется!..

— Можетъ быть,—усмѣхнулся Грумовъ,—но, знаете, Павелъ Ивановичъ, съ такими мыслями вы денегъ не наживете.

— Денегъ?!—засмѣялся Черновъ.—Денегъ!.. да я ихъ могъ имѣть, сколько хотѣлъ. Деньги что!.. Плевать мнѣ на деньги.

Грумовъ засмѣялся.

— Однако, какой вы безсребренникъ!..—замѣтилъ онъ.—Тогда почему же вы жалѣете прибавить жалованья баритону и женѣ режиссера!..

— Не денегъ жалѣю, а досадно, обидно, что эта дрянь носъ подымаетъ... и передъ кѣмъ?!. передо мной, чортъ возьми. А, ну ихъ...

Черновъ позвонилъ и приказалъ позвать къ себѣ помощника «Могилы», молодаго человѣка Серебрякова.

— Вотъ что, Ваня, декораціи всѣ перевезены?..

— Перевезены, Павелъ Ивановичъ.

— И всѣ въ порядкѣ?.. пожалуйста, пересмотри; главное, чтобы были исправны фееріи... машины... однимъ словомъ, все пересмотри вмѣстѣ съ машинистами.

— Слушаю-съ, Павелъ Ивановичъ!..

Digitized by Google

— А вотъ этихъ паршивцевъ,—Черновъ подалъ Серебрякову двѣ смятыя записки,—которые просятъ прибавки...

— Я знаю...

— Пошли ихъ къ чорту... пусть убираются!.. Доплатить, сколько имъ слѣдуетъ.

— Доплачивать нечего-съ; они забрали еще впередъ...—усмѣхнулся Серебряковъ.

— Впередъ?—вскричалъ Черновъ,—и просятъ прибавки!.. Хороши, голубчики. Что ихъ здѣсь нѣтъ?—сорвался онъ съ мѣста.

— Никакъ нѣтъ,—почтительно отвѣчалъ Серебряковъ.

— Такъ вотъ что: передай имъ, чтобы ихъ духу не было, чтобы не попадались мнѣ на глаза, а то... — Черновъ показалъ свой огромный кулакъ.

— Слушаю-съ,—отвѣчалъ Серебряковъ, направляясь къ двери.

— Позвать ко мнѣ Недотыкина!—крикнулъ ему вслѣдъ антрепренеръ и, обращаясь къ Грумову, продолжалъ: — Буду ставить феерiи. Не хватитъ артистовъ,—своихъ лакеевъ научу. Увидите, какъ играть будутъ!—Черновъ засмѣялся.—Вы знаете Ваньку?..

— Какого Ваньку?..

— Ну, моего перваго камердинера!..

— А, знаю. Что же такое?..

— Артистомъ теперь сдѣлался... Мнѣ Степанъ служитъ, а онъ... впрочемъ...

Черновъ нажалъ пуговку звонка.

Черезъ минуту дверь отворилась и въ комнату быстро вскочилъ высокаго роста молодой малый, лѣтъ двадцати, съ большими черными глазами и дерзкимъ взглядомъ. За нимъ, ковыляя и кряхтя, взошелъ Недотыкинъ.

— Не угодно ли!.. Вотъ онъ самъ налицо!.. Ванька, покажи руку!.. а ты, старый хрычъ, садись!.. Чего ты все кряхтишь?!.

— Тебѣ хорошо смѣяться!—проворчалъ Недотыкинъ.—Здоровъ, какъ быкъ, что тебѣ дѣлается? А меня, братъ, замучили ревматизмы...

— Не сидѣлъ бы съ дѣвицами на сырости, по ночамъ!.. Эхъ ты, старый волокита!.. когда ты уходишься? подбери сопли-то, Донъ-Жуанъ!

— Что ты, что ты болтаешь?—сердито отвѣчалъ Недотыкинъ, доставая инстинктивно изъ кармана платокъ.

Въ это время Ванька обнажилъ почти до плеча свою правую руку. Грумовъ взглянулъ и даже вздрогнулъ. Недотыкинъ хихикнулъ. Ванька стоялъ гордо съ вытянутой рукой и смотрѣлъ въ глаза Чернову, который торжествовалъ.

— Какова ручка-то?!. И не больно, Ванька?..

Digitized by Google

Рука была покрыта почти сплошной раной, кожа была содрана и темно-багровые и красноватые цвѣта переливались по раненой рукѣ.

— Что это значитъ?—спросилъ Грумовъ.—Прочь руку!!. Экое безобразіе!..

— Артистъ, вотъ что значитъ!.. А ты, Ванька, поди къ матери, она примочитъ рану, живо заживетъ!..

— Ничего, и такъ присохнетъ!..

— Неужто завтра будешь изображать чорта?.. Смотри, Ванька!

— Безпремѣнно. А то какъ же? Это ничего, Павелъ Ивановичъ. Водкой бы хорошо ее помочить!..

— Знаю, знаю, какъ ты помочишь... только не руку. Говорю, ступай къ матери!..

— Сейчасъ. Позвольте только сказать касательно Степана. Не можетъ онъ, Павелъ Ивановичъ, вамъ служить... Куда ему? вялый человѣкъ.

— Это правда. А что?—спросилъ Черновъ.

— Опять хотѣлъ бы при васъ состоять. Только, значитъ, на время спектакля, когда я занятъ, прошу освобождать!..

Черновъ расхохотался.

— А въ случаѣ репетиціи?!.

— Долго ли на репетиціи?.. Вы еще спать будете, когда я прорепетирую...

— Ну, хорошо. Только и Степанъ пусть остается!.. Ты будешь главнымъ. А теперь иди, говорю, къ матери.

Ванька быстро повернулся на своемъ мѣстѣ и исчезъ.

— Вотъ доложу я вамъ человѣкъ!—заговорилъ Черновъ.—Видите, поставилъ я феерію; одну изъ главныхъ ролей долженъ былъ исполнять гимнастъ!.. Выписалъ я на разовые патентованнаго артиста, по 150 р. за выходъ... Феерія пошла, понравилась, а гимнастъ сталъ упрямиться... Ссоры постоянныя съ машинистомъ, съ декораторомъ... Однимъ словомъ, хотѣлъ было я съ нимъ по своему раздѣлаться, да думаю: скоро ли другаго найдешь? Горе, да и только!.. Высказалъ я это вслухъ какъ-то при Ванькѣ. На другой день мой малый говоритъ: «Пожалуйте, Павелъ Иванычъ, въ садъ».—Зачѣмъ?—«Да, пожалуйте», говоритъ...—Что случилось?..—«Тамъ, говоритъ, увидите». Вышелъ я, въ саду никого, я посмотрѣлъ на Ваньку, стоитъ эдакъ безъ шапки, глазища выпучилъ... Я къ нему... Что ты, мерзавецъ, шутить выдумалъ?—А онъ какъ кинется, да черезъ заборъ!.. Что такое?.. Заборъ у меня высокій, съ гвоздями... Не успѣлъ я мигнуть, смотрю, шлепъ, опять Ванька въ саду... «Павелъ Иванычъ, не угодно ли посмотрѣть»,—крикнулъ

Digitized by Google

мнѣ, да какъ завертится въ воздухѣ... Знаете, какъ настоящіе опытные гимнасты, да еще съ какой ловкостью, въ огромныхъ, высокихъ сапожищахъ!.. Глазамъ не вѣрю.—Ванька, говорю, ты ли это?—«Я-съ, говоритъ, самый и есть»...—Какимъ образомъ?.. гдѣ научился?—«Самоучкой—говоритъ — съ дѣтства баловался... Теперь — говоритъ — Павелъ Иванычъ, можете того француза къ чорту. Я готовъ занять его ангажементъ». А самъ эдакъ всталъ въ наполеоновскую позу и руки скрестилъ. Вотъ такъ Ванька! Пожалъ я новому артисту руку и спрашиваю:—А условія какія?—«Положьте, говоритъ, разовые и чтобы все ваше, и трико, и костюмы, и ½ бутылки коньяку въ день спектакля».—А плата?—«Пятнадцать рублей за выходъ не дорого будетъ»! Конечно, я согласился...

— Что за чепуха! Не можетъ быть, чтобы вы его выпустили на сцену?—перебилъ Грумовъ.

— Разбойникъ, вѣдь, это... истинный разбойникъ!—вставилъ Недотыкинъ...

Черновъ разгорячился.

— Почему же не выпустить, позвольте васъ спросить?.. Да, чѣмъ же Ванька хуже этого армяшки-баритона и примадонны-прачки!? Развѣ они-то получили образованіе!.. Кто ихъ воспиталъ, какъ не я? А Ванька самъ дошелъ и потому онъ выше ихъ!.. У тѣхъ голоса, а у Ваньки ловкость...

— Разбойникъ, разбойникъ твой Ванька!—брюжжалъ Недотыкинъ.

— Да молчи ты, старая крыса!..—закричалъ Черновъ.—Ванька—преданный человѣкъ... Слышали сами, артистомъ сдѣлался, а меня не покидаетъ, даже проситъ о сохраненіи прежняго своего положенія... Этотъ не перебѣжитъ за десять рублей!..

Грумовъ всталъ, взялъ со стола шляпу и проговорилъ:—Что же, Павелъ Ивановичъ, ничего предпринять не желаете?.. Я бы съѣздилъ за границу...

Черновъ посмотрѣлъ на него и задумался.

— Скоро самъ поѣду...

— Куда?..

— Въ Парижъ, Вѣну, въ Испанію...

— Зачѣмъ же въ Испанію?

— Думаю пригласить торреадоровъ и пикадоровъ... бой быковъ устроить... Хороша идея? Какіе сборы будутъ!..

Недотыкинъ хихикнулъ.

— Обрадовался, хрычъ?..

— Напрасно!..—промолвилъ Грумовъ,—не разрѣшатъ...

— Ну, мы еще посмотримъ... Въ самомъ дѣлѣ хорошая штука!..

Digitized by Google

По дорогѣ еще въ Турцію заѣду, можетъ быть, тамъ найду чего-нибудь новенькаго по части «искусства».

Грумовъ, пожавъ плечами, простился.

VIII.

Черновъ поѣхалъ въ Малый театръ, куда онъ рѣдко заглядывалъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ чувствовалъ здѣсь себя нехорошо. Ему было не то совѣстно, не то чего-то жалко. Въ стѣнахъ Малаго театра онъ живо вспоминалъ свою молодость, свои чистыя, благородныя стремленія. Онъ вспоминалъ далекій городъ на широкой многоводной рѣкѣ, вспоминалъ юношескіе сны и грезы, когда въ его горячемъ и безпокойномъ сердцѣ было столько теплоты, надежды и желанія отдать всего себя на служеніе правдѣ и любви.

Какія тогда были внутреннія силы!.. Бывало, подъ непрерывный говоръ могучей рѣки, вслѣдъ за быстро бѣгущими судами, неслась его дума туда, въ невѣдомый міръ, въ большіе города, гдѣ свободное искусство, словно вѣтеръ попутный, зоветъ, манитъ къ себѣ, суля заманчивыя, почти волшебныя перспективы. Бѣдная обстановка, нужда, борьба за свое жалкое существованіе еще больше наполняли все его существо непреклоннымъ желаніемъ бѣжать *туда*. Юноша закалялся, боролся и работалъ. Въ большой семьѣ онъ былъ одинокъ, глядѣлъ постоянно волчонкомъ и только тогда чувствовалъ себѣ хорошо, когда дѣлился своими мечтами съ безконечно несущимися въ невѣдомую даль волнами своей родной рѣки.

И вдругъ произошло нѣчто удивительное. *Онъ* прислалъ ему письмо, *онъ* написалъ ему хорошія добрыя строки и звалъ *къ себѣ*. Никогда не изгладятся эти минуты изъ его памяти. Кто, кто былъ тогда счастливѣе этого страстнаго, энергическаго юноши? Буквально земля горѣла подъ его ногами и молодой Черновъ, перечитывая въ сотый разъ дорогія строки, говорилъ могучей рѣкѣ, что онъ скоро будетъ артистомъ, будетъ «жечь глаголомъ сердца людей». Тогда они поймутъ, поймутъ всѣ несправедливости, всѣ страданія, которыя терпѣла его семья и отъ которыхъ измучилась его мать. Рѣшено: скоро, скоро покинетъ онъ родину; впереди ждетъ его слава и новая жизнь. Его звалъ извѣстный въ то время драматическій артистъ, гордость русской сцены, артистъ, которому мальчикъ-Черновъ осмѣлился писать объ искусствѣ,—о желаніи посвятить ему всю свою жизнь. Великій артистъ отозвался на искреннія строки юноши.

И вотъ теперь, при входѣ въ Малый театръ, на Чернова по-

Digitized by Google

вѣяло невозвратнымъ былымъ и сердце его заныло тихо и жалобно; гордая голова опустилась на грудь, и онъ, не замѣчая почтительныхъ поклоновъ капельдинеровъ, медленно двигался къ уборнымъ. Старыя почернѣвшія стѣны хранили строгое молчаніе; отъ нихъ пахло сыростью, но Черновъ не чувствовалъ этого, стѣны точно давили его,—давили преданіемъ и той стариной, которая бередила его сердце, живымъ укоромъ вставая передъ нимъ теперь и именно *здѣсь*, гдѣ работалъ и столько сдѣлалъ для истиннаго искусства тотъ, который вывелъ Чернова изъ темноты провинціальной жизни и поставилъ на вѣрную дорогу.

Въ полутьмѣ кулисы, вотъ показалась на мигъ тѣнь покойнаго артиста и, тихо покачавъ головой, подняла на Чернова руку. Павелъ Ивановичъ вздрогнулъ и остановился. Изъ-за кулисъ вышелъ рабочій, которому Черновъ несказанно обрадовался и подозвалъ къ себѣ.

— Александра Михайловича нѣтъ здѣсь? не видѣлъ?—спросилъ Черновъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

— Сейчасъ проходилъ. Пошли, должно, на ту сторону,—проговорилъ рабочій, приноравливая и придвигая кулису.

Черновъ остановился, потеръ по привычки свою грудь и прошепталъ: «чего это?.. не уйти ли въ зрительную залу? здѣсь страшно»! Онъ оглянулся кругомъ, тряхнулъ своей курчавой головой и быстро, смѣло пошелъ черезъ сцену. Справа стучали молотки рабочихъ, а впереди него видѣлись фигуры и слышался говоръ и смѣхъ уже одѣтыхъ и готовыхъ къ выходу артистовъ. Черновъ былъ радъ видѣть людей, чтобы отогнать отъ себя нахлынувшія воспоминанія. Его встрѣтили шумно. Александръ Михайловичъ, первый комикъ, повелъ его къ себѣ въ уборную. Это была та уборная, гдѣ Черновъ прежде, когда онъ служилъ, помѣщался вмѣстѣ съ однимъ начинающимъ артистомъ. Черновъ хотѣлъ было уйти назадъ, но комикъ держалъ его за руку и предлагалъ коньяку. Черновъ вынулъ деньги и проговорилъ: «пошли за шампанскимъ, только скорѣй».

— Иванъ, Иванъ!—прокричалъ комикъ, высунувъ голову изъ-за двери.

— Что прикажете, Александръ Михайловичъ? — послышался сиплый шопотъ.

— Поди принеси бутылку шампанскаго...

— Двѣ,—перебилъ Черновъ.

— Двѣ бутылки...

— Слушаю-съ,—прохрипѣлъ невидимый Иванъ.

Комикъ сѣлъ противъ Чернова и пожалъ ему руку.

Digitized by Google

— Ну, что, Паша?— проговорилъ онъ.—Какъ дѣла? что ты такой бука сегодня...

— Такъ,—протянулъ Черновъ.—А вѣдь это уборная, въ которой я...—онъ нервно и дѣланно засмѣялся...

— Знаю, знаю,—перебилъ его комикъ,—тѣмъ лучше, на старой квартирѣ разопьемъ съ тобой, другъ любезный...

Черновъ не отвѣчалъ, думая: зачѣмъ только зашелъ онъ сюда, точно мало мѣста въ театрѣ? И онъ крайне недружелюбно посмотрѣлъ на комика, живаго и веселаго, съ радостнымъ видомъ разсматривающаго его, Чернова. Принесли вино и съ трескомъ откупорили бутылку. Комическій артистъ, смакуя искрометную влагу, проговорилъ: «счастливецъ ты, Павелъ—въ сорочкѣ родился»!..

— Ну,—задумался Черновъ,— особеннаго счастья я не нахожу...

— Полно, полно! — перебилъ собесѣдникъ,—какого еще тебѣ рожна? Денегъ пропасть, уваженіе, почетъ. Самъ себѣ хозяинъ: живи, какъ хочешь.

— Хлопотъ, братъ, много...

— Что хлопоты?.. для себя стараешься... А вотъ мы, грѣшные, тянемъ лямку...

Черновъ оживился.

— Лямку? а искусство, которому служите? Вѣдь вы серьезные актеры, первые столпы...

— Искусство... оно точно... Да казенщины больно много появилось... искусство, свободное творчество теперь, братецъ, на задній планъ отошло... Иванъ!.. откупори бутылку!

— Ефимова занята сегодня?—спросилъ Черновъ.

— Ефимова? участвуетъ... для нея и пьеса написана... Ефимова, братъ, талантъ, хорошая артистка... да и то...—комикъ махнулъ рукой.

— Что такое?—встрепенулся Черновъ.

— Не нашего она поля ягода. Вотъ что!.. Въ сторонѣ живетъ своей жизнью... У насъ всѣ, братъ, кто въ лѣсъ, кто по дрова... Одни къ начальству поближе, другіе съ литераторами въ дружбѣ, третьи... ну, словомъ, каждый себя по своему ограждаетъ...

— Отъ чего ограждаетъ-то?..

— Отъ того!—засмѣялся комикъ.—Фюить!.. Каждый изъ насъ до пенсіи хочетъ дослужить...

— До пенсіи?!.

— А ты какъ думалъ? тебѣ хорошо!.. небось, мошну-то набилъ!..

— Вы только о деньгахъ, да пенсіяхъ и думаете,—проговорилъ Черновъ съ неудовольствіемъ.

Digitized by Google

— Заговоришь, милый человѣкъ, когда чуть не полдюжины ребятъ на шеѣ... У тебя нѣтъ такой обузы. Чего ты, Пашка, въ самомъ дѣлѣ не женишься?..

— Невѣсты не найду...

— Разговаривай, разговаривай! Шельма ты, братецъ...

— Я слышалъ: Ефимова замужъ вышла. За кого? ты не знакомъ съ ея мужемъ?..

— Нѣтъ,—проговорилъ комикъ.—Говорятъ, докторъ какой-то модный... на своихъ лошадяхъ теперь наша актрисочка ѣздитъ... Ей что? обезпечена.

— Да полно брюзжать-то!—проговорилъ Черновъ, подымаясь и поправляя кушакъ на поддёвкѣ.

Онъ простился съ актеромъ и вышелъ изъ уборной. На сценѣ шла суматоха, впрочемъ, обыкновенная передъ поднятіемъ занавѣса. Помощникъ режиссера бѣгалъ по уборнымъ и вызывалъ артистовъ; рабочіе перекликались между кулисами, гдѣ, волнуясь, стояли персонажи, которымъ нужно было начинать пьесу. Между ними Черновъ замѣтилъ Ефимову, блѣдную и значительно похудѣвшую.

Пробилъ звонокъ. Черновъ отправился въ зрительную залу. По дорогѣ ему кланялись, заговаривали, а тѣ, которые были незнакомы, громкимъ шопотомъ провожали его: «вотъ Черновъ». Это ему теперь было непріятно. Популярность, которой онъ такъ страстно добивался и дѣйствительно добился, здѣсь была для него насмѣшкой и укоромъ! Въ этомъ храмѣ искусства цѣнилась другая популярность, а не уличная, хотя и эффектная. Черновъ занялъ мѣсто въ партерѣ и сталъ слушать пьесу. Долго онъ не могъ понять, въ чемъ дѣло, да и не хотѣлъ этого. Пьеса была «фабрикованная» и Черновъ прислушивался только къ голосу Ефимовой, къ ея отдѣльнымъ фразамъ,—остальное же пропускалъ мимо ушей. Странно! глупыя слова и недоношенныя мысли автора въ устахъ артистки пріобрѣтали правдивость и искренность. Звучало истинное чувство и человѣкъ съ его внутреннимъ міромъ и бьющимся сердцемъ былъ на сценѣ, откуда на Чернова вѣяло незабытымъ еще прошлымъ. Положенія въ пьесѣ запутывались и становились фальшивѣе. Черновъ не выдержалъ и вышелъ. «Талантливаго человѣка заставлять говорить суконныя рѣчи! Паршивая пьеса! Мои оперетки, право, художественнѣе и умнѣе... Въ такихъ пьесахъ играть бы только пансіонерамъ». Взволнованный, онъ зашелъ въ буфетъ. Прикащики бросились къ стойкѣ, жадно впиваясь глазами въ Чернова и съ трепетомъ ожидая его приказаній.

Черновъ помолчалъ, вынулъ сигару и рѣзко закричалъ: «портеру»!..

Digitized by Google

Залпомъ выпивъ бутылку, онъ отправился на сцену и постучалъ въ дверь Ефимовой. Ему отворили. Ефимова была не одна и съ удивленіемъ смотрѣла на Чернова, который въ смущеніи остановился у двери.

— Не побезпокоилъ ли я васъ?—вмѣсто привѣтствія, быстро выговорилъ Черновъ.

— Пожалуйста, — дрогнувшимъ голосомъ отвѣчала Ефимова,— садитесь... позвольте васъ познакомить.—Артистка назвала фамиліи двухъ женщинъ, одной молодой и красивой, другой—среднихъ лѣтъ, похожей на купчиху.

Обѣ дамы съ интересомъ уставились на Чернова. Съ минуту длилось молчаніе.

— Извините,—заговорилъ Черновъ,—я и забылъ поздравить васъ со вступленіемъ въ законный бракъ...

Артистка вспыхнула.

— Да, я вышла замужъ,—холодно отвѣтила она.

— Очень пріятно!.. съ разрѣшенія родителей, надѣюсь.

Дамы хихикнули. Ефимова нахмурилась.

— Ваши какъ дѣла, Павелъ Ивановичъ?—обратилась она по свѣтски къ Чернову.

— Мои-съ... какія мои дѣла? это опереточныя-то?!. да развѣ они васъ интересуютъ!..

— Отчего же нѣтъ?..

— Вотъ какъ!—озлобленно засмѣялся Черновъ.—Долженъ я вамъ доложить, что меня эти самыя дѣла перестали занимать. Думаю открыть драму, приглашу...—и Черновъ началъ перечислять знаменитостей.

Ефимова слушала и по лицу ея бродили тѣни.

Черновъ увлекался и среди насмѣшекъ надъ артистами и пьесами, которыя шли въ этомъ сезонѣ, сулилъ, что онъ создастъ настоящую драму, вызоветъ на это поприще новыя силы... Черновъ увлекался все болѣе и самъ вѣрилъ тому, что говорилъ. А между тѣмъ—странно!—мысль устроить еще драматическій театръ пришла ему въ голову сразу и именно здѣсь, въ уборной Ефимовой, хотя онъ говорилъ объ этомъ, какъ о ранѣе задуманномъ предпріятіи.

— Не поздно ли, Павелъ Ивановичъ, браться за это?—возразила артистка.

— Почему поздно? Вотъ увидите!.. перейдете ко мнѣ служить...

— Ну, этого никогда не будетъ!—почти рѣзко отвѣтила Ефимова.

— До пенсіи хотите дослужиться?..

Digitized by Google

— Не до пенсіи, а къ вамъ не пойду, потому что у васъ ничего не выдетъ...

— Что?!—и Черновъ выпрямился.—Черезъ годъ у васъ будетъ пусто, а мой театръ будетъ гремѣть также, какъ и оперетка...

— Ну, это потруднѣе... за нами традиціи, школа...

— Послушайте,—перебилъ ее Черновъ,—почему вы меня ненавидите?

Дамы такъ и заёрзали на своихъ мѣстахъ.

— Не говорите глупостей!—отвѣчала сурово артистка.

— Да, ненавидите, а я... я къ вамъ отношусь хорошо.

— Благодарю васъ за это!.. Только вы напрасно обо мнѣ такъ дурно думаете. Я никому не желаю зла...

— Вы говорите это такъ, по шаблону... Васъ не разберешь. Разсчетъ у васъ... въ душѣ ничего нѣтъ... живете на свѣтѣ, какъ старшіе велятъ, по прописи... благонравіе на первомъ мѣстѣ!

— Что жь дѣлать? живемъ, какъ умѣемъ...

— Точно замуравленная, заштукатуренная... Ну, какая вы артистка?.. Ни размаху, ни увлеченія...

— Предоставляю вамъ эти качества, Павелъ Ивановичъ, да ихъ у васъ, кажется, и такъ въ избыткѣ... Только смотрите—не нарвитесь!..

— Это еще что?..

— Ничего! такъ говорю... Анна Ивановна!..—обратилась Ефимова къ купчихѣ,—хорошо сидитъ у меня сзади лифъ?

Купчиха встала, потрогала Ефимову за талію и сказала: «отлично сидитъ».

— Какъ вамъ не совѣстно играть въ такой нелѣпой пьесѣ?—не унимался Черновъ.—Это белиберда какая-то!..

— А вы посмотрите четвертый актъ...

— Нѣтъ, ужь слуга покорный...

— Пьеса дѣйствительно...—продолжала Ефимова.

— Нелѣпая,—подсказалъ Черновъ.

— Нѣтъ, слабая... Только можно и изъ нея кое-что сдѣлать.

— Какіе мастера, подумаешь,—засмѣялся Черновъ,—изъ дряни конфекты дѣлаютъ. Въ добрый часъ!..

Всѣ засмѣялись. Антрактъ кончался. Дамы поднялись выходить.

— Вы въ этомъ актѣ, Вѣра Петровна, не заняты?—спросилъ Черновъ, раскланиваясь съ уходящими.

— Въ самомъ концѣ...

— Такъ я у васъ посижу еще...

Артистка промолчала. Она, повидимому, была занята своей прической.

Digitized by Google

— И что же, вы счастливы теперь?—спросилъ тихо Черновъ.

— А вамъ это интересно?—кокетливо взглянула на него Ефимова.

Послѣ ухода постороннихъ изъ уборной, роли ихъ будто перемѣнились. Черновъ притихъ и сталъ печаленъ. По губамъ Ефимовой блуждала лукавая улыбка; она, напротивъ, оживилась.

— Я недавно была въ опереткѣ... у васъ прелесть какъ весело... давали Боккачіо.

Черновъ молчалъ.

— Что вы примолкли?—продолжала Ефимова, поправляя на рукѣ браслетъ.

— Оперетка меня мало занимаетъ, Вѣра Петровна; побаловался, да и довольно.

— Вотъ какъ!.. что же теперь драму, а потомъ, можетъ быть, и оперу откроете?!.

— Можетъ быть, все можетъ быть,—задумался Черновъ. Спустя минуту, онъ съ силой проговорилъ:

— Народный театръ... вотъ что необходимо, вотъ на чемъ я покончу!..

— И это хорошее дѣло, еще бы? народный театръ...

— А вы пошли бы служить въ такой театръ?—проговорилъ въ упоръ Черновъ.

— Я? нѣтъ! мнѣ и здѣсь хорошо,—быстро отвѣтила Ефимова.

— Вамъ здѣсь хорошо?..—съ нескрываемой злобой произнесъ Павелъ Ивановичъ.—Тепло! нагрѣли мѣстечко... Эхъ, вы, чиновники!..

— Пожалуйста, безъ дерзостей...

— Это вы называете дерзостью; да я вамъ посовѣтовалъ бы...

Въ это время раздался легкій стукъ въ дверь. Вошла Аверина и, остановившись въ уборной, ни слова не говоря, смотрѣла на Чернову и Ефимову. Послѣдніе невольно сконфузились. Черновъ нервно сжалъ руки.

— Вотъ вы гдѣ, Павелъ Ивановичъ, насилу нашла... Какъ это я не догадалась раньше!—И она посмотрѣла на Ефимову.

— Здравствуйте, Аверина!—шагнула къ ней артистка.—Хорошо, что вы пришли, а то...

— Не помѣшала ли? нечего притворяться!..

Черновъ, наконецъ, вышелъ изъ себя.

— Объясните мнѣ, пожалуйста.—рѣзко обратился онъ къ Авериной,—что за комедію вы вздумали здѣсь разыгрывать? Что вамъ угодно?

— Мнѣ угодно говорить съ вами... Мнѣ нужно сказать...—волновалась Аверина.—Чего же вы еще ждете? слышите?..

Digitized by Google

— Слышу,—лѣниво прошепталъ Черновъ и началъ прощаться съ Ефимовой, у которой дрожали на глазахъ слезы.

Аверина ушла, не простясь.

— Что же это, наконецъ, Павелъ Ивановичъ!?. это долго будетъ продолжаться!.. Я васъ жду, волнуюсь, а вы изволите...

— Нельзя ли потише?.. здѣсь люди!.. фу, ты, Господи!..—И онъ быстро побѣжалъ къ выходу. Аверина, вся раскраснѣвшая, слѣдовала за нимъ. У дверей опять встрѣтился знакомый чиновникъ, съ которымъ Черновъ нарочно остановился и сталъ разспрашивать его о какихъ-то неважныхъ дѣлахъ. Чиновникъ былъ доволенъ. Аверина стояла на крыльцѣ, кутаясь въ пальто отъ пронизывающаго сквознаго вѣтра. Ей было и горько, и досадно; она уже раскаивалась, что сдѣлала Чернову сцену. Наконецъ, Черновъ вышелъ и громко крикнулъ извощика.

— Садитесь, я васъ подвезу,—обратился онъ къ Авериной, которая теперь уже плакала.

— А развѣ ко мнѣ не заѣдете? я столько дней ждала!..

— Нельзя ли безъ слезъ... терпѣть этого не могу!.. Зачѣмъ вы явились въ уборную Ефимовой?!. зачѣмъ?.. чтобы произвести скандалъ?!.

Аверина молчала. Извощикъ быстро погналъ лошадь.

IX.

Полная возмужалость и зрѣлые годы опредѣлили соціальное положеніе нашихъ дѣйствующихъ лицъ. Несовсѣмъ ясныя стремленія вылились въ извѣстную форму дѣятельности. Одна сдѣлалась талантливой артисткой, другой—блестящимъ антрепренеромъ; наконецъ, третій—основательнымъ печникомъ, прекрасно знакомымъ съ вентиляціей.

Поженились, пошли дѣти. Черновъ остался холостымъ. Ефимова, выдя замужъ, еще дальше стала держаться отъ артистическаго міра и въ своей довольно богатой,—если не роскошной,—обстановкѣ принимала и поддерживала знакомство съ представителями буржуазнаго общества. Вообще міръ дѣловой, денежный, близкій ея мужу, сталъ для нея если не пріятнымъ, то терпимымъ, тѣмъ болѣе, что эти люди, какъ поклонники, оцѣнивали весьма существенно ея талантъ.

Однимъ словомъ, популярность Ефимовой и ея успѣхи росли съ каждымъ годомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалось и ея матеріальное благосостояніе. Теперь она могла помогать, покровительствовать, кому хотѣла.

Digitized by Google

Талантъ ея крѣпнулъ, но впечатлительность ослабѣвала. Въ послѣдніе годы она много передумала и перечитала; однимъ словомъ, сдѣлалась самостоятельной артисткой. Пѣшеходовъ теперь былъ не нуженъ. Тѣмъ не менѣе, словно въ награду за старые труды, супругъ поручилъ этому странному человѣку надзоръ за печами въ собственномъ домѣ. На Пѣшеходова смотрѣли, какъ на чудака. Еще бы!.. Могъ быть милліонеромъ и сталъ печникомъ; могъ быть принятымъ въ хорошемъ обществѣ и проводилъ время съ людьми, если не подозрительными, то во всякомъ случаѣ несчастными и даже неинтеллигентными, а наконецъ женился на какой-то крайне некрасивой и обыкновенной швеѣ-мастерицѣ. Послѣднее обстоятельство вызывало недоумѣніе даже у близкихъ къ Пѣшеходову людей.

Тѣмъ не менѣе. Пѣшеходовъ сдѣлалъ такой шагъ вполнѣ сознательно, придерживаясь гуманитарныхъ соображеній.

Ефимову очень поразила такая женитьба, которая къ тому же почти совпала съ ея бракомъ.

«Вотъ странный человѣкъ»!.. думала артистка и прибавила: «да правда ли это»?

Пѣшеходовъ, какъ нарочно, скрылся въ это время, уѣхавъ въ какую-то деревню къ крестьянкѣ-кумѣ.

Наконецъ, въ одно прекрасное утро, горничная доложила барынѣ, что Николай Ивановичъ осматриваетъ печи и «смѣшитъ»...

Ефимова обрадовалась.

— Какъ смѣшитъ?—спросила она.

— Да обо всемъ спрашиваютъ...—хихикнула горничная,—оченно смѣшно!.. Чисто ли себя содержимъ?.. мыло обѣщалъ подарить, чтобы больше мылись.

— Позови его ко мнѣ!—приказала барыня.

Скоро вошелъ Пѣшеходовъ и какъ-то особенно, придерживая грудь и вытянувъ правую руку, раскланялся съ Ефимовой.

— Вы совсѣмъ пропали, Николай Ивановичъ, хотите чаю?..—усадила Ефимова гостя.

— Покорнѣйше благодарю, позвольте стаканчикъ. Работы много, Вѣра Петровна, цѣлый день на ногахъ. Вотъ въ деревню ѣздилъ.

— Къ кумѣ?—засмѣялась артистка.

— И къ кумѣ, и къ помѣщику... взялся въ новой постройкѣ печи поставить.

— И не надоѣдятъ вамъ эти печи?.. Все печи, да печи...

— Безъ печей нельзя... у насъ не Италія, слава богу, а матушка Россія съ морозами. Скажите-ка, Вѣра Петровна, вашей прислугѣ, чтобы топили печи, какъ я показывалъ, затворяли бы дверцы, а

Digitized by Google

то дровъ не наготовитесь. А этому народу все равно!.. ему развѣ жаль хозяйское добро?..

Ефимова засмѣялась.

— Эхъ, Николай Ивановичъ!.. какой вы стали странный... чудной!

Пѣшеходовъ улыбнулся.

— Чѣмъ же чудной?—взглянулъ онъ на Ефимову.

— Правда ли, что вы женились?—тихо спросила артистка.

Пѣшеходовъ сдѣлался серьезенъ.

— Совершенно вѣрно, Вѣра Петровна: вступилъ въ законный бракъ и теперь живу по семейному...

— На комъ же вы женились?.. по любви?

— Куда намъ по любви... такъ изъ жалости!..

— Это еще что такое? Въ первый разъ слышу про такую женитьбу...

— Оно точно,—проговорилъ Пѣшеходовъ.—Да вѣдь, по правдѣ сказать, какой же я женихъ?.. Наше время прошло!..

— Какъ прошло... Вы еще молодой человѣкъ...

Пѣшеходовъ задумался.

— Разскажите мнѣ, Николай Ивановичъ, подробно о вашей женитьбѣ... вы счастливы съ ней?..

— Какое же счастье? Она живетъ въ теплѣ, сыта, довольна. Не знаю, что дальше будетъ...

— Т. е. какъ дальше?—недоумѣвала артистка.

— Испортиться отъ довольства можетъ; если не вылѣчится, то непремѣнно закапризничаетъ...

— Развѣ она больная?..

— То-то и есть... Будь здоровая да веселая, я бы и не женился.

Артистка молча смотрѣла на него.

— Да вы шутите наконецъ?!.

— Нисколько. Покорно благодарю,—поклонился Пѣшеходовъ, отодвигая стаканъ...—Видите, семью я зналъ; бѣдные люди, въ родѣ какъ изъ благородныхъ; чѣмъ только жили, понять нельзя. Одна лишь дочь и зарабатывала шитьемъ въ мастерицахъ. Да и она тоже хворая... Дѣвушка хорошихъ правилъ, некрасивая только... Помогалъ я имъ, чѣмъ могъ; смотрю, работница-то и заболѣла; докторъ сказалъ, что отдыхъ нуженъ, что работать больше нельзя. Однимъ словомъ, полный ударъ для семьи. Думалъ я, думалъ, да и рѣшилъ—жениться на ней...

— Зачѣмъ же жениться?.. вы и такъ могли помогать!..—поспѣшила сказать артистка.

Digitized by Google

— Захотѣлось помочь по настоящему... Подумалъ я, посовѣтовался со знакомымъ священникомъ. Онъ мнѣ сказалъ: «что жь? дѣло доброе. На красивой, да на богатой всякій женится, а вотъ, значитъ, въ горѣ, да въ несчастьѣ, кто возьметъ замужъ»?—Вотъ повѣнчались и живемъ. Да не поправляется она что-то!.. не знаю!..

Наступило молчаніе. У Ефимовой почему-то сжалось сердце, вспомнилась первая чистая молодость, вспомнилась теплая вѣра во все честное, благородное; вспомнилась весна, знакомая деревенька, покосившіяся хаты, прудъ и старыя ветлы. Вспомнился еще одинъ образъ и стало ей жутко, страшно въ богатой обстановкѣ. Захотѣлось ей воли, простора и чистаго деревенскаго воздуха. Въ груди что-то поднималось и толкало, къ горлу подступали слезы.

«Поздно»! раздалось глухо въ комнатѣ...

Артистка вскочила и со страхомъ оглянулась вокругъ.

— Что съ вами, Вѣра Петровна?—испугался Пѣшеходовъ.

— Какъ будто... вы ничего не слыхали?—въ волненіи спросила она Пѣшеходова.

— Нѣтъ, ничего!..

— Это мнѣ показалось... послышалось. Господи!.. какъ бьется сердце!..

— Вамъ нужно успокоиться, Вѣра Петровна!.. Вы, вѣрно, нездоровы...—Пѣшеходовъ поднялся, намѣреваясь проститься, но Ефимова быстро проговорила:—Нѣтъ, нѣтъ, не уходите... мнѣ не хочется оставаться одной!.. посидите еще, разскажите что нибудь.

— Но мнѣ нужно... дѣла!..

— Бросьте для меня ваши противныя дѣла... все печки!..

Пѣшеходовъ ласково и внимательно посмотрѣлъ на Ефимову и отвѣчалъ:—Не однѣ только печи, а и люди для меня интересны, Вѣра Петровна.

Онъ снова сѣлъ.

Ефимова успокоилась и проговорила:

— Знаю, знаю, Николай Ивановичъ, много слышу о васъ... только все странныя вещи... Вотъ недавно разсказывали, что вы водили какого-то литератора въ баню... вымыли и одѣли его. Богъ знаетъ, что говорятъ! Моя дѣвушка тоже...

Ефимова улыбнулась, Пѣшеходовъ засмѣялся.

— Это правда, что водилъ въ баню... Хотите: для вашего успокоенія я разскажу, какъ было дѣло?..

— Пожалуйста, я васъ прошу объ этомъ...

— Извольте, дѣло любопытное... Есть у меня одинъ знакомый, любитель литературы и вообще талантливыхъ людей; человѣкъ онъ небогатый, семейный и очень добрый. Встрѣтилъ онъ какъ-то юношу,

Digitized by Google

сына бывшаго становаго, брошеннаго отцомъ. Вотъ этотъ-то юноша и оказался, по словамъ моего пріятеля, талантомъ. и талантомъ беллетристическимъ. Давай Богъ, конечно!.. Съ трудомъ пристроенъ былъ въ газеткѣ его очеркъ объ утопленникѣ... читалъ я—ничего!.. давалъ другимъ читать—тоже одобряютъ... Ну, тогда и рѣшилъ я помочь... но какъ?!. дать денегъ—проживетъ, истратитъ, а потомъ опять... Да еще, можетъ быть, и истратитъ-то непроизводительно.—на вино, на табакъ. Рѣшилъ я помочь ему существенно, т. е. поставить юнаго писателя на свои ноги. Познакомили меня съ нимъ: худой, блѣдный такой. «Пожалуй, умретъ скоро»,—подумалъ я.—стоитъ ли заниматься съ нимъ и тратить на него деньги?.. Рѣшилъ посмотрѣть на него въ натурѣ и пригласилъ его въ баню помыться...

— Что вы, Николай Иванычъ?!.—разсмѣялась артистка.

— А какъ же вы думаете?.. Посмотрѣлъ на меня юноша съ удивленіемъ, да и говоритъ: «Какъ ввъ ббаню»? Занка онъ. Такъ, говорю, помыться надо, для гигіены... Ничего, согласился. Пошли. Поглядѣлъ я на него! худой, правда, но плечи, грудь развиты хорошо. Все какъ слѣдуетъ въ порядкѣ, да и не золотушный...

Ефимова смѣялась неудержимо.

— Ну, думаю, ничего, такой поживетъ. Сталъ я производить дальнѣйшій осмотръ; бѣлье старенькое, а сапоги совсѣмъ въ отставку просятся, живо простудиться можно... Шляпенка—настоящая литераторская, вся дырявая и измятая... Вышли мы изъ бани, повелъ я его въ магазинъ и купилъ новые сапоги, а потомъ насилу убѣдилъ обмѣнить шляпу на картузъ. Не хотѣлъ было... смотрѣлся въ зеркало, гримасы дѣлалъ... сердиться было вздумалъ на меня!..

— Еще бы!—засмѣялась Вѣра Петровна.—Вы съ нимъ не особенно церемонились...

— За свои-то деньги!—разгорячился Пѣшеходовъ,—у меня времени мало, постоянно занятъ, а тутъ извольте еще ублажать!

— Все таки вы доброе дѣло сдѣлали!.. ну, что же дальше?..

— Дальше-съ... нанялъ я писателю комнату съ харчемъ, чтобы по праздникамъ пироги были, отдалъ впередъ за мѣсяцъ, и на расходы цѣлковый далъ... Теперь пускай сочиняетъ, пусть обнаруживаетъ свои таланты, а за нами дѣло не станетъ,—отъ содержанія не откажемся.

Артистка смѣялась, Пѣшеходовъ тоже улыбался.

— Скажите пожалуйста, Николай Ивановичъ, что Черновъ? какъ идутъ его дѣла? Я слышала, что онъ драматическій театръ открываетъ...

— Открывать-то открываетъ, да мало толку будетъ отъ этого!..

Digitized by Google

Не время теперь... да и не ему такимъ дѣломъ заниматься... Была оперетка, завелъ феерію, а теперь драму... Нѣтъ, Вѣра Петровна, не серьезный онъ человѣкъ!..

— А что?..

— Очень деньги любитъ занимать...

— Зачѣмъ занимать?! вѣдь онъ и такъ получаетъ много...

— Много, даже очень. Но это такой человѣкъ: у него деньги между пальцами, какъ вода, текутъ. Онъ и цѣны имъ не знаетъ: швыряетъ направо и налѣво, да еще, вдобавокъ, всѣ, кому только не лѣнь, всѣ тащатъ... У него народъ какой—аховый, прожженый!

— Вотъ какъ... а я думала, что онъ комерческій, дѣловой человѣкъ...

— Какое! просто фантазеръ... Вотъ Аверину только жаль!..

— Она, дѣйствительно, странная какая-то!..

— Чѣмъ странная? Любитъ она его, какъ безумная, не надышется...

Ефимова задумалась. Сцена съ Авериной въ театрѣ, въ ея уборной, съ силой воскресла въ ея памяти. Ей стало стыдно за ту враждебность, которую она почувствовала въ то время; теперь ей было жаль Аверину.

«Странно какъ-то все»—думала она —«Аверина любитъ его, онъ меня, а я»... Снова забилось тоскою сердце и далеко, далеко унеслась дума артистки.

Задумался и Пѣшеходовъ. О чемъ? О печахъ или усовершенствованной вентиляціи, о молодомъ начинающемъ писателѣ, или о прежнихъ пережитыхъ годахъ—о той вѣрѣ и любви, которыя широкой волной приливали къ горячему сердцу; о чистомъ, святомъ искусствѣ и поэзіи, отъ которыхъ осталось одно воспоминаніе—право, не знаю.

На молодомъ еще лицѣ Пѣшеходова образовались двѣ крупныя складки, когда онъ подумалъ, что сидящая передъ нимъ Ефимова—не та прежняя любимая имъ дѣвушка, а лишь одно о ней воспоминаніе.

Передъ нимъ сидѣла блѣдная, недовольная и ушедшая вся въ себя женщина. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе, Пѣшеходовъ посматривалъ на часы. Наконецъ, онъ началъ прощаться. Артистка не задерживала его больше. Она долго прислушивалась къ шагамъ удалявшагося Пѣшеходова, потомъ посмотрѣла въ окно, вокругъ себя,—и снова невыразимая тоска охватила все ея существо.

Хотѣлось плакать, рыдать; ей было страшно. Она вспомнила, какъ, ребенкомъ, боялась пустыхъ комнатъ. А теперь, развѣ не

Digitized by Google

пусто въ этихъ прилично убранныхъ апартаментахъ?.. развѣ не холодно и не жутко здѣсь? Вонъ отсюда! Ефимова закрыла лицо руками. Вдали гдѣ-то замеръ колоколъ. Звонили къ вечернѣ.

Ефимова быстро встала со своего мѣста и очутилась въ спальнѣ. Въ углу теплилась лампада передъ темнымъ ликомъ Распятаго. Ефимовой вдругъ стало легче, когда она опустилась на колѣни передъ образомъ и стала молиться... Она молилась долго, безотчетно, и ей становилось все лучше и легче. Лицо ея просвѣтлѣло, слезы крупными каплями катились по щекамъ, но въ глазахъ свѣтились вдохновеніе и вѣра. Наконецъ, она вслухъ, тихо, но съ чувствомъ проговорила: «Боже!.. благодарю, что Ты создалъ меня артисткой»!

Послѣ этого она медленно встала, прошлась по комнатѣ, взяла въ руки тетрадку и стала спокойно просматривать новую роль.

С. Васюковъ.

Конецъ.

Digitized by Google

ПРОМЕТЕЕВО ПОТОМСТВО.

Романъ изъ исторіи послѣднихъ дней независимости Абхазіи.

Часть вторая.

VII.

Новый владѣтель Абхазіи, по пути изъ Петербурга къ себѣ на родину, дѣйствительно, остановился на время въ Кутаисѣ, пока въѣздъ его въ свои владѣнія не будетъ обставленъ такъ, какъ того требовали обстоятельства: съ нѣкоторою внушительною торжественностью и въ сопровожденіи русскихъ войскъ.

Молодому владѣтелю Абхазіи отведены были покои въ бывшемъ дворцѣ послѣдняго царя Имеретіи, Соломона II. Мы говоримъ: въ «бывшемъ дворцѣ» потому, что владѣтель его, злополучный царь Соломонъ II, бросивъ свою столицу и царство, скитался въ это время въ предѣлахъ Турціи и Персіи, и проживалъ съ горстью своихъ приверженцевъ то въ Поти, то въ Ахалцыхѣ, то, наконецъ, въ Эривани, а семейство его,—царица Марія, царевна Дареджана и царевичи—томились неизвѣстностью своего будущаго то въ горномъ замкѣ Вардъ-цихе, то въ имѣніи своихъ родственниковъ, князей Абашидзе, то изрѣдка наѣзжали въ Кутаисъ, чтобы съ горестью видѣть, какъ старинный дворецъ ихъ,—жилище ихъ царственныхъ предковъ и ихъ собственное родное гнѣздо,—превращался въ казармы для русскихъ войскъ.

Когда, лѣтомъ 1810 года, маленькаго Димитрія Шервашидзе увозили аманатомъ въ Петербургъ, то также останавливались на нѣсколько дней въ Кутаисѣ, въ этомъ самомъ дворцѣ. Теперь молодой владѣтель Абхазіи вспомнилъ, какъ онъ тогда плакалъ въ этихъ самыхъ комнатахъ и какъ утѣшали его и плакали вмѣстѣ съ нимъ царица Марія и хорошенькая царевна Дареджана. Имъ казалось такимъ ужаснымъ его далекое путешествіе! Имъ представлялось, что эта страшная страна, тамъ, за горами, гдѣ лѣтомъ садится

Digitized by Google

солнце,—эта невѣдомая Россія и этотъ чудовищный Петербургъ,—что̀ все это холодная Сибирь. Другаго представленія о Россіи у нихъ не было. Гдѣ-то теперь эта добрая, съ ласковыми глазами, Дареджана? Говорятъ—добровольно заточилась въ монастырѣ отъ тоски по отцѣ и по убитомъ женихѣ—князѣ Церетели. И ему вспомнилась его собственная невѣста, маленькая Варя. Какъ она плакала, когда они въ послѣдній разъ прощались на берегу тихой Славянки, на той самой скамейкѣ, гдѣ Варя дала ему свой первый робкій поцѣлуй. Кажется, цѣлые годы прошли съ тѣхъ поръ, какъ они разстались... «Потомокъ Прометея»!—такъ иногда съ ласковою шуткой называла его милая Варя. Да, онъ самъ чувствовалъ, что въ его жилахъ течетъ протестующая кровь Прометея и что его тоскующее сердце также терзаетъ острый клювъ юпитерова орла... Когда-то еще онъ успокоитъ буйную Абхазію, чтобы имѣть потомъ право вернуться въ Петербургъ за своей Варей? Вотъ и теперь онъ только что послалъ манифестъ къ своему народу,—а какъ будетъ принятъ этотъ манифестъ? какъ отнесутся къ нему князья-мусульмане и ихъ муллы?

Въ его воспоминаніи проходитъ весь безконечный, утомительный путь отъ Петербурга вплоть до Кутаиса. Сѣрыя свинцовыя облака висѣли надъ Петербургомъ, когда онъ покидалъ его. И Нева была свинцовая, дома смотрѣли уныло, точно и ихъ угнетало это свинцовое небо. И у него на сердцѣ лежала свинцовая тяжесть... Впереди—далекая родина, яркое солнце, голубое небо, а позади—милые заплаканные глазки... Что̀ ему родина и весь народъ безъ ея свѣтлой улыбки, безъ ясныхъ глазъ Вари? До самой Москвы надъ нимъ висѣло это сѣрое, непривѣтливое небо. Лѣса и болота, лѣса и болота безъ конца. А гдѣ нѣтъ лѣсу—унылыя поля, черныя, мокрыя озими, мокрый, тощій скотъ, черныя, словно погорѣлыя, избушки... И это — великая, могущественная Россія, опирающаяся на такія избушки?.. Тамъ, надъ Невою, палаты, огромные дома; здѣсь—убогія лачуги... Не на чемъ глазу остановиться, и мысль по неволѣ убѣгаетъ назадъ,—къ тому, что̀ покинуто надолго, надолго... «Милый мой! я буду крестить тебя и, засыпая вечеромъ и просыпаясь утромъ,—буду посылать мое горячее благословеніе на далекій югъ, а ты, мой милый, посылай свою мысль и свое благословеніе на сѣверъ». Такъ говорила Варя.

И послѣ Москвы потянулся безконечный, безконечный путь, а она, свѣтлая и нѣжная, уносилась все дальше и дальше...

Коломна, Рязань, Воронежъ, безконечныя донскія степи... Гдѣ же конецъ этой необозримой Россіи?..

Переѣхали Донъ у Ростова, и снова потянулись безконечныя

Digitized by Google

степи—манычскія, егорлыкскія... Небо, казалось, отходило все выше и выше, сѣрыя свинцовыя облака остались далеко гдѣ-то, на сѣверѣ, тамъ, гдѣ Варя, гдѣ ясное небо замѣняютъ ея свѣтлые глазки... Начинался Кавказъ—безбрежныя равнины съ высокою травой, съ рѣдкими курганами. Но здѣсь уже нельзя было ѣхать безъ вооруженнаго конвоя, безъ пушекъ. Начинались кубанскія равнины. Изъ-за каждаго кургана, изъ-за каждой степной балки могли показаться косматыя папахи, черныя бурки черкесовъ-закубанцевъ. Это уже почти свое—свои хищники, близкіе родичи абхазцамъ. Вотъ и бурная, мутная Кубань. Радостно и тревожно забилось сердце молодаго путника, когда однажды утромъ ему указали на какое-то далекое облачко на горизонтѣ. «Это не облачко, а Эльборусъ»,—пояснили ему. Эльборусъ — это уже ближайшій сосѣдъ его родины. Этотъ сѣдой великанъ въ бѣлоснѣжной папахѣ виденъ изъ Абхазіи.—«А это что на горизонтѣ, точно гигантскіе стоги сѣна»? «Это Бештау, Змѣиный, Желѣзный, Машукъ—эти первые отроги самого хребта; за ними — Грузія, Имеретія, Гурія, Мингрелія, Абхазія». Когда-то его везли тутъ маленькимъ, онъ все позабылъ. Теперь же видѣлъ это словно въ первый разъ.

Ѣдутъ дальше день, другой. Слѣва и впереди начинаютъ подниматься изъ-за горизонта какіе-то дымчатые гребни. Это они, великаны. Они какъ будто вылѣзаютъ оттуда, чтобъ взглянуть на того, кто ѣдетъ. Что-то гордое и сильное поднимается въ груди молодаго путника, давно не видавшаго горъ... «Я вашъ сынъ, вашъ вскормленникъ», — говоритъ что-то въ его сердцѣ, — и мятежныя мысли вдругъ встаютъ въ душѣ гордаго потомка Прометея. Эти мятежныя мысли онъ вспомнилъ теперь здѣсь, въ Кутаисѣ, въ бывшемъ дворцѣ царя Соломона. «За что его выгнали отсюда, лишили престола, царства? И меня потомъ лишатъ всего, если я подчинюсь имъ. Нѣтъ, я не подчинюсь! я отстою свободу своей родины... А тогда что же Варя? Я потеряю ее! Нѣтъ, пусть падетъ съ моей головы корона владѣтеля Абхазіи, только бы видѣть на этой головѣ вѣнецъ жениха Вари... А если Варя—чечевичная похлебка? Нѣтъ, нѣтъ»!

Сколько они ни ѣхали впередъ, предшествуемые и сопровождаемые отрядомъ солдатъ, двумя орудіями и взводомъ линейныхъ казаковъ, горы все не подвигались къ нимъ—такъ были онѣ далеко! Наконецъ и горы придвинулись. Шествіе вступило въ какую-то тѣснину со страшными, нависшими по сторонамъ, утесами и грохочущимъ, пѣнящимся Терекомъ. Это ревъ какого-то живаго, могучаго существа. Оно бѣшено прыгаетъ черезъ препятствія, черезъ гигантскіе камни и пороги... Шествіе очутилось въ какой-то страшной тѣснинѣ, точно въ пасти этого грохочущаго и ревущаго чудо-

Digitized by Google

вища. Это — тѣснина Дарьяла. Дальше и дальше. Тѣснина раздвинулась, и вправо, выше разодранныхъ облаковъ, сверкнула на солнцѣ всѣми своими алмазами вершина Казбека съ вѣчными снѣгами—снѣгами, укрывшими эту таинственную вершину съ того самаго момента, какъ она, при формированіи земли, выступила изъ ея, полнаго тайнъ и невѣдомыхъ ужасовъ, чрева.

Выше и выше поднимается шествіе, громыхаютъ по камнямъ колеса орудій, звонко стучатъ копыта казацкихъ лошадей, ревъ и гулъ Терека постепенно затихаетъ позади. Все выше и выше — все ближе, кажется, къ самому небу. И стремнины, и горы отходятъ въ сторону. Шествіе—на самомъ верху, на перевалѣ.

Шервашидзе глянулъ впередъ, по сторонамъ — и онѣмѣлъ отъ изумленія, отъ захватывающаго духъ восторга. Страшно даже!

«И возведѣ его діаволъ на гору высоку—вспомнилось ему одно мѣсто изъ евангелія, которое читалъ имъ батюшка въ корпусѣ,—показа ему вся царствія вселенныя въ часѣ временнѣ. И рече ему діаволъ: тебѣ дамъ власть сію всю и славу ихъ»...

Передъ нимъ, казалось, открылись «всѣ царствія вселенной». Эта безконечная даль, сверкающая на солнцѣ, эта ужасающая глубина, въ которой извивалась и искрилась Арагва; далекая, дивная панорама юга; этотъ страшный спускъ въ чарующую, подъ ногами, даль—точно спускъ въ рай, въ роскошный эдемъ... У него невольно брызнули слезы... «Варю бы сюда, Боже»!

Урусъ Лаквари, наблюдавшій за нимъ, загадочно улыбнулся. Это открывалась Грузія съ ея роскошными долинами и садами. Начинался головокружительный спускъ къ Млету. Варя осталась тамъ, за этими страшными горами и стремнинами — на другомъ концѣ свѣта. Все это вспомнилъ теперь молодой владѣтель Абхазіи, сидя на галереѣ дворца Соломона въ Кутаисѣ.

Въ это время, съ другой стороны галереи послышались шаги и звонъ шпоръ, и оттуда показался очень моложавый офицеръ въ полковничьей формѣ. Это былъ князь Горчаковъ, завѣдывавшій нашими военными силами въ Имеретіи и Гуріи.

— Все готово, ваша свѣтлость, къ походу и ко вводу васъ во владѣніе наслѣдіемъ вашихъ предковъ, — весело сказалъ онъ. — Мингрельская кавалерія сегодня же явится въ Кутаисъ съ своимъ начальникомъ, княземъ Дадіаномъ, чтобы сопровождать насъ до соединенія съ нашими войсками, съ которыми мы и двинемся на выручку Сухума. Крѣпость эта буквально обложена непріятелемъ—вашимъ почтеннымъ дядюшкой...

— О, негодяй!—съ гнѣвомъ вскочилъ молодой Шервашидзе.—Скоро ли онъ сломитъ себѣ шею!

Digitized by Google

— Мы сами ему сломаемъ, — улыбнулся Горчаковъ. — А пока комендантъ Сухума, подполковникъ Михинъ, доноситъ мнѣ, что онъ не рѣшается даже послать своихъ солдатиковъ за дровами—перестрѣляютъ, какъ куръ, дядюшкины головорѣзы. А, между тѣмъ, у бѣдняка топить нечѣмъ — не на чемъ сварить солдатикамъ кашу. Думаетъ ломать на дрова крѣпостныя строенія и проситъ прислать хоть палатокъ, гдѣ бы солдатикамъ можно было укрываться отъ вашихъ адскихъ дождей... Таковъ любезный дядюшка.

— О, негодяй, негодяй!—повторилъ Шервашидзе.

— Ничего, мы къ этому привыки — не въ Питерѣ живемъ, — говорилъ Горчаковъ, шагая по галереѣ. — У меня въ Редутъ-Кале сосредоточенъ порядочный отрядъ мингрельцевъ и егерей, да и линейцы есть. Князь Абхазовъ уже ораторствуетъ по Абхазіи—вездѣ читаетъ вашъ манифестъ. А присланный изъ Соуксу съ донесеніями урядникъ говоритъ, что тамъ, при чтеніи манифеста, всѣхъ насмѣшила откуда-то появившаяся ваша кормилица.

— Ахъ,Фатима! Неужели она жива?

— Должно быть... Абхазовъ читаетъ манифестъ, а она реветъ. Объ чемъ? «Я—говоритъ—его кормилица». Да развѣ ты понимаешь, что я читаю? «Нѣтъ, не понимаю, а знаю, что это онъ говоритъ». И заливается—плачетъ отъ радости.

— А что слышно объ матушкѣ?—спросилъ Шервашидзе.

— Княгиня Тамара осталась въ Кодорѣ: великолѣпный дядюшка взялъ съ нея присягу, что она не будетъ имѣть никакихъ сношеній съ русскими, а слѣдовательно—и съ вашей свѣтлостью! Ай да дядюшка! поздравляю.

— О, негодяй, отцеубійца!

VIII.

На другой день, оставивъ Кутаисъ, князь Горчаковъ и новый—пока еще номинальный—владѣтель Абхазіи, въ сопровожденіи князя Дадіана съ его кавалеріей, двинулись въ походъ, и только 1-го ноября настигли русскій отрядъ, которымъ командовалъ храбрый князь Абхазовъ. Отрядъ расположился у аула Скабіи, недалеко отъ Кодора, въ которомъ, въ качествѣ заложницы Арсланъ-бея, оставалась княгиня Тамара.

Версты за двѣ до отряда, князь Горчаковъ, отозвавъ въ сторону своего адъютанта, стройнаго бѣлокураго юношу, прапорщика Ракилевича, что-то долго шепталъ ему, показывая глазами на русскій отрядъ. Ракилевичъ, слушая своего начальника, сдержанно улыбался.

Digitized by Google

— Все будетъ исполнено въ точности, ваше сіятельство,—сказалъ онъ, когда Горчаковъ кончилъ, и быстро понесся къ отряду.

Вскорѣ онъ воротился, но не одинъ. Съ нимъ рядомъ прискакалъ очень юный абхазецъ, почти ребенокъ, у котораго даже пушкомъ не была еще оттѣнена верхняя губа, между тѣмъ какъ красивые большіе глаза смотрѣли не по дѣтски мужественно. Подскакавъ къ Горчакову, онъ ловко отдалъ ему честь. Потомъ, отдавая честь Шервашидзе, онъ торжественно произнесъ:

— Имѣю честь привѣтствовать вашу свѣтлость въ вашей странѣ—въ вѣчномъ наслѣдіи вашихъ славныхъ предковъ!

— Благодарю васъ отъ всего сердца — смущенно проговорилъ князь Димитрій.—Съ кѣмъ имѣю честь говорить?

— Съ вѣрноподданнымъ вашей свѣтлости,—былъ отвѣтъ.

— Но ваша фамилія?

— Князь Шервашидзе.

— Но князей Шервашидзе много въ Абхазіи, и есть между ними убійцы изъ-за угла и отцеубійцы.

— О, Митя! — не выдержалъ роли юноша, — ты не узнаёшь меня? не узнаёшь своего карапузика, медвѣжонка Мишку...

— Миша! такъ это ты, мой мальчикъ? — И братья со слезами бросились другъ другу въ объятья.

Этотъ, прибывшій отъ русскаго отряда, юный абхазецъ былъ младшій братъ новаго владѣльца Абхазіи, пятнадцатилѣтній князь Михаилъ Шервашидзе, который, по выслушаніи манифеста своего старшаго брата, тотчасъ же съ нѣкоторыми абхазскими князьями, дворянами и простыми джигитами, оставшимися вѣрными княгинѣ Тамарѣ, присоединился къ отряду князя Абхазова.

— Миша, мальчикъ мой! — радостно говорилъ старшій Шервашидзе: — какъ ты выросъ, какъ молодецки правишь своимъ скакуномъ!

— О, я ужь не мальчикъ: мнѣ пятнадцать лѣтъ. А ты самъ знаешь, что абхазцы—лучшіе кавалеристы во всемъ свѣтѣ,—гордо отвѣчалъ юноша.

— А что матушка?—спросилъ брата Димитрій Шервашидзе.

— Вообрази! она заперта въ Кодорѣ... Мерзавецъ Арсланъ заставилъ ее присягнуть на евангеліи и на своемъ коранѣ, что она не будетъ имѣть никакихъ сношеній съ русскими и даже съ своими сыновьями. Какова наглость! Разумѣется, она, какъ слабая женщина, покорилась — присягнула, и, боясь нарушить присягу, не хотѣла даже меня видѣть... боится сдѣлаться клятвопреступницей. Она вѣдь очень религіозна... Теперь и тебя побоится видѣть.

— Ай да дядюшка! — засмѣялся Горчаковъ. — Но мы снимемъ

Digitized by Google

клятву съ княгини Тамары: на это у насъ есть почтенный батюшка, которому церковью дана власть «вязать и разрѣшать».

Въ нѣмомъ умиленіи младшій братъ смотрѣлъ на старшаго. Блестящій видъ полковника гвардіи видимо очаровывалъ и подавлялъ его. И въ обращеніи его было что-то иное, непривычное для глазъ юноши, выросшаго въ отчужденіи отъ той жизни и отъ той среды, въ которой вращался его братъ въ Петербургѣ и которая навела на него особый свѣтскій лоскъ.

— У тебя и голосъ какъ будто не нашъ,—невольно вырвалось у очарованнаго юнаго абхазца.

— Какъ не нашъ?—удивился старшій братъ.

— Не знаю какъ, Митя,—только не нашъ.

— Я понимаю, что̀ говоритъ вашъ братъ, — объяснилъ Горчаковъ, обращаясь къ Димитрію Шервашидзе: — у васъ въ голосѣ и въ говорѣ почти незамѣтно тѣхъ гортанныхъ звуковъ, которыми отличается говоръ всѣхъ кавказскихъ уроженцевъ, кто бы они ни были — грузины, имеретины, лезгины, гурійцы, чеченцы ли, а въ томъ числѣ и абхазцы.

Скоро къ нимъ подъѣхалъ князъ Абхазовъ и доложилъ князю Горчакову, какъ своему непосредственному начальнику, что во вверенномъ ему отрядѣ все обстоитъ благополучно. Вслѣдъ за этимъ, къ князю Димитрію Шервашидзе подъѣхалъ знакомый уже намъ по Петербургу абхазецъ, Урусъ Лаквари, тотъ самый, что̀ вызвался оберегать молодаго владѣтеля Абхазіи отъ подосланныхъ будто бы Арсланъ-беемъ убійцъ.

— А, Урусъ! и ты явился, наконецъ,—привѣтствовалъ его князь Димитрій.—Откуда теперь?

— Изъ Кодора, князь, отъ княгини Тамары,—отвѣчалъ Лаквари.

— Что̀ матушка?

— Здорова, слава Аллаху... Тебя, князь, и ждетъ, и не ждетъ.

— Какъ такъ—и ждетъ, и не ждетъ?

— Боится Арслана... дала ему клятву на крестѣ и коранѣ—не признавать тебя за сына. Я самъ насилу выбрался отъ нея изъ Кодора: арслановцы приняли меня за твоего шпіона... хотѣли утопить въ Кодорѣ.

Князь Абхазовъ, не обратившій сначала вниманія на этого вновь прибывшаго абхазца и больше занятый разговоромъ съ Горчаковымъ о положеніи дѣлъ въ Абхазіи и о силахъ, какими, по всѣмъ свѣдѣніямъ, располагалъ Арсланъ-бей,—теперь зорко взглянулъ на Лаквари. Въ одно мгновеніе онъ узналъ его. Онъ теперь только припомнилъ, что именно его видѣлъ въ одѣяніи муллы подъ Соуксу, когда читалъ манифестъ князя Шервашидзе къ представи-

Digitized by Google

телямъ Абхазіи. Онъ, этотъ самый Лаквари, стоялъ тогда рядомъ съ княземъ Бежаномъ Шервашидзе, тоже переряженнымъ въ муллу. Бежана онъ тогда же припомнилъ, а этого—только теперь. Въ умѣ его зародилось подозрѣніе, и онъ подъѣхалъ къ Лаквари.

— Послушай, джигитъ,—сказалъ ему князь Абхазовъ:—ты былъ въ Соуксу, когда я тамъ вычитывалъ всенародно манифестъ новаго владѣтеля Абхазіи?

— Нѣтъ, господинъ,—смѣло отвѣчалъ абхазецъ; но на лицѣ его и въ плутовскихъ глазахъ отразилось смятеніе.

— Ты лжешь!—крикнулъ на него Абхазовъ:—ты стоялъ тамъ рядомъ съ убійцей Келешъ-бека, съ Бежаномъ Шервашидзе, и оба вы были переодѣты муллами.

— Правда твоя, господинъ, — смиренно отвѣчалъ теперь Лаквари: — я былъ тогда въ Соуксу; но я скрывался — такъ нужно было. И пророкъ — да святится имя его!—бѣгалъ отъ враговъ въ Медину... Я вѣрно служу господину моему, князю Димитрію...

— А прежде служилъ Арслану!—осадилъ его Абхазовъ.

— Служилъ... господинъ правду знаетъ... а теперь служу князю Димитрію—мой господинъ тебѣ скажетъ это.

— Правда,—подтвердилъ князь Димитрій,—онъ и въ Петербургѣ былъ при мнѣ въ послѣднее время, и вмѣстѣ со мной пріѣхалъ сюда на Кавказъ.

— Зачѣмъ же онъ продѣлалъ маскарадъ въ Соуксу?—спросилъ Абхазовъ.

— Не знаю, князь; надо его спросить.

— Я, господинъ,—обратился Лаквари къ Абхазову и къ Горчакову, который внимательно вслушивался въ разговоръ:—я, ваши сіятельства, служа господину моему и желая ему добра, просилъ его свѣтлость отпустить меня впередъ изъ Кутаиса въ Абхазію, чтобъ секретно разузнать, какъ тутъ народъ приметъ новаго князя и много ли у него доброжелателей, а чтобъ во мнѣ не признали бывшаго нукера Арсланъ-бея—плевать въ бороду этому шайтану!—я и нарядился муллою.

— И что жь ты узналъ?—спросилъ Горчаковъ.

— Я узналъ, ваше сіятельство, что почти вся Абхазія стоитъ за Арслана; съ нимъ и турки-хелосури, и цебельдинцы, и самурзаканцы, и три тысячи черкесовъ; у него десять знаменъ съ полумѣсяцемъ.

— А орудія есть у него?

— Когда я настигъ его, 27-го октября, у Самурзакани, у него орудій не было,—отвѣчалъ за Лаквари Абхазовъ.—Тогда онъ быстро отступилъ къ рѣчкѣ Галидзче, гдѣ и присоединилось къ

Digitized by Google

къ нему до трехъ тысячъ черкесовъ; но лазутчики мои и тамъ не видѣли у него орудій. Онъ больше надѣется на лѣсъ и на колючки, какъ кабанъ, да завалы устраиваетъ по дорогѣ—это единственная его тактика. Вообще всѣ они блудливы, какъ кошки, а трусливы, какъ зайцы:—все норовятъ изподтишка да сзади, а прямаго нападенія не выдерживаютъ.

— Особенно они боятся русскаго штыка,—замѣтилъ князь Леванъ Дадіанъ,—а орудійные выстрѣлы пугаютъ ихъ, точно громъ небесный...

Между тѣмъ, братья Шервашидзе, прислушиваясь къ разговору и обмѣниваясь радостными улыбками, изрѣдка перекидывались замѣчаніями и вопросами о томъ, кого что интересовало. Князю Димитрію казалось, что, послѣ одиннадцати лѣтъ разлуки съ родиною, онъ видитъ ее теперь въ первый разъ, а то, что онъ помнилъ о ней въ Петербургѣ, представлялось ему далекимъ, смутнымъ, но сладкимъ сновидѣніемъ. Теперь же онъ опять видѣлъ это бирюзовое море, впадавшее въ цвѣтъ холодной стали, эти родныя горы,—и ему было и радостно, и жутко. Но съ каждымъ новымъ предметомъ, съ каждымъ, открывавшимся передъ его глазами, видомъ, въ его представленіи всегда выплывало личико Вари, ея глаза:—«какъ-то она на это взглянетъ? понравятся ли ей дикія скалы, эти голые утесы—весь этотъ новый для нея міръ»?

Когда Леванъ Дадіанъ заговорилъ о томъ, что абхазцы и черкесы боятся штыковъ и орудій, Михаилъ Шервашидзе спросилъ брата:—А знавалъ ты тамъ вотъ его брата, Георгія Дадіана? Вѣдь онъ тоже недавно пріѣхалъ сюда изъ Петербурга въ отпускъ:—что онъ тамъ? Здѣсь хвастался все, что онъ гвардеецъ, преображенецъ.

— Да, онъ и въ Петербургѣ хвастался, что онъ—владѣтель Мингреліи. Фатъ!.. Разъ онъ такъ расхвастался на балу у моихъ знакомыхъ, князей Гагариныхъ (при этомъ князь Димитрій чуть замѣтно покраснѣлъ), что увѣрялъ, будто бы онъ, воротившись въ Мингрелію, взойдетъ на мингрельскій престолъ и коронуется короною своихъ предковъ. Что онъ теперь здѣсь дѣлаетъ?

— Разбойничаетъ... Сначала все щеголялъ въ бѣлыхъ лосинныхъ штанахъ въ обтяжку... издали точно голый, безъ штановъ, и всѣ наши женщины и дѣвушки стыдились глядѣть на его ноги: думали—голыя... А потомъ поссорился съ братомъ и собралъ шайку... точь въ точь нашъ Арсланъ.

— Гдѣ жь онъ теперь?—спросилъ старшій Шервашидзе, вспоминая при этомъ, что въ Петербургѣ онъ ненавидѣлъ этого краснваго лейбъ-гвардейца въ лосинахъ, воображая, что въ него влюблена княжна Варя Гагарина.

Digitized by Google

— О! это цѣлая исторія, цѣлая поэма въ родѣ «Барсовой шкуры» Руставели. Тебѣ, вѣроятно, не все было извѣстно въ Петербургѣ. Когда Соломонъ II имеретинскій былъ разбитъ русскими въ ущельѣ Хани, гдѣ былъ убитъ и князь Симеонъ Церетели, въ котораго, говорятъ, была влюблена хорошенькая царевна Дареджана, дочь этого Соломона II...

— Я ее помню,—перебилъ старшій Шервашидзе:—когда меня, маленькаго, одиннадцать лѣтъ тому назадъ, везли аманатомъ въ Петербургъ, я нѣсколько дней прожилъ у нихъ во дворцѣ, въ Кутаисѣ, и царевна Дареджана очень утѣшала и ласкала меня—такая добрая и милая!

— Ну, вотъ, послѣ ханійскаго погрома, отецъ ея и бѣжалъ въ Турцію, а она съ горя поступила въ монастырь св. Нины, и постриглась тамъ. Но въ прошломъ году въ Имеретіи опять вспыхнуло возстаніе подъ предводительствомъ ея родственника, дяди что ли, князя Ивана Абашидзе, сына другой царевны Дареджаны, старухи, дочери покойнаго царя Соломона I, которая была замужемъ за однимъ изъ Абашидзе. Такъ вотъ когда вспыхнуло тамъ возстаніе, то князья и духовенство имеретинское провозгласили царемъ сына этого Ивана Абашидзе, десятилѣтняго Ваню. Тогда русскіе, узнавъ объ этомъ, тотчасъ же арестовали маленькаго царя, его бабушку, царевну Дареджану, главныхъ зачинщиковъ возстанія: князей Цехнію Цулукидзе, мдиванъ-бека Микеладзе и епископовъ Досиѳея Кутатели и Евфимія Генатели,—и подъ конвоемъ отправили всѣхъ въ Россію. Не успѣли только захватить князя Ивана Абашидзе. Когда объ этомъ дошла вѣсть до монастыря св. Нины, то царевна Дареджана, вмѣстѣ съ старымъ, преданнымъ нукеромъ Маміею, бѣжала изъ монастыря къ князю Ивану Абашидзе, и вступила въ набранное имъ ополченіе амазонкою. Такая отчаянная!—точно Дада, молочная сестра проклятаго Арслана, которая зарѣзалась на крѣпостной стѣнѣ Сухума.

— Зарѣзалась? Изъ-за чего?

И младшій Шервашидзе разсказалъ брату исторію Дады.

— Когда же Дареджана,—продолжалъ онъ,—вступила въ ополченіе Ивана Абашидзе, то русскіе разбили и это ополченіе. Но на ихъ счастье вспыхнулъ мятежъ и въ Гуріи—князь Кайхосро Гуріели, дядя Маміи Гуріели, владѣтеля Гуріи, возсталъ противъ своего племянника, а къ нему примазался и вашъ петербургскій франтъ съ голыми ляшками, красавецъ Георгій Дадіанъ. Къ нимъ бѣжалъ и Иванъ Абашидзе съ своею амазонкою, царевною Дареджаной. И вотъ когда она увидѣла «голыя ляшки», то, послѣ монастырскаго поста, и влюбилась въ нихъ сразу, забывъ своего Симеона Церетели.

Digitized by Google

— Ну, ужь ты, Миша!—запротестовалъ было старшій братъ, у котораго шевельнулось на сердцѣ: — а если и Варя ему измѣнитъ? если и она была неравнодушна къ этому франту съ «голыми ляшками»?

— Правду тебѣ говорю, Митя!—настаивалъ младшій братъ.— Но и ихъ скоро разбили русскіе, и царевна Дареджана, вмѣстѣ съ своимъ возлюбленнымъ гвардейцемъ и Иваномъ Абашидзе, бѣжала въ Поти.

Братья и не замѣтили, какъ очутились около русскаго отряда, съ которымъ здоровался его начальникъ, князь Горчаковъ.

IX.

Въ тотъ же день, 13-го ноября, князь Горчаковъ отдалъ приказъ о выступленіи на утро слѣдующаго дня. Въ авангардѣ долженъ былъ выступить полковникъ князь Николай Дадіанъ во главѣ мингрельскихъ войскъ, а пѣхотѣ и егерямъ назначено было атаковать завалы, устроенные непріятелемъ вдоль морскаго берега по пути слѣдованія къ Сухуму.

Съ вечера же начались и приготовленія къ рѣшительному бою. Пѣхотинцы и егеря, расположившись вокругъ разведенныхъ костровъ, дѣятельно и весело, среди остротъ, прибаутокъ и хохоту, занялись—кто варкою каши, кто чисткою ружей и штыковъ, кто починкою изодранной по кустамъ и колючкамъ амуниціи, приведеніемъ въ порядокъ ранцевъ; а иные, снявъ съ себя рубахи, стоя у костровъ «въ чемъ мать родила», энергично занимались «охотою на нужу»:—скрутивъ жгутомъ рубахи, онн потомъ держали ихъ за воротъ надъ огнемъ; рубахи, быстро развертываясь, отъ дѣйствія тепла раздувались подобно парусамъ, и «нужа», не терпя жару, вываливалась на огонь съ хлопаньемъ и трескомъ.

— А ты чего носъ повѣсилъ?—обратился старый Сукачъ къ своему молодому пріятелю Кудряшову—«рябой формѣ».

— Зубъ, дядя, болитъ,—не приведи Богъ,—уныло отвѣчалъ тотъ.

— А ты его полѣчи—рукой сниметъ.

— А чѣмъ лѣчить-то?

— Чѣмъ! знамо: наговоромъ на кобыльей головѣ. Самое вѣрное—какъ пить дастъ.

— Да какъ же это на кобылей головѣ, дядя?

— А во-какъ. Найди ты эту самую кобылью голову, сухую, да положь ее гдѣ либо на задворкахъ,—на огородѣ, что ли,—да положь ее передомъ къ заходу, на самой на ранней зарѣ, и самъ стань лицомъ къ заходу, да и скажи до трехъ разъ:

Digitized by Google

Кобылья голова,
Помилуй меня!
Што ты гля меня,
То я гля тебя:
Ты меня отъ скорботы—
Отъ зубной ломоты,
Я тебя отъ скорбища—
Отъ земнаго гноища:
Не будутъ мои зубы ныть,
Не будутъ твои кости гнить.

— Да такъ по три зари и дѣлай это съ причетомъ.

— А какъ ее, кобылью голову, раздобыть?

— Эко добро! сколько ихъ по задворкамъ валяется!

— Я самъ знаю, что валяются. А какъ ее, кобылью-то голову, отъ мериновой, либо отъ жеребячей отличить?

— Очень даже просто: — у мерина, либо у жеребца — ноздри шире. Положь рядомъ кобылью голову и жеребячью — сразу узнаешь.

— Ну, братцы,—отозвался одинъ бывалый служака изъ егерей:— завтра никакой кобыльей головы не нужно будетъ. По себѣ знаю. Когда мы дрались въ проклятой Чечнѣ—ужь и сторонка же дьявольская!—такъ у меня то и дѣло болѣли зубы. А какъ пошлютъ въ передовую цѣпь, да какъ начнется жарня съ обѣихъ сторонъ—онъ насъ, а мы его—да какъ въ потъ тебя броситъ, и рубаху хуть выжми, куда и зубы дѣнутся: какъ рукой сыметъ. Правду говорю.

— И то правда, — согласился старый Сукачъ: — и у меня смолоду, какъ ходили мы ещо подъ пруцково короля, тоже баливали зубы, коли ежели безъ дѣла; а какъ лишь въ дѣло пошелъ, сердце распалится, кругомъ видишь смерть,—про зубы и не вспомнишь. Правда, правда. Вотъ, може, завтра Богъ приведетъ завалы ихніе брать, да въ штыковую,—такъ и у тебя, братъ, зубы замолчатъ.

— Точно, братцы,—замѣтилъ Буркинъ:—въ дѣлѣ человѣкъ самъ себя не узнаетъ—что тамъ зубы!—откуда и сила берется. Такъ и въ звѣрѣ во всякомъ:—шавка какая ни на есть, и та на медвѣдя идетъ. Да что звѣрь!—птица, и та, коли ежели осерчаетъ, на себя не похожа. Да вотъ вамъ случай:—можетъ, и не повѣрите, такъ на крестѣ поклянусь, да и Пластунъ присягнетъ, что было такъ, какъ я вамъ разскажу. Было это, когда мы гонялись по лѣсамъ да горамъ за этимъ самымъ царемъ имеретицкимъ, за Соломономъ. Лежимъ мы съ Пластуномъ эдакъ на возлѣсьѣ, въ секретѣ, недалечко отъ дороги, что вела къ его соломонову замку; а подъ нами, пониже, небольшое озерцо съ лопухами и бѣлыми кувшинчиками. У берега озерцо поросло осокой и очеретомъ. А влѣво

Digitized by Google

такъ, недалечко отъ насъ, старая ветла, толстая такая, дуплистая. Лежимъ мы это и ждемъ, чтобъ гонца его, соломонова, какъ ежели будетъ тайкомъ пробираться, скрасть и къ начальству предоставить. Коли слышимъ, надъ озерцомъ какъ быдто что просвистѣло. Глядь—анъ утка, да прямо къ ветлѣ, да въ дупло. Значитъ, гнѣздо у нея тамъ. Ладно. Не будь мы въ секретѣ, мы бы у нея, у этой самой утки, яйца вытащили изъ гнѣзда да поснѣдали. Коли слышимъ—чу! опять просвистѣло. И что жь бы вы думали!—это утка вылетѣла изъ дупла, да прямо на озерцо. Гладимъ—коло нея, на водѣ, капельный желтенькій утенокъ, словно паучокъ,—плаваетъ шельмецъ. Это она его изъ дупла принесла—выводокъ, значитъ,—только что изъ яйца вылупился. Ладно. Значитъ она его, должно быть, въ своемъ носу принесла, не иначе, потому—ноги у нея не цѣпки, не какъ у коршуна, либо у орла. Ладно. Вдругъ, глядь, утка мырнула въ воду—и была такова. Утенокъ видитъ, что матери не видать, заметался на водѣ, запищалъ. И вдругъ, братцы вы мои, откуда ни возьмись ворона проклятая, да на этого утенка,—мигомъ унесла, какъ пить дала. Вотъ язва! И прямо къ себѣ въ гнѣздо. И гнѣздо-то воронье оказалось недалече, на высокой чинарѣ. А утка, значитъ, какъ мырнула, чтобъ ее утенышъ не видалъ, да подъ водой, подъ водой,—и вынырнула ужь у берега, въ осокѣ,—да опять въ свое гнѣздо. А мы глядимъ, что дальше будетъ,—глазъ съ дупла не сводимъ. И точно: въ одинъ мигъ она юркнула изъ дупла, а во рту у нея утенокъ, да опять на озерцо. Выпустила его на воду, повертѣлась, повертѣлась,—это она другаго утенка искала... На что птица, тварь малая, а счетъ дѣтямъ знаетъ. Ладно. А намъ и занятно, и смѣшно: чуть не прыснемъ. Ждемъ, что дальше будетъ. Глядь—утка опять нырнула, и опять въ осоку, а оттель въ дупло. А ворона, братцы, опять, какъ бѣшеная, на озеро, и втораго утеныша сцапала. Ахъ ты, аспидъ!—думаемъ:—пулю бы въ нее, да нельзя. Унесла! Ждемъ-пождемъ. Утка и третьяго принесла. Только ужь тутъ, хоть и птица она, а задумалась. Вертѣлась-вертѣлась, искала-искала,—нѣтъ утятъ!—Не потонули жь они—она это знаетъ. Развѣ нырнули?—Нѣтъ. Ждала-ждала, покружилась около малютки, да опять нырнула. Смотримъ—осока шевелится:—это она, утка; а въ дупло не летитъ. Ну, думаемъ, что будетъ. Значитъ, утка засѣла въ секретъ:—и мы въ секретѣ, и утка въ секретѣ. А ворона тутъ какъ тутъ—на озерцо. И что вышло тутъ, уму непостижимо! Утка, какъ стрѣла, вылетѣла изъ осоки, да на ворону—звѣрь звѣремъ!—да за горло ее, подлую, за шею,—и ну топить! Ворона бьется, каркаетъ, захлебывается водой—каръ-каръ-каръ!—А та ее въ воду, а та ее въ воду — такъ и задохлась во-

Digitized by Google

ровка [1]). Вотъ что значитъ, братцы, когда кто осерчаетъ:—откель и сила, и смѣлость берется. Такъ и у насъ въ дѣлѣ. До зубовъ ли тогда?

— Что́ и говорить!—согласился старый Сукачъ.—Ай да утка! А вотъ у насъ былъ случай, какъ ходили мы подъ пруцко́во короля. Въ одномъ стражении жарко пришлось намъ. Онъ это большую силу имѣлъ и врѣзался конницей въ наши ряды. Жарко было, не приведи Богъ. Сколько мы ихъ покололи, сколько они насъ порубили и потоптали, и сказать нельзя. Только одинъ изъ нихъ, изъ пруцки́хъ, ухватись за наше знамя. Нашъ гарнадеръ не пущаетъ знамя. Онъ ево хвать саблей по рукѣ—рука прочь. Гарнадеръ не будь плохъ—уцѣпился за древко другой рукой. И эта рука прочь—отсѣкли. Онъ зубами за полотнище, да такъ и замеръ. Его въ куски изрубили, а онъ полотнища не выпустилъ изъ зубовъ, а мы подоспѣли и мигомъ приkололи ихъ, пруцки́хъ, что знамя наше отымали. Зубы-то у мертваго гарнадера такъ и замерли съ полотнищемъ,—насилу ослобонили. Самъ енаралъ цѣловалъ его, мертваго гарнадера. Пошли Богъ всякому такую смерть.

— Знамо, такой въ раю на первомъ мѣстѣ будетъ,—согласился Буркинъ.

— Ш-шъ—послышалось чье-то предостереженіе.—Никакъ самъ идетъ.

— Точно; а съ имъ и новый князь, что́ изъ Питера.

Дѣйствительно, Горчаковъ, Шервашидзе старшій и Абхазовъ приближались къ кострамъ. Горчаковъ знакомилъ молодаго владѣтеля Абхазіи съ бивачной жизнью русскаго боеваго солдата.

— Сидите, братцы, сидите,—предупреждалъ Горчаковъ солдатиковъ, подходя къ одному костру.

Всѣ, однако, повскакали съ мѣстъ.

— Хлѣбъ-соль, молодцы,—сказалъ Горчаковъ.—Да у васъ, я вижу, и каша въ походѣ имѣется.

— Да это, ваше сіятельство, куначки́ тутъ у насъ, есть; съ ними мы и Поти брали,—такъ они изъ аула притащили намъ и котелковъ, и пшенца,—мы и балуемся,—смѣло отвѣчалъ за всѣхъ старый Сукачъ, котораго лично зналъ Горчаковъ.

— Ну, балуйтесь, балуйтесь, братцы,—улыбнулся онъ.—Завтра въ дѣло идемъ.

— Рады стараться, ваше сіятельство!—гаркнулъ старикъ, а за нимъ и всѣ грянули.

— Спасибо, молодцы! Хоть мы и не подъ пруцко́во короля

[1]) Истинное происшествіе.

Digitized by Google

идемъ, а все же, старина, дѣльце сдѣлаемъ,—шутливо обратился Горчаковъ къ Сукачу, зная его слабость—«пруцково короля».

— Точно такъ, вашество,—подтвердилъ Сукачъ.

Горчаковъ, Шервашидзе и Абхазовъ прошли дальше и скрылись въ темнотѣ.

— Изъ молодыхъ да ранній,—одобрительно указалъ Сукачъ на удалявшагося съ своими спутниками Горчакова.—По суворовски хочетъ:—тотъ тоже любилъ ходить на ночевкахъ промежъ нашихъ костровъ. Да еще, бывало, присядетъ къ намъ, къ костру, возьметъ у кого сухарь, помочитъ въ водѣ и ѣстъ да подхваливаетъ: «эхъ—говоритъ—братцы, да какіе же у васъ сухари скусные». Ну, намъ оно и впрямь сдается, что сухари быдто скуснѣй стали, и ѣдимъ съ охоткою, словно малыя дѣти. Бывало, въ деревнѣ, когда махонькими были, выдетъ весь хлѣбушка, а мать покойница—царство ей небесное—отыщетъ гдѣ либо завалящій мышиный огрызокъ, да еще заплесневѣлый, да и говоритъ намъ:—«вотъ, дѣтушки, вамъ хлѣбца по кусочку—у мышки отняла—вонъ и зубки мышкины знать; а кто послѣ мышки ѣстъ, у него и зубки будутъ мышкины, бѣленьки да крѣпоньки; а что—говоритъ—съ цвѣлью кусочекъ, такъ это и того лучше:—кто—говоритъ—ѣстъ цвѣлевый хлѣбъ, хорошо плевать будетъ». Ну, мы, бывало, и ѣдимъ съ радостью мышиные огрызки. Либо скажетъ, что у зайчика отняла, на дорогѣ встрѣтила,—такъ еще намъ скуснѣй покажется. Такъ и Суворовъ батюшка—царство ему небесное. Мудёръ былъ батюшка. А какъ нашего брата, солдатика, хорошо зналъ! Былъ такой случай. Воевали мы съ туркой—это еще при матушкѣ Екатеринѣ, — и выпала намъ прежестокая баталія. Турка этого—видимо невидимо!—такъ и насѣдаетъ, такъ и топчетъ и крошитъ насъ. Не въ моготу стало — нѣту нашей силушки. Дрогнулъ одинъ полкъ, дрогнулъ другой, дрогнули и мы. А разъ дрогнули—пиши пропало. Мы на утекъ. Господи, что было! А турки за нами. Нечего грѣха таить, ребятушки,—бѣгу и я съ другими. Охъ, стыдно вспомнить... Да молодъ былъ, глупъ. Мнѣ бы останавливать товарищей — все равно, смерть неминучая, — а я бѣгу, ничевошеньки не вижу... Коли глядимъ — самъ батюшка Суворовъ съ енаралами скачетъ прямо къ нашему полку, да какъ гаркнетъ: «заманивай, ребята, заманивай его! такъ... такъ»! Мы и впрямь подумали, что не турка насъ гонитъ, а мы его заманиваемъ. А Суворовъ знай кричитъ: «заманивай! а теперь лупи его, жарь въ штыки»! Откуда, братцы вы мои, и духъ у насъ взялся, откудова и силушка прибыла! Поворотились мы, за нами другой полкъ, третій,—и пошло, и пошло! Вѣрите ли, такóво ему чóсу задали, туркѣ этому, что только ахъ! въ лоскъ положили... Вотъ онъ каковъ, Суворовъ-то.

*

Digitized by Google

X.

Тѣни южной ночи еще лежали надъ моремъ и надъ берегами Абхазіи, когда князь Николай Дадіанъ выступилъ съ своими мингрельцами по направленію къ Кодору, гдѣ находилась какъ бы въ заточеніи княгиня Тамара, клятвою обязанная не принимать новаго владѣтеля Абхазіи, своего старшаго сына Димитрія. Она ждала его страстно. Болѣе десяти лѣтъ она не видала своего первенца и во всѣ эти долгіе годы, полные тревогъ и ужасовъ, помнила одинъ страшно-мучительный моментъ, и тысячи разъ переживала его. Тамъ, подъ стѣнами Сухума, подъ громъ орудій и при торжественныхъ звукахъ полковой музыки, изъ объятій ея взяли плачущаго ребенка, ея первенца, и увезли отъ нея далеко-далеко, въ невѣдомую страну—въ страну снѣговъ и тумановъ. Ей, рожденной подъ небомъ живописной Мингреліи, не видавшей ничего, кромѣ родныхъ горъ, этого голубаго моря и жаркаго солнца,—ей представлялось, что въ той таинственной странѣ, откуда постоянно приходятъ на Кавказъ легіоны все новыхъ и новыхъ воиновъ, въ странѣ со сказочнымъ царемъ, который держитъ въ своихъ рукахъ половину земнаго шара,— что въ этой сказочной странѣ нѣтъ даже солнца, или оно тамъ холодное, тусклое, непривѣтливое. И вотъ теперь этотъ ея первенецъ, котораго она тысячи разъ оплакивала, возвратился изъ той страшной страны повелителемъ своей родины, а она, его мать, не смѣетъ принять возвращеннаго ей первенца, не смѣетъ взглянуть на его милое лицо. Она, мать, не смѣетъ видѣть своего сына, свое сокровище, возвращенное ей Богомъ, потому что вынуждена была дать Арсланъ-бею страшную клятву. На крестѣ и евангеліи она съ клятвою присягнула, что пусть Богъ отниметъ у нея дѣтей, пусть постигнетъ ихъ ужасная смерть и пусть они лишены будутъ загробной жизни, если она, княгиня Тамара, войдетъ въ сношенія съ русскими, а, слѣдовательно, и съ возвращеннымъ ей судьбою сыномъ. Теперь она потеряла его при болѣе ужасающихъ условіяхъ, чѣмъ тогда, одиннадцать лѣтъ назадъ: тогда она надѣялась хоть когда нибудь увидѣть его; теперь же—никогда! Зачѣмъ дала она эту клятву? Лучше бы ее убилъ Арсланъ-бей: она не страдала бы такъ, какъ страдаетъ теперь.

Заключенная въ своемъ небольшомъ дворцѣ въ Кодорѣ, съ высокою при немъ старинною башней, она каждый день поднималась на эту башню и стояла тамъ, словно часовой, по цѣлымъ суткамъ, съ грустнымъ лицомъ, обращеннымъ на востокъ. Ея переболѣвшее сердце отыскивало тамъ его, возвращеннаго ей и навѣки потерян-

Digitized by Google

наго сына; тамъ искали его ея заплаканные глаза. Оттуда, съ востока, онъ долженъ явиться ей, и она хоть издали увидитъ его, издали перекрестить. Вѣдь она не давала такой клятвы, чтобы и тѣнь его не благословлять издали. Она не будетъ говорить съ нимъ, она ни слова не произнесетъ. Она только поглядитъ на него: какъ онъ выросъ, какъ возмужалъ... Можетъ быть, она съ башни и лицо его увидитъ, и глаза, и вьющіеся волосы, которые она когда-то любила гладить и цѣловать. Можетъ быть, она и голосъ его услышитъ. Онъ крикнетъ ей издали: «Здравствуй, мама»! Или, какъ взрослый мужчина, скажетъ ласково: «Здравствуй, дорогая матушка»... А она сама будетъ молчать—ни слова, ни звука ему въ отвѣтъ. Она клялась, и будетъ нѣма, какъ могила; она только улыбнется ему и — заплачетъ отъ счастія. Онъ и такъ все пойметъ! Только бы онъ былъ счастливъ. Потомъ онъ женится. Она желаетъ имѣть маленькихъ внуковъ и внучекъ. И она, бабушка, станетъ ласкать его дѣтей... Но этого нельзя: его дѣти будутъ русскіе, а ей съ русскими, даже съ дѣтьми, нельзя имѣть сношеній: она клялась въ этомъ... А на комъ онъ женится? Непремѣнно на одной изъ молоденькихъ Дадіанъ. У нея есть тамъ, въ Мингреліи, хорошенькія племянницы. А если онъ придетъ съ войскомъ, разобьетъ Арсланъ-бея и возьметъ Кодоръ? Вѣдь онъ тогда можетъ войти въ Кодоръ, мало того—войти въ свой дворецъ, и захочетъ видѣться съ матерью. Тогда она скажетъ ему: «я не смѣю тебя видѣть — я клялась страшною клятвою... не губи себя въ здѣшней и въ будущей жизни».

Тамара остановилась на этихъ мысляхъ и стала глядѣть вдаль. Сегодня тамъ, на берегу моря, замѣтно какое-то особенное движеніе. Люди что-то таскаютъ, рубятъ лѣсъ, наваливаютъ груды камней. Это они дѣлаютъ завалы. Значитъ, ждутъ русскихъ, чтобъ защищаться въ завалахъ. Она видѣла, какъ мимо Кодора прослѣдовали партіи черкесовъ. Это Арсланъ-бей готовится отражать русскихъ. Но вѣдь съ русскими идетъ и сынъ ея, о которомъ она не перестаетъ думать... И вдругъ у нея точно захолонуло сердце... А если Арсланъ-бей побѣдитъ?

Вся трепещущая, она упала головой на каменныя плиты башни и стала молиться и плакать... Сраженіе, дѣйствительно, уже началось. Какъ ни осторожно двигалось мингрельское войско по направленію къ Кодору, высылая впередъ развѣдчиковъ, оно все таки не миновало коварной засады, устроенной Арсланъ-беемъ и его союзниками, черкесами. Привыкшіе къ партизанской войнѣ, которую они постоянно вели съ русскими по всей кубанской линіи и въ Кабардѣ, хищники и тати отъ колыбели, черкесы, подобно дикимъ звѣрямъ въ лѣсу, умѣли пользоваться всякимъ прикрытіемъ,

Digitized by Google

скрываясь то подъ кустами боярышника и шиповника, то въ непролазныхъ колючкахъ, то за камнями, и, невидимые до послѣдней минуты, безъ промаха поражали намѣченную жертву. Такъ было и на этотъ разъ. Мингрельцы шли осторожно, зорко высматривая врага; но кругомъ царила мертвая тишина. Слышны были только ритмическіе набѣги морскаго прибоя у берега да жалобные крики чаекъ. Лѣсъ торжественно молчалъ, сбрасывая съ себя послѣдніе пожелтѣвшіе листья. До Кодора оставалось всего версты три-четыре, а непріятеля и не слышно.

Вдругъ задолбилъ дятелъ о сухую кору стараго дерева: разъ-два-три, — и съ послѣднимъ ударомъ дятла мертвый лѣсъ ожилъ. Грянулъ оглушительный ружейный залпъ. Ряды мингрельцевъ дрогнули. Кто безъ стона валился съ лошади; другой въ ужасѣ, коснѣющими пальцами, цѣплялся за гриву лошади; тамъ воздухъ прорѣзывали предсмертные вопли. А лѣсъ и кусты опять замерли въ своей торжественной тишинѣ. Только бѣловатыя струйки дыма, уносимыя морскимъ вѣтеркомъ въ горы, быстро таяли въ воздухѣ. А невидимаго врага нѣтъ! Послѣдовалъ вторичный стукъ дятла о дерево— и грянулъ второй залпъ. Мингрельцы съ дикимъ воемъ бросились впередъ, не думая о своихъ раненыхъ и мертвыхъ. Но лошади путались въ колючкахъ, бились среди непролазныхъ зарослей. А невидимый врагъ все поражалъ. Уже убито было нѣсколько князей, дворянъ, джигитовъ. Лошади, освобожденныя отъ убитыхъ и свалившихся на землю всадниковъ, какъ безумныя, кружились, ища своихъ мертвыхъ господъ и разстроивая ряды своихъ же мингрельцевъ. Стоны раненыхъ и умирающихъ, въ страшномъ диссонансѣ, сливались со ржаніемъ обезумѣвшихъ лошадей и проклятіями нападающихъ. Лѣвый флангъ мингрельцевъ, двигавшійся берегомъ моря, наткнулся на завалы, изъ-за которыхъ посыпался на него градъ пуль.

— О, дьяволы! — стиснувъ зубы, прохрипѣлъ князь Дадіанъ, обращаясь къ ближайшимъ начальникамъ ополченія,—надо выждать пѣхотинцевъ: безъ пѣхоты намъ не взять заваловъ.

— Хоть бы они показались, шайтаны!—выругался другой князь:— ни одного не видать—стрѣляютъ кусты да колючки.

— Подавайте отбой!—скомандовалъ Дадіанъ:—подождемъ Горчакова и Абхазова.

Чья-то лошадь безъ всадника, подъ богатымъ чепракомъ съ золотыми кистями, неслась прямо на завалы. Золотыя кисти чепрака были въ крови. Лошадь жалобно ржала, точно маленькій жеребенокъ, потерявшій мать. Ее встрѣтила пуля изъ-за завала. Бѣдное животное дрогнуло, растерянно оглянулось, и съ какимъ-то не-

Digitized by Google

естественнымъ визгомъ, почти съ дѣтскимъ плачемъ, ринулось впередъ и упало на переднія ноги, словно кланяясь своимъ убійцамъ.

— О, подлецы!—погрозилъ обнаженной саблей Дадіанъ:—убивать невинное животное!

Между тѣмъ, подбирая убитыхъ и раненыхъ, мингрельцы отступали, выходя изъ пространства непріятельскихъ выстрѣловъ. Море, какъ бы разбуженное и разсерженное выстрѣлами, къ вечеру стало бушевать, посылая на берегъ ударъ за ударомъ. Лѣсъ вторилъ морю, глухо шумя гибкими вершинами и оголенными отъ листьевъ вѣтвями. Въ порывахъ юго-восточнаго вѣтра доносилось до слуха что-то въ родѣ далекой пѣсни.

— Это бѣлевцы поютъ, — сказалъ Дадіанъ, прислушиваясь: — Горчаковъ въ походѣ всегда развлекаетъ и подбодряетъ своихъ солдатъ пѣсенниками. Я и пѣсню ихъ узнаю:

Они бились, рубились четырнадцать часовъ,
На пятнадцатомъ часу стали тѣла разбирать...

— И отлично,—замѣтилъ другой князь:—мы сегодня же къ ночи покончимъ съ подлецами.

Отдавъ кой-какія приказанія, князь Дадіанъ, увѣренный, что непріятель до его возвращенія не рѣшится выйти изъ засады и сдѣлать открытое нападеніе, съ нѣсколькими джигитами поскакалъ навстрѣчу отряду князя Горчакова, чтобъ сообщить ему о своей неудачной попыткѣ выбить врага изъ засады.

Пѣніе слышалось все явственнѣе и явственнѣе.

— Ну, подлецы! — показалъ рукой на завалы одинъ молоденькій мингрельскій князь: — только бы ихъ пѣніе не испугало. А то убѣгутъ мерзавцы.

— Нѣтъ, князь, изъ-за заваловъ не убѣгутъ, покуда ихъ оттуда штыками не выбьютъ,—замѣтилъ его дядька, старый нукеръ.— И то хорошо, что вѣтеръ поднялся.

— А что, старина?—спросилъ молодой князь.

— А какъ же, князюшка: отъ вѣтру лѣсъ шумитъ, море шумитъ, кусты шумятъ—шайтаны и не услышатъ, какъ русскіе стрѣлки, точно кошки къ мышамъ, подберутся къ нимъ по кустамъ да въ густой травѣ. Это не то, что мы на лошадяхъ: самая выгодная мишень для шайтановъ. Только бы ихъ выбить изъ колючекъ, а тамъ ужь мы ихъ саблями искрошимъ, а въ завалахъ штыкъ свое дѣло сдѣлаетъ. У русскихъ есть даже пословица: пуля глупа, а штыкъ уменъ.

— Пуля дура, штыкъ молодецъ, старина! — засмѣялся молодой князь.

Въ это время, мимо разговаривающихъ проносили одного уби-

Digitized by Google

таго. Онъ лежалъ на буркѣ, какъ на носилкахъ. Блѣдное безъ кровинки лицо его обращено было къ небу.

— Князь Пайчадзе,—тихо сказалъ молодой князь, снимая папаху и набожно крестясь:—смерть героя!

— Я видѣлъ, какъ его бѣдная лошадь искала своего господина и жалобно ржала,—сказалъ старый нукеръ:—она неслась прямо на завалы, точно искала смерти.

— И нашла ее — я самъ видѣлъ,—добавилъ молодой князь:—такъ и поклонилась своимъ убійцамъ.

Въ это время медленно подходилъ отрядъ Горчакова.

XI.

Такъ какъ послѣдній переходъ былъ не великъ и солдаты совсѣмъ не утомились, то Горчаковъ далъ имъ непродолжительный роздыхъ, чтобъ приготовиться къ атакѣ завалова Арсланъ-бея.

— Ну, что, старина?—обратился Горчаковъ къ старому Сукачу, обходя группы сидѣвшихъ и лежавшихъ солдатиковъ,—не утомился за дорогу?

Онъ любилъ разговаривать и шутить со старикомъ, зная, какое огромное вліяніе онъ имѣетъ на весь отрядъ. За Сукачемъ солдатики полѣзутъ въ огонь и въ воду, лишь бы не выдать «дядю».

— Какая утома, ваше сіятельство,—отвѣчалъ старикъ,—это все единственно, что по грибы ходить. Мы и Аршавъ-городъ брали да и то не уставали. А эти черкесишки — мухино отродье: только жужжать да по кустамъ хоронятся.

— Нѣтъ, вонъ какой каменный огородъ нагородили, — сказалъ князь, указывая на виднѣвшіеся издали завалы.

— Мы живой рукой разгородимъ.

— Спасибо, спасибо: съ такими молодцами весело служить.

Послѣднія слова Горчакова привели въ восторгъ солдатиковъ:—они ими радовались, какъ дѣти, получившія по прянику. Шутка ли—«съ нами служить»! Послѣ короткаго роздыха, отданъ былъ приказъ: на правомъ флангѣ стрѣлки должны выбить непріятеля изъ кустарниковъ и колючекъ, а потомъ преслѣдовать на открытомъ воздухѣ; центръ и лѣвый флангъ должны идти на завалы. Стрѣлки тотчасъ же разсыпались и, прикрываясь травой и посохшимъ бурьяномъ, котораго было достаточно, какъ кошки, поползли впередъ. Кое-гдѣ только видно было, какъ шевелилась трава, да тамъ и сямъ хрустѣлъ бурьянъ. Бѣлевцы же и двѣ роты мингрельскаго полка открыто пошли на завалы. Мало того, вспомнивъ, какъ онъ когда-то съ Суворовымъ брали «Аршавъ-городъ»,

Digitized by Google

Сукачевъ мигнулъ своему пріятелю, рябому запѣвалѣ Кудряшеву, и послѣдній выкрикнулъ:—«братцы, аршавскую!—поддержите»! И тотчасъ хоръ грянулъ на ходу:

Ахъ, на что было огородъ городить!
Ахъ, на что было капустку садить!

Вѣроятно, раздраженные этой дерзкой и обидной выходкой, засѣвшіе за завалами не выдержали пѣнія и, не давъ наступающимъ приблизиться на вѣрный выстрѣлъ, произвели залпъ слишкомъ поспѣшно и неудачно, почти никого не ранивъ. Этимъ воспользовались наступающіе и съ крикомъ «ура» стремительно бросились на завалы. Перескочить черезъ баррикады камней и бревенъ достаточно было нѣсколькихъ минутъ,—и завалы были взяты. Началась штыковая работа, противъ которой горцы всегда безсильны. Слышно было звяканье шашекъ о ружейные стволы и штыки, да иногда возгласы:—«вотъ тебѣ»!—«нна»!—а потомъ стоны и проклятія. Стрѣлки въ свою очередь овладѣвали кустарниками, и теперь конные мингрельцы съ Дадіаномъ, а горсть вѣрныхъ абхазцевъ, съ юнымъ Михаиломъ Шервашидзе во главѣ, ринулись на выбитыхъ изъ кустарниковъ и колючекъ черкесовъ.

Юный Шервашидзе былъ неузнаваемъ. Этотъ мальчикъ, не понимая опасности, не подозрѣвая, что играетъ со смертью, гикалъ своимъ еще невполнѣ сформировавшимся голосомъ, рубилъ направо и налѣво, топталъ конемъ. Приверженцы Арсланъ-бея не выдержали такого быстраго натиска и обратились въ бѣгство. Самъ онъ тоже бѣжалъ, не успѣвъ даже захватить съ собой тѣло убитаго около него юноши—его любимаго пажа. Мингрельцы, мстя за убитыхъ, при первомъ наступленіи, своихъ князей и джигитовъ, не щадили убѣгавшихъ. Еще солнце не успѣло погрузиться въ море, какъ бой уже кончился. Юный Шервашидзе съ лицомъ, покрытымъ потомъ, съ раскраснѣвшимися щеками и глазами, горѣвшими торжествомъ, подскакалъ къ старшему брату и преклонилъ предъ нимъ свою окровавленную шашку.

— Поздравляю съ первою и полною побѣдою владѣтеля Абхазіи!—торжественно произнесъ онъ.

Князь Димитрій, снявъ съ головы папаху, набожно перекрестился. По щекамъ его текли радостныя слезы.—«Это Варино счастье»,—трепетало у него въ груди:—«это она вымолила побѣду». Подъѣхалъ Горчаковъ и горячо обнялъ младшаго Шервашидзе.

— Спасибо, мой мальчикъ!—растроганно сказалъ онъ:—вы сражались, какъ герой... Считайте за мною Георгія—вы заслужили его.

Digitized by Google

Въ это время старый Сукачевъ, его рябой пріятель и двое другихъ солдатъ, скрестивъ ружья, на которыя наброшена была покинутая кѣмъ-то въ бою бурка, несли убитаго молодаго офицера, князя Бебутова.

— Бѣдный Бебутовъ!—сказалъ, подъѣзжая къ носилкамъ, Горчаковъ:—онъ тоже искалъ Георгія.

Князь Абхазовъ съ княземъ Дадіаномъ распоряжались уборкою убитыхъ и раненыхъ. Раненыхъ усердно,—чтобъ успѣть до ночи,—перевязывалъ молодой докторъ Булатъ-Аліевъ съ своими помощниками, а старенькій мингрельскій попикъ отпѣвалъ убитыхъ.

Подошли къ отпѣваемымъ Горчаковъ, оба Шервашидзе, Дадіанъ, Абхазовъ.

— «Видя мя безгласна и бездыханна»,—продолжалъ батюшка подъ умолкающій къ ночи ропотъ моря; а дымокъ кадильный все поднимался къ небу и таялъ. Димитрій Шервашидзе стоялъ на колѣняхъ и плакалъ тихими слезами... За него умерли эти мученики, за него и—за Варю... Отпѣваніе кончилось. Пошли къ раненымъ. Въ это время, туда же подъѣхалъ кубанецъ Буркинъ, держа на рукахъ, словно ребенка, какого-то раненаго.

— Что это у тебя?—спросилъ Горчаковъ.

— Не знаю, что, ваше сіятельство,—только оно пищитъ,—отвѣчалъ кубанецъ, слѣзая съ коня съ своею ношей.

На рукахъ у него оказался прелестный мальчикъ, на видъ лѣтъ двѣнадцати, съ роскошными золотистыми волосами, волною разметавшимися по плечамъ. На блѣдномъ личикѣ, казалось, лежала печать смерти. Богатая чуха, обшитая золотомъ, ярко-зеленые шальварцы съ позументами, крошечныя ножки въ красныхъ сафьянныхъ сапожкахъ съ изящными серебряными шпорами, кинжалъ и шашка, обсыпанные бирюзой и изумрудами,—все говорило о знатности и богатствѣ мальчика.

Вдругъ онъ открылъ глаза со слабымъ стономъ. Что это были за глаза!—большіе, какъ окна, и ясные, ясные, какъ у ребенка.

— Оно пищало что-то тамъ,—звало все Арслана,—пояснилъ Буркинъ, кладя осторожно свою ношу на разостланную бурку.

Подошелъ докторъ. Его поразила красота раненаго.

— Бѣдный ребенокъ,—прошепталъ онъ, нагибаясь къ нему:—у него рана на правой сторонѣ груди.

Онъ быстро, но осторожно, даже нѣжно, сталъ разстегивать чуху, распустивъ совсѣмъ поясъ. Раненый опять открылъ глаза.

— Не надо, не надо! дайте мнѣ умереть,—простоналъ онъ по турецки.

— Ну, нѣтъ, мой мальчикъ,—ты такой молоденькій и такой

Digitized by Google

хорошенькій—тебя надо спасти,—говорилъ докторъ, раскрывая грудь раненаго,—и вдругъ остолбенѣлъ.

— Да это не мальчикъ,—пробормоталъ онъ растерянно:—это дѣвочка... женщина...

Изъ-за раскрытой чухи и бѣлой тонкой сорочки глянули женскія груди... Всѣ были поражены и стояли въ изумленіи. Нѣсколько выше и правѣе праваго соска видна была трехгранная штыковая рана, изъ которой сочилась алая кровь. Руки у доктора дрожали, когда онъ съ помощью фельдшера перевязывалъ рану.

— Кажется, кость не повреждена,—тихо говорилъ онъ, какъ бы боясь разбудить потерявшую сознаніе раненую:—штыкъ скользнулъ—это рана не смертельная.

— Но что за красота!—прошепталъ Горчаковъ.

— Да, поразительная,—согласился князь Абхазовъ.

Раненую перевязали и осторожно прикрыли ей грудь сорочкою и чухой. Въ это время подошелъ старый Сукачъ.

— А! вонъ онъ гдѣ,—удивленно проворчалъ старикъ.—Этотъ чертенокъ чуть мнѣ голову не снесъ шашкой, да я вѣ-время его укололъ маленько... Ишь дьяволенокъ!

— Такъ это ты ее угостилъ, старина?—удивился Горчаковъ.—Маху далъ, дружище:—вѣдь это дѣвочка.

— Какъ дѣвочка?—изумился ошеломленный старикъ:—а вѣдь, дьяволенокъ, чуть-чуть не зарубила меня... А теперь сомлѣла... Это, ваше сіятельство, должно быть, ихняя вѣдьма.

— Аллахъ керимъ! да вѣдь это Эсма-ханумъ!—раздался сзади чей-то возгласъ.

То былъ Урусъ Лаквари. Лицо его выражало крайній испугъ.—«Неужели убита»?—бормоталъ онъ растерянно.—«Ахъ, Эсма-ханумъ, Эсма-ханумъ»!

— Кто же она такая, эта Эсма-ханумъ?—спросилъ Горчаковъ.

— Ахъ, господинъ! Эсма-ханумъ—жена Арсланъ-бея, дочь Кучукъ-бея, что былъ въ Поти сердаремъ,—отвѣчалъ Лаквари:—я ее зналъ еще ребенкомъ.

— Такъ вотъ она, красавица Эсма-ханумъ,—съ удивленіемъ воскликнулъ младшій Шервашидзе:—дѣйствительно, красавица! Изъ-за нея погибла Дада, о которой и теперь всѣ въ Абхазіи вспоминаютъ.

Раненая открыла свои прелестные глаза, и снова съ ужасомъ закрыла ихъ, чуть слышно шепча со стономъ:—«Арсланъ... Арсланъ»..

Доктору стало жаль этого прелестнаго существа.—Не отчаивай-

Digitized by Google

тесь, ханумъ,—сказалъ онъ по турецки, нагибаясь къ личику раненой:—Арсланъ-бей живъ... Онъ удалился въ горы... Выздоравливайте поскорѣй, и мы васъ отправимъ къ нему...

При этихъ словахъ, раненая открыла глаза и съ нѣжной благодарностью посмотрѣла на доктора.—«Аллахъ вознаградитъ васъ за вашу доброту»,—чуть слышно прошептала она.

Всѣ были очарованы прекрасной турчанкой, и Горчаковъ просилъ доктора особенно позаботиться о ней. Булатъ-Алiева нечего было просить объ этомъ:—красота пацiентки сразу покорила его пылкое восточное сердце. Такимъ же нѣжнымъ чувствомъ къ ней воспламенился и младшiй Шервашидзе. Онъ притащилъ откуда-то небольшую кожаную подушку и съ нѣжностью сестры милосердiя подложилъ ее подъ голову прелестной плѣнницы.

— Почтительный племянничекъ такъ мило ухаживаетъ за хорошенькой тетенькой,—съ улыбкой замѣтилъ Горчаковъ, обращаясь къ старшему Шервашидзе:—трогательно видѣть такое теплое проявленiе родственныхъ чувствъ.

Это услышалъ Абхазовъ и засмѣялся. Димитрiй же Шервашидзе мысленно сравнивалъ красоту этой турчанки съ красотою своей Вари, и хотя находилъ, что красота первой просто ослѣпляетъ, однако сердце его отдавало предпочтенiе послѣдней. На горы и на море, между тѣмъ, спустилась ночь, и по всему берегу запылали костры. Это была роскошная иллюминацiя, зарево которой видно было даже въ Кодорѣ. Въ костры валили цѣлыя деревья и толстыя колоды, изъ которыхъ были устроены завалы. Горчаковъ велѣлъ сжечь ихъ, чтобъ и на будущее время непрiятель не могъ пользоваться этимъ прикрытiемъ.

— Ну, какъ твои зубы?—лукаво спрашивалъ старый Сукачъ своего прiятеля, рябаго Кудряшева, присаживаясь къ костру и закуривая свою носогрѣйку.

— Зубы какъ рукой сняло,—весело отвѣчалъ Кудряшъ:—и кобыльей головы не надо.

XII.

Ночь прошла почти безъ тревогъ. Хотя въ темнотѣ черкесы и абхазцы нѣсколько разъ пытались подкрасться къ спящему лагерю, однако сторожевая цѣпь, очень плотная и часто мѣнявшаяся, зорко слѣдила за всѣмъ и чутко прислушивалась ко всякому подозрительному шороху. Притомъ же полная луна, обливая молочнымъ свѣтомъ всѣ предметы, помогала часовымъ видѣть малѣйшiя измѣненiя тѣней на далекое разстоянiе.

Digitized by Google

Эсма-ханумъ, отъ которой почти не отходилъ влюбленный въ нее Булатъ-Аліевъ, послѣ пріема успокоительнаго лѣкарства, провела ночь довольно спокойно, и лихорадочное состояніе ея, послѣ непродолжительнаго, но крѣпкаго сна, совершенно прошло. Это окончательно убѣдило доктора, что нанесенная ей рана была изъ легкихъ, и поселило въ немъ успокоительную увѣренность, что его паціентка скоро поправится. Къ ней также часто навѣдывался и Урусъ Лаквари, которому она даже видимо обрадовалась, когда, проснувшись, увидѣла его вмѣстѣ съ докторомъ.

— Я очень радъ, что вамъ значительно лучше, милая ханумъ,— сказалъ Булатъ-Аліевъ, щупая пульсъ своей больной собственно только для того, чтобъ прикоснуться къ ея ручкѣ. — И будьте покойны, ханумъ, васъ никто у русскихъ не обидитъ:—они не только съ ранеными, но и съ военноплѣнными обращаются великодушно. А съ вами, какъ съ женщиной, будутъ обращаться особенно предупредительно.

— Я не боюсь русскихъ,—отвѣчала Эсма-ханумъ:—они такіе добрые; они разъ спасли меня даже отъ смерти.

— Когда это было?—спросилъ докторъ.

— Это было давно... Я обречена была на явную смерть—утонуть въ морѣ,—и русскіе спасли меня.

И она разсказала извѣстное уже намъ приключеніе, когда ревнивая Дада хотѣла утопить ее.

Скоро, съ восходомъ солнца, какъ русскія, такъ и мингрельскія войска двинулись къ Кодору. Эсма-ханумъ и другихъ раненыхъ удобно уложили по арбамъ, запряженнымъ буйволами. Такъ какъ всѣ власти утромъ приходили освѣдомляться о здоровьѣ жены Арсланъ-бея, и въ особенности увивался около нея младшій Шервашидзе, то Урусъ Лаквари, съ цѣлью ли угодить брату владѣтеля Абхазіи, или по личному побужденію, вызвался самъ управлять арбою, на которую уложили молоденькую турчанку.

Русскій отрядъ и на этотъ разъ подвигался къ Кодору, предшествуемый пѣсенниками, которые молодецки отхватывали любимую полковую пѣсню:

Какъ не пыль въ полѣ пылитъ, не дубровушка шумитъ,—
Прусакъ съ арміей валитъ...

Еще наканунѣ княгиня Тамара узнала, что недалеко отъ Кодора произошло сраженіе, что русскіе разбили скопища Арсланъ-бея и что съ отрядомъ русскихъ идетъ ея сынъ Димитрій. Можно себѣ представить тревогу и радость матери. Наканунѣ, когда она только что узнала о завязавшейся битвѣ, она все время не вставала съ колѣнъ:—она молилась за сыновей, и въ особенности за стар-

Digitized by Google

шаго. Потомъ княгиня узнала, что Арсланъ-бей разбитъ,—и снова молилась и плакала благодарными слезами. Такъ она и не спала всю ночь. Теперь, стоя на башнѣ, словно Ярославна на городской стѣнѣ въ Путивлѣ, она слышала уже долетавшее до нея пѣніе; различала даже слова...

Понятно, что глаза ея не отрывались отъ приближавшихся къ Кодору отрядовъ. Она не слыхала даже, какъ на башнѣ за нею очутился старый нукеръ, учившій когда-то верховой ѣздѣ ея первенца Димитрія. Въ приближающихся массахъ она жадно искала глазами именно этого первенца. Но какъ отличить его среди другихъ? Тутъ даже и материнское сердце не подскажетъ. Да и глаза она выплакала за всѣ эти тяжелые годы.

— Матушка княгиня! я вижу его... Вонъ онъ, вонъ онъ!—вдругъ воскликнулъ старый нукеръ, такъ что Тамара отъ неожиданности вздрогнула.

— Гдѣ? гдѣ?—заволновалась она:—покажи!.. О, Господи!

— Вонъ рядомъ съ княземъ Михаиломъ... эполеты блестятъ на солнцѣ... Какой красавецъ!

— О, Господи, Господи! и я не смѣю его обнять!—залилась слезами княгиня.—Бѣги, бѣги сейчасъ, Галибушка, и скажи ему, чтобъ онъ не входилъ ко мнѣ... Скажи ему:—я дала страшную клятву на крестѣ и евангеліи—не принимать его, не сноситься съ русскими и съ нимъ... Бѣги, бѣги!..

Галибъ поспѣшилъ исполнить приказаніе своей госпожи. Онъ выбѣжалъ навстрѣчу своимъ, приближавшимся вмѣстѣ съ Горчаковымъ и Абхазовымъ, молодымъ господамъ и, подойдя къ Димитрію, прильнулъ губами къ его стремени.

— Что это? что это?—удивился князь.

— Да это нашъ Галибъ,—засмѣялся младшій Шервашидзе.—Онъ отъ радости съ ума сошелъ. Развѣ ты не узналъ старину?

Галибъ, между тѣмъ, выпрямился. Глаза его блестѣли воодушевленіемъ и радостью.

— Батюшка князь! ваша свѣтлость!—началъ онъ прерывающимся голосомъ.—Матушка княгиня... вонъ она тамъ на башнѣ... приказала сказать тебѣ, чтобъ ты не ходилъ къ ней... Она на крестѣ и евангеліи поклялась страшною клятвой...

— Знаю, знаю, милый Галибъ,—перебилъ его князь Димитрій.

— Не бойся, старина,—улыбнулся Горчаковъ:—у насъ есть тоже евангеліе, и крестъ есть, и священникъ, которому дана власть разрѣшать отъ клятвы... Попросите сюда батюшку съ крестомъ и евангеліемъ,—обратился онъ къ своему адъютанту.—А ты, старина, поди доложи отъ меня ея свѣтлости, княгинѣ Тамарѣ, что

Digitized by Google

я, князь Горчаковъ, по повелѣнію государя императора, посланъ сюда съ войскомъ, чтобъ ввести полковника князя Димитрія Георгіевича Шервашидзе, ея старшаго сына, во владѣніе наслѣдіемъ его предковъ—Абхазіею. Доложи княгинѣ, что, пока не снята съ нея клятва, ни сынъ ея, князь Димитрій, и никто изъ русскихъ не будутъ къ ней допущены. Пусть будетъ покойна—мы ея присяги не нарушимъ. Но она должна принять только служителя церкви, нашего полковаго священника,—и онъ совершитъ обрядъ разрѣшенія клятвы. Ступай, старина.—Галибъ ушелъ. Скоро явился и священникъ въ сопровожденіи стараго унтеръ-офицера, замѣнявшаго дьячка, который держалъ въ рукахъ узелъ съ крестомъ и евангеліемъ и священническимъ облаченіемъ.

— Батюшка,—сказалъ Горчаковъ,—потрудитесь пройти во дворецъ ея свѣтлости, княгини Тамары, и совершите надъ нею обрядъ разрѣшенія ея отъ клятвы, данной ею, по принужденію отцеубійцы и злодѣя Арсланъ-бея, относительно того, что она никогда не должна входить въ сношенія съ русскими, а слѣдовательно и съ сыномъ своимъ, княземъ Димитріемъ Георгіевичемъ. Поняли, батюшка?

— Понялъ, ваше сіятельство.

— Такъ идите же. Мы будемъ ждать вашего возвращенія.

Княгиня встрѣтила священника сильно взволнованная. Батюшка, помолившись на образъ Спасителя, висѣвшій въ переднемъ углу небольшой залы, и поклонившись молча хозяйкѣ, попросилъ ее приказать принести воды для омовенія рукъ предъ облаченіемъ. Княгиня, боясь произнести слово, чтобъ не нарушить клятву, знакомъ приказала стоявшему у двери Галибу исполнить требованіе священника. Унтеръ-офицеръ, между тѣмъ, развязалъ узелъ и, вынувъ оттуда распятіе, евангеліе и священническое облаченіе, разложилъ все это на столѣ, стоявшемъ у окна. Воротился и Галибъ съ серебрянымъ рукомойникомъ, тазомъ и полотенцемъ. Тазъ взялъ унтеръ-офицеръ и держалъ, пока Галибъ обливалъ водой морщинистыя и поросшія волосами руки батюшки. Тогда послѣдній началъ облачаться согласно церковному уставу. Сначала унтеръ-офицеръ подалъ ему епитрахиль. Надѣвая ее на себя, священникъ тихонько читалъ 2-й стихъ псалма CXXXII: «Яко муро на главѣ, сходящее на браду, браду Ааронію, сходящее на ометы одежды его». Затѣмъ ему подали поручи, поясъ и фелонь. Надѣвая послѣднюю, священникъ снова читалъ, положенный по уставу, стихъ псалма CXXXI: «Священницы твои облекутся правдою и преподобніи твои возрадуются». Послѣ этого, онъ вновь умылъ руки, читая шопотомъ изъ псалма XXV: «Умыю въ неповинныхъ руцѣ

Digitized by Google

мои, и обыду жертвенникъ твой, Господи». Окончивъ омовеніе рукъ, священникъ подошелъ къ стоявшей въ благоговѣніи княгинѣ, накрылъ ея наклоненную голову епитрахилью и, взявъ отъ служителя евангеліе, сталъ читать разрѣшительную молитву, по окончаніи которой осѣнилъ трепещущую Тамару крестомъ, велѣлъ ей приложиться къ распятію и къ евангелію, и сказалъ:—«Господь разрѣшилъ васъ отъ клятвы вынужденной—нѣтъ болѣе на васъ клятвы».

Княгиня плакала. Плакалъ и Галибъ. Когда священникъ простился съ княгиней, она, нàскоро утеревъ слезы и стараясь побѣдить охватившее ее волненіе, съ какою-то робостью пошла навстрѣчу къ тому, котораго столько лѣтъ ждала напрасно. Онъ тоже шелъ къ ней навстрѣчу впереди всѣхъ. При видѣ сына, котораго она иначе не могла себѣ представить, какъ въ видѣ семи-восьмилѣтняго ребенка, котораго она, болѣе одиннадцати лѣтъ тому назадъ, держала въ своихъ объятіяхъ,—она окончательно оробѣла. Къ ней приближался высокій, красивый офицеръ мужественной наружности, съ блестящими «жирными» эполетами. Это не онъ, не тотъ ея милый мальчикъ, а совершенно другой, точно совсѣмъ посторонній! Кàкъ этого новаго постороннаго мужчину, прижать къ груди, обнимать, цѣловать? Въ ней, казалось, пробудилась женская стыдливость:—исчезла мать, осталась только женщина. Ну, кàкъ обнять вонъ того, такого важнаго, что̀ впереди всѣхъ? То князь Горчаковъ. Кàкъ обнять его, броситься къ нему на шею? Кàкъ броситься въ объятія и къ этому мужчинѣ, который, говорятъ,—да она и сама это знаетъ,—ея сынъ! Вся иллюзія ожиданія пропала... Но онъ самъ обнялъ ее... «Матушка!.. Мама дорогая»!..

Да, это онъ, ея сынъ... только не тотъ, а совершенно новый... И она не смѣетъ ласкать его такъ, какъ тогда ласкала... То былъ не мужчина, а только сынъ, и она тогда была не женщина, а только мать... Даже сказать ему: «Митя»—какъ-то неловко... Коекакъ она, однако, побѣдила свое волненіе; но свиданіе вышло какое-то холодное, офиціальное. Не того она ожидала болѣе одиннадцати лѣтъ. Также церемонно она поздоровалась съ Горчаковымъ, Дадіаномъ, Абхазовымъ и другими офицерами,—и пригласила всѣхъ къ себѣ въ домъ:—«сдѣлать ей честь—закусить, чѣмъ Богъ послалъ».

— Послушай, старушка божья,—обратился съ лукавой улыбкой къ княгинѣ ея младшій сынъ Михаилъ, поймавъ ее, когда она отдавала Галибу и другимъ слугамъ приказанія относительно угощенія Горчакова и другихъ:—вѣдь ты маху дала.

Избалованный матерью любимецъ, юный князь Михаилъ въ шутку называлъ княгиню то «старухой», то «старушкой божьею».

— Какого маху?—спросила княгиня.

Digitized by Google

— Да ты не догадалась пригласить самую почетную нашу гостью.

— Гостью?—удивилась Тамара.—Какую это?

— А владѣтельницу Абхазіи,—продолжалъ улыбаться Михаилъ.

— Да что ты за вздоръ мелешь, повѣса?

— Ахъ, старуха! вовсе не вздоръ. Кто до сихъ поръ владѣлъ Абхазіею и даже тобою?.. я не говорю: обладалъ тобою, а просто владѣлъ—заперъ тебя въ Кодорѣ да еще и присягнуть заставилъ,—кто?

— Ну, Арсланъ, разбойникъ, злодѣй, отцеубійца...

— То-то же... Онъ еще и по сіе время владѣтель Абхазіи, хоть мы вчера его и поколотили. А жена его, значитъ, владѣтельница.

— Такъ что жь изъ этого?

— Ахъ, старуха, старуха! да ты ее-то и не пригласила.

Княгиня махнула рукой и хотѣла уйти отъ повѣсы; но тотъ удержалъ ее за руку.

— Да ты пойми, старушка божья,—вѣдь она, его жена, прелестная Эсма-ханумъ,—у насъ... Мы ее веземъ съ собой... Я сейчасъ къ ней бѣгалъ—любоваться ея глазками: —вѣдь она мнѣ тетенька, а тебѣ—свояченица, что ли, или золовка.

— Да ты что это говоришь, Миша? дурачишь меня?

— Нѣтъ, ваша свѣтлость, я говорю серьезно:—вчера мы ее, раненую, взяли въ плѣнъ, и теперь она у насъ въ обозѣ. Вотъ ее-то вы и не пригласили закусить чѣмъ Богъ послалъ.

XIII.

Когда княгиня Тамара убѣдилась, что сынъ ея говоритъ серьезно, она пришла въ крайнее смущеніе. Кто бы ни была Эсма-ханумъ, но она—почетная особа, хоть и жена злодѣя и отцеубійцы; она не отвѣтчица за преступленія мужа. Кромѣ того, она изъ знатнаго рода, дочь турецкаго сановника, и ее нельзя держать въ обозѣ вмѣстѣ съ солдатами. Ей, княгинѣ Тамарѣ, подсказывало это ея женское чувство. Она видѣла эту молоденькую, хорошенькую женщину, болѣе похожую на дѣвочку, съ огромными глазами. Она, Эсма-ханумъ, была съ мужемъ въ Кодорѣ, когда Арсланъ-бей принудилъ Тамару дать ему ту возмутительную клятву. Княгиня вышла къ гостямъ, еще не оправившись отъ смущенія.

— Извините, князь,—сказала она, обращаясь къ Горчакову:—я узнала отъ сына, что у васъ въ обозѣ находится раненая жена Арсланъ-бея.

Digitized by Google

— Мнѣ сейчасъ доложили, княгиня, что Эсма-ханумъ почти совсѣмъ оправилась отъ раны,—отвѣчалъ Горчаковъ:—рана была легкая, и мнѣ кажется, что обозъ—не ея мѣсто.

— И я такъ думаю, князь,—согласилась Тамара.

— Мы всѣ въ ней приняли сердечное участіе. — продолжалъ Горчаковъ.—Согласитесь, княгиня, что молоденькое существо заслуживаетъ участія:—изъ любви къ мужу эта почти дѣвочка не отходила отъ него даже въ разгарѣ битвы—и ранена. Мы должны ее пожалѣть.

— Такъ я пойду приведу ее сюда,—поторопился младшій Шервашидзе, не думавшій, чтобъ его заступничество за красавицу увѣнчалось такимъ блестящимъ успѣхомъ. — Хоть она нѣсколько слаба еще, но ходить можетъ.

И, не ожидая согласія матери, онъ тотчасъ же побѣжалъ исполнять свое сердечное желаніе. Князь Горчаковъ улыбнулся.

— Вашъ младшій сынъ, княгиня, очень скоръ на рѣшенія,—сказалъ онъ:—вчера рѣшилъ быть героемъ,—и сдѣлался таковымъ. Позвольте, княгиня, отъ души поздравить васъ,—продолжалъ онъ:—князь Михаилъ показалъ вчера въ дѣлѣ чудеса храбрости и недаромъ заслужилъ Георгія.

— Да,—подтвердилъ князь Димитрій.—Миша просто поразилъ меня отчаянной храбростью:—я не ожидалъ этого отъ такого мальчика.

— О, Миша у меня головорѣзъ,—улыбнулась княгиня:—весь въ дѣдушку Келешъ-бека.

Абхазовъ и Дадіанъ съ своей стороны говорили, что юный князь беззавѣтно храбръ, и никого не хотѣлъ слушать, когда его останавливали и совѣтовали быть осторожнѣе.

— На всѣ наши уговоры,—добавилъ Дадіанъ,—князь Михаилъ отвѣчалъ:—«не мѣшайте мнѣ поцѣловать милаго дядюшку саблей», и все рвался туда, гдѣ виднѣлся Арсланъ-бей съ своими братьями Баталъ-беемъ и Таяръ-беемъ.

Въ это время воротился самъ юный герой. Онъ былъ видимо сконфуженъ.

— Она нейдетъ—не рѣшается, какъ я ни упрашивалъ ее,—сказалъ онъ.—Говоритъ, что «вашей матушкѣ будетъ непріятно меня видѣть»... Такая упрямая!

— Кто тамъ съ нею?—спросила княгиня.

— Только докторъ Булатъ-Аліевъ да Урусъ Лаквари.

— Придется, вѣрно, мнѣ самой идти къ ней,—сказала княгиня.— Кстати и доктора надо пригласить, и священника... А у меня и изъ головы вонъ, батюшка... Я такъ растерялась ото всего этого.

Digitized by Google

— Отлично! якши!—обрадовался младшій Шервашидзе,—пойдемъ вмѣстѣ за тетенькой... Да докторъ говоритъ, что ей нужно перемѣнить сорочку—ея сорочка запачкана кровью, а у него въ походномъ лазаретѣ—говоритъ—только нѣсколько грубыхъ солдатскихъ рубахъ... Возьми съ собой чистую сорочку и служанку, чтобъ переодѣть тетеньку; а я захвачу свою хорошенькую чуху, что мнѣ тогда подарила тетя Нина... Она совсѣмъ новенькая—я не носилъ ея—она мнѣ была мала, а Эсма-ханумъ будетъ какъ разъ впору... ну, живѣй, старуха!

Всѣ невольно разсмѣялись, видя, какъ избалованный повѣса помыкаетъ матерью, которя ему во всемъ повиновалась.

— Однако, ты командуешь таки матерью,—замѣтилъ старшій Шервашидзе.

— Что жь! ты будешь командовать всей Абхазіей, а я хоть своей старухой,—отрѣзалъ младшій.

Все было исполнено такъ, какъ предначерталъ избалованный юноша. Черезъ полчаса воротилась княгиня Тамара вмѣстѣ съ Эсма-ханумъ. Ихъ сопровождали: священникъ, докторъ Булатъ-Аліевъ и Михаилъ Шервашидзе. Эсма-ханумъ была нѣсколько блѣдна отъ потери крови; но это придавало ея красотѣ какую-то обаятельную томность, и глаза ея, «большіе, какъ окна въ рай», по выраженію Арсланъ-бея, казались еще больше и еще прелестнѣе. Докторъ говорилъ, что, судя по ничтожному количеству потерянной крови, рана ея была самая пустая—просто царапина отъ штыка, а что если она вчера потеряла сознаніе при полученіи раны, то единственно отъ испуга и волненія, и что женскій обморокъ—явленіе болѣе психическое.

Галибъ доложилъ, что кушанья поданы, и княгиня пригласила всѣхъ въ столовую. Младшій ея сынъ подошелъ къ Эсма-ханумъ и предложилъ ей руку, чтобъ вести къ столу. Эсма-ханумъ при этомъ вспомнила что-то очень далекое... Да, это было тамъ, въ открытомъ морѣ. Она тонула, отчаянно цѣпляясь за багоръ,—ея послѣднюю надежду,—а злобная Дада, удаляясь отъ нея на своемъ каикѣ, смѣялась злорадным смѣхомъ... И тогда спасли ее чужіе люди, русскіе моряки. Она на кораблѣ... Капитанъ и всѣ офицеры такъ съ нею ласковы, предупредительны... Ее ведутъ къ столу; капитанъ подаетъ ей свою руку, какъ вотъ теперь этотъ юный князь Михаилъ, родственникъ ея мужа... Тогда русскіе спасли ее отъ смерти и возвратили Арсланъ-бею... Можетъ быть, и теперь возвратятъ... А могли бы убить ее вчера... Тотъ страшный старый солдатъ со штыкомъ... Что-то кольнуло ее въ бокъ, и она потеряла сознаніе, потеряла и Арслана... Зачѣмъ же онъ не спасъ ея, когда

Digitized by Google

самъ остался живъ? Неужели разлюбилъ? неужели бѣжалъ отъ своей «гуріи», отъ своей «пери»? Не можетъ быть!

Около нея все происходило точно въ туманѣ. Что-то говорили, стучали ножами и вилками... Князь Михаилъ клалъ ей на тарелку кушанья, говорилъ что-то, ласково глядѣлъ ей въ глаза... А передъ нею все какой-то туманъ—въ головѣ туманъ... Развѣ опять обморокъ? Но у нея ничто не болитъ. Она даже не чувствуетъ, что у нея на боку рана.

Когда встали изъ-за стола, княгиня отвела Эсма-ханумъ въ особую комнату, рядомъ съ своей спальней, и велѣла одной изъ довѣренныхъ женщинъ ходить за ней, пока сама княгиня будетъ занята приготовленіями къ выѣзду изъ Кодора. Здѣсь она уже не могла оставаться, и должна была вмѣстѣ съ сыновьями слѣдовать за войскомъ. Предстояло еще взять Сухумъ-Кале и Соуксу, и тогда уже ввести князя Димитрія во владѣніе Абхазіею. Княгинѣ нужно было собрать и взять съ собою фамильное серебро и другія драгоцѣнности, какихъ не успѣлъ захватить Арсланъ-бей. Хлопотъ предстояло довольно, а между тѣмъ Горчаковъ торопилъ выступленіемъ изъ Кодора, чтобъ Арсланъ-бей не успѣлъ укрѣпиться въ Сухумѣ и вызвать туда турецкую эскадру. Между тѣмъ, у Горчакова не было въ распоряженіи ни одного военнаго судна и, за свирѣпствовавшими въ это время года бурями на Черномъ морѣ, нельзя было и думать о вызовѣ флотиліи и десанта изъ Крыма.

Занятая этими сборами, княгиня почти не видѣла своего старшаго сына, который постоянно находился около отряда, гдѣ его присутствіе было теперь положительно необходимо. Вѣсть о пораженіи Арсланъ-бея быстро разнеслась по всей Абхазіи, и многіе князья и дворяне, которые не принимали участія въ борьбѣ двухъ партій за владычество въ странѣ, теперь спѣшили къ Кодору, чтобъ поздравить князя Димитрія съ возвращеніемъ на родину и заявить ему свою преданность. Даже нѣкоторые изъ тѣхъ, которые еще вчера находились въ рядахъ ополченія Арсланъ-бея и сражались съ русскимъ отрядомъ и мингрельскимъ ополченіемъ, спѣшили присоединиться къ побѣдителямъ. Князь Димитрій всѣхъ принималъ ласково, радушно, хотя не могъ не чувствовать при этомъ какой-то неловкости. Воспитанный въ Петербургѣ, онъ отвыкъ отъ мѣстныхъ обычаевъ, отъ мѣстнаго обхожденія, и самъ себѣ казался чужимъ среди своихъ князей и дворянъ.

Между тѣмъ, князь Михаилъ почти постоянно вертѣлся во дворцѣ:—то онъ мѣшалъ матери въ ея распоряженіяхъ, во все вмѣшиваясь и все путая, то сбивалъ съ толку прислугу, отдавая нелѣпыя приказанія и тотчасъ же отмѣняя ихъ. Въ сущности же

Digitized by Google

эти сборы вовсе не занимали его. Были бы готовы его лошади, его любимое вооруженіе, а до остальнаго ему не было дѣла—хоть трава не расти. Но во дворецъ его притягивалъ магнитъ:—въ одной изъ его комнатъ находилась очаровательная «тетенька». Поэтому онъ то и дѣло таскалъ съ собой доктора, чтобъ подъ его прикрытіемъ проскользнуть въ комнату тетеньки—навѣдаться о ея драгоцѣнномъ здоровьѣ. Молодой докторъ и самъ былъ радъ придраться къ случаю—пощупать пульсъ своей чаровницы и посмотрѣть, какъ идетъ исцѣленіе раны на такомъ интересномъ мѣстѣ... ниже границы допускаемаго на балахъ декольтэ... Часто навѣдывался во дворецъ и Урусъ Лаквари, который, какъ довѣренное лицо князя Димитрія, имѣлъ всюду свободный доступъ, даже въ комнату Эсма-ханумъ. Однажды онъ явился къ ней, когда около нея никого не было.

— Ну, что, Урусъ, узналъ ты что нибудь?—тихо спросила она.

— Господинъ твой здоровъ, ханумъ, благодареніе Аллаху,—отвѣчалъ абхазецъ.—Онъ радъ, что ханумъ, слава Аллаху, жива; а ужь онъ отчаивался, что тебя и въ живыхъ нѣтъ. А все хитрый Тутшугъ...

— Какъ! отецъ Дады?

— Да, ханумъ:—онъ ненавидитъ тебя за смерть своей Дады... Я все узналъ... Я видѣлъ самого господина. Сегодня ночью я тайкомъ пробрался къ нему въ горы. Онъ говоритъ, что, когда русскіе ворвались на завалы и стали колоть всѣхъ, а тебя, ханумъ, оттѣснили отъ господина, и когда наши дрогнули и начали отступать, то Тутшугъ сказалъ господину, что тебя, ханумъ, старый русскій солдатъ закололъ штыкомъ до смерти и казакъ утащилъ твое тѣло къ генералу, чтобъ показать ему тебя и получить за это крестъ... Казаки—очень коварные люди.

— Что жь, Тутшугъ только ошибся,—возразила Эсма-ханумъ:—онъ, вѣроятно, видѣлъ, какъ старый солдатъ ударилъ меня штыкомъ, и я упала. Онъ и подумалъ, что я убита. А потомъ видѣлъ, какъ казакъ меня поднялъ и увезъ къ русскимъ. Я и сама это узнала только на другой день, когда успокоилась немного. Тутшугъ не солгалъ—онъ вѣрный слуга. А Дада сама зарѣзалась отъ стыда и горя. Что жь еще говорилъ тебѣ мой мужъ?—спросила она.

— Говоритъ, ханумъ, что поклялся бородой пророка—да будетъ славно во вѣки его имя!—отнять тебя у урусовъ.

— А много у него войска? Черкесы съ нимъ?

— Съ нимъ, ханумъ; у него войска больше, чѣмъ у урусовъ.

— А князь Михаилъ хвастался мнѣ, что уже вчера многіе наши князья и дворяне передались на сторону его брата.

Digitized by Google

— Это передались трусы, ханумъ: а Баталъ-бей, Ростомъ-бей Таяръ-бей и лучшіе князья—всѣ остались вѣрны моему господину — да хранитъ его Аллахъ! Онъ не допуститъ урусовъ до Сухумъ-Кале. Бабѣ не владѣть Абхазіей!

— Это Тамарѣ?

— Нѣтъ, бабѣ Димитрію. Я давно знаю, что онъ баба. Я его еще въ Петербургѣ раскусилъ и выплюнулъ. Онъ только и зналъ тамъ плясать. Его околдовала тамъ одна дѣвчонка—онъ не женится на абхазкѣ.

— Да? ты это вѣрно знаешь, Урусъ?—заинтересовалась Эсма, сгорая женскимъ любопытствомъ.—Кто она? хороша собой?

— Она княжна Гагарина, бѣлобрысая, какъ тамошнія ночи: на лошади ѣздитъ не верхомъ, а на подушкѣ съ крючкомъ спереди, и свѣшиваетъ обѣ ноги на одну сторону; а вмѣсто шальваръ на ней длинный черный хвостъ, который волочится по землѣ, и, еслибъ она не придерживала его рукой, то его весь оборвали бы на улицѣ.

Теперь Эсма-ханумъ поняла, почему старшій Шервашидзе не обращалъ на нее никакого вниманія, тогда какъ этотъ мальчишка, младшій, былъ отъ нея безъ ума. Она это очень хорошо видѣла, благодаря свойственной женщинамъ наблюдательности. Докторъ также таялъ около нея. Да и всѣ они, и Горчаковъ, и Абхазовъ, и Дадіанъ, и всѣ мужчины — дураки, и къ смазливому личику льнутъ, какъ осы къ меду.

Въ это время, въ комнату вошла прислужница, и разговоръ прекратился.

XIV.

Когда всѣ приготовленія къ отъѣзду были кончены, молодой повелитель Абхазіи, во главѣ русскихъ и мингрельскихъ войскъ, выступилъ къ Сухуму. На этотъ разъ его сопровождала мать со штатомъ придворныхъ служительницъ и нукеровъ. Эсма-ханумъ, совсѣмъ оправившаяся отъ раны, вмѣстѣ съ прочими, также слѣдовала въ обозѣ. Арбы, на которыхъ размѣщены были женщины и имущество дома Шервашидзе, были окружены особой охраной и слѣдовали въ центрѣ войскъ. Хотя разстояніе до Сухума было очень незначительно, однако и на этомъ разстояніи могли быть устроены засады, и потому войска двигались съ крайней осторожностью. И въ авангардѣ, и на правомъ флангѣ, со стороны горъ, и въ арьергардѣ размѣщены были непрерывной цѣпью егеря и казаки.

Войска, отдохнувшія въ Кодорѣ, шли бодро и весело, предвидя

Digitized by Google

скорое окончаніе похода. Князь Горчаковъ и Димитрій Шервашидзе ѣхали постоянно рядомъ, разговаривая и вспоминая общихъ петербургскихъ знакомыхъ. Горчаковъ, между прочимъ, вспомнилъ Гагариныхъ.

— Вы бывали у нихъ?—спросилъ онъ князя Димитрія.

Тотъ сильно покраснѣлъ, но скоро овладѣлъ собой.

— Да, я у нихъ былъ хорошо принятъ,—отвѣчалъ онъ:—очень милое семейство.

— У нихъ растетъ красавица дочка,—сказалъ Горчаковъ.—Забылъ, какъ зовутъ. Вѣроятно, теперь уже большая.

— Вы говорите, должно быть, о княжнѣ Варварѣ Павловнѣ,—отвѣчалъ молодой владѣтель Абхазіи несовсѣмъ твердымъ голосомъ:—Ей уже пятнадцатый годъ, и она смотритъ совсѣмъ взрослой.

— Очень хороша? да?

— Да, хорошенькая,—неохотно отвѣчалъ князь Димитрій.

— Я ее ужасно любилъ дразнить,—продолжалъ Горчаковъ.—Я увѣрялъ ее, что она, когда выростетъ, должна будетъ выйти замужъ или за меня, или за молодаго Голицына.

Имя Голицына такъ и передернуло молодаго абхазца. — Почему за Голицына?—спросилъ онъ.

— А вотъ почему:—ее учили вышивать свой вензель на носовомъ платкѣ. Я подсѣлъ къ ней и спрашиваю: ты что это, маленькій варваръ, вышиваешь?—Свой вензель—говоритъ—букву Г.—Ну—говорю—быть тебѣ замужемъ за мной или за Голицынымъ.—Почему?—спрашиваетъ.—А потому—говорю—у какой дѣвицы какая буква въ вензелѣ, за такую букву она и выдетъ — значитъ за Г., т. е. за меня или за Голицына.—Нѣтъ—говоритъ—за тебя не хочу: ты старый.—А за Голицына?— спрашиваю.—За Голицына пойду—у него попугай хорошо говоритъ...—Прелестная дѣвочка!

Этотъ пустой разговоръ, однако, ножемъ рѣзалъ сердце влюбленнаго абхазца. Голицынъ всегда стоялъ у него на дорогѣ. Хотя, покидая Петербургъ, князь Димитрій былъ увѣренъ, что Варя любитъ его:—онъ видѣлъ, какъ плакала она, прощаясь съ нимъ; она обѣщала, что, просыпаясь утромъ и ложась въ постель на ночь, она каждый день будетъ креститъ его по направленію къ Абхазіи; мало того онъ указалъ ей на картѣ и Сухумъ-Кале, и устье рѣки Кодора, и приблизительно то мѣсто, гдѣ находился аулъ Соукоу, чтобъ въ эти мѣста она посылала ему свое благословеніе и «вздохи своего сердца», какъ она выразилась;—однако, въ его отсутствіе, все могло случиться, и тотъ шаркунъ Голицынъ могъ вытѣснить его изъ сердца любимой дѣвушки. Она станетъ скучать... Они съ Голицынымъ будутъ вмѣстѣ кататься, вмѣстѣ отыскивать незабудки,

Digitized by Google

ландыши, вмѣстѣ сидѣть на той ихъ скамейкѣ, на берегу тихой Славянки... А теперь, въ ноябрѣ, они на балахъ танцуютъ вмѣстѣ, онъ обхватываетъ ее нѣжный станъ, прижимаетъ къ себѣ... А мнимый женихъ сидитъ въ этихъ проклятыхъ горахъ!..

А, между тѣмъ, съ праваго фланга несется залихватская пѣсня кубанцевъ. Особенно выдѣляются нелѣпыя, но для кубанцевъ полныя поэзіи и отваги, слова въ голосѣ Буркина:

Какъ стояли въ Усть-Лабункѣ,
Пили водку, ѣли булки:—
Ой, ну те, молодцы!
Вы, храбрые кубанцы!
Пили водку, ѣли булки:—
Ѣдетъ Коцарь [1]) въ черной буркѣ...
Ой, ну те, молодцы!
Вы, храбрые кубанцы!

Это пѣніе раздражало Шервашидзе, ревность котораго разбередило напоминаніе Горчакова о Голицынѣ. Ему было не до пѣнія. Мысли его вмѣстѣ съ сердцемъ были далеко: теперь *она*, вѣроятно, еще нѣжится въ постели послѣ вчерашняго бала, вспоминаетъ, какъ ненавистный шаркунъ держалъ ее въ своихъ объятіяхъ, нашептывалъ ей пошлыя слова любви, жалъ ея маленькія ручки своими медвѣжьими лапами, дерзко смотрѣлъ въ ея невинные глазки своими слащавыми глазами. Невинные глазки... Невинные ли?.. «У него попугай хорошо говоритъ»... Самъ онъ попугай! И зачѣмъ онъ уѣхалъ изъ Петербурга? зачѣмъ не остался тамъ навсегда? Польстился на титулъ владѣтельнаго князя Абхазіи, этой разбойничьей страны. Пусть бы лучше русскіе управляли этимъ гнѣздомъ разбойниковъ, какъ они управляютъ Имеретіей. Вѣдь и безъ царя Соломона Имеретія не пропала; не пропала бы и Абхазія, еслибъ онъ оставался въ Петербургѣ. Владѣтель Абхазіи... Хорошъ владѣтель безъ владѣній, безъ подданныхъ! Не будь здѣсь русскихъ, его, владѣтеля, вышвырнули бы за дверь... Впрочемъ, какъ знать? Не объяви онъ тогда, на скамейкѣ на берегу Славянки, что его назначаютъ владѣтелемъ Абхазіи, *она*, быть можетъ, и не стала бы цѣловать его. Эти женщины всѣ такія:—одну прельщаютъ букетами, другую—лестью ея красотѣ, третью—почестями... *Она*, дѣвчонка,—владѣтельница Абхазіи, царица независимаго народа, повелительница страны; *она*—богиня «Прометеева потомства»! Ну, и соблазнилась, и показала видъ, что любитъ. А онъ и повѣрилъ. А *она* теперь танцуетъ съ этимъ арлекиномъ, сидитъ съ нимъ въ одной ложѣ...

---

1) Коцарь—извѣстный тогда полковникъ Коцаревъ, гроза закубанскихъ черкесовъ.

Digitized by Google

Пили водку, ѣли булки...
Ѣдетъ Коцарь въ черной буркѣ...

«Фу, идіоты! идіотская пѣсня»!—чуть не крикнулъ онъ, слыша эти нелѣпыя слова; но удержался.

Между тѣмъ, его братецъ блаженствовалъ. Рисуясь и собой, и своимъ карабагскимъ скакуномъ, юный Шервашидзе почти постоянно торчалъ около той арбы, въ которой сидѣла Эсма-ханумъ со служанкой. Вдругъ сзади раздался выстрѣлъ, другой, третій,—и началась усиленная перестрѣлка. Это Арсланъ-бей, не смѣя напасть на передніе колонны, сталъ насѣдать на арьергардъ. Но Абхазовъ предвидѣлъ это, и задняя колонна встрѣтила насѣдающаго непріятеля очень мѣткимъ огнемъ.

— Трусы!—ворчалъ старый Сукачъ, заряжая ружье:—трусливая собака завсегда норовитъ за лытки укусить, сзади.

Младшій Шервашидзе стрѣлой полетѣлъ назадъ, къ мѣсту перепалки. Теперь онъ еще болѣе жаждалъ помѣриться съ «дяденькой». Если онъ покончитъ съ нимъ, то «тетенькѣ» некуда будетъ дѣваться—она останется въ Сухумѣ или въ Соуксу... Юноша уже мечталъ... о чемъ?—онъ самъ себѣ не могъ дать отчета... Только бы исчезъ со свѣта тотъ ненавистный Арсланъ-бей. Но послѣдній былъ очень остороженъ:—послѣ энергичнаго отпора, онъ скоро оставилъ въ покоѣ арьергардъ.

— Нѣсолоно хлебали,—презрительно проворчалъ Сукачевъ.—Овецъ да арбузы съ баштановъ воровать у кубанцевъ—это ихнее дѣло... А тутъ—выкуси.

— У меня только киверъ аспиды испортили,—въ свою очередь ворчалъ Кудряшевъ, разсматривая снятый съ головы киверъ:—въ двухъ мѣстахъ прострѣлили.

— Ну, значитъ, ты съ этой минуты сталъ павловцемъ,—улыбнулся старикъ,—не бѣлевецъ, а павловецъ.

— Это съ какого же резонту?—спросилъ Кудряшевъ.

— А съ такого:—у всѣхъ павловцевъ киверъ долженъ быть съ дырой—прострѣленъ.

Выстрѣлы послышались на правомъ флангѣ.

— Ахъ, шуты долгополые!—снова ворчалъ Сукачевъ:—тутъ съ хвоста попробовали—не выгорѣло; теперь намъ на рожонъ нарвутся:—тамъ имъ Пластунъ со своими задастъ.

— Ишь загикали! думаютъ гикомъ своимъ испужать — тоже умные!—отозвался Кудряшевъ.

— И мы-де не лѣвой ногой сморкаемся,—презрительно процѣдилъ суворовецъ:—турки еще не такъ алалакаютъ, а все супротивъ матушки уры и они не выстаивали.

Digitized by Google

— Да вонъ, кажись, и замолчали.

— И тамъ кривая не вывезла: захотѣла баушка на палати, да не въ силахъ влѣзати.

Дѣйствительно, и на правомъ флангѣ перестрѣлка смолкла. Слышались только отдаленные выстрѣлы—прощальные привѣтствія убѣгавшему врагу. Но врагъ не думалъ смиряться. Въ тылу у него было надежное прикрытіе—стѣны сухумской крѣпости. Это предвидѣлъ Горчаковъ, и ожидалъ рѣшительнаго боя въ виду Сухума, или отчаяннаго сопротивленія въ самой крѣпости. Послѣднее опасеніе оказалось, однако, не основательнымъ. Случилось вотъ что.

Вслѣдъ за послѣдней фланговой перестрѣлкой, къ князю Абхазову казаки привели какого-то подозрительнаго абхазца, который говорилъ, что непремѣнно долженъ видѣть старшаго сына покойнаго Сеферъ-Али-бея, то есть — князя Димитрія. Абхазецъ былъ кривъ на одинъ глазъ.

— Ты кто?—спросилъ его Абхазовъ,—и что тебѣ нужно?

— Я Теймуразъ,—отвѣчалъ абхазецъ:—я хочу заплатить сыну Сеферъ-Али-бея добромъ за добро.

— Что же ты собственно желаешь сдѣлать?

— Я ужь сдѣлалъ,—былъ отвѣтъ.—Я находился въ Сухумъ-Кале при пороховомъ погребѣ. Когда пришла вѣсть, что въ Абхазію прибылъ изъ Россіи старшій сынъ Сеферъ-Али-бея и что онъ съ русскимъ войскомъ идетъ брать Сухумъ, собака Арсланъ-бей явился въ крѣпость и, осмотрѣвъ крѣпостныя орудія, сталъ осматривать также и боевые запасы. «Снарядовъ и пороху—говоритъ—у насъ достаточно. Съ этими запасами я—говоритъ—могу долго продержаться, пока не прибудетъ изъ Поти турецкая эскадра съ десантомъ. А тогда—говоритъ—мы этого мальчишку, что̀ сталъ нукеромъ русскихъ шакаловъ, и самихъ шакаловъ переберемъ, какъ мухъ». И вотъ когда послѣ этого онъ уѣхалъ изъ города, я ночью отперъ пороховой погребъ и во всѣ бочонки съ порохомъ налилъ воды. Теперь его порохъ сталъ негоднымъ, и ему стрѣлять будетъ нечѣмъ. Вотъ мое добро сыну Сеферъ-Али-бея за его добро мнѣ, а собакѣ Арсланъ-бею мое зло за зло.

Абхазовъ, опасаясь, не лазутчикъ ли это, или вообще агентъ Арсланъ-бея, сталъ его разспрашивать.

— Какое же зло сдѣлалъ тебѣ Арсланъ-бей и какое добро сынъ Сеферъ-Али-бея?—спросилъ онъ.

— Вотъ зло собаки Арсланъ-бея, — указалъ абхазецъ на свой кривой глазъ:—это онъ потушилъ свѣтъ моего глаза.

— Какимъ образомъ и за что?

— Вотъ за что: одиннадцать лѣтъ тому назадъ, когда русскіе ко-

Digitized by Google

рабли бомбардировали Сухумъ-Кале, я, тогда еще юноша, по приказанію отца, тайно вышелъ изъ Сухума и пробрался къ Сеферъ-Али-бею, который находился съ русскимъ отрядомъ князя Орбеліани далеко отъ Сухумъ-Кале и не зналъ, что русскіе его бомбардируютъ. Объ этомъ донесли собакѣ Арсланъ-бею, и онъ велѣлъ подвергнуть меня величайшему позору, а потомъ хотѣлъ казнить. Но Аллахъ спасъ меня. Собака Арсланъ приказалъ раздѣть меня до-нага, привязать навзничъ къ бревну и облить кислымъ молокомъ, чтобъ меня лизали собаки... О, господинъ, какая это была казнь!.. Я почти умиралъ отъ мученій, а сухумскія собаки лизали меня, пока Аллахъ не покрылъ меня своей тѣнью—онъ навелъ на меня тѣнь отъ минарета... Арсланъ-собака бѣжалъ, русскіе взяли съ бою Сухимъ, и меня спасли — отвязали отъ бревна и прогнали собакъ. А тогда пришелъ Сеферъ-Али-бей съ войскомъ и велѣлъ лѣчить меня... Послѣ казни на бревнѣ, съ молокомъ и собаками, я съ ума сходилъ отъ болѣзни головы и глазъ... И вотъ одинъ глазъ Сеферъ-Али-бей спасъ мнѣ, а другой глазъ мой выпилъ собака Арсланъ... Вотъ, господинъ, арслановo зло и сеферово добро... Я — вѣрный слуга его сына. — Теймуразъ замолчалъ, злобно сверкая однимъ своимъ глазомъ.

— А знаетъ Арсланъ-бей, что у него порохъ подмоченъ?—спросилъ Абхазовъ.

— Вчера только узналъ и со злости зарубилъ смотрителя пороховаго погреба, а я бѣжалъ.

Теперь Абхазовъ еще болѣе убѣдился, что надо ждать самаго отчаяннаго сопротивленія со стороны Арсланъ-бея,—такъ какъ до Сухума оставалось всего нѣсколько верстъ,—и доложилъ обо всемъ Горчакову и старшему Шервашидзе. Но опасенія ихъ и тутъ не оправдались. До черкесовъ, союзниковъ Арсланъ-бея, и до сторонниковъ его, абхазскихъ князей, скоро дошла вѣсть изъ Сухума о продѣлкѣ съ порохомъ и о невозможности, вслѣдствіе этого, отстоять крѣпость. Это такъ на нихъ подѣйствовало, что почти всѣ они покинули Арсланъ-бея, который и принужденъ былъ съ одной только свитою удалиться въ горы, чтобы тамъ выждать извѣстій изъ Сухума: онъ надѣялся, что его вѣрный клевретъ и шпіонъ, Урусъ Лаквари, найдетъ способъ спасти изъ плѣна его красавицу Эсмаханумъ.

XV.

Русскіе заняли на этотъ разъ Сухумъ безъ всякаго сопротивленія. По приближеніи ихъ къ городу, крѣпостныя ворота оказались отворенными настежъ, и изъ нихъ вышла странная процессія, которая при-

Digitized by Google

вела въ крайнее изумленіе молодаго владѣтеля Абхазіи. Навстрѣчу ему двигалась группа стариковъ, числомъ двадцать, съ низко опущенными головами. На шеѣ у каждаго старика висѣла сабля.

— Что это такое, князь?—спросилъ князь Димитрій Горчакова.

— Догадываюсь, ваша свѣтлость,—отвѣчалъ тотъ,—но я самъ въ первый разъ вижу подобную процессію.

— Ваша свѣтлость забыли обычаи вашей родины,—почтительно замѣтилъ князь Абхазовъ:—это почетнѣйшіе старѣйшины Сухума и сосѣднихъ ауловъ несутъ вамъ повинную. Сабля на шеѣ—это величайшій позоръ, величайшее униженіе и глубочайшая покорность въ глазахъ горца. Этимъ они заявляютъ вашей свѣтлости, что заслужили смертную казнь: этими саблями вы можете ихъ казнить; но въ вашей власти и помиловать ихъ.

Солдатики, особенно молодые, увидавъ это, стали тихонько пересмѣиваться между собой.

— Розги на себя несутъ: парь, дескать, насъ, старыхъ чертей,—замѣтилъ одинъ изъ нихъ.

— У мово помѣщика вотъ эдакъ-то собака сама на себя хлыстъ носила въ зубахъ,—замѣтилъ другой.

— Понесешь, коли тово... пришлось ѵзломъ...

— Нѣчево зубы-то скалить, умники! — проворчалъ старый Сукачъ:—аль не видите?

— Видимъ, дядя, оченно даже хорошо.

— То-то... Почтенные старички повинную несутъ, а вы зубы скалите зря... Не легко имъ—на васъ доведись...

Съ приближеніемъ стариковъ, всѣ пріостановились. Горчаковъ и и князь Димитрій выдвинулись впередъ.

— Здравствуйте, старики,—сказалъ Горчаковъ.

Старѣйшины молчали, только еще ниже склонили головы.

— Признаёте себя виновными предъ его императорскимъ величествомъ, всероссійскимъ императоромъ, и предъ поставленнымъ имъ надъ всею Абхазіею господиномъ, его свѣтлостью, княземъ и полковникомъ Димитріемъ Георгіевичемъ Шервашидзе?—спросилъ Горчаковъ.

Старѣйшины еще ниже склонили головы, такъ что висѣвшія у нихъ на шеѣ сабли касались земли.

— Слушайте же, почтенные старѣйшины! — возвысилъ голосъ Горчаковъ:—его свѣтлость, князь Димитрій Георгіевичъ, и я, князь Горчаковъ, данною намъ отъ государя императора властью объявляемъ вамъ помилованіе и прощеніе всего содѣяннаго вами въ ослѣпленіи невѣдѣнія. Поднимите же головы и приведите ваши сабли въ порядокъ: мы возвращаемъ ихъ вамъ съ прежнею честью.

Digitized by Google

Старѣйшины выпрямились и, освободивъ свои шеи отъ сабель, привѣсили ихъ къ боку, черезъ плечо.

— Слушайте же, почтенные старѣйшины! — продолжалъ Горчаковъ: — отправляйтесь теперь въ ваши аулы, оповѣстите всѣхъ о священной волѣ государя императора и разошлите гонцовъ по всей Абхазіи съ слѣдующимъ нашимъ приказаніемъ: пусть всѣ абхазскіе князья, почетное дворянство и духовенство, а равно всѣ джигиты и всѣ способные носить оружіе, а равно управлять лошадью,—пусть всѣ со взрослыми и малолѣтними сыновьями своими являются въ Соуксу непремѣнно къ 30-му ноября. Тамъ будетъ прочитано высочайшее повелѣніе о дарованіи Абхазіи законнаго владѣтеля и всѣ приведены будутъ къ присягѣ на вѣрность государю императору и законному владѣтелю страны. Слышали и поняли?

— Слышали и поняли,—отвѣчалъ старѣйшій изъ нихъ.

Въ то время, когда все это происходило, изъ ближайшаго лѣсу, изъ сосѣднихъ садовъ и кустарниковъ стали робко выходить женщины и дѣти. Они боязливо посматривали на войска, но любопытство превозмогало боязнь, и толпа стала понемногу приближаться.

— Ишь—словно волчата изъ лѣсу повыползли,—замѣтилъ кто-то изъ солдатиковъ.

— Они тамъ были спрятамшись,—пояснилъ другой.

Но когда прятавшіеся увидѣли, что старѣйшины ихъ сняли съ шеи сабли и привѣсили къ бедрамъ, они поняли, что ихъ простили—не будутъ головы рубить,—и потому надвинулись совсѣмъ близко, видимо сгорая любопытствомъ. Лица у всѣхъ оживились, просвѣтлѣли—урусы никого не трогаютъ. Вдругъ отъ толпы отдѣлилась одна маленькая дѣвочка, лѣтъ семи-восьми, и стремительно бросилась къ старѣйшинамъ. За нею погналась молодая абхазка, должно быть, мать, но дѣвочка моментально очутилась около старѣйшинъ и радостно прильнула къ одному изъ нихъ. Старикъ нагнулся къ ней, чтобъ отстранить, но дѣвочка обвилась ручонками вокругъ его шеи и быстро лепетала что-то. Сцена эта разсмѣшила всѣхъ. Старикъ невольно принужденъ былъ взять маленькую плутовку на руки.

— Идиллія!—улыбнулся Горчаковъ.—Это твоя внучка?—спросилъ онъ.

— Правнучка, господинъ, — отвѣчалъ старикъ, гладя курчавую головку малютки. — Она такъ меня любитъ... она такъ боялась за меня... Да и она, господинъ, эта крошка, дороже для меня всего на свѣтѣ.

При этихъ словахъ, глаза Горчакова неожиданно блеснули новой мыслью.

— О, да!—сказалъ онъ громко. такъ чтобъ всѣ слышали, осо-

Digitized by Google

бенно женщины:—для кого не дороги дѣти, эти невинныя существа! Такъ вотъ, ради ихъ счастья, ради всего, что вамъ дорого, устройте такъ, чтобъ не страдали ваши дѣти. Дайте миръ Абхазіи. Сплотитесь подъ скипетромъ могущественнѣйшаго въ мірѣ монарха и поддержите вашимъ вліяніемъ того, кто поставленъ надъ вами высочайшею волею. Тогда ваши дѣти—эти невинныя существа, эти розы Абхазіи—не будутъ до времени вянуть въ гаремахъ турецкихъ пашей. А посмотрите—кѣмъ наполнены многочисленные гаремы Стамбула, Трапезонда, Эрзерума, Ахалцыха, Адріанополя и всѣхъ большихъ городовъ Турціи, въ которыхъ безчинствуютъ сластолюбцы-паши? Кѣмъ? Вашими дѣтьми, вашими невинными дѣвочками, которыхъ ваши же и другіе горскіе хищники продаютъ, какъ овечекъ, на всѣхъ турецкихъ базарахъ. Вотъ гдѣ вянутъ и преждевременно засыхаютъ дивныя розы Абхазіи. Завянетъ въ гаремѣ и эта милая крошка, которую ты теперь ласкаешь...

— О, нѣтъ, нѣтъ, господинъ!—со страстной энергіей воскликнулъ старикъ:—этому не бывать, не бывать!

— Не бывать, не бывать! — закричали и прочіе старѣйшины, размахивая въ воздухѣ обнаженными саблями.

Довольный произведеннымъ имъ эффектомъ, Горчаковъ постарался еще болѣе усилить впечатлѣніе своей рѣчи.

— Ваши дѣвочки изнываютъ въ турецкихъ гаремахъ,—продолжалъ онъ:—тамъ, невидимо для свѣта, тускнетъ ихъ краса, краса Абхазіи, краса всего востока. А ваши мальчики—будущая гордость и слава родины — гдѣ они? что изъ нихъ дѣлаютъ паши и самъ султанъ? Они калѣчатъ ихъ, превращаютъ въ евнуховъ, для того чтобы эти погибшіе сыны Абхазіи стерегли ихъ гаремы, какъ ваши овчарки стерегутъ стада барановъ. Не позоръ ли это?

Возбужденіе старѣйшинъ достигло крайнихъ предѣловъ. Горчаковъ воспользовался этимъ, какъ опытный ораторъ.

— Идите же и разнесите мои слова по всѣмъ ауламъ, по всѣмъ саклямъ, по всѣмъ горамъ Абхазіи, — сказалъ онъ въ заключеніе. — Знайте, что только подъ покровительствомъ Россіи, и при вашемъ повиновеніи законному владѣтелю, ваши дѣти — краса и надежда Абхазіи — не будутъ позорить своихъ отцовъ и дѣдовъ по гаремамъ Турціи. Да не забудьте день 30-го ноября! До свиданія!

Старѣйшины удалились, горячо жестикулируя и обмѣниваясь страстными возгласами.

— Разогрѣлъ таки ихъ князюшка,—одобрительно замѣтилъ старый Сукачевъ:—азіаты, одно слово—кипятокъ.

— Ужь больно онъ ихъ дѣвочками да мальчиками доѣхалъ, —

Digitized by Google

пояснилъ Кудряшевъ:—долго теперь этотъ кипятокъ не остынетъ... Еле папахи на головахъ держатся.

Въ это время, по дорогѣ отъ Соуксу показалась небольшая группа всадниковъ, видимо торопившихся. Но что всего болѣе удивило солдатиковъ, такъ это то, что во главѣ группы ѣхала верхомъ женщина, уже не молодая.

— Вотъ-те и тетка! — шумѣли солдатики: — новая командерша проявилась.

— И точно: либо это вѣдьма. либо баба-яга.

— Какая такая баба-яга! Баба-яга въ ступѣ ѣздитъ, пестомъ погоняетъ, а эта, вишь, верхомъ не на помелѣ, а на лошади, и не голикомъ погоняетъ, а нагайкой.

Князь Абхазовъ, находившійся недалеко отъ старшаго Шервашидзе, тоже замѣтилъ группу приближавшихся всадниковъ и лукаво улыбнулся.

— Ну, ваша свѣтлость,—обратился онъ къ князю Димитрію:— готовьтесь къ бурной родственной сценѣ.

— А что? какая сцена?—удивился тотъ.

— Вонъ летитъ ваша кормилица—я узнаю ее; а она женщина страстная—зацѣлуетъ васъ.

— Ахъ, Боже мой!—засмѣялся князь Димитрій:—вотъ несчастье! Насъ, абхазцевъ, считаютъ потомками Прометея... Неужели и у него была такая страстная кормилица, какъ эта? Я бы лучше желалъ быть Юпитеромъ, у котораго кормилицей была коза Амальтея... Надѣюсь, что онъ не цѣловался съ козой.

Группа всадниковъ приблизилась, и та, которую называли кормилицей князя Димитрія, быстро соскочила съ лошади.

— Гдѣ онъ? гдѣ свѣтъ очей моихъ?—говорила она торопливо.

Но вдругъ она остановилась въ испугѣ, потому что очутилась передъ цѣлою группой людей въ блестящихъ мундирахъ. Младшій Шервашидзе невольно размѣялся.

— Ахъ ты, слѣпая сова! не узнаешь своего вскормленника... Вотъ онъ, — сказалъ шалунъ, указывая на князя Абхазова. — Видишь, какъ выросъ.

Теперь всѣ разсмѣялись. Князь Димитрій подошелъ къ ней.

— Здравствуй, мамка,—сказалъ онъ, улыбаясь.

— О, свѣтъ очей моихъ! мое золото!—заговорила баба, припадая къ рукѣ своего вскормленника.

Но, въ силу существующаго въ Абхазіи особеннаго уваженія къ кормилицамъ, молодой владѣтель ея обнялъ свою бывшую мамку и поцѣловалъ.

— Видишь, какъ я выросъ,—сказалъ онъ.—Я радъ видѣть тебя

Digitized by Google

здоровою. А теперь поди туда, къ матушкѣ. Мы съ тобой послѣ поговоримъ.

Встрѣча съ кормилицей навела его на тревожныя мысли. Новость положенія, въ которомъ онъ такъ внезапно очутился, тревоги и волненія, испытанныя имъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, первые уроки столкновенія съ реальными опасностями,—все это не давало ему ни времени, ни возможности сосредоточиться въ себѣ, обсудить это новое свое положеніе. Привыкнувъ къ петербургской жизни, къ ея культурнымъ формамъ, къ ея изящной внѣшности,—онъ теперь очутился вдругъ совсѣмъ въ иномъ мірѣ. Все здѣсь показалось ему такимъ мизернымъ, въ такомъ узкомъ маштабѣ. Глазъ его съ удивленіемъ видѣлъ маленькіе аулы, ютящіяся у скалъ жалкія сакли въ видѣ ласточкиныхъ гнѣздъ. А люди?—эти князья—такіе же дикари, какъ и простые абхазцы; все отличіе ихъ отъ толпы—болѣе изысканное одѣяніе да лучшее оружіе. А языкъ, нравы, обхожденіе—на всемъ этомъ лежитъ колоритъ дикости.

И онъ вдругъ представилъ свою Варю въ этой обстановкѣ. Привыкшая къ свѣту, къ блеску, къ роскоши—что она найдетъ здѣсь? Издали все это казалось такимъ заманчивымъ, поэтическимъ... Но вотъ теперь оно передъ глазами... Что такое его резиденція — резиденція владѣтелей Абхазіи—Соуксу? Небольшой аулъ съ укрѣпленіемъ и дворцомъ? Но что такое этотъ «дворецъ»? Развѣ Варя такіе дворцы видала? «Гдѣ наша столица?—спроситъ она. — Гдѣ нашъ дворецъ? гдѣ мои фрейлины»? Фрейлины!.. А его кормилица... Что касается его самого,. то для него — все это еще ничего, хоть онъ и привыкъ къ свѣту, къ лучшему петербургскому обществу, къ избранному кружку гвардейскихъ офицеровъ. Но онъ смотрѣлъ теперь на все глазами княжны Гагариной, которая скоро будетъ фрейлиной и родители которой приняты ко двору... Изъ этихъ печальныхъ размышленій его вывели слова князя Горчакова, который отдавалъ приказаніе о вступленіи одной роты мингрельскаго полка въ Сухумъ, въ качествѣ крѣпостнаго гарнизона.

Вмѣстѣ съ ротой и они всѣ—князь Горчаковъ, онъ самъ, князь Димитрій, съ матерью и братомъ, а также арбы, въ которыхъ пріѣхали Эсма-ханумъ и женская прислуга княгини Тамары,—въѣхали въ Сухумъ.

— Говори, малый: слава богу! — сказалъ при этомъ Сукачъ своему пріятелю.

— Слава богу, дядя. А почему?

— Потому, братъ, что мы съ тобой не попали въ гарнизонныя крысы.

— И то правда.

Digitized by Google

XVI.

30-го ноября 1821 года, резиденція владѣтельныхъ князей Абхазіи, аулъ Соуксу представлялъ невиданное зрѣлище. Вездѣ, гдѣ только представлялась возможность, торчали и развѣвались въ воздухѣ красные, желтые, синіе и всякіе пестрые лоскуты—все яркое и кричащее. Это были флаги, которые велѣла вывѣсить вездѣ княгиня Тамара, узнавшая отъ своего петербургскаго сына, что такъ всегда дѣлается въ столицахъ при особенно торжественныхъ случаяхъ. Но что всего болѣе поражало, — это небывалое въ Соуксу стеченіе народа. Видно было, что старѣйшины, видѣвшіе сабли на своихъ почтенныхъ шеяхъ, разнесли слова князя Горчакова по всей Абхазіи.

Не только всѣ плоскія кровли саклей и духановъ были заняты зрителями,—такъ что негдѣ было горчичному зерну упасть,—не только усѣяны были абхазцами бойницы и крыша находящагося въ Соуксу стараго монастыря, но и всѣ сосѣднія деревья усажены были юными потомками Прометея, словно грачевыми гнѣздами. На площади, передъ скромнымъ дворцомъ князей Шервашидзе, собраны были почетнѣйшіе муллы Абхазіи, знатнѣйшіе князья и дворяне. За ними толпились ихъ жоны съ дѣтьми, предназначенными въ аманаты, о чемъ и не подозрѣвали ихъ матери, а иначе онѣ запрятали бы своихъ быстроглазыхъ волчатъ въ такія волчьи ямы и трущобы, гдѣ бы не отыскали ихъ всѣ русскіе «шакалы», согнанные со всего Кавказа. Посрединѣ площади устроено было возвышеніе, покрытое персидскимъ ковромъ, а на этомъ возвышеніи—аналой, на которомъ положены были: распятіе, евангеліе и коранъ. Представители абхазскаго народа занимали полукругомъ одну сторону площади, а противъ нихъ размѣщены были роты бѣлевскаго, мингрельскаго и егерскаго полковъ, часть которыхъ шла шпалерами до воротъ крѣпости, почти примыкавшихъ ко дворцу. Мингрельская же милиція растянута была у берега рѣки, фронтомъ къ площади. Князь Абхазовъ и князь Дадіанъ со своими офицерами находились впереди фронта своихъ войскъ. На возвышеніи же, по бокамъ аналоя, стояли:—съ одной стороны священникъ въ полномъ облаченіи, съ другой—главный мулла Абхазіи. Надо всей площадью и далѣе, вплоть до монастыря, стоялъ смѣшанный гулъ нѣсколькихъ тысячъ голосовъ. Вдругъ раздался барабанный бой. Все моментально стихло.

— На краулъ!—послышался рѣзкій голосъ команды.

Изъ воротъ показалось красивое, расшитое золотомъ и съ зо-

Digitized by Google

лотыми кистями, знамя, подъ которымъ торжественно выступали: новый владѣтель Абхазіи, князь Димитрій Шервашидзе, князь Горчаковъ, княгиня Тамара и князь Михаилъ Шервашидзе. Пройдя между шпалерами войскъ, они всѣ подошли къ возвышенію.

Князь Горчаковъ, держа въ рукѣ высочайшую грамоту, взошелъ на возвышеніе. За нимъ внесли туда же и знамя. Ставъ подъ знаменемъ, Горчаковъ громогласно прочиталъ о всемилостивѣйшемъ утвержденіи полковника князя Димитрія Шервашидзе въ правахъ владѣтеля Абхазіи. При чтеніи грамоты, княгиня Тамара торопливо вытирала, катившіяся по ея щекамъ, радостныя слезы. По окончаніи чтенія, новый владѣтель Абхазіи взошелъ на возвышеніе, и, получивъ изъ рукъ Горчакова высочайшую грамоту, почтительно ее поцѣловалъ.

— Теперь, батюшка,—обратился Горчаковъ къ священнику,— приведите къ присягѣ его свѣтлость и всѣхъ князей, дворянъ и прочихъ абхазцевъ, исповѣдующихъ христіанскую религію.

Священникъ выступилъ впередъ, къ краю возвышенія.

— Почтенные князья, дворяне и всѣ прочіе, исповѣдующіе Распятаго за ны,—возгласилъ дребезжащимъ голоскомъ батюшка:— поднимите къ верху ваши правыя руки съ крестнымъ сложеніемъ перстовъ и громко повторяйте за мною священныя слова присяги.

Поднялись въ толпѣ правыя руки; но ихъ было немного:—всѣ остальные были мусульмане. Священникъ началъ читать текстъ присяги. За нимъ зажужжали десятки голосовъ съ гортанными звуками, словно бы на площадь слетѣлись крупные шершни изъ множества гнѣздъ. Чтеніе присяги кончилось, и князь Димитрій первый приложился къ кресту и евангелію. Послѣ него цѣловалъ крестъ и евангеліе князь Михаилъ, а потомъ всходили на возвышеніе, одинъ за другимъ, и всѣ прочіе присягнувшіе. Послѣ этого Горчаковъ пригласилъ главнаго муллу привести къ присягѣ на коранѣ и всѣхъ мусульманъ.

Между тѣмъ, пока все это происходило и вниманіе абхазцевъ, ихъ женъ и дѣтей было все поглощено церемоніей присяги, казаки, по приказанію князя Абхазова, незамѣтно оцѣпили толпу сплошнымъ кольцомъ, и, по указанію того же Абхазова, намѣтили себѣ по маленькой жертвѣ:—это были дѣти знатнѣйшихъ князей и дворянъ. Ихъ предназначено было взять аманатами въ залогъ вѣрности присягѣ ихъ отцовъ и дѣдовъ. Это была ловушка, неизбѣжная съ такимъ дикимъ и необузданнымъ народомъ, какъ абхазцы, ибо, знай они это прежде, они хотя и явились бы въ Соуксу для присяги, но ужь ни въ какомъ случаѣ не привели бы съ собою

Digitized by Google

женъ и дѣтей. А теперь всѣ они попались въ ловушку. Также незамѣтно, по распоряженію князя Дадіана, окружила ихъ и другая, болѣе густая цѣпь изъ мингрельской милиціи. Всѣ пути къ отступленію или бѣгству были, такимъ образомъ, отрѣзаны.

Когда кончилась церемонія присяги, князь Горчаковъ торжественно передалъ князю Димитрію знамя, какъ знакъ его власти. Затѣмъ тутъ же на возвышеніи, у аналоя, отслуженъ былъ благодарственный молебенъ съ возглашеніемъ долгоденствія и мирнаго житія и на враговъ побѣды и одолѣнія императору Александру Павловичу. Громъ пушечныхъ выстрѣловъ покрылъ это возглашеніе. Поздравивъ затѣмъ представителей Абхазіи съ новымъ повелителемъ страны, князь Горчаковъ объявилъ, что для укрѣпленія вѣрности данной присягѣ представители абхазскаго народа, его знаменитые вожди, должны выдать аманатовъ. При этихъ словахъ, глухой ропотъ пробѣжалъ по собранію. Все заволновалось и задвигалось. Горчаковъ старался успокоить встревоженную массу. Говорилъ, что онъ беретъ аманатовъ не въ Россію и не надолго:—черезъ каждые два мѣсяца аманаты будутъ возвращаться домой, къ родителямъ, а на ихъ мѣсто будутъ браться новые, и что содержать ихъ будутъ недалеко отъ Абхазіи, въ городѣ Гори, гдѣ матери и отцы могутъ навѣщать ихъ во всякое время, чтобъ убѣдиться, что малютокъ ихъ хорошо держатъ, хорошо кормятъ и вообще берегутъ и лелѣютъ. Но ничто не помогало. Со всѣхъ сторонъ послышались женскіе голоса: «не дадимъ дѣтей! не дадимъ»! Пришлось прибѣгнуть къ силѣ. По знаку Абхазова, нѣкоторые изъ казаковъ, спѣшившись и передавъ своихъ лошадей товарищамъ, приблизились къ намѣченнымъ жертвамъ. Къ женскимъ возгласамъ присоединились дѣтскіе вопли. Все кричало и плакало. Матери обхватывали дѣтей и голосили надъ ними, а дѣти въ свою очередь вопили не своими голосами.

Тогда въ толпу голосившихъ женщинъ протискалась княгиня Тамара.

— Не плачьте, не бойтесь,—говорила она со слезами на глазахъ:—вѣрьте Богу, вѣрьте Аллаху, что вашимъ дѣтямъ не сдѣлаютъ ничего дурнаго! Мой сынъ былъ аманатомъ одиннадцать лѣтъ,—подумайте: одиннадцать долгихъ, долгихъ лѣтъ!—и увезли его тогда отсюда далеко-далеко—туда, гдѣ вѣчные дожди, туманы и снѣга, гдѣ зимой люди не видятъ солнца... А посмотрите, что вышло изъ моего сына!—я не нарадуюсь имъ... Такъ и ваши дѣти:—ихъ увезутъ только на два мѣсяца—много ли это?—и увезутъ только въ Гори... Вы сами будете ѣздить къ нимъ въ гости... Вѣрьте мнѣ, вѣрьте моимъ клятвамъ, клятвамъ матери!

Digitized by Google

Но и клятвы и завѣренія княгини Тамары не произвели никакого дѣйствія. Мужчины видимо покорились необходимости. Они поняли, что сопротивленіе невозможно:—живое кольцо, замыкавшее ихъ со всѣхъ сторонъ, можно было только разрубить; но на это не хватило бы ихъ силы. Поэтому они стали убѣждать своихъ женъ покориться, а иные просто вырывали своихъ дѣтей изъ рукъ обезумѣвшихъ матерей и сдавали на руки казакамъ и мингрельцамъ. Съ нѣкоторыми же, особенно неподатливыми абхазками, пришлось употребить силу. Скоро маленькіе аманаты были отдѣлены отъ толпы и препровождены въ крѣпость.

Въ то время, когда все это происходило на площади, въ опустѣломъ дворцѣ оставалась въ своей комнатѣ Эсма-ханумъ, да съ нею двѣ прислужницы—одна, пріѣхавшая вмѣстѣ со всѣми изъ Кодора, другая—старая негритянка, давно уже жившая въ Соуксу, во дворцѣ князей Шервашидзе, въ качествѣ экономки. Прежде она находилась въ Поти при домѣ Кучукъ-бея, отца Эсма-ханумъ, и состояла при ней въ родѣ няни или горничной. Эсма-ханумъ тотчасъ же узнала ее, когда увидѣла въ Соуксу.

— Но какъ ты попала сюда?—спросила она негритянку.—Тебя въ плѣнъ взяли?

— О, нѣтъ, ханумъ, мое золото!—отвѣчала старуха, качая головой.—Помнишь, мое золото, когда ты, еще дѣвочкой по тринадцатому году, жила у отца своего, у славнаго Кучукъ-бея въ Поти, и когда русскіе вмѣстѣ съ Сеферъ-Али-беемъ, отцомъ нынѣшняго князя Димитрія, осаждали городъ?

— Какъ не помнить!—съ грустью въ голосѣ отвѣчала Эсма-ханумъ.

— Ну, вотъ тогда-то, мое золото,—продолжала негритянка,—въ Поти находился и Арсланъ-бей... Какими чарами онъ вскружилъ твою золотую головку—я не знаю; но только наканунѣ сдачи крѣпости русскимъ вы разомъ исчезли ночью—ты, мое золото, и Арсланъ-бей... Я не доглядѣла тебя, моя жемчужина,—каюсь. Но когда на другой день тебя схватились и нигдѣ не нашли, отецъ твой пришелъ въ такую ярость, что приказалъ было посадить меня въ мѣшокъ вмѣстѣ съ ежомъ и кошкою и бросить въ море,—и только благодаря заступничеству добраго господина Сеферъ-Али-бея—да блаженствуетъ онъ въ раю своемъ!—меня оставили въ живыхъ. И съ тѣхъ поръ я живу здѣсь у княгини Тамары вѣрною сторожевою собакой. Вотъ ужь больше десяти лѣтъ, какъ я здѣсь.

— Да... Вотъ и я ужь успѣла сдѣлаться старухой,—сказала Эсма-ханумъ, любуясь отраженіемъ въ зеркалѣ своего хорошенькаго личика съ золотистою головкой.

Digitized by Google

Въ это время, въ комнату вошелъ Урусъ Лаквари.

— Ну, что тамъ, Урусъ?—спросила Эсма-ханумъ.

— О, ханумъ! какъ тамъ хорошо, какъ любопытно!—отвѣчалъ онъ притворно-восторженнымъ тономъ:—ничего подобнаго я не видалъ.

Это такъ заинтересовало другую прислужницу, что она попросилась у негритянки, какъ у старшей, пойти хоть на минутку поглядѣть, что дѣлается на площади. Та отпустила ее.

Но едва дверь за нею затворилась, какъ Урусъ Лаквари, подойдя къ сидѣвшей на полу, на коврѣ, негритянкѣ, схватилъ ее за горло и по самую рукоятку всадилъ ей кинжалъ въ сердце. Несчастная старуха даже не вскрикнула. Злодѣй нѣсколько разъ повернулъ кинжалъ въ сердцѣ своей жертвы.

— О, Урусъ!—въ ужасѣ крикнула Эсма-ханумъ:—что ты сдѣлалъ!

— Для тебя, ханумъ, и для твоего и моего господина,—спокойно отвѣчалъ убійца.—Вотъ тебѣ чадра... вотъ папаха... кутайся... закрой лицо и иди за мною... Тебя ждетъ господинъ.

Эсма-ханумъ такъ была поражена неожиданностью, что послѣдовала, какъ автоматъ, за убійцей въ дверь, которая вела въ комнату, выходившую на заднее крыльцо. Тамъ онъ накинулъ на нее бурку и вывелъ черезъ задній дворикъ къ конюшнямъ, откуда небольшая желѣзная дверь выходила въ сторону, противоположную площади. Черезъ нѣсколько минутъ, они были уже за монастыремъ, гдѣ въ густой чащѣ стояли осѣдланныя лошади. Отъ нихъ отдѣлилась высокая фигура въ башлыкѣ.

— Эсма моя! наконецъ-то!

— О, Арсланъ, мой повелитель!

Скоро въ горахъ отдавался топотъ нѣсколькихъ паръ лошадиныхъ копытъ.

Д. Мордовцевъ.

Конецъ второй части.

Digitized by Google

Въ полѣ.

Я вышелъ въ поле... Какъ весною,
Какъ жизнью дышетъ все вокругъ!..
Вонъ подлѣ лѣса надъ рѣкою
Взрываетъ землю острый плугъ.
Работа дружная проворна:
Чуть съ плугомъ пашню обошли,—
Бросаетъ сѣятель ужь зёрна
Межъ глыбъ разрыхленной земли.
Онъ сыплетъ щедро ихъ, безъ счету...
Тяжка ты, пахаря судьба...
Какъ много здѣсь прольется поту,
Покуда вызрѣютъ хлѣба!

Весна! Взлелѣй на нивахъ всходы,
Слезой дождя ихъ окропи;
Отъ ливней вешней непогоды
Укрой колосья ихъ въ степи,—
Чтобы, не вспомнивъ жизни терній,
При видѣ волнъ тяжелой ржи,
Усталый пахарь, въ часъ вечерній,
Плетясь съ котомкой вдоль межи,
Могъ взоръ поднять къ сіянью неба
И, покрестивъ смиренно грудь,
За даръ обильной жатвы хлѣба
Спасибо Господу шепнуть!

Пав. Тулубъ.

Digitized by Google

АРТИСТИЧЕСКІЯ НАТУРЫ.

Повѣсть Е. Бюлау.

(Съ нѣмецкаго).

I.

Въ самомъ отдаленномъ углу страны,—тамъ, гдѣ низкіе проходы баварскаго Альгау ведутъ въ Швейцарію, гдѣ громадныя снѣжныя массы покрываютъ горы и долины,—стоитъ одинокая усадьба Рормосъ. Она производитъ впечатлѣніе теплаго гнѣзда среди окоченѣвшей природы; напрасно снѣговыя массы, морозъ и мертвенныя сумерки зимняго утра всей своею тяжестью ложатся на него,—все, что̀ шевелится на дворѣ усадьбы, дышетъ жизнью и теплomъ.

Сквозь замерзшія окна конюшень мерцаетъ красноватый огонь фонарей; при ихъ тускломъ свѣтѣ, на дворѣ и въ хлѣвахъ давно идетъ оживленная работа. Паръ клубами валитъ наружу, какъ только растворится дверь скотнаго двора, паръ стоитъ и надъ навозной кучей внушительныхъ размѣровъ. Работники и работницы, пробѣгая по двору, дышатъ на свои обледенѣвшіе пальцы,—отъ нихъ тоже валитъ паръ и садится инеемъ на ихъ волосы и мѣховыя шапки. Все, какъ бы на зло морозу, выдѣляетъ изъ себя жизненную теплоту и согрѣвается работой и движеніемъ.

Въ простой комнатѣ усадебнаго дома собралась вся семья хозяина за завтракомъ. На столѣ стоялъ громадный кофейникъ съ дымящимся кофеемъ, лежали яйца, масло, черный хлѣбъ и ветчина. Огонь въ лампѣ постепенно меркнулъ, уступая мѣсто бѣловатому дневному свѣту, вторгавшемуся въ широкія окна. Самъ хозяинъ, Людвигъ Гастельмейеръ, бывшій арендаторъ, а теперешній владѣлецъ Рормоса, задумчиво ку-

Digitized by Google

рилъ трубку. Это былъ плотный мужчина, настоящій типъ земледѣльца, сельскаго хозяина. Сынъ его, Фридрихъ, сидѣвшій между матерью и молодой бѣлокурой дѣвушкой, похожъ былъ на отца, но черты его лица были не такъ рѣзки и грубы, какъ у старика.

Разговоръ за завтракомъ не вязался; всѣ, почти молча, ѣли и пили, изрѣдка обмѣниваясь короткими вопросами, на которые слѣдовали односложные отвѣты. Сынъ очевидно собрался въ дорогу, шуба его висѣла на стѣнѣ, между чубуками, пучками лыкъ, оленьими рогами и холщевыми мѣшечками съ сѣменами.

— Ну, вотъ сейчасъ появится и солнце!—пробормоталъ старикъ, не выпуская изо рта трубки.—Пора гасить лампу.— Бѣловатый туманъ поднимался къ горамъ и изъ-за него выплывалъ золотисто-красный шаръ. Снѣгъ мгновенно потерялъ свою мертвенную окраску и заблестѣлъ розоватымъ отливомъ. Но прошла минута и туманъ оказался сильнѣе солнца.

— Ненадолго показалось солнце!—замѣтилъ старикъ Гастельмейеръ,—ему въ Рормосѣ не нравится. Да и немудрено... Онъ помнитъ, какая развалина стояла тутъ, на мѣстѣ скотнаго двора и сыроварни. Первое время не по карману было затѣвать новыя постройки... Мало по малу все выстроилось однако. Старикъ Гастельмейеръ въ теченіе тридцати лѣтъ упорно боролся и работалъ, съ помощью своей жены. Все это видѣло солнце... Видѣло и сына, на котораго старики работали, какъ пара покорныхъ воловъ. А вотъ теперь этотъ сынъ покидаетъ ихъ...

Фридрихъ спокойно выслушалъ отца: онъ привыкъ къ подобнымъ рѣчамъ въ день своего отъѣзда изъ Рормоса; смыслъ ихъ былъ всегда одинаковъ, только облекались онѣ въ разныя формы. Горечь разлуки съ сыномъ приводила его въ раздражительное настроеніе. Добродушное лицо Фридриха, однако, опечалилось.

— Ну, полно, дядя!—сказала молодая дѣвушка, положивъ руку на плечо старухи-матери, которая молча вязала чулокъ и плакала.—Онъ можетъ дѣлать то, что ему нравится, а возможность эту дали ему вы оба! Что же объ этомъ говорить? Не можетъ же Фридель зарыться здѣсь, какъ ты! Его тянетъ къ иной жизни, и слава богу, что онъ въ состояніи удовле-

Digitized by Google

творить свои потребности. Подумай, что̀ сталъ бы ты дѣлать, еслибы тебя въ молодости заставили сидѣть въ мюнхенской академіи!

— Ты помалкивай, племянница,—добродушно пробурчалъ старикъ.—Что ты можешь смыслить?..

— То, что надо оставить каждаго слѣдовать своему призванію. Къ чему ты поднимаешь этотъ вопросъ? Только доводишь до слезъ жену! Фридель занимается своимъ дѣломъ, добивается своей цѣли,—что̀ же тутъ худаго?

— Да, да!—проворчалъ опять старикъ, но больше не возражалъ и раздраженіе его смягчилось. Дѣвушка имѣла на него вліяніе своимъ врожденнымъ здравымъ смысломъ и благоразумнымъ взглядомъ на вещи.

— А городскія дамы и дѣвицы вовсе не въ моемъ вкусѣ!—сказалъ вдругъ старикъ, точно отвѣчая на свою мысль, и, взявъ сына за плечи, проницательно посмотрѣлъ ему въ глаза.—Женщина, отъ которой въ іюнѣ и въ іюлѣ не пахнетъ свѣжимъ сѣномъ, которая зимою боится выйти за ворота... куда она годится? Не вздумай привезти мнѣ такую модную барыню. Вотъ посмотри на кузину... такую и выбирай, въ этомъ родѣ!

Старикъ указалъ на высокую, красивую, здоровую племянницу, стоявшую теперь у стола. Фридрихъ съ улыбкой посмотрѣлъ на нее, а она, повидимому, совершенно равнодушно отнеслась къ похваламъ дяди.

— Знаешь, дядя,—обратилась она къ старику,—сколько ты меня ни расхваливай, а не всякому нравится такая «тирольская корова»—какъ ты меня называешь, лаская. Повѣрь, Фридель и безъ насъ найдетъ, что̀ ему нужно. Совѣты тутъ ни къ чему не приведутъ.

Пока шелъ этотъ разговоръ, мать занята была своими мыслями. Она думала о томъ времени, когда кроватка ея Фриделя, родившагося въ этой самой комнатѣ, стояла около ея кровати; вспоминала, какъ онъ по утрамъ залѣзалъ къ ней въ постель, какъ ей казалось, что онъ составляетъ съ ней одно существо, какъ онъ ласкался къ ней, и какъ все скоро прошло! Потомъ мальчикъ какъ-то разомъ выросъ и возмужалъ, и между матерью и сыномъ стало такъ мало общаго... Наконецъ, онъ совсѣмъ покинулъ родительскій домъ,—по вре-

Digitized by Google

менамъ возвращался, но съ каждымъ разомъ казался тутъ все болѣе и болѣе чужимъ, и только въ глазахъ матери остался тѣмъ же маленькимъ Фриделемъ, котораго она когда-то качала на рукахъ и страстно прижимала къ своей груди.

— Фридель!—робко сказала она,— тебя Господь наградилъ талантомъ и ты идешь своей дорогой. Всѣ рисунки, которые ты дарилъ мнѣ, даже всѣ твои начальныя работы, бережно хранятся у меня и я любуюсь ими... Но все таки мы не знаемъ, насколько великъ твой талантъ... Поэтому, еслибы ты вдругъ почувствовалъ, что ошибся въ своемъ призваніи,—не стыдись своей неудачи, а смѣло возвращайся домой! Настойчивость не должна походить на упрямство... Помнишь, какъ ты, еще маленькимъ мальчикомъ, влѣзъ на самую верхушку сосны и стыдился позвать кого нибудь на помощь? Мы съ отцомъ цѣлый день тебя искали и, наконецъ, случайно увидали тебя въ безвыходномъ положеніи. Отецъ полѣзъ за тобою и снялъ тебя... Ты былъ ужасно сконфуженъ!..

Нѣчто подобное также говорилось каждый разъ при его отъѣздѣ.

— До сихъ поръ, матушка, — возразилъ молодой человѣкъ,—я еще не сомнѣвался въ своихъ способностяхъ!

Онъ ласково обнялъ старуху, а она прижала его къ груди и поцѣловала.

— Ну, старуха, пора отправлять малаго въ путь!—сказалъ отецъ, подходя къ нимъ и потрепавъ сына по плечу.— Мы опять съ тобой будемъ утѣшать другъ друга.

Племянница тѣмъ временемъ надѣла шубу и укутала голову бѣлымъ платкомъ. Лицо ея не выражало ни тревоги, ни печали.

— Все готово, Фридель,—объявила она,—сани у подъѣзда и сундукъ привязанъ.

— Съ Богомъ!—проговорилъ старикъ Гастельмейеръ.

Анна,—такъ звали молодую дѣвушку,—отворила дверь и пошла впередъ. Во всемъ существѣ ея было что-то успокоивающее, производящее пріятное впечатлѣніе на окружающихъ. Пока Фридель прощался съ родителями, она усѣлась въ сани. Старикъ, крѣпко стиснувъ въ зубахъ трубку, старался казаться равнодушнымъ. Работники, вышедшіе проститься съ молодымъ хозяиномъ, спокойно и молча стояли у подъѣзда.

Digitized by Google

Сани тронулись и, выѣхавъ со двора, понеслись стрѣлой по гладкой, ровной дорогѣ. Снѣгъ ярко сверкалъ подъ лучами вновь показавшагося солнца.

Въ Рормосѣ каждый принялся за свою обычную работу. А сани катились мимо большихъ елей, окутанныхъ инеемъ, между громадными снѣжными сугробами, лежавшими по обѣимъ сторонамъ дороги. Низкія сучковатыя сосны, маленькіе дубки, хвойные кустарники, были настолько занесены снѣгомъ, что совсѣмъ теряли свои природныя очертанія и принимали несвойственныя имъ формы. То казалось, что снѣгъ покрылъ медвѣдей разныхъ величинъ и возрастовъ, внезапно замерзшихъ во время неистовой пляски; то чудилось, что какіе-то странные старики сидѣли, нагнувшись другъ къ другу, и вели между собой разговоры; то видѣлись танцующія вѣдьмы или прыгающія животныя: цѣлый міръ загадочныхъ существъ застылъ подъ бѣлой пеленой. Въ воздухѣ не ощущалось ни малѣйшаго вѣтерка; только когда старикъ Сепъ, правившій лошадьми, нарушалъ тишину, щелкая бичемъ,—съ ближайшихъ кустовъ сыпался серебристый иней. Фридрихъ сидѣлъ, откинувшись на спинку саней, и молча, спокойнымъ взглядомъ смотрѣлъ вокругъ себя. Тяжесть разлуки миновала, и молодой человѣкъ чувствовалъ себя бодрымъ и счастливымъ. Сидѣвшая возлѣ него Анна изрѣдка поглядывала на него и, наконецъ, сказала:

— Фридель, постарайся держать въ порядкѣ твои носки.

— Какъ въ порядкѣ?

— Ты отлично понялъ, что̀ я хотѣла сказать,—смѣясь отвѣчала дѣвушка.—Мужчины и не подозрѣваютъ, сколько возни и хлопотъ съ ихъ бѣльемъ.

— Великія хлопоты!—подтрунивалъ кузенъ.—Удивительная возня!

На этотъ разъ Анна грустно улыбнулась и молчаніе воцарилось снова. Анна была хорошей спутницей; она не надоѣдала Фриделю разговорами и онъ не чувствовалъ себя обязаннымъ занимать ее.

— А что, Анна,—сказалъ, немного погодя, Фридель,—не пріѣдешь ли ты опять въ городъ?

— Мнѣ нельзя часто отлучаться... Ну, а ты... что̀ намѣренъ дѣлать съ твоей квартирой? Останешься на старой?

Digitized by Google

— По всей вѣроятности...

— Нѣтъ, лучше поищи другую, не лѣнись! Развѣ мыслимо тамъ оставаться? У тебя можно отъ шума оглохнуть.

— Да, это, положимъ, вѣрно. Ночью, если не спишь, какъ убитый, то можно съ ума сойти... Но меня, по правдѣ говоря, это перестало ужь безпокоить. Сначала, раза два, шумъ приводилъ меня въ ярость... посмѣялась бы ты, еслибъ посмотрѣла на меня тогда. Я не могъ заснуть и слышалъ всю эту адскую возню. Запасный путь ночью—сущій адъ! Свистъ, шипѣніе, стукъ, ревъ—не умолкаютъ ни на минуту. Работа идетъ непрерывная, день и ночь; все что-то спѣшатъ и суетятся. Крики и оклики похожи на отчаянные призывы на помощь; стукъ и трескъ такой, будто все кругомъ рушится и падаетъ. Лежишь ночью впотьмахъ и воображеніе рисуетъ тебѣ, подъ этотъ акомпанементъ, самыя ужасныя картины; иногда кажется, что собрались со всего свѣта сумашедшіе и шумятъ, кричатъ, стучатъ, визжатъ и вопятъ. Въ первую ночь я пробовалъ затыкать себѣ уши, обматывалъ голову платкомъ,—ничего не помогаетъ. На другой же день я хотѣлъ съѣхать, но квартирная хозяйка и ея дочь увѣряли меня, что я привыкну и совсѣмъ перестану обращать вниманіе на шумъ.

— Дочь,—это та высокая дѣвушка, которую я у тебя видѣла?

— Да, Фанни.

— И ты остался?

— Конечно.

— И привыкъ?

— Почти. Когда не спится, я ругаюсь и посылаю квартиру ко всѣмъ чертямъ.

— А все таки живешь? Право, не понимаю такой лѣни и безхарактерности. Развѣ трудно перемѣнить комнату?

— Не легко! Я лѣнивъ... Да и хозяекъ жаль,—онѣ такъ внимательны...

— Слушай, Фридель,—серьезно проговорила Анна,—не сердись за мой вопросъ... Эта высокая дѣвушка—твоя возлюбленная? Она мнѣ не нравится...

— Нѣтъ, она не прочь была бы... Но этого нѣтъ. Знаешь, Анна, ты и мать моя составляете, вѣрно, исключеніе: мнѣ женщины вообще не нравятся. Странныя онѣ какія-то...

Digitized by Google

Анна внимательно поглядѣла на кузена.

— Говорятъ,—задумчиво продолжалъ онъ,—что женщина должна быть чиста...

— Всѣ должны быть чисты,—энергично перебила Анна,—какъ женщины, такъ и мужчины!

— Ну, а что скажешь ты про дѣвушку, которая... какъ бы это сказать... ну, вѣшается мужчинѣ на шею? Чиста такая дѣвушка?

— Рѣшить трудно. Надо хорошо знать эту дѣвушку... ея прошлое... въ которомъ, можетъ быть, много горя и страданій. Но, право, ты хорошо сдѣлаешь, если перемѣнишь квартиру, въ особенности зная, что дочь хозяйки имѣетъ на тебя виды... Впрочемъ, мужчины легко смотрятъ на подобныя заигрыванья.

— Да, да, ты права, надо переѣхать!—отвѣчалъ Фридель, добродушно посмѣиваясь.—А когда у меня дѣйствительно будетъ возлюбленная, прикажешь объявить тебѣ объ этомъ?

— Разумѣется. Секретовъ между нами никогда не было.

Молодой человѣкъ протянулъ ей руку.

— По рукамъ! И ты, когда полюбишь кого нибудь, то скажешь мнѣ.

— Ну, это другой вопросъ!—засмѣялась дѣвушка.

— Ты не скучаешь въ Рормосѣ?

— Когда человѣкъ спокоенъ духомъ, онъ нигдѣ не скучаетъ.

— Правда твоя!

— Ты бы писалъ почаще и поподробнѣе о себѣ... даже мелочи,—намъ все интересно. Мать постоянно о тебѣ говоритъ: «гдѣ-то онъ теперь? что-то онъ дѣлаетъ»? И ты думай о насъ... и о Рормосѣ!

Фридель обѣщалъ.

— Когда я была у тебя въ Мюнхенѣ, Фридель,—начала опять дѣвушка,—я замѣтила, что мужчины какъ-то странно обращаются съ женщинами... Мнѣ не понравилось...

— Какъ же?

— Да такъ... Какъ будто они не считаютъ насъ равными себѣ.

— Да оно такъ и есть.

— И ты говоришь это такъ хладнокровно?

— Что жь я могу сдѣлать?

Digitized by Google

— Потомъ не нравится мнѣ излишняя вѣжливость... приторная... Такъ и хочется расхохотаться имъ въ лицо!

— Ты бы и расхохоталась.

— Нельзя. Повидимому, другихъ дѣвушекъ это не удивляетъ, и меня бы осмѣяли!

— Да женщины сами требуютъ приторной вѣжливости отъ насъ. Что же прикажешь дѣлать?

— Ахъ, полно, дуры, можетъ ли быть?

— Разъ, что ужь это такъ принято...—отвѣчалъ спокойно Фридель.

— И ты имъ слишкомъ много позволяешь.

— Ого!—воскликнулъ молодой человѣкъ.

— Да, ты слишкомъ равнодушно относишься къ ихъ приставаньямъ.

— То есть, ты хочешь сказать, что я черезчуръ люблю покой. Съ этимъ я не спорю.

— Какъ ты терпѣливо сносишь разныя прозвища: жирный Мейеръ, comme il faut Мейеръ, и т. п...

— Велика важность! Сердиться за такія шутки было бы глупо. Я, вѣдь, и вправду не могу пожаловаться на худобу.

— Это не значитъ: жирный.

— Тонкости! Конечно, я не свиная туша. Но оскорбить меня никто не желаетъ, чего жь больше? Анна, не ужасно ли, что всякій—какъ говорятъ—долженъ полюбить въ жизни, пройти черезъ этотъ недугъ? Я часто объ этомъ думаю...

Анна засмѣялась.

— Какой ты юный!—засмѣялась молодая дѣвушка.

— То есть глупый? Спасибо.

— Я вовсе не хочу этого сказать!

— Какъ хорошо, что мы съ тобой дружны, Анна!—сказалъ, немного помолчавъ, Фридрихъ.—Мы можемъ болтать съ тобою, откровенничать, и знаемъ, что это не поведетъ къ любовнымъ исторіямъ... Ужасно, что всѣ вы такъ падки на любовь.

Анна вспыхнула. Въ это время они уже ходили взадъ и впередъ по платформѣ станціи.

— Итакъ рѣшено,—повторилъ Фридель, останавливаясь у вагона 2-го класса,—о моей возлюбленной ты узнаешь первая... Если она тебѣ не понравится, я ее забракую...

Digitized by Google

— Не особенно лестно для нея!

— Что за бѣда? Что касается до носковъ, ты можешь быть покойна: я ихъ буду беречь, какъ зеницу ока!

— Въ этотъ разъ ты привезъ съ собой одну разрозненную пару!

— Ахъ, чортъ возьми!.. Все прачки проклятыя... Буду за ними неукоснительно наблюдать.

Молодой человѣкъ влѣзъ въ вагонъ и поѣздъ почти тотчасъ тронулся. Анна закричала вслѣдъ отъѣзжающему кузену:

— Смотри же, перемѣни квартиру.

— Обязательно! Какъ только пріѣду!.. Кланяйся старикамъ...

Дѣвушка нѣсколько минутъ смотрѣла вслѣдъ удалявшемуся поѣзду и двѣ крупныхъ слезы скатились по ея розовымъ щекамъ. «Ему легко»! — подумала она и тяжело вздохнула.— «Что было бы, еслибъ онъ увидалъ мои слезы»? Она поспѣшно отерла глаза и твердыми шагами направилась къ санямъ.

— Сепъ,—сказала она,—сдѣлай все, что тебѣ поручено, и догоняй меня. Я пойду впередъ.

Старикъ кивнулъ головой, а дѣвушка скоро и бодро пошла по дорогѣ, какъ будто не ощущая никакой тягости на сердцѣ, а между тѣмъ ей было не легко. Пройдя немного, она громко проговорила:

— Отъ тебя, простота, я всегда съумѣю скрыть свое глупое чувство!—и звонкимъ голосомъ запѣла тирольскую пѣсню, желая, вѣроятно, заглушить свое горькое чувство.

II.

Пріѣхавъ въ Мюнхенъ, Фридрихъ Гастельмейеръ отдалъ багажъ сторожу вокзала, а самъ пошелъ бродить по городу. Онъ твердо рѣшилъ перемѣнить квартиру и даже совсѣмъ не возвращаться на старую, чтобы избѣгнуть томительныхъ прощальныхъ разговоровъ съ хозяйками. Дѣйствительно, Анна права,—онъ просто отъ лѣни и безхарактерности живетъ тамъ, на запасномъ пути. Еще, пожалуй, попадетъ въ западню предпріимчивой Фанни!

«Будь я проклятъ,—думалъ онъ, шагая по улицамъ,—если найму комнату въ семьѣ, гдѣ есть дочь... Однако, Анна умна.

Digitized by Google

Какъ она быстро все смекнула! Женщины дѣлаются прозорливыми, разъ что коснется любви»...

Раздумывая такимъ образомъ, Фридель дошелъ до кофейни Луитпольда.Ославъ разсыльнаго на свою старую квартиру за вещами, онъ вошелъ въ кофейню и прямо направился къ столу, за которымъ имѣлъ обыкновеніе всегда сидѣть.

— А! Жирный Мейеръ! Comme il faut Мейеръ!—привѣтствовали его товарищи.

— Вотъ и я!—спокойно произнесъ Фридель, присаживаясь къ столу.

Не смотря на разныя прозвища, товарищи любили Фридриха Гастельмейера и считали его за дѣльнаго и хорошаго человѣка. Въ особенности же онъ располагалъ къ себѣ тѣмъ, что не сердился на шутки и всегда добродушно умѣлъ отшучиваться. О произведеніяхъ Фриделя, какъ художника, ничего нельзя было сказать дурнаго: они отличались простотой и отчетливостью; онъ былъ пейзажистомъ, усердно работалъ и находилъ сбытъ своимъ картинамъ. У «хорошаго малаго» Фриделя, позволявшаго шутить и острить надъ своей дородностью, которая, къ слову сказать, нисколько его не безобразила, была однако и слабость: онъ не на шутку сердился, когда подтрунивали надъ его начинавшейся лысиной. Объ ней онъ ничего знать не хотѣлъ, хотя прибѣгалъ ко всевозможнымъ средствамъ, долженствовавшимъ вызвать ростъ волосъ; говорили даже, что онъ совѣтовался съ опытнымъ врачемъ, спеціалистомъ по этой части, но все напрасно. Баночки и скляночки Фридель держалъ подъ ключемъ,—вообще разговоръ о лысинѣ былъ ему крайне непріятенъ. Товарищи сначала пробовали шутить на этотъ счетъ, но имъ сильно отъ него доставалось, и съ тѣхъ поръ никто не отваживался задѣвать его больное мѣсто.

Фридель сообщилъ товарищамъ свое намѣреніе перемѣнить квартиру и потребовалъ послѣдній нумеръ газеты.

— Смотри, жирный Мейеръ, не поселись опять за тридевять земель отъ мастерской,—замѣтилъ одинъ изъ товарищей.—Дай-ка сюда газету! Слушай внимательно.

Фридель, тѣмъ временемъ, принялъ предложеніе другаго товарища—переѣхать до пріисканія комнаты къ нему.

Въ объявленіяхъ кое-что нашлось.

Digitized by Google

— Вотъ куда сходи прежде всего, — сказалъ читавшій объявленія,—слушай: «Отдается въ наемъ одна комната на югъ, срокъ по желанію. Окна въ садъ».—Это недурно! «Съ оригинальной обстановкой. Цѣна, смотря по состоянію и положенію нанимателя». Что ты на это скажешь? Не мѣшаетъ толкнуться къ этимъ благодѣтелямъ?

— Объявленіе, вѣрно, писала какая нибудь сантиментальная старая дѣва,—замѣтилъ Гастельмейеръ.—Нечего опасаться, что тамъ есть взрослая дочь?

— Да... пожалуй.

— Ну, посмотримъ!—сказалъ Фридель и, тотчасъ послѣ обѣда, пока еще было свѣтло, отправился въ Садовую улицу, гдѣ отдавалась оригинальная комната. Она оказалась въ третьемъ этажѣ, во флигелѣ, въ саду.

«Третій этажъ.... Заднее строеніе... г-мъ! Несовсѣмъ того»... думалъ молодой человѣкъ, поднимаясь по лѣстницѣ. «Лѣстница крутенька»! Послѣднее обстоятельство казалось ему большимъ неудобствомъ. Почти весь флигель былъ занятъ мастерскими художниковъ. «Не устрою ли я тутъ со временемъ мастерскую»? — думалъ Гастельмейеръ, подходя къ двери.

Онъ потянулъ звонокъ. Колокольчикъ какъ-то беззвучно звякнулъ, словно язычокъ его былъ обернутъ бумагой. Фриделю пришлось позвонить до трехъ разъ. «Кто нибудь тамъ боленъ»!—подумалъ молодой человѣкъ.—«Не лучше ли убраться по добру, по здорову?.. Чудаки какіе-то, объявляютъ, что сдаютъ комнату, а колокольчикъ подвязываютъ!.. Право, лучше уйти»...

Но только что онъ повернулся спиной къ двери, какъ она неожиданно отворилась и на порогѣ показалась худощавая, среднихъ лѣтъ женщина, обтянутая въ черное, узкое платье, и съ безпокойно бѣгающими глазами.

— Что вамъ угодно?—спросила она растерянно. «Такъ и есть, старая дѣва»!—подумалъ Фридель.—«Можно безошибочно угадать, что она скверно стряпаетъ и сама скверно питается».

— Вы публиковали, что отдаете комнату?..

— Какъ же!—отвѣтила хозяйка.—Пожалуйста, войдите.

— Я позволю себѣ замѣтить вамъ, сударыня, что у васъ звонокъ не въ порядкѣ... Такъ какъ вы ожидаете жильцовъ,

Digitized by Google

то это по меньшей мѣрѣ не практично!—говорилъ Фридель, слѣдуя за дамой по темному коридору.

— Мы слегка обматываемъ язычокъ колокольчика,—отвѣчала она.—Въ жизни и безъ звонковъ шума довольно.

— Такъ!—произнесъ молодой человѣкъ, и подумалъ:—«Отъ какого шума можетъ страдать эта старая дѣвица, живя въ третьемъ этажѣ флигеля, выходящаго окнами въ садъ, и не имѣя по сосѣдству станціи запаснаго пути»!

Большіе, безпокойно бѣгавшіе глаза дамы не свидѣтельствовали, однако, объ ея душевномъ мирѣ. «Сама, себѣ, видно сочиняетъ безпокойства и другихъ безпокоитъ»!—соображалъ искатель комнаты.

— Вотъ комната, которая отдается. Войдите, пожалуйста,—пригласила хозяйка.

Гастельмейеръ взялся за ручку двери, но она оказалась запертой на ключъ.

— Господи!.. У кого же ключъ?—съ тоской воскликнула дама, словно она убѣдилась, что ключъ провалился сквозь землю и никогда не отыщется.

— Эмиль!—громко и нетерпѣливо крикнула она такимъ тономъ, точно безполезно звала этого Эмиля уже много разъ.

«А! у нея есть Эмиль»,—подумалъ Фридель съ искреннимъ изумленіемъ.

Но Эмиль не являлся.

— Извините!—проговорила дама и суетливо шмыгнула въ противоположную дверь. Спустя нѣкоторое время, дверь эта снова отворилась и дама, просунувъ въ нее голову, сказала:

— Войдите сюда, прошу васъ.

Войдя въ комнату, онъ увидалъ Эмиля, толстаго малаго лѣтъ 16-ти, развалившагося съ газетой въ старомъ креслѣ.

— Эмиль, что же ты?—волновалась дама.

Мальчикъ, при входѣ незнакомаго, лѣниво всталъ.

— Ключъ у тебя, мама, я навѣрно знаю,—проговорилъ онъ.

«Мама»!—подумалъ Фридель,—«старая дѣва не стѣсняется»!

Толстый юноша, находя, вѣроятно, что достаточно простоялъ, со вздохомъ опустился на прежнее мѣсто, проговоривъ примирительно:

— Можетъ быть, онъ у Эрвина или у Олли...

«Какъ? еще дѣти»? Тутъ только Гастельмейеру пришло въ

Digitized by Google

голову, что дама, можетъ быть, и не старая дѣва, а почтенная мать законной семьи и добродѣтельная супруга.

Продолжая искать ключъ, дама отворяла ящики комода, одинъ за другимъ, рылась въ нихъ и приводила лежавшія тамъ вещи въ еще бо́льшій безпорядокъ. Изъ ящиковъ висѣли тесемки, болтался комокъ разнородныхъ тряпочекъ и разноцвѣтныхъ нитокъ. Глядя на этотъ комодъ, Фридель невольно вспомнилъ рабочій столикъ своей матери и ему стало ясно, что комната у этой хозяйки—для него не подходящая. Но лишь только онъ хотѣлъ сказать дамѣ, чтобъ она не трудилась отыскивать ключъ, что онъ «зайдетъ въ другой разъ», какъ ключъ нашелся въ карманѣ дамы.

— Вотъ видишь!—наставительно произнесъ Эмиль, продолжая спокойно сидѣть въ креслѣ.

«Хорошъ порядокъ»,—подумалъ Фридель.

— Такова жизнь!—пояснила дама.—Когда нибудь узнаете ее и съ этой стороны, господинъ...

— Гастельмейеръ,—добавилъ Фридель.

— Вы чиновникъ?

— Я живописецъ.

— Быть не можетъ!—изумилась дама радостно.

«Она, кажется, очень довольна имѣть жильцомъ живописца»!—подумалъ Фридель.

Наконецъ, они вошли въ сдававшуюся комнату. Она была недурна, окна выходили въ садъ. Обстановка оригинальная, доказывавшая артистическій вкусъ хозяевъ; много такихъ вещей, которыхъ не бываетъ въ меблированныхъ комнатахъ; мебель разставлена причудливо. Тѣмъ не менѣе, Фридель рѣшилъ, что жить здѣсь не будетъ: хозяйка ему не нравилась. Онъ держался того мнѣнія, что замужней женщинѣ не подобаетъ походить на старую дѣву, что, при взглядѣ на мать семейства, человѣку должны вспоминаться пріятныя успокоивающія вещи, какъ напр., хорошо приготовленный обѣдъ, безукоризненный порядокъ въ домѣ, чистыя постели и т. д. Вообще, того, чего онъ требовалъ отъ женщины, словами выразить трудно, но ни одной такой черты не могъ онъ подмѣтить въ странномъ нервномъ существѣ, которое онъ принялъ за старую дѣву. Фридель пробылъ дольше, чѣмъ это требовалось, сдѣлалъ два-три ненужныхъ вопроса и, собираясь уходить,

Digitized by Google

освѣдомился о цѣнѣ, самъ не зная зачѣмъ, такъ какъ твердо рѣшилъ не брать комнаты.

— Цѣна?—повторила дама, устремивъ на Фриделя безпокойно-вопросительный взглядъ, точно она ожидала всего, только не этого вопроса.

— Я, право, объ этомъ еще не подумала,—продолжала она,—комнатка хорошенькая. Что платятъ за такія комнаты? Вы, вѣрно, знаете...

Она, видимо, съ равнодушнымъ презрѣніемъ относилась къ этому вопросу, точно считала подобные пустяки унизительными.

— Ну, я надѣюсь, что мы сойдемся,—улыбаясь, проговорилъ Гастельмейеръ.

Онъ вышелъ на лѣстницу, и когда дверь за нимъ затворилась, хозяйка снова стала громко звать Эмиля.

«Кричи, кричи,—съ раздраженіемъ подумалъ Фридель,—твой байбакъ не скоро сдвинется съ мѣста»!

Проходя мимо дверей нижняго этажа, молодой человѣкъ услышалъ за ними громкій смѣхъ нѣсколькихъ женщинъ. «Тоже мастерская»!—догадался онъ, и въ ту же минуту дверь стремительно распахнулась, кто-то изъ нея выскочилъ и со всего размаха налетѣлъ на него. Только благодаря тому, что Фридель успѣлъ схватиться за перила лѣстницы, онъ и наткнувшаяся на него особа остались на ногахъ.

— Тише, тише, тетя Ребелла! Ради бога тише!—раздались изъ квартиры женскіе голоса, и вслѣдъ затѣмъ столпилось нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ. Опомнившись отъ неожиданности, Гастельмейеръ увидѣлъ передъ собою изумленную и скопфуженную дѣвицу. Въ правой рукѣ она держала палитру съ красками, вѣроятно, пострадавшую при столкновеніи, потому что отломившійся отъ нея кусокъ лежалъ, краскою внизъ, на плечѣ Гастельмейера. Щека молодаго человѣка тоже была выпачкана краской.

— Господи! — воскликнула дѣвушка, вся красная отъ испуга.

— Произошло столкновеніе поѣздовъ, — замѣтилъ Фридель,—но мы, кажется, остались здравы и невредимы.

— Да... — нерѣшительно отвѣтила дѣвушка, — но ваше пальто... Посмотрите, что съ нимъ случилось?

Digitized by Google

Говоря это, она старательно отлѣпляла съ плеча Фриделя кусокъ палитры.

— Пойдемте къ намъ, тамъ пятно сейчасъ выведутъ,— прибавила она.

— Да, это будетъ самое благоразумное!—одобрила одна изъ стоявшихъ въ дверяхъ.—Тетя Ребелла, вы не ушиблись?

— Нѣтъ,—отвѣчала виновница переполоха.—Пойдемте!— обратилась она къ Гастельмейеру и оба стали молча подниматься въ третій этажъ.

«Ее зовутъ Ребеллой,—соображалъ молодой человѣкъ,— значитъ у Эмиля, кромѣ Олли, есть еще сестра»!

Подойдя къ двери той квартиры, въ которую Фридель рѣшилъ никогда болѣе не возвращаться, Ребелла принялась колотить въ нее своими маленькими кулаками.

— Мама звонковъ не любитъ,—пояснила она.

Спутникъ ея зналъ это по опыту. Онъ началъ внимательно разсматривать молодую дѣвушку; времени было довольно, такъ какъ ни дама, ни Эмиль не спѣшили отворить двери. Ребелла была миловидная дѣвушка, очень молодая, тоненькая, даже худенькая, съ блѣднымъ лицомъ и черными вьющимися волосами, небрежно собранными въ пучокъ на затылкѣ. Глаза у нея были тоже черные, необыкновенно живые и добрые, и напоминали глаза дамы, съ тою разницею, что нервнаго безпокойства въ нихъ не замѣчалось. Красивая форма головы и линій лица особенно обратила на себя вниманіе Гастельмейера.

Дверь, наконецъ, была отворена—не толстякомъ Эмилемъ, а нервной дамой.

— Господи, какъ вы долго не отворяли!—почти сердито сказала дѣвушка.

— Опять вы?—удивилась дама, взглянувъ на Фриделя.

— Я имѣлъ счастіе быть сброшеннымъ съ лѣстницы вашей дочерью,—отвѣчалъ тотъ.

Дама растерянно взглянула на дѣвушку и съ укоризной произнесла:

— Олли!

«Она же и Олли,» подумалъ Фридель.

— Да,—отвѣчала дѣвушка,—я столкнулась въ дверяхъ, налетѣла на него и чуть не сшибла съ ногъ.

Digitized by Google

— Успокойтесь, сударыня, дочь ваша не упала, она очень ловко удержалась на ногахъ.

— Все это такъ, но вы перепачканы краской, а палитра моя сломана!

Дама высказала мнѣніе, что все случившееся не предвѣщаетъ новому жильцу ничего хорошаго.

— Вы наняли у насъ комнату?—сухо спросила дѣвушка.—Теперь мнѣ все ясно. У насъ постоянно бываютъ какія нибудь неожиданныя приключенія... Эмиль!—крикнула она и—о чудо!—Эмиль явился на первый зовъ.—Проведи господина въ его комнату и принеси все нужное, чтобы вывести пятно съ его пальто.

Замѣтивъ неудоумѣвающій взглядъ юноши, Олли отрывисто разсказала ему о случившемся, а Эмиль въ свою очередь, лукаво улыбаясь, началъ что-то шептать ей на ухо.

— Оказывается, что я ошиблась,—обратилась Олли къ Гастельмейеру, очень непріятно пораженному тѣмъ, что комнату уже считаютъ за нимъ.—Вы и не думали нанимать комнаты. Извините, пожалуйста.

Дѣвушка, при этомъ, такъ просто и гордо смотрѣла на Фриделя, что тотъ смутился и не зналъ, что ей отвѣчать. Но вдругъ, словно повинуясь какой-то посторонней волѣ, онъ проговорилъ:

— Вы не ошиблись, я вовсе не отказался отъ намѣренія нанять у васъ комнату,—въ томъ случаѣ, если у васъ нѣтъ въ виду лучшаго жильца...

«Проклятый языкъ, экъ что мелетъ!» подумалъ онъ про себя.—«Теперь волей-неволей придется переѣзжать сюда».

Всѣ перешли въ *его* комнату. Эмиль принесъ черствую булку и склянку со скипидаромъ, мать сходила за тряпкой, и вся семья, не исключая Олли, принялась выводить пятно.

— Осторожнѣй, не суетитесь! — совѣтовалъ женщинамъ Эмиль:—сперва надо стереть краску до суха черствой булкой, а потомъ ужь тереть скипидаромъ.

Юноша былъ, повидимому, свѣдущъ въ такихъ дѣлахъ, и внушалъ довѣріе своимъ помощницамъ. Гастельмейеръ, съ каждой минутой, все болѣе и болѣе освоивался съ будущими хозяевами. По фамиліи, мать, Олли и Эмиль назывались Ковальскими; сынъ же отъ перваго брака—Энгель. Второй мужъ

Digitized by Google

хозяйки былъ полякъ и живописецъ, и умеръ вскорѣ послѣ появленія на свѣтъ Эмиля.

— Извините за вопросъ,—обратился новый жилецъ къ Олли,—кажется, барышни внизу называли васъ тетей Ребеллой?

— Проклятіе! Проклятіе! Проклятіе!—трагически произнесъ Эмиль и засмѣялся.

Фридель съ удивленіемъ взглянулъ на толстаго юношу.

— Чему вы смѣетесь?—спросилъ онъ школьника.

— Такъ, вспомнилъ кое-что,—безцеремонно отвѣчалъ повѣса.

— Такая ужь привычка у него,—сказала мать.

«Престранная привычка»! подумалъ Фридель.

— Не дури, Эмиль, веди себя прилично,—замѣтила ему сестра.

— Слушаю-съ! — съ комической покорностью отозвался онъ.

— У тебя опять насмѣшливое лицо, точно ты надо всѣмъ свѣтомъ смѣешься,—продолжала нотацію Олли.—Дождешься, что тебѣ кто нибудь закатитъ пощечину.

Эмиль шутовски пощелкалъ языкомъ и покачалъ головой.

— Или еще хуже, всѣ тебя будутъ ненавидѣть,—продолжала она.

— Наплевать, сестрица!

— Зачѣмъ ты скорчилъ такую рожу?

Двадцатилѣтняя воспитательница не обращала ни малѣйшаго вниманія на присутствіе посторонняго лица.

— Просто такъ.

— Врешь, меня не обманешь.

— Я подумалъ, что тотъ, кто будетъ жить у насъ, узнаетъ, почему тебя зовутъ Ребеллой.

— Только-то?

— Ну, да.

— Какъ глупо!—спокойно сказала дѣвушка.

«Не смотря на такое строгое обращеніе, мальчикъ ужасно избалованъ»! подумалъ Фридель, и вскорѣ узналъ изъ разговора, что Олли два года прогостила у тетки, а безъ нея младшій братъ совсѣмъ отъ рукъ отбился. Гастельмейеру пришлось въ этотъ же разъ познакомиться съ Эрвиномъ Энгелемъ.

Digitized by Google

Не входя въ комнату, онъ кликнулъ сперва мать, потомъ Олли и, не дождавшись ихъ отвѣта, сталъ стучать въ дверь и говорить:

— И этотъ оселъ вернулъ мнѣ романъ! Я это предчувствовалъ, хотя со всѣхъ сторонъ мнѣ твердили: «пошли, да пошли»!

Вслѣдъ за этимъ, въ комнату вошелъ высокій мужчина, лѣтъ 28, взволнованный и красный. Увидавъ посторонняго человѣка, онъ смутился и вопросительно взглянулъ на мать, которая, съ выраженіемъ отчаянія, безсильно опустилась на стулъ.

— Проклятіе, проклятіе, проклятіе! — прогудѣлъ опять Эмиль.

— Ради бога не волнуйся, Эрвинъ,—проговорила г-жа Ковальская, и, сама раздраженная до крайности, принялась сбивчиво уговаривать сына, потерпѣвшаго неудачу съ романомъ.

Опомнившись, она извинилась передъ Гастельмейеромъ и представила ему старшаго сына.

— Вы сейчасъ были свидѣтелемъ непріятныхъ минутъ, выпадающихъ на долю писателя!—сказалъ Эрвинъ съ напускной шутливостью,—но смѣю васъ увѣрить, что у него бываютъ и пріятныя минуты.

Онъ говорилъ, какъ настоящій, извѣстный писатель.

Пятно съ пальто было выведено благополучно и Фриделю представилась возможность уйти отъ семейной сцены, прекращенной ради его присутствія; но комната оставалась за нимъ,—съ этимъ пришлось помириться. Мать была сильно разстроена неудачей Эрвина.

— Вѣрьте мнѣ,—сказала она умирающимъ голосомъ, обращаясь къ будущему жильцу,—быть матерью трехъ художниковъ очень и очень не легко!

— Мама,—вмѣшалась Олли, до сихъ поръ относившаяся безучастно къ авторскому краху брата,—вы всѣ всегда слишкомъ многаго ожидаете, тогда какъ надо только работать и работать безъ устали!

Фридель взглянулъ на молодую дѣвушку: глаза ея вдохновенно горѣли, лицо выражало энергію и непреклонную волю. Въ эту минуту она очень ему понравилась. Онъ остался еще

Digitized by Google

нѣкоторое время съ хозяевами; ему хотѣлось разсѣять ихъ грустныя мысли и онъ принялся имъ разсказывать про шумъ и суматоху на запасномъ пути, гдѣ онъ прежде жилъ, прибавивъ, что въ концѣ концовъ это страшно надоѣло ему и онъ радъ, что его новая комната выходитъ окнами въ садъ. Едва успѣлъ онъ кончить, какъ Эмиль снова три раза прокричалъ свое «проклятіе»! и скорчилъ такую насмѣшливую гримасу, что Гастельмейеру ужасно захотѣлось прочесть ему отеческое наставленіе. Г-жа Ковальская предложила новому жильцу напиться съ ними чаю; онъ уже былъ заваренъ, но о немъ всѣ забыли, благодаря суетѣ и катастрофѣ съ романомъ: Олли только потому и выбѣжала стремглавъ изъ мастерской, что боялась опоздать къ чаю. Но вѣдь нѣмецкая пословица недаромъ говоритъ, что поспѣшишь—чорта насмѣшишь. Гастельмейеръ отъ чая отказался и, распростившись съ хозяевами, наконецъ ушелъ.

III.

Сойдясь вечеромъ съ товарищами въ ресторанѣ, Фридель счелъ лишнимъ разсказывать имъ, какимъ образомъ онъ нанялъ «оригинально меблированную комнату», но на другой же день перебрался въ нее со всѣми своими пожитками. Звонокъ и на этотъ разъ оказался беззвучнымъ, хотя хозяева и ожидали новаго жильца. Стоя у дверей съ разсыльнымъ, несшимъ его вещи, и безпрестанно дергая за ручку звонка, Гастельмейеръ слышалъ, какъ кто-то внутри квартиры нѣсколько разъ подходилъ къ двери и возился около нея. Наконецъ, Эмиль отворилъ.

Но едва Гастельмейеръ и ворчавшій разсыльный вступили въ переднюю, какъ изъ дальней комнаты послышался испуганный голосъ хозяйки, звавшей Эмиля.

Юноша, медленно двигаясь, вошелъ въ сосѣднюю комнату и крикнулъ оттуда:

— Не волнуйся, это живописецъ.

— Ахъ, это уже онъ!—гораздо спокойнѣе произнесла г-жа Ковальская.

Фридель не успѣлъ еще отпустить разсыльнаго, какъ хриплый звонокъ снова задребезжалъ.

Digitized by Google

— Проклятіе! — сказалъ Эмиль, подошелъ къ двери и сталъ глядѣть однимъ глазомъ въ замочную скважину, дѣлая въ то же время энергичные знаки жильцу и разсыльному не трогаться съ мѣста. Всѣ трое стояли, притаивъ дыханіе, какъ вкопанные, а звонокъ, между тѣмъ, дребезжалъ что было мочи; наконецъ звонившій посѣтитель, вѣроятно, вышелъ изъ себя, изо всей силы ударилъ раза два ногою въ дверь, и затѣмъ удалился. Переждавъ немного, ушелъ и разсыльный.

На вопросъ Ковальской: «Кто тамъ, Эмиль»?—юноша лаконически отвѣтилъ:—Никто!

Фридель вошелъ въ свою комнату и затворилъ за собою дверь; вся эта суета вовсе не была въ его вкусѣ. Онъ нехотя принялся раскладывать свои вещи и вынулъ изъ сундука только самое необходимое. Ему было не по себѣ въ семьѣ хозяевъ и онъ рѣшилъ въ скоромъ времени переѣхать, подъ какимъ нибудь благовиднымъ предлогомъ. Однако, чувствуя себя обязаннымъ сдѣлать визитъ хозяйкѣ, Фридель послѣ обѣда послалъ черезъ прислугу спросить Ковальскую, можетъ ли она принять его. Хозяйка и Эмиль были дома, остальные отсутствовали. Толстый юноша, чѣмъ-то недовольный, сидѣлъ, нахмуривъ брови, у стола и рисовалъ; лампу съ громаднымъ абажуромъ изъ газетной бумаги онъ близко придвинулъ къ себѣ. Мать сидѣла въ креслѣ, засунувъ себѣ за спину подушку съ постели. При видѣ жильца, она слегка приподнялась.

— Вамъ нездоровится?—спросилъ Гастельмейеръ.

— Вчера вы были свидѣтелемъ пережитаго мною волненія; такими тревогами наполнена моя жизнь!—отвѣчала Ковальская слабымъ голосомъ.—Все это дѣйствуетъ разрушительно на нервную систему, на здоровье. Но вамъ, вѣроятно, тоже часто приходится раздражаться, такъ какъ и вы художникъ.

Фридель не сразу понялъ, о чемъ она говоритъ; наконецъ припомнилъ исторію забракованнаго романа и сказалъ:

— Напрасно вы такъ близко принимаете къ сердцу литературную неудачу вашего сына. Право, еслибы все, что пишутъ, печаталось, то читателямъ пришлось бы плохо.

— Да, но когда отъ этого зависитъ существованіе...

— Существованіе не должно бы отъ этого зависѣть,— возразилъ Фридель.

Digitized by Google

— Что же дѣлать, если Эрвинъ, подобно всѣмъ намъ, не имѣетъ другихъ средствъ, кромѣ своего таланта!—устало проговорила мать.

Какой былъ у нея самой талантъ,—Гастельмейеръ никакъ не могъ отгадать. Ему ужасно хотѣлось высказать нѣсколько горькихъ истинъ этой женщинѣ, олицетворявшей собою нервозъ, но онъ благоразумно воздержался. Эмиль давно пересталъ рисовать; Гастельмейеръ взглянулъ на его рисунокъ и увидалъ, что толстякъ рисуетъ со всѣхъ сторонъ и во всевозможныхъ положеніяхъ свой собственный кулакъ.

— Эмиль, Олли сейчасъ придетъ, не лѣнись,—замѣтила мать.

Юноша нехотя принялся снова за работу, которая, повидимому, вовсе его не интересовала.

— Идея ваша?—спросилъ Фридель.

— Нѣтъ, Олли велѣла.

Жилецъ не зналъ, о чемъ говорить; хозяева были не въ духѣ и не разговорчивы.

— Эмиль, не знаешь ли ты, куда пошелъ Эрвинъ? У него, бѣдняги, весь день болѣла голова!—сказала мать.—Неудачи всегда сильно на него дѣйствуютъ.

— Вѣроятно, онъ пошелъ на кладбище, — проговорилъ юноша.

Мать тяжело вздохнула.

— Это душа-человѣкъ,—проговорила она, обращаясь къ жильцу.—Настоящій поэтъ!.. Стѣснять его не надо. Когда у него какое нибудь горе или непріятность, онъ идетъ въ сумерки на кладбище и тамъ смотритъ на покойниковъ,—это его умиротворяетъ. Вѣдь вы знаете, что въ Мюнхенѣ обыкновенно ставятъ въ кладбищенскія часовни открытые гроба съ покойниками... Меня бы это созерцаніе съ ума свело, а на него дѣйствуетъ благотворно.

Кто-то сильно постучался въ парадную дверь.

— Это Олли,—сказалъ Эмиль и пошелъ отворять.

Олли, живая и румяная отъ холода, возвратилась изъ академіи. Поспѣшно войдя въ комнату, она первымъ дѣломъ спросила чаю и, замѣтивъ Гастельмейера, поздоровалась съ нимъ, какъ со старымъ знакомымъ. Забывъ, повидимому, о спрошенномъ чаѣ, она взяла изъ рукъ Эмиля карандашъ и

Digitized by Google

смѣлыми штрихами начала поправлять рисунокъ брата. Отъ нея вѣяло свѣжестью, вокругъ нея стоялъ холодный воздухъ.

— Олли, зачѣмъ ты входишь сюда прямо съ холода,— замѣтила мать,—ты студишь комнату.

Дѣвушка, ничего не отвѣчая, продолжала поправлять работу Эмиля.

— Какъ можно выходить въ такую погоду!—со вздохомъ продолжала Ковальская,—ты простудишься, и тогда бѣда...— Олли, нагнувшись надъ Эмилемъ, вся поглощена была работой, а толстякъ, положивъ свою курчавую голову на столъ, не давалъ себѣ даже труда слѣдить за проворно бѣгающей рукой сестры. Гастельмейеръ съ любопытствомъ смотрѣлъ на дѣвушку, думая про себя: «вотъ въ ней, дѣйствительно, сидитъ божественный огонекъ таланта»!

— Эмиль,—сердито проговорила наконецъ Олли,—смотри сюда!

Юноша приподнялъ голову и лѣниво уставился глазами въ рисунокъ.

— Что ты тутъ намаралъ? Лѣнтяй, лѣнтяй! Какъ ты сидишь? Развѣ можно, сидя такимъ образомъ, работать?.. Мама, ты опять не останавливала и не понукала этого байбака!..

— Слона... разиню... фалю... Валяй! Отлично. Тебѣ бы фельдфебелемъ быть, Олли!—бойко подхватилъ братъ.

— Да, я была бы рада, еслибы ты попалъ въ руки къ какому нибудь чорту.

Дѣвушка налила себѣ чаю, сѣла на кончикъ стула и взяла хлѣбецъ. Въ ея движеніяхъ, въ выраженіи лица, во всемъ существѣ сказывался избытокъ жизни. Гастельмейеръ любовался ею.

— Экая лошадь!—сказалъ, посмотрѣвъ изподлобья на сестру, Эмиль.

— О комъ говоришь ты?—холодно спросила Олли.

— Сама ругаешься, а тебя не смѣй тронуть!—задорно возразилъ мальчикъ.

— Еще бы!

— Да я и не ругаюсь... Я назвалъ тебя лошадью, потому что ты рано утромъ бѣжишь въ мастерскую, просиживаешь тамъ до обѣда, затѣмъ опять носишься то туда, то сюда, потомъ летишь въ академію, и подъ конецъ, выбившись изъ

Digitized by Google

силъ, прибѣгаешь домой, злая, какъ чортъ, и набрасываешься на меня.

Олли пояснила жильцу, что, въ видахъ экономіи, она сама готовитъ брата въ академію.

— Онъ ужасно лѣнивъ,—заключила дѣвушка.

На вопросъ Гастельмейера, почему Эмиль избралъ занятіемъ именно живопись, мать съ непривычной живостью отвѣтила:

— Потому что только одно художество не роняетъ человѣческаго достоинства.

— Люди дѣлаются по заказу живописцами!—иронически вставилъ Эмиль.

— Но ты про себя этого не имѣешь права сказать,—возразила Олли.

— Я не про себя и говорю,—спокойно отвѣчалъ юноша.

— Какую другую карьеру могъ избрать мой сынъ?—замѣтила мать.—Художество у него въ крови. Къ другимъ занятіямъ онъ не способенъ. Служить же не обязанъ, такъ какъ онъ не германскій подданный.

— Обставленъ для жизни какъ нельзя лучше!—съ необычайной серьезностью подхватилъ юноша и иронически улыбнулся.

— Я вамъ, кажется, говорила, что мой второй мужъ былъ живописцемъ, но не сказала, что онъ двадцать лѣтъ работалъ въ сибирскихъ рудникахъ!—съ нѣкоторой важностью произнесла Ковальская и посмотрѣла на жильца въ полной увѣренности, что слова ея произвели должное впечатлѣніе. Но Гастельмейеръ, имѣвшій о судьбѣ сибирскихъ каторжниковъ весьма смутное понятіе, не оправдалъ ея ожиданій.

— Подлость!—пробормоталъ Эмиль,—всѣ люди подлы.

Юноша всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

Дверь отворилась и вошелъ Эрвинъ. Онъ былъ очень блѣденъ, лицо его осунулось.

— Успокоился ли ты хоть немного, Эрвинъ?—съ участіемъ спросила мать.—Я всегда страдаю вмѣстѣ съ тобою, тебѣ это должно служить утѣшеніемъ...

— Мы говорили про отца, Эрвинъ,—сказалъ Эмиль.

Эрвинъ молча сѣлъ.

— Да, моего втораго мужа судьба не баловала! Онъ, двад-

Digitized by Google

цати лѣтъ, послѣ одного изъ польскихъ возстаній, попалъ въ рудники... Куда именно, я не помню...

— Въ Семирѣченскъ! — нетерпѣливо добавилъ Эмиль. — Опять ты, мама, забыла! Вообразите, папа еще въ ранней молодости видѣлъ во снѣ семирѣченскій рудникъ и острогъ, хотя не имѣлъ о нихъ ни малѣйшаго понятія! Когда же въ дѣйствительности онъ попалъ туда, то припомнилъ свой сонъ и безутѣшно зарыдалъ!

Юноша говорилъ съ оживленіемъ, какого Фридель даже не ожидалъ отъ него.

— Позже,—продолжала Ковальская,—его перевели въ...

— Въ Верхній Колымскъ,—сердито подсказалъ Эмиль, и, подойдя къ бюро, отворилъ его.

Вещи въ бюро находились въ сравнительномъ порядкѣ; Эмиль досталъ карту, разложилъ ее на столѣ, а чашки и тарелки сдвинулъ къ одной сторонѣ.

— Вотъ папа сначала былъ здѣсь, а полгода спустя тутъ, потомъ позже вотъ гдѣ,—говорилъ юноша, водя пальцемъ по картѣ.—Всего онъ пробылъ въ Сибири двадцать два года! Затѣмъ его освободили и онъ уѣхалъ въ Германію. У него было рекомендательное письмо, данное ему еще до ссылки къ одному мюнхенскому художнику; представьте, онъ его сохранилъ и, пріѣхавъ сюда, передалъ уже сыну того художника,— отца не было на свѣтѣ. Папа давно уже занимался живописью, а здѣсь, въ пожилыхъ годахъ, ходилъ въ академію. Онъ былъ бѣденъ и слабаго здоровья, но все таки зарабатывалъ живописью...

Юноша вынулъ изъ бюро папку.

— Посмотрите, вотъ это все его эскизы, картины изъ жизни каторжниковъ...

Эмиль былъ взволнованъ.

— Жаль, что папа не могъ хорошенько усовершенствоваться,—замѣтила Олли, заглянувъ въ рисунки.—Во всѣхъ его фигурахъ виденъ талантъ.

— Пожалуйста, безъ критики!—горячо вступился Эмиль.

— Эмиль очень любитъ отца,—сказала опять слабымъ голосомъ Ковальская,—или, вѣрнѣе, память его, такъ какъ не зналъ его лично.

— Зналъ или не зналъ, а отецъ все таки остается моимъ

Digitized by Google

отцомъ!—выпалилъ юноша недовольнымъ тономъ.—Ты вотъ его знала, а названій тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ страдалъ, не помнишь: всякій разъ мнѣ приходится тебѣ подсказывать... Ну, скажи-ка, куда привели его съ самаго начала? Куда?..

Эмиль задорно посматривалъ на мать и нервно постукивалъ карандашемъ по столу.

— Опять не помнишь? Ну, теперь не скоро отъ меня узнаешь, куда...—И, закрывъ папку, юноша бережно спряталъ ее въ бюро.—Денегъ у него не было,—продолжалъ онъ,—а здоровье было плохо; еслибъ онъ не встрѣтился съ мамой, ему пришлось бы еще хуже. На его продолжительную болѣзнь ушли почти всѣ мамины средства... Еслибы люди не были такъ подлы, наше положеніе теперь было бы совсѣмъ другое.

— Еще бы!—сказала Олли и сердито посмотрѣла на брата.—Денегъ, денегъ, и житья въ свое удовольствіе,—вотъ чего вы всѣ жаждете, въ особенности ты... Слава богу, что у насъ нѣтъ денегъ, иначе ты разнѣжился бы еще хуже! Мы должны работать... работать безъ устали. И зачѣмъ ты постоянно ругаешь людей? Развѣ ты самъ не человѣкъ?.. Я не могу слышать этого вѣчнаго сѣтованія на людей... оно доказываетъ только твою незрѣлость... За что ты называешь людей подлыми?.. За то, что отцу жилось нехорошо, да и намъ не лучше? Ты хочешь, чтобъ они тебя ублажали, поили, кормили... Никогда они не будутъ этого дѣлать—и правы! Я нахожу, что люди добры, даже слишкомъ добры... А природа развѣ не жестока? Примись ругать и ее. Взгляни, какая ожесточенная борьба идетъ во всемъ мірѣ и что приходится выносить людямъ... и голодъ, и холодъ, и жажду, и болѣзни, и старость, за которой слѣдуетъ смерть. А сколько испытываютъ они нравственныхъ терзаній, сколько безъисходнаго горя!.. Все, что живетъ и чувствуетъ на землѣ,—страдаетъ и, не смотря на это, все таки существуютъ добрые люди. Нѣтъ, людей надо не бранить, а жалѣть. Неудача Эрвина опять сбила васъ съ панталыку. Господи, какое малодушіе! Можно ли такъ падать духомъ? А тебя, увалень, дѣло это, кажется, вовсе не касается.

— Увалень! Недурно...

— Вы не художники, не артисты, а купцы... Дѣло не выгорѣло, денегъ не дали,—и головы повѣсили. Впрочемъ,—

Digitized by Google

обратилась Олли къ жильцу,—вы попали не къ кущамъ, а къ цыганамъ...

— О, нѣтъ, не къ цыганамъ...—подхватилъ Эмиль, опять съ иронической улыбкой на толстомъ, подвижномъ лицѣ.

— А гдѣ же я?—спросилъ Фридель.

— Помните,—продолжалъ юноша,—вы намъ разсказывали, что оставили вашу прежнюю квартиру, потому что въ ея сосѣдствѣ находился запасный путь, гдѣ ни днемъ, ни ночью покоя не было отъ шума, гама и возни... У насъ въ семьѣ точно такая же суета, никогда не прекращающаяся; съ тою только разницею, что тамъ, на запасномъ пути, она внѣшняя, а у насъ—внутренняя...

— А, вотъ что...—проговорилъ Фридель, въ душѣ соглашаясь съ Эмилемъ. Но странное дѣло! Семья хозяевъ была ему не по сердцу, а онъ оставался сидѣть тутъ и смотрѣлъ, какъ Олли снова принялась за рисунки брата.

Хриплый звонокъ снова всполошилъ всѣхъ. Лица выразили напряженное вниманіе; всѣ точно застыли въ ожиданіи.

— Проклятіе!—прошепталъ Эмиль, дѣлая трагическій жестъ руками.

Позвонили вторично.

— Это тетя Ценгелинъ,—сказала Олли.

— Да, пожалуй, это ея часъ,—замѣтила мать.—Поди, отвори, Эмиль.

Юноша, ворча, направился въ переднюю, откуда вскорѣ послышался женскій смѣхъ и молодой мужской голосъ.

— Она опять съ этимъ верзилой!—сказала Олли.

— О, Господи!—простонала Ковальская.

Въ комнату вошла нарядная, живая и красивая старушка, а вслѣдъ за нею высокій, молодой мужчина.

— Фрейленъ Ценгелинъ, моя тетушка, и господинъ Кауфманъ, коллега моего сына,—представила хозяйка вошедшихъ.

— Онъ точитъ зубы на ея наслѣдство!—шепнулъ Эмиль Гастельмейеру.

— Здравствуйте, геній!—сказалъ Кауфманъ Эрвину, садясь на стулъ.—Какъ идутъ дѣла съ романомъ?

Ковальская знаками дала ему понять, что сынъ претерпѣлъ пораженіе. Эрвинъ молча кивнулъ головой.

— Ну, и народецъ, я вамъ скажу, эти издатели!—съ уча-

Digitized by Google

стіемъ произнесъ гость,—что̀ хорошо, въ чемъ есть новые мысли и взгляды,—того имъ не надо... имъ только повторяй зады!

«Значитъ, Эрвинъ принадлежитъ къ писателямъ новой школы»!—смекнулъ Гастельмейеръ про себя.

— Романъ Эрвина, дѣйствительно, превосходная вещь!—сказала Ковальская, обращаясь къ жильцу,—это, нѣкоторымъ образомъ, пророчество... воззваніе къ человѣчеству.

Гастельмейеръ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на «взывателя къ человѣчеству». Внутренно онъ негодовалъ на мать, разстроенные нервы которой, неуравновѣшенная натура и экзальтація пагубно вліяли на дѣтей; ему стало жаль послѣднихъ.

— Развѣ вы такіе поклонники новыхъ идей?—спросилъ Фридель.

Эмиль пожалъ плечами и улыбнулся.

— А что такое новыя идеи?—иронически спросилъ онъ вмѣсто отвѣта.

— Другъ мой, который вамъ годъ?—освѣдомился Фридель.

Юноша раскатисто захохоталъ.

— Проклятіе, проклятіе!—воскликнулъ онъ.

«Что за невозможное воспитаніе»!—злобно подумалъ Гастельмейеръ.

— Господинъ Гастельмейеръ,—заговорилъ шутливо новый гость,—я еще не познакомилъ васъ съ моей зальцбургской влюбленной.

— Шалунъ!—засмѣялась старушка.

Смѣялась она искренно и добродушно; она сразу понравилась Гастельмейеру.

— Вотъ люди,—сказала она, покачивая головой и указывая на хозяевъ,—стоитъ ли изъ-за пустяковъ такъ волноваться... Они на меня сердятся, что я не беру съ собой въ Италію Эрвина... ну, что̀ я буду дѣлать съ этой плакучей ивой? Я предпочитаю веселаго, долговязаго Кауфмана!

Послѣдній, въ это время, велъ съ Олли и ея матерью оживленный разговоръ объ искусствѣ.

— Старыхъ людей мнѣ не надо,—продолжала болтать фрейленъ Ценгелинъ,—будетъ съ меня моей собственной старости; къ тому же Кауфманъ человѣкъ бѣдный. Я живу здѣсь

Digitized by Google

по сосѣдству, мой садъ почти подходитъ подъ окна этого дома. Квартира у меня прехорошенькая, я устроила ее по своему вкусу... здѣшнимъ она не нравится... Признаюсь вамъ, мнѣ иногда доставляетъ большое удовольствіе наблюдать, какъ искусно эти неугомонные люди портятъ себѣ жизнь! Посмотрите, въ какой азартъ они вошли... Давайте слушать.

И старушка усѣлась съ такимъ видомъ, точно приготовилась смотрѣть на комедію или драму. Кауфманъ и вся семья хозяевъ съ необыкновеннымъ жаромъ разсуждали о литературѣ. Слова: реализмъ, натурализмъ, новое, старое міровоззрѣніе—такъ и сыпались. Поводомъ служилъ неудавшійся романъ Эрвина. Ковальская, Эрвинъ и Кауфманъ съ яростью отдѣлывали романъ одного извѣстнаго писателя. Гастельмейеръ читалъ его. Разобравъ романъ по косточкамъ и разругавъ его на чемъ свѣтъ стоитъ, всѣ трое принялись разносить самого автора, человѣка свѣтскаго и богатаго, жившаго, что̀ называется, въ свое удовольствіе. Они острили и смѣялись надъ нимъ; Эрвинъ хохоталъ во все горло, Олли тоже смѣялась. Гастельмейеръ приходилъ въ негодованіе, его больше всѣхъ сердила мать. Отпускаемыя остроты насчетъ наружности писателя возмущали его; онъ удивлялся, какъ можетъ Олли смѣяться.

— Чему вы смѣетесь?—спросилъ онъ ее наконецъ, не вытерпѣвъ.

— Смѣшно!—лаконически отвѣтила дѣвушка.

— Смѣшнаго тутъ мало.

— Такой писатель ничего лучшаго не заслуживаетъ. За промахи въ искусствѣ слѣдуетъ карать строже, чѣмъ за преступленіе,—рѣзко сказала Олли и сверкнула глазами.

— Олли—очень хорошая дѣвушка!—шепнула старушка,—но, къ несчастью, такая же полоумная, какъ и остальные... Впрочемъ, вижу, что и мой верзила не лучше ихъ... Можно ли городить такую чушь? А какъ онъ поетъ тирольскія пѣсни,—восторгъ! Г. Кауфманъ, спойте намъ что нибудь.

— Слушаю-съ!—отозвался кавалеръ старушки, и тотчасъ запѣлъ такимъ сильнымъ и звучнымъ голосомъ, что стекла въ окнахъ задребезжали.

— Для меня тирольское пѣніе лучше всякой оперы! Изъ-за этого я и беру его въ Италію.

Digitized by Google

Олли совсѣмъ разстроила Гастельмейера; онъ смотрѣлъ на красивую дѣвушку и не понималъ ея. Громкій разговоръ едва успѣлъ замолкнуть, какъ раздался страшный шумъ; что-то съ трескомъ и звономъ рухнуло.

— Мать пресвятая Богородица!—воскликнула старушка.— Что это такое? Гдѣ Эмиль?

Эмиля въ комнатѣ не оказалось.

— Ахъ, Боже мой!—всполошилась Ковальская,—онъ, вѣроятно, пошелъ за масломъ и уронилъ колпакъ съ очага!

— Я говорила, что этотъ дурацкій колпакъ надѣлаетъ когда нибудь бѣдъ,—сказала старушка,—виситъ эдакая махина на проволокахъ!

Все общество ринулось черезъ коридоръ въ кухню. Дѣйствительно, колпакъ со всѣмъ, что на немъ стояло, рухнулъ на очагъ. Въ кухнѣ пахло саломъ и лукомъ.

— Эмиль!—крикнула Олли.

— Ужь не подъ колпакомъ ли онъ, чего добраго?—замѣтила старушка.

Гастельмейеръ, Кауфманъ, Эрвинъ и Олли принялись общими силами стаскивать колпакъ, но имъ удалось лишь слегка приподнять его и убѣдиться, что юноши тамъ нѣтъ.

— Вотъ вамъ и не достать ужина изъ-подъ колпака!— смѣялась фрейленъ Ценгелинъ.—Что вы готовили? Пахнетъ чѣмъ-то вкуснымъ.

— Я велѣла поджарить бифштексъ,—слезливымъ голосомъ отвѣчала хозяйка,—надо же чѣмъ нибудь подкрѣпить силы! Да гдѣ же Франциска? Почему она не подала ихъ?

— У васъ прислуга никогда не знаетъ, что ей надо дѣлать.

— Слава богу, что Эмиль не попалъ подъ колпакъ,—замѣтила Олли.

— Но куда же скрылся этотъ шельмецъ?—недоумѣвала старушка. Исторія съ колпакомъ видимо забавляла ее. Ковальская же была близка къ истерикѣ отъ перепуга. Вдругъ всѣ обратили вниманіе на странный шумъ, происходившій въ концѣ коридора, точно откуда-то текла вода и вырывался паръ.

— Эрвинъ, Эрвинъ!—послышался оттуда голосъ Эмиля.

— Боже мой, моя ванна!—воскликнулъ Эрвинъ и со всѣхъ ногъ пустился по узкому коридору; все общество послѣдовало

Digitized by Google

за нимъ. Оказалось, что печь для нагрѣванія воды раскалена до-нельзя; паръ, шипя, валилъ изъ клапановъ, холодный кранъ открытъ и, черезъ края переполненной ванны, вода лила на полъ.

— Эрвинъ, кранъ не закрывается!—вопилъ испуганный Эмиль.

— Гдѣ клещи? безъ клещей его не закроешь.

— Да, вотъ именно, гдѣ они?—сердито повторилъ Эмиль.— Изъ-за нихъ и колпакъ у палъ. Кой чортъ унесъ ихъ опять?..

Эрвинъ не зналъ, что̀ дѣлать, онъ совсѣмъ растерялся. Эмиль же, окруженный клубами пара, какъ херувимъ въ облакахъ, силился пухлыми руками повернуть кранъ, но это ему не удавалось. Не случись тутъ Кауфмана, который закрылъ кранъ безъ особенныхъ усилій, произошло бы настоящее наводненіе.

— Бѣда никогда не приходитъ одна!—дрожащимъ голосомъ проговорила Ковальская и, опершись на Эрвина, который самъ едва держался на ногахъ, зарыдала.

— Всему этому причиной романъ!—сказала, лукаво улыбаясь и подмигивая Фриделю, фрейленъ Ценгелинъ.—Послѣ подобной неудачи они всегда теряютъ способность мышленія.

Гастельмейеръ ушелъ къ себѣ совершенно разстроенный; ложась спать, онъ рѣшилъ при первой возможности бѣжать отсюда. Запасный путь легче выносить, чѣмъ вѣчную суету и безпокойство этихъ людей!

IV.

Въ Мюнхенѣ праздновали масляницу. Не смотря на рѣзкій мартовскій вѣтеръ, маски во всевозможныхъ костюмахъ сновали по улицамъ, кричали, хохотали, пѣли, сыпали остротами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дрогли отъ стужи и поэтому безпрестанно забѣгали отогрѣваться въ рестораны, кофейни и пивныя, которыя, съ наступленіемъ сумерекъ, переполнены были народомъ. Въ свѣтлыхъ, теплыхъ помѣщеніяхъ, пропитанныхъ табачнымъ дымомъ и винными испареніями, веселость принимала другой характеръ, и маски становились предпріимчивѣе.

Въ роскошныхъ залахъ ресторана «Луитпольдъ», за круглыми мраморными столиками, сидѣли парочки самыхъ разно-

Digitized by Google

образныхъ типовъ; были и такіе субъекты, которые спокойно наблюдали за веселящейся толпой, не принимая участія въ общемъ бѣснованіи. За однимъ столикомъ сидѣлъ нашъ Фридель Гастельмейеръ, и съ нимъ двѣ маски. На одной было коричневое шерстяное платье, на другой—черное шолковое. Серьезный и благоразумный Фридель не спускалъ глазъ съ этой послѣдней. До сихъ поръ бѣдному молодому человѣку казалось, что люди влюбляются отъ бездѣлья, что любовь—блажь. Теперь онъ не анализируетъ этого чувства, потому что самъ влюбленъ по уши.

— Здѣсь меня ни одна душа не знаетъ,—сказала маска въ черномъ и открыла лицо. Она съ любопытствомъ слѣдила красивыми черными глазами за веселящейся толпой.

Мы видимъ, что, не смотря на неоднократное рѣшеніе переѣхать на другую квартиру, Фридель продолжалъ жить въ «оригинально-меблированной комнатѣ». Мало того, онъ сдѣлался своимъ человѣкомъ въ семьѣ Ковальскихъ. Товарищи его давно догадались, въ чемъ дѣло; сначала они молчали, потомъ посмѣивались, а позже предостерегали пріятеля; кончилось тѣмъ, что улыбались и пожимали плечами.

— А меня и подавно никто здѣсь не знаетъ, и потому я сдѣлаю то же самое. Я буквально задыхаюсь!—сказала маска въ коричневомъ платьѣ. Это была кузина Фриделя, Анна изъ Рормоса.

Но Гастельмейеръ не обращалъ на родственницу никакого вниманія; онъ не могъ оторвать глазъ отъ красивой дѣвушки, которая, въ свою очередь, вся ушла въ созерцаніе того, что творилось вокругъ нея. Анна подумала, глядя на Фриделя: «Для тебя теперь весь міръ не существуетъ»! Ей не нравилось, что Фридель ничуть не скрываетъ своей безумной любви; она чувствовала себя совершенно одинокой въ этой шумной толпѣ. Тоска грызла ее. Въ Рормосѣ лучше; тамъ, по крайней мѣрѣ, она ничего не видитъ и не слышитъ. Въ это время проходившій мимо нея подгулявшій господинъ обвилъ рукою ея станъ, стараясь поцѣловать ее.

— Господи Боже мой!—воскликнула Анна, вскакивая со стула.

Предпріимчивый господинъ громко захохоталъ и проворно скользнулъ въ толпу.

Digitized by Google

— Уйдемте,—сказала дѣвушка Фриделю и Олли.

— Изъ-за этого дурака? — разсмѣялся Гастельмейеръ. — Успокойся, теперь я буду заботливо оберегать тебя.

И молодой человѣкъ снова заговорилъ съ Олли.

— Ахъ, посмотрите туда... взгляните сюда!—безпрестанно говорила восхищенная и впечатлительная художница. — Какъ я вамъ благодарна, что вы согласились сопровождать меня! Какъ все интересно!

— Въ самомъ дѣлѣ, вамъ это доставляетъ удовольствіе?

— Удовольствіе — мало сказать; такія зрѣлища для меня необходимы.

— Вы такъ любите веселье?

— О, нѣтъ!—Олли сердито сверкнула глазами.—Я вижу, вы меня не поняли. Не въ этомъ смыслѣ необходимы мнѣ подобныя зрѣлища... Я учусь, знакомлюсь съ настоящей жизнью. Это необходимо для творчества, а мы, женщины, всегда стоимъ въ сторонѣ, — только и копошимся въ своемъ ограниченномъ міркѣ... Вы меня должны понять, вы сами художникъ...

Олли видимо производила впечатлѣніе; маски толпились вокругъ ихъ столика и заговаривали съ нею. Гастельмейеръ старался отдѣлываться отъ нихъ, но Олли просила не мѣшать имъ. Двѣ маски усѣлись даже около дѣвушки. Одна изъ нихъ, одѣтая судебнымъ приставомъ, обратилась къ ней съ вопросомъ: кто она такая, чѣмъ занимается?

— Живописью,—отвѣчала Олли.

— Ну, я думаю, еслибъ я пришелъ къ тебѣ съ описью, то немногимъ бы удалось поживиться у тебя—кусокъ испачканнаго полотна, зубная щетка, если таковая водится, запачканный красками передникъ, да кое-какія тряпки... Лучшее твое платье на тебѣ, не такъ ли?

— Да, пожалуй! — смѣясь, отвѣчала Олли. — Завтра и на самомъ дѣлѣ придетъ къ намъ судебный приставъ, не такой, какъ ты, а настоящій. Въ самомъ дѣлѣ придетъ, я не шучу,— прибавила она, обратившись къ Гастельмейеру.

Это извѣстіе смутило Фриделя.

— Смотри, берегись!—воскликнулъ замаскированный приставъ,—онъ возьметъ тебя!.. Я, на его мѣстѣ, первымъ дѣломъ забралъ бы тебя изъ-за твоихъ плутовскихъ глазъ.

Digitized by Google

Разговоръ продолжался въ томъ же родѣ. Олли отъ души смѣялась.

Гастельмейеру очень не нравились отпускаемыя масками шуточки.

— Я думаю, фрейленъ Олли,—сказалъ онъ,—что вы продолжали бы ваши наблюденія, даже еслибъ одинъ изъ этихъ дураковъ поцѣловалъ васъ!

— Разумѣется,—просто отвѣчала Олли.

— Недурно!—проворчалъ Гастельмейеръ, а дѣвушка продолжала дѣлать наблюденія и болтать съ масками.

— Не суди ее слишкомъ строго,—сказалъ Фридель полушопотомъ Аннѣ,—она не такая, какъ всѣ... ее нельзя подводить подъ общую мѣрку... Но все таки она хорошая, честная дѣвушка, рисуетъ мастерски, любой художникъ можетъ ей позавидовать. Тѣмъ не менѣе, ее жаль...

— Жаль? Почему? Мнѣ кажется, что я лучше понимаю ее, чѣмъ ты: въ ней много смѣлости и бодрости духа.

Говоря это, Анна чувствовала какую-то тяжесть на сердцѣ, но не высказать своего мнѣнія объ Олли она не могла.

— Ты меня удивляешь, Анна; я былъ убѣжденъ, что Олли тебѣ не понравится...

Анна ничего не отвѣчала и сдѣлала видъ, что возня и суета кругомъ поглотили все ея вниманіе.

— Фрейленъ Олли, — шопотомъ спросилъ ее Фридель, — дѣйствительно ли вы ждете завтра пристава, или это была шутка?

— Нѣтъ, не шутка,—равнодушно отозвалась дѣвушка,—мясникъ подалъ ко взысканію.

Индиферентизмъ Олли къ подобнымъ казусамъ даже сердилъ Гастельмейера; вмѣстѣ съ тѣмъ ея энергія и неутомимость въ работѣ изумляли его. Эрвинъ тоже безъ устали сочинялъ и яростно громилъ въ своихъ романахъ все то, что̀ остальному міру вовсе не казалось возмутительнымъ, и потому не находилъ издателя. Они работали усердно, не жалѣя силъ, и не зарабатывали себѣ на насущный хлѣбъ, но это ихъ нимало не смущало, они и младшаго брата втягивали въ такую жизнь. Талантъ Олли, безспорный, но слишкомъ своеобразный, производилъ мало впечатлѣнія на публику. «Бѣдняжка»!—жалѣлъ ее Гастельмейеръ. Онъ представлялъ ее себѣ въ ни-

Digitized by Google

щетѣ, переутомленной, худой, блѣдной, больной,—но никогда не падавшей духомъ или порочной. Ни одна женщина до сихъ поръ не производила на него такого впечатлѣнія, ни объ одной онъ такъ много не думалъ.

— Г-нъ Гастельмейеръ, — обратилась вдругъ къ нему Олли,—у меня къ вамъ громадная просьба...

— Что такое?

— Сведите насъ въ танцклассъ... Мнѣ хочется посмотрѣть, что тамъ дѣлается.

Просьба Олли была необычайна!.. По мнѣнію Гастельмейера, дѣвушкѣ не подобало даже знать, что существуютъ танцклассы, а не то что говорить о нихъ съ мужчиной. Но Олли, повидимому, мало заботилась о мнѣніи своего кавалера.

— Пойдемте!—рѣшила она, вставая.

— Нѣтъ, фрейленъ, этого нельзя, — сухо возразилъ Фридель.—Какъ могла вамъ прійти въ голову такая фантазія?

— Вы опять меня не понимаете,—раздражительно сказала художница.

— Ахъ, да!—спохватился Гастельмейеръ, вспомнивъ, что она дѣлаетъ наблюденія, что ее нельзя подводить подъ одну мѣрку съ обыкновенными барышнями...

Черезъ нѣсколько минутъ, Гастельмейеръ со своими двумя дамами направлялся къ центральной залѣ, — въ танцкласссѣ. Обѣ дѣвушки были снова въ маскахъ.

— Я буду за тебя крѣпко держаться! — объявила Анна, немного оробѣвъ, когда они поднимались по крутой каменной лѣстницѣ.

— Хорошо сдѣлаешь, — отвѣчалъ молодой человѣкъ.—Не мѣшаетъ и вамъ, фрейленъ Олли, дать мнѣ руку.

Въ коридорахъ заведенія толпился народъ. Женщины съ обнаженными плечами, въ маскахъ... Въ антрактѣ наблюдатели наши вошли въ залу. Пары ходили взадъ и впередъ; ничего непристойнаго не дѣлалось и трусившая Анна немного успокоилась. Всѣ трое стали къ сторонѣ, гдѣ было попросторнѣе, и ждали начала кадрили.

Олли вся поглощена была любопытствомъ и машинально отпустила руку Гастельмейера. Этимъ тотчасъ воспользовался какой-то господинъ съ краснымъ разгоряченнымъ лицомъ и шляпой, сидѣвшей на затылкѣ, и пригласилъ ее на кадриль.

Digitized by Google

— Миньона!—фамильярно заговорилъ онъ и слегка приподнялъ кружево ея полумаски.—Пойдемъ танцовать.

Художница, какъ ни въ чемъ не бывало, взяла его подъ руку.

Гастельмейеръ и Анна не успѣли опомниться, какъ Олли уже стояла въ парѣ со своимъ кавалеромъ. Начались танцы. Парочки развязно и ухарски выдѣлывали па̀, цѣловались, обнимались, прыгали, смѣялись.

— Не смѣйте меня трогать!—строго сказала Олли своему кавалеру, обнаружившему слишкомъ большую предпріимчивость. Тому это показалось чрезвычайно забавнымъ и онъ сталъ относиться къ своей дамѣ съ преувеличеннымъ и шутовскимъ уваженіемъ, выдѣлывая выверты и гримасы. Дѣвушка увидала вокругъ себя разгоряченныя лица, страстные взгляды, неистовыя движенія, услыхала хохотъ, крики, — и ей вдругъ представилось, что она попала не въ общество людей, а очутилась среди стаи дикихъ и бѣшеныхъ обезьянъ. По окончаніи кадрили, Олли, съ трудомъ протискиваясь сквозь толпу, направилась къ Аннѣ и Гастельмейеру. Лицо послѣдняго было блѣдно и сурово.

— Онъ васъ поцѣловалъ?—спросила Анна.

Художница отрицательно качнула головой.

— Это ему не сошло бы даромъ! — сквозь зубы проговорилъ Фридель.

Олли дрожала, голова ея кружилась; она взяла Анну подъ руку.

— Вамъ непріятно, что я здѣсь танцовала? — спросила Олли Фриделя.—Поэтому вы мнѣ даже руки не предлагаете? Скажите, есть у васъ друзья, которые здѣсь часто бываютъ?

— Есть,—буркнулъ Фридель.

— Вы и имъ руки не протягиваете?

— Это совсѣмъ другое дѣло.

— А имъ доставляетъ удовольствіе ходить сюда?

— Вѣроятно.

— Каждый вечеръ, пожалуй, бываютъ здѣсь?

— Можетъ быть. Но что это за допросъ?

— Вотъ имъ я не подала бы руки! Мнѣ было бы противно дотронуться до ихъ одежды, я бы презирала ихъ!

— За что же? Мужчинъ за это нельзя строго осуждать...

Digitized by Google

— Даже когда они съ наслажденіемъ окунаются въ такую грязь?.. А дѣвушку, пришедшую сюда ради науки и наблюденія, и которая тутъ ничего, кромѣ отвращенія, не испытываетъ, вы считаете опозоренной и не желаете подать ей руку?

Лицо Олли горѣло энергіей, глаза сверкали, голосъ дрожалъ отъ волненія.

— Я видѣла все, что хотѣла,—продолжала она.—Мы, художницы-жанристки, часто впадаемъ въ слащавость, да и немудрено... Одна сторона жизни для насъ закрыта... ее скрываютъ отъ дѣвушекъ. Въ жизни, можетъ быть, такъ и слѣдуетъ... Но для художницы знакомство съ реальной стороной необходимо!

И, выпаливъ все это, Олли круто повернулась и направилась къ выходу. Гастельмейеръ и Анна поспѣшили за нею, но она затерялась въ толпѣ.

Лавируя между танцующими, они выбрались на лѣстницу.

— Ея тутъ нѣтъ, — замѣтила Анна.—Вѣроятно, она уже вышла на улицу.

Билетъ отъ верхняго платья былъ у Фриделя; стало быть, въ такую стужу, Олли ушла домой безъ шубки! Фридель и Анна наскоро одѣлись, захватили шубку художницы и поспѣшно усѣлись въ карету.

— Надо ѣхать тише!—крикнула Анна кучеру,—чтобы не пропустить ея!

— Вѣроятно, она пошла домой!—боязливо замѣтилъ Фридель.

— По всей вѣроятности.

Проѣзжая по Одеонской площади, они увидали у рѣшетки дворцоваго сада движущуюся черную фигуру.

— Вотъ она!—крикнула Анна, велѣла кучеру остановиться и, подбѣжавъ къ Олли, накинула ей на плечи шубку.

— Вотъ мы васъ и догнали!—сказала она.—Вы не сердитесь на него,—прибавила она ласково, увлекая ее къ экипажу, — у него въ сердцѣ огонь; немудрено, что по временамъ онъ вспыхиваетъ.

Олли слегка вздрогнула, но ничего не отвѣтила. Мать и тетя Ценгелинъ уже не разъ намекали ей на любовь Гастельмейера; онѣ упоминали объ его обезпеченныхъ средствахъ, о томъ, какое было бы счастье для всей семьи, еслибы она

Digitized by Google

вышла за него замужъ, а Олли сердилась и думала: «вся забота у нихъ только о деньгахъ и деньгахъ»!

— Выдя за него замужъ, — говорила мать, — ты будешь имѣть возможность заниматься живописью: положеніе его обезпеченное. Такую партію не скоро найдешь!

Когда карета подъѣхала къ дому, Анна сказала:

— Идите оба къ себѣ, а я поѣду домой.

Войдя въ квартиру старой тетки, у которой остановилась Анна, молодая дѣвушка прошла тихонько въ свою комнату и провела остатокъ ночи въ горькомъ, печальномъ раздумьѣ. Олли въ эту ночь тоже не спалось; она думала, размышляла, соображала. До сихъ поръ ей еще не приходилось задумываться надъ жизненными вопросами.

«Онъ меня не понимаетъ»!—думала она, лежа съ открытыми глазами въ постели, — «но онъ добрый, хорошій человѣкъ и любитъ меня. Должно быть, люди вообще другъ друга не понимаютъ. Мама, напримѣръ, развѣ понимаетъ меня? а Эрвинъ? а Эмиль? а тетя Ценгелинъ? Видно, этого требовать нельзя. Но онъ меня сильно любитъ, это видно... Лишь бы онъ не препятствовалъ мнѣ заниматься искусствомъ... это главное. Придется уѣхать отъ своихъ. Но почему же и не жить отдѣльно? Мы поѣдемъ въ Парижъ... Я тамъ поучусь, мнѣ многаго недостаетъ. Господи, какъ бы я желала усовершенствоваться»!

Только денежный вопросъ былъ непріятенъ ей... или, вѣрнѣе, непріятна важность, которую ему придавали въ ея семьѣ. Деньги... Проклятая и необходимая вещь! Изъ-за нихъ мученикъ Эрвинъ, подстрекаемый матерью, строчитъ романы; изъ-за нихъ Эмиля заставляютъ рисовать... Заниматься искусствомъ только изъ-за матерьяльной выгоды казалось художницѣ возмутительнымъ. Нужда не пугала ея, — остальныхъ же членовъ семьи она приводила въ ужасъ. Олли представляла себѣ сіяющее лицо матери, когда Гастельмейеръ сдѣлаетъ предложеніе, и это ее бѣсило...

V.

Въ маѣ, въ квартирѣ Ковальскихъ, происходила свадьба Фриделя и Олли. Все время, пока была невѣстой, художница продолжала вести прежній образъ жизни, много работала, и же-

Digitized by Google

ниху не позволяла приходить раньше обыкновеннаго изъ его мастерской.

— Помни,—серьезно говорила ему дѣвушка,—мое первое и непремѣнное условіе: никогда не мѣшать мнѣ заниматься живописью.

Фридель обнималъ невѣсту и обѣщалъ все на свѣтѣ.

— Будь покойна, моя ненаглядная, я исполню твое желаніе.

А самъ вполнѣ надѣялся, что семейная жизнь отодвинетъ искусство на второй планъ. Ему страстно хотѣлось вырвать любимую дѣвушку изъ окружающей ее нездоровой атмосферы, видѣть ее хорошей женой, нѣжной матерью. Родители его съ великимъ трудомъ, и то благодаря Аннѣ, давшіе свое согласіе на этотъ бракъ, сознаютъ тогда свою ошибку. Въ день свадьбы, рѣчь вѣнчавшаго ихъ пастора сильно смутила Олли: — его взглядъ на брачную жизнь не имѣлъ ничего общаго съ ея собственнымъ взглядомъ. Слова, что «они навѣки связаны», даже пугали ее.

«Зачѣмъ,—подумала она,—мнѣ раньше не объяснили, какой серьезный и безповоротный шагъ я дѣлаю»?!

Послѣ обряда вѣнчанія, Олли тихонько спросила мужа:

— Ты мнѣ не будешь мѣшать работать?

— Да нѣтъ же, ангелъ мой! Неужели ты только объ этомъ и думаешь?

Передъ тѣмъ какъ смѣнить свой вѣнчальный нарядъ на дорожное платье, Олли долго любовалась на себя въ зеркало; она любила свою красоту, какъ нѣчто объективное, художественное. Мысль, что она добровольно отдала свою свободу, уже не такъ пугала ее. «Не будетъ онъ мнѣ мѣшать,—думала она опять,—разъ что стремленіе къ славѣ составляетъ для меня всю суть жизни. А еслибы вздумалъ... я пойду на проломъ... буду бороться до послѣдней капли крови. Въ Парижъ мы поѣдемъ, если не теперь, то позже... Я никогда не сверну съ моего пути... никогда, никогда! Онъ, бѣдный, не подозрѣваетъ, какую обузу взвалилъ себѣ на плечи. Но несчастнымъ я его не хочу дѣлать, сохрани Господи»!

Гастельмейеръ вообразилъ, что, во время свадебнаго путешествія, единственнымъ разговоромъ будетъ любовь, единственной заботой—взаимная нѣжность. Но онъ ошибся. Мо-

Digitized by Google

лодая жена его съ утра до вечера работала. Они выходили вмѣстѣ рано утромъ; Олли захватывала съ собою альбомъ и рисовальныя принадлежности, и мужу приходилось только изумляться способности нѣкоторыхъ женщинъ къ усидчивому труду, всецѣло ихъ поглощающему. Молодому человѣку было бы, конечно, пріятнѣе дѣлать эти наблюденія надъ посторонней женщиной, а съ женой совершать прогулки по живописной мѣстности, лазить по горамъ и спускаться въ овраги, но приходилось подчиняться: воля Олли была непреклонна. Раза два ему удалось уговорить ее пойти погулять безъ альбома и красокъ, но прогулки эти доставили ему мало удовольствія. Ходить много Олли не могла, она скоро утомлялась; кромѣ того, она любовалась природой не такъ, какъ другія, а сейчасъ же увлекалась мыслью, какъ бы передать красками или карандашемъ то, что видитъ и чѣмъ восхищается. Когда женщина съ любовью отдается чему нибудь, то теряетъ чувство мѣры: она также беззавѣтно принадлежитъ искусству, какъ другая—любимому человѣку; это свойство присуще ея натурѣ. Однако, для Фриделя это свойство въ женѣ оказалось печальнымъ открытіемъ... Какъ бы то ни было, а пришлось покориться и признать ее вдохновенной художницей, неспособной удовлетворяться скромнымъ семейнымъ счастьемъ. Она только въ работѣ находила блаженство; съ мужемъ всегда была ласкова, привѣтлива, но онъ видимо стоялъ на второмъ планѣ въ ея жизни.

Въ первое время медоваго мѣсяца, Фридель иногда говорилъ женѣ:

— Олли, ты не принадлежишь мнѣ, дорогая! Ты похожа на вѣтряную женщину, которая въ объятіяхъ одного возлюбленнаго думаетъ о другомъ... другой—это твое искусство!

— Ты вѣдь это зналъ,—спокойно возражала художница.

Возвратясь въ Мюнхенъ, молодые занялись устройствомъ своего гнѣзда. Пока доходы были не велики, квартира ихъ должна была состоять только изъ мастерской, въ которой они оба хотѣли работать, и еще двухъ комнатъ. Все самое необходимое было закуплено до свадьбы, и Олли съ большимъ удовольствіемъ принялась устраиваться. Она накупала такихъ вещей и вещицъ, какихъ другіе никогда не могли найти, и платила за нихъ недорого. Гастельмейеръ былъ въ восторгѣ

Digitized by Google

отъ распорядительности своей жены; она съ утра до вечера бѣгала по магазинамъ, впопыхахъ; въ квартирѣ же весь день только и дѣлали, что прибивали, приколачивали и устанавливали,—однимъ словомъ, работа кипѣла.

— Зачѣмъ такъ торопиться? — спрашивалъ не разъ Фридель.

— Я не намѣрена терять время на это,—отвѣчала Олли.

Когда все было кончено, Гастельмейеръ съ облегченіемъ вздохнулъ, вообразивъ, что настало блаженное время отдыха и что теперь они спокойно заживутъ въ своемъ уютномъ уголкѣ. Но онъ опять ошибся въ разсчетѣ. Съ тѣхъ поръ какъ они вернулись въ Мюнхенъ, они еще ни разу не обѣдали у себя дома. Пока шло устройство квартиры, Фриделю приходилось, скрѣпя сердце, мириться съ этимъ. Онъ былъ избалованъ на ѣду еще дома; въ ресторанѣ, гдѣ онъ прежде постоянно обѣдалъ, кушанья, которыя ему подавались, готовились спеціально для него и по его вкусу. Олли же, въ этомъ отношеніи, была болѣе чѣмъ невзыскательна. Мать ея не любила заниматься хозяйствомъ; ѣли у нихъ въ семьѣ зачастую въ сухомятку или кое-какъ приготовленныя кушанья, и когда попало. Принимаясь за свое хозяйство, Олли наняла первую попавшуюся кухарку, вовсе не подозрѣвая, какую важную роль играетъ подобная особа въ семейной жизни; особа же эта очень скоро поняла, что молодая хозяйка ровно ничего не смыслитъ въ кулинарномъ искусствѣ, и не преминула этимъ воспользоваться. Олли вставала рано и тотчасъ принималась за свои картины: послѣ обѣда уходила рисовать въ академію, хозяйствомъ же занималась между прочимъ, урывками. Иногда вечеромъ она дѣлала попытку что нибудь сготовить къ ужину, такъ какъ кухарка зачастую самовольно отлучалась,—но ей ничего не удавалось; она съ отчаяніемъ бросала въ огонь свои импровизированныя кушанья и, когда кухарка возвращалась, просила ее какъ можно скорѣе сбѣгать въ мясную и что нибудь поджарить. Практическая жизнь и ея требованія приводили художницу въ замѣшательство, потому что она только тогда о нихъ вспоминала, когда они настоятельно заявляли свои права. Бѣлье, приходо-расходная книга, уборка комнатъ, выдача денегъ, распредѣленіе времени, топка печей, завтраки, обѣды и ужины,—все это были страшные призраки,

Digitized by Google

которые безпрестанно вставали передъ ней, пугали и мучили ее.

Время, между тѣмъ, незамѣтно летѣло. Олли писала большую картину, разсчитывая пріобрѣсти извѣстность; она надѣялась и въ то же время боялась, живя почти постоянно въ мірѣ грезъ и мечтаній. Съ Эмилемъ она продолжала заниматься по прежнему; юноша своей лѣнью часто приводилъ ее въ отчаяніе. Скоро молодую женщину стало тревожить еще одно обстоятельство, котораго она боялась пуще всего; однако, ей съ каждымъ днемъ приходилось все болѣе и болѣе убѣждаться въ его дѣйствительности... Олли терзалась, негодовала, потихоньку плакала, но никому не хотѣла открыться, все еще надѣясь, что ея опасенія напрасны. Работала она въ это время съ удвоеннымъ рвеніемъ, и картина быстро подвигалась. Гастельмейеръ боялся, что она надорветъ свои силы и заболѣетъ. Однажды вечеромъ, мужъ и жена сидѣли вдвоемъ въ полутемной комнатѣ, освѣщенной только топившимся каминомъ. На дворѣ хлопьями валилъ снѣгъ. Олли только что вернулась изъ академіи, продрогшая, съ мокрыми ногами. Изнемогая отъ усталости, она не въ силахъ была снять съ себя промокшую обувь, корчилась въ углу дивана и чувствовала себя совершенно подавленной пугавшимъ ее обстоятельствомъ.

— Олли,—сказалъ сидѣвшій у окна Гастельмейеръ,—сняла ты мокрыя ботинки?

— Нѣтъ.

— Почему?

— Ахъ, я такъ устала!—сказала Олли и заплакала.

— Что съ тобой, моя крошка?—испугался Фридель и, подойдя къ женѣ, сталъ передъ ней на колѣни.

— Боже мой, какія у тебя мокрыя ноги!—продолжалъ онъ, стаскивая съ нея ботинки.—И холодныя, какъ ледъ. Лягъ, душа моя, протянись, такъ тебѣ будетъ покойнѣе.

Ему видимо хотѣлось спросить ее о чемъ-то, но онъ не рѣшался. Наконецъ, собравшись съ духомъ, онъ чуть слышно проговорилъ:

— Олли... ты отъ меня что-то скрываешь... да?

Онъ нагнулся къ самому уху жены и что-то шепнулъ ей. Олли уныло кивнула головой, и вслѣдъ затѣмъ истерически зарыдала.

Digitized by Google

— Олли!—радостно воскликнулъ Гастельмейеръ, обнимая и цѣлуя ее,—какое счастье!

Олли молча продолжала плакать; она чувствовала, что неумолимая дѣйствительность брала верхъ и разрушала всѣ ея иллюзіи. Молодая женщина была въ отчаяніи, а сіяющій Фридель, приписывая слезы нервности, свойственной ея положенію, продолжалъ радоваться и осыпать ее нѣжными ласками. Въ эту ночь Олли сильно заболѣла.

VI.

Душа, приготовившаяся идти въ юдоль плача, испугалась ожидавшихъ ее тамъ страданій и отказалась отъ своего земнаго странствованія.

Олли, слабая и больная, лежала въ постели. Первое время мысль о томъ, какъ она не желала, чтобы маленькое существо появилось на свѣтъ, мучила ее и она упрекала себя въ эгоизмѣ. Но это томительное состояніе продолжалось недолго и она мало по малу рѣшила, что «все къ лучшему».

Судьба дала ей на нѣкоторое время свободу; она ею воспользуется, будетъ работать и учиться! И молодая женщина съ нетерпѣніемъ ждала времени, когда ей позволятъ встать и приняться за свою картину. Но Гастельмейеръ долго горевалъ и ходилъ, словно въ воду опущенный; онъ ухаживалъ за больной женой, окружалъ ее заботливымъ вниманіемъ, ласкалъ и утѣшалъ ее, воображая, что она также горюетъ, какъ и онъ. Олли молча внимала словамъ утѣшенія: она знала, что мужъ не пойметъ ея, и не требовала отъ него этого пониманія. «Съ какой стати»,—думала она,—«будетъ онъ понимать меня, когда всѣ люди другъ друга не понимаютъ, и каждый человѣкъ живетъ особнякомъ въ своемъ внутреннемъ мірѣ»!

Во время болѣзни Олли, пріѣхала изъ Рормоса Анна и, по просьбѣ Гастельмейера, занялась хозяйствомъ молодыхъ. Въ домѣ стало уютно и хорошо, обѣдъ подавался во-время, подаваемыя кушанья были вкусно приготовлены, и повеселѣвшій Фридель ѣлъ ихъ съ апетитомъ. Съ Анной онъ откровенно говорилъ обо всемъ, какъ съ лучшимъ другомъ, разсказывалъ ей съ юморомъ, что у нихъ часто царитъ полнѣйшій

Digitized by Google

безпорядокъ въ домѣ, что Олли ничѣмъ не интересуется, кромѣ своей живописи, и въ хозяйство почти не входитъ.

Анна серьезно и молча слушала его.

— Ты, кажется, требуешь чего-то особеннаго отъ женщины?—замѣтила она ему наконецъ.

— Какъ особеннаго?

— Она художница... артистическая натура... Ты вѣдь зналъ это, даже самъ восхищался ея талантомъ. Не можетъ же она угодить на всѣ руки! И рисовать, и стряпать, и содержать весь домъ въ порядкѣ, и съ дѣтьми возиться... Гдѣ же ей поспѣть? Это выше силъ человѣческихъ. Будь благоразуменъ, Фридель, и не требуй невозможнаго.

— Ты даешь мнѣ понять, что я оселъ!

— Вовсе нѣтъ... Только всѣ вы, мужчины, не даете себѣ труда хорошенько поразмыслить о требованіяхъ, которыя вы предъявляете къ женщинамъ...

— Ты, можетъ быть, права, Анна,—согласился Гастельмейеръ.—Ты дѣвушка умная, серьезная и спокойная. О жизни, которую мы здѣсь ведемъ, ты и понятія не имѣешь. Правду сказалъ чудакъ Эмиль, что на запасномъ пути, гдѣ я прежде жилъ, возня внѣшняя, а у нихъ въ семьѣ—внутренняя. Мы строимъ воздушные замки, хотимъ начать новый образъ жизни, иначе распредѣлить день, принимаемъ рѣшенія, обсуждаемъ ихъ, ликуемъ, что все пойдетъ, какъ по маслу, и продолжаемъ жить по старому,—даже перемѣнить кухарку для насъ цѣлое событіе!

— Въ чемъ могу, съ удовольствіемъ помогу вамъ,—сказала Анна.—До моего отъѣзда пріищу вамъ другую кухарку.

— Но ты еще погостишь у насъ?

— Недолго. Рормосъ тоже нуждается во мнѣ,—со вздохомъ отвѣчала дѣвушка.

Анна, дѣйствительно, занялась хозяйствомъ Олли, и наняла другую кухарку. Жена Фриделя благодарила ее, обѣщая поддерживать заведенный ею образцовый порядокъ.

— Хорошо сдѣлаешь, моя душечка,—ласково одобряла ее Анна.—Береги мужа, онъ человѣкъ хорошій.

Слова эти сказаны были съ такою задушевностью, что Олли невольно взглянула въ глаза дѣвушки; они были ясны и смотрѣли спокойно, хотя и не особенно весело. За недѣлю

Digitized by Google

до рождественскихъ праздниковъ, Олли съ восторгомъ снова принялась за свою большую картину. Въ это же время она отправила на выставку этюдъ, представлявшій сидящую въ сумеркахъ у окна старушку; моделью для этой картины она взяла фрейлейнъ Ценгелинъ, которая страшно негодовала, что ее посадили спиною къ окну, такъ что голова ея была въ тѣни. Кромѣ этого этюда, Олли послала еще на выставку двѣ небольшія картины, списанныя съ натуры во время свадебнаго путешествія. Онѣ такъ понравились ея профессору, что онъ посовѣтовалъ Олли послать ихъ на выставку.

Молодая художница ужасно волновалась, но старалась скрыть ото всѣхъ свое возбужденное состояніе. Чтобы какъ нибудь успокоиться и направить свои мысли на другой предметъ, Олли хлопотала по хозяйству. Гастельмейеръ понималъ, что она волнуется, и говорилъ ей:

— Не возлагай большихъ надеждъ на эту выставку и не возмущайся, если картины твои строго раскритикуютъ. За это нельзя быть въ претензіи!..

— Разумѣется,—отвѣчала Олли, а сердце ея сжималось отъ тревоги.—Скажи мнѣ, что говорятъ твои товарищи о моихъ картинахъ?

— Когда мы сходимся, то мало говоримъ объ искусствѣ... Не всѣ интересуются картинами художницъ... Такъ, развѣ, кто нибудь вскользь замѣтитъ: «а знаешь, Гастельмейеръ, картины твоей жены недурны»...

Утромъ въ сочельникъ, Олли съ Эмилемъ отправились покупать рождественскаго карпа, и живаго понесли его домой въ сѣткѣ. На Маріинской площади стоялъ цѣлый лѣсъ елокъ; въ воздухѣ пахло смолой; народъ спѣшилъ и суетился; на крышахъ лежалъ снѣгъ.

— Ты поступила неразумно, Олли,—сказалъ Эмиль дорогой,—зачѣмъ было выставлять картины передъ праздниками? Это невыгодно... Но ты, по крайней мѣрѣ, не злобствуешь, какъ мама и Эрвинъ. Они, прочитавъ сегодня въ газетѣ отзывъ о твоихъ работахъ, пришли въ неописанную ярость,—рвутъ и мечутъ. Слава богу, что тебѣ на все это наплевать!

— А что тамъ пишутъ? — глухимъ голосомъ спросила Олли. Она вспомнила, что противъ обыкновенія мужъ не при-

Digitized by Google

несъ ей въ это утро газеты, говоря, что она еще не получена. Слѣдовательно, онъ прочелъ... и скрылъ отъ нея!..

— Развѣ ты не знаешь?—удивился Эмиль и, взглянувъ на сестру, поразился ея блѣдностью.—Неужели такой вздоръ можетъ огорчить тебя? Я считаю тебя сильной...

Олли остановилась передохнуть, ноги ея подкашивались и, безъ дальнѣйшихъ разспросовъ, она побрела домой. Ей вдругъ стало холодно и скверно на душѣ. Какой безотрадный видъ кругомъ:—природа точно въ саванѣ, суетящіеся люди такъ пошлы и гадки!.. Дойдя до Карловскихъ воротъ, Олли въ изнеможеніи проговорила:

— Возьмемъ извощика...

Они наняли перваго попавшагося и поѣхали.

— У тебя совсѣмъ синія губы...—замѣтилъ юноша.

— Глупости.

— Право!

— Пускай пишутъ про меня, что хотятъ, мнѣ рѣшительно все равно. Картины мои часто не красивы, слишкомъ, можетъ быть, реальны—но онѣ живутъ... этого отнять они не могутъ!

— Они находятъ въ твоемъ жанрѣ много аффектаціи...

— Не правда! — вспыльчиво возразила художница,—ни малѣйшей аффектаціи нѣтъ! Это ихъ выдумка... — Глаза ея были полны слезъ.—Олухи въ мастерской прочли теперь отзывъ и радуются,—вотъ что мнѣ непріятно...

— Проклятіе!—трижды воскликнулъ Эмиль и сѣть съ рыбой чуть не выскользнула изъ его рукъ. Ему вдругъ пришло въ голову, что зять не поблагодаритъ его за сообщенное сестрѣ извѣстіе. На злорадныхъ «олуховъ» мастерской онъ тоже злился.

— Ну, что дѣлать!—сказалъ онъ примирительно,—успѣхъ впереди, а олухи сами когда нибудь попадутся на зубокъ критикѣ, и имъ не поздоровится. Эрвинъ, въ порывѣ бѣшенства, хотѣлъ бѣжать учинить скандалъ... мама тоже. Совсѣмъ рехнулись! Я насилу отговорилъ ихъ. Впрочемъ, они и сами хорошенько не знали, куда бѣжать и съ кѣмъ ругаться... Тетя Ценгелинъ была у насъ и по обыкновенію забавлялась ихъ неистовствомъ. Она увѣряетъ, что ничего бы этого не было, еслибы ты освѣтила какъ слѣдуетъ ея лицо на кар-

Digitized by Google

тинѣ... «Развѣ это натурально,—говоритъ,—рисовать человѣка и сунуть его въ темноту? Хорошъ портретъ, нечего сказать! Точно мнѣ стыдно показать свое лицо. Знакомые мои просто диву дались»!

Эмиль хотѣлъ разсѣять юморомъ огорченную сестру, но она отвѣчала лишь слабой страдальческой улыбкой на шутливую болтовню брата. Юноша никогда не жалѣлъ ни Эрвина, ни мать, когда они бѣсновались послѣ неудачи и рвали на себѣ волосы, но, при видѣ худенькой и блѣдной Олли, сердце его болѣзненно сжималось.

Пріѣхавъ домой, онъ тотчасъ разсказалъ Гастельмейеру про свою оплошность.

У Фриделя невольно вырвалось выраженіе Эмиля.

— Проклятіе!—воскликнулъ онъ,—она все узнала какъ разъ передъ праздниками. Мы не будемъ больше объ этомъ упоминать, пока она сама не заговоритъ.

Олли, однако, дѣлала видъ, что совсѣмъ и думать перестала о неблагопріятномъ отзывѣ. Купленнаго карпа пустили въ лахань съ водой, въ которой онъ, повидимому, чувствовалъ себя очень хорошо. Когда кухарка хотѣла заколоть его, Олли воспротивилась.

— Сходи, купи свѣжихъ сельдей,—приказала она,—а его не трогай, пусть онъ живетъ!

— Но только поторопитесь,—прибавилъ стоявшій тутъ Эмиль,—позже вы ихъ не достанете. Я это отлично знаю, потому что мы всегда приходимъ къ рыбаку, когда всѣ сельди ужь распроданы.

Изо всей семьи Ковальскихъ одинъ Эмиль кое-что смыслилъ въ хозяйствѣ, остальнымъ было не до того. Кухарка жаловалась сосѣдкѣ на свою барыню:

— Ни во что не вѣритъ,—говорила она презрительно, показывая товаркѣ купленныхъ сельдей,—къ празднику мы ничего не пекли, повѣришь ли, а вечеромъ ничего другаго не будетъ, кромѣ вотъ этой будничной дряни!

Послѣ обѣда, Олли принялась убирать елку. Нехотя занималась она этимъ дѣломъ и невольно вспоминала, какъ ее прежде сердило, когда, бывало, мать и Эрвинъ съ ума сходятъ отъ неудачи. Вотъ она и сама не лучше ихъ! Она вѣдь отлично знаетъ, что безъ неудачи не обойдешься,—а первый

Digitized by Google

дурной отзывъ о ея картинахъ сразилъ ее, какъ громомъ, и ей стоитъ неимовѣрнаго труда казаться равнодушной и спокойной.

Мысли Фриделя были тоже не изъ веселыхъ. Онъ первый разъ проводилъ праздники не въ Рормосѣ, гдѣ всегда было такъ хорошо, уютно въ семьѣ, гдѣ лица всѣхъ выражали радостное и хлопотливое возбужденіе, чуждое всякихъ терзаній и тревогъ. «Напрасно мы послушались доктора и не поѣхали въ Рормосъ»! думалось ему.—«Развѣ это унылое и удрученное существо похоже на мою прежнюю бодрую Олли»!

— Ты ничего не повѣсила на елку!—замѣтилъ Гастельмейеръ, никогда сроду не видавшій подобной убогой елки безъ конфектъ, пряниковъ, орѣховъ и сластей...

А Олли изъ года въ годъ привыкла видѣть именно такую елку, всю сплошь увѣшанную искусственными цвѣтами. Теперь она пожалѣла, что не посовѣтовалась съ мужемъ, какъ убрать и украсить елку. «Какая я безучастная ко всему,—съ горечью думала она,—хуже, чѣмъ Эрвинъ»!

Гастельмейеръ слѣдилъ глазами за вялыми движеніями жены и почему-то вспомнилъ, что докторъ, лѣчившій ее, спросилъ: отчего умеръ ея отецъ?.. Мало интересуясь семьей Олли, Фридель тогда не зналъ, отъ какой болѣзни умеръ его тесть, и потому спросилъ въ полурастворенную дверь у лежавшей еще въ постели Олли, отчего умеръ ея отецъ... Докторъ укоризненно посмотрѣлъ на него и покачалъ головой, давая ему понять, что этого дѣлать не слѣдовало.

— Отъ горловой чахотки,—послышался отвѣтъ Олли.

Все это вспомнилось теперь Гастельмейеру, и ему стало жутко на душѣ. А между тѣмъ они другъ друга любили, и все могло бы быть такъ хорошо.

— Такъ у насъ за ужиномъ будетъ карпъ?—спросилъ Фридель, чтобы что нибудь сказать.

— Онъ такъ красивъ и полонъ жизни, что я не велѣла его убивать,—смущенно отвѣтила Олли.—У насъ будутъ свѣжіе сельди...

— Не по праздничному, душа моя! — замѣтилъ мужъ, вспомнивъ, что на елку, вѣроятно, придутъ всѣ Ковальскіе и старушка Ценгелинъ со своимъ верзилой. Дѣйствительно, всѣ пришли. Мать имѣла удрученный видъ, теперь ей приходилось

Digitized by Google

страдать за двоихъ. Пока горѣла елка, она съ Эрвиномъ и Кауфманомъ вела разговоръ о литературѣ, и потому ничего не видѣла и не слышала, что̀ вокругъ нея дѣлалось и говорилось.

— Поди-ка сюда, моя незадачливая! — позвала тетя Ценгелинъ Олли,—вотъ тебѣ за мой портретъ безъ лица!—и старушка подала ей конвертъ съ деньгами.

Олли взяла подарокъ и улыбнулась.

— Погоди, тетя, за неудачей придетъ удача. Я не падаю духомъ... Мнѣ надо еще работать, я это знаю и чертовски много могу работать, ты это видѣла. Слѣдовательно, унывать нечего!..

Олли говорила бодро и какъ будто развеселилась.

— Вотъ такою я тебя люблю. Молодецъ бабенка! Ну ихъ къ Богу, этихъ вѣчно ноющихъ и стонущихъ людей; оттого и счастье бѣжитъ отъ нихъ... Они невыносимо тошны!

Олли совсѣмъ преобразилась—болтала, смѣялась, возилась, и всѣхъ увлекла своимъ оживленіемъ. Лицо Гастельмейера сіяло радостью; онъ обнималъ жену и благодарилъ ее.

— За что?—отвѣчала художница,—я, право, тутъ непричемъ! Мое веселое настроеніе пришло само собою!

— Тѣмъ лучше.

— Ахъ, милый!—съ искренней задушевностью сказала вдругъ она, прижимаясь къ груди мужа,—какое для тебя несчастье, что ты женился на мнѣ!

— Какой ты вздоръ мелешь!

— Нѣтъ, право, мнѣ жаль тебя.

Фриделю сдѣлалось опять грустно.

— У тебя жаръ, Олли, ты вся горишь!—заботливо сказалъ онъ.

— Вѣроятно, немного простудилась.

— Ахъ, Олли, ты опять хрипишь!—въ ужасѣ воскликнула мать,—гдѣ ты схватила простуду?—И Ковальская, волнуясь, стала разсказывать, что дочь ея часто подвержена хрипотѣ, и что это опасно.

— Вы увидите,—заключила она,—что Олли провозится съ горломъ всю зиму... Очень нужно было покупать эту проклятую рыбу, которую намъ даже ѣсть не придется. Что ты сдѣлала съ этимъ карпомъ, Олли?

— Ничего. Онъ жить хочетъ... пусть и живетъ.

Digitized by Google

VII.

Былъ третій день праздника. Олли чувствовала себя нехорошо, здоровье ея видимо пошатнулось. Впрочемъ, это не мѣшало ей проводить цѣлые дни въ мастерской и усердно работать. Она взяла натурщицу, коренастую крестьянскую дѣвушку, которая, облокотившись одной рукой о колѣно, подпирала ею подбородокъ и съ тупой сонливостью смотрѣла вдаль, какъ смотрятъ обыкновенно люди, долго не мѣняющіе положенія.

Картина Олли должна была изображать дѣвушку, сидящую подъ яблоней, покрытой кое-гдѣ цвѣтомъ. Яблоня растетъ въ полѣ; у дѣвушки утомленный видъ, она отдыхаетъ послѣ тяжелой дневной работы и какъ будто къ чему-то прислушивается,—къ пѣнію ли птички, или къ отдаленному вечернему звону. Въ общемъ, вся ея фигура выражаетъ какое-то равнодушное, сонливое довольство. Олли была очень довольна своей натурщицей; просидѣвъ нѣкоторое время неподвижно, она отлично изображала усталость, требуемую замысломъ художницы.

— Смотри, Фридель,—шептала восторженно Олли,—сколько тутъ поэзіи!

— Ну, другъ мой,—отвѣчалъ Гастельмейеръ съ усмѣшкой,—я до подобныхъ идиллій небольшой охотникъ, и не вижу поэзіи въ этой толстой мордѣ... Но, тѣмъ не менѣе, картина хороша, очень хороша. Да, кстати, одинъ изъ моихъ знакомыхъ художниковъ находитъ твои картины «недурными». Ты, можетъ быть, недовольна такимъ отзывомъ, Олли? знаешь, кто это сказалъ?—Коппертъ!

— Не можетъ быть!—воскликнула Олли въ неописанномъ восторгѣ.

— Увѣряю тебя. По обыкновенію, онъ пробурчалъ эту сдержанную похвалу себѣ подъ носъ. Но, по правдѣ сказать, я недоволенъ его похвалой.

— Напрасно, Фридель.

— Да ты развѣ его знаешь?

— Лично—нѣтъ; но я хорошо знакома съ его картинами. У него именно тотъ жанръ, который мнѣ больше всего нравится.

Digitized by Google

Олли казалась сильно взволнованной.

— Фридель, ты не шутишь?—спросила она, положивъ палитру на столъ и глядя на мужа съ выраженіемъ безпокойства въ глазахъ.—Правда, онъ сказалъ, что мои картины недурны?

— Зачѣмъ же я буду шутить?.. и что же тутъ такого необыкновеннаго?

— Онъ одинъ изображаетъ жизнь такою, какъ она есть... безъ прикрасъ и рисовки... Какъ я ему всегда завидовала!.. онъ превзошелъ всѣхъ старинныхъ мастеровъ.

Олли бросилась на шею мужа и снова спросила:

— Такъ ты не выдумалъ? Онъ сказалъ, что мои картины недурны? да?..

— Ахъ, Олли! Можно ли такъ волноваться изъ-за пустяковъ? Ты опять заболѣешь, моя пташка!

— Нѣтъ, не безпокойся... Какъ жаль, Фридель, что ты не понимаешь его...

— Дитя мое, я въ этомъ отношеніи благоразумнѣе тебя... Я убѣжденъ, что со временемъ характеръ его живописи измѣнится; онъ не останется такимъ, какъ теперь.

— Не думаю, Фридель, — онъ реаленъ, самобытенъ, не гонится за модой, подобно другимъ, которые все дѣлаютъ изъ подражанія. Удивляюсь, какъ ты самъ этого не замѣтилъ.

— Я не зналъ, что у тебя къ Коппертy такое обожаніе!

— Не серди меня, Фридель.

Гастельмейеръ засмѣялся.

— Ты пришла въ такой экстазъ, моя восторженная художница, что не дала мнѣ договорить. Коппертъ просилъ позволенія прійти къ намъ сегодня послѣ обѣда—посмотрѣть твои картины.

Молодая женщина даже поблѣднѣла при этомъ извѣстіи, поспѣшно схватила палитру со стола и хотѣла было приняться за работу, но руки ея дрожали.

— Нѣтъ, я не въ состояніи!—смущенно проговорила она, опуская руки.

— Да и давно пора обѣдать.

— Развѣ пора?

— Гдѣ же твои часы, Олли? Рѣшено было, что они всегда

Digitized by Google

будутъ около тебя, чтобы ты не засиживалась за работой въ непоказанное время.

— Гдѣ часы?—разсѣянно повторила художница.—Они не заведены... упали за кровать дня два тому назадъ.

— И ты ихъ тамъ и оставила? Самое подходящее мѣсто!

— Они далеко завалились, трудно было достать ихъ.

— Недурно.

— Ахъ, Фридель, не ворчи, пожалуйста!

Гастельмейеръ зналъ, что обѣдъ заставитъ себя ждать, и потому легъ на кушетку и взялъ книгу.

Олли отпустила натурщицу и спросила горячей воды, чтобы вымыть кисти.

— Пожалуйста, поторопитесь съ обѣдомъ,—сказала она, когда кухарка вошла съ горячей водой. — Что вы тамъ готовили на сегодня?

«Хороша хозяйка»!—уныло подумалъ мужъ. Онъ былъ не въ духѣ, голоденъ, и ему хотѣлось вкусно и плотно пообѣдать, но онъ зналъ заранѣе, что желанію этому не суждено исполниться. Когда кухарка въ грязномъ передникѣ поставила кушанье на столъ, Гастельмейеръ приподнялъ крышку съ кастрюльки и поморщился.

— Отравительница!—пробурчалъ онъ по адресу кухарки.— Что это тамъ за куски въ бурдѣ?

Олли не обратила вниманія на недовольство мужа и спокойно сказала:

— Не знаю.

Она все еще находилась въ возбужденномъ состояніи и не притрогивалась къ кушанью.

— Фридель, когда онъ придетъ?

— Опять... Господи, да возьми же ты себя въ руки, Олли!—воскликнулъ Гастельмейеръ,—право, твои экстазы не приведутъ ни къ чему хорошему... Ты ничего не ѣшь, кашляешь... хрипишь. Тебя надо уложить въ постель. Я думаю, лучше сходить мнѣ къ Копперту и попросить его отложить посѣщеніе до другаго раза.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, Фридель, ради бога!—встревожилась Олли.—Какъ можно отказаться отъ счастія?.. Ты этого не сдѣлаешь... Нѣтъ?..

— Ну, пусть его приходитъ! Только прошу тебя, дорогая

Digitized by Google

моя, успокойся... Покушай чего нибудь. А что карпъ—все еще плаваетъ въ лахани? Право, лучше бы подать его за обѣдомъ, вмѣсто этого неаппетитнаго рагу изъ баранины!

— Нѣтъ, Фридель, этому не бывать. Подумай, онъ уже почти ручной!

— Ты полагаешь, что онъ будетъ менѣе вкусенъ отъ этого?

— Я, по крайней мѣрѣ, не могла бы его ѣсть.

— А я его преспокойно бы съѣлъ.

— О, Фридель! плотоядное животное!

— Вотъ тебѣ мой сказъ: если ты на дняхъ не подашь этого нахала на столъ, я самъ распоряжусь съ нимъ.

— Милый, не трогай его, прошу тебя!

— Не корми меня такой дрянью, тогда я его не трону.

Вошла кухарка.

— Слышите,—обратилась къ ней Олли,—готовьте какъ можно лучше и вкуснѣе, иначе баринъ грозитъ заколоть моего карпа!

— Слушаю-съ,—смѣясь, отвѣчала кухарка, которая, какъ и прежняя, дѣлала все, что хотѣла, въ странномъ хозяйствѣ Гастельмейеровъ.

Послѣ обѣда, Фридель легъ отдохнуть.

— Не спи, дружокъ,—возбужденно увѣщевала его Олли,—ты будешь жирѣть.

— Что за бѣда! Зато ужь отъ пищи не разжирѣю.

Молодая женщина попыталась стащить мужа съ кушетки за ноги, а когда это ей не удалось, стала толкать его въ спину и возилась до тѣхъ поръ, пока не раскашлялась. Щоки ея горѣли и голосъ хрипѣлъ.

— Олли, тебѣ нездоровится,—заботливо замѣтилъ мужъ.—Поди лягъ.

— Нѣтъ, какъ можно! Тогда я такъ охрипну, что совсѣмъ потеряю голосъ... Какая досада, что эта хрипота явилась какъ разъ сегодня... когда онъ долженъ прійти.

Олли начала приводить въ порядокъ комнату. Сначала она хотѣла было переодѣться, но, подумавъ, что это будетъ ужь черезчуръ по женски, осталась въ чемъ была. Она всегда одѣвалась оригинально, но къ лицу и изящно. Ровно въ че-

Digitized by Google

тыре часа пришелъ Коппертъ. Поздоровавшись съ хозяевами, онъ спросилъ:

— А что, дозволяется впустить сюда мою «астральную» собаку?

— Разумѣется,—отвѣчалъ Фридель.

Коппертъ вышелъ и вернулся съ желтой лягавой собакой, которая любовно посматривала на своего хозяина умными, добрыми глазами.

— «Астральная» собака!—повторила Олли, гладя животное по спинѣ.

— Вы знаете значеніе этого слова?—спросилъ Коппертъ.

— Кажется, «астральнымъ» называется наше второе тѣло, которое всюду за нами слѣдуетъ...

— Именно. Теперь кушъ! Ложись!

Между гостемъ и его собакой было что-то общее, даже какъ бы сходство,—такъ нашла Олли:—оба были худы, энергичны, у обоихъ были умные глаза. Скоро между хозяевами и гостемъ завязался оживленнный разговоръ. Коппертъ разсматривалъ картины Олли и многое хвалилъ.

— Работаете вы хорошо... вотъ хоть бы эта голова: зрѣлый, обдуманный трудъ. Вы такъ еще молоды, а мнѣ тридцать шесть лѣтъ, и все же я охотно назвался бы авторомъ этого этюда. У кого вы учились?—Олли сказала. Она была на седьмомъ небѣ отъ счастья. Никакая похвала не была ей такъ пріятна, какъ именно похвала Копперта, высказанная такъ просто и правдиво. Она не отрывала глазъ отъ желаннаго гостя и всякое слово его слушала съ восхищеніемъ.

— Вы немного охрипли,—замѣтилъ Коппертъ и тутъ же раскаялся въ невольной безтактности, потому что хозяйка смутилась, покраснѣла и взволнованно заговорила:

— Къ несчастью, да, охрипла...

Видно было, что ей совѣстно говорить такимъ голосомъ и что это обстоятельство отравляетъ ей удовольствіе новаго знакомства, мѣшая свободно выражаться.

— Глупо было съ моей стороны напоминать вамъ объ этомъ, — просто сказалъ художникъ. — Хрипота пройдетъ... Вы, какъ я вижу, очень счастливая женщина: у васъ недюжинный талантъ, хорошій мужъ, и вдобавокъ вы молоды...— «и милы и красивы»—прибавилъ онъ про себя.

Digitized by Google

Вдругъ въ передней раздался звонокъ. Явилась Ковальская съ Эрвиномъ и Эмилемъ. По лицу Олли пробѣжала тѣнь неудовольствія: ей досадно было, что помѣшаютъ интересному разговору. Все семейство Ковальскихъ хорошо знало Коппертa по наслышкѣ; его картины часто служили предметомъ страстныхъ споровъ въ семьѣ. Нервная дама ужасно обрадовалась, что встрѣтилась у зятя съ такимъ интереснымъ и даже знаменитымъ художникомъ. Она тотчасъ вступила съ нимъ въ разговоръ, какъ съ коллегой, сыпля словами: «импрессіонистъ», plainer—и т. п.—словомъ, пристала къ нему, какъ докучливая муха. Въ искусствѣ, а главнымъ образомъ въ «новѣйшемъ», она считала себя компетентнымъ судьей. Художникъ, слушая ея разглагольствованія, думалъ про себя: «это еще что за ворона»?

Между тѣмъ, Ковальская и оба ея сына хоромъ стали жаловаться на притѣсненія, которыя терпитъ «новѣйшее» искусство. Эмиль, по этому поводу, не преминулъ изречь троекратное «проклятіе».

— Всѣ люди мерзавцы!—рѣшилъ онъ безапеляціонно.

— Позвольте,—проговорилъ, наконецъ, Коппертъ, обращаясь къ Ковальской,—во-первыхъ, я не знаю, что̀ это за штука: «новѣйшее» искусство? Во-вторыхъ, я и вообще въ искусствѣ ничего не смыслю, хоть убейте меня, и изумляюсь вашимъ обширнымъ познаніямъ, сударыня. А въ третьихъ, что̀ это за недопеченая булочка сидитъ позади васъ и такъ авторитетно разговариваетъ?

— Какая булочка? Что такое?—спросила Ковальская, падая съ облаковъ.

— Булочка, которая съ одного бока подгорѣла, а съ другаго совсѣмъ сырая. Который вамъ годъ, дружокъ мой?—насмѣшливо обратился художникъ къ Эмилю.

— Ему семнадцать лѣтъ,—съ достоинствомъ отвѣтила мать,—и онъ замѣчательно развитъ для своихъ лѣтъ.

— Увы!—воскликнулъ Коппертъ,—это признакъ времени. Кто-то, не помню, сказалъ, что дѣти—новѣйшее изобрѣтеніе, прежде о нихъ рѣшительно ничего не знали и въ разговоры взрослыхъ они не вмѣшивались. А давно, осмѣлюсь спросить, сынъ вашъ считаетъ себя за человѣка, громитъ и презираетъ людей? Я въ подобныхъ случаяхъ настораживаю уши, какъ

Digitized by Google

филинъ. Жаль, другъ мой,—обратился онъ къ юношѣ,—что вы не попали въ мои ежовыя рукавицы! Чѣмъ вы хотите быть?

— Живописцемъ,—сухо отрѣзалъ Эмиль.

— Живописцемъ? А начинаете прямо съ художественной критики? Браво! Не стѣсняйтесь. Ай-да храбрецъ, недопеченная булочка. Право, господа, бываютъ случаи, когда плетка—незамѣнимое орудіе.

— Коппертъ, Коппертъ!—увѣщевалъ его Гастельмейеръ.

Художникъ засмѣялся.

— Знаю, знаю, ты призываешь меня къ порядку... Ты правъ: языкъ мой—врагъ мой! Лучше молчать.

— Нисколько!—пылко вмѣшалась Олли,—вы-то и должны говорить правду.

— Неужели?—добродушно спросилъ художникъ.—Вы не сердитесь за мою откровенность?

— Нисколько.

— Вы, стало быть, не раздѣляете того мнѣнія, что взрослые должны обращаться съ дѣтьми, какъ съ равными, относиться къ ребенку, какъ къ человѣку?—спросила Ковальская мягко и вѣжливо, какъ принято говорить съ человѣкомъ знаменитымъ, но грубымъ и неотесанымъ.

— Какъ съ равнымъ?—вспылилъ художникъ.—Какое же можетъ быть равенство между дѣтьми и взрослыми? Ребенокъ, на котораго смотрятъ, какъ на зрѣлаго человѣка, никогда настоящимъ человѣкомъ и не будетъ. Не лучше ли намъ прекратить этотъ разговоръ? Мы врядъ ли другъ друга поймемъ.

— Разумѣется,—согласилась Ковальская. Ей трудно было слѣдить за разговоромъ Копперта, говорившаго невнятно, себѣ подъ носъ, и безпрестанно перескакивавшаго съ предмета на предметъ.

Отдѣлавшись, наконецъ, отъ своей докучливой собесѣдницы, художникъ снова обратился къ Олли и заговорилъ съ ней вполголоса. Глаза молодой женщины лихорадочно и восторженно заблестѣли. Она чувствовала, что съ нею впервые говоритъ человѣкъ, который ее понимаетъ. До сихъ поръ ей казалось, что все, что она высказывала, уподоблялось гласу вопіющаго въ пустынѣ; теперь же на ея голосъ откликались

Digitized by Google

сочувственно. Насталъ конецъ тягостному одиночеству ея внутренняго міра; разговоръ съ Коппертомъ, его похвалы вызвали въ душѣ молодой художницы цѣлый рой сладкихъ надеждъ; жизнь показалась ей свѣтлою и отрадною,—она была вполнѣ счастлива. Эмиль надулся, онъ сердитъ былъ на Коппертa. Эрвинъ съ матерью, разумѣется, завели разговоръ о литературѣ и по обыкновенію увлеклись. Горничная доложила о приходѣ доктора.

— Развѣ онъ все еще продолжаетъ свои визиты?—спросила Ковальская.

— Я встрѣтилъ его сегодня,—сказалъ Гастельмейеръ,—и сообщилъ ему о хрипотѣ Олли и о томъ, что, не смотря на лихорадочное состояніе, она продолжаетъ работать.

Вошелъ старикъ-докторъ.

— Ну, какъ поживаете, барынька?—обратился онъ къ Олли, усаживаясь подлѣ нея. Онъ тотчасъ замѣтилъ ея ненормально-возбужденное состояніе. Перекинувшись нѣсколькими фразами съ докторомъ, Олли снова продолжала начатый разговоръ съ Коппертомъ.

— На васъ, я вижу,—говорилъ художникъ,—произвелъ сильное впечатлѣніе отзывъ прессы о вашей картинѣ. Напрасно! Не обращайте вниманія на ословъ. Что вамъ за дѣло до нихъ? Конечно, въ ваши годы и я мучился этими пустяками. Всѣ мы, художники, такъ глупы, что дорожимъ мнѣніемъ публики... Такова наша участь. Но надо стараться сбросить съ себя это иго, избавиться отъ этого рабства. Теперь я вѣрю въ свои силы и знать никого не хочу. Главный цѣнитель моихъ произведеній—я самъ. А къ сужденіямъ другихъ я отношусь равнодушно. Только при такомъ условіи возможно свободное и здоровое творчество. Художникъ долженъ быть самостоятельнымъ и слушаться лишь самого себя... Да иначе невозможно быть и порядочнымъ человѣкомъ!

— Все это такъ,—возражала Олли,—но часто здравыя и спокойныя размышленія разбиваются бурными порывами.

— Бури въ стаканѣ воды! Человѣкъ вообразилъ себя царемъ природы,— а, между тѣмъ, чѣмъ отличается кучка людей отъ кучки насѣкомыхъ?

— Да, разсуждать такъ полезно, но надо выработать въ себѣ эти воззрѣнія.

Digitized by Google

Они говорили почти шопотомъ, такъ какъ Олли почти потеряла голосъ.

— Ну, барынька, мнѣ тоже надо съ вами пошептаться,— сказалъ старикъ-докторъ шутливо и, подавъ ей руку, увелъ ее въ сосѣднюю комнату.

Черезъ полчаса докторъ и Коппертъ распрощались съ хозяевами и вмѣстѣ вышли. Выдя на улицу, художникъ, давно знакомый съ докторомъ, сказалъ ему:

— Какую жену подцѣпилъ себѣ этотъ Гастельмейеръ! Я только сегодня съ ней познакомился.

— Жену?—возразилъ старикъ,—какая она жена? она даже не женщина.

— Согласенъ, она почти безплотная... Это страждущая душа! Какъ могли они сойтись? Между ними ничего нѣтъ общаго.

— Она стоитъ на краю могилы,—сухо сказалъ докторъ.

— Какъ? Эта милая душа?

— Да. Только это между нами. Никто изъ ея близкихъ ничего не знаетъ. Я давно вижу, въ чемъ дѣло...

— А она, бѣдняжка, тоже ничего не подозрѣваетъ?

— И не должна ничего подозрѣвать. Немало хлопотъ еще будетъ съ нею. Господи! Никогда не забуду выраженія ея лица, когда, недѣли три тому назадъ, я съ величайшими предосторожностями намекнулъ ей, что врядъ ли ей суждено быть матерью когда либо... Что же вы думаете? На лицѣ ея изобразился полнѣйшій восторгъ, точно гора у нея съ плечъ свалилась. Весь смыслъ ея жизни въ проклятомъ искусствѣ. Бѣдный Гастельмейеръ! Итакъ, помните: между нами...

У Гастельмейера, между тѣмъ, разсуждали о Коппертѣ.

— Онъ страшный оригиналъ,—говорила Ковальская,—немного рѣзокъ въ сужденіяхъ... и говоритъ невнятно.

— Нахалъ!—пробурчалъ Эмиль.

Олли молчала. Для нея Коппертъ являлся пророкомъ, «мессіей»—какъ выразился Гастельмейеръ. Передъ уходомъ матери и братьевъ, Олли отвела въ сторону Эмиля.

— Завтра,—сказала она,—мы съ тобою пустимъ въ рѣку моего карпа. Приди пораньше. Я боюсь, что въ одинъ прекрасный день Фридель заколетъ его.

— Но тебѣ не велѣно выходить,—возразилъ юноша.

Digitized by Google

— Вздоръ! Мы поѣдемъ... повеземъ его опять въ сѣткѣ. Приходи, когда Фриделя не будетъ дома... послѣ 9-ти часовъ.

— Хорошо. Но я могъ бы и одинъ пустить его въ рѣку.

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ хочется присутствовать при его освобожденіи.

На слѣдующій день, Эмиль явился къ сестрѣ между 9-ю и 10-ю часами. День былъ солнечный, но холодный и съ рѣзкимъ вѣтромъ. Гастельмейера не было дома, кухарку Олли тоже куда-то услала. Сѣтку съ карпомъ Олли прикрыла полою своей шубки и, только садясь на извощика, передала его Эмилю. Здоровый карпъ сильно бился въ сѣткѣ. Проѣхавъ Максимильяновскій мостъ, они вышли и отправились берегомъ рѣки. Рѣзкій вѣтеръ дулъ немилосердно; Олли вся продрогла.

— Ты озябла,—замѣтилъ братъ.—Напрасно мы поѣхали... Я побѣгу впередъ и пущу карпа въ воду...

— Нѣтъ, я хочу видѣть, какъ онъ поплыветъ.

Они пошли дальше. Молодая женщина едва передвигала ноги.

— Не понимаю, что со мною! У меня опять такое чувство, точно члены мои налиты свинцомъ.

— Это ужь бывало съ тобою не разъ. Пойдемъ скорѣе, смотри, какъ онъ бьется въ сѣткѣ, словно чуетъ близость свободы.

Они спустились къ прозрачной и холодной рѣкѣ, вѣтеръ пронизывалъ ихъ насквозь.

— Хорошо ли ему тутъ будетъ?—усомнился юноша,—теченіе тутъ быстрое, а карпы предпочитаютъ тихое мѣсто. Пойдемъ немного дальше.

Они пошли опять противъ вѣтра. Олли совсѣмъ изнемогала и держалась за рукавъ братнина пальто. Придя къ намѣченному мѣсту, Эмиль вытащилъ карпа изъ сѣтки; чешуя его блестѣла на солнцѣ, какъ золото.

— Смотри!—и юноша, нагнувшись надъ водой, пустилъ рыбу въ воду. Карпъ, какъ золотая стрѣлка, блеснулъ и скрылся. Олли казалась удовлетворенной.

— Ему-то хорошо,—сказалъ Эмиль,—а намъ каково будетъ взбираться на берегъ? Ахъ, Олли, да ты совсѣмъ падаешь. О, проклятіе!

Дѣйствительно, молодая женщина совсѣмъ обезсилѣла. Пришлось сѣсть и отдохнуть.

Digitized by Google

— Что со мною? просто, не понимаю!—шептала она. Эмиль побѣжалъ впередъ за извощикомъ. «Что съ нею»? думалъ также и онъ. Когда они сѣли въ экипажъ, у Олли сдѣлался потрясающій ознобъ. «Скверно»!—думалъ юноша, поглядывая на сестру. Пріѣхавъ домой, молодая женщина легла на кушетку; лицо и голова ея горѣли. Эмиль остался при ней, хотя она прогоняла его домой.

— Отправляйся домой, лѣнтяй, ты придираешься ко всякому случаю, чтобы ничего не дѣлать.

— Не слѣдовало въ такой холодъ ѣздить!—говорилъ встревоженный юноша.—Лучше было бы карпу попасть въ желудокъ Фриделю... Ты, Олли, не терпишь сантиментальностей, а исторія съ карпомъ страшно сантиментальна.

— Совсѣмъ нѣтъ!—возразила молодая женщина.

Среди дня пришелъ опять докторъ и осмотрѣлъ горло больной. Гастельмейеръ, видя крайнюю слабость жены, смутился,—тяжелое предчувствіе камнемъ легло на его душу. Въ ихъ жизнь вторгалось что-то непредвидѣнное, мрачное, страшное. Однако, докторъ сказалъ, что горло придетъ въ нормальное состояніе, но необходимо точно слѣдовать его совѣтамъ,—отнюдь не выходить, не утомляться и лѣчиться акуратно.

— Да что съ ней?—сурово спросилъ Фридель, желая скрыть свое безпокойство.

— Ничего особеннаго... Она нѣжнаго сложенія, ей необходимо беречься... Будетъ благоразумна, такъ скоро поправится.

Онъ велѣлъ Олли лечь на кушетку. Эмиль прикрылъ ей ноги пледомъ.

— Вотъ такъ, милая барынька,—одобрилъ докторъ,—лежите себѣ спокойно и смирно. У васъ лихорадочное состояніе и, по настоящему, мнѣ слѣдовало бы уложить васъ въ постель, но я знаю, что съ вашимъ характеромъ это было бы пыткой.

Олли молчала. Она чувствовала себя нехорошо, утренняя прогулка сказывалась. Въ сумеркахъ пришелъ Коппертъ. Когда прислуга доложила о немъ, лицо молодой женщины просіяло. Гастельмейеръ тоже ему обрадовался. Олли хотѣла приподняться навстрѣчу гостю, но послѣдній, осторожно взявъ ее за плечи, бережно уложилъ, какъ больнаго ребенка,

Digitized by Google

поднялъ соскользнувшій на полъ пледъ и укуталъ ея ноги. Усѣвшись около кушетки, художникъ поговорилъ о томъ, о семъ, и перешелъ на картины Олли. Онъ сдѣлалъ ей нѣсколько предложеній, относясь къ ней, какъ къ равной, безъ малѣйшаго признака снисходительности или покровительства.

— Странно,—замѣтила молодая художница,—почему вы такъ сочувственно ко мнѣ относитесь?.. Развѣ вы считаете, что у меня дѣйствительно... талантъ?

— Да,—отвѣчалъ Коппертъ.

— Ахъ, надо какъ можно скорѣе выздоравливать!—воскликнула Олли и глаза ея засіяли счастьемъ.

— Относитесь ко всему спокойнѣе,—увѣщевалъ ее художникъ.—Помните, что̀ я говорилъ о людяхъ и насѣкомыхъ!

— Да, да, но надо выработать въ себѣ это спокойствіе,—едва слышно проговорила молодая женщина.

Коппертъ жилъ вмѣстѣ со своей старушкой-матерью; когда онъ отправлялся вечеромъ къ Гастельмейерамъ, она спросила сына, куда онъ идетъ.

— Къ одной бѣдной душѣ!—отвѣчалъ художникъ. «Что онъ хочетъ сказать»? подумала старушка, «опять причуда какая нибудь»!

VIII.

Постель для Олли устроили на кушеткѣ въ гостинной, такъ какъ это была самая теплая комната во всей квартирѣ. Проснувшись разъ ночью на непривычномъ мѣстѣ, молодая женщина не вдругъ поняла, гдѣ она находится. Она искала на столикѣ спичекъ, но не нашла ихъ. Кровь приливала ей въ голову, ноги и руки горѣли, сердце колотилось, а въ горлѣ чувствовалось присутствіе какого-то посторонняго вещества, и это раздражало и пугало больную. Проведя нѣсколько разъ рукою по стѣнѣ и по кушеткѣ, она наконецъ вспомнила, гдѣ находится, и немного успокоилась; но какая-то тяжесть сдавливала ей грудь и мрачныя мысли лѣзли въ голову. Нервные люди, подверженные безсонницамъ, знаютъ, какіе размѣры принимаютъ ночью черныя и тревожныя мысли. Дневной свѣтъ разгонитъ этихъ чудовищъ, но ночью онѣ съ яростью набрасываются на свою жертву и терзаютъ ее, доводя до изсту-

Digitized by Google

пленія, до отчаянія. Въ такомъ состояніи очутилась больная Олли въ эту ночь.

— Фридель!—хриплымъ голосомъ позвала она.—Фридель!

Мужъ крѣпко спалъ въ сосѣдней комнатѣ и не слыхалъ.

— Фридель!—повторила она въ испугѣ.

— Что тебѣ?—спросилъ мужъ спросонья.

— Зажги, пожалуйста, свѣчку...

Фридель накинулъ халатъ и со свѣчею въ рукѣ вошелъ въ гостинную.

— Что съ тобой?—спросилъ онъ.

Олли испуганными глазами смотрѣла на мужа и молчала. Гастельмейеру никогда не приходилось ухаживать ночью за больнымъ; онъ соннымъ голосомъ опять повторилъ:

— Что случилось, дружочекъ?

— Фридель... Фридель...—но продолжать она не могла и двѣ крупныя слезы скатились по ея щекамъ.

— «О, Господи»,—подумалъ Фридель,—«даже ночью все тѣ же нервы... Запасный путь, да и только»!

Разумѣется, ему было жаль ее, но помочь онъ ничѣмъ не могъ, а опасности не предвидѣлъ.

— Фридель, я очень больна!..

— Какой вздоръ!—успокоительно сказалъ онъ.—Докторъ не находитъ ничего серьезнаго... Что ты такъ волнуешься?

— У меня горло болитъ... папа тоже умеръ отъ горловой болѣзни...

— Заболѣло немножко горло, сейчасъ и умирать? Какое малодушіе, дурочка моя!—онъ ласково потрепалъ ее по щекѣ.—Развѣ ты такъ дурно себя чувствуешь?

— Мнѣ страшно, Фридель!..

— Полно ребячиться, глупенькая.

— Слушай, Фридель, ты, кажется, и не подозрѣваешь, какое важное значеніе имѣетъ для меня моя работа?

— Мудрено мнѣ этого не знать!

— Ничего ты не знаешь. Мнѣ хотѣлось бы еще пожить года два.

— Почему же не подольше?—засмѣялся Гастельмейеръ.

— Ты слышалъ, что Коппертъ говорилъ обо мнѣ?

— И слова его мѣшаютъ тебѣ спать? Ахъ ты, честолюбивая!

Digitized by Google

— Вовсе нѣтъ...

— Стыдись!..

— Когда я достигну извѣстности, я сдѣлаюсь спокойной, терпѣливой, а до тѣхъ поръ...

— Ни себѣ, ни мнѣ покоя не будешь давать?

— Ахъ, Фридель, какой ты, право!..

— Постарайся-ка заснуть, дитя мое!

Гастельмейеръ всталъ, чтобы уйти къ себѣ.

— Посиди еще!—со страхомъ взмолилась она.

— Зачѣмъ? Завтра будетъ время поговорить.

Олли готова была зарыдать. Мужу стало очень жаль ее, но ему казалось, что необходимо сразу прекратить эти ночные разговоры, которые могутъ войти въ привычку и приносить вредъ здоровью и спокойствію полунощниковъ.

— Спи, Олли, сонъ лучше всякихъ разговоровъ.

— Но скажи мнѣ хоть что нибудь пріятное... ободряющее!

— Что же сказать тебѣ? не знаю...

— Что нибудь... Ну, хоть то, что я скоро поправлюсь.

— Ты ужь и такъ поправляешься, милочка моя.

Гастельмейеръ опять ласково потрепалъ жену по щекѣ и собрался уходить.

— Оставь свѣчку у меня,—попросила Олли.

— Хорошо, только не забудь потушить ее.

— Нѣтъ, не забуду. Завтра надо будетъ зажечь ночникъ.

— Да, конечно...—машинально согласился Фридель и ушелъ въ спальню.

Тотчасъ послѣ его ухода, Олли встала, вынула изъ стола маленькое зеркальце и, разинувъ ротъ, принялась осматривать свое горло, въ которомъ она чувствовала присутствіе чего-то посторонняго.

«Скверно»! — проговорила она, опускаясь въ подушки. Такъ лежала она долго, устремивъ глаза на огонь свѣчки, и только подъ утро потушила ее и заснула. На слѣдующій день художница наскоро одѣлась и проработала упорно все утро. Щоки ея горѣли, лобъ былъ влаженъ, руки дрожали; подобное состояніе она испытывала не въ первый разъ, но не въ такой степени; теперь она съ какимъ-то озлобленіемъ боролась съ внутреннимъ врагомъ, становившимся все сильнѣе и сильнѣе.

Позу и фигуру крестьянской дѣвушки подъ яблоней Коп-

Digitized by Google

пертъ находилъ чрезвычайно удачными и правдивыми, и, продолжая съ любовью рисовать, больная Олли припоминала каждое слово своего «мессіи», каждую похвалу его. Мысль, что онъ—мастеръ и учитель—понялъ ее, приводила ее въ восхищеніе.

«Ищутъ красоту внѣ жизни, гдѣ-то за облаками, въ фантазіи,—а она вездѣ, и такая трогательная, говорящая прямо сердцу. Смотришь на человѣка поверхностно,—кажется, ничего въ немъ нѣтъ... А вглядись внимательно, и найдешь, что онъ неподражаемо прекрасенъ, полонъ смысла, выраженія»!

Такъ говорилъ онъ Олли, и это удивительно совпадало съ ея собственнымъ воззрѣніемъ на красоту реальной, неприкрашенной природы. И художница работала, забывая усталость, не замѣчая, что потъ крупными каплями выступаетъ на ея лицѣ, хотя въ мастерской было вовсе не тепло.

Наконецъ, утомленіе взяло верхъ надъ искусственнымъ и болѣзненнымъ подъемомъ духа, и Олли легла ничкомъ на диванъ.

— Я могу уйти?—спросила натурщица.

— Нѣтъ еще, я только чуточку отдохну...

Немного погодя, она снова принялась за работу, закутавшись съ головою въ большой платокъ. Послѣ обѣда, пришелъ Коппертъ и засталъ ее за работой.

— Слава богу!—обрадовался Гастельмейеръ,—твой приходъ хоть насильно оторветъ ее отъ работы.

И, дѣйствительно, художникъ настоялъ, чтобы Олли легла на кушетку, а самъ, вмѣстѣ съ Фриделемъ, усѣлся возлѣ нея.

— Твоя жена слишкомъ много работаетъ, Гастельмейеръ.

— Сладь съ ней. Попробуй. Легче остановить на всемъ ходу локомотивъ, чѣмъ урезонить женщину!—отвѣчалъ мужъ.

— Господи, да развѣ такъ трудно справиться съ цыпленкомъ?..

— Съ цыпленкомъ? Нѣтъ, Коппертъ, ты, пожалуйста, о женщинахъ не суди...

— А ты-то можешь о нихъ судить?—спросила Олли.

— Я?! Знаешь, Олли, не будемъ лучше говорить объ этомъ!

— Да, я знаю, что я безпокойная особа,—отвѣтила молодая женщина, гладя мужа по рукѣ,—тебѣ бы надо совсѣмъ другую жену, такую же спокойную, какъ ты самъ... О, Боже!

Digitized by Google

А теперь еще болѣзнь привязалась... и зачѣмъ она именно теперь пришла?

— Скажите, пожалуйста,—спросилъ Коппертъ,—слыхали ли вы, чтобы человѣкъ, котораго неожиданно посѣтило счастіе, говорилъ: о, Боже! зачѣмъ оно именно теперь пришло?

— Нѣтъ, не слыхала.

— Когда же приходитъ что нибудь дурное, то это говорятъ всѣ. Я хочу сказать...

— Вотъ какъ разъ подходящій вопросъ для твоей матери, Олли,—перебилъ художника Гастельмейеръ.—Она завела бы такой диспутъ на эту тему, что Боже упаси! Я такъ и слышу ее: «Кантъ говоритъ»... и т. д...

— Извините меня,—сказалъ Коппертъ,—но я очень радъ, что сегодня никто не цитируетъ Канта, Шопенгауера и комп. Я не выношу этого. Что такое Кантъ? Ящикъ съ обманнымъ сюрпризомъ,—вотъ и все.

— Ну, ну...—съ упрекомъ вмѣшался Гастельмейеръ,—какъ можно сравнивать Канта съ такой чепухой! Есть люди и вещи, о которыхъ не подобаетъ говорить необдуманно.

— А почему не подобаетъ? По моему разумѣнію, Кантъ именно ящикъ съ обманнымъ сюрпризомъ, и я думаю, что всякій разумный человѣкъ согласится со мною. Знаете вы, что такое ящикъ съ обманнымъ сюрпризомъ?—обратился Коппертъ къ Олли.

— Нѣтъ,—отвѣчала молодая женщина.

— Гдѣ-то на сѣверѣ Германіи есть обыкновеніе подъ рождество вдвигать въ окно ящикъ. Его вскрываютъ и находятъ въ немъ другой ящикъ, меньшихъ размѣровъ, въ другомъ третій и т. д., и, наконецъ, въ самомъ маленькомъ—записочку самаго обыкновеннаго содержанія, въ родѣ: «здравствуйте, будьте здоровы, честь имѣю кланяться». Таковъ и Кантъ. Читали вы его?

— Нѣтъ!—смѣясь, отвѣчала художница.

— И прекрасно сдѣлали. Я былъ бы очень доволенъ, еслибы ничего больше не слыхалъ о знаменитыхъ философахъ. Они своими знаніями затемняютъ мозги остальныхъ людей. Никто не хочетъ больше самъ думать, твердятъ только: «Кантъ сказалъ»... «Шопенгауеръ говоритъ»... и воображаютъ, что эти слова—сама истина. Слушать тошно!..

Digitized by Google

— Чего ты вдругъ такъ разгорячился? — снова перебилъ его Гастельмейеръ, — мы съ женой, кажется, не цитировали ни Канта, ни Шопенгауера!

— Совершенно вѣрно, — отвѣчалъ художникъ, — но посмотри-ка на свою жену,—моя выходка ее разсмѣшила, только того и требовалось! Развѣ не заслуга привести человѣка въ хорошее расположеніе духа? По твоему, пожалуй, прочитать лекцію, или передъ пятьюстами дураками хватить верхнее *до*, или протанцовать на канатѣ—похвальнѣе? Слушай, Фридель, если хочешь, чтобы жена твоя была весела, не будь такимъ убійственно - прямолинейно - честнымъ педантомъ... Женщины этого не любятъ.

— Ого, Коппертъ! Сперва женись, а потомъ толкуй... Я уже сказалъ, что ты женщинъ не знаешь...

— А онъ знаетъ женщинъ? — обратился гость къ хозяйкѣ.

— Совсѣмъ не знаетъ! — смѣясь, отвѣчала Олли. — Впрочемъ, многіе хорошо знаютъ женщинъ, но совсѣмъ не знаютъ «женщину»—въ единственномъ числѣ... она всегда въ единственномъ числѣ! Вы меня поняли?

— Несовсѣмъ,—отвѣчалъ художникъ. — Но не утомляйте себя, я самъ постараюсь вамъ объяснить, что я разумѣю подъ словомъ: современныя женщины. *Онѣ* протягиваютъ руки къ тому, чего мы, изверги, лишали ихъ въ теченіе тысячелѣтій. Современныя женщины жаждутъ самостоятельности и имъ хочется выдвинуться изъ толпы... Внутри ихъ происходитъ кипѣніе и броженіе, какъ будто чувствуется присутствіе генія... у нѣкоторыхъ онъ и бываетъ, — почему ему и не быть? Но въ большинствѣ случаевъ природа забавляется тутъ пусканіемъ мыльныхъ пузырей... Что-то хочетъ сотворить, но ничего не выходитъ. Но женщина, въ единственномъ числѣ—это совсѣмъ другое. Она—герой... Она борется, не имѣя почвы подъ ногами; ей со страшными усиліями приходится завоевывать каждую позицію; на каждомъ шагу ей ставятъ преграды, надъ ней смѣются, но она бодро продолжаетъ идти впередъ... и если ее удерживаютъ насиліемъ,—она дѣлается дьяволомъ!

— Да, вы правы...—отвѣтила Олли.—Она также жаждетъ славы! Тысячи мужчинъ достигали ее, и ей хочется испытать это чувство... И не для себя одной... ей кажется, что своей

Digitized by Google

славой она облагораживаетъ всѣхъ женщинъ!.. Хорошо ли вы понимаете меня?

Олли встала съ кушетки и, прохаживаясь взадъ и впередъ по комнатѣ, продолжала дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— Да, всякое насиліе, всякое удерживаніе—мука. Въ особенности, когда помѣхой является болѣзнь!..

— И вотъ на такой восторженной женщинѣ пришлось мнѣ жениться!—смѣясь, сказалъ Гастельмейеръ.

— Бѣдный Фридель!—съ участіемъ проговорила художница,—хорошую находку ты сдѣлалъ, нечего сказать.

— Успокойтесь, ради бога! — пробормоталъ Коппертъ, — зачѣмъ вдаваться въ трагизмъ? Мы дѣлаемъ слишкомъ много чести судьбѣ, сѣтуя на нее: — она слѣпа и сама не знаетъ, что дѣлаетъ...

— Да, вамъ хорошо говорить, вы здоровы!

— И вы опять будете здоровы.

— Буду или нѣтъ, это еще неизвѣстно.

Съ этими словами Олли вышла въ сосѣднюю комнату.

— Знаешь, Коппертъ,—сказалъ Гастельмейеръ,—съ нѣкоторыхъ поръ она стала какая-то странная... не могу понять, что съ ней сдѣлалось. Олли!—крикнулъ онъ.

Молодая женщина вошла.

— Знаешь, что она сдѣлала съ рождественскимъ карпомъ? Она купила его, дала дорогую цѣну, а затѣмъ пустила его въ рѣку!

— Вліяніе Марлита, не такъ ли?—съ добродушной усмѣшкой сказалъ Коппертъ. — Напрасно вы это сдѣлали. Паутинныя чувства—больше ничего... Карпъ на то созданъ, чтобы мы его ѣли. Вотъ лѣтомъ мы съ вами отправимся рыбу ловить. Хищному звѣрю, который сидитъ въ насъ, надо иногда давать возможность позабавиться. Позволять паутиннымъ чувствамъ забирать слишкомъ много власти надъ нами — не годится... Мы и такъ на нихъ падки... Видали ли вы когда нибудь, какъ ловятъ карповъ?

— Нѣтъ,—отвѣтила Олли.

— Въ теплый, но пасмурный день опускаютъ крючки въ прудъ, по поверхности котораго плаваютъ широкіе зеленые листья, до того воспѣтые нашими слащавыми поэтами, что на нихъ смотрѣть противно;—эти растенія, называемыя кув-

Digitized by Google

шинчиками, полезны карпу тѣмъ, что защищаютъ его отъ солнечныхъ лучей. Карпъ—сибаритъ. Вотъ онъ подплываетъ къ крючку съ насаженной приманкой; плаваетъ около него, бьетъ хвостомъ, вертится, ныряетъ и находится въ самомъ благодушномъ настроеніи духа. Онъ лакомка, и ему до смерти хочется проглотить приманку, но боится; однако молодость, довѣрчивость и отвага берутъ верхъ надъ благоразуміемъ и въ концѣ концовъ онъ проглатываетъ приманку, а съ нею и крючокъ, который застрѣваетъ у него въ горлѣ. «Что за оказія»?—думаетъ карпъ, стремглавъ опускается на самое дно пруда и зарывается въ илъ. Отчаяніе овладѣваетъ имъ, онъ все глубже уходитъ въ илъ, наконецъ, ложится и терпѣливо переноситъ боль, которую ему причиняетъ рыболовъ, безпрестанно дергающій за веревку. Но герой продолжаетъ смирно лежать. Благодушное настроеніе его исчезло, но сила воли изумительна и человѣкъ можетъ позавидовать ему. Вдругъ онъ дѣлаетъ сильный, отчаянный прыжокъ, и если ему не удастся порвать веревку, то онъ покоряется своей судьбѣ и его, голубчика, вытаскиваютъ изъ воды.

Олли слушала Копперта со вниманіемъ.

— Теперь я еще больше радуюсь, что пустила на волю моего золотистаго пріятеля,—сказала она.—Кромѣ отчаяннаго прыжка, со всѣми твореніями бываютъ и другія случайности... Мое знакомство съ вами, напримѣръ, произошло тоже совсѣмъ неожиданно.

— Олли неподражаема! — замѣтилъ Гастельмейеръ. — Я долженъ предупредить тебя, Коппертъ, что здѣсь скоро воздвигнется тебѣ алтарь. Въ лицѣ моей жены ты пріобрѣлъ фанатическую поклонницу.

— А еслибы вы знали, какъ я вамъ завидую!—прибавила художница.—Вы производите впечатлѣніе такого сильнаго человѣка... и нравственно, и физически.

— Да, я не изъ слабыхъ, по крайней мѣрѣ, теперь... Но въ ваши годы я во многомъ уступалъ вамъ. Вѣдь я почти старикъ и много времени ушло у меня на пустяки!..

— Можетъ быть. Но вы очень своеобразно смотрите на жизнь. Никто и ничто васъ не смущаетъ...

— Погодите, вотъ мы лѣтомъ пойдемъ вмѣстѣ ловить карповъ; вы увидите, какимъ онъ молодымъ, веселымъ, бодрымъ

Digitized by Google

подплываетъ къ крючку, какъ потомъ попадается, приходитъ въ отчаяніе, теряетъ всякую надежду и, наконецъ, разумно покоряется неизбѣжной участи... Поучительно! Надо самому все это видѣть...

— Такъ вы думаете, что я нуждаюсь въ подобномъ примѣрѣ?—вспылила Олли и гнѣвно сверкнула глазами.

Она вдругъ ушла въ сосѣднюю комнату, захлопнула за собою дверь и, упавъ на кровать, съ отчаяніемъ зарыдала.

IX.

Въ слѣдующіе затѣмъ два дня, Коппертъ не приходилъ. Съ наступленіемъ сумерекъ, Олли ждала его съ минуты на минуту, въ томленіи, какого прежде никогда не испытывала. Въ первый день она лихорадочно работала, но на второй — силы измѣнили ей; она отпустила натурщицу обѣдать, а сама, съ книгой, улеглась на кушетку.

Ей сильно нездоровилось: опять полный упадокъ силъ, вмѣстѣ съ какимъ-то нравственнымъ возбужденіемъ и трепетомъ. «Придетъ или нѣтъ»? только этимъ вопросомъ и были заняты ея мысли. Фридель нѣсколько разъ приходилъ къ ней изъ мастерской, гдѣ онъ работалъ, и спрашивалъ, какъ она себя чувствуетъ, причемъ лицо его принимало пресмѣшное озабоченное выраженіе, несвойственное ему. Безпокоиться о комъ нибудь было для него дѣломъ непривычнымъ и удручающимъ. Появленіе мужа дѣйствовало Олли на нервы. Чтобы удержаться отъ рѣзкаго отвѣта, она предпочитала вовсе не открывать рта. Въ сумерки пришелъ докторъ, и Олли по неволѣ пришлось выйти изъ своего полусоннаго состоянія.

— Я знаю, — сказала она доктору, — что положеніе мое скверно.

— Ого!—произнесъ тотъ и принудилъ себя засмѣяться.

— Да, да, я убѣждена въ этомъ, и вы напрасно обманываете меня! Упорная горловая боль всегда серьезна, а у меня эта болѣзнь наслѣдственная...

А сама съ напряженнымъ вниманіемъ наблюдала за выраженіемъ лица доктора, страстно желая убѣдиться въ своей ошибкѣ.

— Пустяки,—отвѣчалъ старикъ,—ничего скверная нѣтъ.

Digitized by Google

Будьте только благоразумны и слѣдуйте моимъ предписаніямъ, тогда все опять придетъ въ надлежащій порядокъ.

— Отецъ мой также хворалъ... — съ напускнымъ спокойствіемъ возразила больная.

— Что жь изъ этого? Не у всѣхъ исходъ болѣзни одинаковъ.

— А, значитъ, я права. Болѣзнь та же самая!—крикнула вдругъ больная надорваннымъ голосомъ. Она вскочила и испуганными глазами уставилась на доктора.

— Полноте, барынька, какое ребячество! Не волнуйтесь... Опаснаго ничего нѣтъ... увидите...

Олли упала на кушетку и безнадежно покачала головой.

— Скажите лучше прямо, докторъ,—печально проговорила она,—сколько времени могу еще я поработать?..

Углы рта ея подергивало, глаза выражали полнѣйшее отчаяніе.

— Работайте въ мѣру, дитя мое. Не утомляйтесь чрезмѣрно... Главное—не волнуйтесь. Отчего вы однѣ? Гдѣ вашъ мужъ?

— Въ мастерской... работаетъ...—съ усиліемъ прохрипѣла молодая женщина.

Докторъ долго уговаривалъ и утѣшалъ свою паціентку,—но она почти не слушала его

— До свиданія, голубушка. Господь съ вами. Я зайду къ вашему мужу и пошлю его къ вамъ.

Когда Гастельмейеръ вошелъ къ ней черезъ нѣсколько минутъ, онъ казался взволнованнымъ, что̀ не ускользнуло отъ вниманія бѣдной Олли. Ей вдругъ вспомнился карпъ, его отчаяніе, страданіе и, наконецъ, покорность судьбѣ... Всю ночь она не смыкала глазъ, но и не звала мужа. Къ чему? Между карпомъ, попавшимся на крючокъ, и его свободными товарищами нѣтъ ничего общаго. Такъ и ее никто не пойметъ! Она разомъ потеряла всякую надежду. Утромъ, на вопросъ мужа, какъ она спала, она угрюмо отвѣтила:

— Хорошо.

Однако, она принялась за работу и почувствовала себя какъ будто бодрѣе. Олли рѣшила бороться съ недугомъ до послѣдней крайности.

Въ этотъ день пришелъ Коппертъ. Олли уже отчаялась

Digitized by Google

видѣть его, вспоминая свою выходку. Когда доложили о его приходѣ, она едва удержалась на ногахъ отъ радостнаго потрясенія.

— Фридель, Коппертъ пришелъ!

Гастельмейеръ замѣшкался въ сосѣдней комнатѣ, а Олли пошла навстрѣчу гостю и протянула ему обѣ руки. Лицо ея выражало такое неподдѣльное блаженство, что Коппертъ невольно подумалъ о привязанности своей собаки... Взявъ горячія руки молодой женщины, художникъ усадилъ ее на кушетку.

— Вы знаете... я очень больна!—тихо проговорила Олли.

— Что это значитъ быть очень больнымъ? — спросилъ Коппертъ,—мы всѣ очень больны. Вся жизнь—продолжительная болѣзнь. Мы только воображаемъ иногда, что здоровы!

— Не говорите такъ... Я знаю... всѣ нарочно стараются увѣрить меня, что болѣзнь пустяшная, но вы-то хоть не увѣряйте!..

Вошелъ Гастельмейеръ, а вскорѣ и Эмиль.

— А, недопеченная булочка! — шутливо встрѣтилъ его Коппертъ.

— Не приставайте къ нему,—сказала Олли,—онъ такой добрый... только лѣнтяй! Здоровъ, какъ быкъ, а работать не любитъ. Природа не справедлива... Что изъ него выдетъ? Кабы вы знали, какъ это меня безпокоитъ!

— Да, онъ таки смахиваетъ на губку... Есть ли у него кости? жилы? Не дѣлайте изъ него живописца—пусть будетъ чиновникомъ.

— У него ни къ чему нѣтъ охоты!

— А покутить любитъ?

— Боже сохрани! Это стоитъ денегъ, а онъ того мнѣнія, что чѣмъ меньше человѣкъ тратитъ, тѣмъ меньше приходится ему трудиться. А все таки сердце у него хорошее.

Эмиль занялся приготовленіемъ ужина, распоряжаясь кухаркой по своему, прыскалъ на нее водой, когда она нескоро шевелилась, грозилъ посыпать ей голову пепломъ, если она будетъ такъ мѣшкать. Въ гостинной онъ показывался мало, продолжая сердиться на Коппертa. Въ этотъ вечеръ всѣмъ было какъ-то уютно и хорошо, ужинъ былъ вкусенъ и во-время поданъ.

Digitized by Google

— Замѣтила ты, Олли, — сказалъ Гастельмейеръ, — какъ хорошо Эмиль справляется съ нашей вѣдьмой?

— Да, на эти вещи онъ мастеръ.

Коппертъ разсказывалъ разныя охотничьи приключенія, живо и увлекательно говорилъ про животныхъ,—Олли развеселилась и съ напряженнымъ вниманіемъ слушала его. Наконецъ, Эмиль ушелъ домой, а Гастельмейеръ пошелъ съ Коппертомъ въ кафе выпить кружку пива. Молодая женщина прохаживалась по комнатѣ,—одиночество казалось ей тяжкимъ, и снова черныя мысли овладѣвали ею. Ознобъ пробѣгалъ по тѣлу, руки и ноги горѣли; рѣшительно безъ Коппертa она не могла ни жить, ни работать, ни быть счастливой. Она вдругъ схватилась за голову и съ отчаяніемъ простонала: «Господи, какъ же все это случилось? Вѣдь я люблю его»!!

Художница видѣла его передъ собой, впивалась глазами въ его неправильныя, но полныя ума и жизни черты, слышала его голосъ, ощущала его присутствіе и съ тоской шептала: «не покидай меня!.. Ты мой свѣтъ... моя поддержка»!.. А Фридель? Олли вдругъ вспомнила, что она замужемъ и такъ мало думаетъ о мужѣ, — не обращаетъ на него вниманія, не старается ни въ чемъ угодить ему, даже въ пустякахъ. Какая она эгоистка! Гнусная, безобразная обманщица,—даже мысли ея принадлежатъ другому... Олли укоряла себя и волновалась. Надо уйти изъ дома мужа, снять съ его плечъ обузу, — это ея долгъ... работать, работать! Не пошла ли она на сдѣлку, выдя замужъ за бѣднаго Фриделя? Она все брала отъ него, ничего не давая взамѣнъ. Вспомнилось ей отчаяніе, съ которымъ она готовилась быть матерью, недостойная радость при освобожденіи отъ заботъ о малюткѣ. Всегда на первомъ планѣ — забота о себѣ... Фриделю нужна хорошая, добрая жена,—а въ ней развѣ онъ нашелъ это? Она какъ будто разомъ прозрѣла и пришла въ истерическое состояніе: рвала на себѣ волосы, рыдала, упала на полъ и хриплымъ голосомъ кричала.

Такъ засталъ ее, по возвращеніи, Фридель, — въ изнеможеніи лежащей на полу.

— Олли! — воскликнулъ озадаченный и перепуганный мужъ,—что съ тобой, голубка моя?

Онъ старался поднять ее, а она еще сильнѣе разрыдалась,

Digitized by Google

безсвязно прося у него прощенія и обвиняя себя въ чемъ-то. Гастельмейеръ утѣшалъ и успокоивалъ ее, какъ могъ, повторяя:

— Все пойдетъ хорошо, ангелъ мой, успокойся!

— Ничего не пойдетъ хорошо. Я буду работать по прежнему... хорошей женой никогда не буду!

— Работай, милая, я не жалуюсь и люблю тебя... Только не изнуряй себя.

Наступила реакція. Олли выбилась изъ силъ.

Мужъ уложилъ ее въ постель, постланную на кушеткѣ. Тяжелый камень лежалъ у него на сердцѣ: семейной жизни въ томъ смыслѣ, какъ онъ ее понималъ, у него и такъ не было, а то, что докторъ сказалъ ему о положеніи Олли, не оставляло сомнѣнія въ печальномъ исходѣ. Онъ взглянулъ на Олли, мысленно сравнилъ ее съ цвѣткомъ, побитымъ морозомъ, и тяжело вздохнулъ.

— Иди спать, Фридель...

Больная лежала утомленная, предвидя безсонную ночь. Въ слѣдующіе дни, въ домѣ молодой четы воцарилась томительная печаль. Докторъ внимательно слѣдилъ за ходомъ болѣзни своей паціентки, не выпускалъ ея изъ дома, хотя Олли увѣряла, что недостатокъ воздуха вредитъ ей. Боязнь смерти преслѣдовала ее. Иногда, подъ вліяніемъ этого страха, художница судорожно хваталась обѣими руками за мужа и съ отчаяніемъ стонала:

— Фридель! Моя картина!

Она готовила картину къ международной выставкѣ. Крестьянка, отдыхающая подъ яблоней, была уже продана, объ ней много писали. Коппертъ принесъ рецензію о ней, и лицо Олли преобразилось отъ восторга. Коппертъ отъ души радовался за художницу.

Подъ вліяніемъ артистической удачи, Олли вдругъ начала вникать въ хозяйство: затѣяла печь какіе-то пирожки, принялась за стряпню неумѣло и по дѣтски, но пирожки удались и бѣдняжка была въ полномъ восхищеніи. Впрочемъ, Эмиль игралъ не послѣднюю роль въ кулинарныхъ успѣхахъ сестры, онъ дѣятельно занимался ея хозяйствомъ, даже велъ приходо-расходную книгу. Толстый юноша окончательно поселился у Олли и бо́льшую часть времени проводилъ на кухнѣ. Рисо-

Digitized by Google

валъ же по обыкновенію неохотно, за что часто выслушивалъ упреки и брань раздражительной сестры. Разъ даже она до того вышла изъ себя, что ударила брата по щекѣ.

— Вотъ такъ фунтъ!—произнесъ озадаченный юноша, съ изумленіемъ глядя на больную Олли.—Однако, силы-то у тебя еще много!

Невозмутимое добродушіе ученика смутило художницу и въ то же время отчаянная мысль пришла ей въ голову: на нее даже не сердятся за дикія выходки... значитъ, всѣ понимаютъ, что она приговорена къ смерти и все ей простительно. Она въ изнеможеніи прислонилась къ печкѣ и схватилась руками за голову. Смертельная блѣдность покрыла ея щоки, а на лбу выступилъ холодный потъ. Эмиль нѣжно обнялъ ее и положилъ на кушетку; самъ же усѣлся возлѣ нея на полу и, закрывъ лицо руками, безнадежно заплакалъ. Олли съ ужасомъ взглянула на брата: «оплакиваетъ... какъ покойницу»! подумала она съ содроганіемъ.—«Развѣ ужь такъ близко начало... конца»?

— Скоро придетъ Коппертъ?—спросила она упавшимъ голосомъ.

X.

Наступила сырая весна. Въ зазеленѣвшихъ и мокрыхъ отъ частыхъ дождей деревьяхъ зачирикали птички. Природа постепенно просыпалась, пробуждая и въ людяхъ смутное желаніе—начать жизнь сначала и шире ею пользоваться. Только на тѣхъ, кого жизнь обманула, весна не дѣйствуетъ благотворно!

Олли, въ сопровожденіи Фриделя и Эмиля, выѣхала въ первый разъ прокатиться. Домой она вернулась разбитая и уставшая до изнеможенія, легла на кушетку и вперила глаза въ одну точку. Эмиль накрылъ для чая столъ, поставилъ на него букетъ полевыхъ цвѣтовъ; Фридель подсѣлъ къ столу,—но всѣмъ было не весело. Олли безучастно лежала и на всѣ вопросы отвѣчала безпомощнымъ жестомъ, просившимъ оставить ее въ покоѣ. Все ее раздражало, даже легкій запахъ полевыхъ весеннихъ цвѣтовъ. Гастельмейеръ собрался куда-то идти и, подойдя къ женѣ, спросилъ: «какъ она себя чув-

Digitized by Google

ствуетъ»?.. Вопроса этого Олли не могла слышать равнодушно и никогда на него не отвѣчала. Въ передней раздался звонокъ. Эмиль пошелъ отворить и сообщилъ сестрѣ о приходѣ Конперта.

— Можно его пригласить сюда?

— Да...

Коппертъ былъ блѣднѣе обыкновеннаго: нѣмое отчаяніе, написанное на лицѣ больной, удручало его. Онъ заговорилъ о веснѣ, о томъ, какое возбуждающее, а иногда и разслабляющее дѣйствіе она производитъ на человѣка, говорилъ, какъ трудно изобразить на полотнѣ пробуждающуюся природу съ ея неуловимыми оттѣнками, и какъ часто вѣрно схваченная съ натуры особенность кажется публикѣ неестественной.

— Я просто прихожу въ восхищеніе,—продолжалъ художникъ,—отъ вашихъ послѣднихъ картинъ! Вы гигантскими шагами идете впередъ... замѣчательно быстро и вѣрно схватываете природу. Признаюсь, я не ожидалъ ничего подобнаго отъ женщины... Вы знаете, я льстить не умѣю... Изъ васъ выработается замѣчательный художникъ... Вы и теперь многихъ за поясъ заткнули!..—Говоря это, Коппертъ смотрѣлъ то въ полъ, то въ потолокъ; наконецъ, рѣшился взглянуть на свою собесѣдницу. Лицо Олли, за минуту передъ тѣмъ выражавшее страданіе и отчаяніе, сіяло счастьемъ. Она взяла Конперта за руку.

— Какъ мнѣ благодарить васъ?—восторженно пролепетала она.

— Меня благодарить? Помилуйте, да за что же?

Онъ всталъ и началъ взволнованно ходить по комнатѣ, размышляя, что бы еще сказать пріятнаго, чѣмъ бы утѣшить полуживую женщину.

— Да, вамъ дѣлаетъ честь, что вы съумѣли избѣгнуть тѣхъ ошибокъ, которыя присущи художницамъ. Ихъ мелочность, разсчетливость и лукавство для меня невыносимы... Въ вашихъ произведеніяхъ блеститъ огонекъ неподдѣльнаго таланта... Вы—исключеніе... Да и вообще вы мало похожи на женщину,—вы скорѣе хорошій товарищъ! Счастье имѣть такого товарища, какъ вы, выпадаетъ на долю избранныхъ, въ видѣ награды.

Эмиль принесъ лампу и поставилъ ее на столъ.

Digitized by Google

— Завтра придетъ докторъ,—сказала Олли беззвучнымъ голосомъ,—опять горло изслѣдовать... Приходите, пожалуйста, послѣ обѣда.

Коппертъ принужденъ былъ низко нагнуться, чтобы разслышать ея слова.

Послѣ паузы, больная продолжала:

— Хорошо, кабы вы пришли! Фридель всегда теряетъ голову, а мама... ахъ, лучше бы она вовсе не приходила! Тетя Ценгелинъ, та—другое дѣло... Хотя ее мало что интересуетъ... она относится поверхностно ко всему, но здраво, по крайней мѣрѣ... Все таки, среди ихъ всѣхъ я одинока... А когда человѣкъ боленъ, одиночество тяжело. Эмиль ближе всѣхъ ко мнѣ... онъ добрый, сердечный, простой. Придете?

Оставшись одна по уходѣ художника, Олли продолжала неподвижно лежать, но скорбнаго выраженія на лицѣ больше не было. Когда вернувшійся Фридель, какъ и всегда, спросилъ о ея здоровьѣ, больная обвила его шею руками и тихо прошептала:

— Коппертъ считаетъ меня художникомъ... товарищемъ...

— Хорошій онъ малый!—сказалъ тронутый Фридель.

Когда, на слѣдующій день, Коппертъ позвонилъ въ квартиру Гастельмейера, колокольчикъ не издалъ никакого звука; очевидно, онъ былъ привязанъ. Художникъ сталъ громко стучаться, и, нѣкоторое время спустя, кухарка отворила дверь и съ растеряннымъ видомъ сказала:

— Врядъ ли можно видѣть барыню. Ночью ей стало хуже, докторъ вставилъ въ горло трубочку. Говорить вовсе не можетъ!..

Коппертъ стоялъ, какъ вкопанный.

— Они всѣ тамъ головы потеряли!—продолжала кухарка.—Пойду, доложу...

Конперта приняли.

Когда онъ вошелъ въ пустую гостинную, страшный безпорядокъ, свидѣтельствовавшій о чемъ-то ужасномъ, поразилъ его. Стулья и столы стояли не на своихъ мѣстахъ, на нихъ и на окнахъ валялись разныя вещи, брошенныя впопыхахъ; на диванѣ, на которомъ, вѣроятно, провела ночь больная, лежала еще простыня, на полу стоялъ кувшинъ съ водою, вездѣ разбросаны бинты и платки съ кровяными пятнами.

Digitized by Google

Въ комнату вошла Ковальская, безпомощно опустилась на диванъ, а рядомъ съ нею—Эрвинъ. Оба были разстроены и неспособны ни на какую помощь. Коппертъ съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на нихъ; въ особенности бѣсила его мать: «встрепенись, старая дура»!—хотѣлось ему крикнуть,—«полно тебѣ няньчиться со своими нервами! Забудь о себѣ, вспомни, что ты мать, помогай словомъ и дѣломъ. Не понимаю, какъ отъ такой ничтожной тряпки могла родиться дочь съ такой геройской душой»!

Ковальская начала что-то говорить художнику умирающимъ голосомъ и высокопарнымъ слогомъ, но тотъ круто повернулъ ей спину и обратился къ входящему Гастельмейеру:

— Бодрись, не падай духомъ,—сказалъ онъ ему.

— Адъ, чистый адъ!—простоналъ убитый мужъ.

— Уберите бинты и тазъ съ кровью,—спокойно посовѣтовалъ Ковальской художникъ.

— Не надо. Пусть царитъ зловѣщій безпорядокъ въ этомъ несчастномъ домѣ.

— Да, вотъ что дала мнѣ жизнь!—съ горечью воскликнулъ Гастельмейеръ, и прижался лбомъ къ стеклу окна.

Онъ былъ совершенно выбитъ изъ колеи и не зналъ, что дѣлать, что предпринять. Ему, разумѣется, жаль было бѣдную Олли, но самая необходимость жалѣть ее разстроила его больше, чѣмъ самое чувство состраданія.

— Что было сегодня ночью,—передать невозможно!—говорилъ Гастельмейеръ, мрачно шагая рядомъ съ Коппертомъ взадъ и впередъ по комнатѣ.—Есть надежда, что она останется жива, но безъ голоса, и никогда здоровой не будетъ. Подумать только—вѣчно болѣть!..

Глаза Фриделя были полны слезъ и красны; видно было, что онъ раньше много плакалъ.

— Что я вынесъ, съ тѣхъ поръ какъ женился,—продолжалъ онъ, чувствуя потребность высказаться и возбудить жалость,—ты и представить себѣ не можешь!.. Въ домѣ постоянная суматоха, порядка никакого... Вся эта семья Ковальскихъ вѣчно находится въ экстазѣ. Олли—очень доброе и милое существо, ее нельзя не любить; но и она тоже какая-то странная: ужь одна ея лихорадочная работа, которой она себя уходила, чего стоитъ!.. И ничѣмъ не удержать, не уговорить...

Digitized by Google

Она несется на всѣхъ парусахъ къ намѣченной цѣли и никого и ничего знать не хочетъ. Не понимаю, откуда у такого слабаго существа является столько силы воли? Я всегда думалъ, что женщины слабы, податливы, а вышло совсѣмъ не то.

— Гдѣ лежитъ твоя жена?—спросилъ Коппертъ, который, повидимому, занятъ былъ своими собственными мыслями и не слушалъ Гастельмейера.

— Я, право, не знаю, можно ли тебѣ ее видѣть,—проговорилъ нерѣшительно Фридель,—она лежитъ въ постели...

— Скажи ей, что я пришелъ,—перебилъ его художникъ.— Кто у нея?

— Пока Эмиль, потомъ придетъ сестра милосердія... Съ перевязкой очень много возни...

Немного погодя, Коппертъ, вмѣстѣ съ Гастельмейеромъ, входилъ въ спальню. Эмиль, сидѣвшій на кровати больной, всталъ и, отведя зятя въ сторону, тихонько сказалъ:

— Выдемъ, пусть Коппертъ останется съ ней наединѣ, онъ умѣетъ ее успокоивать.

Оба тотчасъ вышли. Олли протянула гостю обѣ руки, какъ бы прося помощи, затѣмъ указала на горло. Глаза ея съ нѣмымъ отчаяніемъ впились въ глаза Копперта.

— Успокойтесь,—произнесъ онъ ласково,—смотрите мнѣ прямо въ глаза, я все пойму, что̀ вы хотите сказать! — Онъ понялъ, что умирающая женщина его любитъ, понялъ въ эту минуту, что и самъ любитъ ее.

— Я все знаю, все...—шепталъ онъ,—тебѣ жить хочется, хочется быть счастливой!

Лицо молодой женщины озарилось блаженствомъ.

— Ты думаешь,—продолжалъ нѣжно художникъ,—что теперь все кончено, и мучишься этимъ... Вспомни, что ты въ короткое время прожила больше, чѣмъ другая во всю свою долгую жизнь... Вспомни, что ты встрѣтила человѣка, который понялъ и оцѣнилъ тебя,—развѣ это всякому дается? Вспомни, что въ слабомъ тѣлѣ твоемъ жилъ исполинскій духъ... что ты—художница, артистка, въ полномъ смыслѣ слова. Ты шутя достигла того, чего другія тщетно добиваются въ теченіе многихъ годовъ.

Коппертъ говорилъ, какъ мать, убаюкивающая ребенка; лицо умирающей сіяло блаженной улыбкой. Она протянула

Digitized by Google

руку къ столику, на которомъ лежали листы бумаги и очиненный Эмилемъ карандашъ—Коппертъ подалъ ей и то, и другое. «Я теперь какъ карпъ, послѣ своего отчаяннаго прыжка, смирилась и съ покорностью ожидаю конца»!—написала Олли. Коппертъ взялъ листокъ и спряталъ въ карманъ.

Долго сидѣлъ еще художникъ около больной, держа ее за руку и утѣшая. Олли иногда требовала листокъ и писала на немъ; всѣ листки Коппертъ бережно пряталъ въ карманъ. На одномъ листкѣ она написала, что боится могилы въ сырой землѣ и хочетъ, чтобы тѣло ея было сожжено. Художникъ обѣщалъ, что желаніе ея будетъ исполнено. Послѣ этого, больная взяла стоявшую на столикѣ скляночку. Коппертъ протянулъ было руку за ложечкой, но Олли вынула пробку и разомъ выпила все содержимое.

Наступили сумерки,—больная лежала спокойно и спала. Эмиль вошелъ съ лампой, покрытой темнымъ абажуромъ; поставивъ ее на столъ, онъ подошелъ къ кровати сестры.

— Боже мой!—воскликнулъ онъ, замѣтивъ лежавшую около Олли пустую стклянку,—она перепутала лѣкарства и выпила всѣ наркотическія капли! Это не можетъ повредить ей?—со страхомъ спросилъ онъ художника.

Коппертъ молча нагнулся надъ больной и посмотрѣлъ въ ея полузакрытые глаза. Не отвѣчая на вопросъ Эмиля, онъ сказалъ, что пойдетъ за докторомъ. Въ гостинной, опустивъ руки на голову, сидѣлъ Гастельмейеръ и спалъ. Коппертъ молча прошелъ мимо него. Все было кончено: Олли умерла.

Ее не похоронили, а согласно ея желанію—сожгли.

Коппертъ сидѣлъ дома вдвоемъ со своей старушкой матерью. Физически онъ не измѣнился, работалъ безъ устали по прежнему, но сталъ молчаливѣе и угрюмѣе.

— Ты, говорятъ, ѣздилъ присутствовать при сожженіи тѣла? — вспомнила старушка, продолжая вязать чулокъ. — Должно быть, картина ужасная!

— Да, ужасная,—коротко отвѣтилъ сынъ.

— А что дѣлаютъ съ пепломъ?—продолжала разспрашивать старушка, проворно шевеля спицами.—Говорятъ, его ссыпаютъ въ жестяной ящикъ?

Художникъ сталъ передъ матерью и судорожно сжалъ руки. Старушка продолжала вязать, не глядя на сына.

Digitized by Google

— Да, матушка, въ жестяной ящикъ... въ немъ вмѣщается вся скорбь человѣческая!—отвѣчалъ Коппертъ.

Въ самомъ отдаленномъ углу страны,—тамъ, гдѣ низкіе проходы ведутъ въ сосѣднюю Швейцарію,—все оживаетъ, зеленѣетъ и расцвѣтаетъ подъ живительными лучами весенняго солнца. У дороги, ведущей въ уединенный Рормосъ, стоитъ красивая бѣлокурая дѣвушка и поджидаетъ кого-то. Вотъ вдали показались два путника, дѣвушка пошла имъ навстрѣчу.

— Фридель!—сказала она мягкимъ, задушевнымъ голосомъ.

Гастельмейеръ молча подалъ ей руку и потомъ сказалъ:

— Эмиль останется жить съ нами, онъ тоже выбросилъ искусство за бортъ.

Анна дружески протянула руку и Эмилю.

Всѣ трое пошли къ Рормосу. Весна была въ полномъ разгарѣ, все кругомъ находилось подъ ея обаяніемъ. Зима и смерть были забыты.

Конецъ.

Digitized by Google

ГЁТЕВСКІЙ ФАУСТЪ, КАКЪ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ НАТУРА.

Критическій этюдъ.

I.

Перечитываніе великихъ произведеній литературы доставляетъ двойное наслажденіе: насъ плѣняютъ идеи и образы автора, а также наши собственныя идеи и образы, вызываемые этимъ чтеніемъ. Чѣмъ цѣльнѣе, законченнѣе и гармоничнѣе міровоззрѣніе поэтическаго генія, тѣмъ сильнѣе побуждаетъ оно къ уясненію и выработкѣ собственнаго міровоззрѣнія читателя. Что такое всѣ коментаріи на произведенія Шекспира, Данте, Гёте, античныхъ поэтовъ и т. д.— какъ не стремленіе противопоставить міровоззрѣнію этихъ авторовъ міровоззрѣніе, господствующее въ обществѣ, современномъ коментатору? Понятно, почему надъ великими произведеніями литературы критика работаетъ—какъ говорится—не покладая рукъ, и въ сущности не приходитъ къ окончательному выводу, а лишь констатируетъ каждый разъ взгляды современности на данное произведеніе. Поэтическая струна на лирѣ генія звенитъ изъ глубины временъ непрерывно, ровно и неизмѣнно; мѣняется строй камертоновъ, которыми каждый критикъ опредѣляетъ по своему звукъ этой струны.

Если значеніе каждаго критическаго коментарія является относительнымъ, то этимъ самымъ обусловливается и оправдывается каждая новая попытка такъ или иначе истолковать глубокое,—порою даже неисчерпаемо-глубокое,—произведеніе литературнаго генія. Вотъ почему и критическая литература о гётевскомъ «Фаустѣ», не смотря на все ея богатство, не можетъ быть признана исчерпавшей свой предметъ. Дюнцеръ, Куно-Фишеръ, Марбахъ, Льюисъ, Эттингенъ, Бойесенъ, Дюрингъ и иные коментаторы, включая въ ихъ число и русскихъ критиковъ «Фауста» — Юрьева, Вейнберга, Висковатова,—всѣ они правы каждый по своему, и никто изъ нихъ недостаточно авторитетенъ для новыхъ изслѣдователей, вновь обращающихся къ первоисточнику,—къ трагедіи Гёте,—чтобы охватить ее однимъ взглядомъ, чтобы установить какую нибудь новую точку зрѣнія. Найти такую точку зрѣнія можно только при условіи—разсматривать предметъ наблюденія во всей его цѣлостности. Въ виду этого, незачѣмъ разсматривать каждую подробность такого могучаго художественнаго организма, каковъ «Фаустъ», въ критическій ми-

Digitized by Google

кроскопъ, увеличивающій ее до такихъ размѣровъ, что связь ея съ цѣлымъ можетъ остаться невыясненной, — иной разъ полезно ограничиться невооруженнымъ, такъ сказать, зрѣніемъ, чтобы выяснить себѣ связь главнѣйшихъ частей упомянутаго органическаго цѣлаго.

Цѣль настоящей статьи—выясненіе главнѣйшихъ, характерныхъ чертъ трагедіи со стороны ея архитектоники и содержанія. Если подобнаго рода статья и была бы неудовлетворительна для спеціальной нѣмецкой литературы о «Фаустѣ», то все же она не излишня для той массы русской публики, которая главнѣйшія свѣдѣнія о великомъ произведеніи Гёте все еще почерпаетъ изъ оперы Гуно (къ слову говоря, охарактеризовавшаго Гретхенъ очень удачною музыкою, но *только* одну Гретхенъ).

Само собою разумѣется, что пишущій эти строки не раздѣляетъ, пущеннаго въ оборотъ Льюисомъ, взгляда на обѣ части гётевскаго «Фауста», какъ на два сочиненія, имѣющихъ лишь внѣшнюю связь. Говоря о «Фаустѣ», мы всегда подразумѣваемъ «Фауста» обѣихъ частей трагедіи. Читатель, мало-мальски углубляющійся въ трагедію, не можетъ не считать ея произведеніемъ органически-нераздѣльнымъ. Метко выражается по этому поводу одинъ изъ нѣмецкихъ коментаторовъ «Фауста» (Морицъ Эрлихъ, въ предисловіи къ своему изданію трагедіи, 1888 г.); указывая на высшее, идейное единство трагедіи, несовершенной съ точки зрѣнія общихъ драматическихъ и сценическихъ требованій, онъ говоритъ: «Даже кажущіяся противорѣчія и неясности, слѣды прежней обработки; даже чуждые драматическому дѣйствію намеки на современныя автору лица и отношенія и, наконецъ, явно предназначавшіяся для другихъ цѣлей, вставки, — все это до такой степени нераздѣльно срослось съ существомъ самаго произведенія, что кажется принадлежностью художественнаго организма. Такъ точно къ существу стараго, почтеннаго дерева принадлежатъ не только стволъ и сучья, листья и вѣтки, цвѣты и плоды, но также и земля на корню, наросты и коряги на стволѣ, мохъ и насѣкомыя въ расщелинахъ коры и щебечущія въ зеленой коронѣ птицы».

II.

Для того чтобы уловить характерныя черты такой сложной индивидуальности, какова индивидуальность «Фауста», посмотримъ прежде всего, какъ выражается она въ *дѣйствіи*, въ поступкахъ. Высшая психологическая задача — познаніе себя и познаніе души ближняго—сводится къ познанію дѣйствій своихъ и чужихъ. Самъ Гёте неоднократно развивалъ эту старую, какъ міръ, истину (эту евангельскую максиму: «по плодамъ ихъ познаете ихъ») въ цѣломъ рядѣ блестящихъ афоризмовъ. Напомнимъ слѣдующія «изреченія въ прозѣ» (изъ сборника «Ethisches»): «Какъ можно себя самого познавать? Отнюдь не созерцаніемъ, а только дѣйствіемъ. Попробуй исполнять твой долгъ и тотчасъ себя познаешь... Но что, въ сущности, твой долгъ?—требованія дня!.. Если мы обсудимъ многозначущее выраженіе «познай самого себя», то не должны истолко-

Digitized by Google

вывать его въ аскетическомъ смыслѣ: это отнюдь не самопознаніе нашихъ современныхъ ипохондриковъ, юмористовъ и пр. («грызуновъ и самоѣдовъ»,—замѣтимъ отъ себя—въ томъ смыслѣ термина, какой придавалъ ему Тургеневъ, подразумѣвшій подъ нимъ всякаго рода «нытиковъ» и «Гамлетовъ щигровскаго уѣзда»). Это просто значитъ: обращай на себя вниманіе, понимай себя, чтобы понять свое отношеніе къ ближнему, къ міру. Для этого не требуется никакихъ психологическихъ терзаній себя; всякій дѣльный человѣкъ знаетъ, что это значитъ; это просто хорошій совѣтъ, полезный всякому на практикѣ».

Итакъ, избравъ мѣриломъ для сужденія о психологіи «Фауста»—*дѣйствіе*, напомнимъ читателямъ, въ бѣглыхъ чертахъ, весь ходъ дѣйствія трагедіи, въ обѣихъ ея частяхъ [1]).

Трагедія начинается двумя предисловіями, имѣющими исключительно лирическій интересъ. Въ «Посвященіи» поэтъ скорбитъ о друзьяхъ своей юности, которые уже не слышатъ его:

«О вы, которымъ пѣлъ я прежде, вдохновенный,
Друзья—теперь моя вамъ пѣсня не слышна!
Нашъ дружескій кружокъ разсѣянъ по вселенной,
А пѣсня первая... забыта ужь она!
Невѣдомой толпѣ пою я гимнъ священный,
Чья самая хвала чужда мнѣ и страшна»!

Такой же, отчасти интимный, интересъ имѣетъ и слѣдующій затѣмъ «Прологъ въ театрѣ», въ которомъ поэтъ высказываетъ опасенія за свое произведеніе, которое, того и гляди, останется не понято современностью; угождать послѣдней побуждаетъ его ловкій и смышленый директоръ театра, но поэтъ рвется изъ современности въ свой особый, тѣсный внутренній міръ:

«О, вѣрь, не осѣнитъ поэта вдохновенье
Предъ пестрою толпой: она его гнететъ.
Не увлекай меня въ пустое треволненье,
Куда весь міръ толпа могучая влечетъ.
Дай мысли воспарить въ надзвѣздныя селенья,
Гдѣ радость чистая поэзіи цвѣтетъ,
Гдѣ дружба и любовь божественной рукою
Все созидаютъ, къ чему стремимся мы душою».

Характерно то обстоятельство, что сущность разговора поэта и антрепренера сводится къ понятію о *цѣнности произведенія*: поэтъ все время говоритъ о внутреннемъ единствѣ своего произведенія, о высшемъ его значеніи:

... «гаснетъ всякое мишурное блистанье:
Прекрасное одно—потомства достоянье»!

Директоръ же все время толкуетъ о моментальномъ сценическомъ эффектѣ, дѣйствующемъ на массу:

«Что пользы, если имъ вы «цѣлое» дадите?
Вѣдь публика его жь расщиплетъ по кускамъ»!

[1]) Всѣ наши цитаты сдѣланы по переводу *Ник. Холодковскаго*, напечатанному въ гербелевскомъ «Собраніи сочиненій Гёте» (2-е изданіе, подъ редакціей П. Вейнберга. Томъ 7-й. С.-Петербургъ, 1893 г.).

Digitized by Google

Очевидно, Гёте предчувствовалъ тотъ упрекъ, который будетъ сдѣланъ его трагедіи, почти немыслимой на сценѣ, и не могъ примириться съ этою перспективою. Въ сущности, въ этомъ-то и состоитъ взаимодѣйствіе поэта и общества: поэтъ создаетъ «цѣлое», публика усвоиваетъ лишь «кусочки», идущіе въ практическій, нравственный и культурный оборотъ; другой поэтъ собираетъ эти, ставшіе общими идеями и чувствованіями, кусочки и вновь переплавляетъ ихъ въ идеальное цѣлое и т. д. То обстоятельство, что поэтъ въ прологѣ трагедіи съ такою скорбью относится къ этому неизбѣжному, основному факту общественно-эстетической жизни, лишь указываетъ на крайнюю субъективность и лирическое настроеніе самой трагедіи. «Фаустъ», очевидно—излюбленное дѣтище художника-мыслителя. Личность комика (навѣянная, по увѣренію комментаторовъ, прологомъ къ «Сакунталѣ», въ которомъ выступаетъ шутъ) существенной роли въ прологѣ не играетъ. Директоръ и поэтъ стоятъ другъ передъ другомъ, ни въ чемъ не уступая, какъ не уступали Гётеи вся масса его современниковъ, не съумѣвшая оцѣнить *индивидуальное* значеніе трагедіи, ея интимный смыслъ.

Собственно дѣйствіе трагедіи начинается лишь съ «Пролога на небесахъ». Ангелы славятъ міросданье. Духъ отрицанья и сомнѣнья, Мефистофель высмѣиваетъ судьбу несчастнаго «царя природы»—человѣка. Господь (какъ въ библейской книгѣ Іова) предлагаетъ дьяволу искусить своего вѣрнаго раба, доктора Фауста. «Прахъ будетъ ѣсть онъ — и съ восторгомъ»! — клянется дьяволъ, принимая вызовъ.

Часть первая трагедіи.—Ночь. Средневѣковая готическая комната. Пожилой ученый Фаустъ предается грустнымъ думамъ о тщетѣ науки, не могущей проникнуть въ существо жизни и природы. Онъ желаетъ вывѣдать у природы ея тайны мистическимъ путемъ — путемъ магіи. Вызванный Фаустомъ «духъ земли», не разрѣшивъ загадки, повергаетъ смертнаго лишь въ ужасъ. Входитъ ученикъ Фауста, сухой и ограниченный педантъ Вагнеръ, высказывающій довольство тѣми крупицами безсвязнаго знанія, какія онъ пріобрѣтаетъ изъ книгъ. По его уходѣ, Фаустъ предается отчаянію и намѣревается принять ядъ. Звонъ колоколовъ и пѣніе за окнами (ночь, очевидно, есть канунъ Свѣтлаго Христова Воскресенья), напомнивъ Фаусту о наивной жизнерадостности его дѣтства, отвлекаетъ его отъ этого намѣренія. — За городскими воротами. Фаустъ прогуливается съ Вагнеромъ въ толпѣ, вышедшей справлять пасхальный праздникъ; онъ полонъ гуманныхъ чувствъ состраданія къ униженнымъ и оскорбленнымъ, а зрѣлище воскресшей вешней природы пробуждаетъ въ его душѣ «врожденное стремленье, — стремленье въ высь», а вмѣстѣ съ тѣмъ—желаніе постичь тайны жизни прежнимъ мистическимъ путемъ сношеній съ духами. Черный пудель, разсыпающій въ туманѣ искры, слѣдуетъ по пятамъ Фауста.— Кабинетъ Фауста. Фаустъ, въ благочестивомъ настроеніи, занятъ переводомъ евангелія на родное нарѣчіе; пудель обнаруживаетъ безпокойство и, послѣ заклинаній Фауста, обращается въ Мефистофеля, одѣтаго странствующимъ схоластикомъ (синонимъ софиста, краснобая и лгуна). Онъ рекомендуется и предлагаетъ свои услуги

Digitized by Google

Фаусту; на первый разъ, когда Фаустъ думаетъ помучить Мефистофеля магическимъ путемъ («пентаграммой», знакомъ заклинанія, непріятнымъ сатанѣ), послѣдній усыпляетъ ученаго, баюкая его сластолюбивыми снами, а самъ исчезаетъ. — Тотъ же кабинетъ. Мефистофель вновь навѣщаетъ Фауста и оба заключаютъ договоръ. Фаустъ бьется объ закладъ своею душою: если Мефистофель усыпитъ своими чарами его вѣчное томленіе по истинѣ и совершенству и Фаустъ воскликнетъ мгновенію: «ты прекрасно; стой»! — то жизнь его окончена, а душа принадлежитъ сатанѣ. Попутно Мефистофель обольщаетъ юношу, просящагося къ Фаусту въ ученики: сатана убѣждаетъ юнца въ сухости науки и красотѣ жизни, подразумѣвая подъ нею исключительно половую жизнь. Мефистофель съ Фаустомъ уносятся на волшебномъ плащѣ.—Погребъ Ауэрбаха въ Лейпцигѣ. Компанія гулякъ, надъ которой потѣшается Мефистофель, думающій соблазнить Фауста грубымъ разгуломъ; эта компанія Фаусту противна и оба уносятся, на этотъ разъ, на бочкѣ.—Кухня вѣдьмы. Помощью волшебныхъ чаръ, Фаустъ получаетъ отъ вѣдьмы, черезъ посредство Мефистофеля, физическую юность и силу.

Съ этого момента трагедіи, собственно говоря, начинается дѣятельная жизнь Фауста въ компаніи Мефистофеля. Всю вторую половину первой части трагедіи занимаетъ эпизодъ съ крестьянкой, или маленькой мѣщанкой, Гретхенъ.

Улица. Фаустъ встрѣчаетъ Гретхенъ, затрогиваетъ ее, какъ уличный ловеласъ, и велитъ Мефистофелю добыть для нея подарокъ. — Вечеръ. Маленькая опрятная комната Гретхенъ. Фаустъ мечтаетъ о невинномъ созданіи и о своей любви; Мефистофель ставитъ ларчикъ съ цѣннымъ подаркомъ въ шкафъ. Гретхенъ, явившаяся по ихъ уходѣ и уже ранѣе мечтавшая объ уличной встрѣчѣ, плѣняется ларчикомъ.—Аллея. Мефистофель въ бѣшенствѣ; съ ядовитой иронією разсказываетъ онъ Фаусту, что мать Гретхенъ всучила ларчикъ патеру, какъ даръ церкви. — Домъ сосѣдки Гретхенъ, Марты. Къ Мартѣ прибѣжала въ тревогѣ Гретхенъ: въ шкафу она нашла новый ларчикъ, еще краше прежняго. Является Мефистофель; онъ заводитъ знакомство съ Мартой, чуя въ ней натуру сводницы. — Улица. Мефистофель докладываетъ нетерпѣливому Фаусту о своихъ мѣрахъ; въ порывѣ страсти, Фаустъ согласенъ на всякую сдѣлку съ Мартой.—Садъ Марты. Гретхенъ признаётся Фаусту въ своей любви.—Оврагъ въ лѣсу. Фаустъ пробуетъ по прежнему погрузиться въ чистое чувство созерцанія природы и истины; помѣшавшій ему Мефистофель разжигаетъ въ немъ своими рѣчами животную страсть къ Гретхенъ.—Комната Маргариты. Гретхенъ, въ пѣсенкѣ за прялкою, высказываетъ свою безпредѣльную любовь къ Фаусту.—Садъ Марты. Гретхенъ спрашиваетъ Фауста, вѣритъ ли онъ въ Бога? Пантеистическій и поэтическій символъ вѣры, высказанный Фаустомъ, успокоиваетъ ея послѣднія сомнѣнія и колебанія: она соглашается дать сонный напитокъ матери и принять Фауста ночью въ своей комнаткѣ.—У колодца. Гретхенъ съ грустью слушаетъ свою подругу Лизхенъ, осуждающую какую-то павшую Бэрбхенъ: Гретхенъ снисходительна потому, что она сама уже чувствуетъ себя грѣшницей.—Церковная ограда. Гретхенъ,

Digitized by Google

приносящая статуѣ Богоматери новые цвѣты, молитъ Пресвятую—чтобы она спасла ее отъ стыда, позора и дѣвичьей бѣды.—Ночь. Улица передъ домомъ Маргариты. Ландскнехтъ (солдатъ) Валентинъ, освѣдомленный о связи Гретхенъ, подстерегаетъ ея любовника и. выслушавъ насмѣшливую серенаду Мефистофеля подъ окномъ Гретхенъ, бросается со шпагой на Фауста. Фаустъ убиваетъ Валентина; тотъ, умирая, передъ лицомъ народа, клянетъ Гретхенъ и называетъ ее «шлюхой».—Соборъ. Гретхенъ, уже чувствующая себя матерью, съ ужасомъ слушаетъ гимнъ о страшномъ судѣ и проклинающій ее голосъ злаго духа—ея совѣсти.—Вальпургіева ночь. Дикій шабашъ колдуновъ, вѣдьмъ и привидѣній въ пустынной гористой мѣстности, въ горахъ Гарца; Фаустъ ищетъ забвенія въ разгулѣ; ему грезится призракъ Гретхенъ, на шеѣ которой—кровь отъ топора палача (предполагается, что Гретхенъ, потерявшая мать и брата, впавшая въ нищету, гонимая обществомъ, убила свое дитя отъ Фауста).—Пасмурный день. Поле. Фаустъ, проклиная Мефистофеля, смѣющагося надъ нимъ, спѣшитъ освободить изъ тюрьмы покинутую и забытую имъ Гретхенъ.—Ночь. Открытое поле. Фаусту чудятся призраки злыхъ духовъ, кружащихся надъ плахою, гдѣ должна быть казнена Гретхенъ.—Послѣдняя сцена—въ тюрьмѣ. Фаустъ, въ порывѣ поздняго раскаянія, проникнувъ въ тюрьму съ помощью Мефистофеля, пытается увлечь за собою Гретхенъ. Но Гретхенъ сошла съ ума, оплакиваетъ свою мать, убитаго ребенка, вспоминаетъ счастливое прошлое—и не узнаётъ Фауста. Предчувствуя смерть, она предаетъ себя волѣ Божьей. Голосъ свыше: «Спасена»! Мефистофель увлекаетъ Фауста и исчезаетъ съ нимъ.

Часть вторая трагедіи. Дѣйствіе первое.—Живописная мѣстность. Фаустъ лежитъ, утомленный, на цвѣтущемъ лугу, въ безпокойномъ снѣ. Сумерки. Хоръ эльфовъ—духовъ природы—баюкаетъ Фауста, который на лонѣ природы почерпаетъ новыя силы и встаетъ освѣженный и просвѣтлеиный, готовый на новую жизненную борьбу.—Императорскій дворецъ. Императоръ, легкомысленный, думающій лишь о пирахъ и забавахъ, юноша, со скукою выслушиваетъ доклады военачальника, казначея и кастеляна о нуждахъ и бѣдствіяхъ своего царства. Мефистофель, явившійся ко двору въ качествѣ шута и желающій ввести во дворецъ Фауста, обѣщаетъ съ помощью Фауста, какъ волшебника, обогатить кладами истощенную казну императора; эти клады имѣютъ быть отрыты изъ земли, и подъ обезпеченіе ихъ Мефистофель предлагаетъ выпустить кредитныя бумаги. Императоръ въ восторгѣ отъ этого предложенія; онъ предается веселью и потѣхѣ карнавала.—Маскарадъ. Аллегорическая картина, въ которой изображаются судьбы государства въ родѣ того, которымъ правитъ самъ императоръ; праздникъ кончается пожаромъ (символъ революціи) который тушитъ Фаустъ въ античномъ костюмѣ Плутуса (бога изобилія и богатства).—Императорскій садъ. Императоръ милостиво принимаетъ Фауста и Мефистофеля: идея бумажнаго богатства уже осуществлена и на первое время приноситъ реальные плоды; ослѣплены и обольщены всѣ: только шутъ императора сохранилъ настолько здраваго смысла, что

Digitized by Google

даетъ себѣ слово обмѣнять бумажки на земельную собственность.— Мрачная галерея. Фаустъ сообщаетъ Мефистофелю, что государь желаетъ, чтобы они вызвали съ того міра Париса и Елену. Мефистофель съ трудомъ соглашается помогать Фаусту въ этомъ предпріятіи: для этого Фаусту придется снизойти въ самыя нѣдра сверхчувственной жизни, къ «матерямъ» и «прообразамъ», для того чтобы оттуда вызвать призраки античной идеальной красоты; Мефистофель даетъ Фаусту волшебный ключъ, который долженъ открыть ему доступъ въ этотъ волшебный край. Фаустъ исчезаетъ.—Ярко-освѣщенная зала. Мефистофель вышучиваетъ дамъ, льнущихъ къ нему за чарами магіи. — Рыцарская зала. Слабое освѣщеніе. Фаустъ вызываетъ призраки Елены и Париса, причемъ дамы злословятъ насчетъ Елены, а мужчины — насчетъ Париса. Фаустъ плѣненъ Еленой и, забывъ, что она призракъ, ревнуетъ ее къ Парису; онъ касается Париса волшебнымъ ключемъ, духи исчезаютъ; самъ же онъ, въ безпамятствѣ, падаетъ отъ громоваго удара.

Дѣйствіе второе.—Прежній ученый кабинетъ Фауста. Мефистофель смѣется надъ Фаустомъ, лежащимъ безъ чувствъ на старинной кровати. Онъ надѣваетъ старый плащъ Фауста, изъ котораго сыплются насѣкомыя, привѣтствующія Мефистофеля, какъ своего патрона, духа мрака и также грязи. Въ этомъ плащѣ Мефистофель принимаетъ новаго ученика—и узнаётъ отъ него, что въ мнѣніи всего ученаго общества Фауста смѣнилъ Вагнеръ; затѣмъ Мефистофель принимаетъ баккалавра—того юношу, котораго онъ соблазнилъ въ первомъ актѣ трагедіи, нынѣ уже получившаго ученую степень—и радуется плодамъ своего ученія: юноша, болтающій объ идеализмѣ, грубъ и глупъ, какъ животное.—Лабораторія Вагнера съ фантастическими неуклюжими приборами. Вагнеръ возится у печи, приготовляя химическимъ путемъ въ ретортѣ искусственнаго человѣчка, «гомункула» (на нашъ взглядъ, гомункулъ есть символъ отвлеченной, метафизической мысли, чуждой всякаго научнаго и практическаго значенія). Гомункулъ, могущій жить лишь въ ретортѣ, и носящійся съ нею по воздуху, предлагаетъ Мефистофелю фантастическій планъ: повести Фауста для забавы на Вальпургіеву ночь, устроенную привидѣніями классической древности.—Классическая Вальпургіева ночь. Фарсальскія поля (въ сѣверной Греціи; мѣстность, гдѣ Цезарь побѣдилъ Помпея и гдѣ, по преданію, рѣютъ призраки античныхъ мертвецовъ). Фаустъ прогуливается между привидѣніями; предъ глазами его дефилируютъ грифы, сфинксы, сирены, нимфы; съ кентавромъ Хирономъ онъ говоритъ о Еленѣ; тотъ научаетъ его, какъ оживить Елену, и мчитъ Фауста къ пророчицѣ Манто; Фаустъ проваливается съ Манто въ преисподнюю.—Снова фарсальскія поля у верховьевъ Пенея (главной рѣки въ Ѳессаліи). Новый рядъ призраковъ античной древности. Мефистофель заигрываетъ съ ламіями (женскими вампирами, «упырями», пьющими кровь дѣтей) и приходитъ въ восторгъ отъ безобразія форкіадъ (безобразныхъ трехъ старухъ съ однимъ глазомъ и однимъ зубомъ на троихъ, служащихъ олицетвореніемъ мрака); Мефистофель принимаетъ видъ одной изъ фор-

Digitized by Google

кіадъ.—Скалистый заливъ Эгейскаго моря. Луна въ зенитѣ. Апоѳеозъ силъ природы, воплощенныхъ въ видѣ античныхъ привидѣній; появляется морская богиня Галатея, какъ символъ жизнерадостности и природной прелести; искусственный нѣмецкій гомункулъ, подлетающій въ своей ретортѣ къ ея трону, разбивается въ дребезги. Всеобщій хоръ поетъ славу природѣ и всѣмъ четыремъ стихіямъ.

Дѣйствіе третье.—Мѣстность передъ дворцомъ Менелая въ Спартѣ. Входитъ Елена въ сопровожденіи хора плѣнныхъ троянокъ. (Предполагается, что Манто оживила Елену и перенесла ее со всею ея средою въ родную мѣстность, въ Грецію, гдѣ въ данную минуту находится и самъ Фаустъ; дворецъ Менелая возстановленъ чарами Мефистофеля, появляющагося въ этомъ дѣйствіи въ видѣ родственнаго ему по духу и наружности античнаго чудовища—въ видѣ форкіады). Елена привѣтствуетъ свой родной домъ, но отступаетъ съ ужасомъ отъ встрѣтившей ее на порогѣ страшной форкіады (переодѣтый Мефистофель). Форкіада предсказываетъ Еленѣ и ея спутницамъ неслыханное бѣдствіе: Менелай собирается принести ее въ жертву подземнымъ богамъ со всѣми ея спутницами; Елена съ ея свитою спасется, если отдастся подъ власть и защиту смѣлаго рыцаря, построившаго неподалеку свой замокъ (Фауста). И вотъ Елена съ троянками—въ средневѣковомъ замкѣ, гдѣ ее встрѣчаетъ Фаустъ въ рыцарскомъ одѣяніи; Фаустъ ведетъ закованнаго стражника Линцея, не доложившаго во-время о приходѣ царицы; Линцей обращается къ Еленѣ съ рѣчью во вкусѣ средневѣковыхъ миннезингеровъ. Новый для Елены культъ средневѣковой женщины быстро склоняетъ ее въ пользу Фауста—и вотъ парочка уже въ идиллической Аркадіи и восхищается плодомъ своей любви, красавцемъ-мальчикомъ Эвфоріономъ (по общераспространенному толкованію, символомъ новаго искусства, рожденнаго отъ символическаго союза Фауста и Елены—отъ сліянія средневѣковаго романтическаго міровоззрѣнія съ античною классическою жизнерадостностью и красотою формы). Эвфоріонъ быстро растетъ и обнаруживаетъ могучій порывъ въ высь, не имѣя крыльевъ; онъ бросается со скалы въ воздухъ и погибаетъ, какъ Икаръ—лишь безсмертная часть его, «ореолъ», въ видѣ кометы, возносится къ небу. Елена взываетъ къ богинѣ смерти Персефонѣ и обнимаетъ Фауста—лишь платье ея остается у него въ рукахъ; форкіада совѣтуетъ Фаусту сохранить это платье, которое божественно, хотя и не замѣняетъ богиню (аллегорическое указаніе на совершенство формы, которое осталось послѣ античнаго, по содержанію уже чуждаго для новой исторіи, искусства). Одежды Елены, расплывшись въ облака, окружаютъ Фауста и уносятся вмѣстѣ съ нимъ. Спутницы Елены оплакиваютъ свою долю: онѣ, какъ не имѣющія собственной личности, не получатъ личнаго безсмертія въ Аидѣ, подобно ихъ царицѣ, и превратятся въ стихійныя силы природы. Форкіада сходитъ съ котурна и является уже въ образѣ Мефистофеля.

Дѣйствіе четвертое.—Высокій горный хребетъ. Туча подплываетъ къ скалистой вершинѣ, уже въ Германіи, и изъ тучи выхо-

Digitized by Google

дитъ Фаустъ. Фаустъ, глядя на удаляющуюся тучу, въ которой ему чудятся призраки Елены и Гретхенъ, прощается съ ними навсегда; отнынѣ онъ стремится къ новой дѣятельности, простой, реальной и земной, и заявляетъ Мефистофелю, что желалъ бы, на пользу ближняго, побороться съ природой и оттѣснить отъ береговъ бушующее море инженерными сооруженіями. Мефистофель совѣтуетъ сначала спасти отъ бѣды императора, неразумная политика котораго привела къ междоусобію и навлекла въ край вражье войско; Мефистофель, съ согласія Фауста, посылаетъ на помощь императору трехъ богатырей—юнаго «Задирай», героя среднихъ лѣтъ, витязя «Хватай» и старика «Держи крѣпче» (Raufebold, Habebald, Haltefest).—Высокая гора съ палаткой императора. Императоръ готовится къ битвѣ; Фаустъ съ тремя богатырями предлагаетъ свои услуги императору, а Мефистофель разставляетъ по горамъ старые латы принцевъ и князей, имѣющіе видъ настоящихъ воиновъ. Такъ какъ два ворона доносятъ Мефистофелю, что побѣда все таки нерѣшительна, то онъ посылаетъ вѣщихъ птицъ къ ундинамъ (русалкамъ) и карликамъ-гномамъ за водою и огнемъ; водяной и огненный миражъ устрашаетъ враговъ—и войска императора побѣждаютъ.—Шатеръ враждебнаго императора. Богатырь «Задирай» съ маркитанткой грабятъ ставку императора. Входитъ императоръ-побѣдитель и объявляетъ всякія милости своимъ приближеннымъ; архіепископъ, пользуясь тѣмъ, что совѣсть религіознаго императора не спокойна, такъ какъ побѣда куплена союзомъ съ чародѣями и сатанинскими силами, ловко выпрашиваетъ всевозможныхъ привилегій для церкви и церковниковъ,—даже не забываетъ попросить десятину съ той земли, которую Фаустъ надѣется отвоевать у моря (императоръ, въ награду за побѣду, обѣщалъ подарить Фаусту берегъ моря, необходимый послѣднему для его новыхъ гуманныхъ замысловъ).

Дѣйствіе пятое и заключительное.—Открытое мѣсто. Странникъ, когда-то спасенный послѣ кораблекрушенія стариками Филемономъ и Бавкидою, привѣтствуетъ идиллическую чету; Филемонъ увѣдомляетъ о перемѣнахъ, происшедшихъ за послѣдніе годы въ окрестности: суровое побережье, благодаря Фаусту, стало плодоносною страною.—Садъ. Странникъ обѣдаетъ съ Филемономъ и Бавкидою; Бавкида недовольна новшествами Фауста: онъ кажется ей безбожникомъ. Филемонъ зоветъ обоихъ въ часовеньку—молиться и «надѣяться на *стараго* Бога» (по толкованію коментатора Бойесена, въ Филемонѣ и Бавкидѣ олицетворяется консервативный элементъ всякаго общества, враждебный «новшествамъ» и реформамъ).—Дворецъ Фауста. Роскошный садъ прорѣзанъ большимъ, ровно выведеннымъ, каналомъ. Фаустъ, уже согбенный старостью, выражаетъ недовольство тѣмъ, что упорство стариковъ Филемона и Бавкиды, не продающихъ своего куска земли, мѣшаетъ ему въ его предпріятіяхъ: онъ не радуется и великолѣпной баркѣ, на которой три богатыря Мефистофеля, служащіе по прежнему Фаусту, привезли произведенія чужихъ краевъ. Фаустъ даетъ порученіе Мефистофелю—переселить стариковъ въ другое, отведенное имъ, мѣсто.—Глубокая ночь. Стражникъ Ланцей съ вышины башни видитъ, какъ богатыри Мефистофеля подожгли избушку почтенныхъ старичковъ,

Digitized by Google

и оплакиваетъ ихъ гибель. Мефистофель докладываетъ о смерти Филемона и Бавкиды; Фаустъ глубоко опечаленъ. Появляются четыре мрачныхъ женскихъ фигуры—Лишенье, Задолженность, Нужда и Забота (Mangel, Schuld, Noth, Sorge) [1]). «Забота» (внутреннее недовольство) мучитъ Фауста своими рѣчами и дуновеніемъ своимъ лишаетъ его зрѣнія. Но Фаустъ, и ослѣпнувъ, не теряетъ энергіи и велитъ своимъ слугамъ продолжать начатые имъ труды по осушенію болотъ, мѣшающихъ благосостоянію страны.—Равнина передъ дворцомъ Фауста. Призванные Мефистофелемъ лемуры (античныя привидѣнія, живые скелеты изъ костей и жилъ) копаютъ могилу. Слѣпой Фаустъ, слыша звонъ лопатъ, увѣренъ, что продолжаются его земляныя работы; онъ провидитъ свѣтлую будущность облагодѣтельствованнаго имъ народа и въ этомъ предчувствіи называетъ этотъ мигъ своей жизни прекраснѣйшимъ и высшимъ; въ ту же минуту онъ падаетъ на руки лемуровъ и умираетъ. Мефистофель, увѣренный въ томъ, что Фаустъ, сказавшій мгновенію: «Ты прекрасно! стой!» отнынѣ—его жертва (но забывшій, что не онъ своими чарами вызвалъ этотъ крикъ) выжидаетъ надъ могилой душу Фауста, чтобы схватить ее при помощи появившихся изъ-подъ земли чертей. Но сверху слетаютъ небесныя силы, ожидающія эту душу и сыплющія на могилу розами (символъ чарующей прелести идеала и небесной благодати); эти розы жгутъ Мефистофеля огнемъ (какъ воплощенное безобразіе, онъ ненавидитъ все прекрасное). Тѣмъ не менѣе, ангелы плѣняютъ даже Мефистофеля—но сатана можетъ питать къ нимъ лишь грубую страсть; поддавшись ея обаянію, Мефистофель прозѣвалъ душу Фауста, и ангелы унесли ее на небо.—Апоѳеозъ. Пустынная, скалистая и лѣсистая мѣстность. На горѣ, на различныхъ высотахъ—жилища святыхъ отшельниковъ. Въ воздухѣ парятъ кругами святые, прощенныя грѣшницы и блаженные младенцы,—чѣмъ выше круги, тѣмъ души въ нихъ все совершеннѣе и чище. Гретхенъ молитъ Богоматерь—дозволить ей просвѣтить душу Фауста, которая подымается въ самыя высшія сферы. Мистическій хоръ воспѣваетъ въ лицѣ Богоматери божественную любовь, «женственно-вѣчное» (das Ewig-Weibliche) начало жизни, влекущее весь міръ къ совершенству.

Этимъ гимномъ и кончается вся трагедія.

II.

Теперь, когда нами передана вся трагедія по сценамъ, съ объясненіями наиболѣе темныхъ аллегорическихъ мѣстъ, намъ уже легче схватить главнѣйшіе моменты развитія личности Фауста, поскольку это развитіе проявляется во внѣшнемъ дѣйствіи. Въ первой

[1]) Мучительницы бѣдняковъ (изъ нихъ только Забота можетъ проскользнуть въ домъ Фауста). Невѣрно перевелъ Холодковскій слова «Mangel» и «Schuld»: «Порокъ» и «Грѣхъ». Гёте не считаетъ своего Фауста ни *порочнымъ*, ни *грѣшнымъ*, такъ какъ вообще не примѣняетъ къ нему критеріевъ *моральной* оцѣнки, предоставляя послѣднюю читателямъ.

Digitized by Google

части трагедіи два такихъ момента: саморазвитіе Фауста (монологи и сцены съ Вагнеромъ, Мефистофелемъ и иные, до встрѣчи съ Гретхенъ) и первые его шаги въ реальной жизни, т. е. весь эпизодъ съ Гретхенъ. Во второй части дѣятельность Фауста заключаетъ въ себѣ три характернѣйшихъ момента: жизнь Фауста при дворѣ (первый и четвертый актъ), жизнь въ кругу высшихъ идеаловъ искусства (второй и третій акты) и общественно-практическое поприще Фауста (пятый актъ). Уловивъ эти моменты, мы сейчасъ же замѣтимъ и высшее единство трагедіи, ея глубокую и въ высшей степени характерную для всего XIX вѣка идею *прогрессивнаго развитія*, эволюціи,—но сейчасъ же намъ броситься въ глаза странная непослѣдовательность въ чередованіи этихъ моментовъ, особенно трехъ моментовъ второй части. Два момента первой части чередуются самымъ естественнымъ образомъ: любовь къ женщинѣ—достояніе молодости и въ жизни всякаго нормальнаго человѣка слѣдуетъ немедленно за періодомъ перваго самопознанія и саморазвитія; что Фаустъ сперва намучился надъ книгами, а потомъ сталъ волочиться за Гретхенъ—это прекрасно поймётъ всякій окончившій курсъ гимназистъ или учащійся въ университетѣ студентъ, который, со школьной скамьи, первымъ дѣломъ влюбляется не на животъ, а на смерть. Но какъ странно чередуются моменты развитія Фауста во второй части! Было бы просто и ясно, еслибы Фаустъ, познавшій, путемъ любви къ женщинѣ, простѣйшій по существу родъ альтруистическаго инстинкта (стремленія отъ своего личнаго «я» къ чужому «ты») сталъ питать любовь къ ближнему и занялся бы своею общеполезною инженерною работою, затѣмъ мало по малу возвысился бы надъ сферою непосредственныхъ экономическихъ нуждъ народа до пониманія *всѣхъ* его интересовъ,—до вопросовъ государственныхъ,—и тогда устроился бы при дворѣ, а въ заключеніе ушелъ бы въ разрѣшеніе наиболѣе сложныхъ и отвлеченныхъ *общечеловѣческихъ* интересовъ искусства. Такой путь развитія, отъ простаго къ сложному, былъ бы понятенъ всякому читателю сразу и безъ всякихъ коментаріевъ. Очевидно, тѣ скачки въ развитіи Фауста, которые дѣлаютъ непонятными для огромной массы это произведеніе во всемъ его объемѣ (особенно же вторую часть «Фауста»), должны быть объяснены какими нибудь коренными особенностями индивидуальности Фауста, отличающими ее отъ индивидуальности простыхъ смертныхъ. Разъ эти странности въ развитіи Фауста замѣчены—читатель уже не можетъ считать Фауста идеаломъ *человѣка* вообще или человѣка XIX вѣка. Формула Фауста, какъ *общечеловѣка*, установленная въ литературѣ и общественномъ мнѣніи, очевидно, неудовлетворительна; надо поискать другую формулу, болѣе точную.

Та формула, которая на нашъ взглядъ представляется болѣе удовлетворительной, высказана нами въ заглавіи этой статьи. Гётевскій Фаустъ есть типъ художественной, артистической натуры, т. е. натуры «нутряной», созерцательной и мечтательной и, съ внѣшней стороны, бездѣйственной, въ поступкахъ же своихъ руководящейся инстинктами эстетическаго удовольствія, а не побужденіями нравственной пользы.—Чтобы доказать это, обратимся къ

Digitized by Google

детальному разсмотрѣнію каждаго изъ тѣхъ характернѣйшихъ моментовъ трагедіи, на которые мы ее подраздѣлили.

Первую характеристику Фауста дѣлаетъ Мефистофель въ прологѣ трагедіи:

«Не вѣселы ему всѣ радости земныя.
Какъ сумашедшій, онъ разсудкомъ слабъ:
Всегда куда-то въ даль стремится,
Всегда въ желанья погруженъ;
То съ неба звѣздъ желаетъ онъ,
То хочетъ высшимъ счастьемъ насладиться—
И все не можетъ удовлетвориться».

Господь, въ томъ же прологѣ, дополняетъ эту характеристику:

«Знай, чистая душа въ своемъ исканьѣ смутномъ
Сознаньемъ истины полна»!

Судя уже по одной этой характеристикѣ, Фаустъ—натура, живущая болѣе сердцемъ, чѣмъ разсудкомъ, съ неясными, расплывчатыми стремленіями и идеалами, болѣе созерцающая, чѣмъ дѣйствующая. И, дѣйствительно, именно такимъ является Фаустъ во всѣхъ сценахъ трагедіи до встрѣчи съ Гретхенъ.

Фаустъ по профессіи—ученый; но вникнемъ хорошенько: обладаетъ ли онъ спокойной выдержкой и научною концепціею ученаго? — Ученый идетъ отъ частнаго къ общему индуктивнымъ, опытнымъ путемъ изслѣдованія; самъ Гёте представлялъ себѣ идеалъ ученаго именно такимъ образомъ, судя по его слѣдующему афоризму: «Живо одаренный умъ, который въ практическихъ видахъ придерживается *ближайшихъ* цѣлей—это самое превосходное, что только существуетъ на землѣ».—Между тѣмъ, Фаустъ, стремящійся проникнуть въ *существо* вещей, всякое знаніе, кромѣ абсолютно-истиннаго (т. е., съ чисто-научной точки зрѣнія, недостижимаго) считаетъ ненаучнымъ; онъ хочетъ постичь міръ путемъ какихъ-то апріорныхъ построеній, путемъ дедукціи, которая, въ сущности, ничто иное, какъ чаянье и догадка, т. е. концепція *художественной* и, вдобавокъ, романтической натуры. Оттого-то онъ и предается магіи, т. е. самой ненаучной изъ наукъ, но манящей и дразнящей фантазію романтически настроеннаго мыслителя. Вотъ почему, съ первыхъ же словъ перваго монолога, въ которыхъ Фаустъ клянетъ ограниченность человѣческаго (научнаго) познанія, этотъ ученый восхваляетъ магію:

«Но магіи предамся я:
Быть можетъ, духи для меня
Откроютъ таинства природы—
И я не буду со стыдомъ
Болтать, не зная самъ о чемъ;
Мнѣ станутъ ясны жизни тайны
И, снявъ ихъ вѣчную печать,
Я буду истину вѣщать,—
Не словъ пустыхъ наборъ случайный».

Этотъ способъ познанія, конечно, можетъ удовлетворить лишь фантазію, но не умъ Фауста; волшебный знакъ въ мистической

Digitized by Google

книгѣ, знакъ Макрокосма (*внѣшней*, видимой вселенной, въ противоположность Микрокосму, *внутренней* вселенной, «душѣ») побуждаетъ ученаго къ горестному восклицанію:

«О, чудный, дивный видъ! Но только видъ—увы!
Увы! Мнѣ не объять природы необъятной!
И гдѣ же вы, сосцы природы дивной—вы,
Дарующіе жизнь струею благодатной,
Которыми живетъ и небо, и земля,
Къ которымъ рвется такъ больная грудь моя»?

Полное пораженіе претерпѣваетъ Фаустъ, какъ ученый, отъ вызваннаго имъ «Духа земли». Поэтъ дивными строками характеризуетъ этого дѣятельнаго, мужественнаго и мудраго духа, понять котораго можетъ лишь сродная ему дѣятельная, мужественная и мудрая натура истиннаго ученаго. Духъ реальной, земной жизни вѣщаетъ мечтателю-Фаусту:

«Въ бурѣ дѣяній, въ волнахъ бытія
Я подымаюсь,
Я опускаюсь...
Смерть и рожденье—
Вѣчное море;
Жизнь и движенье
Въ вѣчномъ просторѣ...
Такъ на станкѣ преходящихъ вѣковъ
Тку я живую одежду боговъ».

Это значитъ: природу не постигнешь однимъ созерцаніемъ, однимъ поэтическимъ предчувствіемъ, которымъ довольствуется Фаустъ; она есть лишь «одежда вѣчныхъ боговъ», проявленіе вѣчно дѣятельной живой сущности; чтобы понять эту сущность, надо ей уподобиться. Вотъ почему «духъ земли» съ откровенною жестокостью обрываетъ Фауста, воскликнувшаго: «О дѣятельный духъ, какъ близокъ я тебѣ»!—

«Ты близокъ—но тому, кого ты постигаешь—
Не мнѣ»!

Слѣдующая затѣмъ сцена Фауста съ Вагнеромъ заключаетъ въ себѣ какъ бы реабилитацію Фауста, сдѣланную поэтомъ; если Фаустъ стремится объять истину поэтическимъ чувствомъ, то ученикъ его, педантъ-Вагнеръ, совсѣмъ не стремится къ ней и радуется безсвязнымъ крупицамъ знанія, которыя почерпаетъ изъ пергаментовъ. Замѣчательно, что, вмѣсто того чтобы посовѣтовать Вагнеру объединять его познанія философскимъ синтезомъ, Фаустъ взываетъ къ *поэтическому* чувству, къ которому именно и глухъ его ученикъ:

«Что въ немъ (въ краснорѣчіи, изучить которое
желалъ бы Вагнеръ) безъ силы убѣжденья?
Пусть изъ души слова идутъ
И пылкой силой вдохновенья
Сердца волнуютъ и влекутъ!
А вы?—сидите и кропайте,
Объѣдки пиршествъ подбирайте—

Digitized by Google

И будетъ пестрый винигретъ
Поддѣльнымъ пламенемъ согрѣтъ.
И удивляться будутъ вамъ, понятно,
Лишь дѣти да глупцы, коль это вамъ пріятно!
Но сердца къ сердцу рѣчь не привлечетъ,
Коль не изъ сердца рѣчь течетъ».

Появленіе Вагнера вызываетъ въ Фаустѣ еще сильнѣйшее отвращеніе къ научному познанію, которое этотъ романтикъ отожествляетъ съ сухою бездарностью Вагнера:

«Съ высокихъ стѣнъ смѣются надо мной
Винты и рычаги, машины и колеса.
Я думалъ—къ истинѣ вы ключъ надежный мой;
Но если ключъ блеститъ отдѣлкой мастерской [1]),
Все жь бѣдному ему не разрѣшить вопроса!
При свѣтѣ дня, покрыта тайны мглой,
Природа свой покровъ не сниметъ передъ нами!
Увы, чего не могъ постигнуть ты душой,
Не объяснить тебѣ винтомъ и рычагами».

Отчаяніе, въ которое приходитъ Фаустъ при этой мысли, возбуждаетъ въ немъ умыселъ самоубійства. Но замѣчательно, что въ смерти онъ ищетъ новаго мистическаго познанія, новой, «чистой» дѣятельности, къ которой онъ неспособенъ на землѣ:

«Вотъ колесница въ пламени сіянья
Ко мнѣ слетѣла! Предо мной—эоиръ
И новый путь въ пространствахъ мірозданья.
Туда готовъ летѣть я—въ новый міръ (чистой дѣятельности) [2])».

Къ смерти Фаустъ относится съ энтузіазмомъ мистика и предчувствіями поэта; онъ сравниваетъ ее не съ ночью, но, подымая бокалъ съ ядомъ, провозглашаетъ тостъ за утро; другими словами, онъ и здѣсь выражаетъ полное пренебреженіе къ міру внѣшнему, реальному, стремясь къ иному, внутреннему и идеальному міру; въ эту минуту Фаустъ—поэтъ-романтикъ болѣе, чѣмъ когда либо.—И какъ характерна эта впечатлительность и измѣнчивость артистической натуры, выразившаяся въ томъ, что Фаустъ не выпиваетъ яда, будучи развлеченъ пасхальнымъ гимномъ, напомнившимъ ему о дѣтствѣ. Власть воспоминанія или, другими словами, мечтанія—какъ типична она для всѣхъ фаустовски-настроенныхъ сердецъ! Онъ восклицаетъ:

«Знакомый съ юныхъ лѣтъ и милый сердцу звонъ,
Опять меня ты къ жизни призываешь!
Въ субботу тихую, въ священной тишинѣ
Небесной я любовью проникался,

---

[1]) У Гёте выразительнѣе: «Zwar euer Bart ist kraus, doch hebt ihr nicht die Riegel»; то есть: «Хоть бородка (ключа) и замысловата, но ей не поднять пружины (замка)».

[2]) «Zu neuen Sphären *reiner Thätigkeit*»,—стихъ, неточно переведенный Н. Холодковскимъ.

Digitized by Google

И колокольный звонъ такъ чудно раздавался:
Молился жарко я и сладко было мнѣ.
Влекомый силою какой-то неземною,
Въ поля, лѣса изъ храма я бѣжалъ,
Слеза катилась тихо за слезою
И новый міръ предъ взоромъ возникалъ.
Припомнилось мнѣ все: и юности отвага,
И счастье дѣтское, потерянное мной.
О, нѣтъ! Не сдѣлаю я роковаго шага:
Смягчаетъ душу мнѣ воспоминаній рой.
О, звуки чудные, гремите жъ: я внимаю!
Рыданья грудь тѣснятъ. Я снова въ жизнь вступаю»!

Еслибы Фаустъ былъ не только артистически-настроеннымъ ученымъ, но и дѣйствительно поэтомъ или профессіональнымъ художникомъ, то весь типъ его былъ бы крайне простъ и понятенъ. Однако, въ сценѣ за городскими воротами Фаустъ проявляетъ совершенно новую черточку, усложняющую, повидимому, и безъ того сложный типъ; говоримъ: повидимому, потому что эта черточка, при ближайшемъ ея разсмотрѣніи, не мѣняетъ сущности фаустовскаго типа. Черточка эта—вспышка реальнаго, простаго и гуманнаго чувства любви къ ближнему,—чувства, слишкомъ простаго и жизненнаго для отвлеченнаго, романтическаго Фауста. Особенно-трогательно звучатъ въ устахъ мечтателя,—аристократа уже по самой своей организаціи,—рѣчи, полныя демократической симпатіи къ той «толпѣ», которую онъ, какъ поэтъ-романтикъ, во всякое другое время готовъ клясть и презирать:

«Они торжествуютъ Христа Воскресенье—
И сами какъ будто воскресли они:
Прошли безконечные зимніе дни!
Изъ комнаты душной, съ работы тяжелой,
Изъ лавокъ, изъ душной своей мастерской,
Блистая, ликуя, шумящій ихъ рой
На волю выходитъ гурьбою веселой,
И послѣ молитвы во мракѣ церквей,
Ласкаетъ ихъ воздухъ зеленыхъ полей.
Смотри же, смотри: и поля, и дорога
Покрыты веселой и пестрой толпой:
А тамъ, на рѣкѣ, и возня, и тревога,
И лодокъ мелькаетъ безчисленный рой.
Но вотъ, до краевъ погрузившійся въ воду,
Послѣдній челнокъ нагруженный плыветъ;
А тамъ, по горамъ, вереница народу,
Блистая нарядами, стройно идетъ.
Чу, музыка, говоръ: крестьяне танцуютъ,
И старый, и малый безпечно ликуютъ.
Мнѣ любо веселье толпы наблюдать—
И быть человѣкомъ могу я опять» [1]).

[1]) У Гёте послѣдній стихъ: «Hier bin ich Mensch, hier darf ich's seyn». То есть: «Здѣсь я—человѣкъ, здѣсь *смѣю* имъ быть». Значитъ, въ другое

Digitized by Google

Ошибочно было бы по этому и другимъ подобнымъ же мѣстамъ трагедіи дѣлать выводъ о реальности и опредѣленности гуманитарныхъ идеаловъ Фауста. Фаусту не чуждо ничто человѣческое—это несомнѣнно, и еслибы въ немъ не было того, что̀ мы назвали демократическими симпатіями, то онъ никогда бы не обратился къ практической дѣятельности, которою закончилъ земное свое поприще. Но уже изъ того обстоятельства, что Фаустъ практически-гуманною дѣятельностью *закончилъ* свое поприще, вмѣсто того чтобы его начать или продолжать,—явствуетъ, насколько слабы позывы Фауста къ реальной жизни. Сплошь да рядомъ художественно-настроенныя натуры, не нашедшія своего призванія въ искусствѣ, бросаются въ практическую жизнь, въ которой также терпятъ неудачи; сущности ихъ типа это не мѣняетъ: то, что̀ поверхностному взгляду кажется дѣльностью и дѣловитостью, для болѣе проницательнаго психолога покажется лишь отсутствіемъ выдержки, диллетантизмомъ. Не придавая послѣднему термину пренебрежительнаго смысла и подразумѣвая подъ нимъ лишь художественную организацію, мало продуктивную какъ въ жизни, такъ и въ искусствѣ, но чуткую и расплывчато-сантиментальную, мы съ нѣкоторымъ правомъ можемъ назвать Фауста *диллетантомъ*; Фаустъ — диллетантъ въ тѣ минуты жизни, когда пытается руководиться нравственными принципами, тогда какъ вообще онъ руководится въ своей дѣятельности лишь эстетическими эмоціями.

Самъ Фаустъ понимаетъ, насколько противорѣчатъ всему его міровоззрѣнію ощущенія въ родѣ тѣхъ, какія испытываетъ онъ во время прогулки за городскими воротами въ праздникъ Свѣтлаго Воскресенія. Тотчасъ же послѣ своего сердечнаго монолога по адресу толпы, привѣтствующей въ немъ гуманнаго врача, онъ предается обычнымъ своимъ романтическимъ мечтаніямъ и порывамъ:

«Ужь солнце скрылось; но въ душѣ больной
Растетъ опять могучее желанье—
Летѣть за нимъ и пить его сіянье,
Ночь видѣть позади и день передъ собой,
И небо въ вышинѣ, и волны подъ ногами.
Прекрасная мечта! Но день уже погасъ.
О, духу такъ легко, отъ тѣла отрѣшась,
Парить свободными крылами!
Но подавить нельзя подчасъ
Въ душѣ врожденное стремленье,
Стремленье въ высь, когда до насъ
Вдругъ долетаетъ жаворонка пѣнье
Изъ необъятной синевы небесъ,
Когда, внизу оставя домъ и лѣсъ,
Орелъ паритъ свободно надъ горами,
Иль высоко подъ облаками
Къ далекой родинѣ своей
Несется стая журавлей».

время Фаустъ не смѣетъ быть человѣкомъ, точно стыдится кого-то—очевидно, самого себя. Черта метко-схваченная и мастерски переданная.

Digitized by Google

Въ такихъ монологахъ всего яснѣе видны артистическая мечтательность и страстное томленіе по идеалу (Sehnsucht), составляющія обычный предметъ наиболѣе отвлеченной, а именно романтической нѣмецкой поэзіи начала XIX вѣка, однимъ изъ предтечъ которой былъ Гёте въ наиболѣе національныхъ его произведеніяхъ. Фаустъ, повторяемъ, самъ чувствуетъ слабость и призрачность всѣхъ стремленій, влекущихъ его въ дѣйствительный, внѣшній міръ дѣятельности изъ міра внутренняго, созерцательнаго, и вотъ онъ уже жалуется Вагнеру:

«Ахъ, двѣ души живутъ въ больной груди моей,
Другъ другу чуждыя—и жаждутъ раздѣленья!
Изъ нихъ одной мила земля—
И здѣсь ей любо въ этомъ мірѣ.
Другой—небесныя поля,
Гдѣ духи носятся въ эѳирѣ».

И сейчасъ же затѣмъ обращается съ воззваніемъ къ таинственнымъ духамъ, къ этимъ символамъ мистическихъ предчувствій и сверхчувственнаго познанія:

«О, духи, если вы живете въ вышинѣ
И гордо носитесь межъ небомъ и землею,
Изъ сферы золотой спуститесь вы ко мнѣ
И дайте жить мнѣ жизнію другою!
Да, еслибъ мантію я чудную имѣлъ [1]),
Чтобъ улетѣть на ней въ невѣдомыя страны,
Я бъ отдалъ за нее любой покровъ багряный
И царской бы взамѣнъ порфиры не хотѣлъ»!

Интересна эта неопредѣленность желаній и требованій, какія заявляетъ Фаустъ Гёте къ духамъ: Фаустъ народной нѣмецкой сказки и соотвѣтственные кудесники иныхъ народныхъ сказаній (напримѣръ, панъ Твардовскій у славянъ) стремятся сдѣлать духовъ покорными исполнителями своихъ велѣній, иной разъ даже очень натуралистическихъ; при слабости активныхъ, волевыхъ стремленій гётевскаго Фауста, послѣдній ищетъ въ духахъ лишь чего-то «невѣдомаго», «другой» жизни, или, въ переводѣ на обычный языкъ поэзіи, новыхъ грезъ и мечтаній.

Тѣмъ не менѣе, Фаустъ прекрасно понимаетъ, что пассивная мечтательность не можетъ стать руководящимъ принципомъ и зиждущимъ началомъ жизни; онъ знаетъ, что такимъ принципомъ можетъ быть лишь дѣяніе,—это, по Аристотелю, «живое единство теоріи и практики». Но эта истина остается лишь теоретическимъ умозаключеніемъ для Фауста; какъ бы то ни было, именно для этой женственно-художественной натуры характерна та апологія *дѣянію*, какую мы находимъ въ монологѣ Фауста надъ евангеліемъ:

«Написано: въ началѣ было *слово*,—
И вотъ уже одно препятствіе готово.

[1]) «Мантія» германскихъ сказаній соотвѣтствуетъ «ковру-самолету» русскихъ сказокъ.

Digitized by Google

Я слово не могу такъ высоко цѣнить:
Да, въ переводѣ текстъ я долженъ измѣнить.
Я напишу, что *разумъ* былъ въ началѣ.
Но слишкомъ, кажется, опять я сталъ спѣшить—
И мысли занеслись и въ заблужденье впали:
Не можетъ разумъ все творить и созидать.
Нѣтъ, *силу*—слѣдуетъ началомъ называть!
Пишу—и вновь беретъ меня сомнѣнье:
Невѣрно мнѣ сказало вдохновенье.
Но свѣтъ блеснулъ—и выходъ вижу я:
Въ *дѣяніи*—начало бытія»!

Въ послѣдующихъ сценахъ съ Мефистофелемъ видно, какъ послѣдній умѣетъ играть на этой слабости Фауста: стремленіи къ внѣшней дѣятельности при врожденной пассивности «нутряной» натуры. Мефистофель усыпляетъ Фауста сладострастными видѣніями, чему тотъ легко поддается, а въ слѣдующей затѣмъ сценѣ, не обѣщая ничего опредѣленнаго Фаусту, ловко заманиваетъ его тѣмъ «невѣдомымъ», которое онъ якобы можетъ предложить романтику. Въ монологахъ Фауста опять сквозитъ тотъ дуализмъ, который мы назвали диллетантизмомъ — неумѣніе ограничиться внутреннею жизнью, внутреннимъ эстетическимъ міромъ, какой создается всякимъ мыслителемъ-художникомъ, при отсутствіи силъ на борьбу со внѣшнимъ міромъ, міромъ этической и практической дѣятельности, требующимъ «дѣянія» и способности концентраціи силъ (для Фауста характерно его неумѣнье «сжаться», какъ характеризуетъ Тургеневъ въ «Асѣ» диллетантизмъ одного изъ своихъ героевъ). Въ результатѣ этого разлада—безнадежный и безсильный пессимизмъ, то, что̀ можетъ быть названо *жизнехульствомъ* Фауста:

«Я слишкомъ старъ, чтобъ тѣшиться игрою
И слишкомъ юнъ, чтобъ вовсе не желать.
Жизнь ничего не дастъ мнѣ, я увѣренъ;
Умѣренъ будь! лишь будь умѣренъ!—
Вотъ пѣсня вѣчная у насъ.
Она всю жизнь нашъ слухъ терзаетъ;
Ее назойливо намъ въ уши напѣваетъ
Охриплымъ голосомъ, смѣняясь, каждый часъ.

. . . . . .

Тотъ Богъ, который живъ въ груди моей,
Всю глубину души моей волнуетъ:
Онъ правитъ силами, таящимися въ ней,
Но силамъ выхода наружу не даруетъ.
Такъ тяжко, горько мнѣ, что жизнь мнѣ не мила—
И жду я, чтобъ скорѣй настала смерти мгла.

. . . . . .

Проклятье—выспреннее мнѣнье
О духѣ, разумѣ людскомъ!
Проклятье—наше ослѣпленье
Блестящимъ всякимъ пустякомъ!
Проклятье грезамъ лицемѣрнымъ,
Мечтамъ о славѣ—тѣмъ мечтамъ,

Digitized by Google

Что мы считаемъ счастьемъ вѣрнымъ:
Семейству, власти и трудамъ!..
Привыкъ надежду проклинать я,
Но, больше всѣхъ, тебѣ проклятья—
Терпѣнье, злѣйшій нашъ порокъ»!

Понятно, почему терпѣнье, составляющее, вмѣстѣ съ настойчивостью, одну изъ добродѣтелей практической жизни, кажется Фаусту злѣйшимъ порокомъ. Онъ не можетъ «сжаться» въ своихъ стремленіяхъ къ безконечному, т. е. въ стремленіи лишь къ внутреннему созерцанію; онъ любитъ это томленіе по безконечному развитію, которое составляетъ характеристическую черту художественно-настроенныхъ организацій, находящихся въ состояніи вѣчной внутренней работы (l'homme respire, l'artiste aspire,—какъ выражается одинъ поэтъ). Фаустъ любитъ эту вѣчную работу, вѣчное стремленіе къ совершенствованію; самое страшное для этого романтика и вѣчнаго юноши—это необходимость установиться, сформироваться въ цѣляхъ внѣшней дѣятельности. Вотъ почему онъ формулируетъ свой договоръ съ Мефистофелемъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Когда на ложе сна въ довольствѣ и покоѣ
Я упаду, тогда—насталъ мой срокъ!
Когда ты льстить мнѣ лживо станешь [1])
И буду я собой доволенъ самъ,
Восторгомъ чувственнымъ когда меня обманешь,
Тогда—конецъ!..
Когда воскликну я: мгновенье,
Прекрасно ты—продлись, постой!
Тогда готовь мнѣ цѣпь плѣненья,
Земля, разверзнись подо мной»!

При такой формулировкѣ договора (мы знаемъ, что самъ чортъ въ финалѣ трагедіи жестоко кается за то, что допустилъ такую неясность условій), читатель имѣетъ полное право отнестись съ недовѣріемъ къ тѣмъ планамъ дѣятельной жизни на пользу ближнихъ, какіе ставитъ себѣ Фаустъ, восклицающій:

«Душа, отнынѣ будь всѣмъ горестямъ открыта:
Въ тебѣ, обманутой, любви къ наукѣ нѣтъ.
Вся жизнь людей, вся бездна горя, бѣдъ—
Все будетъ мной изведано, прожито.
Глубоко я хочу всѣ тайны ихъ познать,
Всю силу радости и горя испытать,
Душою въ душу ихъ до глубины проникнуть
И съ ними, наконецъ, въ ничтожество поникнуть»!

Эта дѣятельная новая жизнь Фауста, вышедшаго изъ тиши кабинета, начинается незначительными эпизодами въ погребѣ Ауэрбаха и въ кухнѣ вѣдьмы, а затѣмъ помолодѣвшій физически Фаустъ дѣлаетъ первый шагъ на пути того развитія, которое пред-

[1]) У Гёте яснѣе: «Kannst du mich schmeichelnd je belügen», т. е. «Если съумѣешь меня лукаво обольстить (своими чарами)».

Digitized by Google

назначилъ ему Богъ въ началѣ трагедіи: мечтатель, жившій одними отвлеченными умствованіями, загорается живымъ и непосредственнымъ чувствомъ, любовью къ тому, что прежде всего встрѣчаемъ мы, вступая въ дѣйствительную жизнь и чѣмъ прежде всего плѣняемся—любовью къ женщинѣ. — Посмотримъ же, насколько сильна и интенсивна эта любовь и приближаетъ ли она Фауста къ тому дѣятельному идеалу героя, какого желали бы видѣть въ немъ критики и всѣ мы, почитатели великаго поэта, ищущіе въ его произведеніяхъ, независимо отъ эстетическаго наслажденія, высшихъ уроковъ житейской морали и мудрости?

Какой рѣшительный шагъ въ жизни натуръ, подобныхъ Фаусту, представляетъ любовь—и съ какими колебаніями онѣ предаются ей! Надо вникнуть въ трагичность положенія эгоистовъ-мечтателей, чтобы извинить имъ любовную невѣрность, происходящую отъ страха передъ жизнью и желѣзными законами необходимости. Вспомнимъ, какъ въ одномъ изъ своихъ прозаическихъ фрагментовъ («Съ французскаго», 1831 г.) нашъ Пушкинъ изображаетъ сложный психологическій процессъ въ душѣ одного изъ своихъ влюбленныхъ, артистически-настроенныхъ эгоистовъ: «Я женюсь, т. е. жертвую независимостью, моей безпечной, прихотливой независимостью, моими роскошными привычками, странствіями безъ цѣли, уединеніемъ... Я удвоиваю жизнь, я стану думать: *мы*. Счастіе есть цѣль жизни, но я никогда не хлопоталъ о счастіи: я могъ обойтись и безъ него. Теперь мнѣ нужно его на двоихъ, а гдѣ мнѣ взять его»? Въ самомъ дѣлѣ, легко ли было Фаусту, погруженному въ самоанализъ и самопознаніе, удвоить жизнь и вмѣсто «я» начать думать «мы»? Откуда было взять ему «счастья на двоихъ», когда счастіе эстетическихъ мечтаній, къ которому Фаустъ всегда стремился, не удовлетворяло его самого.

Можно a priori угадать, какую роль будетъ играть любовь къ женщинѣ въ жизни Фауста; чуждое непосредственности и свѣжести, чувство этого «дилетанта» должно состоять изъ мечтаній на новыя интересныя темы и изъ вспышекъ темпераментной, первобытной страсти: Фаусты не бываютъ ни пылкими Ромео, воплощающими всѣ идеалы своей жизни въ юношеской любви, ни обыкновенными хорошими семьянинами, уже давно достигшими границъ своего индивидуальнаго *развитія* и потому заботящимися о расширеніи границъ своей *дѣятельности* въ кругу семьи и общества. И, дѣйствительно, гётевскій Фаустъ, какъ любовникъ, чуждъ всякой непосредственности, всякой «влюбленности». Онъ или вожделѣетъ, какъ самецъ, или же мечтаетъ, какъ поэтъ,—при полномъ отсутствіи «золотой середины». Гретхенъ онъ встрѣчаетъ, выпивъ у вѣдьмы тотъ напитокъ, по поводу котораго Мефистофель выражается:

«Да, выпей только, братъ, напитокъ мой отмѣнный:
Любую бабу ты сочтешь тогда Еленой».

Онъ пристаетъ къ Гретхенъ на улицѣ со словами уличнаго Донъ-Жуана:

«Прекрасной барышнѣ вослѣдъ
Могу ль пойти? Васъ провожу я»,

Digitized by Google

и приходитъ въ восторгъ отъ отвѣта, показавшагося ему пикантнымъ:

«Прекрасной барышни здѣсь нѣтъ!
Домой одна дойти могу я»!

Гретхенъ сначала привлекаетъ его ненамѣреннымъ кокетствомъ этого отвѣта; онъ восклицаетъ:

«Что за прелестное дитя!
Такой не могъ представить я.
Такъ добродѣтельна, скромна —
И все жъ кокетлива она».

Не удивительно, что Фаустъ тутъ же немедленно обращается къ Мефистофелю съ грубымъ приказаніемъ: «Послушай, ты мнѣ долженъ добыть эту дѣвчонку» (Dirne), по возможности, въ ближайшую же ночь (Heut Nacht), и сейчасъ же велитъ нести ей цѣнный подарокъ. Въ слѣдующей затѣмъ сценѣ, въ комнатѣ Маргариты, Фаустъ является, наоборотъ, отвлеченнѣйшимъ идеалистомъ-мечтателемъ. Гретхенъ является ему идеаломъ «покоя» и «порядка», «довольства малымъ» (der Stille, der Ordnung, der Zufriedenheit); Фаустъ любитъ въ ней то, чего ему самому недостаетъ; онъ говоритъ, озираясь кругомъ:

«О, сумракъ чудный, шлю тебѣ привѣтъ!
Разлитъ ты здѣсь, въ тиши моей святыни.
Ты осѣни, любовь, мнѣ сердце нынѣ;
Блесни опять, надежды чудный свѣтъ!
Какъ дышетъ здѣсь повсюду духъ покоя,
Порядкомъ все проникнуто кругомъ!
Средь бѣдности довольство здѣсь какое!
Святой пріютъ, благословенный домъ»!

Этотъ монологъ кончается характернымъ признаніемъ въ той двойственности, какою отличается вся любовь Фауста къ Гретхенъ:

«Какъ я своихъ бы мыслей устыдился,
Когда бъ ее сейчасъ я увидалъ!
Я за минутку былъ не больше, какъ нахалъ,
Теперь же въ прахъ предъ нею бы склонился».

Съ самаго начала своей любви, Фаустъ предчувствуетъ ея развязку, трагическую для Гретхенъ. Когда, въ сценѣ «на улицѣ», Мефистофель говоритъ, что Фаустъ надуетъ Гретхенъ и, не слушая возраженій послѣдняго, увѣряетъ, что онъ, Мефистофель, правъ, то Фаустъ долженъ, въ концѣ концовъ, съ этимъ согласиться. Въ саду Марты Фаустъ сначала не выходитъ изъ мечтательно-сантиментальнаго настроенія, какому онъ предавался въ комнатѣ Гретхенъ; и какой контрастъ представляетъ это настроеніе съ правдивымъ и простымъ чувствомъ Гретхенъ,—видно изъ слѣдующей цитаты:

«Фаустъ.

Зачѣмъ невинность, простота
Не знаетъ, какъ она безцѣнна и свята!
Смиренье, скромность чувствъ невинная, святая—
Вотъ самый лучшій даръ для насъ!

Digitized by Google

Гретхенъ.

Когда бъ вы обо мнѣ подумали хоть разъ,
О васъ бы думала съ тѣхъ поръ всегда, всегда я»!

Замѣчательно, однако, что въ концѣ этой сцены, немедленно послѣ объясненія въ любви, на Фауста снова находитъ предчувствіе неглубокости своего чувства и трагическаго конца его связи; онъ восклицаетъ:

«Итакъ, сольемся въ счастьѣ мы полнѣе
И безъ конца: губительнъ конецъ»!—

причемъ, надо замѣтить, въ подлинникѣ Фаустъ поясняетъ, что конецъ его любви есть *отчаяніе* («Ihr Ende würde Verzweiflung seyn»). Но съ особенной яркостью вся эфемерность фаустовскаго чувства съ Гретхенъ проявляется въ сценахъ: «Оврагъ въ лѣсу» и во второй сценѣ: «Садъ Марты». Въ началѣ обѣихъ сценъ, Фаустъ является влюбленнымъ поэтомъ, который распускаетъ свое чувство любви къ женщинѣ въ мечтаніи о всеобъемлющей міровой любви, о Богѣ. Характерно для художественной натуры Фауста то, что его теологическія мечтанія носятъ пантеистическій характеръ, что Богъ его—Богъ-художникъ, въ которомъ органически-тѣсно слиты матерія и духъ, какъ въ художественномъ произведеніи — форма и идея; природа, при такомъ воззрѣніи, является самодовлѣющимъ и прекраснымъ художественнымъ произведеніемъ, а человѣкъ, т. е. нравственное начало жизни—лишь одною изъ ничтожныхъ деталей эстетической міровой жизни. Фаустъ взываетъ къ тому «духу земли», который являлся ему въ началѣ трагедіи, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Ты ввелъ меня въ потокъ могучей жизни,
Ты научилъ меня родное [1]) видѣть
Въ волнахъ, въ порывахъ вихря, въ тихой рощѣ.
Когда въ лѣсу бушуетъ ураганъ,
И повергаетъ ближнія деревья,
Ломаясь съ трескомъ, богатырь-сосна,
И громъ ея паденью глухо вторитъ,—
Въ уединенье ты меня ведешь
И самъ себя тогда я созерцаю
И вижу тайны духа моего».

На вопросъ Гретхенъ, вѣруетъ ли онъ въ Бога, Фаустъ отвѣчаетъ, какъ романтикъ-оптимистъ: какъ же не вѣрить, если міръ прекрасенъ и жизнь есть фактъ самъ по себѣ отрадный, помимо всякихъ моральныхъ соображеній?

«Онъ, вѣчный Промыслитель
И міра Вседержитель,
Не обнимаетъ ли, любя,
Весь міръ—меня, тебя, себя?
Не сводъ ли тамъ вверху небесный?

[1]) У Гёте сказано опредѣленнѣе: «meine Brüder»—«ты научилъ видѣть моихъ братьевъ».

Digitized by Google

Подъ нами не Его ль земля?
Не льютъ ли звѣзды свѣтъ чудесный
На землю, рощи и поля»?

Только такого отвѣта мы и вправѣ ожидать отъ романтика Фауста, всецѣло преданнаго тому же самому внутреннему эстетическому процессу созиданія и разрушенія мечтаній и идей, какой онъ замѣчаетъ во внѣ,—въ созиданіи и разрушеніи формъ и видовъ, производимомъ природою. Это глубоко, прекрасно, достойно геніальнѣйшаго изъ поэтовъ XIX вѣка—но *влюбленные* такъ не разсуждаютъ.—Только въ концѣ этого монолога Фаустъ дѣлаетъ намекъ на то, что религіозное его чувство неразрывно связано съ любовью къ Гретхенъ:

«Когда ты ловишь взоръ любимый,
Скажи: не правитъ ли душой
Какой-то духъ неуловимый
И не паритъ ли надъ тобой,
Для сердца ясный, хоть незримый,
Пѣняя умъ, волнуя кровь,
Блаженствомъ душу наполняя?
Зови его, какъ хочешь, дорогая:
Восторгъ, душа, сіянье, Богъ, любовь—
Къ чему здѣсь имя? Намъ его не надо;
Все—въ чувствѣ! Въ чувствѣ вся отрада»!

Казалось бы, послѣ такихъ изліяній, можно было ожидать хоть нѣкотораго усиленія любви Фауста къ Гретхенъ. На самомъ же дѣлѣ, именно то «чувство», о которомъ такъ пламенно и изящно фантазируетъ артистическій Фаустъ, не можетъ согрѣть его сердца, рожденнаго «не для житейскаго волненья». Между тѣмъ, плоть продолжаетъ заявлять свои права, неумолимыя, первобытныя—и вотъ, послѣ монолога «Могучему духу» въ «Лѣсномъ оврагѣ», Фаустъ заявляетъ Мефистофелю о своемъ грубомъ влеченіи и взываетъ съ отчаяніемъ:

«Бѣсъ, помоги! Прочти мнѣ время страха.
Пусть вмѣстѣ, вмѣстѣ въ бездну праха
Со мной низвергнется она»!—

а послѣ еще краснорѣчивѣйшаго монолога о Богѣ, уговаривается съ Гретхенъ о ночномъ свиданіи въ ея комнаткѣ и вручаетъ ей зелье для ея матери, причемъ ни Гретхенъ, ни читателю, въ сущности, неизвѣстно—сонный ли это порошокъ, или смертельный ядъ. Такъ могъ бы поступить или человѣкъ, не понимающій элементарныхъ началъ морали, т. е. негодяй и преступникъ, или человѣкъ, считающій себя выше этихъ началъ, т. е. артистъ-романтикъ [1]).

[1]) Аналогія между натурою преступника и натурой романтика возмож столь же точная и достовѣрная, какъ аналогія, проведенная Ломброзо ме помѣшательствомъ и геніальностью. Вспомнимъ, напримѣръ, сложный Іоанна Грознаго, жестокости и заслуги котораго нѣкоторые историки об няютъ складомъ его характера, склоннаго болѣе къ созерцанію, чѣмъ къ пр ческой жизни, т. е. до извѣстной степени артистическаго.

Digitized by Google

Съ этого момента Фаустъ быстро охладѣваетъ къ Гретхенъ и снова предается прежнимъ пессимистическимъ ощущеніямъ неудовлетвореннаго въ своихъ стремленіяхъ романтика; въ сценѣ «Улица передъ домомъ Маргариты» онъ уже жалуется Мефистофелю:

«Вонъ въ ризницѣ церковной подъ окномъ
Блеститъ огонь лампады; то затихнетъ,
Слабѣй, слабѣй, то снова ярко вспыхнетъ,
То вновь замретъ—и мракъ стоитъ кругомъ.
Въ душѣ жь моей давно огонь не блещетъ».

Съ равнодушіемъ пресыщеннаго ловеласа Фаустъ слушаетъ глумливую пѣсенку Мефистофеля подъ окномъ Гретхенъ, и съ жестокостью скучающаго Донъ-Жуана убиваетъ брата Гретхенъ, Валентина, вступившагося было за фамильную честь. Не удивительно, что послѣ этого убійства Фаустъ, ища самозабвенія, кидается въ разгулъ и развратъ вальпургіевой ночи.

Этимъ, конечно, не могъ кончить Фаустъ, при брезгливомъ аристократизмѣ своей истинно-художественной и эстетической натуры, страдавшей даже при зрѣлищѣ гулякъ Ауэрбаховскаго погреба. Казалось бы, эта эстетичность должна была пробудиться съ особенной силой послѣ любовной исторіи, оставившей Фауста по прежнему неудовлетвореннымъ и недовольнымъ; казалось бы, покинувъ Гретхенъ, Фаустъ долженъ былъ бы еще глубже прежняго уйти въ себя, замкнуться и замереть въ своемъ мечтательномъ уединеніи и созерцаніи. Но мы уже знакомы съ отдѣльными вспышками простѣйшихъ и гуманныхъ ощущеній нравственнаго порядка, которымъ изрѣдка поддается Фаустъ (вспомнимъ «Сцену за городскими воротами»). Вотъ почему неожиданно, сначала среди разгула вальпургіевой ночи, а потомъ въ сценѣ «Ночь; открытое поле», Фаусту грезится, какъ воплощенное угрызеніе совѣсти, призракъ загубленной имъ Гретхенъ-дѣтоубійцы, съ отрубленной палачемъ головой; вотъ почему онъ спѣшитъ къ ней на избавленіе и въ припадкѣ поздняго раскаянія, въ сценѣ «Пасмурный день; поле», осыпаетъ Мефистофеля упреками. Изумленный этими рѣдкими для него ощущеніями, мечтатель произноситъ, при входѣ въ тюрьму, гдѣ томится Гретхенъ: «Мной овладѣваетъ давно забытый трепетъ; грудь тѣснятъ всѣ бѣдствія *человѣчества*».

Эта поздняя вспышка раскаянія уже ничего не въ силахъ измѣнить въ судьбѣ обреченной на гибель Гретхенъ, и лишь приводитъ Фауста къ возгласу, въ которомъ звучитъ отчаяніе: «О, еслибъ не былъ я рожденъ»! Замѣчательно, однако, что Фаустъ даже въ минуты раскаянія не винитъ себя: въ сценѣ въ полѣ онъ сваливалъ всю вину на Мефистофеля, а въ тюрьмѣ вспоминаетъ, по поводу Гретхенъ, о всемъ человѣчествѣ—то есть, и здѣсь болѣе философствуетъ и мечтаетъ, какъ эстетикъ, чѣмъ дѣйствуетъ и чувствуетъ, какъ кающійся грѣшникъ.

Такимъ образомъ, Фаустъ первой части представляется вполнѣ цѣльнымъ типомъ *художественной натуры*, мечтающей и созерцающей тамъ, гдѣ простой смертный чувствовалъ бы или дѣйствовалъ, и не руководящейся соображеніями морали, когда послѣднія противо-

Digitized by Google

рѣчатъ его вкусамъ и стремленіямъ; уклоненія въ сторону простоты и естественности стремленій и мыслей обычно-нравственнаго порядка настолько незначительны, что не могутъ служить опроверженіемъ высказаннаго нами взгляда на этотъ типъ. Диллетантъ-ученый (въ первой половинѣ первой части) и диллетантъ-любовникъ (во второй половинѣ этой части) гётевскій Фаустъ представляетъ собою, какъ мы уже сказали, замкнутую, «нутряную» натуру, живущую не столько научными и моральными инстинктами и идеями, сколько романтическими чаяніями и эстетическими эмоціями.

Теперь посмотримъ, каковъ этотъ утонченный типъ, этотъ индивидуалистъ-аристократъ (по всему складу своей организаціи и міровоззрѣнія) въ дальнѣйшихъ моментахъ своего жизненнаго развитія,—каковъ Фаустъ, какъ государственный человѣкъ, какъ представитель высшихъ идеаловъ искусства, и какъ дѣятель-практикъ,—или, другими словами, каковъ Фаустъ *второй* части трагедіи.

В. Чешихинъ.

(*Окончаніе будетъ*).

Digitized by Google

ОЧЕРКИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Журналистика въ англійской Индіи.—Ея оппозиціонный и даже враждебный характеръ.—Ненависть, проявляющаяся въ индійской журналистикѣ къ англичанамъ.—Мѣры, принимаемыя англійскимъ правительствомъ для обузданія индійской печати. — Характеръ индійской журналистики.—Журналистика въ Японіи.—Журналы и газеты.—Особенный оттѣнокъ періодической печати въ Японіи.—Сознаніе японцами своей силы и политическаго значенія.—Народное образованіе и корейцы.—Національное движеніе въ Японіи.—Объявленія и реклама.—Фукузава.—Англійское вліяніе. — Нелюбовь японцевъ къ англичанамъ.—Австралійская поэзія.—Отличительный характеръ этой поэзіи.—Корифеи австралійской поэзіи.

Въ настоящее время, англійское правительство, а въ извѣстной степени можно даже сказать и вся Англія, чрезвычайно озабочены удивительнѣйшимъ и совершенно неожиданнымъ развитіемъ туземной печати въ Индіи за послѣдніе годы. Первые зачатки этого новаго явленія были замѣчены лѣтъ десять тому назадъ. Еще въ 1886 году, лордъ Дюфферинъ, тогдашній вице-король Индіи, выражалъ Поонѣ-Сабба неудовольствіе, внушаемое ему вреднымъ направленіемъ индійской журналистики въ пеленкахъ. Онъ жаловался на то, что мѣстныя индійскія газеты нисколько не скрываютъ чувствъ крайней вражды и ненависти къ англичанамъ, и предвидѣлъ, что это явленіе, если оно не будетъ остановлено во-время, будетъ имѣть чрезвычайно важныя послѣдствія по отношенію къ будущему спокойствію Индіи. Англійскій дипломатъ,—какъ теперь оказывается,—не ошибся, и этотъ вопросъ, съ каждымъ днемъ принимающій все болѣе и болѣе угрожающій характеръ по отношенію къ англійскимъ владѣніямъ въ южной Азіи, разсматривается съ большимъ талантомъ и тактомъ въ статьѣ журнала «Imperial and Asiatic Review».

Не смотря на оптимизмъ, обнаруженный лордомъ Рипономъ, который полагалъ, что лица, окончившія индусскіе университеты, изъ числа которыхъ по преимуществу набираются индусскіе журналисты, будутъ «скромно и умѣренно пользоваться своей свободой»,—индусская печать давно уже старается возбуждать мѣстное индусское населеніе противъ Англіи. Благодаря возбудительнымъ

Digitized by Google

статьямъ этихъ газетъ, индусскіе народные праздники почти всегда кончаются дракой и на нихъ совершаются даже настоящія побоища, въ которыхъ мирные жители, т. е. тѣ изъ индусовъ, которые извѣстны своею преданностью англійскому дѣлу въ Индіи, жестоко избиваются, а по временамъ такъ даже убиваются. Скандалы съ каждымъ днемъ становятся опаснѣе и принимаютъ такіе размѣры, что, если вѣрить упомянутой статьѣ... «ни въ какой странѣ міра подобная распущенность не можетъ быть терпима». Дѣло дошло до того, что англійское правительство намѣрено пріостановить дѣйствіе закона Press Act и принять самыя строгія мѣры противъ печатной агитаціи,—«мѣры, сдѣлавшіяся совершенно необходимыми, вслѣдствіе развитія дешевыхъ мѣстныхъ газетъ самаго низкаго качества».

Свобода печати въ Индіи была установлена въ 1835 году сэромъ Чарльзомъ Меткальфомъ. Правда, въ то время всѣ газеты были, безъ малѣйшаго исключенія, редактируемы или англичанами, или образованными индусами, преданными англійскимъ интересамъ. Тѣ газеты, которыя издавались на мѣстномъ языкѣ, были чрезвычайно немногочисленны, и ни одна изъ нихъ не издавалась въ количествѣ, превышавшемъ двѣсти или триста экземпляровъ. Эта свобода безпрепятственно царила до знаменитаго бунта въ 1857 году, но въ этомъ году англійское правительство приняло самыя строгія мѣры противъ газетной агитаціи. Новый законъ уничтожилъ свободу печати по отношенію къ газетамъ, издаваемымъ на индусскомъ языкѣ, и далъ право исполнительной власти запрещать изданіе этихъ газетъ, даже безъ всякихъ предварительныхъ предостереженій. Многіе издатели, вслѣдствіе этого закона, попали въ тюрьму и большинство типографій были закрыты. Въ началѣ предполагалось, что этотъ законъ будетъ только временнымъ закономъ и долженъ дѣйствовать не болѣе, какъ въ теченіе одного года, но въ дѣйствительности онъ сохранилъ свою силу до 1868 года, когда былъ отмѣненъ.

Къ тому же времени относятся энергическія мѣры, принятыя англійскимъ правительствомъ въ пользу расширенія народнаго образованія въ Индіи. Каждый годъ индусскіе университеты выпускали значительное, съ каждымъ годомъ увеличивающееся, число молодыхъ образованныхъ индусовъ, которые, не имѣя возможности найти занятій, соотвѣтствующихъ ихъ образованію, обращались къ правительству, какъ бы говоря ему: «Вы насъ образовали, такъ дайте же намъ теперь возможность употребить въ дѣло наше образованіе». Само собой разумѣется, что нельзя найти мѣста для всѣхъ; такимъ образомъ, число недовольныхъ возросло чрезвычайно,

Digitized by Google

и эти недовольные, какъ это само собой понятно, нашли выходъ, ударившись въ журнализмъ. Съ 1873 по 1877 годъ, число и распространеніе газетъ на индусскихъ языкахъ увеличились въ ужасающихъ размѣрахъ, по преимуществу въ Бенгаліи, и эти газеты сдѣлались мѣстомъ, гдѣ молодые индусы не стѣснялись рѣзко нападать на англійское правительство и проповѣдывать походъ противъ англійскаго владычества. Мало по малу, ихъ статьи, сначала умѣренныя, становились все болѣе и болѣе рѣзкими. Упреки и клеветы по адресу Англіи накоплялись и, такимъ образомъ, издатели газетъ становились настоящими проповѣдниками бунта. Члены правительства ежедневно подвергались самымъ жестокимъ насмѣшкамъ. Прибѣгали даже къ шантажу, съ цѣлью выманивать деньги у лицъ, извѣстныхъ своею преданностью Англіи. Однако, правительство, не смотря на такое обостренное положеніе вещей, не рѣшалось вмѣшаться въ вопросъ свободы печати. Тѣмъ не менѣе,—такъ какъ политика невмѣшательства не могла длиться долго,—правительство лорда Лейтона въ 1878 году издало законъ, которымъ окончательно связало по рукамъ и ногамъ мѣстную печать. Типографщики и издатели обязывались не публиковать и не печатать на «народномъ нарѣчіи» «словъ, знаковъ или видимыхъ изображеній, способныхъ возбуждать вражду къ правительству, установленному закономъ въ англійской Индіи, или внушать антипатію между лицами различныхъ расъ, кастъ, религій или сектъ». Этотъ законъ, съ англійской точки зрѣнія, былъ очень полезенъ, но онъ дѣйствовалъ не болѣе трехъ лѣтъ. Онъ былъ отмѣненъ въ 1882 году лордомъ Рипономъ, который такимъ образомъ хотѣлъ себѣ купить популярность, обезсиливая администрацію. И, дѣйствительно, вскорѣ можно было убѣдиться въ ошибкѣ, сдѣланной лордомъ Рипономъ.

Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на всѣ мѣры, принятыя ради расширенія образованія, въ Индіи суевѣріе и невѣжество до сихъ поръ чрезвычайно распространены. Нельзя забывать, что Индія есть страна по преимуществу земледѣльческая. На 280 милліоновъ своихъ жителей, болѣе 72% живутъ исключительно земледѣліемъ. Жители городовъ составляютъ лишь самую незначительную часть населенія, потому ихъ не наберется и пяти милліоновъ, живущихъ въ городахъ съ населеніемъ свыше 20,000 жителей. Въ дѣйствительности, населеніе живетъ исключительно въ поселкахъ и деревняхъ, которые разсѣяны чрезвычайно густо по всей странѣ. Слѣдующій разсказъ, принадлежащій перу туземнаго чиновника, человѣка весьма образованнаго, написанный въ 1887 году, дастъ понятіе о тѣхъ трудностяхъ, которыя встрѣчаетъ распространеніе просвѣщенія въ Индіи.

Digitized by Google

«Дѣло происходило въ поселкѣ Мохаммадабадѣ, въ округѣ Азамгаръ. Однажды днемъ, я сидѣлъ подъ сѣнью дерева и разговаривалъ съ полицейскими, которые пришли навѣстить меня. Почтовый ящикъ (большой четырехъугольный ящикъ, только что выкрашенный въ красный цвѣтъ, съ огромнымъ отверстіемъ, черезъ которое опускаются въ ящикъ письма) лежалъ тутъ же, на землѣ, на разстояніи какихъ нибудь двадцати метровъ отъ мѣста, гдѣ мы сидѣли, въ ожиданіи, когда онъ будетъ прибитъ къ стѣнѣ. Къ ящику подошелъ поселянинъ съ письмомъ въ рукѣ, ища глазами, повидимому, куда положить его. Ему указали на ящикъ. Онъ подошелъ къ нему, снялъ башмаки, прежде чѣмъ подойти, распростеръ руки въ видѣ привѣтствія, опустилъ письмо въ ящикъ, поклонился ему и положилъ рядомъ съ ящикомъ, на землѣ, какую-то мѣдную мелочь. Сдѣлалъ нѣсколько шаговъ вспять, не поворачиваясь, снова поклонился, надѣлъ свои башмаки и ушелъ... При другомъ обстоятельствѣ, я увидѣлъ, какъ какой-то индусъ бросилъ письмо въ ящикъ; потомъ, наклонившись надъ отверстіемъ, онъ очень громко крикнулъ, что письмо предназначается какому-то Рева, вѣроятно, полагая, что въ ящикѣ спрятано существо, которое должно исполнить его порученіе».

Всѣ эти элементы невѣжества и суевѣрія должны быть принимаемы въ соображеніе, когда изучаешь роль и значеніе туземной печати въ Индіи. Что же касается собственно газетъ, то, хотя и трудно знать настоящее число ихъ, вслѣдствіе того, что эти газеты то возникаютъ, то исчезаютъ чуть не каждый день,—можно приблизительно считать, что ихъ не менѣе 350, издаваемыхъ на индусскомъ языкѣ природными индусами. Большинство ихъ—еженедѣльныя или выходятъ два раза въ недѣлю. Ежедневныхъ газетъ не больше двадцати. Онѣ распространены по преимуществу въ Бенгаліи, но, въ среднемъ числѣ, издаются не болѣе, какъ въ 800 или 900 экземплярахъ. Въ своемъ «Imperial Gazeteer» сэръ Гентеръ полагаетъ, что въ Индіи мѣстныя газеты расходятся, приблизительно, въ количествѣ 250,000 экземпляровъ въ недѣлю,—но надо прибавить, что съ тѣхъ поръ это число значительно увеличилось и теперь доходитъ до 350,000 въ недѣлю или до 18 милліоновъ экземпляровъ въ годъ. Другими словами, на 1,000 жителей, изъ которыхъ только 58 умѣютъ читать и писать, имѣется около двухъ газетъ. Однако, слѣдуетъ принять въ соображеніе и то, что дѣйствительное распространеніе газеты оцѣнивается не столько числомъ подписчиковъ, сколько числомъ читателей; и надо полагать, что читателей, по крайней мѣрѣ, въ 5 или 6 разъ больше подписчиковъ. Нельзя также забывать, что въ Индіи, въ деревняхъ, очень распространенъ обычай

Digitized by Google

читать газеты вслухъ для тѣхъ, которые не умѣютъ читать; всѣ эти соображенія показываютъ, что дѣйствительное распространеніе газеты значительно больше, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда.

Въ настоящее время, за исключеніемъ нѣсколькихъ періодическихъ изданій Мадраса, всѣ газеты занимаются почти исключительно политикой. Кромѣ газеты въ точномъ смыслѣ этого слова, въ значительномъ числѣ появляются также брошюры и обозрѣнія (такъ называемые Magasines), но они не имѣютъ политическаго значенія.

Въ первомъ ряду туземныхъ газетъ слѣдуетъ поставить «Dainik» и «Bangobasi»,—два бенгальскіе листка, издаваемые въ Калькутѣ—однимъ и тѣмъ же издателемъ; «Dainik» выходитъ пять разъ въ недѣлю, а на шестой день появляется «Bangobasi». Это—самыя распространенныя изданія въ Индіи. «Dainik» издается въ количествѣ 6,000 экземпляровъ въ день, а «Bangobasi» въ количествѣ 23,000 въ недѣлю. Другія наиболѣе распространенныя калькутскія газеты суть: «Hindu Patriot», «Bengali», «Amrita Bazar Patrika», «Reys and Rayyet», «Indian Mirror»; въ Бомбеѣ: «Indian Spectator», «Bombay Samachar» и «Jam-i-Jamshed»; въ Мадрасѣ: «Hindu»; въ Лагорѣ «Akhbar-i-am» и въ Бенаресѣ «Bharat-Jivan». Всѣ эти газеты, какъ само собой разумѣется, очень небольшаго формата и заключаютъ въ себѣ не больше печатнаго матеріала, чѣмъ тотъ, который умѣщается на одной страницѣ ежедневной лондонской газеты. Не слѣдуетъ однако забывать, что туземная печать въ Индіи находится еще въ дѣтствѣ, но въ быстротѣ развитія этой печати нетрудно убѣдиться по почтовой статистикѣ, которая по истинѣ поразительна. Такъ, по почтѣ было разослано въ 1884—85 году 13 милліоновъ экземпляровъ, а въ 1893—94 гг. это число увеличилось до 18 милліоновъ. Само собой разумѣется, что въ этомъ счетѣ не приняты въ соображеніе европейскія газеты и газеты, отправленныя въ Европу.

Нѣкоторыя ихъ этихъ газетъ издаются съ большимъ искусствомъ и придерживаются умѣреннаго направленія, но большинство откровенно-враждебны правительству, искажаютъ намѣренія и дѣйствія правительства и такимъ образомъ возбуждаютъ умы тысячи своихъ читателей. Конечно, правительственная печать могла бы реагировать противъ этого. Къ сожалѣнію, въ Индіи она далеко не находится на высотѣ своего положенія, и, вмѣсто того чтобы реагировать противъ враждебнаго направленія независимой печати, только указываетъ на опасность, нисколько не стараясь предотвратить ее. Главная изъ этихъ офиціозныхъ газетъ, «The Pioneer», недавно указывала на это зло въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Должностное лицо вездѣ встрѣчаетъ сопротивленіе и вражду, и часто лишено возмож-

Digitized by Google

ности добросовѣстно исполнять свою обязанность. Духъ населенія возбужденъ противъ своихъ правителей и самый наивный наблюдатель безъ труда замѣтитъ съ перваго же взгляда, что враждебное направленіе туземной печати и ея безпримѣрная распущенность съ каждымъ днемъ дѣлаютъ управленіе болѣе труднымъ». Съ цѣлью положить конецъ такому положенію вещей, «Imperial and Asiatic Review» предлагаетъ чрезвычайно строгія мѣры; этотъ журналъ требуетъ, чтобы англійское правительство въ Индіи возвратилось къ политикѣ лорда Лейтона. Однако, трудно согласиться, чтобъ мѣры репрессіи и насилія оказались дѣйствительными противъ этого зла: никогда подобная политика не спасала тѣхъ, которыхъ она старалась оберегать, и если, дѣйствительно, положеніе вещей въ Индіи такъ серьезно, какъ думаютъ нѣкоторые англичане, если, дѣйствительно, англійскому владычеству въ Индіи серьезно угрожаетъ агитація мѣстной журналистики, то, конечно, не такой элементарный и примитивный способъ можетъ помочь горю.

Отъ журналистики въ Индіи перейдемъ къ журналистикѣ въ Японіи,—странѣ, которую несомнѣнно ожидаетъ огромное культурное будущее. Это, между прочимъ, видно и на японской журналистикѣ. Развитіе и быстрое распространеніе въ Японіи періодическихъ изданій представляетъ фактъ, который нетрудно счесть чудомъ. Нѣтъ еще и тридцати лѣтъ, какъ нѣкій аптекарь, по фамиліи Кишида-Гинкау, реформировалъ японскій журнализмъ и придалъ ему характеръ европейскихъ «корреспонденцій», какъ онъ самъ выражается. Съ тѣхъ поръ газеты и журналы стали появляться въ Японіи точно грибы; и теперь, въ странѣ Микадо существуетъ ни много, ни мало, какъ четыреста ежедневныхъ газетъ и болѣе двухсотъ журналовъ. По однимъ этимъ числамъ читатель можетъ судить о быстротѣ японскаго прогресса.

И всѣ эти газеты и журналы въ странѣ Микадо, какъ двѣ капли воды, похожи на газеты и журналы старой Европы. Это—или органы партій, или органы частныхъ лицъ, либеральные или консервативные, правительственные или оппозиціонные, религіозные или атеистическіе. Между ними есть и такіе, какъ напр. Ідбинъ-Хоши-Шипъ-Бунъ (почта, объявленія, новости), которые своимъ огромнымъ успѣхомъ обязаны большему количеству лѣтъ, проведенныхъ въ тюремномъ заключеніи ихъ редакторами. Существуютъ листки непримиримой оппозиціи, въ родѣ «Нитсупу» (Японецъ), которые ничѣмъ не довольны, нападаютъ и на своихъ друзей, и на противниковъ, и хвалятъ только тѣхъ, кто не находятся еще у кормила власти. Японская журналистика имѣетъ своихъ остроумныхъ или раздражительныхъ полемистовъ, статьи которыхъ на

Digitized by Google

расхватъ читаются въ Токіо. Между ними встрѣчаются талантливые люди, которые могли бы играть далеко не послѣднюю роль и въ самомъ Парижѣ.

Вотъ, между прочимъ, одинъ анекдотъ изъ послѣдней японско-китайской войны, который характеризуетъ съ совершенно новой стороны японскихъ журналистовъ. Японское правительство окружило строжайшей тайной свои военныя дѣйствія и рѣшительно отказалось давать какія бы то ни было свѣдѣнія мѣстнымъ газетамъ. А между тѣмъ въ Японіи любопытство также развито, какъ и въ Европѣ; не имѣя никакихъ извѣстій съ театра войны, читатели японскихъ газетъ находились въ полномъ отчаяніи. Что было дѣлать газетамъ? Одинъ журналистъ въ Токіо придумалъ и напечаталъ слѣдующую телеграмму: «Въ Х. было кровопролитное сраженіе. Японцы дрались, какъ львы, подъ командой генерала Х. У китайцевъ 000 раненныхъ и 000 убитыхъ. Они потеряли 000 военныхъ фургоновъ и принуждены были отступить до самаго Х. У японцевъ оказалось всего 0 раненыхъ, 0 убитыхъ; они побѣдоносно подвигаются впередъ по направленію къ Х! Нашъ храбрый генералъ Х, поддерживаемый своимъ отрядомъ, состоящимъ изъ 0 солдатъ, заслужилъ благодарность своего отечества Х..., то бишь, великаго отечества Туохи (сынъ неба)». Эта телеграмма произвела нѣкоторую сенсацію въ Токіо; правительство оказалось вышученнымъ и принуждено было измѣнить заведенные порядки.

Въ Японіи есть газеты, которыя даютъ лишь легкомысленные рисунки; другія помѣщаютъ только слухи и новости,—есть и такія, которыя печатаютъ сказки и разсказы до такой степени реалистическіе, въ сравненіи съ которыми «Нанà» Золя (этотъ романъ въ настоящую минуту печатается, въ японскомъ переводѣ, въ одномъ изъ журналовъ Токіо) можетъ считаться образцомъ цѣломудрія.

Гораздо болѣе своеобразія и оригинальности представляютъ японскіе журналы или обозрѣнія. Редактируемые умными и образованными людьми, они отличаются серьезностью тона и талантливостью статей. Между ними особеннаго упоминанія заслуживаютъ: «Цвѣтокъ столицы» (Мійаканохама), «Политика» (Сеи-Іонъ) и наконецъ «Солнце»—органъ недавно возникшій и уже завоевавшій себѣ широкую извѣстность. Этотъ послѣдній органъ находится въ настоящее время во главѣ всей японской журналистики, благодаря превосходному составу сотрудниковъ и умѣлой редакціи. Редакторъ этого журнала, Хакубунканъ, основалъ, кромѣ того, журналъ для дѣтей «Міръ юности», — журналъ очень интересный какъ съ точки зрѣнія текста, такъ и съ точки зрѣнія иллюстраціи. Это — самый распространенный изъ японскихъ журналовъ.

Digitized by Google

«Солнце» осуществляетъ идеалъ журнала, какъ этотъ идеалъ былъ опредѣленъ Вутке. Представьте себѣ, что въ одно прекрасное утро землетрясеніе въ нѣсколько секундъ окончательно стерло Японію съ лица земли: одинъ нумеръ «Солнца», найденный будущими поколѣніями, вполнѣ былъ бы достаточенъ, чтобы возстановить въ ихъ умѣ и воображеніи состояніе души и стремленія современныхъ японцевъ. Но Японія, слава богу, не погибла ни отъ землетрясенія, ни отъ войны. Конечно, это счастіе не только для самой Японіи, но, можетъ быть, и для остальнаго человѣчества, потому что японцы народъ безспорно талантливый. Попробуемъ, тѣмъ не менѣе, представить нашимъ читателямъ японскую жизнь, взявъ въ основаніе нашихъ изслѣдованій одинъ изъ послѣднихъ нумеровъ «Солнца» (іюль, 1895 г.).

Взглянемъ сначала на оглавленіе нумера. Профессоръ Кумазо Тсубси въ ученомъ изслѣдованіи объясняетъ, какъ нужно «обрабатывать» историческій матеріалъ; Кунитане Купе бесѣдуетъ о прогрессѣ въ морали; графъ Таисуко Игатаки изучаетъ положеніе Японіи по отношенію къ другимъ народамъ и государствамъ; Хиройука Като даетъ своимъ читателямъ настоящій трактатъ о наслѣдственности и воспитаніи; Кониши выступаетъ съ остроумными и злыми насмѣшками надъ сосѣдями Японіи, русскими. Беллетристика представлена въ этомъ нумерѣ однимъ разсказомъ Саинину Іоно, носящимъ нѣсколько странное заглавіе: «Сводница слезъ»! Критика фигурируетъ въ статьѣ о японскихъ и китайскихъ поэтахъ. Прекрасно составленныя обозрѣнія, относящіяся къ торговлѣ и японскому земледѣлію, дополняютъ этотъ нумеръ, изъ котораго мы беремъ также нѣкоторыя свѣдѣнія, имѣющія несомнѣнный интересъ для характеристики умственнаго движенія въ современной Японіи.

Такъ, одинъ изъ сотрудниковъ объясняетъ въ этомъ нумерѣ значеніе для японцевъ цифры *четыре*. «Это—роковое число» (японское слово *ши*, означающее четыре, напоминаетъ своимъ произношеніемъ другое японское слово, означающее смерть), утверждаетъ авторъ. Онъ тутъ же приводитъ и доказательства этого роковаго значенія числа четыре. 4 сентября 1869 г. убійцы Секишима и Канава убили «отца японской арміи», Мозужиро Омура; 4 января 1874 г. чуть-чуть не былъ убитъ принцъ Ивакура; 24 мая 1878 г. Окубо, министръ внутреннихъ дѣлъ, сдѣлался жертвой отвратительнаго убійства, совершеннаго Шо, Шимида и Сугимото; 14 февраля 1895 г. въ Силиноски разбойники напали на посланника Ли-Хунгъ-Чангъ.

Въ другой статьѣ мы знакомимся съ умственнымъ прогрессомъ,

Digitized by Google

замѣчаемымъ среди корейцевъ. Убѣдившись въ необходимости усвоить себѣ европейскую цивилизацію, корейцы стали отправлять своихъ сыновей въ Японію, подобно тому, какъ нѣкогда японцы отправляли своихъ сыновей въ Европу. Пораженные результатами послѣдней войны, корейцы массами являются въ Токіо съ цѣлью проникнуть въ тайны японскаго благополучія. Молодые корейцы получаютъ образованіе въ учебномъ заведеніи Кейоджижику, находящемся подъ управленіемъ Фукузавы, отца народнаго просвѣщенія въ Японіи.

Какъ видитъ читатель, Японія находится еще въ томъ блаженномъ состояніи, что можетъ указывать на «отцовъ» всѣхъ отраслей своей умственной, политической и соціальной жизни. Рядомъ съ двумя, только что упомянутыми, «отцами», Японія имѣетъ еще «отца» парламентаризма, юстиціи, банковъ и пр.

Послѣдняя «партія» молодыхъ корейцевъ, прибывшая въ школу Кейоджижику, насчитывала до 140 учениковъ. Столкновеніе молодыхъ корейцевъ съ японской цивилизаціей представляетъ явленія весьма любопытныя. Журналъ изъ Токіо знакомитъ насъ очень обстоятельно съ состояніемъ души юныхъ корейцевъ, которые, будучи ошеломлены зрѣлищемъ желѣзной дороги, постоянно высовываютъ свои головы изъ оконъ вагоновъ. Въ то время какъ поѣздъ проходилъ по тунелямъ Хоконе (около Токіо) они чуть не разбили стекла оконъ, чтобы посмотрѣть, что совершается въ темнотѣ, въ которую они были внезапно погружены. Корейское правительство предоставило Фукузавѣ полное руководство юными корейцами. Вскорѣ японскія школы получатъ другую «партію» корейскихъ учениковъ. Вотъ какимъ остроумнымъ способомъ Японія захватываетъ Корею, вопреки,—а, можетъ быть, и по причинѣ,—европейскаго вмѣшательства въ корейскія дѣла.

Въ томъ же нумерѣ помѣщена небольшая статья, посвященная «системѣ китайскаго обученія», написанная, повидимому, со спеціальною цѣлью открыть глаза корейцевъ на китайскую цивилизацію, которую они еще такъ недавно предпочитали японской. Статейка эта очень любопытна. «Общественное преподаваніе въ Китаѣ,—говорится въ ней,—существуетъ уже очень давно. Лаи-Ки (уставъ церемоній) учитъ насъ, что уже болѣе двѣнадцати вѣковъ, какъ въ Китаѣ существуютъ организованныя школы. Но... китайскіе учителя всегда были набираемы изъ лицъ, которыя не могли выдержать экзаменовъ, т. е., другими словами, изъ лицъ совершенно неспособныхъ занимать какую либо должность въ администраціи. Эти неспособные педагоги, впрочемъ, и жалованье получаютъ соотвѣтственно ихъ... неспособности. Китайскій школьный

Digitized by Google

учитель получаетъ около 25 франковъ въ... годъ. Въ Кантонѣ, столицѣ провинціи Куангъ-Тунгъ, ихъ положеніе значительно лучше: тамъ нѣкоторые изъ учителей получаютъ до 60 франковъ въ годъ. Съ другой стороны, ученики, въ видѣ подарковъ, приподносятъ своимъ учителямъ извѣстное количество картофеля и рыбы. Самая старая школа находится въ Пекинѣ, но въ ней система и методъ преподаванія не измѣнились въ теченіе трехъ тысячъ лѣтъ». Японія заимствовала у европейской цивилизаціи не только коварные пріемы ея дипломатіи, то также и утонченныя формы соціальной и политической жизни Европы. Что можетъ быть, напримѣръ, внушительнѣе, какъ не цѣлое собраніе ученыхъ и политическихъ дѣятелей Японіи. стремящихся къ выработкѣ лучшихъ средствъ сдѣлать счастливыми завоеванныя японцами страны? Этимъ-то именно дѣломъ занимается такъ называемая Кожушпа.

Это, такъ сказать, благотворительное общество, основанное Фукузавой, открыло свое шестнадцатое общее собраніе рефератомъ г. Отори, послѣдняго японскаго посланника въ Кореѣ. Въ этомъ рефератѣ Отори проповѣдывалъ необходимость уважать нравы и обычаи завоеванныхъ странъ. Онъ совѣтуетъ опираться на иоошиповъ, т. е. вліятельныхъ членовъ китайскихъ общинъ, которые пользуются большимъ вліяніемъ на населеніе и съ помощью которыхъ можно взыскивать налоги и пошлины, не слишкомъ возмущая или пугая жителей. Кромѣ того, полиція должна быть либеральна, а что касается продажи опіума, то г. Отори не совѣтуетъ прибѣгать къ слишкомъ крутымъ мѣрамъ, потому что внезапное и окончательное запрещеніе продажи опіума можетъ вызвать эмиграцію всѣхъ жителей.

Вопросъ о наиболѣе выгодномъ и полезномъ употребленіи контрибуціи, полученной съ китайцевъ, составляетъ за послѣднее время настоящую злобу дня въ Японіи; по этому поводу появилось множество проэктовъ, авторы которыхъ настаиваютъ или на организаціи всемірной международной выставки въ Токіо, или же на употребленіи этихъ суммъ на народное образованіе.

Объявленія и рекламы, которыми, какъ извѣстно, почти исключительно живутъ газеты въ Европѣ, нашли себѣ прекрасную почву также и въ Японіи. Если можно принять, что количество объявленій служитъ нѣкоторымъ хотя бы косвеннымъ указаніемъ на значеніе газетъ, то Японія въ этомъ отношеніи не имѣетъ ни малѣйшаго повода завидовать Европѣ. Объявленія помѣщаются въ огромномъ количествѣ во всѣхъ газетахъ, а журналъ «Солнце», на который можно смотрѣть, какъ на типъ періодическаго японскаго изданія, въ одномъ нумерѣ заключаетъ болѣе 20 страницъ объяв-

Digitized by Google

леній! Русскіе журналы достигаютъ такого количества только въ концѣ и въ началѣ года, когда возобновляется подписка на журналы и газеты. Объявленія, печатаемыя на цвѣтной бумагѣ, помѣщаются въ разныхъ мѣстахъ текста, какъ это бываетъ въ нѣкоторыхъ американскихъ reviews and magazines, и образуютъ пріятную для глазъ пестроту. Лучшіе рисовальщики и художники Японіи, подобно ихъ собратіямъ въ Европѣ, украшаютъ объявленія своими рисунками и карикатурами, представляющими по временамъ настоящія художественныя произведенія. Такимъ образомъ, искусство, поступившее, если можно такъ выразиться, на службу къ промышленности и торговлѣ, доказываетъ, что Японія и въ этомъ отношеніи идетъ по слѣдамъ Европы, не уступая ей ни въ какихъ проявленіяхъ цивилизаціи.

Знаменитый Кишида-Глинкау, «отецъ» японской журналистики, пользуется такимъ же всеобщимъ уваженіемъ въ Токіо, какимъ въ Парижѣ пользуется Теофрастъ Ренодо. Основывая свою газету, онъ имѣлъ въ виду исключительно объявленія и рекламы. Разсказцы и такъ называемые faits divers (то, что у насъ называется «хроникой») играли въ его газетѣ только второстепенную роль и были болѣе или менѣе пріятнымъ придаткомъ. Газета «Мошивогусса» (слово, состоящее изъ трехъ словъ: *мо*—морское растеніе, *шиво*—соль и *гусса*—дикая трава; этимъ заглавіемъ издатель хотѣлъ сказать, что его газета наполнена свѣдѣніями столь же различными, какъ различно собраніе морскихъ и горныхъ растеній), въ началѣ существовала почти исключительно своими объявленіями; эта газета, впрочемъ, и по нынѣ считается первой японской газетой.

Какъ журналистъ и издатель, г. Іукиши Фукузава заслуживаетъ особаго упоминанія. Онъ основалъ газету «Жижи Шимпо» (Время), которая выгодно отличается отъ другихъ японскихъ газетъ широтой и независимостью своихъ мнѣній. Его газета не только очень распространена, но,—что гораздо важнѣе,—пользуется дѣйствительнымъ уваженіемъ японской публики. Кромѣ своей дѣятельности, какъ журналиста, въ которой ему дѣятельно и энергично помогаетъ его сынъ, Стежиро Фукузава, этотъ «великій старикъ»,—какъ называютъ его въ Токіо, по примѣру названія, которое англичане даютъ Гладстону,—извѣстенъ также, какъ основатель и главный начальникъ университета, въ которомъ слушаютъ лекціи до двухъ тысячъ студентовъ. Этого великаго старца называютъ также Сенсеи, т. е. «нашъ учитель» (подобно тому, какъ французы называютъ всякаго мало-мальски выдающагося писателя: «mon maître»), потому что почти всѣ теперешніе образованные японцы были его учениками. Фукузава не принадлежитъ или не исповѣдуетъ ни одной изъ ре-

Digitized by Google

лигій, существующихъ въ Японіи, и, какъ кажется, является просто убѣжденнымъ атеистомъ. Не отошедши еще къ «праотцамъ», онъ уже имѣетъ свою бронзовую статую, которая должна быть ему тѣмъ болѣе дорога, что она была воздвигнута на пожертвованія однихъ его учениковъ. Къ этой характеристикѣ слѣдуетъ прибавить также и то, что Фукузава считается самымъ горячимъ японскимъ патріотомъ и что если онъ былъ первымъ, который ввелъ въ странѣ Микадо употребленіе англійскаго языка, то онъ точно также возбудилъ національное движеніе, которое стремится къ тому, чтобы замѣнить англійскій языкъ, американскую и англійскую культуру языкомъ и культурой японскими.

Уже и теперь видно, что это національное движеніе принесло плоды: англійскій языкъ, который еще такъ недавно господствовалъ въ Японіи почти безусловно, съ каждымъ годомъ теряетъ свое значеніе и свое вліяніе. Знаменитая школа «Токіо Эйгогако» (школа англійскаго языка въ Токіо) уже закрылась и англійскія книги появляются все рѣже и рѣже, также какъ и объявленія объ англійскихъ школахъ и о преподаваніи англійскаго языка, которыя въ прежнее время занимали цѣлыя страницы японскихъ газетъ. Японцы выбрали себѣ совершенно тотъ же девизъ, что́ и американцы; подобно тому, какъ американцы говорятъ: «Америка для американцевъ», такъ и японцы говорятъ: «Японія для японцевъ». Насколько это движеніе сильно, видно, между прочимъ, изъ того, что японцы, не довольствуясь, повидимому, своимъ литературнымъ возрожденіемъ въ той формѣ, въ которой оно еще такъ недавно существовало, принимаются теперь издавать древнія книги, заброшенныя и забытыя. Образовался особый комитетъ изъ 30 самыхъ популярныхъ писателей и ученыхъ, среди которыхъ мы находимъ знаменитаго японскаго соціолога Хиройуки Като, ректора университета въ Токіо,—и этотъ комитетъ уже составилъ большой списокъ классическихъ сочиненій, переизданіе которыхъ должно усилить національное движеніе въ Японіи.

Важно также и то, что съ религіозной точки зрѣнія японцы, повидимому, вовсе не тяготятъ ни къ одной изъ европейскихъ религій. Японцы, не смотря на свободу совѣсти, существующую у нихъ не на бумагѣ только,—какъ кажется, народъ мало религіозный. Изъ числа 145 религіозныхъ журналовъ, издающихся въ Японіи, одинъ имѣетъ исключительною цѣлью изучать религіи всего свѣта, чтобы извлечь изъ нихъ начала, которыя могли бы послужить основаніемъ новой національной религіи. Само собой разумѣется, что эти начала исключительно относятся къ вопросамъ этики.

Въ настоящее время французы начали энергично агитировать

Digitized by Google

въ пользу болѣе широкаго распространенія французскаго языка въ Японіи. И въ самомъ дѣлѣ, почва для этого, какъ кажется, существуетъ. Англичане съумѣли навязать Японіи свое вліяніе и свою культуру; но въ Японіи ихъ не любятъ. Японцы, получившіе сознаніе своей силы, стремятся освободиться отъ вліянія этихъ высокомѣрныхъ и грубыхъ иностранцевъ. Съ такимъ молодымъ и гордымъ своей силой народомъ, какъ японцы, «ласкающая» Франція, какъ называетъ ее одинъ изъ самыхъ популярныхъ поэтовъ Токіо, могла бы, конечно, сдѣлать гораздо больше, чѣмъ сдѣлали англичане, которыхъ боятся, или нѣмцы, къ которымъ въ Японіи относятся съ крайнимъ недовѣріемъ.

Отъ Японіи и Индіи, гдѣ мы старались изучить общественную жизнь, какъ она выражается въ этихъ странахъ журналистикой, перейдемъ къ Австраліи, которой несомнѣнно предстоитъ огромное будущее. Литературное движеніе въ такой странѣ, какъ Австралія, само собой разумѣется, не можетъ быть особенно сильнымъ, но тѣмъ не менѣе нѣкоторыя проявленія этого движенія заслуживаютъ вниманія. Къ нимъ на первомъ планѣ принадлежитъ поэзія. И теперь уже Австралія имѣетъ свою національную поэзію, которая все больше и больше развивается. Въ виду этого любопытнаго поэтическаго движенія, отношеніе къ нему англійскихъ критиковъ очень интересно. Dii majores англійской критики, совершенно обходя молчаніемъ имена и произведенія австралійскихъ поэтовъ, относятся къ нимъ съ самымъ олимпійскимъ спокойствіемъ и даже съ презрѣніемъ. Но такое презрѣніе—совершенно незаслуженное. Не говоря уже о томъ, что среди австралійскихъ поэтовъ существуютъ люди выдающагося таланта, эта поэзія представляетъ очень любопытныя явленія. И въ самомъ дѣлѣ, Австралія есть страна по преимуществу физическаго труда, а такой трудъ, какъ извѣстно, очень неблагопріятенъ для мечтательности и для поэтическаго созерцанія, потому что въ этой молодой странѣ всякій обязанъ въ одинаковой степени работать, такъ сказать, въ потѣ своего лица. Этимъ объясняется то, что въ Австраліи поэты—не только поэты, но они въ то же время дѣятельные и энергическіе колонизаторы, иниціаторы политическихъ реформъ и пр. Эта дѣятельность по необходимости оставляетъ свой отпечатокъ на ихъ поэтическихъ произведеніяхъ, придавая имъ спеціальный характеръ. Это—по преимуществу поэзія дѣла, которая по временамъ обнаруживаетъ удивительнѣйшую жизненность. Другая особенность австралійской поэзіи, отчасти объясняющая несовершенство стихотвореній, заключается въ необходимости борьбы за существованіе, на которую осужденъ австралійскій поэтъ. Тамъ

Digitized by Google

нѣтъ людей, живущихъ, какъ въ Европѣ, своими доходами, а одна муза въ Австраліи рѣшительно не въ состояніи кормить своихъ послѣдователей. Австралійскій поэтъ, который бы разсчитывалъ жить плодами своего искусства, не былъ бы въ состояніи на долгое время продлить «связь тѣла и души». Въ Австраліи Аполлонъ все еще пасетъ овецъ Адмета. При этихъ условіяхъ, австралійская поэзія по необходимости должна отличаться отъ поэзіи другихъ странъ.

Въ журналѣ «Westminster Review», извѣстный англійскій критикъ Олифантъ Слентонъ помѣстилъ небольшую статью, въ которой разсказываетъ много любопытнаго объ австралійскихъ поэтахъ. Въ этой статьѣ онъ занимается только тѣми поэтами, которые такъ или иначе представляютъ интересъ для европейцевъ. Къ этимъ поэтамъ принадлежатъ: Альфредъ Дометъ, Адамсъ Линдсау Гордонъ, Джемсъ Брутонъ Стефенсъ, Генри Кендаль, Томасъ Брокенъ, Джоржъ Эссексъ Эвансъ и миссъ Джеммангсъ Кормичель.

Въ 1878 году Дометъ отправилъ Лонгфелло одинъ экземпляръ своей поэмы «Рамольфъ и Амшіа». Лонгфелло остался въ восторгѣ отъ этой поэмы. «Вы,—писалъ онъ автору,—прислали мнѣ прелестную поэму. Ваши описанія природы Новой Зеландіи чрезвычайно замѣчательны. Они напоминаютъ мнѣ картины нашихъ старыхъ мастеровъ». И, дѣйствительно, еслибы «Рамольфъ и Амшіа» не имѣли въ основѣ своей исключительно колоніальнаго и, слѣдовательно, совершенно чуждаго Англіи сюжета, то она нашла бы себѣ мѣсто наряду съ «Земнымъ раемъ» Мура или съ «Тристаномъ и Изольдой» Матью Арнольда.

Дометъ по своему происхожденію—не настоящій австраліецъ; онъ родился въ Англіи, часть своей жизни провелъ тамъ же и, передъ своимъ отъѣздомъ въ Австралію, былъ долгое время сотрудникомъ «Blackwood's Magazine». Такимъ же на половину англичаниномъ является и Гордонъ. Нѣкоторое время онъ служилъ въ Англіи въ военной службѣ; но это поприще ему не нравилось. Онъ вышелъ въ отставку и въ 1853 году окончательно поселился въ южной Австраліи. Тамъ онъ сначала разводилъ барановъ, потомъ работалъ въ золотыхъ рудникахъ и въ концѣ концовъ сдѣлался журналистомъ. Вскорѣ онъ завоевалъ себѣ большую извѣстность, какъ лирическій поэтъ. Онъ умеръ въ 1870 г.—Гордонъ несомнѣнно поэтъ съ выдающимся талантомъ, но, по сравненіи его съ Дометомъ, Кендалемъ и Стефенсомъ, у него нѣтъ ни ритмической силы перваго, ни нѣжной граціи втораго, ни мощи третьяго. Будучи страстнымъ любителемъ спорта, онъ въ своихъ стихотвореніяхъ почти исключительно воспѣваетъ различные роды спорта, причемъ

Digitized by Google

воспѣваетъ не какъ посторонній наблюдатель, а какъ человѣкъ, активно въ нихъ участвующій. На этомъ главнымъ образомъ и основана его популярность среди австралійцевъ, которые любятъ всякій спортъ.

Стефенсъ точно также родился въ Англіи, и въ Австраліи поселился только въ 1866 году. Вначалѣ онъ былъ учителемъ, а теперь состоитъ директоромъ корреспонденціи въ бюро колоніальнаго секретаря. Его главное произведеніе: «Convict Once and other Poems» было напечатано въ 1880 г. одновременно въ Австраліи и въ Англіи, и съ тѣхъ поръ онъ сотрудничаетъ въ журналахъ какъ той, такъ и другой страны. Вмѣстѣ съ Дометомъ онъ представляетъ собою высшую точку развитія австралійской поэзіи. Какъ художникъ, Стефенсъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, не только благодаря совершенству и музыкальному обаянію своего стиха, но также и тому обстоятельству, что онъ ввелъ новыя поэтическія формы. Это видно въ особенности въ такихъ стихотвореніяхъ, какъ «Godolphin Arabian», «The Black Gin», «The Headles Troper», «For my Sake» и пр. Онъ не менѣе замѣчателенъ, какъ драматургъ, что̀ въ особенности видно въ его «Convict Once». Стефенсъ рѣдко воспѣваетъ любовь, а когда и касается этого сюжета, то по большей части относится къ нему насмѣшливо. Гораздо въ большей степени его озабочиваютъ соціальныя страданія людей, и въ этомъ отношеніи его можно сравнить съ Гудомъ, который такъ прославился своею «Пѣснью о рубашкѣ».

Генри Кенделя можно считать національнымъ поэтомъ Новой Галліи. Онъ родился въ Улладуэлли, на восточномъ берегу Австраліи. Его юность прошла въ скитаніяхъ по лѣсамъ; онъ не получилъ никакого правильнаго образованія и всѣмъ, что̀ онъ знаетъ,— онъ обязанъ исключительно своему упорному труду. Сначала онъ служилъ на суднѣ въ качествѣ китолова, а потомъ поступилъ въ камеру къ одному юристу, который первый замѣтилъ въ немъ поэтическій талантъ. Въ 1882 году онъ умеръ въ крайней нищетѣ. Его поэтическія произведенія состоятъ изъ двухъ томовъ: «Leaves from an Australian forest» и «Songs from the Mountains». При жизни онъ имѣлъ гораздо меньше успѣха, чѣмъ Гордонъ, который былъ болѣе доступенъ по своимъ тенденціямъ австралійской публикѣ, но въ настоящее время его популярность замѣчательно распространяется и его предпочитаютъ Гордону. У него встрѣчаются чрезвычайно образныя выраженія, его метафоры поразительны по своей красотѣ. Вообще, со стороны техники, Кендель—одинъ изъ выдающихся поэтовъ. Онъ по преимуществу идиллическій поэтъ и достойно сожалѣнія, что онъ посвятилъ себя почти исключительно

Digitized by Google

легкой поэзіи. Однако, и среди этихъ стихотвореній, нѣкоторыя указываютъ на огромный трагическій талантъ. Безъ волненія невозможно читать такія вещи, какъ «Araluen», стихотворенія, которыя онъ написалъ по случаю смерти своей дочери, или «Ny-Brasil», «The Street»,—въ которыхъ онъ описываетъ съ поразительнымъ трагизмомъ свою собственную жизнь, или, наконецъ, его «Mooni»,—стихотвореніе, которое можетъ служить характеристикою его поэтическаго дарованія.

Томасъ Брокенъ, послѣ смерти Домета, сдѣлался самымъ популярнымъ австралійскимъ поэтомъ. У него та же ритмическая грація, но у него болѣе страстный поэтическій темпераментъ. Онъ родомъ изъ Ирландіи, въ Австралію онъ уѣхалъ въ 1855 году и прошелъ черезъ всѣ мытарства и ужасы колоніальной жизни. Онъ былъ и рудокопомъ, и букинистомъ, и прикащикомъ въ магазинѣ, и мясникомъ, и членомъ парламента, и издателемъ журнала; а теперь—онъ одинъ изъ собственниковъ и редакторовъ газеты «Evening Herold». Лучшія его поэмы: «Behind the Trombs», «Flowers of the Freelands», «Lays of the Moori» и «Moa». Главная особенность дарованія Брокена заключается въ крайней нѣжности чувствъ, въ соединеніи съ сильнымъ логическимъ умомъ. Онъ пережилъ всѣ страданія трудовой жизни и разсказываетъ въ своихъ поэмахъ лишь то, что самъ переживалъ. По богатству своего языка и техническому совершенству стиха онъ можетъ выдержать сравненіе съ лучшими современными англійскими поэтами. Его существеннымъ недостаткомъ является нѣкоторая склонность къ неясности выраженій, которая происходитъ вслѣдствіе крайней живости его стиля; подчасъ онъ жертвуетъ смысломъ ради гармоніи стиха. Но, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, его можно тѣмъ не менѣе считать лучшимъ лирикомъ изъ всей австралійской плеяды.

Другой представитель этой плеяды,—Эвансъ, еще молодой поэтъ пользуется огромнымъ успѣхомъ. Его поэма «The Repentance of Magdolen Despar» читается всѣми на расхватъ. Главными элементами его дарованія являются: богатая фантазія, поэтическая наблюдательность и страсть.

Миссъ Джеммингсъ Кормичель также занимаетъ одно изъ выдающихся мѣстъ въ австралійской плеядѣ поэтовъ. По силѣ описательнаго краснорѣчія, простаго и чрезвычайно искренняго, она не знаетъ соперниковъ въ австралійской поэзіи. Грація и красота ея стиха соединяются въ одно гармоническое цѣлое съ удивительной нравственной чистотой выражаемыхъ ею чувствъ. Къ лучшимъ, самымъ популярнымъ ея стихотвореніямъ принадлежатъ: «Tomboy

Digitized by Google

Modge» и «A Wreath from Adam's garden» (Вѣнокъ изъ сада Адама).

Вотъ главные корифеи австралійской поэзіи. Изъ этого бѣглаго перечня нетрудно вывести заключеніе, что въ Австраліи поэзія начинаетъ процвѣтать и что не далекъ тотъ день, когда физическій трудъ потеряетъ тамъ свой интенсивный характеръ и уступитъ мѣсто дѣятельности, имѣющей болѣе художественный отпечатокъ.

В. Ч.

Digitized by Google

Сонеты Петрарки.

XCIV.

Нѣтъ, никогда небесъ безоблачный просторъ
Такъ озарить не могъ дискъ солнца величавый,
И радуги цвѣта сверкающей оправой
Не чаровали такъ мой восхищенный взоръ—

Какъ засіяло въ день, когда на мой позоръ
Я бремя взялъ любви, спаленъ ея отравой,
То чудное лицо—я лести чуждъ лукавой!—
Что̀ жизнь, земная жизнь не знала до сихъ поръ.

Я видѣлъ, какъ любовь въ очахъ ея пылала
Священнѣйшимъ огнемъ... Краса царицъ земныхъ—
Ничто въ сравненьи съ ней... Гляжу на все устало...

Сеннучіо, я лукъ Амура видѣлъ въ нихъ...
Хоть жизнь въ опасности—печалюсь этимъ мало:
Я къ нимъ лечу мечтой, я жажду видѣть ихъ!

CXXXIV.

О, еслибъ то лицо, что̀ нынѣ вижу я,
Виргилій и Гомеръ видали—мощный геній
Въ одинъ бы свѣтлый гимнъ слилъ два живыхъ ручья,
Двѣ звучныя волны высокихъ вдохновеній.

Ахиллъ, Эней, Улиссъ—полубоговъ семья—
Остались бы тогда безъ дивныхъ пѣснопѣній
И Августъ, что̀ царилъ среди благословеній,
И тотъ, кого Эгистъ убилъ, вражду тая [1]).

[1]) Агамемнонъ.

Digitized by Google

Герой минувшихъ дней, прославленный боями [1]),
Прекрасному цвѣтку подобенъ сталъ судьбой,
Что́ расцвѣталъ въ тиши стыдливой красотой [2])...

Героя Энній пѣлъ нескладными стихами,
О ней же я пою... О, еслибъ въ тягость ей
Я не былъ съ пѣснею восторженной моей!

Мих. Гербановскій.

[1]) **Сципіонъ Африканскій.**
[2]) **Лаура.**

Digitized by Google

НА ПОКОѢ.

XI.

Соборный протоіерей, о. Сергій Зарѣченскій, съ виду казалс очень важнымъ: высокій, полный, степенно-благообразный, съ вол нистыми сѣдыми волосами, всегда тщательно расчесанными, съ сѣ дою же окладистою бородой. Онъ обладалъ чрезвычайно плавным походкою и движеніями; говорилъ нѣсколько протяжно и въ носъ но въ сущности былъ добродушнѣйшій человѣкъ, и не только про стой, а даже немного простоватый.

Съ о. Елисеемъ онъ былъ изстари знакомъ и состоялъ въ са мыхъ хорошихъ отношеніяхъ; на предполагаемый бракъ своего сына съ его внучкою смотрѣлъ одобрительно. Люба ему очень нравилась, о. Елисея онъ уважалъ и радовался, что женихъ съ нѣ вѣстой любятъ другъ друга.

Странная, неблагопріятная перемѣна въ характерѣ о. Елисея очень огорчала и безпокоила о. Сергія, тѣмъ болѣе что могла вос препятствовать скорой свадьбѣ Ивана Сергѣевича съ Любою. О. Елисей теперь замѣтно избѣгалъ всякихъ разговоровъ объ этой свадьбѣ; Иванъ Сергѣевичъ и Люба такъ убѣдили о. Сергія въ нервной болѣзни о. Елисея, что онъ нисколько не обижался на су хое, рѣзкое обращеніе съ нимъ этого послѣдняго, очень жалѣлъ больнаго друга и началъ ежедневно поминать за обѣдней: «о здравіи болящаго іерея Елисея». Но, какъ намъ уже извѣстно, о. Сергій повѣрилъ и Ѳедосьевнѣ, настойчиво утверждавшей, что о. Елисей страдаетъ не отъ болѣзни, а «со спокою».

Повѣривши, о. Сергій рѣшилъ, что ему слѣдуетъ успокоить и примирить друга съ его новымъ положеніемъ, и надѣялся, что если онъ, о. Сергій, поговоритъ съ нимъ объ этомъ какъ слѣдуетъ, убѣ дительно и краснорѣчиво, то навѣрное успокоитъ.

Надобно замѣтить, что о. Сергій очень любилъ убѣждать и уго варивать, думая о себѣ (безъ гордыни, но съ большимъ удовольствіемъ) какъ о человѣкѣ, по милости божьей, обладающимъ даромъ

Digitized by Google

слова. Сыну онъ ничего не сообщилъ о своемъ намѣреніи утѣшить друга, опасаясь, какъ бы тотъ ему не воспрепятствовалъ, и пошелъ къ о. Елисею тогда, когда зналъ навѣрное, что не встрѣтитъ тамъ своего сына. Явившись въ домъ о. Елисея, онъ узналъ отъ Ѳедосьевны, что Любы нѣтъ дома, а батюшка сидитъ у себя въ кабинетѣ одинъ. О. Сергій обрадовался отсутствію Любы, ибо думалъ, что она, пожалуй, помѣшаетъ его бесѣдѣ съ отцомъ, и направился немедленно въ кабинетъ. Здѣсь онъ увидѣлъ о. Елисея, сидящаго въ креслѣ, у стола, и погруженнаго въ глубокую задумчивость.

— Воспользовавшись благопріятной погодою, вздумалъ васъ провѣдать, о. Елисей, дабы засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе, — съ особенной мягкостью и ласковостью въ тонѣ, произнесъ о. Сергій и, положивши на столъ предъ о. Елисеемъ большую просфору, прибавилъ:—Девятичиновная. За здравіе ваше вынута.— О. Елисей, сухо отвѣтивши:—Благодарю покорно!—даже не предложилъ гостю сѣсть. Постоявши немного и не дождавшись отъ хозяина приглашенія сѣсть, о. Сергій опустился на диванъ, сказавши:— Однако, я утомился, вѣроятно, по случаю жаркой погоды.—О. Елисей безмолвствовалъ. Смолкъ на нѣсколько минутъ и о. Сергій, очевидно обдумывая предстоящую утѣшительную рѣчь и глубоко вздыхая. Потомъ, вынувши изъ кармана фуляръ, высморкался, откашлялся и началъ плавно, протяжно, нѣсколько въ носъ, совершенно такъ, какъ говорилъ проповѣди:

— Вамъ, о. Елисей, какъ іерею весьма твердому въ вѣрѣ, безъ сомнѣнія, извѣстно, что пути Божіи неисповѣдимы и что безъ воли Всевышняго не спадетъ ни единый волосъ съ головы человѣческой. И ежели пути сіи приводятъ насъ иногда къ несовсѣмъ благопріятнымъ случаямъ въ нашей жизни, то мы не должны смущаться духомъ и скорбѣть, а, напротивъ, взирать на оные съ радостію и веселіемъ...

— Желалъ бы я знать, о. протоіерей, по какой причинѣ читаете вы мнѣ сіе поученіе? — вдругъ, совсѣмъ неожиданно для о. Сергія, прервалъ его рѣчь о. Елисей, устремивши пристальный взглядъ своихъ глубоко-впавшихъ тревожныхъ глазъ прямо въ спокойно-добродушные глаза своего гостя. Вопросъ и взглядъ о. Елисея до того сконфузили Сергія, что онъ сразу позабылъ все, что намѣревался сказать ради утѣшенія друга, и еле выговорилъ упавшимъ голосомъ, совсѣмъ ужь просто:

— Да я, того... слышалъ, что огорчены вы увольненіемъ на покой, ну, и надѣялся... т. е. желалъ утѣшить васъ по дружески.

О. Елисей вздрогнулъ, какъ бы отъ внезапной острой боли: на

Digitized by Google

лицѣ его выразилось страданіе; помолчавши немного, онъ заговорилъ съ чрезвычайнымъ раздраженіемъ:

— Вотъ я тоже слышалъ, что и васъ, о. протоіерей, намѣреваются уволить на покой. (Въ городѣ, дѣйствительно, носились слухи о предстоящемъ увольненіи о. Сергія, но совершенно неосновательные, неизвѣстно почему возникшіе). Не безпокойтесь же утѣшать меня нынѣ. Когда получите форменное увольненіе, тогда и будемъ утѣшать другъ друга.

— Какъ? что вы говорите? да отъ кого вы слышали объ этомъ?— блѣднѣя и поднимаясь съ мѣста, спросилъ о. Сергій съ испугомъ, смотря на Елисея широко раскрывшимися глазами. — Боже мой! да за что же? лѣта мои еще не столь преклонны, невступно семьдесятъ... ахъ, Боже мой, Господи!

— А вы не смущайтесь духомъ, о. протоіерей. Взирайте съ радостью и веселіемъ... — тихо вымолвилъ о. Елисей, и на губахъ его промелькнула странная улыбка...

XII.

Дьяконъ Нилъ тоже задумалъ утѣшить о. Елисея, повѣривши словамъ Ѳедосьевны. Однажды, когда о. Елисей шелъ изъ церкви, по обыкновенію усталый и разстроенный, дьяконъ нагналъ и пріостановилъ его:

— Ужь вы простите, о. Елисей, что остановилъ васъ. Поговорить мнѣ съ вами нужно. Вижу—огорчены вы очень, и знаю чѣмъ, и жалѣю васъ ужасно. Право слово, жалѣю, о. Елисей! Я не буду говорить вамъ объ томъ, что не стóитъ, молъ, такъ огорчаться, грѣшно, дескать, и все такое... нѣтъ, не могу эдакъ говорить! Хоть самъ я на вашемъ бы мѣстѣ не огорчался; пускай у меня, какъ говорится, семеро по лавкамъ и всѣ каши просятъ, а я не огорчался бы! да вѣдь у меня — одинъ характеръ, а у васъ — другой, вотъ суть-то въ чемъ. Что́ для меня ладно, то для васъ прискорбно. Я — простецъ, а вы — мудрецъ, и мнѣ васъ поучать не годится. Только скажу, чѣмъ самъ въ разстройствѣ утѣшаюсь, можетъ, это же и вамъ поможетъ. Положимъ, рѣдко — куда какъ рѣдко! — въ разстройство-то я прихожу, а все жь случается. Да вотъ намедни: жена проситъ меня лѣкарство купить, одна свояченица—косынку, другая — шляпку, кухарка жалованье спрашиваетъ, а у меня два двугривенныхъ въ карманѣ,—вотъ и покупай тутъ шляпки да косынки! А тутъ еще: Вася съ Варей подрались, Митюшка въ оконное стекло мячикомъ угодилъ, стекло — въ дребезги; у Капочки зубки прорѣзываются, кричитъ благимъ матомъ; Николка пѣтухомъ

Digitized by Google

поетъ; Танюша въ горшокъ съ молокомъ — котенка посадила. А старшій, Максимъ, изъ школы съ двумя единицами явился. Гвалтъ, крикъ; чему жь тутъ радоваться? И подумалось мнѣ, что въ Содомѣ и Гоморрѣ, поди, такого шуму не бывало, какъ въ моемъ домѣ, и словно бы въ скуку меня ударило. Махнулъ рукой на все, да и пошелъ себѣ въ огородъ, да съ горя и принялся тамъ гряды полоть. Такъ принялся—просто, до поту лица доработался, и—чудно!—чѣмъ больше устаю, тѣмъ на сердцѣ-то у меня легче да легче дѣлается. И все, что раньше тоску нагнало — смѣшнымъ ужь стало казаться. Звякаютъ двугривенные-то у меня въ карманѣ, а я думаю: «ишь, звонъ малиновый»! да самъ съ собой и смѣюсь. Такъ вотъ что я вамъ скажу, о. Елисей: попробовали бы вы тоже въ своемъ саду поработать, можетъ, и вамъ помогло бы. Бывало, вы любили садомъ заниматься, а теперь, слышно, и не ходите туда, все дома, въ духотѣ сидите. А отъ духоты, извѣстно, всякому человѣку тоскливѣй на душѣ становится. А садъ-то у васъ, одно слово, рай земной! Воздухъ легкій, всякими цвѣтами пахнетъ, деревà зеленыя, а на деревàхъ пташки поютъ-заливаются. Клубника, поди, теперь ужь поспѣваетъ. Эхъ, о. Елисей! Послушайтесь вы моего простецкаго совѣта—потрудитесь, поработайте въ саду на вольномъ воздухѣ. Да не обижайтесь на меня за такой совѣтъ, Христа ради!

Но о. Елисей, кажется, не обидѣлся на дьякона. Ни однимъ словомъ не перебилъ онъ рѣчь простодушнаго Нила, выслушалъ его молча, склонивши голову и о чемъ-то размышляя. Когда же дьяконъ умолкъ, о. Елисей взглянулъ на него, и въ этомъ взглядѣ его выразились одновременно надежда и сомнѣніе. Такъ смотритъ больной, отчаявшійся въ своемъ выздоровленіи, на врача, прописывающаго ему новое лѣкарство и увѣряющаго, что лѣкарство это ему поможетъ. Вздохнувши, о. Елисей сказалъ дьякону такъ мягко и ласково, какъ прежде, до увольненія, ни съ кѣмъ не говорилъ, развѣ только съ Любою:

— Спасибо за совѣтъ; попробую въ саду поработать. Да, почему жь ты денегъ у меня не просишь, когда нуждаешься? Сколько тебѣ надобно? я дамъ; приходи ужо.

— Нѣтъ, покорнѣйше благодарю, о. Елисей, теперь ужь не нуждаюсь. Третьяго дня — доходъ подѣлили. Ужь я свояченицамъ и шляпку съ косынкой купилъ; да вотъ грѣхи-то! не угодилъ ни одной. Говорю вѣдь имъ—покупайте сами, а онѣ меня посылаютъ за покупками; вообразили себѣ, что мнѣ, за мой голосъ, купцы лучше и дешевле товаръ отпускаютъ. А купишь что—все имъ не по нраву. Старшая, Олимпіада, надъ косынкой плачетъ,—говоритъ, цвѣтомъ не хороша. А цвѣтомъ она, косынка-то, въ родѣ бы

Digitized by Google

красной; по моему—отличный цвѣтъ! А младшая, Серафима, надъ шляпкой убивается. Велѣла она мнѣ купить шляпку съ розанами, а я и купи ей съ тюльпанами, кто ихъ разберетъ-то? ужь больно схожи. Женѣ батистику на платье взялъ, — тоже, говоритъ, плохъ, будто бы линючій. А не дешево за все платилъ; такъ что хотѣлъ было сапоги себѣ пріобрѣсти, а денегъ и не хватило. Ну, бѣда не велика! старые отдамъ починить, проношу еще съ мѣсяцъ отлично.

— Вотъ и возьми у меня на сапоги, — также ласково сказалъ о. Елисей.

— Нѣтъ, о. Елисей, не буду въ долги влѣзать изъ-за своихъ прихотей. Такъ вотъ я и говорю, что никому ничѣмъ не угодилъ, кромѣ ребятъ своихъ. Купилъ я имъ занятную игрушку,—зайца съ барабаномъ. Теперь у насъ такое веселье: барабанный бой на весь домъ съ утра до ночи. А жена опять недовольна, говоритъ: «изъ-за этого самаго зайца твоего, голова у меня пуще болитъ; пробарабанилъ онъ мнѣ всю голову»! Положимъ, и мнѣ ужь теперь послѣ обѣда уснуть не приходится,—заяцъ не даетъ. А все таки, занятная игрушка! И самъ я утѣшаюсь, глядя, какъ этотъ заяцъ лапами ловко перебираетъ. Ха-ха-ха! умора съ нимъ, о. Елисей! — раскатился веселымъ смѣхомъ простодушный дьяконъ Нилъ. Невольно улыбнулся, глядя на него, и о. Елисей, и еще ласковѣе промолвилъ:

— Младенецъ ты, Нилъ, истинный младенецъ.

— Что жь, о. Елисей, вѣдь самъ Христосъ повелѣлъ намъ—съ дѣтей примѣръ брать. А только нѣтъ! какой же я младенецъ? Вотъ, о. Владиміръ у насъ, такъ ужь точно, что невинной, младенческой души человѣкъ. Всѣхъ-то онъ любитъ, всѣхъ жалѣетъ, всѣмъ и все прощаетъ. Удивительный человѣкъ! Вы, о. Елисей, мало знаете его и словно бы избѣгаете, а очень это дивно мнѣ: почему бы?

Напоминаніе объ о. Владимірѣ подѣйствовало на о. Елисея, подобно внезапной и сильной зубной боли. Онъ поблѣднѣлъ, лицо его исказилось, въ глазахъ снова появилось прежнее выраженіе—мрачнаго, тревожнаго недовольства. И онъ, проговоривши съ прежней рѣзкостью:

— Утомилъ ты меня своими разговорами. Мнѣ домой пора, — будто рванулся съ мѣста и торопливо направился по дорогѣ къ своему дому. Дьяконъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ, не постигая причины его постояннаго раздраженія.

XIII.

О. Елисей совсѣмъ изнемогалъ подъ тяжкимъ гнетомъ своихъ мыслей и чувствъ, напавшихъ на него «со спокою». Онъ и самъ

Digitized by Google

желалъ бы освободиться отъ угнетающихъ его мыслей и чувствъ, но не могъ, и они овладѣвали имъ все сильнѣе, мучили все болѣе и болѣе. Потому-то о. Елисей и рѣшился послѣдовать совѣту дьякона—заняться садовой работою. Въ то время, когда о. Елисей только что получилъ форменное увольненіе на покой, онъ и самъ старался утѣшать себя мыслью о томъ, что теперь на покоѣ займется своимъ садомъ больше, чѣмъ прежде занимался; но потомъ, всецѣло предавшись унынію и тоскѣ, совершенно позабылъ объ этомъ и даже пересталъ выходить въ садъ. На другой же день послѣ разговора съ дьякономъ, онъ вышелъ и принялся за садовыя работы съ необыкновеннымъ усердіемъ. Это очень обрадовало его домашнихъ; они тоже надѣялись, что работа на вольномъ воздухѣ поправитъ разстроенное здоровье о. Елисея и приведетъ его въ лучшее настроеніе. Однако, нѣсколько времени спустя, ихъ уже начало тревожить чрезмѣрное усердіе о. Елисея, съ утра до ночи и во всякую погоду работавшаго теперь въ саду. Особенно сокрушалась Ѳедосьевна, жалобно разсказывая всѣмъ и каждому:

— Охъ, Господи милосливый. и съ чего только вздумалъ нашъ батюшка такъ утруждать себя? работаетъ, словно изъ-за куска хлѣба, и помогать себѣ никому не дозволяетъ. Бывало, завсегда звали сторожа Филатыча—воду да песокъ въ садъ таскать, а теперь батюшка самъ таскаетъ, и подступиться къ нему съ помочью не смѣй! Намедни дождикъ такъ и хлещетъ, вѣтеръ студеный, а батюшка нашъ бродитъ себѣ по саду въ одномъ подрясничкѣ, намокъ весь, жалости поглядѣть-то! Говорю это я ему:—батюшка болѣзный! надѣнь хоть ряску-то; всего тебя вѣтромъ просвищетъ, простудишься, спаси Богъ!—А онъ руками замахалъ на меня да закричалъ страннымъ голосомъ:—«уйди, уйди! не мѣшайся въ мои дѣла, знай свои кухонныя»!—Охъ, ужь изведетъ онъ себя въ конецъ; кушать-то еще менѣ прежняго сталъ, видно, съ устатку-то; цыпленокъ больше съѣстъ, чѣмъ батюшка.

Да, о. Елисей работалъ въ саду съ непомѣрнымъ усердіемъ: обрѣзывалъ сухіе сучья на деревьяхъ и кустахъ, пересаживалъ и поливалъ цвѣты, пололъ гряды, по нѣскольку разъ въ день подметалъ и посыпалъ пескомъ дорожки, собиралъ поспѣвающія ягоды, но только усердіе это было насильственное. Онъ вовсе не хотѣлъ ничѣмъ этимъ заниматься, но принуждалъ себя, надѣясь трудомъ отогнать отъ себя непріятныя мысли, забыться за работой. Но это ему плохо удавалось. Правда, онъ избавился отъ безсонницы, крѣпко спалъ по ночамъ и не видѣлъ страшныхъ сновъ, однако, на душѣ у него не стало легче. Садъ, которымъ онъ всегда такъ гордился, который любилъ, какъ свое дѣтище, казался ему теперь

Digitized by Google

совсѣмъ нехорошимъ и ничего въ немъ не нравилось о. Елисею. Слишкомъ веселъ былъ этотъ садъ, цвѣтущій, освѣщаемый яркимъ лѣтнимъ солнцемъ, оглашаемый птичьимъ пѣніемъ, и отнюдь не гармонировалъ съ мрачнымъ настроеніемъ о. Елисея. Но всего непріятнѣе для о. Елисея—были дубки, которые онъ считалъ виновниками его увольненія на покой. Очень непріятными и даже противными представлялись ему эти дубки, а между тѣмъ, будто какая-то невидимая сила притягивала о. Елисея именно къ нимъ, и заставляла подолгу простаивать предъ ними. И досадно было о. Елисею, что деревца эти не сохнутъ, не вянутъ и точно дразнятъ его своей свѣжей зеленью. Глядя на нихъ, о. Елисей вспоминалъ съ необыкновенной живостью тотъ злосчастный день, когда посадилъ ихъ.

День былъ воскресный и такой теплый, ясный, солнечный; но солнечный свѣтъ только хуже раздражалъ о. Елисея. Земля, недавно освободившаяся отъ снѣга, едва подернулась молоденькой нѣжною травкой, и въ эту землю сажалъ о. Елисей дубки, привезенные ему знакомымъ мужикомъ Архипомъ изъ ближней деревни. О. Елисей сажалъ дубки и все безпокоился: примутся ли они, не засохнутъ ли? а предъ нимъ стоялъ Архипъ, радостно осклабляясь (отчего его глуповатое лицо дѣлалось еще глупѣе) и, пощипывая свою жиденькую, словно мочальную бороденку, говорилъ медленно и монотонно:

— Нѣтъ, батюшка, ужь вы не сумлѣвайтесь насчетъ дубовъ. Дубы—въ акуратѣ, эвона корни-то какіе! вѣку имъ не будетъ, этимъ дубамъ-то, тыщу лѣтъ простоятъ, вотъ-те Христосъ! Ужь будете благодарить меня за эти самыя деревà, вотъ разрази меня, ежели не будете!—О. Елисею было только то непріятно, что Архипъ привезъ деревья не во-время, передъ обѣднею, когда о. Елисей избѣгалъ заниматься какимъ бы то ни было дѣломъ, считая это грѣхомъ. Но дубки искусили его, заставили согрѣшить,—сажать ихъ передъ обѣдней. И самъ не понимаетъ о. Елисей, какъ рѣшился онъ на такое прегрѣшеніе, словно этого дѣла нельзя было отложить. Едва онъ успѣлъ посадить послѣдній дубокъ, какъ предъ нимъ точно изъ земли выросъ Цвѣтаевъ, запыхавшійся, блѣдный отъ волненія и еле выговорившій:

— Батюшка, пожалуйте въ церковь. Архіерей пріѣхалъ...—Заступъ выпалъ изъ задрожавшихъ рукъ о. Елисея, и сердце у него заныло. Отчего? должно быть, оттого что почуяло бѣду. Архипъ же, не обращая никакого вниманія на Цвѣтаева и на эффектъ, произведенный его появленіемъ, продолжалъ радостно осклабляться и твердить:

Digitized by Google

— Не сумлѣвайтесь, батюшка! ужь я по совѣсти, по знакомству... Будете мнѣ благодарны за дубы, вотъ лопни мои глаза!

О. Елисей всегда старался сдерживаться отъ всякаго гнѣвнаго раздраженія передъ обѣднею, но тутъ не выдержалъ. Ему стало такъ нестерпимо досадно на глупаго мужика, что онъ, топнувши ногой, сердито крикнулъ на него:

— Уходи съ глазъ моихъ долой, дерево стояросовое! Ладитъ себѣ: дубы да дубы, голова дубовая! Не до тебя мнѣ теперь.— О. Елисей поспѣшилъ домой переодѣться. Сердце у него продолжало ныть, а руки такъ дрожали, что ему сдѣлалось страшно.

«Что подумаетъ о семъ архіерей, ежели замѣтитъ? и какъ буду литургисать при подобномъ дрожаніи рукъ»? тревожно думалъ онъ, отправляясь въ церковь. Облачившись въ алтарѣ, о. Елисей съ крестомъ въ рукахъ вышелъ встрѣчать архіерея. И странно! Въ первый разъ въ жизни почувствовалъ онъ себя такимъ жалкимъ и ничтожнымъ, такимъ маленькимъ и слабымъ въ сравненіи съ тѣмъ, кого встрѣчалъ. А, между тѣмъ, архіерей не отличался величавымъ видомъ, не являлъ изъ себя ничего устрашающаго. Невысокій ростомъ (на цѣлую голову ниже о. Елисея), очень худой и немного сутуловатый, съ блѣднымъ, серьезнымъ, но вовсе не строгимъ лицомъ, съ рѣдкой темною бородой, слегка посеребренной просѣдью, въ скромной монашеской одеждѣ, онъ глядѣлъ самымъ обыкновеннымъ смиреннымъ инокомъ. Но, не смотря на это, о. Елисей,—поразительно величественный въ блестящемъ облаченіи изъ золотой парчи и украшенный орденами,—внутренно трепеталъ подъ безстрастно-спокойнымъ взглядомъ этого смиреннаго инока, чувствуя себя совершенно ничтожнымъ предъ нимъ. Взглядъ прозрачно-свѣтлыхъ архіерейскихъ глазъ былъ какой-то скользящій; онъ скользилъ по всѣмъ лицамъ и предметамъ, и вдругъ, какъ-то совсѣмъ неожиданно, останавливался на комъ нибудь или на чемъ нибудь пристально и неподвижно. Этотъ взглядъ сперва остановился на лицѣ о. Елисея, потомъ, скользнувши по его орденамъ, вновь остановился на крестѣ, который держалъ о. Елисей въ рукахъ, дрожавшихъ все сильнѣе и сильнѣе.

— Прошу начать литургію,—приложившись блѣдными губами къ кресту, произнесъ архіерей. Голосъ у него былъ тихій и слабый, въ тонѣ—ничего повелительнаго, но о. Елисею почудилась въ этомъ мягкомъ голосѣ, въ этомъ просительномъ тонѣ, такая могучая, властная сила, что сердце у него замерло, и онъ оробѣлъ въ первый разъ въ жизни. Литургія немедленно началась. При совершеніи ея, робость о. Елисея еще усилилась; онъ чувствовалъ себя точно новопосвященнымъ, совершающимъ первую литургію. Еще болѣе

Digitized by Google

устрашала его дрожь въ рукахъ, все продолжавшаяся. Архіерей пробылъ въ алтарѣ до конца литургіи и усердно молился; во время молитвы онъ казался еще смиреннѣе и проще; взглядъ его уже не скользилъ по предметамъ, а будто бы устремлялся дальше того, что было предъ нимъ, хотя выраженіе глазъ не измѣнилось, оставаясь безстрастно-спокойнымъ. Когда литургія окончилась, онъ тотчасъ же обратился къ о. Елисею съ вопросомъ:

— Желалъ бы я знать, сколько вамъ лѣтъ?

— Восемьдесятъ первый годъ, ваше преосвященство—отвѣчалъ ему о. Елисей, думая тревожно: «и зачѣмъ онъ меня объ этомъ спрашиваетъ»?

— Возрастъ почтенный. Да, весьма почтенный возрастъ...— раздумчиво проговорилъ архіерей, пристально вперяясь безстрастно-спокойнымъ взглядомъ въ лицо о. Елисея, мгновенно поблѣднѣвшее подъ этимъ взглядомъ.

— Помнится мнѣ,—продолжалъ архіерей,—что, года два тому назадъ, вы праздновали пятидесятилѣтіе вашего пастырскаго служенія?

— Истинно такъ, ваше преосвященство; 29 іюня сравняется два года со дня сего торжественнаго событія въ моей жизни.— И вдругъ о. Елисея осѣнила радостная мысль: «а что ежели онъ разспрашиваетъ меня столь внимательно для того, чтобы представить къ сану протоіерейскому? можетъ, думаетъ: «какой почтенный и заслуженный іерей, а доселѣ сана протоіерейскаго не удостоился. Да, весьма можетъ быть»!

Архіерей же, помолчавши немного, опять заговорилъ:

— Итакъ, болѣе полувѣка потрудились вы на скромномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ великомъ пастырскомъ поприщѣ; это много—да, очень много! Думается мнѣ, что пора и отдохнуть вамъ послѣ многолѣтней дѣятельности; на покоѣ вы будете себя пріуготовлять къ вѣчному успокоенію, о которомъ всѣмъ намъ надлежитъ непрестанно заботиться и помышлять, а вамъ, древнему старцу, тѣмъ паче. Притомъ же вамъ слишкомъ затруднительно и небезопасно литургисать по чрезвычайному дрожанію рукъ вашихъ, очевидно, происходящему отъ старческой слабости. Весьма тревожило меня это дрожаніе во время литургіи!—Каждое слово архіерея точно молотомъ ударяло прямо въ сердце о. Елисея; ледяной холодъ мурашками пробѣгалъ по его тѣлу... ничего не могъ онъ отвѣтить архіерею, языкъ будто прилипъ къ гортани, и онъ стоялъ предъ нимъ безмолвный, блѣдный и трепещущій, покорно склонивши свою гордую голову...

Глядя на дубки, о. Елисей точно вновь переживалъ этотъ не-

Digitized by Google

счастный день, со всѣми его тревогами и мученіями. Изъ зеленой дубовой листвы, словно вперялся въ него безстрастно-спокойный архіерейскій взглядъ; въ шелестѣ этихъ листьевъ, ему слышался тихій, слабый голосъ, властно приговаривающій его къ покою. Чѣмъ больше смотрѣлъ на дубки о. Елисей, тѣмъ ненавистнѣе они ему казались; онъ ненавидѣлъ ихъ, какъ живыхъ людей, причинившихъ ему страшное зло. Эта странная ненависть къ дубкамъ заглушала всѣ чувства и мысли, тревожившія о. Елисея за это время: непріязнь къ о. Владиміру, подозрѣнія въ неискренности внучки и жениха ея, страданія оскорбленнаго самолюбія, сокрушенія о воображаемыхъ церковныхъ безпорядкахъ и дерзости причта.

И думалось о. Елисею, что Архипъ вѣрно сказалъ, что этимъ дубкамъ и вѣку не будетъ; думалось, что переживутъ они не только его, старика, но и о. Владиміра съ женой, Любу съ Иваномъ Сергѣевичемъ, простодушнаго Нила и всѣхъ остальныхъ причетниковъ,—и эта мысль ужасала о. Елисея. Ему живо воображались эти молоденькія деревца уже старыми столѣтними дубами, такими высокими, что кладбищенская церковь кажется низенькой предъ ними, съ такими стволами, которыхъ обѣими руками не обхватишь. Будто видитъ о. Елисей эти могучіе, величественно-прекрасные дубы, одѣтые свѣжей, роскошною зеленью; видитъ, какъ всѣ восхищаются ими, отдыхаютъ отъ зноя подъ ихъ густолиственной тѣнью; какъ всѣмъ они нравятся, эти гордые, старые дубы... Да, для дубовъ не страшна старость, она придаетъ имъ силу и красоту, тогда какъ у людей отнимаетъ все это. Старые дубы—счастливѣе старыхъ людей, никому ненужныхъ, безсильныхъ и ничтожныхъ... Но странно, что, при всей своей ненависти къ дубкамъ, о. Елисею очень долго не приходила въ голову мысль о возможности уничтожить ихъ. Наконецъ, эта мысль явилась какъ-то внезапно, случайно. «Да, необходимо срубить эти дубки, завтра же и срублю ихъ! Они, ежели разростутся, такъ все въ саду заглушатъ, и ягоды, и цвѣты... надо ихъ срубить, непремѣнно срубить»!—думалъ о. Елисей, оживленный злой радостью, охватывавшей его все сильнѣе и сильнѣе. Только, богъ знаетъ почему, приговаривая дубки къ смертной казни, онъ старался увѣрить себя, что срубитъ ихъ оттого, что они современемъ все заглушатъ въ саду.

О. Елисей точно вдругъ помолодѣлъ подъ вліяніемъ злой радости; въ глазахъ его появился прежній яркій блескъ, въ походкѣ и движеніяхъ—бодрость и живость, хотя несовсѣмъ естественная, нервная... Онъ ожилъ, какъ оживаетъ увядшій цвѣтокъ, который опустили въ горячую воду.

Digitized by Google

XIV.

Заходящее солнце обливало розовымъ свѣтомъ садъ о. Елисея и Любу съ женихомъ, сидѣвшихъ на скамьѣ подъ цвѣтущей липою.

Іюльскій вечеръ дышалъ тишиной и спокойствіемъ, ни малѣйшаго вѣтерка не было въ чистомъ, легкомъ воздухѣ, напоенномъ сладкимъ ароматомъ липоваго цвѣта и сильнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжнымъ, благоуханіемъ пышно-распустившихся розъ, гвоздикъ и левкоевъ. Деревья точно замерли, отдыхая послѣ дневнаго зноя. Невозмутимую тишь нарушали только кузнечики, стрекотавшіе въ травѣ. Но ни Люба, ни женихъ ея не обращали вниманія на ясную прелесть вечера; они сидѣли молча, погруженные въ невеселыя думы. Люба сильно измѣнилась за эти два мѣсяца; она очень похудѣла и точно постарѣла, утративши всю свойственную ей живость и подвижность. Ея блѣдное лицо, порозовѣвшее подъ лучами заходящаго солнца, было серьезно и печально; синіе глаза потемнѣли и взглядъ ихъ сдѣлался глубже. Но она не подурнѣла,—напротивъ, красота ея будто осмыслилась и пріобрѣла бо̀льшую выразительность. Рядомъ съ своей невѣстою, Иванъ Сергѣевичъ глядѣлъ совсѣмъ некрасивымъ и неуклюжимъ. Фигурою онъ обладалъ, какъ говорится, «неладно скроенной да крѣпко сшитой», а лицомъ самымъ обыкновеннымъ: круглымъ,—съ мягкими, расплывчатыми чертами,—простымъ и добродушнымъ, опушеннымъ небольшой бѣлокурою бородкой. Его сѣрые близорукіе глаза щурились сквозь очки, которыя онъ поминутно поправлялъ, не оттого, что̀ они плохо держались, а просто по привычкѣ. Онъ часто и глубоко вздыхалъ, посматривая на Любу.

— Когда-то мы съ тобой повѣнчаемся, Люба?—нарушилъ онъ первый продолжительное молчаніе, и вздохнулъ еще глубже. Люба перевела на него свой задумчивый взглядъ и, покачавши головою, отвѣтила тихо, съ разстановкой:

— Не знаю, Ваня, думаю, что не скоро. Прежде я, бывало, только и мечтала, что о нашей свадьбѣ, и такъ радовалась, такъ ждала этой свадьбы... а теперь не могу, теперь все объ дѣдушкѣ думаю, и ни объ чемъ больше не могу. Господи, какъ онъ всегда любилъ, баловалъ меня, а теперь точно на чужую смотритъ... да нѣтъ! хуже, чѣмъ на чужую, будто на врага какого-то, да и съ тобой не лучше обращается, и со всѣми... А какой взглядъ у него сдѣлался: какъ взглянетъ, такъ жутко становится...—И Люба закрыла лицо руками, живо вообразивши сердитый дѣдушкинъ взглядъ. Иванъ Сергѣевичъ, выражая на своемъ добродушномъ лицѣ тре-

Digitized by Google

вожную жалость, подвинулся ближе къ ней и заговорилъ нѣжно и ласково:

— Люба, милая моя, успокойся же ради бога... да ты, кажется, плачешь?

Но Люба, отнявши руки отъ лица, посмотрѣла на него сухими блестящими глазами и сказала съ грустной улыбкою:

— Ты вѣрно забылъ, что я никогда не плачу, не умѣю. Когда маленькой дѣвочкою была, такъ и тогда совсѣмъ не плакала,—чему всѣ удивлялись. Выросла, а слезъ проливать не выучилась. Говорятъ, что послѣ слезъ на душѣ дѣлается легче. Правда ли это, Ваня? Ты долженъ знать, потому что глаза у тебя на мокромъ мѣстѣ: какъ немножко расчувствуешься, такъ сейчасъ слезы на глазахъ навернутся и очки протирать понадобится.—При этихъ словахъ, Люба съ какой-то материнской нѣжностью посмотрѣла на жениха, и погладила его по головѣ, тоже какъ мать, утѣшающая ребенка, а затѣмъ продолжала съ глубокимъ чувствомъ въ голосѣ:

— Вѣдь, вотъ, мы съ тобой—совсѣмъ разные люди, ничѣмъ не похожи, а полюбили же другъ друга! Такъ я тебя люблю, Ваня, что даже словъ нѣтъ выразить мою любовь, а сама не знаю, за что и почему. Собой ты не очень хорошъ и не складенъ, любезничать не умѣешь, а иногда такой смѣшной бываешь—просто ужасъ! И, все таки, я тебя люблю. И не за то люблю, что ты ученый, «модистеръ»,—какъ тебя Ѳедосьевна величаетъ,—мнѣ до твоего «модистерства» и дѣла нѣтъ, а люблю тебя такъ себѣ, ни за что, ни про что. Мнѣ будетъ очень тяжело разстаться съ тобой, Ваня, да еще, можетъ быть, навсегда разстаться...

— Что ты говоришь, Люба, Богъ съ тобой!—испуганно вскрикнулъ Иванъ Сергѣевичъ, блѣднѣя и въ волненіи поднимаясь съ мѣста.—Зачѣмъ, для чего намъ разставаться? Нѣтъ, я не уѣду отсюда безъ тебя, ни за что не уѣду!

— Уѣдешь.—тихо, но необыкновенно твердо вымолвила Люба, прямо взглядывая ему въ глаза.—Да, уѣдешь, потому что ты добрый — не захочешь, чтобъ я бросила дѣдушку одного, и не обидишься на меня за то, что я жалѣю стараго, больнаго дѣда больше, чѣмъ тебя, молодаго и здороваго. Да, я чувствую, что еслибъ рѣшилась обвѣнчаться и уѣхать съ тобой, такъ чрезъ нѣсколько дней опять убѣжала бы отъ тебя къ дѣдушкѣ, какъ я тебя ни люблю. Ты не сердись на меня, Ваня, за то, что говорю тебѣ правду!

Иванъ Сергѣевичъ растерянно смотрѣлъ на нее, готовый заплакать, и проговорилъ чуть слышно:

— Я не смѣю сердиться на тебя, и говоришь ты, дѣйствительно,

Digitized by Google

правду! Хорошо, я уѣду одинъ послѣ лѣтнихъ каникулъ, но зачѣмъ ты упомянула о вѣчной разлукѣ? Можетъ быть, къ зимѣ дѣдушка поправится, онъ какъ будто бы чувствуетъ себя лучше; сегодня онъ мнѣ показался совсѣмъ бодрымъ и даже веселымъ. Можетъ быть, еще до зимы выздоровѣетъ, и мы обвѣнчаемся.

— Если онъ и выздоровѣетъ, и поправится,—я все таки не оставлю его. Съ нами онъ не поѣдетъ, онъ слишкомъ привыкъ къ своему дому, къ саду, къ здѣшнему городу, въ которомъ весь вѣкъ прожилъ. А еслибы и согласился уѣхать съ нами, такъ навѣрное заскучалъ бы, и еще больше расхворался. Я объ этомъ прежде какъ-то не думала, какъ-то легко смотрѣла на все это. Знаешь, Ваня, когда дѣдушка былъ хорошъ со мной, я меньше его любила и жалѣла, совсѣмъ почти объ немъ не заботилась. А теперь я точно добрѣе стала, и людей больше понимаю. Всякаго, у кого есть какое нибудь горе, мнѣ очень-очень жалко, а бывало, мнѣ до чужаго горя и дѣла не было, какъ своего-то не испытала. А, можетъ быть, я заразилась жалостливостью къ людямъ отъ о. Владиміра съ Натальею Васильевной: они всѣхъ любятъ да жалѣютъ. Хорошіе они люди, Ваня, и какъ больно мнѣ, что дѣдушка ихъ видѣть не можетъ. А они его жалѣютъ и тоже говорятъ, что не слѣдуетъ мнѣ его оставлять. И пока онъ живъ будетъ, сколько бы лѣтъ ни прожилъ, я его не оставлю.

— Люба! ты говоришь, что тебѣ всѣхъ жалко, а меня-то, меня не жалко оставить?—сказалъ Иванъ Сергѣевичъ съ отчаяніемъ, и на глазахъ его навернулись слезы. Люба поблѣднѣла и глубокая скорбь выразилась на ея лицѣ, но, подавляя внутреннее волненіе и стараясь улыбнуться, она заговорила, ласково глядя на жениха:

— Я тебя люблю и никогда не разлюблю, Ваня, я это чувствую... а если тебѣ надоѣстъ ждать меня, если другая понравится, такъ женись, Богъ съ тобой, не обижусь...

— Не говори, не говори мнѣ о другихъ, Люба!—никого для меня нѣтъ, кромѣ тебя. Двадцать, тридцать лѣтъ буду тебя дожидаться и ни на комъ не женюсь, даю тебѣ честное слово!—съ такой горячностью воскликнулъ Иванъ Сергѣевичъ, какой и ожидать отъ него нельзя было. Но въ этой горячности было столько комизма, что Люба невольно разсмѣялась, глядя на своего жениха.

— Ахъ, Ваничка, и пресмѣшной же ты *модистеръ*! А черезъ 30 лѣтъ, будешь навѣрно ужь докторомъ богословія, профессоромъ академіи и уморительнымъ старикашкой. Я же буду—въ родѣ Ѳедосьевны, старушкой; вотъ мы съ тобой и обвѣнчаемся тогда, и всѣ начнутъ насъ величать: «молодыми». Смотрите, молодые идутъ, молодые! И вдругъ, мы съ тобой, два старые гриба, подъ ручку

Digitized by Google

выступаемъ и умильно поглядываемъ другъ на друга,—прелесть! Вотъ насмѣшилъ ты меня и я отплатила тѣмъ же, и ты улыбаешься!

Иванъ Сергѣевичъ въ самомъ дѣлѣ улыбнулся; Люба продолжала нѣсколько нервно смѣяться. Вдругъ, въ эту минуту, рѣзко нарушая тишину яснаго вечера, изъ глубины сада послышался стукъ топора, а затѣмъ сухой, непріятный трескъ срубленнаго, падающаго дерева. Любинъ смѣхъ сразу оборвался, будто отрубленный этимъ топоромъ: она вздрогнула и тревожно взглянула въ ту сторону, откуда донеслись эти звуки.

— Вѣдь это дѣдушка вздумалъ деревья рубить; я видѣла, онъ прошелъ по той дорожкѣ, что ведетъ на полянку, а топора-то у него въ рукахъ и не замѣтила!—Въ это время, стукъ топора и трескъ дерева снова повторились.

— Ваня, я боюсь, какъ бы съ нимъ чего не случилось... руку себѣ порубитъ или деревомъ его придавитъ. Бѣжимъ къ нему, Ваня, ради бога, бѣжимъ поскорѣй!

Съ этими словами, Люба понеслась, какъ на крыльяхъ, по липовой аллеѣ, легкая и стройная. Пустился вслѣдъ за ней и женихъ, безпрестанно спотыкаясь, задѣвая за кусты и даже на бѣгу не забывая поправлять очки.

Пробѣжавши липовую аллею, они свернули на узенькую тропинку, густо обсаженную кустами жасмина, осыпаннаго бѣлыми цвѣтами, точно снѣгомъ. А стукъ топора и трескъ дерева еще повторились, пока они бѣжали. Но вотъ, наконецъ, они очутились на полянкѣ, на которой были посажены дубки и глазамъ ихъ представилась слѣдующая картина: о. Елисей, съ топоромъ въ рукахъ, стоялъ предъ тремя срубленными дубками, лежавшими у его ногъ подобно сраженнымъ врагамъ, и готовился рубить четвертый, послѣдній. Его высокая, худая фигура въ бѣломъ подрясникѣ, освѣщенная багровымъ свѣтомъ заката, лицо, дышавшее злой радостью, и разметавшіеся въ безпорядкѣ сѣдые волосы придавали ему нѣчто странное, почти призрачное, такъ что Люба невольно вскрикнула.

Отъ этого крика вздрогнулъ о. Елисей и выронилъ изъ рукъ топоръ. Появленіе внучки съ женихомъ сильно смутило его. Злая радость внезапно оставила о. Елисея; онъ почувствовалъ страхъ, стыдъ и замѣшательство, какъ будто бы его застали за совершеніемъ важнаго преступленія. Онъ стоялъ молча, понуривъ голову и потупившись. Между тѣмъ, Люба, опомнившись отъ впечатлѣнія, произведеннаго на нее дѣдушкой, прониклась жалостью къ срубленнымъ деревцамъ.

— Ахъ, дѣдушка, зачѣмъ ты срубилъ эти дубки? какъ жалко!—

Digitized by Google

заговорила она, подходя къ деревьямъ, лежавшимъ на землѣ, и наклонилась надъ ними съ какой-то нѣжною осторожностью, трогая ихъ вѣтки, будто прикасаясь къ тяжко больнымъ.

О. Елисей хотѣлъ сказать, что срубилъ деревца ради того, что они со временемъ заглушили бы все въ саду, но почему-то смѣшался и чуть слышно промолвилъ, не глядя ни на внучку, ни на жениха:

— Тебѣ все равно, есть ли дубки въ саду, или нѣтъ ихъ. Ты недолго здѣсь проживешь, выдешь замужъ и уѣдешь...

— Нѣтъ, я не выду замужъ, не уѣду отъ тебя, дѣдушка,— взволнованно заговорила Люба, подходя къ о. Елисею.—Если гнать меня будешь, и тогда не уйду отъ тебя никуда. Мнѣ жаль оставить тебя одного, дѣдушка, не могу я...

Она вздрагивала отъ сильнаго внутренняго волненія, и голосъ ея прерывался; на поблѣднѣвшемъ лицѣ сіяли, какъ звѣзды, чистые, прекрасные глаза, смотрѣвшіе на о. Елисея съ искренней жалостью и любовью. Взглянулъ на нее о. Елисей, и еще больше устыдился. Онъ чувствовалъ, что не можетъ спокойно смотрѣть на Любу, на жениха ея и на срубленныя деревца, показавшіяся ему теперь похожими на мертвыя тѣла, безжизненно распростертыя на землѣ... Нѣтъ, онъ не могъ оставаться тутъ, его тянуло уйти, все равно, куда бы то ни было, только прочь отсюда, отъ этихъ дубковъ, отъ внучки съ женихомъ, изъ своего сада; уйти отъ своего смущенія, неловкости, отъ угрызеній совѣсти, поднимавшихся въ душѣ...

XV.

Прозрачныя іюльскія сумерки окутывали кладбище легкимъ полумракомъ, среди котораго отчетливѣе выдѣлялись бѣлые мраморные памятники и рѣзче чернѣли чугунные кресты; въ этомъ полумракѣ, все приняло какія-то странныя, фантастическія очертанія. Высокія, прямыя сосны, будто отягощенныя своей темною, неподвижной зеленью, казались великанами, стерегущими жилища мертвыхъ. Серебристые тополи, съ ихъ сѣдою листвой, представлялись призраками старцевъ, вышедшими изъ могилъ и окружившими древнюю церковь, похожую на громадный надгробный памятникъ. Высокая, худая фигура о. Елисея въ бѣломъ подрясникѣ, подвигавшаяся тихими, медленными шагами среди всѣхъ этихъ памятниковъ, крестовъ, темныхъ сосенъ и сѣдыхъ тополей, была здѣсь, на кладбищѣ, болѣе на своемъ мѣстѣ, чѣмъ въ веселомъ, цвѣтущемъ саду, и вполнѣ гармонировала со всѣмъ окружающимъ. О. Елисей ушелъ

Digitized by Google

сюда изъ своего сада, отъ срубленныхъ дубковъ и отъ Любы съ женихомъ, но не ушелъ отъ угрызеній совѣсти, все мучительнѣе шевелившихся въ душѣ.

Онъ бродилъ по кладбищу, терзаемый этими угрызеніями, чувствуя себя какимъ-то преступникомъ, преслѣдуемымъ тѣнями жертвъ, тѣнями внучки и ея жениха, тѣнями срубленныхъ дубковъ, которые рубилъ съ такой злобною радостью, какъ будто живыхъ враговъ; и, при воспоминаніи объ этой радости, невольный ужасъ охватывалъ о. Елисея. Поднимались и преслѣдовали его еще какія-то неясныя тѣни, которыхъ онъ не могъ разсмотрѣть; чувствовалъ онъ себя виновнымъ еще передъ кѣмъ-то, но передъ кѣмъ—не могъ понять...

Можетъ быть, передъ о. Владиміромъ и передъ причтомъ?—спросилъ себя мысленно о. Елисей и, подумавши, отвѣтилъ самому себѣ, что виновенъ передъ ними. За что и почему онъ такъ непріязненно относился къ молодому священнику, стараясь разыскивать въ немъ всевозможные недостатки? отчего онъ смотрѣлъ на причетниковъ свысока, унижая ихъ предъ собою? Правда, онъ иногда помогалъ имъ въ нуждѣ, но и помогалъ свысока, гордясь своей щедростью и вовсе не думая въ это время о тѣхъ, кому помогалъ, восхищаясь только самимъ собой. Сознавши все это, о. Елисей продолжалъ чувствовать себя еще виновнымъ предъ кѣмъ-то; чья-то великая, но неясная тѣнь вставала предъ нимъ, заслоняя все другое; но онъ не могъ разглядѣть и узнать эту тѣнь, неотступно преслѣдовавшую его.

Какъ-то помимо воли о. Елисей направился къ могиламъ своихъ дѣтей и жены, тревожно прислушиваясь къ голосу совѣсти, тщетно стараясь вспомнить того, передъ кѣмъ чувствовалъ себя виновнымъ, чья великая тѣнь преслѣдовала его. Подошедши къ роднымъ могиламъ, о. Елисей остановился также безсознательно, какъ пришелъ сюда. Надъ могилами возвышался мраморный крестъ, въ срединѣ котораго былъ вдѣланъ образъ Спасителя, рельефно выдѣлявшійся на бѣломъ мраморѣ и озаренный слабымъ свѣтомъ неугасимой лампады. О. Елисей взглянулъ на этотъ образъ и сердце въ немъ замерло, дрожь пробѣжала по всему тѣлу; великая тѣнь, преслѣдовавшая его, слилась съ этимъ образомъ, и онъ увидѣлъ Того, предъ которымъ смутно чувствовалъ себя виновнымъ, а увидѣвши, сразу созналъ и понялъ всю свою виновность предъ Нимъ. Какимъ-то огненнымъ вихремъ налетѣло на о. Елисея это сознаніе. Онъ созналъ, что хотя и считалъ себя болѣе полувѣка истиннымъ, примѣрнымъ служителемъ Христовымъ, однако, въ дѣйствительности, онъ не былъ таковымъ; что, гордясь, тщеславясь своей

Digitized by Google

вѣрою и усердіемъ, подобно фарисею, не исполнялъ самыхъ главныхъ заповѣдей своего Владыки,—заповѣдей о смиреніи, кротости и любви къ ближнимъ. По гордости своей, не открывая души передъ людьми, онъ не открывалъ ея и передъ Господомъ. И хотя архіерей сказалъ, что на покоѣ о. Елисею удобнѣе будетъ приготовляться къ вѣчному успокоенію, но о. Елисей именно на покоѣ-то и забылъ объ этомъ. Посѣщая ежедневно храмъ, онъ не молился, а только разсматривалъ пыль на иконахъ, соръ на церковномъ полу, да разные недостатки причетниковъ, осуждая все и негодуя. Онъ не взлюбилъ о. Владиміра изъ зависти, завидуя тому, что онъ занялъ его мѣсто, завидуя его молодости, голосу и расположенію къ нему причта. Наконецъ, о. Елисей дошелъ до того, что сталъ завидовать дубкамъ, ихъ долговѣчности, забывши о безсмертіи человѣческой души.

Уничтоженный сознаніемъ своей грѣховности, трепещущій отъ ужаса предъ кроткимъ ликомъ Христа, стоялъ о. Елисей. А глаза Христа, оживленные мерцающимъ свѣтомъ лампады, будто вперялись взоромъ въ глубину души о. Елисея, прямо смотря на него съ иконы, окруженной надписью въ видѣ вѣнка: «Пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою вы». И вдругъ, точно изъ самой души о. Елисея, вырвался отчаянный крикъ: «Господи! я пришелъ, пришелъ къ Тебѣ»! И съ этимъ крикомъ о. Елисей палъ ницъ предъ крестомъ, какъ бы сраженный сознаніемъ своихъ прегрѣшеній, кающійся въ нихъ и чающій Христова утѣшенія. И чувствовалось ему, что онъ въ первый разъ въ своей долгой жизни пришелъ ко Христу, въ первый разъ молился, хотя не могъ вспомнить ни одной молитвы, а только повторялъ: «Господи, я пришелъ къ Тебѣ»! то поднимая глаза, полные скорбнаго ужаса, на образъ, то распростираясь на землѣ и прижимаясь горячимъ лбомъ къ холодному мраморному подножію креста. И вдругъ изъ глазъ о. Елисея хлынули слезы, какъ прорвавшіеся ручьи; всю жизнь копились эти слезы на душѣ, сдерживаемыя гордостью; теперь гордость исчезла, и онѣ лились, лились неудержимо и, падая на землю, мѣшались съ росой въ травѣ. Задыхаясь отъ рыданій, прерывающимся отъ слезъ голосомъ, онъ все твердилъ: «Господи, я пришелъ къ Тебѣ»! А, между тѣмъ, ужь сумерки смѣнились ночью. Чистое безоблачное небо засіяло звѣздами; луна освѣтила кладбище своимъ грустнымъ, кроткимъ свѣтомъ, подъ которымъ засеребрилась сѣдая листва тополей; древняя церковь просвѣтлѣла, а крестъ на ея куполѣ заблисталъ, какъ звѣзда. Но о. Елисей, объятый молитвеннымъ вдохновеніемъ, не замѣчалъ наступленія ночи, не чувствовалъ ночной прохлады и сырости, про-

Digitized by Google

питавшей его подрясникъ и волосы; но уже въ голосѣ его не слышалось отчаянія; рыданія стихли, а душа, облегченная слезами, прояснялась, какъ проясняется небо послѣ грозы.

«Господи, я пришелъ къ Тебѣ»! слетало съ устъ его уже радостнымъ шопотомъ, и какое-то необыкновенное, счастливое спокойствіе овладѣло всѣмъ существомъ его,—такое спокойствіе, какого онъ никогда еще не испытывалъ. Все, что̀ такъ недавно мучило и терзало его, пропало безслѣдно, точно прежній о. Елисей, гордый и величественный, умеръ у подножія креста, предъ всепрощающимъ ликомъ Спасителя, въ ночной тиши кладбища, и тутъ же возродился новый о. Елисей, кроткій и смиренный, съ новыми, незнакомыми ему доселѣ, чувствами.

И странно было этому новому о. Елисею,—надъ которымъ свершилось чудо,—а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и невыразимо хорошо! Глаза его, широко-открытые, съ любовью устремлялись на Того, кто возродилъ въ немъ новыя чувства, кто просвѣтилъ его мрачную душу. Наконецъ, очнувшись отъ сладкаго забытья, онъ осмотрѣлся вокругъ тѣмъ же изумленно-счастливымъ взглядомъ. Онъ посмотрѣлъ на кресты и памятники, на темныя сосны и серебристые тополи, на древнюю церковь съ блистающимъ на куполѣ крестомъ, на чистое небо, усѣянное звѣздами, сіявшее луной, залившей кладбище волнами своего свѣта; и все, на что̀ ни смотрѣлъ о. Елисей, казалось ему необыкновеннымъ и дивно-прекраснымъ. И еще казалось ему, что грустный и кроткій лунный свѣтъ льется не съ неба, а съ образа, изъ кроткихъ очей Христа, проникая и просвѣтляя его душу.

— Дѣдушка! дѣдушка!—нарушая мертвую тишину кладбища, прозвенѣлъ свѣжій, молодой голосъ. О. Елисей оглянулся на зовъ и увидѣлъ приближавшихся къ нему: Любу, Ивана Сергѣевича и о. Владиміра. Люба, не видѣвшая и не знавшая, куда ушелъ дѣдушка, встревожилась, не находя его въ саду, и пошла съ женихомъ своимъ на церковный дворъ, думая тамъ найти его, но, не нашедши тамъ и встрѣтившись съ о. Владиміромъ, они всѣ втроемъ отправились искать о. Елисея на кладбище. При видѣ ихъ, о. Елисей съ трудомъ поднялся, ощущая во всемъ тѣлѣ такую слабость, какъ послѣ тяжкой болѣзни (хотя въ самой этой слабости было что-то пріятное), пошелъ къ нимъ навстрѣчу, а подойдя, опустился на колѣни предъ ними и, поклонившись до земли, вымолвилъ съ кротостью и смиреніемъ:

— Простите меня, Христа ради! особливо васъ, о. Владиміръ, прошу о семъ, ибо много виновенъ предъ вами. Простите же меня, Христа ради!

*

Digitized by Google

XVI.

Кладбище сдѣлалось любимымъ мѣстомъ о. Елисея. Онъ устроилъ скамейку подлѣ родныхъ могилъ, напротивъ креста съ образомъ Спасителя, и просиживалъ тамъ цѣлые дни. Приходили посидѣть съ нимъ и Люба съ женихомъ, о. Владиміръ съ женой, простодушный дьяконъ Нилъ и самъ соборный протопопъ, о. Сергій. А потомъ, мало по малу, начали собираться и всѣ кладбищенскіе причетники. И всѣ дивились новой перемѣнѣ въ характерѣ и даже въ наружности о. Елисея. Да и въ самомъ дѣлѣ, трудно было узнать въ тихомъ, смиренномъ и дряхломъ старикѣ— прежняго гордаго, величаваго и суроваго о. Елисея. Онъ постарѣлъ на десять лѣтъ; станъ его сгорбился, морщины еще глубже и рѣзче обозначались на осунувшемся лицѣ, но это лицо дышало невозмутимымъ, счастливымъ спокойствіемъ. Глаза его потеряли яркость и орлиный взглядъ, но пріобрѣли какую-то особенную чистоту и доброе, ласковое выраженіе, съ какимъ они смотрѣли на всѣхъ, не исключая дьячка Григорія и просвирни Ироиды Захарьевны. Говорилъ онъ мало и всегда казался задумчивымъ, но только это была не прежняя мрачная и тяжелая задумчивость, а спокойная, ясная, будто рѣка въ тихій весенній день, отражающая на своей неподвижной поверхности безоблачную лазурь неба. И всѣхъ какъ-то невольно привлекалъ къ себѣ этотъ тихій, ясно-задумчивый старикъ, съ ласковымъ взглядомъ, съ доброй улыбкою, изрѣдка появлявшейся на губахъ.

Но душевныя бури не пронеслись безслѣдно и сломили богатырское здоровье о. Елисея. Въ началѣ осени, его разбилъ и уложилъ въ постель параличъ, сильнѣе всего поразившій его мозгъ. О. Елисей впалъ въ дѣтство; даже въ звукахъ его голоса и въ смѣхѣ (онъ, послѣ паралича, началъ почти безпрестано и необыкновенно весело смѣяться) слышалось что-то ребяческое. Онъ перезабылъ имена даже самыхъ близкихъ ему людей, даже свое собственное, и когда напоминали ему эти имена, онъ лишь смѣялся и покачивалъ головой, отказываясь ихъ произносить и называя всѣхъ по своему. Любу онъ сталъ называть солнышкомъ, Ѳедосьевну—няней, дьякона Нила—милымъ, а о. Владиміра, къ которому необыкновенно и тоже какъ-то по дѣтски привязался,—сыночкомъ. Но было одно имя, которое онъ твердо помнилъ и безпрестанно повторялъ; это имя было: «Христосъ».

Весною о. Елисей скончался—и, по странной случайности, въ тотъ самый день, въ который, годъ назадъ, сажалъ дубки и встрѣ-

Digitized by Google

ить архіерея. Умеръ онъ тихо, безъ всякихъ мученій, словно заснулъ. За нѣсколько минутъ до смерти, проблескъ сознанія озарилъ его мозгъ.

Онъ посмотрѣлъ потухающими, но осмысленными глазами на Зобу съ женихомъ, на о. Владиміра и на Ѳедосьевну, столпившихся у его постели, и, слабо улыбнувшись, прошепталъ:

— Вотъ, сперва архіерей меня на покой уволилъ, а теперь— Христосъ на вѣчный покой... да, Христосъ, Христосъ!

И съ этимъ именемъ на устахъ о. Елисей навѣки успокоился.

А. Мартыновъ.

Конецъ.

Digitized by Google

РАЗСКАЗЫ А. ВАЛЕНБЕРГА.

Переводъ со шведскаго.

I.

Славная дѣвушка.

— Нѣтъ, она невозможна!—объявилъ господинъ Стенваль, закуривая сигару и спускаясь съ веранды на площадку, гдѣ его другъ, Викторъ Стремберъ, показывалъ нѣсколькимъ мальчикамъ правила игры въ чехарду.

— Ты находишь?—отозвался Стремберъ, стараясь освободиться отъ двѣнадцатилѣтняго мальчика, вспрыгнувшаго ему на спину.

Еще бы! Господинъ Стенваль отказывался даже понять, какимъ образомъ его сестра могла дружить съ такою неповоротливой индюшкой, которую она неизвѣстно для чего пригласила вдобавокъ на цѣлое лѣто. Настоящее мученіе возиться съ такими провинціалками! Онъ только что провелъ съ нею цѣлыхъ полчаса и всячески старался занять ее; а она отвѣчала только: «да» и «нѣтъ», да краснѣла до ушей отъ всякой любезности...

— Во всякомъ случаѣ, у нея дьявольски красивые глаза!—возразилъ студентъ; затѣмъ попросилъ у пріятеля сигару, свалилъ расшалившихся мальчугановъ въ кучу и побрелъ вмѣстѣ со Стенвалемъ въ паркъ.

— Глаза!— проворчалъ Стенваль.—Что толку въ ея глазахъ, когда она—настоящая гусыня?

Молодой помѣщикъ былъ не на шутку озлобленъ. Онъ считалъ своей обязанностью оказывать всевозможное вниманіе гостьѣ своей сестры. Но съ нею было такъ скучно, что ему приходило въ голову куда нибудь уѣхать на все время, въ продолженіе котораго эта дѣвица Даль будетъ гостить въ ихъ имѣньѣ.

Студентъ Стремберъ удержалъ его отъ такого поступка и великодушно взялся признаться застѣнчивой барышнѣ. Недаромъ онъ уже шестой годъ носитъ студенческую фуражку! Авось ему

Digitized by Google

удастся расшевелить маленькую дикарку... Когда пріятели вернулись съ прогулки, Стремберъ немедленно приступилъ къ дѣлу. Онъ рѣшился даже поухаживать за дѣвицей Даль, чтобы посмотрѣть, что̀ изъ этого выдетъ. Предпріятіе, разумѣется, было не легкое, но энергіи у него было достаточно. Барышень онъ поймалъ въ передней, на пути въ бесѣдку, гдѣ онѣ имѣли обыкновеніе проводить цѣлые часы за книгами. Онъ ихъ остановилъ.

— Не хотите ли прокатиться въ лодкѣ?—спросилъ онъ, обращаясь къ Бертѣ Стенваль.

Та взглянула на свою подругу.

— Какъ ты думаешь, Герда?—спросила она.

Герда ничего не отвѣтила; по крайней мѣрѣ, словъ ея не было слышно. Но Берта, повидимому, привыкла къ особенностямъ своей подруги и, обернувшись къ студенту, объявила, что онѣ согласны. Вскорѣ всѣ трое были уже въ лодкѣ, гдѣ ихъ догналъ и хозяинъ дома. Молодые люди взялись за весла; Берта сѣла у руля, а Герда Даль помѣстилась на боковой скамейкѣ и сидѣла, поглядывая на свои пальцы, причемъ такъ низко опускала голову, что ея лицо почти совсѣмъ скрывалось подъ широкими полями соломенной шляпы, довольно безвкусно отдѣланной зелеными лентами. Надо замѣтить, что одѣта она была далеко не изящно. Простенькое клѣтчатое платье было плохо скроено и сидѣло мѣшковато; талья была слишкомъ коротка, юбка—слишкомъ широка впереди. Башмаки деревенской работы были не щеголеватѣе платья.

Стремберъ поглядывалъ на нее и старался угадать, къ какому общественному кругу она могла принадлежать. Онъ зналъ, что она была дочь какого-то бѣднаго воспитателя; но въ ея костюмѣ и манерахъ было что-то деревенское, чего не бываетъ даже у самыхъ бѣдныхъ горожанокъ. Оставалось только предположить, что ея родители лишь недавно перебрались въ городъ, а передъ тѣмъ долго жили въ деревнѣ, гдѣ ея отецъ могъ быть церковнымъ канторомъ, учителемъ или чѣмъ нибудь въ этомъ родѣ.

Успокоившись на этой догадкѣ, студентъ началъ бесѣдовать съ дѣвицей Даль.

Не приходилось ли ей бывать въ Италіи?

Нѣтъ.

Но по Рейну она, конечно, каталась?

Нѣтъ.

Любитъ ли она танцовать?

Да.

И часто она бываетъ на балахъ?

Нѣтъ.

Digitized by Google

Ему помнится однако, что онъ видѣлъ ее на балу вермляндцевъ?.. Онъ не удостоился чести быть ей представленнымъ, но положительно поклялся бы, что видѣлъ ее на томъ балу...

— Неужели?

Это «неужели» прозвучало немножко веселѣе короткихъ «да» и «нѣтъ». Студентъ тотчасъ же воспользовался случаемъ.

— Вы, кажется, изволите смѣяться надо мной?—спросилъ онъ.

— Я? Вовсе нѣтъ!—торопливо отозвалась она.

— Право, смѣетесь, пользуясь тѣмъ, что ваше лицо скрыто за полями шляпы.

— Да, право же, нѣтъ!—увѣряла она и даже выглянула изъ-подъ шляпы.

— Вы думаете, я не слышу по голосу? Вѣроятно, я сказалъ что нибудь невпопадъ... а вы сейчасъ насмѣхаться. Да, да, таковы всѣ женщины! Неужели вы не объясните, за что подвергаете меня осмѣянію?

— Да вѣдь я не смѣялась...

При этихъ словахъ, она, однако, засмѣялась негромкимъ, непривычнымъ смѣшкомъ.

— Видите, видите! Теперь всѣ могутъ засвидѣтельствовать, что барышня Даль смѣется надо мной!—вскричалъ онъ и, переставъ грести, положилъ локти на рукоять весла.—А я-то всегда думалъ, что вы необыкновенно добрая и серьезная барышня!

Эта выходка была награждена новымъ взрывомъ смѣха подъ соломенной шляпой.

— Послушайте, неужели я такъ ужасно смѣшенъ?—проговорилъ онъ жалобно.

Теперь она смѣялась уже, нисколько не сдерживаясь и даже забывъ прикрываться полями шляпы. При этомъ она обернулась къ шутнику и смотрѣла ему прямо въ лицо, такъ что онъ могъ спокойно любоваться ея глазами и небольшими, очень бѣлыми и ровными зубками.

Братъ и сестра Стенваль едва вѣрили своимъ глазамъ: не только Герда Даль смѣялась и обрѣла даръ слова, но еще, по требованію студента Стремберга, протянула ему руку и, улыбаясь, дала честное слово, что отнюдь не смѣялась надъ нимъ и не имѣла о немъ ни одной дурной мысли. Потомъ она согласилась даже учиться грести, причемъ онъ бралъ ее за руки и указывалъ, какъ надо держать весло... Какъ по мановенію волшебства, она совсѣмъ преобразилась, находила, что отвѣчать, и откинула шляпу назадъ, такъ что самъ господинъ Стенваль могъ видѣть, что она положительно недурна, а глаза ея даже необыкновенно хороши. Всѣ оживились, и

Digitized by Google

противъ всякаго ожиданія катанье вышло превеселое. Настроеніе не измѣнилось даже по окончаніи катанья, когда всѣ четверо вышли на берегъ. Они бѣгали въ перегонки, потомъ играли на лужайкѣ въ орлянку, и оказалось, что Герда Даль была не особенно бойкая, но премилая дѣвушка, находившая удовольствіе во всемъ и умѣвшая смѣяться какъ-то особенно сердечно и мило. Берта, знавшая ее уже нѣсколько лѣтъ, не могла припомнить, чтобы когда либо видѣла ее такою оживленною. Выходило, точно студентъ Стремберъ научилъ дикарку искусству веселиться...

Съ своей стороны, Викторъ Стремберъ былъ чрезвычайно гордъ одержанной побѣдой и отъ времени до времени многозначительно поглядывалъ на своего пріятеля. Но онъ былъ благоразумнѣе многихъ другихъ побѣдителей и позаботился обезпечить себѣ всѣ преимущества, достигнутыя побѣдой. Поэтому онъ не прерывалъ своего ухаживанья, но былъ очень скроменъ, чтобы не спугнуть только что приученную дикарку. Въ своей игрѣ онъ не видѣлъ ничего дурнаго, потому что черезъ нѣсколько дней долженъ былъ уѣхать и ничего опаснаго не могло случиться, даже еслибы дѣвушка оказалась настолько наивной, что вообразила бы что нибудь особенное.

Онъ сдѣлался ея постояннымъ кавалеромъ, сталъ сопровождать ее на прогулкахъ, собиралъ для нея полевые цвѣты, а однажды попросилъ позволенія вырѣзать ея имя на новой палкѣ, которую онъ только что сдѣлалъ себѣ изъ можжевеловаго сучка. Черезъ нѣсколько минутъ, когда она взглянула на палку, на ней красовалась надпись: «Маленькая Герда»...

Это было уже слишкомъ смѣло, и она сдѣлалась серьезна. Но когда онъ спросилъ, не предпочитаетъ ли она, чтобы онъ изобразилъ: «большая Герда», «милая Герда» или «прекрасная Герда»,— она разсмѣялась и удовольствовалась тѣмъ, что палка была приподнесена ей въ даръ. На слѣдующій день они гуляли вчетверомъ въ лѣсу. Барышни нашли большой кустъ боярышника въ полномъ цвѣту и начали составлять себѣ по букету. Вдругъ Герда громко вскрикнула. Большая вѣтвь, которую она пригнула внизъ, чтобы сорвать цвѣты, вырвалась изъ ея рукъ и отпрянула къ верху, сильно поранивъ ея палецъ шипомъ. Кровь струилась довольно обильно.

— Позвольте осмотрѣть палецъ,—сказалъ студентъ.—Вы вѣдь знаете, что я скоро буду хирургомъ...

Не обращая вниманія на ея протесты, онъ овладѣлъ ея рукою, внимательно осмотрѣлъ поврежденный палецъ, озабоченно покачалъ

Digitized by Google

головой, какъ настоящій старый докторъ, и вынулъ свой платокъ, чтобы сдѣлать перевязку.

— Нѣтъ, нѣтъ, возьмите мой!—потребовала Герда, подавая свой платокъ.

Онъ осмотрѣлъ крошечный лоскутокъ съ вышитымъ на углу вензелемъ Герды, опять глубокомысленно покачалъ головой, но затѣмъ рѣшительнымъ движеніемъ разорвалъ платокъ и сдѣлалъ перевязку по всѣмъ правиламъ искусства.

— А этотъ остатокъ платка,—сказалъ онъ, когда все было сдѣлано и они направились обратно къ дому,—я, конечно, могу получить вмѣсто гонорара за медицинскую помощь?

— Ну, вотъ! На что вамъ такая тряпка?—протестовала дѣвушка, стараясь отобрать у него лоскутокъ.

Но онъ уперся на своемъ. Онъ объяснилъ, что всегда сохраняетъ что нибудь на память о людяхъ, съ которыми весело проводилъ время. А что на платкѣ было нѣсколько кровяныхъ пятнышекъ, такъ это только увеличивало цѣнность предмета. Ея кровь—это вѣдь частица ея самой!

Герда требовала возвращенія платка, но онъ продолжалъ ее упрашивать и постепенно ея протесты затихли. Лѣтній вечеръ былъ такъ прекрасенъ, воздухъ такъ удивительно чистъ, а съ полей тянуло какимъ-то особеннымъ ароматомъ и небо было совсѣмъ розовое въ сторонѣ заката. Какъ онъ могъ такъ настойчиво добиваться такого вздора? Она улыбалась его ребячливости, но не смотрѣла на него, опасаясь встрѣтить взглядъ, которымъ онъ сопровождалъ свое упрашиванье.

— Да чего вамъ стоитъ? Чего вамъ стоитъ?—упрашивалъ онъ.

И онъ добился своего. Въ самомъ дѣлѣ, чего ей стоило? Нельзя же было серьезно препираться изъ-за лоскутка...

Вечеромъ, когда всѣ расходились по своимъ комнатамъ и студентъ прощался со своимъ другомъ у дверей его спальни, Стенваль удержалъ его.

— Берегись!—сказалъ онъ серьезно.

— Беречься? Чего?

— Дѣвочка влюбилась въ тебя—это ясно. Иначе она ни за что не дала бы тебѣ этого обрывка платка.

— Вздоръ!

Студентъ проворчалъ что-то о людской мелочности, ушелъ къ себѣ и порывистѣе, чѣмъ обыкновенно, захлопнулъ за собою дверь. Но, раздѣваясь, онъ глубоко задумался. Неужели она дѣйствительно вообразила себѣ что нибудь такое? Извѣстно, какъ охотно дѣвушки принимаютъ за чистую монету всякую любезную фразу... А вѣдь

Digitized by Google

она, вдобавокъ, такая индюшка, которая ко всему относится серьезно... Положимъ, она ничего себѣ... гмъ!.. даже мила... пожалуй, и очень мила. Но ему она вовсе не подходитъ. Ему надо еще завоевать себѣ положеніе, сдѣлаться знаменитымъ врачемъ... Маленькая Герда, бѣдная и безъ всякаго умѣнья держать себя въ большомъ свѣтѣ, совсѣмъ не подходила къ тому, что требовалось отъ жены знаменитаго человѣка... А если она вздумала строить воздушные замки, тѣмъ хуже для нея.

Онъ старался успокоить свою нѣсколько встревоженную совѣсть и до-нельзя умалить значеніе своей выходки съ платкомъ. Но это ему долго не удавалось; заснулъ онъ очень нескоро и съ досады разсердился на Герду, давъ себѣ слово впередъ никогда не шутить съ такими неопытными дѣвчонками, которыя не умѣютъ отличать серьезнаго отъ шутокъ.

На слѣдующее утро онъ нарочно опоздалъ къ завтраку и, когда спустился въ столовую, съ удовольствіемъ увидѣлъ, что другіе уже удалились оттуда. Но тотчасъ же послѣ завтрака, направляясь въ садъ, онъ наткнулся на Герду Даль, которая стояла въ сѣняхъ съ какою-то книгой въ рукахъ.

Давно ли люди стали избирать сѣни для чтенія книгъ? И какъ могло случиться, что Герда Даль, которая шагу не дѣлала безъ Берты, очутилась здѣсь одна? Засада была такъ очевидна, что онъ разсердился, Однако, онъ ничѣмъ не проявилъ своей досады, раскланялся съ барышней очень любезно, но тутъ же пояснилъ, что идетъ дать урокъ дѣтямъ, и торопливо сбѣжалъ съ лѣстницы. Все произошло такъ быстро, что она не успѣла произнести ни слова. Онъ видѣлъ только, что она опустила книгу и устремила на него какой-то особенный тревожный взглядъ... Итакъ, она въ самомъ дѣлѣ вообразила богъ знаетъ что! Ну, нѣтъ, онъ съумѣетъ остеречься. Задача сводится къ тому, чтобы не оставаться съ нею наединѣ; а это не особенно трудно, тѣмъ болѣе, что онъ уѣзжаетъ черезъ день... До самаго обѣда онъ гдѣ-то пропадалъ, а за обѣдомъ держалъ себя настороженѣ и ничего не предложилъ по части развлеченій. Онъ собирался уже снова улизнуть къ себѣ въ комнату, когда Стенваль позвалъ его играть въ крокетъ, и ему пришлось принять предложеніе, чтобы не возбудить общаго недоумѣнія. Впрочемъ, онъ уже отчасти успокоился. Строго говоря, какое ему было дѣло до нелѣпыхъ ожиданій какой-то провинціальной мечтательницы? Не стоило даже тревожиться...

Само собой разумѣется, барышни приняли участіе въ игрѣ. Но студента это даже не стѣснило. Онъ принималъ только мѣры, чтобы его шаръ былъ всегда подальше отъ шара Герды и чтобы не при-

Digitized by Google

ходилось оставаться съ нею въ сторонѣ. Но вдругъ, когда онъ спокойно стоялъ въ самомъ концѣ площадки, въ его сторону стремительно прикатился шаръ, а вслѣдъ затѣмъ подошла сама хозяйка шара, оказавшаяся Гердой Даль. Они очутились рядомъ; другіе были заняты игрой. Она подняла на него умоляющій взглядъ...

— Господинъ Стрембергъ!—начала она, но сильно покраснѣла и не сразу могла продолжать.

Онъ притворился, будто не разслышалъ ея словъ, и направился къ Бертѣ Стенваль, чтобы дать ей какой-то совѣтъ. Наружно онъ былъ какъ всегда, но въ душѣ просто разсвирѣпѣлъ. Никогда онъ не думалъ, что эта застѣнчивая, ненаходчивая дѣвушка окажется такъ смѣла и предпріимчива. По меньшей мѣрѣ, было нескромно преслѣдовать человѣка такъ настойчиво. Но всѣ ея штуки ни къ чему не поведутъ, и будь онъ повѣшенъ, если не отвадитъ ея! До самаго вечера они были вмѣстѣ, но все время среди другихъ. Онъ сидѣлъ съ нею рядомъ, разговаривалъ и даже протанцовалъ. Но все это было совершенно безопасно, потому что каждое ихъ слово слышали другіе. Его даже забавлялъ тревожный и вопросительный взглядъ, который она то и дѣло останавливала на немъ. Онъ чувствовалъ себя внѣ выстрѣловъ.

День и вечеръ прошли благополучно. Это его такъ ободрило, что на слѣдующее утро онъ не захотѣлъ пропустить завтракъ и даже предпринялъ свою обычную утреннюю прогулку. Было всего семь часовъ утра. Кого можно встрѣтить въ такую рань? Но едва онъ дошелъ до калитки сада, навстрѣчу ему появилась Герда Даль, вполнѣ одѣтая и причесанная, точно среди дня. Бываетъ же у этихъ женщинъ энергія! Само собою разумѣется, что она сильно покраснѣла, когда они раскланялись. Тѣмъ не менѣе, она безъ всякаго стѣсненія повернула назадъ и пошла съ нимъ рядомъ. Стрембергъ заговорилъ о погодѣ и объ ожидаемомъ урожаѣ, распространяясь объ этихъ предметахъ какъ можно пространнѣе и заботясь только, чтобы не было перерывовъ въ разговорѣ. Но она едва поддерживала эту интересную бесѣду, а въ слѣдующую минуту совсѣмъ замолчала. И вдругъ она остановилась на садовой дорожкѣ, посмотрѣла на своего спутника тѣмъ же тревожнымъ взглядомъ, какимъ преслѣдовала его наканунѣ, и проговорила:

— Господинъ Стрембергъ...

Сказавъ эти слова, она умолкла и покраснѣла, точь въ точь, какъ вчера.

— Н... н... да!—протянулъ онъ, не зная, что сказать.

— Будьте такъ добры, отдайте мнѣ тотъ разорванный платокъ!—сказала она, какъ бы собравшись съ духомъ.

Digitized by Google

Вотъ какъ! Очевидно, она хотѣла сначала провѣрить свои шансы. И если на то пошло, онъ самъ отъ души желалъ возвратить ей эту злополучную тряпку. Но почему-то ему казалось необходимымъ сдѣлать хоть кое-какія затрудненія.

— Ни за что!—сказалъ онъ твердо.

Она взглянула на него робко и съ такою мольбой во взглядѣ, точно дѣло шло объ ея жизни.

— Послушайте... ради бога!—заговорила она. — Вы должны... вы непремѣнно должны отдать мнѣ платокъ.

— Это мило!—вскричалъ онъ.—Вы всегда отбираете свои подарки такимъ образомъ?

— Я по неволѣ должна такъ поступить. Я сдѣлала глупость, когда позволила...

— Что же тутъ было глупаго?

Она помолчала.

— Вы могли подумать обо мнѣ...—начала она очень тихо, и вдругъ остановилась, не досказавъ.

— Подумать что?

Онъ зналъ, что дѣлалъ безразсудный вопросъ. Но его что-то увлекало помимо воли и онъ не могъ удержаться, хотя чувствовалъ себя на ломающемся льду.

— Вы могли подумать, что я... расположена...

— Расположены?

— Расположена... къ вамъ...

Она смотрѣла себѣ подъ ноги и лицо ея пылало отъ прилившей къ щекамъ крови. Рука, опиравшаяся на зонтикъ, сильно дрожала.

— Между тѣмъ, этого на дѣлѣ нѣтъ?—сказалъ онъ, повинуясь какой-то враждебной силѣ, которая увлекала его совсѣмъ не туда, куда онъ желалъ.

Они сдѣлали нѣсколько шаговъ по дорожкѣ и съ минуту оба молчали.

— Я довѣрю вамъ одну тайну,—проговорила она по прежнему тихо и точно съ мученіемъ. — Вы обѣщаетесь никому не выдать этой тайны?

— Обѣщаюсь!

Теперь, не смотря на все свое природное мужество, онъ трусилъ, трусилъ такъ, что начиналъ дрожать.

— Я люблю другаго!—сказала она, и на глазахъ ея выступили слезы,—такъ тяжело ей было сдѣлать это признаніе.

Съ своей стороны, онъ совсѣмъ притихъ. Не смотря на всю ея растерянность, она сдѣлала свое признаніе почти торжественно, и онъ чувствовалъ себя пристыженнымъ.

Digitized by Google

— Понимаю!.. Вы не хотѣли, чтобы я васъ полюбилъ?..

— Боже избави! Это вѣдь было бы несчастіемъ...

Въ ея словахъ было столько искренности, что онъ даже не улыбнулся ея наивности. Ему приходило въ голову, что онъ и она больше сутокъ терзались угрызеніями совѣсти. Но, разумѣется, совѣсть маленькой Герды оказалась болѣе чуткой... Онъ возвратилъ ей платокъ, хотя сдѣлалъ это не особенно охотно и не безъ грусти. Зато такой милой, довѣрчивой и сердечной, какою она была съ нимъ до самаго его отъѣзда, онъ ее и не видывалъ. Кто бы тамъ ни былъ тотъ, кому она доставалась, врядъ ли онъ заслуживалъ ее! Въ этомъ студентъ былъ совершенно увѣренъ. И долго онъ не могъ отдѣлаться отъ размышленій о маленькой застѣнчивой дѣвушкѣ, обладавшей такими красивыми глазами и такою чистою совѣстью.

II.

Прискорбное извѣстіе.

Совѣтникъ Галлингъ совершалъ свою обычную утреннюю прогулку по дорогѣ, обстроенной дачами. Онъ никогда не пропускалъ такихъ прогулокъ ни въ будни, ни въ праздникъ, ни въ зной, ни въ непогоду. Онъ твердо вѣрилъ, что только своими регулярными прогулками мѣшаетъ полному окостененію своихъ старыхъ больныхъ ногъ.

Кромѣ того, онъ находилъ немало удовольствія въ своихъ прогулкахъ. Онъ шелъ между дачами, поглядывалъ своими узенькими, зоркими глазами по сторонамъ и постоянно дѣлалъ всевозможныя маленькія открытія. Такъ, онъ разглядѣлъ однажды, что флагштокъ у дачи Стрема подгнилъ у самаго основанія, вслѣдствіе чего со дня на день можно было ждать, что вѣтеръ повалитъ его на землю. Другой разъ онъ узналъ, что негоціантъ Литбергъ, объявленный несостоятельнымъ должникомъ, наканунѣ конкурса устроилъ у себя цѣлую пирушку. Это онъ сообразилъ, когда проходилъ мимо дачи Литберга и увидѣлъ, какъ служанка выносила изъ комнатъ четыре порожнія бутылки изъ-подъ шампанскаго. То онъ узнавалъ, что господа Бергренъ останутся въ этомъ году безъ яблокъ, такъ какъ весь цвѣтъ былъ истребленъ червями; то ему становилось очевиднымъ, что госпожа Лундебладъ встаетъ не раньше десяти часовъ, такъ какъ до этого времени накрытый на верандѣ столъ оставался нетронутымъ, а служанка сидѣла иногда на порогѣ кухонныхъ сѣней и чистила маленькія ботинки своей хозяйки. Все это, конечно, были мелочи. Но сегодня онъ сдѣлалъ такое открытіе, что на добрыхъ

Digitized by Google

пять минутъ остановился среди дороги въ раздумьѣ и медленно покачивалъ палку, которую держалъ въ сложенныхъ за спиною рукахъ. Сдѣланное имъ открытіе до нѣкоторой степени касалось его самого, потому что касалось его близкихъ родственниковъ, господъ Альмгренъ, которые здѣсь же проводили лѣто на дачѣ. И открытіе было вдобавокъ прискорбное. Сколько онъ ни раздумывалъ найти смягчающихъ обстоятельствъ, онъ не могъ, и съ каждой минутой ему становилось только яснѣе, что онъ обязанъ немедленно, хотя по возможности осторожно, извѣстить свою племянницу и ея мужа о поразившемъ ихъ несчастіи. Въ концѣ концовъ, онъ пришелъ къ заключенію, что откладывать дѣло въ долгій ящикъ не слѣдовало, а потому онъ взялъ палку въ правую руку и перевалистой походкой направился къ дачѣ Альмгреновъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, онъ былъ уже тамъ и поднялся по балконной лѣстницѣ на веранду. Съ веранды онъ осторожно заглянулъ въ залу. Тамъ была только горничная, обтиравшая съ мебели пыль.

— Баринъ дома? — спросилъ онъ подавленнымъ голосомъ и пытливо оглянулся во всѣ стороны. Онъ былъ чрезвычайно деликатный человѣкъ и любилъ во всемъ проявлять особенную чувствительность. Ни за что въ мірѣ не рѣшился бы онъ сразить своимъ прискорбнымъ извѣстіемъ, ничѣмъ не подготовленную къ этому, несчастную племянницу.

— Нѣтъ, барина нѣтъ дома. Онъ только что уѣхалъ въ городъ,—отвѣтила горничная.

— Ну, на что это похоже! — проворчалъ старый господинъ. — Неужели онъ не можетъ сидѣть дома въ семьѣ... хоть по воскресеньямъ?..

— Если угодно... барыня дома...

— Ш-ш-ш-ъ! Не кричи, пожалуйста. Я вѣдь не спрашивалъ о барынѣ. Мнѣ нужно повидать самого барина...

Бѣдная дѣвушка смутилась. Она и не думала «кричать»... Съ какой бы стати она стала кричать въ разговорѣ съ господиномъ совѣтникомъ? И почему господинъ совѣтникъ имѣлъ такой мрачный видъ? Почему онъ такъ боялся встрѣтиться съ самой барыней?

Она была привязана къ своимъ господамъ и не на шутку перепугалась.

— Господи Іисусе!—вскричала она.—Неужели случилось что нибудь?..

— Случилось! Разумѣется, случилось; это ты могла бы понять, не спрашивая!—проворчалъ совѣтникъ, сдвигая брови.

— Что нибудь ужасное?..

Digitized by Google

— Ну, разумѣется! Происшествія почти всегда бываютъ прискорбны,—объяснилъ онъ снисходительнѣе.—Когда баринъ вернется, скажи ему, чтобы онъ сейчасъ же зашелъ ко мнѣ. Не забудь же!

— Нѣ-ѣтъ, не забуду.

Въ дверяхъ онъ еще разъ обернулся и повторилъ строго:

— Смотри же, не забудь!

— Нѣ-ѣ-ѣтъ...

Она заикалась отъ испуга и должна была сѣсть на ближайшій стулъ, такъ какъ ноги ея подкашивались. Она едва успѣла встать и попытаться сдѣлать нѣсколько шаговъ, когда изъ внутреннихъ комнатъ вышла сама барыня. Увидѣвъ блѣдное лицо бѣдной дѣвушки, она спросила, не больна ли она.

— Нѣтъ, не я,—отвѣтила она, не подумавъ.

— Кто же?

Услышавъ этотъ вопросъ, честная дѣвушка поняла, что проболталась и что она обязана скрыть что-то ужасное отъ своей несчастной госпожи. Поэтому она попыталась поправиться.

— Господи Боже мой, милая барыня!—вскричала она.—Развѣ непремѣнно нужно, чтобы кто нибудь былъ боленъ?

— Непремѣнно нужно?.. Что ты говоришь?

— Я говорю, дескать, нѣтъ никакой надобности предполагать, будто кто нибудь боленъ...

Госпожа Альмгренъ подошла къ ней и посмотрѣла ей въ лицо, пожалуй, даже внимательнѣе, чѣмъ когда нанимала ее.

— Въ чемъ дѣло?—спросила она строго.

— Я вѣдь не знаю. Можетъ быть, не болѣзнь, а что нибудь другое...

— Другое? Сейчасъ же объясни все, какъ есть!—приказала госпожа Альмгренъ.

Гильма расплакалась и, всхлипывая, пробормотала, что съ барыней никогда не стоитъ лукавить—все равно все выпытаетъ,—а потому приходится доложить ей о страшной тайнѣ, которой она сама не знаетъ. И, начавъ съ этого, она разсказала все по порядку: какъ приходилъ господинъ совѣтникъ, «такой мрачный, что смотрѣть на него было страшно», какъ онъ не позволялъ говорить громко, и какъ онъ согласился, что случилось что-то ужасное, о чемъ онъ хочетъ переговорить съ самимъ бариномъ, а барынѣ боялся даже показаться на глаза. Въ свою очередь, хозяйка принуждена была опуститься на ближайшій стулъ. Она тотчасъ же подумала о своемъ старомъ отцѣ, который былъ боленъ и лѣчился гдѣ-то въ Германіи на водахъ. Что, если онъ умеръ?.. Потомъ она

Digitized by Google

подумала о своемъ старшемъ сынѣ, лишь недавно получившемъ отвѣтственную должность въ одномъ банкѣ. Что, если съ нимъ случилось какое нибудь несчастіе?.. А ихъ городская квартира? Можетъ быть, домъ сгорѣлъ?.. Она придумала еще съ дюжину возможныхъ и невозможныхъ несчастій, затѣмъ почувствовала приливъ энергіи отчаянья, вскочила съ мѣста и, наскоро повязавъ шляпу, побѣжала на квартиру совѣтника такъ быстро, что встрѣчные прохожіе смотрѣли на нее съ недоумѣніемъ. Она желала знать истину! Лучше самая печальная дѣйствительность, чѣмъ дюжина ужасныхъ предположеній, среди которыхъ человѣкъ терзается, какъ зерно между жерновами!.. Но господина совѣтника дома не оказалось, а прислуга ничего не могла объяснить: никто въ это утро къ совѣтнику не приходилъ и телеграммъ не получалось... Вернувшись домой измученная, барыня увидѣла свою Гильму, стоявшую у кухоннаго крыльца среди пяти сосѣднихъ служанокъ. Съ заплаканнымъ лицомъ выступила она навстрѣчу хозяйкѣ и прерывающимся голосомъ доложила, что господинъ совѣтникъ Галлингъ снова заходилъ.

— Гдѣ же онъ?

— Онъ не могъ дождаться барина, и когда узналъ, что баринъ уѣхалъ на острова, сейчасъ же нанялъ лодку и велѣлъ везти себя туда же.

— Отчего ты не попросила его подождать моего возвращенія?

Это не пришло бѣдной Гильмѣ въ голову. Она и въ обыкновенныхъ случаяхъ была не особенно находчива, а тутъ, среди всѣхъ этихъ ужасовъ...

Госпожа Альмгренъ намѣревалась было сейчасъ же отправиться на острова. Но ею овладѣлъ порывъ отчаянья и, опустившись на диванъ, она залилась горькими слезами, а когда пришли остававшіяся еще дома дѣти,—двѣнадцатилѣтняя Эльса и восьмилѣтній Гуго,—она прижала ихъ къ сердцу и сказала, что они—ея единственное утѣшеніе. Плакала сама госпожа Альмгренъ; глядя на мать, плакала Эльса и Гуго. Плакала Гильма, плакала кухарка, плакали даже всѣ стоявшія кругомъ сосѣднія служанки. Такъ продолжалось до двухъ часовъ пополудни, когда возвратился домой самъ господинъ Альмгренъ. Онъ провелъ утро за игрой въ кегли, былъ въ превосходномъ настроеніи духа и привезъ съ собою какого-то пріятеля. Проходя черезъ переднюю, онъ крикнулъ Гильмѣ, чтобы подали въ кабинетъ коньяку и зельтерской воды, и повелъ своего гостя черезъ залу. Но коньяку и зельтерской воды ему не подали. Вмѣсто того, въ дверяхъ показалась госпожа Альмгренъ, лицо которой выражало, что солнце для нея больше не свѣтило, и поманила его въ столовую.

Digitized by Google

Онъ спросилъ, не было ли въ домѣ холеры, а она спросила, засталъ ли его дядя Галлингъ. Нѣтъ, онъ нигдѣ не встрѣчался съ дядей Галлингомъ. Старый господинъ, очевидно, имѣлъ особенную способность никого не находить... Тогда ему было разсказано все, что знали уже весь околодокъ. Какое-то прискорбное извѣстіе, носителемъ котораго былъ дядя Галлингъ, таинственно бродило вокругъ нихъ по морю и сушѣ, и скоро это ужасное извѣстіе должно было ихъ сразить... Пріятель былъ спроваженъ, не получивъ ни коньяку, ни зельтерской воды. Хозяева же усѣлись въ гостинной и начали общимъ совѣтомъ разгадывать ужасную тайну.

Госпожа Альмгренъ стояла на томъ, что дѣло шло о чьей нибудь смерти, пожалуй, даже самоубійствѣ, а не то и о чемъ нибудь еще болѣе ужасномъ. Когда мужъ попытался высказать предположеніе, что извѣстіе могло быть не столь ужаснымъ, она съ раздраженіемъ объявила, что истина очевидна и что не стоило изъ простаго малодушія ублажать себя розовыми надеждами. Надо было смотрѣть несчастію прямо въ лицо! Наконецъ, неужели онъ воображаетъ, что такой старый, почтенный человѣкъ, какъ дядя Галлингъ, станетъ рыскать по всему округу въ погонѣ за родственникомъ, которому имѣетъ сообщить что нибудь маловажное? Послѣ этого, она перемѣнила носовой платокъ и снова расплакалась.

Мужъ не могъ придумать, чѣмъ можно было пособить горю, и остался въ своемъ креслѣ возлѣ плачущей жены, тихонько поигрывая пальцами сложенныхъ на животѣ рукъ. Черезъ часъ, среди удручающей тишины, послышались гдѣ-то сдержанные голоса и вслѣдъ затѣмъ вбѣжала Гильма, вся красная отъ волненія.

— Пришелъ господинъ совѣтникъ! Онъ желаетъ видѣть барина...

Господинъ Альмгренъ поднялся съ кресла. Но ему не пришлось идти одному. Жена даже опередила его, устремившись въ кабинетъ.

— Ради бога, дядя, что случилось?—взмолилась она и судорожно ухватилась за руку совѣтника.

— Какъ? Ты уже что нибудь слышала?—спросилъ онъ сочувственно.

— Ты самъ, дядя, сказалъ Гильмѣ, что случилось нѣчто прискорбное... Господи, что же это?

— Гмъ! Служанки—это такія сороки... Ну, ну, уйди пока къ себѣ. Сначала я долженъ переговорить съ твоимъ мужемъ.

Но она не тронулась съ мѣста и объявила, что не уйдетъ, пока не узнаетъ всего.

— Ну, какъ хочешь!—проговорилъ старикъ и потеръ руки, какъ бы умывая ихъ.—Я полагалъ, что тебѣ было бы пріятнѣе узнать истину отъ человѣка, съ которымъ ты должна раздѣлять ра-

Digitized by Google

дости и горе этой жизни. Но дѣло твое. Да, мои дорогіе друзья! Я долженъ сообщить вамъ нехорошее извѣстіе... можно сказать, очень и очень прискорбное дѣло!

— Кто нибудь умеръ?

— Нѣтъ, не то. Надѣюсь, вы умѣете мужественно относиться къ огорченіямъ, безъ которыхъ земная жизнь не бываетъ...

Госпожа Альмгренъ задрожала. Теперь она догадывалась.

— Все... сгорѣло?—пролепетала она.

— Не то! То, о чемъ я буду говорить, не касается вашего состоянія. Это касается васъ глубже, ибо касается вашихъ родительскихъ чувствъ.

— Боже мой, я такъ и знала!—простонала несчастная мать.— Что онъ надѣлалъ?..

Совѣтникъ ласково потрепалъ ее по плечу.

— Бѣдная мать!—сказалъ онъ мягко.

Она смотрѣла ему прямо въ глаза.

— Онъ... провинился... въ банкѣ?

— Какъ въ банкѣ? Въ огородѣ!—поправилъ ее старикъ.

— Что такое?—нетерпѣливо переспросилъ господинъ Альмгренъ, который думалъ, что онъ ослышался, въ то время какъ его жена смотрѣла на своего дядю, точно лишенная разсудка.

— Ну, конечно, въ огородѣ Гаммерлунда!—подтвердилъ совѣтникъ.

— Эмиль?!

— Кто говоритъ объ Эмилѣ? Сколько я знаю, онъ въ своемъ банкѣ въ Готенбургѣ. Съ чего вы приплели сюда Эмиля?—въ свою очередь удивился старикъ.

— Господи, я уже подумала...

Госпожа Альмгренъ безсильно опустилась въ широкое кресло. Ея лица не было видно, потому что она закрылась платкомъ.

— Ну, ну, успокойся!—ободрялъ ее старый дядя и опять ласково потрепалъ по плечу.—Вотъ какъ все это было... Я шелъ, какъ всегда, по дорогѣ и только что поровнялся съ огородомъ Гаммерлунда, какъ увидѣлъ за изгородью бѣлую съ краснымъ шапочку, да чью-ту клѣтчатую блузу. Ну, разумѣется, я заглянулъ въ огородъ, и можете себѣ представить?—открываю моего милѣйшаго внучатнаго племянника, молодаго господина Гуго, который сидитъ между грядками клубники и преспокойно воруетъ чужія ягоды. «Что ты тамъ дѣлаешь, маленькій негодяй»?—спросилъ я его.—«Ѣмъ клубнику»!—отвѣтилъ онъ беззастѣнчиво.—«Вотъ я тебѣ задамъ»!—пригрозилъ я ему и вошелъ въ огородъ, чтобы хорошенько его оттрепать. Но онъ не сталъ меня дожидаться и задалъ стрекача

Digitized by Google

прямо черезъ весь огородъ. Теперь вы знаете, мои друзья, эту прискорбную новость: вашъ сынъ—маленькій воришка! Отъ васъ зависитъ принять мѣры, чтобы изъ него не сдѣлалось что нибудь похуже!

Послѣднія слова онъ произнесъ торжественно, но безъ жестокости, и даже въ третій разъ ласково потрепалъ племянницу по плечу. Съ минуту всѣ молчали. Наконецъ, госпожа Альмгренъ опустила платокъ и подняла голову. Она была совершенно спокойна; только ея губы слегка подергивались.

— Да,—сказала она съ разстановкой,—очень непохвально соваться въ чужой огородъ безъ спроса.

— Еще бы!—согласился старикъ.

— Тѣмъ болѣе, когда нѣтъ никакой надобности!—прибавила она.

— То-то и есть.

— А ты, дядя? Ты имѣлъ позволеніе войти въ огородъ?

— Я?!

— Конечно. Гуго получилъ позволеніе отъ самого Гаммерлунда, я была при этомъ... Неужели ты вошелъ самовольно, дядя?

— Что... что это... что это ты?..

Совѣтникъ не досказалъ начатой фразы и грозно замолчалъ.

— Милѣйшій дядюшка, что я слышу?—весело вмѣшался самъ Альмгренъ.—Неужели ты въ самомъ дѣлѣ бродишь иногда по чужимъ огородамъ?

На это онъ не получилъ отвѣта. Старый господинъ грозно поглядывалъ то на племянника, то на племянницу и хотѣлъ что-то сказать, но вдругъ раздумалъ, повернулъ обоимъ спину и направился къ выходу.

— Прощайте!—отрывисто произнесъ онъ уже на порогѣ.

Хозяева вѣжливо проводили его до наружныхъ дверей и упрашивали остаться къ обѣду, обѣщаясь составить ему партію въ вистъ послѣ обѣда. Но онъ даже не отвѣчалъ. Онъ больше не хотѣлъ съ ними знаться!

Digitized by Google

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Событія въ Италіи.—Адуанское пораженіе, его причины и послѣдствія.—Подробности дѣла.—Волненія и манифестаціи въ Италіи при извѣстіи объ Адуанской битвѣ.—Отставка министерства Криспи.—Новое министерство съ маркизомъ ди-Рудини во главѣ.—Политическое прошлое ди-Рудини.—Министерская декларація.—Какъ разрѣшаетъ министерство вопросъ: продолжать ли войну съ Абиссиніей, или стремиться къ заключенію мира?—Дальнѣйшее участіе Италіи въ тройственномъ союзѣ.—Отзывъ о декларація «Journal de S-t Pétersbourg».—Слухи о посредничествѣ между Италіей и Абиссиніей—Россіи, короля Леопольда бельгійскаго и лорда Салисбюри.—Миролюбіе Менелика.—Поѣздка графа Голуховскаго въ Берлинъ и совѣщанія его въ германской столицѣ съ императоромъ Вильгельмомъ и Гогенлоэ о дальнѣйшей судьбѣ тройственнаго союза.

Событія, совершающіяся нынѣ въ политическомъ мірѣ Европы, невольно заставляютъ обратить вниманіе на странное и любопытное совпаденіе: въ то самое время, какъ извѣстія о небываломъ и на первыхъ порахъ показавшемся невозможнымъ разгромѣ итальянцевъ подъ Адуей повергали въ отчаяніе и неописанное смущеніе всю Италію,—въ Ниццѣ, городѣ еще такъ недавно принадлежавшемъ этой странѣ, происходило свиданіе президента французской республики съ наслѣдникомъ русскаго престола и съ императоромъ Австро-Венгріи. Въ Ниццѣ происходили торжественныя празднества въ то самое время, когда въ Римѣ разразился не только министерскій, но и государственный кризисъ. Пораженіе подъ Адуей было лишь случайнымъ поводомъ этого кризиса; дѣйствительныя же причины его лежали гораздо глубже и, прежде всего, должны быть усматриваемы въ политикѣ Криспи, которая вовлекла Италію въ тройственный союзъ исключительно изъ нерасположенія и вражды къ Франціи. Въ настоящее время результаты этой политики окончательно обнаружились: фактически тройственный союзъ уже не существуетъ, такъ какъ Италія, разоренная въ конецъ, лишенная своей арміи, потерявшая всякій политическій кредитъ въ Европѣ, не съумѣвшая поддержать своего

Digitized by Google

престижа цивилизованнаго государства даже въ полудикой Африкѣ—можетъ быть только помѣхой Австро-Венгріи и Германіи въ ихъ совмѣстныхъ политическихъ дѣйствіяхъ. Съ другой стороны, неминуемое распаденіе тройственнаго союза создаетъ Франціи особенно выгодное положеніе въ европейскомъ «концертѣ»; она еще тѣснѣе сблизилась съ Россіей и Испаніей, а Россія пріобрѣла за послѣднее время такое рѣшающее значеніе въ международной политикѣ, которое можно сравнить только съ эпохой священнаго союза и съ временемъ императора Николая I. Все это до такой степени очевидно, что именно такого рода размышленіямъ предается печать тройственнаго союза, съ грустью и отчаяніемъ созерцая печальныя событія, которыя разыгрываются на берегахъ Тибра. Событія эти имѣютъ такую первостепенную политическую важность, что ими намъ прежде всего и слѣдуетъ заняться.

Разгромъ итальянцевъ подъ Адуей, конечно, вызвалъ во всей Европѣ крайнее удивленіе, но нельзя сказать, чтобы этотъ разгромъ былъ чѣмъ-то неожиданнымъ. Напротивъ того, безпристрастные наблюдатели, вдумываясь въ событія, происходившія за послѣднее время въ Африкѣ, давно уже пришли къ заключенію, что итальянцевъ неминуемо ожидаетъ пораженіе со стороны абиссинцевъ. Въ такомъ именно направленіи высказался, между прочимъ, маркизъ де-Вогюэ въ превосходной и содержательной статьѣ, помѣщенной имъ въ газетѣ «Фигаро». Не было недостатка и въ другихъ такого же рода предупрежденіяхъ. Эритрея—итальянская колонія въ Африкѣ, близъ Краснаго моря и по сосѣдству съ Абиссиніей, еще не далѣе, какъ лѣтъ десять тому назадъ, не имѣла никакого политическаго значенія. Но въ этотъ промежутокъ времени итальянцы успѣли сначала захватить сѣверную, а затѣмъ и южную часть Тигрэ и такимъ образомъ расширили свои владѣнія въ Африкѣ. Престижъ итальянцевъ въ Африкѣ особенно увеличился послѣ ихъ побѣдъ подъ Коатити-Сенафе и въ особенности послѣ занятія ими Адиграта. На западѣ Италія водрузила свое знамя въ Кассалѣ, принадлежавшей дервишамъ, а на югѣ, посредствомъ занятія южной части Тигрэ, итальянцы угрожали самой Абиссиніи. Борьба съ Абиссиніей, по необходимости, требовала увеличенія арміи, которая и была увеличена до 10,000 человѣкъ. Частичные успѣхи итальянской арміи заставили генерала Баратіери предположить, что ему также легко будетъ справиться съ Абиссиніей, какъ онъ справился съ частью Тигрэ. Онъ отвергъ предложенія о мирѣ, довѣряясь слухамъ, утверждавшимъ, что положеніе Менелика очень критическое, что между нимъ и его намѣстниками существуютъ разногласія; отказался даже отъ дальнѣйшихъ подкрѣпленій. Однако, онъ ошибся въ своихъ разсчетахъ. Въ это время Менеликъ собиралъ свои войска и затѣмъ двинулся противъ итальянцевъ съ арміею въ 100,000 человѣкъ. Цѣлый рядъ неудачныхъ для итальянцевъ столкновеній привелъ, наконецъ, обѣ враждующія

Digitized by Google

арміи лицомъ къ лицу подъ Адуей. Подъ Адиграто̀мъ генералъ Баратіери занималъ сильную позицію, которую, не смотря на свое численное превосходство и на отличающую ихъ беззавѣтную храбрость, абиссинцы не осмѣливались аттаковать, зная по опыту, какъ дорого имъ обходится нападеніе на укрѣпленные пункты. Отъ обходнаго движенія, съ цѣлью отрѣзать адиграто̀кій отрядъ отъ его базы, Асмары и Массовы, Менеликъ благоразумно отказался, такъ какъ съ одной стороны коммуникаціонная линія итальянцевъ охранялась рядомъ укрѣпленныхъ этапныхъ пунктовъ, а съ другой—негусъ, вообще доказавшій, что онъ хорошо усвоилъ себѣ правила стратегіи, опасался, что въ такомъ случаѣ его линіи отступленія будетъ грозить непріятель; наконецъ, въ Массовѣ высадился первый эшелонъ подкрѣпленій, которыхъ съ такимъ нетерпѣніемъ ожидалъ Баратіери, а два другихъ эшелона находились уже въ пути. Все, слѣдовательно, заставляло предполагать, что Баратіери будетъ держаться въ теченіе двухъ-трехъ недѣль роли Фабія Кунктатора и что рѣшительныя наступательныя дѣйствія начнутся лишь послѣ того, какъ прибудутъ на театръ войны войска, отплывшія изъ Неаполя. Тогда итальянцы, имѣя притомъ во главѣ болѣе опытнаго военачальника, какимъ, вообще, признаётся генералъ Балдиссера, замѣнившій собой въ послѣдніе дни Баратіери, могли бы со значительными шансами на успѣхъ аттаковать Менелика съ фронта и съ праваго фланга, и заставить его очистить Тигрэ, что, по крайней мѣрѣ, возстановило бы положеніе, существовавшее до разгрома передоваго отряда майора Тозелли подъ Амба-Аладжи.

Въ Италіи разсчитывали именно на такую развязку дѣла, но въ дѣйствительности произошло нѣчто совершенно невѣроятное. Опрометчивость генерала Баратіери, которому было уже извѣстно о назначеніи на его мѣсто Балдиссеры, тѣмъ болѣе поражаетъ, что изъ предпринятыхъ раньше рекогносцировокъ ему было отлично извѣстно, какую грозную позицію занимаетъ абиссинское войско. Всѣ свѣдѣнія объ этой позиціи свидѣтельствовали, что аттаковать ее при такихъ ничтожныхъ силахъ, какими располагалъ Баратіери, не только рискованно, но и просто безумно. Абиссинцы сильно укрѣпили и безъ того уже мало доступные перевалы Гашіорки и Маріамъ-Шіавиту, по которымъ пролегаютъ дороги или, правильнѣе, тропинки, ведущія изъ Адиграта въ Адую. Точно также было извѣстно, что по свойству мѣстности итальянцамъ врядъ ли удастся развернуть и употребить съ пользою въ дѣло свою артиллерію, а между тѣмъ артиллерія именно уравновѣшивала численное превосходство непріятеля.

Нетрудно поэтому предположить, что если генералъ Баратіери рѣшился на безумную попытку аттаковать абиссинцевъ при такомъ положеніи вещей, то имъ руководили не столько чисто военныя, сколько личныя соображенія, или что онъ повиновался приказаніямъ самого

Digitized by Google

Криспи. Баратіери, котораго считаютъ въ Италіи очень самолюбивымъ человѣкомъ, хотѣлъ, можетъ быть, показать, что его напрасно стѣсняютъ, и что онъ съумѣетъ справиться съ абиссинцами и безъ руководительства Балдиссеры. Въ военной исторіи немало найдется примѣровъ генераловъ, которые изъ тщеславія или изъ чувства соперничества вели на вѣрную смерть ввѣренное имъ войско и даже подвергали опасности отечество. Возможно предположить также и то, что Баратіери аттаковалъ непріятеля потому, что это было ему приказано министромъ-президентомъ. Этотъ темный пунктъ итальянской авантюры въ Африкѣ по всей вѣроятности вскорѣ раскроется, когда въ дѣло вмѣшается парламентъ. Но и теперь уже кое-что начинаетъ разъясняться. Такъ, «Italia Militare»,—газета, считающаяся офиціознымъ органомъ итальянскаго генеральнаго штаба, рѣшительно заявила, что генеральный штабъ слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность за происходящія и могущія еще произойти на театрѣ войны событія. У начальника генеральнаго штаба никогда и ни разу не спрашивали его мнѣнія, никогда не заявляли ему, какую собственно войну правительство намѣрено вести въ Абиссиніи, и даже не сообщали извѣстій съ театра военныхъ дѣйствій. Министерство иностранныхъ дѣлъ либо скрывало отъ военнаго министерства полученныя изъ Абиссиніи депеши, либо препровождало ихъ въ военное министерство въ искаженномъ видѣ, вслѣдствіе чего военному министру и начальнику штаба не были извѣстны даже мѣста расположенія войскъ въ Африкѣ, и имъ приходилось составлять дислокаціонныя таблицы по отчетамъ газетъ. Начальникъ штаба, конечно, не отказывался высказывать свое мнѣніе, но когда къ нему обращались, было уже слишкомъ поздно, чтобы поправить дѣло. Операціями въ Эритреѣ и Тигрэ руководили не военный министръ и не генеральный штабъ, а нѣчто въ родѣ «гофкригсрата», засѣдающаго въ палаццо делла-Консульта. «Давно пора,—прибавляетъ газета «Italia Militare»,—положить конецъ такимъ порядкамъ и передать управленіе военными дѣйствіями тѣмъ, кто отвѣтственъ передъ страною за веденіе войны. Медлить болѣе нельзя, такъ какъ странѣ грозятъ большія опасности». Еще раньше этихъ разоблаченій, нѣкоторые серьезные и почтенные органы, въ родѣ миланской «Perseveranza», утверждали, что Криспи, возмнивъ себя такимъ же великимъ стратегомъ, какъ Наполеонъ или Мольтке, устранилъ отъ управленія военными дѣйствіями не только военнаго министра и начальника генеральнаго штаба, но даже самого короля, редактируя какъ бы ad usum delphini телеграммы, полученныя съ театра войны. На первыхъ порахъ, Баратіери сносился непосредственно съ военнымъ министромъ, но впослѣдствіи Криспи все сосредоточилъ въ своихъ рукахъ и въ рукахъ министра иностранныхъ дѣлъ, сообщая какъ военному министру и начальнику генеральнаго штаба, такъ и королю только то, что входило въ его политическіе разсчеты.

Digitized by Google

Вотъ предполагаемыя причины, вызвавшія адуанскую катастрофу. Итальянскія газеты обвиняютъ Баратіери въ непростительнѣйшей опрометчивости и требуютъ преданія его суду. О самомнѣніи и самолюбіи бывшаго главнокомандующаго имѣли, очевидно, въ высшихъ сферахъ точное понятіе, иначе не стали бы такъ тщательно скрывать отъ него, что на его мѣсто назначенъ генералъ Балдиссера. Состоялось распоряженіе задерживать всѣ телеграммы, изъ которыхъ Баратіери могъ бы узнать о принятой относительно его мѣрѣ. Начальнику тыла экспедиціоннаго отряда, генералу Ламперти, были посланы соотвѣтственныя инструкціи, но такъ какъ въ нихъ не было сказано, что онъ долженъ задерживать и шифрованныя телеграммы на имя главнокомандующаго, то Ламперти и пропустилъ одну такую телеграмму, не смотря на то, что мѣсто отправки ея, Тріентъ, должно было внушить подозрѣніе относительно ея содержанія. Тотчасъ по полученіи этой телеграммы, въ которой сообщалось именно о предстоящемъ прибытіи Балдиссеры въ Массову, Баратіери отдалъ приказъ аттаковать непріятельскія позиціи. Обстоятельство это, повидимому, проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на мотивы, которыми руководствовался Баратіери. Тѣ газеты,—а ихъ очень немного,—которыя и до сихъ поръ еще стараются выгородить отвѣтственность бывшаго главнокомандующаго, увѣряютъ, однако, что перейти въ наступательное движеніе Баратіери рѣшился вслѣдствіе полученнаго имъ извѣстія, что готовится коронованіе негуса въ Аксумѣ, а потому значительная часть абиссинскихъ войскъ сосредоточивается подъ стѣнами священнаго города, и врядъ ли будетъ въ состояніи явиться во-время на помощь отрядамъ, охранявшимъ перевалы изъ Эптишо въ Адую. Баратіери жестоко ошибся въ разсчетѣ, такъ какъ вся непріятельская армія оказалась налицо.

Совершенно понятно, что, при извѣстіи о погромѣ подъ Адуей, вся Италія облеклась въ трауръ, но серьезные безпорядки произошли лишь въ немногихъ городахъ. Въ Миланѣ состоялась демонстрація, приписываемая, какъ всегда водится, республиканцамъ и соціалистамъ. Между вызванными по тревогѣ войсками и народомъ дѣло дошло до кровопролитнаго столкновенія. Въ предупрежденіе дальнѣйшаго кровопролитія, нѣсколько депутатовъ и другихъ авторитетныхъ гражданъ обратилось къ народу съ успокоительными рѣчами, послѣ чего выдвинули впередъ, передъ фронтомъ войска, трехъ одѣтыхъ въ глубокій трауръ женщинъ. Это были мать и сестры убитаго въ Африкѣ солдата. Тогда войска двинулись обратно въ свои казармы и народъ напутствовалъ ихъ криками: «да здравствуетъ армія»! Въ Павіи народъ сталъ снимать рельсы съ желѣзной дороги, чтобъ помѣшать отходу поѣзда съ войсками, отправляемыми въ Африку. Порядокъ былъ съ трудомъ возстановленъ. Манифестаціи были также въ Болоньѣ, а въ Римѣ спокойствіе поддерживалось—и, повидимому, до сихъ

Digitized by Google

поръ поддерживается,—лишь энергическими полицейскими и военными мѣрами. Въ манифестаціяхъ принимали преимущественно участіе учащаяся молодежь и женщины. Во многихъ римскихъ церквахъ служились панихиды по убитымъ воинамъ. Папа приказалъ отмѣнить благодарственныя молебствія по случаю 86-лѣтней годовщины дня его рожденія и замѣнить ихъ заупокойными мессами.

Въ составѣ войскъ при Алуѣ, наступавшихъ противъ абиссинскихъ позицій, приняли участіе три съ половиною бригады, при десяти горныхъ батареяхъ, — четыре колонны подъ начальствомъ четырехъ генераловъ. Итальянская газета «Esercito» опредѣляетъ общую численность этихъ войскъ въ 15 тысячъ, при десяти батареяхъ. Лѣвая, иначе говоря, южная колонна, подъ командою генерала Альбертоне, состояла изъ четырехъ батальоновъ туземной пѣхоты; она первая вступила въ бой и наиболѣе пострадала. Лѣвый флангъ общаго расположенія итальянцевъ находился подъ ближайшими и самыми опасными ударами абиссинцевъ. Бой кончился общимъ охватомъ итальянцевъ и принялъ настолько неблагопріятный для нихъ оборотъ, что итальянцы отступили по всей линіи. О томъ, что это отступленіе было безпорядочно и граничило съ паникой, видно изъ свѣдѣній, полученныхъ изъ Массовы. Эти свѣдѣнія сообщаютъ, что горная артиллерія, вслѣдствіе пересѣченной мѣстности, не могла быть увезена. Такъ какъ вся артиллерія была горная, то приходится думать, что бо́льшая часть этой артиллеріи была захвачена абиссинцами. Но если это такъ, то отступленіе должно было походить на бѣгство, потому что пѣхота, прикрывающая въ бою артиллерію, бросаетъ ее только въ послѣдней крайности; кромѣ того, артиллерія, стрѣляя далеко, а слѣдовательно удерживая наступающаго противника на благородной дистанціи, даетъ возможность войскамъ отступать болѣе спокойно и въ большемъ порядкѣ. Другая телеграмма изъ Массовы представляетъ собой какіе-то неясные обрывки извѣстій о томъ, что̀ послѣдовало тотчасъ за боемъ, въ ночь съ 18 на 19 февраля. Здѣсь мы уже не встрѣчаемъ большихъ колоннъ и ихъ начальниковъ-генераловъ; войска, отступая, видимо раздробились на маленькія колонны подъ предводительствомъ уже не генераловъ, а полковниковъ и майоровъ, и уходили, куда глаза глядятъ. Генералъ Ламперти, исправляющій должность начальника тыла, старается собрать операціонный корпусъ въ Асмарѣ. Такимъ образомъ, въ сраженіи 19 февраля довершилось то, что̀ началось при Амба-Аладжи и подъ Макале: итальянцы не только оказались разбитыми на голову, но и ихъ позиціямъ въ Африкѣ угрожаютъ самыя серьезныя опасности, такъ что итальянцамъ волей-неволей приходится окончательно отказаться отъ продолженія кампаніи, тѣмъ болѣе, что настроеніе умовъ въ самой Италіи требуетъ окончанія войны съ такой настойчивостью, что если война будетъ продолжаться, то въ Италіи можетъ вспыхнуть революціонное

Digitized by Google

движеніе, которое можетъ быть весьма грознымъ для королевства, и теперь уже сильно пошатнувшагося.

Какъ бы ни была велика отвѣтственность генерала Баратіери за погромъ подъ Адуей, несомнѣнно, что извѣстная отвѣтственность за итальянскую авантюру въ Африкѣ падаетъ всею своею тяжестью на Криспи. Въ томъ, что Италія не удовольствовалась Массовой и прилегавшей къ ней береговой полосой, а начала постепенное завоеваніе плоскогорья и отдѣльныхъ провинцій абиссинской имперіи, виноватъ не Баратіери, а одинъ лишь Криспи. Онъ защищалъ эту политику завоеванія во что бы то ни стало передъ парламентомъ, онъ руководилъ всею абиссинскою кампаніею, онъ испрашивалъ кредитъ, онъ эксплуатировалъ въ свою пользу маленькія итальянскія побѣды. Поэтому, немудрено, что на него падаетъ главная отвѣтственность, какъ на созидателя всего плана этой несправедливой и нелѣпой войны. Общественное мнѣніе Италіи такъ категорически высказалось относительно этого пункта, что Криспи, не смотря на все его самомнѣніе, пришлось подать въ отставку. Король Гумбертъ, не колеблясь, принялъ отставку министерства, и поручилъ образованіе новаго министерства генералу Рикотти, старому заслуженному боевому генералу, дѣлавшему кампанію 1848 года, крымскую, 1859 и 1866 годовъ. Генералъ Рикотти извѣстенъ, какъ реформаторъ итальянской арміи по германскому образцу. Онъ, кромѣ того, принадлежитъ къ оппозиціи, т. е. къ правой сторонѣ парламента, и пользуется большимъ нравственнымъ авторитетомъ, хотя и не слываетъ за ревностнаго приверженца тройственнаго союза. Дѣйствительнымъ же главой министерства, тѣмъ не менѣе, является маркизъ ди-Рудини, получившій постъ министра-президента.

Парламентское обѣдненіе Италіи представляетъ явленіе, почти небывалое въ исторіи; въ особенности въ послѣдніе два года, Криспи все конфисковалъ въ пользу своей собственной диктатуры. Среди этой удивительной посредственности только два человѣка сохранили свою индивидуальность,— Кавалотти и ди-Рудини. Кавалотти одаренъ замѣчательнымъ краснорѣчіемъ, съ помощью котораго онъ не разъ наносилъ Криспи тяжелые удары. Но по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, чрезвычайно радикальнымъ, съ которыми не могутъ примириться ни король, ни большинство избирателей, онъ пока ни въ какомъ случаѣ не можетъ разсчитывать на вліятельное положеніе. Напротивъ того, ди-Рудини, по своему происхожденію и по своему прошлому, принадлежитъ къ діаметрально противоположному политическому направленію: въ итальянской палатѣ депутатовъ онъ представляетъ правую сторону, т. е. ту партію, которая посвятила себя объединенію Италіи и программа которой, послѣ всѣхъ политическихъ превращеній, совершонныхъ Депретисомъ и Криспи, сохранила въ палатѣ только меньшинство. Эта партія имѣетъ ту странную особенность, что

Digitized by Google

министерство очень часто дѣйствуетъ вопреки ей въ послѣднія десять лѣтъ, но тѣмъ не менѣе, въ моменты кризисовъ, она легко можетъ сдѣлаться центромъ огромнаго большинства. Это-то именно и случилось въ настоящую минуту: благодаря маркизу ди-Рудини, настоящее министерство является представителемъ этой партіи.

Для политическаго дѣятеля съ его репутаціей, маркизъ ди-Рудини можетъ считаться еще почти молодымъ человѣкомъ: ему не болѣе пятидесяти пяти лѣтъ отъ роду; но, какъ дѣятель, онъ извѣстенъ лѣтъ тридцать. На этомъ поприщѣ онъ дебютировалъ блестящимъ образомъ. Въ 1866 году онъ былъ синдикомъ въ Палермо; въ этомъ городѣ вспыхнуло очень опасное сепаратистское движеніе, съ которымъ молодой синдикъ, однако, умѣлъ справиться, благодаря своей твердости и хладнокровію, безъ малѣйшаго кровопролитія. Такъ началась его политическая карьера. Въ 1869 г. генералъ Менабреа довѣрилъ ему портфель министра внутреннихъ дѣлъ; но его офиціальная роль вскорѣ прекратилась вслѣдствіе паденія министерства, и ди-Рудини, казалось, совершенно отказался отъ политической дѣятельности; однако, въ 1891 году онъ сталъ во главѣ правительства послѣ паденія перваго министерства Криспи.

Въ теченіе четырехъ лѣтъ, Криспи, этотъ послушный агентъ Бисмарка, дѣлалъ все возможное для того, чтобы вызвать новую войну между Германіей и Франціей,—войну, въ которой, какъ предполагалось, приметъ участіе и Италія. Къ счастію, Криспи не достигъ осуществленія этой цѣли и принужденъ былъ выйти въ отставку въ 1891 году. Маркизъ ди-Рудини не потерялъ ни минуты, чтобы возстановить самыя дружественныя сношенія между Квириналомъ и Парижемъ. Однако, ди-Рудини былъ всегда убѣжденнымъ приверженцемъ тройственнаго союза: въ 1891 году онъ его даже возстановилъ. Тѣмъ не менѣе, онъ всегда заявлялъ офиціально, что участіе Италіи въ этой политической комбинаціи ни въ какомъ случаѣ не исключаетъ ея дружественныхъ сношеній съ Франціею. Это политическое прошлое маркиза ди-Рудини не давало, однако, яснаго представленія о томъ, какой программы будетъ придерживаться новое министерство въ тяжелыхъ обстоятельствахъ, переживаемыхъ теперь Италіей. Поэтому, въ политическомъ мірѣ Европы не было недостатка въ самыхъ разнообразныхъ толкахъ о программѣ министерства Рудини-Рикотти. Такъ, въ Берлинѣ распространился слухъ, что маркизъ ди-Рудини, который сначала и слышать не хотѣлъ о дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ въ Абиссиніи, тѣмъ не менѣе присоединился къ программѣ генерала Рикотти, сводящейся къ тому, что Италіи, конечно, слѣдуетъ стремиться къ заключенію почетнаго мира съ Менеликомъ, но что войну должно продолжать до тѣхъ поръ, пока не будутъ возстановлены честь военнаго знамени и достоинство страны. Уступчивость, обнаруженную маркизомъ ди-Рудини, объясняли рѣшительнымъ образомъ дѣйствій короля Гумберта. Офиціаль-

Digitized by Google

ная «Tribuna», правда, опровергала слухъ о томъ, будто бы король грозилъ отречься отъ престола; король будто бы сказалъ только: «Миръ съ негусомъ можетъ подписать Викторъ-Эммануилъ II (т. е. нынѣшній наслѣдный принцъ, по восшествіи на престолъ), но Гумбертъ такъ поступить не можетъ». Если, дѣйствительно, эти слова были сказаны, то они пріобрѣтаютъ тѣмъ большее значеніе, что между королемъ и принцемъ неаполитанскимъ произошла, какъ разсказываютъ, нѣсколько бурная сцена. Принцъ, давно уже не одобрявшій злополучной африканской войны, отозвался, какъ увѣряютъ, въ пренебрежительныхъ выраженіяхъ о послѣднихъ военныхъ дѣйствіяхъ въ Абиссиніи, противъ чего король горячо протестовалъ.

Въ вопросѣ о военной организаціи, Рикотти и ди-Рудини, повидимому, уступили нѣкоторымъ условіямъ, поставленнымъ королемъ Гумбертомъ. Генералъ Рикотти чуть не всю свою жизнь постоянно ратовалъ за сокращеніе числа армейскихъ корпусовъ съ двѣнадцати на десять. Но такъ какъ король на это никакъ не соглашался, то генералъ уступилъ, но при этомъ, въ видахъ сбереженій, выговорилъ себѣ право преобразовать существующіе 24 артиллерійскихъ полка съ 192 батареями шестиорудійнаго состава въ 12 полковъ съ 144 батареями восьмиорудійнаго состава. Число орудій остается прежнимъ, т. е. 1,152. Сверхъ того, Рикотти предполагаетъ упразднить шестой эскадронъ въ каждомъ изъ кавалерійскихъ полковъ и четвертыя роты въ нѣкоторыхъ полкахъ и въ полкахъ берсальеровъ, по штатамъ мирнаго времени. Четвертыя роты будутъ отнынѣ формируемы лишь при переходѣ арміи съ мирнаго положенія на военное. Сбереженія, которыя будутъ достигнуты такимъ образомъ, будутъ употреблены на улучшеніе качества войскъ. Военный бюджетъ установленъ неизмѣнно въ 232 милліона лиръ.

Что касается третьяго пункта приписываемой королю Гумберту программы, т. е. о сохраненіи тройственнаго союза, то ни ди-Рудини, ни генералъ Рикотти, какъ кажется, не возражали, потому что срокъ союзныхъ договоровъ съ Германіей и Австріей еще не истекъ. По этому пункту, въ консервативномъ органѣ «Opinione» была напечатана статья, гдѣ было сказано, что французы ошибаются, считая маркиза ди-Рудини противникомъ тройственнаго союза. «Чувство собственнаго достоинства,—прибавляетъ эта газета,—въ Италіи еще не исчезло, какъ не исчезла вѣрность международнымъ договорамъ». Все это, конечно, вѣрно, но во всемъ есть, по латинской поговоркѣ, modus in rebus, и не подлежитъ сомнѣнію, что маркизъ ди-Рудини не станетъ держаться вызывающаго образа дѣйствій своего предмѣстника.

Во всякомъ случаѣ, пробѣгая газеты, нельзя не замѣтить, что новое итальянское министерство, сформированное ди-Рудини и генераломъ Рикотти, не можетъ пожаловаться на антипатіи со стороны Европы. Наиболѣе

Digitized by Google

авторитетные органы заграничной печати отзываются о министерствѣ ди-Рудини съ полнымъ сочувствіемъ, причемъ сужденія о немъ германскихъ и австрійскихъ газетъ немного расходятся съ отзывами выдающихся французскихъ газетъ. Германская офиціозная «Norddeutche Allgemeine Zeitung», между прочимъ, говоритъ: «Каковы бы ни были рѣшенія, которыя кабинетъ ди-Рудини приметъ, какъ относительно дальнѣйшаго образа дѣйствій въ Эритреѣ, такъ и внутреннихъ реформъ, во всякомъ случаѣ положеніе вещей требуетъ миролюбивой политики, которой держится неизмѣнно и тройственный союзъ. Въ бытность свою, въ 1891 году, министромъ-президентомъ, ди-Рудини, какъ извѣстно, возобновилъ союзные договоры и слѣдовалъ искренней и честной политикѣ, поддерживая въ особенности съ Германіей самыя дружескія отношенія. Вотъ почему мы вполнѣ увѣрены въ томъ, что при новомъ министерствѣ ди-Рудини не произойдетъ въ этомъ отношеніи никакой перемѣны, тѣмъ болѣе, что портфель министра иностранныхъ дѣлъ врученъ такому высокоуважаемому лицу, какъ герцогъ ди-Сермонета. Новое итальянское министерство тѣмъ болѣе можетъ разсчитывать на одобреніе и поддержку Германіи, что лица, его составляющія, пользуются репутаціей людей, держащихся принципа мирнаго упроченія внутри страны, безъ всякихъ непріязненныхъ намѣреній въ области внѣшнихъ сношеній». Парижская газета «Temps», въ свою очередь, называя маркиза ди-Рудини «the right man in the right place» и констатируя, что онъ съумѣлъ прекрасно составить свое министерство, продолжаетъ: «Правительство, членами котораго, не говоря уже о самомъ премьерѣ, состоятъ такіе дѣятели, какъ генералъ Рикотти, герцогъ Каэтано ди-Сермонета и гг. Перанци, Бринъ, Коломбо и Бранка,—не оставляетъ никакихъ сомнѣній насчетъ его дѣйствительныхъ намѣреній. Поставивъ во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ герцога Сермонета, маркизъ ди-Рудини не только пожелалъ отличить своего вѣрнаго соратника, одного изъ членовъ древнѣйшаго рода римской аристократіи, настоящаго вельможу, искренно преданнаго савойскому дому, но также руководствовался при этомъ и политическими соображеніями. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что герцогъ не порветъ связи съ тройственнымъ союзомъ; но, съ другой стороны, онъ врядъ ли будетъ держаться такого вызывающаго образа дѣйствій, какъ г. Криспи. Съ этой точки зрѣнія, безъ всякой задней мысли, мы сердечно радуемся тому, что, благодаря лойяльности короля Гумберта и твердости маркиза ди-Рудини, Италіи открывается возможность пережить столь опасный кризисъ. Новое итальянское правительство—правительство чистосердечное, исполненное добрыхъ намѣреній и пользующееся хорошею репутаціей. Оно имѣетъ право на симпатіи всѣхъ друзей мира и всѣхъ друзей Италіи».

Декларація, прочитанная въ палатѣ депутатовъ маркизомъ ди-Рудини,—декларація, въ которой выяснены существенные пункты министерской

Digitized by Google

программы,—какъ и слѣдовало ожидать, подтвердила догадки и надежды печати. Маркизъ ди-Рудини въ этой декларацiи началъ съ привѣтствiя «несчастныхъ, но храбрыхъ» войскъ, которыхъ «повели въ бой безъ всякаго приготовленiя», и тутъ же прибавилъ, что еще Криспи, узнавъ о пораженiи итальянскихъ войскъ при Адуѣ, предоставилъ генералу Балдиссера принятiе всѣхъ мѣръ, которыхъ можетъ потребовать положенiе вещей, не останавливаясь даже передъ очищенiемъ Адиграта и Кассалы. Затѣмъ министръ-президентъ прибавилъ, что, уже черезъ недѣлю послѣ боя при Адуѣ, генералъ Балдиссера получилъ «приглашенiе приступить къ мирнымъ переговорамъ съ Менеликомъ на возможно болѣе выгодныхъ условiяхъ». Маркизъ ди-Рудини, однако, не объяснилъ, кѣмъ было послано это приглашенiе, но во всякомъ случаѣ оно не могло быть послано нынѣшнимъ министерствомъ, такъ какъ въ то время оно не находилось еще у кормила власти; не могло оно быть также послано и министерствомъ Криспи, потому что министерство Криспи, вслѣдъ за полученiемъ извѣстiя о пораженiи при Адуѣ, подало въ отставку. Приходится такимъ образомъ заключить, что «приглашенiе» было отправлено самимъ королемъ Гумбертомъ, который, повидимому, принужденъ былъ сдѣлать этотъ шагъ, не смотря на то, что за нѣсколько еще дней до этого онъ настаивалъ на продолженiи войны. Во всякомъ случаѣ, этимъ заявленiемъ ди-Рудини, новое министерство отклоняетъ отъ себя обвиненiе въ излишней робости и уступчивости.

Этимъ, однако, не оканчивается декларацiя относительно вопроса объ африканскихъ дѣлахъ. Маркизъ ди-Рудини заявилъ, что хотя правительство и признаётъ желательность мира, заключеннаго въ возможно близкомъ будущемъ, оно однако не думаетъ, что слѣдуетъ жертвовать достоинствомъ страны для того, чтобы какъ можно скорѣе добиться этой цѣли. Начатые уже переговоры должны клониться болѣе къ тому, чтобы «создать положенiе вещей, фактически отвѣчающее интересамъ Италiи», чѣмъ къ поспѣшному заключенiю мирнаго договора, и пока эта цѣль не будетъ достигнута, пріостановка военныхъ дѣйствiй не можетъ состояться. Такое заявленiе нѣсколько грѣшитъ неясностью. Однако, съ нѣкоторымъ усилiемъ, въ немъ возможно разобраться и въ концѣ концовъ выяснить сокровенную мысль маркиза ди-Рудини. Дѣло въ томъ, что ди-Рудини, болѣе чѣмъ кому нибудь, прекрасно извѣстно, что продолженiе военныхъ дѣйствiй въ Африкѣ физически невозможно, такъ что заключенiе мирнаго договора становится неизбѣжнымъ, но, разумѣется, министерство будетъ стараться, чтобы условiя этого договора не были слишкомъ тягостны для Италiи. Ничего другаго въ заявленiи маркиза ди-Рудини нѣтъ, если не предполагать скрытой мысли, что мирный договоръ будетъ лишь временнымъ, и что Италiя оставляетъ за собой право возобновить войну при болѣе благопрiятныхъ для себя условiяхъ. Такимъ образомъ, предпола-

Digitized by Google

гаемый миръ съ Менеликомъ превращается въ простое перемиріе. Однако, такъ какъ на простое перемиріе Менеликъ можетъ и не согласиться, видя въ немъ средство для итальянскаго правительства выиграть время и приготовиться къ дальнѣйшей борьбѣ, то министерство и оказалось вынужденнымъ теперь же заявить, что оно не только не сочувствуетъ «политикѣ расширенія» г. Криспи и не желаетъ завоеванія Тигрэ, но еще готово, при заключеніи мира, отказаться отъ протектората надъ Абиссиніей, т. е. готово разорвать уччіальскій договоръ. Дѣло такимъ образомъ все таки сводится на миръ, и, можетъ быть, на миръ безъ всякихъ затаенныхъ надеждъ на реваншъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Если принять во вниманіе, что Менеликъ вовсе не сторонникъ войны съ Италіей и предпочитаетъ «плохой миръ худой войнѣ»,—то декларація маркиза ди-Рудини можетъ его вполнѣ удовлетворить, потому что всѣ его цѣли такимъ образомъ будутъ достигнуты. Вѣдь негусъ и войну-то затѣялъ съ цѣлью вынудить Италію на признаніе полной независимости Абиссиніи, и маркизъ ди-Рудини своей декларацiей какъ бы заявляетъ, что этой цѣли Менеликъ достигъ. Вообще въ вопросѣ о войнѣ министерство, повидимому, будетъ придерживаться политики, которую и прежде приписывали маркизу ди-Рудини.

То же самое можно сказать и о вопросѣ о дальнѣйшемъ участіи Италіи въ тройственномъ союзѣ. Никто серьезно не ожидалъ, чтобы итальянское правительство, при теперешнихъ неблагопріятныхъ для него обстоятельствахъ, могло сразу отказаться отъ тройственнаго союза, срокъ котораго къ тому же еще и не окончился. Каковы бы ни были дальнѣйшіе планы министерства въ этомъ отношеніи, оно теперь могло только подтвердить участіе Италіи въ тройственномъ союзѣ, тѣмъ болѣе, что, при нынѣшнемъ тяжеломъ положеніи Италіи, ей ни въ какомъ случаѣ нѣтъ разсчета отказываться отъ дальнѣйшей поддержки, хотя бы и платонической, такихъ союзницъ, какъ Германія и Австрія. Въ этомъ именно духѣ и было сдѣлано заявленіе въ декларацiи о тройственномъ союзѣ. Остается только открытымъ вопросъ: можетъ ли фактически продолжаться участіе Италіи въ тройственномъ союзѣ? Но этотъ вопросъ не можетъ входить въ теперешнія заботы министерства и можетъ разрѣшиться только въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ.

Свою декларацію маркизъ ди-Рудини кончилъ тѣмъ, что министерство не требуетъ отъ палаты выраженія довѣрія, а «постарается его заслужить». Это былъ очень остроумный и ловкій намекъ на диктаторскія замашки Криспи. Въ виду того, что нынѣшняя палата въ большинствѣ состоитъ изъ вчерашнихъ единомышленниковъ Криспи, это заявленіе очень ловко устраняетъ попытки друзей Криспи поколебать положеніе новаго министерства. Немудрено поэтому, что палата сдѣлала новому министерству и его декларацiи вполнѣ сочувственный пріемъ.

Digitized by Google

По поводу этой декларации считаемъ нужнымъ привести отзывъ о ней газеты «Journal de St.-Pétersbourg». «Декларація эта,—говоритъ газета,—оказалась такою, какой слѣдовало ожидать отъ великаго политическаго ума этого государственнаго человѣка. Она произвела отличное впечатлѣніе на палату, и есть основаніе предполагать, что и страна отнесется къ ней благопріятно. Воздавъ должную дань похвалы мужеству итальянскихъ войскъ, которымъ приходилось вести борьбу при столь трудныхъ условіяхъ, правительственный ораторъ констатировалъ, что съ королемъ Менеликомъ начаты мирные переговоры. Онъ заявилъ, что съ своей стороны итальянское правительство отказывается ото всякой политики расширенія и не желаетъ завоеванія Тигрэ; притязаніе на протекторатъ Италіи надъ Абиссиніей не входитъ въ число условій мира. Эта умѣренная рѣчь президента совѣта министровъ должна удовлетворить вообще общественное мнѣніе въ Италіи. Съ самаго начала казалось немыслимымъ полное очищеніе Эритреи, какъ того требовали нѣкоторыя группы палаты, въ томъ числѣ нѣсколько депутатовъ правой. Съ тѣхъ поръ размышленіе и чувство патріотизма безспорно заставили друзей маркиза ди-Рудини на этомъ не настаивать. Что касается до роли Италіи въ тройственномъ союзѣ, возбуждавшей за послѣднее время такъ много толковъ, то маркизъ ди-Рудини почелъ нужнымъ заявить, что въ этомъ отношеніи никакихъ перемѣнъ не произошло. Въ этомъ, впрочемъ, трудно было сомнѣваться, такъ какъ союзные договоры были возобновлены самимъ маркизомъ ди-Рудини, въ бытность его первымъ министромъ въ 1891 году. Заслуживаетъ вниманія замѣчательный тактъ, который обнаружилъ президентъ совѣта, не требуя выраженія довѣрія. Онъ, вѣроятно, почелъ неделикатнымъ поставить депутатовъ, поддерживавшихъ до тѣхъ поръ г. Криспи, въ неловкое положеніе. Итальянскій народъ такъ культуренъ и обладаетъ такимъ тонкимъ политическимъ чутьемъ, что такого рода недомолвки вообще принимаются и оцѣниваются по достоинству. Впрочемъ, рѣчь произвела надлежащее дѣйствіе, такъ какъ палата единогласно признала неотложность требованія кредита на чрезвычайные расходы».

Мы привели эту замѣтку нашего дипломатическаго органа, потому что политическому хроникеру рѣдко выпадаетъ на долю возможность имѣть подъ руками такой важный и интересный документъ. Этотъ документъ тѣмъ болѣе интересенъ, что онъ открываетъ дѣйствительныя намѣренія Россіи. Повидимому, Россія не останется безучастной въ вопросѣ объ абиссинской войнѣ. Въ числѣ самыхъ разнообразныхъ слуховъ, нѣкоторые петербургскіе корреспонденты иностранныхъ газетъ, между прочимъ, утверждаютъ, что негусъ Менеликъ обратился къ Россіи съ просьбою оказать ему содѣйствіе при заключеніи мира на условіяхъ одинаково почетныхъ, какъ для него, такъ и для итальянскаго правительства. Россія, искренно

Digitized by Google

желающая возстановленія дружественныхъ отношеній между Италіей и Абиссиніей, предполагаетъ, будто бы, послать къ негусу старшаго совѣтника русскаго посольства при квириналькомъ дворѣ, барона Мейендорфа, только что назначеннаго посланникомъ въ Лиссабонъ. Однако, этому извѣстію едва ли можно довѣрять; оно опровергается одновременно какъ изъ Рима, такъ и изъ Лиссабона. Въ Римѣ не вѣрятъ этому извѣстію, потому что слабое здоровье барона Мейендорфа врядъ ли позволитъ ему предпринять столь продолжительное и утомительное путешествіе, а въ Лиссабонѣ утверждаютъ, что новаго посланника ожидаютъ тамъ уже на дняхъ.

Съ другихъ сторонъ, носятся слухи, что заключеніемъ мира между Италіей и Абиссиніей очень интересуется король бельгійскій. Увѣряютъ, будто бы Леопольдъ II получилъ отъ Менелика, съ которымъ онъ съ 1887 года довольно часто обмѣнивается письмами, тотчасъ послѣ адуанской битвы, телеграмму, въ которой негусъ предлагаетъ королю взять на себя посредничество по дѣлу заключенія мира съ Италіей. Леопольдъ II тотчасъ передалъ содержаніе полученной имъ телеграммы королю Гумберту. Наконецъ, сообщали, что и англійскій премьеръ, маркизъ Салисбюри, предложилъ свои добрыя услуги негусу, но вслѣдъ за тѣмъ отказался отъ посредничества, узнавъ, что Менеликъ предъявляетъ условія, на которыя Италія безъ ущерба своему достоинству никакъ согласиться не можетъ.

Послѣднему извѣстію едва ли можно довѣрять, потому что хотя у насъ и нѣтъ точныхъ извѣстій о томъ, къ чему сводятся требованія Менелика, они, во всякомъ случаѣ, едва ли во многомъ расходятся съ тѣми, о которыхъ въ общихъ чертахъ упомянулъ въ своей декларації маркизъ ди-Рудини. По всему видно, что негусъ настроенъ миролюбиво и ведетъ переговоры очень добродушно,—такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаютъ извѣстія, полученныя отъ майора генеральнаго штаба Зальца. Негусъ не только ничего не имѣетъ противъ того, чтобъ правителемъ Тигрэ было назначено пріятное Италіи лицо, но, кромѣ того, онъ обнаруживаетъ большую уступчивость относительно начатія правильныхъ переговоровъ. Когда Менеликъ выразилъ желаніе, чтобы генералъ Балдиссера былъ уполномоченъ королемъ вести переговоры, Зальцъ отвѣтилъ, что желаніе это вполнѣ справедливо, но что до полученія королевской грамоты пройдетъ, по крайней мѣрѣ, двадцать пять дней. «Это пустяки,—возразилъ негусъ,—мы можемъ ждать, тѣмъ болѣе, что у васъ и у насъ найдется немало дѣла».

Что у итальянцевъ въ Эритреѣ найдется немало дѣла—въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Приходящія оттуда извѣстія показываютъ, что новый главнокомандующій нашелъ тылъ экспедиціоннаго отряда въ самомъ жалкомъ состояніи. По мѣрѣ того какъ получаются новыя и

Digitized by Google

болѣе точныя извѣстія о положеніи, въ которомъ находился экспедиціонный отрядъ до адуанской битвы, все болѣе и болѣе обнаруживается легкомысліе Криспи и Баратіери. Оказывается, что войска терпѣли крайнюю нужду, такъ какъ не хватало провіанта даже для офицеровъ. Кромѣ того, Баратіери и другіе военачальники въ экзотическихъ странахъ предавались разнымъ излишествамъ. Его продолжительное бездѣйствіе и разстройство нервъ объясняютъ извѣстною поговоркою: «cherchez la femme». Вдобавокъ, Баратіери оказывается алкоголикомъ, — явленіе очень рѣдкое между итальянцами. Въ римскихъ гостинныхъ разсказываютъ, что еще до адуанской битвы король жаловался Криспи на неспособность главнокомандующаго. Криспи отвѣтилъ, что это его нисколько не удивляетъ, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что Баратіери—алкоголикъ. «Вы это знали,—воскликнулъ король,—и оставляете его на такомъ отвѣтственномъ посту»!

Разумѣется, что все это нисколько не мѣшаетъ органамъ Криспи ругать новое министерство за его желаніе заключить миръ. Одинъ изъ этихъ органовъ, развязная и чрезвычайно нахальная газетка «Tribuna», называетъ новыхъ министровъ симонистами, колдунами, ворами, сводниками и другими эпитетами, заимствованными изъ «Божественной комедіи» Данте, en toutes lettres, и грозитъ имъ жестокою расправою со стороны негодующей будто бы страны. Маркизу ди-Рудини, конечно, остается только не обращать ни малѣйшаго вниманія на всѣ эти пошлыя выходки.

Само собою разумѣется, что для Европы не столько важны внутреннія дѣла Италіи, сколько вопросъ о судьбѣ тройственнаго союза, серьезно пошатнувшагося вслѣдствіе адуанскаго пораженія. И, повидимому, этотъ вопросъ сильно занимаетъ европейскую дипломатію, какъ это, между прочимъ, доказывается поѣздкой австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ графа Голуховскаго въ Берлинъ для свиданія съ канцлеромъ Германской имперіи, Гогенлоэ. До сихъ поръ полагали, что графъ Голуховскій отправился въ Берлинъ съ цѣлью, главнымъ образомъ, условиться насчетъ той формы поддержки, какую Германія и Австрія могутъ или должны оказать Италіи въ ея нынѣшнихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ. Множество извѣстій, шедшихъ изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ, указывали на то, что именно такова въ настоящую минуту цѣль берлинскихъ и вѣнскихъ дипломатовъ. Извѣстія эти подтвердились, и теперь ни для кого не тайна, что графъ Голуховскій совѣщался съ императоромъ Вильгельмомъ и канцлеромъ Гогенлоэ о болѣе тѣсномъ сближеніи двухъ державъ, участвующихъ въ тройственномъ союзѣ, причемъ, о третьей державѣ не упоминается ни слова. О дальнѣйшемъ фактическомъ участіи Италіи въ тройственномъ союзѣ, въ сущности, не можетъ быть и рѣчи; это участіе можетъ быть только номинальнымъ, да и то лишь до той

Digitized by Google

поры, пока не кончится срокъ союзныхъ договоровъ. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что во время этихъ совѣщаній не разъ былъ затронутъ вопросъ о томъ, чтб могутъ сдѣлать Германія и Австрія для бывшей ихъ союзницы Италіи, столь тяжко пострадавшей? Едва ли можетъ быть въ этомъ отношеніи какая либо рѣчь о «матеріальной» поддержкѣ. Офиціозные и официальные органы двухъ имперій, очень много распространяясь о поддержкѣ Италіи, тѣмъ не менѣе совѣтуютъ ей обратиться за денежной помощью къ Англіи, какъ бы давая понять этимъ, что Италія ни въ какомъ случаѣ не можетъ разсчитывать на денежную помощь ни со стороны Германіи, ни со стороны Австріи. Въ этомъ отношеніи, Италіи рѣшительно нельзя разсчитывать на своихъ бывшихъ союзницъ. Конечно, графъ Голуховскій, во время совѣщаній въ Берлинѣ, вѣроятно, только мимоходомъ коснулся этого предмета, который, разумѣется, былъ рѣшенъ раньше, и окончательно. Главная цѣль этихъ совѣщаній заключалась, конечно, въ болѣе существенномъ вопросѣ, а именно о томъ, нельзя ли тройственный союзъ, теперь пошатнувшійся, какъ нибудь укрѣпить и привлечь къ нему одну изъ другихъ державъ. Можно сомнѣваться въ успѣхѣ этихъ совѣщаній. И теперь уже совершенно ясно, что тройственный союзъ доживаетъ свои послѣдніе дни. Послѣ всѣхъ успѣховъ, одержанныхъ Россіей въ международной политикѣ за послѣдніе шесть мѣсяцевъ, послѣ нравственной поддержки, которую Россія оказывала и оказываетъ Франціи, становится яснымъ, что новая и на этотъ разъ болѣе раціональная группировка европейскихъ державъ необходима. Не о какомъ либо новомъ союзѣ,—очевидно, мало вѣроятномъ,—могутъ думать теперь Австро-Венгрія и Германія, а о сближеніи съ Россіей и Франціей. Только въ этомъ сближеніи и находится залогъ европейскаго мира, которому до сихъ поръ угрожалъ тройственный союзъ. О такомъ именно поворотѣ международной политики за послѣднее время немало говорила иностранная печать, почерпающая свои свѣдѣнія, въ большинствѣ случаевъ, изъ довольно достовѣрныхъ источниковъ. Можно предположить, не боясь грубо ошибиться, что именно къ такому выводу пришли и дипломаты, совѣщавшіеся еще такъ недавно въ Берлинѣ. О результатахъ этихъ совѣщаній мы, конечно, узнаемъ скоро, если не изъ официальныхъ заявленій, то изъ дипломатическихъ попытокъ, которыя предпримутъ въ этомъ направленіи двѣ имперіи.

Digitized by Google

НОВЫЯ КНИГИ.

К. Бальмонтъ. **Въ безбрежности. Москва, 1896.**

Съ симпатическимъ дарованіемъ г. Бальмонта наши читатели отчасти знакомы по тѣмъ стихотвореніямъ, которыя были помѣщаемы въ нашемъ журналѣ. Обладая настоящимъ (а не призрачнымъ, какъ нѣкоторые другіе современные поэты) поэтическимъ талантомъ, г. Бальмонтъ не захотѣлъ идти по протоптанной дорогѣ старой поэтической школы и примкнулъ къ «новѣйшей» школѣ, которая наиболѣе соотвѣтствовала характеру его творчества. Эта школа зародилась впервые во Франціи, но довольно быстро нашла послѣдователей не только въ другихъ странахъ западной Европы, но также и въ Россіи. Эту школу называютъ то «декадентствомъ», то «символизмомъ», часто путая эти два термина, которые и сами по себѣ не опредѣляютъ ни задачъ, ни цѣлей, на направленія новой школы. Нелѣпо называть декадентствомъ,—т. е. въ переводѣ на русскій языкъ: «упадкомъ»—всякій самобытный починъ въ искусствѣ и въ поэзіи только потому, что въ немъ выражается стремленіе отыскать новый поэтическій идеалъ. Невѣрно также и слово «символизмъ», потому что символъ, т. е. чувственный образъ, черезъ который сквозитъ идея, не есть какой-то особенный и невѣдомый поэтическій элементъ, принадлежащій одной какой либо школѣ: онъ,—если взять это слово въ самомъ точномъ смыслѣ,—составляетъ удѣлъ всякой истинной поэзіи, начиная съ Гомера или Данте и кончая Пушкинымъ. Къ сожалѣнію, большинство критиковъ,—противниковъ или поклонниковъ новой школы,—путаютъ эти термины, или искажая ихъ, или не понимая ихъ точнаго значенія. Противники имѣютъ обыкновеніе браниться словомъ «декадентъ»,—синонимомъ психопата. У нихъ и «символизмъ» есть укоризненная кличка означающая человѣка, который говоритъ и пишетъ вздоръ, самъ не понимая того, что онъ изрекаетъ. Поклонники же обыкновенно избѣгаютъ слова декадентъ, какъ очевидно браннаго, но зато съ восторгомъ принимаетъ символизмъ, который, по ихъ мнѣнію, является квинтъ-эссенціей новѣйшей поэзіи, долженствующей доказать, что только въ нашъ вѣкъ какого-то невѣдомаго идеализма возникаетъ истинная поэзія, которая упразднитъ окончательно всѣхъ прежнихъ поэтическихъ кумировъ. Съ

Digitized by Google

такими поклонниками и съ такими противниками, очевидно, безполезно разсуждать.

Новая школа до сихъ поръ мало опредѣлилась и говорить что либо о ея будущемъ было бы рискованно; въ ней замѣтны большія колебанія, большая неувѣренность и значительная даже неопредѣленность; къ тому же ей вредятъ,—какъ всегда и вездѣ, впрочемъ,—нелѣпые и глупые послѣдователи, которые своимъ вздоромъ, иногда превосходящимъ всякое вѣроятіе, только извращаютъ добрыя начинанія. Но, если принять во вниманіе, что въ этой школѣ обнаружилось лучшаго и наиболѣе трезваго, то окажется, что собственно новаго въ этой школѣ очень мало, что она осталась вѣрна традиціямъ всякой поэзіи, хотя, можетъ быть, она слишкомъ односторонне и исключительно избрала направленіе идеалистическое, а отчасти даже мистическое,—направленіе, которое и въ прежней поэзіи существовало наравнѣ и въ гармоніи съ другими направленіями. Эта исключительность, — въ особенности тогда, когда поэтъ излишне увлекается мистическимъ элементомъ,—и придаетъ новой школѣ тотъ видъ нетрезвости, болѣзненности, который, само собой разумѣется, не говоритъ въ пользу блестящей будущности этой поэзіи. Но какъ одинъ изъ элементовъ поэзіи, и эта школа имѣетъ право на существованіе, до тѣхъ поръ пока она будетъ отвѣчать душевнымъ и умственнымъ потребностямъ общества.

Нельзя сказать, чтобы г. Бальмонтъ принадлежалъ къ самымъ трезвымъ и уравновѣшеннымъ представителямъ новѣйшей школы: и онъ, повидимому, не въ мѣру увлекается подчасъ какими-то мистическими порываніями, которыя и для него самого по всей вѣроятности не имѣютъ опредѣленнаго смысла. Самая большая опасность такого увлеченія заключается въ томъ, что поэтъ, увлеченный мистическимъ элементомъ, часто теряетъ инстинктъ образности, безъ котораго не можетъ быть никакой поэзіи, никакого искусства. Образъ, выражающій извѣстную мысль или чувство, вскорѣ теряетъ свою тѣлесную пластическую оболочку и становится предметомъ безъ очертаній, чѣмъ-то безформеннымъ и туманнымъ, въ которомъ утопаетъ чаще всего и самая мысль или чувство. Однако, слѣдуетъ прибавить, что г. Бальмонтъ, при его довольно крупномъ поэтическомъ дарованіи, въ большинствѣ случаевъ, не поддается этому «духу искушенія» и пребываетъ въ области истинной поэзіи. Такія стихотворенія, какъ «Лебедь», «Въ пустынѣ безбрежнаго моря», «Баюшки-баю», «Мы шли въ золотистомъ туманѣ», «Не буди воспоминаній». Не волнуй меня», «Слова любви», «Смѣшались дни и ночи», и нѣкоторыя другія,—могли бы сдѣлать честь любому изъ старыхъ писателей, сохранившихъ за собою славу истинныхъ поэтовъ. По духу и элементамъ своего творчества, г. Бальмонтъ во многомъ примыкаетъ къ Шелли, передъ которымъ онъ преклоняется и котораго мастерски переводитъ. Онъ, подобно

Digitized by Google

Шелли,—идеалистъ, хотя до сихъ поръ его идеализмъ выражается довольно туманно. Стихъ г. Бальмонта—изящный и звучный, чѣмъ не могутъ похвалиться другіе наши молодые поэты.

Древне-греческіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Составилъ *В. Алексѣевъ* С.-Петербургъ, 1895 г.

Объемистая книга (около тысячи страницъ большаго формата и убористой печати), посвященная г. Алексѣевымъ древне-греческимъ поэтамъ, представляетъ очень детальную, очень большую христоматію по греческой поэзіи. Если не ошибаемся, даже въ западно-европейскихъ литературахъ не найдется такой детальной христоматіи. Этой христоматіи предшествуетъ подробный и хорошо написанный очеркъ исторіи древне-греческой поэзіи затѣмъ слѣдуютъ образцы (въ русскихъ переводахъ разныхъ лицъ): антологіи, Гомера, Гезіода, Тиртея, Сафо, Солона, Анакреона, Эсхила, Пиндара, Софокла, Еврипида, Аристофана и др., причемъ образцамъ изъ каждаго поэта (въ одной антологіи помѣщено двадцать девять поэтовъ) предшествуетъ столь же подробная біографія, а подъ текстомъ произведеній встрѣчаются необходимыя поясните льныя примѣчанія. Вообще г. Алексѣеву надо отдать справедливость: онъ много потрудился для этой христоматіи и выполнилъ свой трудъ чрезвычайно тщательно, съ большимъ знаніемъ дѣла и съ любовью къ предмету. Однако, мы не понимаемъ, съ какою именно цѣлью г. Алексѣевъ предпринялъ и издалъ такой обширный трудъ. Какъ пособіе при изученіи греческой поэзіи въ гимназіяхъ и даже въ университетахъ, такая христоматія едва ли можетъ быть пригодна. Для гимназій она слишкомъ обширна: въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ исторія греческой литературы преподается слишкомъ поверхностно и даже, можно сказать, случайно, и такое пособіе могло бы только затруднять преподаваніе. Что же касается университетовъ, то даже такая обширная христоматія недостаточна и не нужна, потому что въ классическомъ отдѣленіи филологическаго факультета греческихъ поэтовъ изучаютъ въ подлинникахъ, а не въ переводахъ, еслибы даже эти переводы и были сдѣланы вполнѣ образцово. Просто для образованныхъ людей, которые не изучаютъ спеціально греческой поэзіи, но пожелали бы познакомиться съ нѣкоторыми выдающимися произведеніями античной Греціи, изданіе г. Алексѣева точно также не годится, — оно слишкомъ детально. Образованный человѣкъ можетъ пожелать ближе познакомиться съ Гезіодомъ и Эсхиломъ, но едва ли его заинтересуетъ въ какомъ бы то ни было отношеніи Антипатръ Сидонскій, Антифилъ, Демодонъ, Демохаръ, Палодъ, Пинидъ или Эзопъ и всѣ другіе поэты, собранные въ антологіи. Еслибы г. Алексѣевъ увеличилъ свое изданіе еще на одинъ такой же томъ, то въ него вошла бы вся греческая поэзія цѣликомъ, а не въ образцахъ только. Это было бы, можетъ быть, полезнѣе, чѣмъ простая христоматія, всегда страдающая значительными пробѣлами, какъ бы обширна она ни была.

Digitized by Google

Какъ велики выдержки изъ различныхъ поэтовъ, можно судить по слѣдующему: «Иліадѣ» посвящена 51 страница, «Одиссеѣ»—58 страницъ; Эсхилу—110 страницъ, Софоклу—146 страницъ, Еврипиду—228 страницъ и, наконецъ, Аристофану—172 страницы. Такимъ образомъ, можно считать, что изъ каждаго поэта въ христоматію попала половина того, что онъ написалъ, и что дошло до насъ отъ его произведеній, причемъ по количеству страницъ, удѣленныхъ каждому поэту, не была соблюдена относительная важность и художественное значеніе каждаго изъ нихъ. Такъ напримѣръ, Еврипиду отведено почти вдвое больше мѣста, чѣмъ Софоклу, между тѣмъ какъ по своему художественному значенію Софоклъ стоитъ неизмѣримо выше Еврипида. Аристофану отведено еще больше мѣста; конечно, этотъ писатель имѣетъ огромное значеніе, въ особенности съ точки зрѣнія быта и жизни греческаго народа въ его время, но его художественное значеніе для насъ умаляется тѣмъ обстоятельствомъ, что его произведенія не всегда удобны въ чтеніи и едва ли — если принять во вниманіе наши нравы,—могутъ быть переводимы дословно; по временамъ, откровенный цинизмъ въ произведеніяхъ Аристофана доходитъ до самой невѣроятной распущенности, что, впрочемъ, не исключаетъ громаднаго художественнаго значенія великаго комическаго писателя: нравы греческаго народа вполнѣ допускали этотъ цинизмъ; но въ наше время, да еще въ переводѣ, этотъ цинизмъ не позволителенъ. Французскіе, нѣмецкіе и англійскіе переводчики, обыкновенно, передаютъ эти циническія выраженія и выходки какой нибудь приличной перифразой, причемъ, въ примѣчаніи, въ точности передаютъ греческій текстъ въ латинскомъ дословномъ переводѣ. У насъ, кажется, и этого не дѣлается. Намъ извѣстна только одна попытка въ этомъ родѣ. Лѣтъ десять тому назадъ, г. Чуйко издалъ двѣ комедіи Аристофана: «Ахарняне» и «Птицы», причемъ неудобныя мѣста передавалъ по русски невинной перифразой, а въ примѣчаніяхъ давалъ точный латинскій переводъ. Этого правила не соблюдаетъ г. Алексѣевъ: у него всѣ циническія выраженія прямо стушеваны или исключены. Такимъ образомъ, въ чтеніи перевода самый тонъ и характеръ Аристофана до извѣстной степени теряются. Къ тому же, г. Алексѣевъ въ большинствѣ случаевъ даетъ греческихъ поэтовъ въ стихотворныхъ переводахъ, и только нѣкоторые помѣщены въ прозѣ. Когда дѣло касается такихъ переводовъ, какъ напр., Гнѣдича—«Иліады» или Жуковскаго—«Одиссеи», то съ такой системой еще можно примириться, но она едва ли имѣетъ оправданіе по отношенію къ обыкновеннымъ переводчикамъ. Стихотворный переводъ, по необходимости, не передаетъ цѣликомъ оригинала; требованія стихотворной формы заставляютъ переводчика отступать отъ подлинника и измѣнять его, по крайней мѣрѣ, въ формѣ выраженія мысли, если не въ самой мысли. Для христоматіи, которая по своей обширности и плану должна почти исключительно замѣнять

Digitized by Google

оригиналъ, — такая стихотворная форма перевода является ненаучной вольностью, едва ли оправдываемой чѣмъ либо. Было бы, поэтому, гораздо лучше, еслибы всѣ «образцы» въ христоматіи г. Алексѣева были переведены прозой съ возможной точностью.

Разводъ и положеніе женщины. *М. И. Кулишера.* С.-Петербургъ, 1896 г.

Справедливо находя, что данныя этнографіи и исторіи культуры должны оказать громадную услугу при изученіи вопросовъ права, авторъ задался цѣлью подробно изслѣдовать формы развода въ различныя стадіи исторической жизни человѣчества. Пользованіе матеріалами этнографіи и исторіи культуры, совмѣстно съ историческими данными права, могли бы дать автору возможность устранить тѣ пустыя мѣста въ исторіи права отдѣльныхъ народовъ, которыя никакъ не могутъ быть пополнены данными, относящимися лишь къ явленіямъ права. Изучая громадный этнографическій матеріалъ и разбираясь въ исторіи культуры возможно большаго числа народовъ, мы въ состояніи, конечно, почерпнуть изъ этихъ источниковъ драгоцѣнныя указанія, дополненія, разъясненія и пр. Такую постановку изученія вопроса нельзя, конечно, не признать правильной и интересной. Но насъ удивило только то, что въ основу своего изслѣдованія бракоразводнаго права авторъ положилъ рѣшенія англійскихъ судебныхъ установленій, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ. Эта англійская практика пополняется въ работѣ нашего автора еврейскими (?) обычаями и правилами, съ указаніями, какъ они примѣняются въ различныхъ мѣстахъ. Для русскаго изслѣдователя, желающаго пополнить или объяснить происхожденіе различныхъ явленій права, было бы болѣе нормальнымъ и желательнымъ обращеніе къ русскому этнографическому матеріалу. Между тѣмъ, всего меньше г. Кулишеръ говоритъ о русской жизни и русскомъ правѣ, точно онъ—по своему «еврейскому патріотизму»—написалъ свою книгу для правовѣрныхъ талмудистовъ.

Пользуясь указаннымъ матеріаломъ, авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ. Формы развода обусловливаются формами брака. При похищеніи и покупкѣ женъ у сосѣднихъ племенъ, онѣ являются рабынями, вслѣдствіе чего отъ мужа зависитъ отвергнуть жену, отпустить ее на волю. Затѣмъ, когда устанавливается бракъ съ приданымъ на болѣе позднихъ ступеняхъ культуры, мужъ обязывается возвратить приданое при расторженіи брака. Такимъ образомъ, въ этомъ послѣднемъ случаѣ произволъ мужа ограничивается, и расторженіе брака признаётся правильнымъ лишь при опредѣленныхъ условіяхъ. Возникновеніе приданаго оказало благопріятное воздѣйствіе на положеніе женщины и повысило значеніе жены въ брачномъ союзѣ. Покупка жены, какъ форма брака, существенно отличается какъ отъ болѣе раннихъ, такъ и отъ послѣдующихъ его формъ. Такъ «умычка» или похищеніе жены не предполагали,

Digitized by Google

конечно, согласія сторонъ; при покупкѣ же жены требовалось согласіе родителей. Наконецъ, при церковной формѣ брака является необходимымъ взаимное согласіе брачущихся. Установленіемъ церковной формы брака окончательно устраняется произволъ мужа въ расторженіи брака, уже вытѣснявшійся постепенно, какъ сказано выше, благодаря приданому. Разъ бракъ установленъ по взаимному соглашенію, онъ уже въ силу этого не можетъ быть расторгнутъ по произволу одной лишь стороны.

Вся книжка г. Кулишера раздѣлена на 10 главъ, въ которыхъ трактуется о формахъ развода, объ адюльтерѣ, двоеженствѣ, жестокомъ обращеніи съ женою, взаимномъ отвращеніи и пр. Еще разъ повторяемъ: книжка г. Кулишера имѣла бы гораздо больше значенія и интереса для русской публики, еслибы выводы автора основывались на данныхъ русской исторіи, этнографіи, обычаяхъ и пр., а не на судебныхъ рѣшеніяхъ и обычаяхъ другихъ народовъ. Въ настоящемъ же своемъ видѣ, книжка г. Кулишера едва ли имѣетъ для насъ какое нибудь значеніе.

О заключительномъ словѣ предсѣдателя. *В. Даневскій.* С.-Петербургъ, 1896 года.

Вызывается ли заключительное слово предсѣдателя существенными потребностями производства въ присяжномъ судѣ? въ какихъ предѣлахъ допустимо оно въ процессѣ и каковъ долженъ быть его характеръ? вотъ вопросы, разрѣшеніемъ которыхъ занимается брошюра проф. В. П. Даневскаго. Обращаясь къ дѣйствующимъ законодательствамъ, мы видимъ, что одни изъ нихъ, составляющія большинство, безусловно вводятъ заключительное слово, какъ необходимую часть процесса; другія (англійское обычное право)—допускаютъ его; наконецъ, третьи (напримѣръ, Бельгія—съ 1831 г.) совсѣмъ не знакомы съ нимъ. Такимъ образомъ, существованіе заключительнаго слова въ однихъ законодательствахъ, при отсутствіи его въ другихъ, не указываетъ на общественную потребность въ послѣднемъ словѣ предсѣдателя, и утвердительное рѣшеніе перваго вопроса представляется автору сомнительнымъ.

Что касается русскаго законодательства, то является интереснымъ узнать: ограничены ли наши присяжные областью конкретныхъ фактовъ, или же они обязаны рѣшать вопросъ о виновности подсудимаго предъ закономъ? Этотъ вопросъ находится въ тѣсной связи съ характеромъ заключительнаго слова предсѣдателя. Наиболѣе вѣрный пріемъ истолкованія относящихся сюда статей устава, а потому и убѣдительные выводы, по мнѣнію г. Даневскаго, представлены профессоромъ Палаузовымъ, который приходитъ къ заключенію, что «нашимъ присяжнымъ предоставлена субсумація конкретныхъ фактовъ подъ диспозитивную часть уголовнаго закона». Но такое призваніе нашихъ присяжныхъ, отражающееся на постановкѣ вопросовъ, должно бы привести къ тому, что законодатель будетъ налегать въ заключительномъ словѣ, главнымъ образомъ, на пра-

Digitized by Google

вовой части наставленія. Между тѣмъ, изъ мотивовъ къ уставу уголовнаго судопроизводства, подтверждаемыхъ и содержаніемъ двухъ предложеній, выставленныхъ въ предварительныхъ работахъ по проэкту того же устава, усматривается, что законодатель далъ нѣкоторую точку опоры взгляду сенатора Буцковскаго, ограничивающаго участіе присяжныхъ установленіемъ лишь фактической стороны дѣла. Разсмотрѣніе мотивовъ къ уставу уголовнаго судопроизводства приводитъ автора къ убѣжденію, что эти мотивы придаютъ въ заключительномъ объясненіи предсѣдателя первенствующее значеніе изложенію фактическихъ обстоятельствъ дѣла и что правовой сторонѣ вопроса отводится въ немъ, во всякомъ случаѣ, второе мѣсто. Необходимость заключительнаго слова подвергалась обстоятельному обсужденію русскихъ юристовъ еще въ концѣ 70-хъ годовъ. Одни изъ нашихъ юристовъ признаютъ безусловную необходимость заключительнаго слова (напр., гг. Спасовичъ, В. Володимировъ, А. Ѳ. Кони, П. Макалинскій, Фойницкій, Василенко); другіе (напр., Н. А. Неклюдовъ, К. К. Арсеньевъ, проф. Микляшевскій) высказываются лишь за условную его необходимость. Но въ обѣихъ группахъ мнѣній встрѣчаются различія въ пріемахъ доказыванія и даже въ основныхъ точкахъ отправленія. Чтобы ориентироваться въ различныхъ мнѣніяхъ юристовъ, необходимо помнить, что нашъ законъ желалъ, чтобы объясненія предсѣдателя имѣли на рѣшеніе присяжныхъ «большое и полезное вліяніе»; но вмѣстѣ съ тѣмъ законъ ограждалъ присяжныхъ отъ «личныхъ мнѣній» предсѣдателя, обязавъ послѣдняго: объяснять существенныя обстоятельства дѣла, отнюдь не обнаруживая своего личнаго мнѣнія, и даже излагать общія юридическія основанія къ сужденію о силѣ доказательствъ не въ смыслѣ *непреложныхъ правилъ*, но лишь въ смыслѣ «предостереженія» отъ увлеченій. Но эти благія пожеланія закона не осуществлены и не могутъ быть осуществлены: законъ видитъ въ предсѣдателѣ истинно-безпристрастнаго судью и, въ то же время, «стремится оградить присяжныхъ отъ его личнаго мнѣнія». На самомъ же дѣлѣ истинно-безпристрастный, идеальный судья—«типъ недостижимый» въ дѣйствительности! Въ самомъ дѣлѣ, предсѣдатель долженъ направлять дѣло такъ, чтобы способствовать раскрытію истины; между тѣмъ, послѣдняя далеко не всегда извѣстна ему, такъ какъ онъ вѣдаетъ лишь «обстоятельства дѣла» по актамъ предварительнаго и судебнаго слѣдствія. Такимъ образомъ, онъ можетъ не столько «направлять дѣло къ раскрытію истины», сколько направить производство къ всестороннему разъясненію дѣла.

Если предсѣдатель можетъ еще направить дѣло ко всестороннему его разъясненію, то въ резюмэ своемъ, которое напутствуетъ присяжныхъ въ ихъ рѣшеніи, онъ непремѣнно изложитъ имъ свое убѣжденіе о дѣлѣ, скрывая только отъ нихъ, что это его мнѣніе. Характеръ убѣжденія предсѣдателя непремѣнно долженъ сказаться въ резюмэ, хотя бы прямо

Digitized by Google

онъ даже не намекалъ на свое мнѣніе, такъ какъ, еслибы ему удалось не высказаться, то онъ впалъ бы въ своемъ резюмэ въ слишкомъ общія мѣста, и ничего не далъ бы присяжнымъ. Напротивъ того, еслибы предсѣдатель имѣлъ право высказывать свое мнѣніе, то такое право его было бы опасно для самостоятельности сужденія присяжныхъ, которые, являясь судьями, не нуждаются въ помощи предсѣдателя (Н. А. Неклюдовъ). Но если такъ, то чѣмъ болѣе предсѣдатель будетъ стараться не высказывать своего мнѣнія, тѣмъ безцвѣтнѣе и общѣе будетъ его рѣчь, тѣмъ болѣе она сдѣлается излишнею и тѣмъ менѣе окажетъ вліянія на исходъ дѣла.

Относясь такимъ образомъ къ заключительному слову предсѣдателя, г. Даневскій несовсѣмъ отрицаетъ, однако, полезность предсѣдательскаго слова, но полагаетъ, что оно должно заключаться: въ объясненіи присяжнымъ законныхъ признаковъ разсматриваемаго преступнаго дѣянія и права, принадлежащаго имъ по статьѣ 812 уст.; въ напоминаніи имъ, что они должны опредѣлить вину или невинность подсудимаго по внутреннему своему убѣжденію и могутъ, въ случаѣ осужденія подсудимаго,—если найдутъ достаточныя къ тому основанія,—признать его заслуживающимъ снисхожденія. Затѣмъ предсѣдатель долженъ, по мнѣнію г. Даневскаго, объяснить присяжнымъ послѣдствія ихъ обвинительнаго вердикта по отношенію къ наказанію, угрожающему подсудимому, а также порядокъ ихъ совѣщаній и постановленій вердикта. Въ заключеніе г. Даневскій предлагаетъ измѣнить статьи 801—804 уст. угол. суд.

По вопросамъ, связаннымъ съ задачами и дѣятельностью министерства земледѣлія. *П. Догашева.* С.-Петербургъ, 1895. Экономическій этюдъ.

Когда въ обществѣ прошелъ слухъ объ учрежденіи министерства земледѣлія, то возбужденные этимъ слухомъ толки, главнымъ образомъ, сводились на недовѣріе къ правительственнымъ начинаніямъ въ области сельско-хозяйственно-промышленной жизни. Трудно въ этомъ винить наше общество, такъ какъ опытъ прежнихъ правительственныхъ начинаній, при недостаточномъ знаніи дѣйствительной жизни и при бюрократической постановкѣ дѣла, давалъ часто у насъ противоположные результаты, а потому общество и утратило вѣру въ правительственное вмѣшательство. Но вотъ, какъ скоро въ печать проникъ слухъ о назначеніи А. С. Ермолова первымъ министромъ земледѣлія, общество весьма сочувственно отнеслось къ этому предполагаемому назначенію, справедливо видя въ авторѣ многихъ извѣстныхъ сочиненій опытнаго руководителя сельскохозяйственной политики. Это отрадное впечатлѣніе вытекало изъ увѣренности, что столь трудное и великое дѣло, по волѣ покойнаго монарха, вручено знатоку сельскаго хозяйства и человѣку съ ясно формулированной программой, столь симпатичной русскому сердцу. «Для улучшенія

Digitized by Google

сельскаго хозяйства, у насъ одинъ путь,—говоритъ авторъ «Современныхъ сельско-хозяйственныхъ вопросовъ»,—путь знанія и здраваго смысла. Идти по готовой, западною Европой проторенной дорожкѣ мы не можемъ,—мы должны проложить свою. Улучшить хозяйство цѣлаго государства, упорядочить земельныя отношенія, поднять производительность народнаго труда предоставленіемъ средствъ для его развитія и освобожденіемъ отъ оковъ невѣжества путемъ свѣта и знанія—всѣ эти задачи направлены къ одной общей цѣли,—улучшенію благосостоянія обширнаго государства россійскаго, — и непосильны одному человѣку. Тутъ нужна общая работа, общій подъемъ духа».

Чтобы содѣйствовать именно этой общей работѣ, г. Логашевъ и издалъ свой трудъ, заглавіе котораго мы выписали выше. Признавая, что новое министерство земледѣлія не успѣло и не могло развить вполнѣ свою дѣятельность въ столь короткое время, авторъ указываетъ однако, что оно внесло въ общество оживленіе, возбудило надежды огромнаго большинства, а, главное, дало толчокъ къ подъему общественнаго духа. «При столь обширной территоріи нашего отечества,—говоритъ г. Логашевъ,—при климатическихъ, этнографическихъ и другихъ различіяхъ, и при существующей централизаціи—государственный организмъ во всякой спеціальной отрасли управленія требуетъ очень большаго вниманія при организаціи исполнительныхъ органовъ, а въ дѣлѣ установленія таковыхъ при министерствѣ земледѣлія эта задача еще болѣе усложняется». Затѣмъ авторъ останавливается на организаціи мѣстныхъ органовъ министерства земледѣлія. Дѣло въ томъ, что во всѣхъ министерствахъ, вѣдающихъ другія отрасли государственнаго управленія, мѣстные органы являются по преимуществу органами исполнительныхъ функцій, между тѣмъ какъ вновь учреждаемые мѣстные органы министерства земледѣлія не должны играть роль только пассивныхъ исполнителей инструкцій: ихъ назначеніе быть не только проводниками тѣхъ или другихъ предначертаній,—нѣтъ, они должны быть живыми и чуткими нервами между министерствомъ и райономъ ихъ функцій; ихъ назначеніе—создать живую связь между земледѣльческимъ классомъ и правительствомъ, т. е. министерствомъ. Такой взглядъ на значеніе мѣстныхъ органовъ министерства безусловно исключаетъ, по мнѣнію автора, узко-бюрократическую постановку дѣла, которая гибельно отразится на жизнеспособности этихъ учрежденій и скуетъ эти, по существу живые органы въ мертвую броню предписаній, отношеній и рапортовъ.

Давно желанное широкое участіе правительственной власти въ народномъ земельномъ хозяйствѣ ничуть не измѣняетъ нынѣшняго положенія вещей и не умаляетъ рамокъ общественной самодѣятельности; оно не съуживаетъ горизонта индивидуальныхъ работъ и помощи, но, напротивъ, всѣми мѣрами и средствами, будетъ способствовать каждому благому на-

Digitized by Google

чинанію, всякому здравому почину на пользу государственную. Организація мѣстныхъ органовъ, по мнѣнію автора, должна быть построена на взаимодѣйствіи силъ общественныхъ, земскихъ и административныхъ, такъ чтобы въ этомъ случаѣ были исключены всякіе принципіальные споры о полезности воздѣйствія тѣхъ или другихъ лицъ. Открывшееся нынѣ поле дѣятельности столь необъятно, что оно представляетъ безчисленное разнообразіе въ посильномъ приложеніи знаній и опыта для каждаго, имѣющаго соприкосновеніе съ землей и связь съ деревней:— въ предстоящей великой и многотрудной работѣ каждому хватитъ дѣла и нужно много, много кропотливаго труда только на одно основательное изученіе нашего обширнаго отечества, представляющаго такія крайнія разнообразія.

Затѣмъ г. Логашевъ старался очертить кругъ ближайшихъ задачъ министерства земледѣлія. Прежде всего авторъ указываетъ на необходимость создать устойчивость въ пользованіи землею и увѣренность въ ея неотчуждаемости, недроблении. Этихъ цѣлей нельзя достигнуть, по мнѣнію г. Логашева, одною общинной формой землевладѣнія, такъ какъ общинное владѣніе, на установившихся основаніяхъ, обусловливаетъ нерѣдко хищническое пользованіе землей и ведетъ къ экономическому упадку, что́ и подтверждается плачевнымъ положеніемъ приволжскихъ колонистовъ. Здѣсь же авторъ указываетъ на необходимость расширенія площади крестьянскаго землевладѣнія на мѣстѣ и содѣйствія переходу продажныхъ земель въ собственность крестьянъ. Далѣе, г. Логашевъ признаётъ необходимымъ систематическое содѣйствіе развитію общественныхъ хозяйствъ въ широкомъ значеніи этого слова и покровительство всякимъ мелкимъ сельско-хозяйственнымъ артелямъ; наконецъ, для болѣе цѣлесообразнаго выполненія аграрныхъ задачъ и указаннаго воздѣйствія на сельско-хозяйственную промышленность, онъ указываетъ на желательность передачи въ вѣдѣніе министерства земледѣлія не только крестьянскаго земельнаго банка, но и всего крестьянскаго кредита.

П. Перцовъ. **Письма о поэзіи.** С.-Петербургъ, 1895 г.

Г. Перцовъ, выпустившій недавно въ свѣтъ «Сборникъ избранныхъ стихотвореній молодыхъ русскихъ поэтовъ», выступаетъ теперь со своими «Письмами о поэзіи». Эта тоненькая книжка, ровно ничего не уясняющая въ разбираемомъ вопросѣ, не безъинтересна, однако, по тѣмъ взглядамъ, которыми руководился г. Перцовъ, производя строгій «инспекторскій смотръ» вдохновеньямъ молодыхъ поэтовъ и отдѣляя многообразные плевелы отъ немногочисленныхъ зеренъ, попавшихъ въ «молодую поэзію». Съ первой страницы г. Перцовъ рекомендуется идеалистомъ. Искусство вообще онъ понимаетъ въ смыслѣ восполненія дѣйствительности и справедливо требуетъ отъ художника изображенія того, что́ должно быть (т. е. идеала) а никакъ не простаго копированія обыденной жизни. Но такъ какъ въ

Digitized by Google

концѣ 13-й стр. *реальнымъ* оказывается и то, что̀ есть, и то, *что̀ должно быть*, то и г. Перцовъ, волей всемогущей логики, изъ идеалиста превращается въ реалиста. Выѣзжая на конѣ идеализма на турниръ съ вѣтряными мельницами тенденціозной поэзіи, реалистъ г. Перцовъ прежде всего бросаетъ въ лицо современной публикѣ обвиненіе въ «поэтическомъ невѣжествѣ». Пренебреженіе современной поэзіей онъ ставитъ ей въ большую вину, но это обвиненіе становится не столь значительнымъ, когда вспомнишь нѣкоторые «сладкіе звуки и молитвы», найденные г. Перцовымъ въ разноголосомъ хорѣ молодыхъ поэтовъ. «Сладкіе звуки» оказываются только «пустыми» звуками, а «молитвы», созданныя на почвѣ сумбура и психопатіи — наборомъ трескучихъ фразъ «о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ». Прочтите: «мечты о померкшемъ, мечты о быломъ» (Брюсовъ), прочтите: «какъ сонъ пройдутъ дѣла и помыслы людей» (Минскій)—я нарочно восхожу отъ непризнаннаго къ признанному поэту — и вы увидите, что современная публика, столь упорно-невѣжественная, отчасти и права въ своемъ невниманіи къ творчеству молодыхъ талантовъ, которые теперь весьма преклонны къ красотѣ, замѣняющей у нихъ вакантное мѣсто ума. Но г. Перцовъ непреклонно рекомендуетъ вниманію публики плоды этихъ скудныхъ вдохновеній, обѣщая цѣлое море восторговъ отъ упоенья «сладкими звуками». Г. Перцовъ наивно полагаетъ, что «сладкіе звуки» создаютъ «наибольшую сумму *счастья* на землѣ» и, главное, «здѣсь, сейчасъ, въ данную минуту» (такъ скоро?). Думается, что г. Перцовъ немножко преувеличиваетъ, какъ преувеличиваетъ онъ, напримѣръ, говоря «о повальномъ стихописаніи и непрерывной игрѣ на віолончеляхъ» среди современной молодежи. Есть счастье и счастье. Ни копанье въ мусорѣ собственной души (содержаніе «поэзіи» у декадентовъ), ни красивая одежда на манкенѣ, прикрывающая собою пустоту (внѣшняя форма у парнасцевъ) не могутъ дать ничего тому, кто сознательно ищетъ у поэтовъ высокихъ откровеній духа и тайнъ человѣческаго сердца. Поэтому понятно, что и основная мысль «Писемъ о поэзіи»: «слово въ поэзіи имѣетъ совершенно другое значеніе, нежели въ жизни»—кажется намъ въ высокой степени парадоксальной, потому что слово всегда останется словомъ, гдѣ бы и какъ бы оно ни примѣнялось.

Digitized by Google

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Пятидесятилѣтній юбилей «Русскаго Географическаго Общества».—Что сдѣлало это общество для изученія русскихъ окраинъ?—Экспедиціи Географическаго общества. — Крестьянскій банкъ и его дѣятельность въ вопросѣ о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія.—Желательныя измѣненія въ уставѣ крестьянскаго банка.—Опасенъ ли этотъ банкъ для дворянъ-землевладѣльцевъ?—Жалобы дворянъ и ихъ неосновательность.—Московское «Общество распространенія практическихъ знаній между образованными женщинами». — Предложеніе бар. О. О. Буксгевдена объ открытіи въ Петербургѣ перваго «Дома трудолюбія для образованныхъ женщинъ».—Откуда шли сенсаціонныя извѣстія о кавказскомъ нарзанѣ?—Командировка проф. Залѣсскаго въ Кисловодскъ.—Что думаетъ сдѣлать министерство земледѣлія съ собраннымъ матеріаломъ о состояніи нарзана?

21-го января текущаго года императорское Русское Географическое Общество, заслужившее себѣ почетную извѣстность во всемъ образованномъ мірѣ, торжественно отпраздновало пятидесятилѣтній юбилей своего существованія (1845—1895). Своимъ возникновеніемъ Географическое общество обязано, главнымъ образомъ, Ѳ. П. Литке, бывшему воспитателю великаго князя Константина Николаевича. Кромѣ Ѳ. П. Литке, въ числѣ 17 лицъ, подписавшихъ ходатайство объ учрежденіи общества, были: И. Ѳ. Крузенштернъ, баронъ Ф. П. Врангель, П. И. Рикордъ; знаменитый натуралистъ К. М. Беръ, астрономъ В. Я. Струве, геологъ Г. П. Гельмерсенъ, статистикъ П. И. Кеппенъ, Ѳ. Ѳ. Бергъ; генералъ М. П. Вронченко, извѣстный геодезистъ, занимавшійся съемками въ Малой Азіи; генералъ М. Н. Муравьевъ; географъ и статистикъ К. И. Арсеньевъ; А. И. Левшинъ; извѣстный путешественникъ по Алтаю и Малой Азіи П. А. Чихачевъ; знатокъ русскаго народнаго языка и быта В. И. Даль; оренбургскій генералъ-губернаторъ В. А. Перовскій и извѣстный литераторъ князь В. Ѳ. Одоевскій. Означенныя лица вошли съ ходатайствомъ къ министру внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскому объ испрошеніи высочайшаго соизволенія на учрежденіе русскаго географо-статистическаго общества и на предложеніе его высочеству великому князю Константину Николаевичу принять на себя званіе предсѣдателя, причемъ временный уставъ общества былъ составленъ на подобіе принятаго лондонскимъ географическимъ обществомъ. 19-го сентября 1845 г., въ квартирѣ В. И. Даля, состоялось собраніе всѣхъ учредителей общества, бывшихъ тогда въ Петербургѣ, и здѣсь было заслушано слѣдующее высочайшее пове-

Digitized by Google

лѣніе объ учрежденіи общества: «По ходатайству генералъ-адъютанта Литке и нѣсколькихъ другихъ лицъ объ учрежденіи русскаго географо-статистическаго общества, съ состояніемъ его въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, къ вѣдѣнію коего принадлежитъ статистика государства, г. министръ внутреннихъ дѣлъ входилъ о семъ съ представленіемъ въ комитетъ министровъ, по положенію коего государь императоръ, 6-го августа, на ходатайство учредителей соизволилъ, съ наименованіемъ общества, коего цѣль состоитъ въ разработываніи отечественной географіи, статистики и этнографіи,—«Географическимъ», благоволивъ утвердить въ то же время представленный учредителями временный уставъ и даровать обществу по десяти тысячъ рублей серебромъ ежегодно изъ государственнаго казначейства». Затѣмъ было выслушано отношеніе ген.-ад. Ѳ. П. Литке къ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 30-го августа 1845 г., съ увѣдомленіемъ, что его высочество великій князь Константинъ Николаевичъ съ удовольствіемъ принимаетъ званіе предсѣдателя общества. Послѣ этого члены-учредители единогласно избрали помощникомъ предсѣдателя вице-адмирала Ѳ. П. Литке, почетнымъ членомъ—Л. А. Перовскаго и дѣйствительными членами 51 лицо. Первое общее собраніе общества послѣдовало 7-го октября, въ зданіи академіи наукъ, въ присутствіи 48 членовъ, причемъ были выбраны члены совѣта и управляющіе четырьмя отдѣленіями общества. Изъ этихъ четырехъ лицъ три оказались академиками, именно: по отдѣленію географіи Россіи—В. Я. Струве, по отдѣленію этнографіи—К. М. Беръ и по отдѣленію статистики—П. И. Кеппенъ. Въ скоромъ времени, замѣстителемъ Ѳ. П. Литке былъ избранъ еще академикъ П. Н. Фусъ, а членами совѣта избраны Г. П. Гельмерсенъ и Э. Х. Ленцъ, такъ что нѣкоторое время представители академіи наукъ играли преобладающую роль въ новомъ обществѣ. Въ слѣдующемъ 1846 г. великій князь Константинъ Николаевичъ пожаловалъ обществу 5,000 р. съ тѣмъ, чтобы изъ процентовъ съ этого капитала общество ежегодно присуждало золотую медаль за географическія работы. Въ 1849 г. уставъ общества былъ нѣсколько преобразованъ и утвержденъ окончательно; и съ этого времени при обществѣ установлены четыре отдѣленія: географіи математической, географіи физической, этнографіи и статистики.

Особенно важныя заслуги были оказаны Географическимъ обществомъ въ дѣлѣ изслѣдованія нашихъ окраинъ, — Сибири, Кавказа и Туркестана, а также сопредѣльныхъ съ ними частей центральной Азіи, Китая и Персіи; но много сдѣлано имъ и для изученія европейской Россіи, и притомъ не только въ спеціально-географическомъ отношеніи, но также въ этнографическомъ и статистическомъ, для познанія населенія Россіи, его племенныхъ, бытовыхъ и экономическихъ условій. Развитію дѣятельности общества содѣйствовало то обстоятельство, что она сопровождалась открытіемъ многихъ мѣстныхъ отдѣловъ,—въ Тифлисѣ, Иркутскѣ, Омскѣ, Оренбургѣ, Вильнѣ, Кіевѣ и—въ послѣднее время—въ Хабаровскѣ. Сѣверо-западный отдѣлъ въ Вильнѣ, правда, не нашелъ себѣ пригодной почвы и фактически не существуетъ; юго-западный въ

Digitized by Google

Кіевѣ, послѣ краткаго существованія, былъ закрытъ въ 1876 году, но остальные отдѣлы дѣйствуютъ успѣшно, а кавказскій и сибирскій приняли даже значительное участіе въ изслѣдованіи соотвѣтственныхъ районовъ. Успѣшной и въ высшей степени плодотворной своей дѣятельностью Географическое общество обязано цѣлому ряду своихъ блестящихъ экспедицій. Первая экспедиція, снаряженная обществомъ по предложенію Бера и Гельмерсена, имѣла цѣлью изслѣдованіе сѣвернаго Урала, бывшаго въ то время почти совершенно неизвѣстнымъ. Она была поручена профессору минералогіи и геологіи Гофману и магистру астрономіи Ковальскому (съ помощниками) и продолжалась, съ перерывами, съ 1847 по 1850 г. Исполнена она была, не смотря на большія трудности, весьма успѣшно, и результаты ея были изданы (на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ) въ двухъ томахъ. Общество задумывало также (въ первое пятилѣтіе своей жизни) изслѣдованія Берингова моря, средней Азіи, Каспійскаго побережья и т. д., но всѣ эти предположенія встрѣчали препятствія въ значительности требовавшихся расходовъ, въ трудности найти подходящихъ лицъ, а отчасти и въ другихъ причинахъ. Не имѣя возможности предпринять экспедиціи въ отдаленныя наши окраины и сосѣднія съ ними части Азіи, общество въ первые годы своего существованія старалось привести, по крайней мѣрѣ, въ извѣстность имѣющіяся уже данныя объ этихъ странахъ, для чего предприняло, между прочимъ, переводъ обширнаго труда К. Риттера: «Землевѣдѣніе Азіи». Общество прилагало также старанія къ собиранію свѣдѣній по климатологіи, этнографіи и статистикѣ Россіи, путемъ выработки вопросныхъ пунктовъ и разсылки ихъ разнымъ учрежденіямъ и лицамъ. Всего было разослано до 30,000 экземпляровъ различныхъ программъ и вопросовъ, на которые получилось около 3,000 отвѣтовъ, въ томъ числѣ нѣкоторые (особенно по народному быту) были настолько обстоятельны, что могли быть впослѣдствіи даже напечатаны. Надо замѣтить, что этнографія находилась тогда у насъ въ начальной стадіи своего развитія, а статистика въ еще болѣе слабомъ зачаткѣ, да и имѣвшіяся отрывочныя и часто сомнительныя статистическія данныя считались въ то время чуть ли не государственной тайною, причемъ цензура была крайне строга къ попыткамъ критики и оцѣнки этихъ данныхъ. Трудно было собирать свѣдѣнія и по этнографіи, даже по распредѣленію инородцевъ въ Россіи; старанія академика П. И. Кеппена (издавшаго въ 1851 г. первую этнографическую карту европейской Россіи) воспользоваться для этой цѣли производившимися тогда податными ревизіями оказались неудачными, такъ какъ тогдашній министръ финансовъ Брокъ нашелъ неудобнымъ осложнять предъявляемые при ревизіи вопросы какими либо данными, могущими быть интересными для науки (?!). Въ 1855—1859 гг. была снаряжена сибирская экспедиція: изъ астронома Шварца, офицеровъ межеваго корпуса—Рашкова, Усольцева и Смирягина, натуралиста-препаратора Радде (впослѣдствіи извѣстнаго изслѣдователя Кавказа) и художника Мейера. Экспедиція эта занялась съемками и изслѣдованіями въ Забайкальѣ, Дауріи и вновь присоединенной Амурской области. Важное содѣйствіе цѣлямъ этой

Digitized by Google

экспедиціи было оказано сибирскимъ отдѣломъ общества, особенно путешественникомъ Маакомъ, изслѣдовавшимъ вилюйскій округъ и собравшимъ первыя научныя свѣдѣнія о берегахъ Амура. Въ это же время была совершена первая научная экспедиція въ Тянь-Шань П. П. Семеновымъ, нынѣшнимъ вице-президентомъ и главнымъ руководителемъ Географическаго общества. Въ этотъ же періодъ времени была снаряжена обществомъ экспедиція въ астраханскую губ. (Ауэрбаха), опубликованъ рядъ изданій по статистикѣ, этнографіи, исторической географіи; начаты изслѣдованія внутренней торговли европейской Россіи; осуществлена затѣмъ, совмѣстно съ министерствомъ государственныхъ имуществъ, экспедиція для изслѣдованія каспійскаго рыболовства. Дѣло изслѣдованія азіатскихъ окраинъ, начатое Шварцомъ и Радде, продолжалось геологомъ Шмидтомъ, Венюковымъ, Лопатинымъ и другими лицами, распространившими свои изысканія до острова Сахалина и китайскихъ предѣловъ. Кромѣ того, въ это время продолжалъ свои изслѣдованія Маакъ, перенеся ихъ въ Уссурійскій край, гдѣ впервые (въ 1867 г.) заявилъ о себѣ и прославившійся впослѣдствіи Н. М. Пржевальскій. Въ 1865 г., въ обществѣ возникъ вопросъ объ изслѣдованіи нашихъ сѣверныхъ морей, но такъ какъ вопросъ этотъ не могъ разрѣшиться въ видѣ особой экспедиціи,—то были устроены: нѣсколько отдѣльныхъ поѣздокъ членовъ общества (въ Бѣлое море, на Мурманъ), рядъ предпріятій для открытія морскаго пути въ Сибирь извѣстнаго Сидорова и, наконецъ, въ началѣ 80-хъ годовъ, участіе въ дѣлѣ международныхъ полярныхъ метеорологическихъ станцій, именно—временное открытіе двухъ изъ нихъ: на Новой землѣ и въ устьѣ Лены, при участіи флотскихъ офицеровъ Андреева и Юргенса.

Новый періодъ дѣятельности общества начинается съ 1871 г.; онъ отмѣченъ, въ особенности, блестящими экспедиціями въ центральную Азію Н. М. Пржевальскаго. Главнымъ руководителемъ общества, въ качествѣ его вице-предсѣдателя, является съ этого времени (съ начала 1873 г.) П. П. Семеновъ. Важное значеніе имѣли также двѣ экспедиціи Г. Н. Потанина и двѣ—М. В. Пѣвцова въ западную Монголію; затѣмъ экспедиціи на Алтай и Памиръ—Мушкетова, Сѣверцева, Регеля, Путяты, Иванова и Громбчевскаго; изслѣдованія въ Кульджинскомъ районѣ, въ Заилійскомъ краѣ, въ предѣлахъ бухарскихъ владѣній; производство арало-каспійской нивеллировки; организація обширной аму-дарьинской экспедиціи; наконецъ, поѣздки Лессара (въ началѣ 80-хъ годовъ) въ только что присоединенную къ Россіи Закаспійскую область. Въ 1888 году была снаряжена экспедиція Н. М. Пржевальскаго въ Тибетъ, прерванная, къ сожалѣнію, въ самомъ началѣ кончиной знаменитаго путешественника близь береговъ Иссыкъ-куля. Экспедиція эта была, однако, осуществлена съ успѣхомъ въ 1889—90 гг. полковникомъ Пѣвцовымъ, при участіи спутниковъ Пржевальскаго: офицеровъ Роборовскаго и Козлова, и геолога Богдановича. Въ 1889—90 гг. была осуществлена экспедиція капитана Громбчевскаго, первоначальной цѣлью которой былъ поставленъ Кафиристанъ, но эта экспедиція, за невозможностью проникнуть въ предѣлы Афганистана,

Digitized by Google

занялась изслѣдованіями Памира и сѣверо-западнаго Тибета. Въ 1893—95 гг. общество отправило еще новую экспедицію въ предѣлы Китая, подъ начальствомъ Роборовскаго и Козлова, которая благополучно вернулась въ концѣ прошлаго года и тоже доставила богатые матеріалы и коллекціи.

Приведеннаго нами краткаго очерка или, лучше сказать, перечня трудовъ общества уже достаточно, чтобы дать нѣкоторое, хотя бы слабое, понятіе о многосторонней дѣятельности Географическаго общества въ теченіе полувѣка. Все это дѣлаетъ понятнымъ, почему Географическое общество умѣло пріобрѣсти себѣ такое довѣріе, успѣло возбудить къ себѣ широкое сочувствіе. По справедливымъ словамъ г. Анучина, «какъ важный и мощный центръ географической дѣятельности въ Россіи, общество привлекло къ себѣ со всѣхъ концовъ русской земли нужныя ему силы, которыя и стекались охотно на его призывъ, въ убѣжденіи, что только подъ эгидой Географическаго общества и при его содѣйствіи возможно осуществленіе сколько нибудь значительныхъ изысканій въ области землевѣдѣнія и народовѣдѣнія, особенно въ болѣе отдаленныхъ областяхъ, на окраинахъ Россіи или за ея предѣлами». Пятидесятилѣтняя исторія общества свидѣтельствуетъ, что его дѣятельность не слабѣетъ, а растетъ, и вотъ почему можно выразить полную увѣренность, что и въ будущемъ общество будетъ неизмѣнно идти тѣмъ же плодотворнымъ путемъ, будетъ развивать свою дѣятельность въ соотвѣтствіи съ задачами науки и времени, и всегда будетъ одушевлено дружнымъ стремленіемъ къ энергичному труду, какъ въ области землевѣдѣнія и народовѣдѣнія вообще, такъ и въ дѣлѣ изслѣдованія Россіи и прилегающихъ къ ней частей Азіи въ особенности.

Полувѣковая почтенная дѣятельность нашего Географическаго общества на пользу и славу Россіи даетъ полное основаніе признать за нимъ право на глубокую и искреннюю признательность русскаго общества. Торжественное же празднованіе обществомъ своего юбилея и сочувствіе къ этому торжеству многочисленной петербургской интеллигенціи явилось какъ бы отвѣтомъ на вопросъ: оправдало ли «Русское Географическое Общество» возложенныя на него надежды? На торжественномъ праздникѣ общества, — справедливо названномъ «праздникомъ русской науки»,—было безспорно засвидѣтельствовано, что Географическое общество не только оправдало эти надежды, но даже въ значительной степени превзошло ихъ.

Въ 1882 году, какъ извѣстно, учрежденъ Крестьянскій поземельный банкъ, съ цѣлью облегченія крестьянамъ пріобрѣтать земли. Съ того времени прошло 13 лѣтъ, получились уже извѣстные результаты дѣятельности банка, и теперь представляется возможность, на основаніи точныхъ данныхъ, оцѣнить значеніе этого учрежденія.

Крестьянскій банкъ, какъ слышно, находится наканунѣ новаго преобразованія и потому теперь вполнѣ умѣстно показать тѣ измѣненія въ организаціи и устройствѣ этого государственнаго учрежденія, которыя наилучшимъ образомъ содѣйствовали бы упроченію

Digitized by Google

крестьянскаго землевладѣнія. Крестьянскій банкъ явился логическимъ слѣдствіемъ положенія 19 февраля 1861 г. Великая крестьянская реформа, путемъ выкупной операціи, надѣлила крестьянъ землею при извѣстномъ, наличномъ въ то время, количествѣ сельскаго населенія, съ тѣмъ чтобы впослѣдствіи, при возрастаніи этого населенія, крестьяне сами уже пріобрѣтали себѣ землю на общемъ основаніи, т. е. путемъ покупокъ. Такъ какъ надѣлы для крестьянъ разныхъ наименованій, въ большинствѣ случаевъ, оказались недостаточными для поддержанія быта и уплаты разнаго рода повинностей, податей и сборовъ, то очень скоро послѣ реформы началось крайнее обѣдненіе крестьянской массы. Уже въ срединѣ семидесятыхъ годовъ, сначала отдѣльными изслѣдователями и наблюдателями народной жизни, потомъ точными офиціальными данными, были установлены: несомнѣнный фактъ крестьянскаго обѣдненія и главная причина его—недостаточность надѣловъ. Разумѣется, мысль эта встрѣтила на первыхъ порахъ ожесточенныхъ противниковъ, но имъ не удалось оказать серьезнаго вліянія на общественное мнѣніе въ этомъ вопросѣ.

Опредѣляя среднюю крестьянскую семью въ 3 ревизскихъ души и признавая за норму для трехполья отъ 12 до 15 десятинъ, надлежало уже во дни самой реформы 19 февраля считать недостаточно надѣленными всѣхъ тѣхъ крестьянъ, которые получили земли менѣе 4 — 5 дес. на ревизскую душу, а такихъ крестьянъ (помѣщичьихъ) уже въ 1861 году было свыше 7 милл. ревизскихъ душъ. При быстромъ возрастаніи нашего населенія (до 1,3% въ годъ) можно опредѣлить приростъ населенія со времени реформы до 50% сельскаго населенія. Слѣдовательно, даже помѣщичьи крестьяне, получившіе свыше 4—5 дес., а также и государственные крестьяне, имѣвшіе сравнительно высокіе надѣлы, должны уже въ той или другой степени ощущать недостатокъ въ землѣ.

Починъ въ постановкѣ вопроса о крестьянскомъ малоземельѣ на практическую почву принадлежалъ земству. Начиная съ 1875 г., на земскихъ собраніяхъ не сходилъ съ очереди вопросъ о содѣйствіи крестьянамъ въ пріобрѣтеніи земли покупкою. Какъ земство, такъ и обширная литература вопроса о крестьянскомъ малоземельѣ сознавали, что помощь земства въ этомъ дѣлѣ не можетъ идти въ уровень съ потребностями народа въ землѣ, и что задача увеличенія крестьянскаго землевладѣнія можетъ быть разрѣшена только при дѣятельномъ участіи государства. Высшее правительство признало высокое значеніе обезпеченности крестьянъ землею, и въ 1883 году открылъ свои дѣйствія Крестьянскій поземельный банкъ, уставъ котораго былъ утвержденъ еще 18 мая 1882 года. Такимъ образомъ, съ этого времени къ двумъ существовавшимъ уже способамъ увеличенія крестьянскаго землевладѣнія:—арендамъ казенныхъ, удѣльныхъ и частныхъ земель, преимущественно на краткіе сроки, и покупкѣ земель въ собственность помимо Крестьянскаго банка, — присоединился еще третій способъ: покупка земель при посредствѣ новаго учрежденія.

Учрежденіе Крестьянскаго поземельнаго банка вызвало въ свое время много надеждъ и упованій на широкую постановку аграрнаго

Digitized by Google

вопроса. Какъ извѣстно, банкъ не вдругъ проявилъ свою дѣятельность и лишь постепенно открывалъ свои отдѣленія въ тѣхъ или другихъ губерніяхъ. Въ настоящее время банкъ распространяетъ свою дѣятельность на 53 губерніи европейской Россіи и Кавказа; выдано имъ до 10,000 судъ, на 70 милл. руб.; къ этой суммѣ, при покупкѣ земли, крестьяне приплатили своихъ денегъ до 20 милл. рублей. На эти деньги пріобрѣтено около 2.000,000 дес. земли; въ томъ числѣ сельскими обществами—свыше 836 тыс. дес. (до 44,2%), товариществами—1,028,000 дес. (54,4%) и отдѣльными крестьянами—всего лишь до 26 тыс. дес. (1,4%). При этомъ, въ черноземной полосѣ Россіи куплено крестьянами земли значительно больше, нежели въ нечерноземной.

Разсмотримъ теперь, въ какой степени Крестьянскій банкъ можетъ удовлетворять потребности крестьянъ въ землѣ и насколько онъ въ дѣйствительности выполнилъ свою задачу за время своего существованія? Если говорить объ общей нуждѣ крестьянъ въ землѣ, то можно приблизительно принять ее въ 50 губерніяхъ европейской Россіи въ 50—55 милл. десятинъ. Принимая затѣмъ, что банкъ будетъ и впредь дѣйствовать, какъ теперь, т. е. давать возможность ежегодно пріобрѣтать примѣрно до 200 тыс. десятинъ, можно сказать, что упомянутыя 50 милл. десятинъ необходимой для крестьянъ земли могли бы быть пріобрѣтены лишь черезъ 250 лѣтъ. Конечно, этотъ періодъ въ $2^1/_2$ вѣка представляется весьма значительнымъ, вслѣдствіе чего нужно допустить, что Крестьянскій банкъ очень слабо содѣйствуетъ покупкѣ необходимой для крестьянъ земли. Мало того, дѣятельность банка, въ этомъ отношеніи, съ 1885 года постоянно регрессируетъ. Такъ, было куплено крестьянами земли чрезъ посредство банка:

въ 1885 г.	. . .	318,6	тыс.	дес.	на	13,8	милл. руб.
» 1886 »	. . .	294,7	»	»	»	11,1	» »
» 1887 »	. . .	213,8	»	»	»	7,4	» »
» 1888 »	. . .	190,4	»	»	»	5,1	» »
» 1889 »	. . .	156,3	»	»	»	3,7	» »
» 1890 »	. . .	172,1	»	»	»	4,5	» »
» 1891 »	. . .	162,9	»	»	»	4,4	» »
» 1892 »	. . .	148,0	»	»	»	4,5	» »

Т. е. съ 1885 г. покупка земли при помощи Крестьянскаго банка сократилась въ три раза. Изо всего этого слѣдуетъ, что въ дѣлѣ урегулированія крестьянскаго землевладѣнія Крестьянскій банкъ является лишь палліативнымъ средствомъ. Далѣе извѣстно, что крестьяне,—въ составѣ своихъ обществъ и товариществъ,—и отдѣльные домохозяева покупаютъ землю, при посредствѣ банка, въ полную собственность, слѣдовательно, эта купленная земля, по уплатѣ крестьянами денегъ, можетъ рано или поздно быть отчуждена отъ нихъ добровольно или принудительно за долги. Дѣло въ томъ, что законъ о неотчуждаемости земель распространяется лишь на надѣльную общественную землю, а не на земли, купленныя при посредствѣ Крестьянскаго банка; поэтому. рядомъ съ ежегоднымъ расши-

Digitized by Google

реніемъ крестьянскаго землевладѣнія путемъ покупки земли при содѣйствіи Крестьянскаго банка, непремѣнно будетъ происходить распродажа большей или меньшей части раньше купленной такимъ же образомъ земли. Все это даетъ право сказать, что Крестьянскій банкъ не достигаетъ своей основной, существенной цѣли.

Перейдемъ къ изслѣдованію болѣе частныхъ вопросовъ, а именно: какія категоріи покупщиковъ наиболѣе воспользовались услугами банка? Какъ извѣстно, уставъ даетъ возможность пріобрѣтать земли при содѣйствіи банка сельскимъ обществамъ, товариществамъ или отдѣльнымъ лицамъ. Статистическій матеріалъ, иллюстрирующій дѣятельность банка, свидѣтельствуетъ о несомнѣнномъ, такъ сказать, благорасположеніи банка къ единоличнымъ покупателямъ. И, въ дѣйствительности, какъ абсолютныя цифры, такъ и процентныя ихъ отношенія подтверждаютъ эту мысль. Именно оказывается, что количество десятинъ земли, продаваемыхъ сельскимъ обществамъ, все время непрерывно падаетъ, равно какъ и размѣръ ссудъ; количество же земли, пріобрѣтаемой отдѣльными лицами, все время прогрессивно растетъ, поднявшись съ 43 десятинъ въ 1883 г. до 4,037 десятинъ въ 1890 году. Особенно рельефно сказывается расположеніе банка къ единоличнымъ покупателямъ въ сокращеніи требованія отъ нихъ доплатъ и въ увеличеніи этихъ доплатъ для сельскихъ обществъ и товариществъ.

Другой весьма важный вопросъ — это раздѣленіе покупщиковъ на категоріи по количеству земли, которымъ они обладали до пріобрѣтенія земли черезъ посредство банка. Въ этомъ отношеніи дѣятельность банка обнаруживаетъ опять ту же тенденцію къ увеличенію покупокъ земель крестьянами болѣе богатыми или обезпеченными большими надѣлами. И только въ послѣдній годъ какъ будто замѣчается улучшеніе въ смыслѣ увеличенія покупокъ малоземельными крестьянами.

Разсмотримъ теперь высоту %, платимаго по ссудамъ (т. е. % роста) и вообще ежегодный размѣръ взносовъ. Какъ извѣстно, кредитъ Крестьянскаго банка организованъ на общихъ основаніяхъ ипотечныхъ банковъ. Средства на производство ссудъ банкъ получаетъ выпускомъ свидѣтельствъ (закладныхъ листовъ), обезпеченныхъ принятыми въ залогъ землями и общими средствами казны. Такихъ свидѣтельствъ предоставлено выпускать министру финансовъ ежегодно на сумму не свыше 5.000,000 р.; для выпуска же свидѣтельствъ свыше этого размѣра министръ долженъ испрашивать разрѣшенія чрезъ государственный совѣтъ. Свидѣтельства выпущены были $5^1/_2\%$ и только въ 1893 году конвертированы въ $4^1/_2\%$. До конверсіи, за выданныя ссуды взималось въ каждое полугодіе $2^3/_4\%$ роста, на погашеніе при $24^1/_2$ лѣтнемъ срокѣ 1%, а при $34^1/_2$ л. срокѣ $^1/_2\%$ и, кромѣ того, $^1/_2\%$—на расходы по управленію банка и на образованіе запаснаго капитала. Такимъ образомъ, кліенты банка должны были вносить (до конверсіи) при $24^1/_2$ лѣтнемъ срокѣ $8^1/_2\%$, а при $34^1/_2$ лѣтнемъ срокѣ $7^1/_2\%$. Въ ближайшемъ будущемъ трудно и разсчитывать на пониженіе % роста, а затѣмъ, въ послѣдующее время, едва ли можно ожидать, что упомянутый процентъ можетъ быть сбавленъ ниже 5%, если банкъ по прежнему

Digitized by Google

будетъ организованъ на комерческомъ основаніи, безъ всякаго воспособленія со стороны государственнаго казначейства. Такимъ образомъ, взносы крестьянъ остаются пока по прежнему въ $7^1/_2$ и $8^1/_2$%. При высокихъ цѣнахъ на земли и низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ, при задолженности крестьянъ и плохомъ инвентарѣ.—въ самомъ лучшемъ случаѣ крестьяне едва ли извлекутъ изъ земли такой высокопроцентный доходъ. Вслѣдствіе этого, заемщикамъ до полнаго погашенія долга придется, какъ говорится, «работать на банкъ», нисколько не увеличивая своего благосостоянія.

Не меньшій интересъ представляетъ разсмотрѣніе вопроса, насколько Крестьянскій банкъ является приспособленнымъ къ содѣйствію крестьянскимъ переселеніямъ. По этому поводу Н. В. Пономаревъ замѣчаетъ: «въ положеніи о Крестьянскомъ банкѣ нигдѣ спеціально не говорится о покупкѣ земли для переселенческихъ цѣлей, о льготахъ для покупщиковъ-переселенцевъ и т. п., а банку, при его комерческой организаціи, безразлично: покупаютъ ли крестьяне сосѣднія «отрѣзныя» земли, или же участки, находящіеся въ отдаленныхъ отъ нихъ многоземельныхъ губерніяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, банкъ въ настоящее время не распространяетъ своихъ дѣйствій на иммиграціонныя области—Сибирь, Закавказье, среднеазіатскія наши владѣнія и др.; между тѣмъ, переселенческое движеніе направляется главнымъ образомъ въ упомянутыя мѣстности, въ особенности въ Сибирь. Въ предѣлахъ же европейской Россіи Крестьянскій банкъ,—какъ показываютъ наблюденія и изслѣдованія,—скорѣе даже тормозитъ переселенческое движеніе, нежели содѣйствуетъ ему». Не говоря уже о томъ, что въ задачу банка не входитъ пріисканіе подходящихъ земель, банкъ, въ виду того, что переселенческія товарищества состоятъ изъ бѣднѣйшаго, часто сброднаго изъ разныхъ селеній люда,—требуетъ, въ видахъ увеличенія гарантій, большихъ доплатъ при покупкѣ переселенцами земли. Такимъ образомъ, касаясь приспособленности банка для содѣйствія крестьянскому переселенію, нужно сказать, что Крестьянскій банкъ не могъ содѣйствовать переселенческому движенію въ предѣлахъ многоземельныхъ губерній европейской Россіи; что же касается Сибири, то въ виду того, что переселенцы садятся здѣсь въ большинствѣ случаевъ на казенныхъ земляхъ,—Крестьянскій банкъ не можетъ оказывать имъ никакого содѣйствія.

Все вышесказанное приводитъ къ тому, что ***вліяніе Крестьянскаго банка на улучшеніе народнаго хозяйства нельзя признать значительнымъ.*** Дѣйствительно, въ теченіе двѣнадцатилѣтняго существованія банка крестьяне пріобрѣли, въ большинствѣ случаевъ, въ частную собственность, лишь обремененную огромнымъ ипотечнымъ долгомъ землю, въ то время, когда большинство покупщиковъ далеко еще не ликвидировали своихъ долговъ по выкупной поземельной операціи. «При уплатѣ высокаго % роста,—по словамъ Н. В. Пономарева,—и при низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ, крестьяне должны исключительно работать на Крестьянскій банкъ и на тѣхъ ростовщиковъ, которые ихъ ссудили деньгами подъ высокіе, конечно, %, для производства доплатъ, выдачи задатковъ и т. п. Безземельнымъ и безлошадным крестьянамъ, т. е. наиболѣе нуж-

Digitized by Google

дающемуся сельскому пролетаріату, банкъ, благодаря своей организаціи, не могъ оказать никакой помощи; но зато нельзя сказать, чтобы онъ неохотно оказывалъ помощь отдѣльнымъ домохозяевамъ и сельскимъ товариществамъ, прикупившимъ себѣ, мѣстами, земли по 20—30 дес. на дворъ».

Такая малополезная дѣятельность банка, прямо вытекая изъ его нынѣшней организаціи, не удовлетворяетъ кореннымъ задачамъ государства въ области его аграрной политики. Дѣятельность Крестьянскаго поземельнаго банка должна быть направлена, главнымъ образомъ, къ возможному уменьшенію безземельнаго пролетаріата и къ облегченію положенія малоземельнаго сельскаго населенія. Очень понятно, что экономисты, изслѣдовавшіе вопросъ о современномъ положеніи Крестьянскаго банка, единогласно признаютъ, что дѣятельность этого учрежденія должна быть значительно расширена и должна болѣе соотвѣтствовать своему названію «поземельнаго» въ широкомъ значеніи этого слова. Дѣло въ томъ, что необходимо при этомъ разъ навсегда признать, что пріобрѣтеніе одной земли, безъ соотвѣтствующаго живаго и мертваго инвентаря, не можетъ поднять крестьянское хозяйство. Принявъ все это во вниманіе, Н. В. Пономаревъ высказываетъ весьма опредѣленныя положенія. Ему кажется, что Крестьянскій банкъ долженъ выполнить слѣдующія функціи:

1) Содѣйствовать покупкѣ земли въ собственность, главнымъ образомъ, сельскимъ обществамъ и товариществамъ изъ бѣднѣйшихъ (безземельныхъ и безлошадныхъ) дворовъ.

2) При извѣстныхъ благопріятныхъ случаяхъ, покупать, за свой счетъ, частныя владѣльческія имѣнія и сдавать ихъ крестьянамъ въ пользованіе на правахъ вѣчнаго чинша, съ платою, по возможности, небольшой аренды. Точно также банкъ долженъ бы сдавать крестьянамъ на правахъ вѣчнаго чинша участки, оставшіеся за банкомъ, которые отчуждаются теперь въ не-крестьянскія руки съ большими убытками для банка и для неисправныхъ плательщиковъ.

3) Выдавать, хотя бы однимъ сельскимъ обществамъ, подъ взаимное другъ за друга ручательство, краткосрочныя ссуды (не менѣе, однако, какъ на 3 года) для арендованія земель и пріобрѣтенія живаго и мертваго инвентаря; и

4) Выдавать подобныя же краткосрочныя ссуды переселенцамъ, выселяющимся на казенныя и другія земли,—на возведеніе построекъ, пріобрѣтеніе живаго и мертваго инвентаря, сѣмянъ и пр.

Затѣмъ организація Крестьянскаго банка должна быть обоснована не на комерческихъ началахъ, какъ теперь,—когда банкъ за счетъ покупщиковъ не только содержитъ свою администрацію, но даже накопляетъ прибыли (запасный капиталъ). Государственное казначейство должно щедро своими ресурсами прійти на помощь крестьянству, давъ ему возможность: 1) пользоваться на наиболѣе выгодныхъ условіяхъ покупкою и арендою земли и 2) имѣть хорошій инвентарь и хорошія сѣмена, такъ какъ безъ этихъ факторовъ земля будетъ или тяжестью для крестьянъ, или же прямо мертвымъ капиталомъ. Только при такой постановкѣ Крестьянскаго банка, онъ получитъ государственное значеніе, т. е. создастъ условія для улуч-

Digitized by Google

шенія крестьянскаго земледѣльческаго труда и вообще увеличитъ народное богатство, а слѣдовательно и исправность поступленія въ казну податей, которыя приходится теперь «выбивать» первобытнымъ способомъ.

Когда въ концѣ 1895 г. прошелъ слухъ о томъ, что правительство желаетъ расширить функціи Крестьянскаго банка одною существенной операціей, предоставляющей банку покупать на свое имя и на свой счетъ земли для продажи ихъ крестьянамъ на условіяхъ долгосрочнаго кредита, то нѣкоторые дворяне выступили горячими оппонентами такой реформы. Между тѣмъ, проэктируемая реформа Крестьянскаго банка имѣла весьма существенное значеніе для крестьянскаго населенія, не представляя вмѣстѣ съ тѣмъ никакой опасности дворянскому землевладѣнію. И, въ дѣйствительности, названная реформа имѣетъ въ виду расширить дѣятельность банка съ тою цѣлью, чтобы онъ могъ оказывать содѣйствіе бо́льшему числу лицъ крестьянскаго сословія въ пріобрѣтеніи земли. Правда, введеніе въ уставъ банка новой операціи имѣло въ виду облегчить переходъ продаваемыхъ дворянами земель къ крестьянамъ, но это вовсе не значитъ, что правительство такой мѣрой стремилось бы къ «ликвидаціи» дворянскаго землевладѣнія. Единственной цѣлью правительства является—предупредить по возможности скопленіе дворянскихъ земель въ рукахъ спекулянтовъ, которые скупаютъ иногда за безцѣнокъ имѣнія, разоряютъ ихъ и затѣмъ по большей части перепродаютъ крестьянамъ, отвѣчая такимъ образомъ нуждѣ дворянъ въ деньгахъ и нуждѣ крестьянъ—въ землѣ. Выступая противъ земельнаго ростовщичества, новый уставъ Крестьянскаго банка, очевидно, идетъ навстрѣчу существеннымъ интересамъ раціональнаго земледѣлія и обоихъ коренныхъ сельскихъ сословій: дворянству онъ обѣщаетъ болѣе выгодныя условія для земельныхъ продажъ, а крестьянству—болѣе льготную покупку земель. По справедливому замѣчанію одной газеты, новая операція банка пріобрѣтаетъ тѣмъ бо́льшую важность, что, благодаря ей, можетъ быть облегчено пріобрѣтеніе земли для такихъ слоевъ крестьянскаго класса, которые по малоземелью наиболѣе нуждаются въ помощи Крестьянскаго банка, но до сихъ поръ, при прежнемъ уставѣ банка, не могли, вслѣдствіе своей малой состоятельности, получить ее. Однако, изъ всего этого не слѣдуетъ, что Крестьянскій банкъ въ преобразованномъ видѣ явится врагомъ дворянъ-землевладѣльцевъ; напротивъ того, онъ можетъ оказывать имъ даже существенныя услуги. Причина уменьшенія дворянскаго землевладѣнія заключается не въ томъ, что находятся покупатели на продающіяся имѣнія, а всецѣло въ томъ, что находятся дворяне-землевладѣльцы, продающіе свои имѣнія. Крестьянскій банкъ не можетъ оказать никакого вліянія на причины, вызывающія ликвидацію дворянскаго землевладѣнія:—эти причины не имъ созданы, не имъ подготовлены; онъ можетъ только сохранить эту землю въ рукахъ трудящагося надъ нею класса населенія.

Вѣроятно, многимъ изъ нашихъ читателей совсѣмъ неизвѣстно существованіе въ Москвѣ «Общества распространенія практическихъ

Digitized by Google

знаній между образованными женщинами». Это симпатичное общество, открытое въ 1888 году, имѣетъ цѣлью распространеніе практическихъ знаній, приложимыхъ въ домашнемъ быту, какъ для доставленія возможности матерямъ семействъ собственными силами удовлетворять потребностямъ семьи и жизни, такъ и для обезпеченія существованія образованной женщины личнымъ трудомъ. Для достиженія указанной цѣли, обществу предоставляется учреждать: а) рукодѣльныя и художественно-ремесленныя школы, б) посредническое бюро для указанія образованнымъ женщинамъ способовъ примѣненія ремесленныхъ, рукодѣльныхъ и хозяйственныхъ знаній, и в) постоянныя выставки для продажи образцовыхъ произведеній женскаго труда. Общество состоитъ изъ неограниченнаго числа совершеннолѣтнихъ лицъ обоего пола всѣхъ званій и состояній, за исключеніемъ учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ. Члены общества раздѣляются на учредителей, почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ, и членовъ-сотрудниковъ. Лица, вносящія въ пользу общества ежегодно не менѣе 10 руб. и желающія быть дѣйствительными членами, подвергаются баллотировкѣ въ общемъ собраніи и избираются въ это званіе простымъ большинствомъ голосовъ, послѣ чего получаютъ билетъ на званіе дѣйствительнаго члена, съ правомъ голоса въ общихъ собраніяхъ. Лица, безвозмездно содѣйствующія личнымъ трудомъ поддержанію и развитію учрежденій общества, могутъ быть избираемы, на каждый годъ отдѣльно, попечительнымъ совѣтомъ въ члены-сотрудники общества. Средства общества составляются: а) изъ единовременныхъ и ежегодныхъ членскихъ взносовъ; б) изъ доходовъ отъ устраиваемыхъ обществомъ публичныхъ чтеній, собраній, концертовъ, спектаклей и т. п., и в) изъ добровольныхъ пожертвованій въ пользу общества. Дѣлами общества завѣдываютъ: а) попечительный совѣтъ и б) общія собранія членовъ. Общество имѣетъ право учреждать: 1) Художественно-ремесленныя школы, какъ-то: а) кройки и шитья, б) рукодѣлью, в) чистки и глаженья тканей и т. п. 2) Рисовальную школу примѣнительно къ цѣлямъ общества. 3) Школу повареннаго искусства (при которой устраивается столовая), домашняго хозяйства и счетоводства.

Мы не безъ цѣли заговорили о московскомъ обществѣ распространенія практическихъ знаній между *образованными женщинами*, желая указать на серьезную потребность нашей жизни въ подобныхъ обществахъ. Въ самомъ дѣлѣ, молодыя русскія жены и дочери богатыхъ и недостаточныхъ семействъ, какъ учившіяся въ учебныхъ заведеніяхъ, такъ и получившія домашнее образованіе, за рѣдкими исключеніями, положительно не свѣдущи въ домашнемъ хозяйствѣ, кройкѣ и шитьѣ бѣлья, платья и верхней одежды, вслѣдствіе чего удовлетвореніе первостепенныхъ жизненныхъ потребностей, посредствомъ другихъ лицъ, обходится очень дорого. Съ другой стороны, наши барышни, оканчивающія курсъ не только въ институтахъ, гимназіяхъ, но и въ высшихъ научныхъ и педагогическихъ курсахъ, по большей части не имѣютъ возможности найти себѣ соотвѣтствующій заработокъ, по отсутствію у нихъ именно практическихъ знаній.

При такихъ условіяхъ, весьма естественно явилась мысль о необходи-

Digitized by Google

мости предоставить женщинамъ образованныхъ классовъ общества возможность изученія домашняго хозяйства и разныхъ отраслей промышленной и ремесленной дѣятельности, съ цѣлью облегчить неимущимъ возможность содержать себя и родныхъ честнымъ трудомъ, дать способы матерямъ удешевить семейную жизнь, при возрастающей у насъ дороговизнѣ, и научить дамъ и дѣвицъ богатыхъ семействъ поддерживать разумный порядокъ въ домѣ и толково располагать трудомъ прислуги, соблюдая экономію въ расходахъ. Чтобы русскія образованныя женщины могли съ успѣхомъ обратиться къ раціональному изученію ремеслъ и внести въ нихъ свой просвѣщенный взглядъ и художественно-развитый вкусъ, общество поставило себѣ цѣлью учрежденіе художественно-ремесленныхъ и промышленныхъ школъ, которыя бы дѣйствовали и развивались при постоянномъ участіи и подъ надзоромъ наиболѣе интересующихся этимъ дѣломъ членовъ общества. Въ первый же годъ основанія общества были открыты: постоянная выставка, посредническое бюро и школа шитья и кройки, получившая широкое развитіе; затѣмъ были образованы школы модъ, школы кройки бѣлья, школы изящныхъ рукодѣлій и пр. Въ трудахъ этого общества, состоящаго подъ августѣйшимъ покровительствомъ великой княгини Елизаветы Ѳедоровны, весьма дѣятельное и полезное участіе принимаетъ одинъ изъ его учредителей, тайн. сов. И. А. Новиковъ.

Хотя въ Петербургѣ нѣтъ еще учрежденія, аналогичнаго московскому обществу, однако потребность въ немъ несомнѣнно существуетъ. Такъ, въ послѣднемъ засѣданіи комитета «Попечительства о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ» въ С.-Петербургѣ было заслушано предложеніе бар. О. О. Буксгевдена о необходимости прійти на помощь нуждающимся интеллигентнымъ женщинамъ и дѣвицамъ. «Масса нуждающихся дѣвицъ и женщинъ съ образованіемъ, полученнымъ ими какъ въ высшихъ, такъ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ,—говоритъ бар. Буксгевденъ,—нынѣ тщетно ищетъ занятій и мѣстъ для своего, хотя бы скромнаго, существованія. Временный же заработокъ въ критическую минуту жизни предохранилъ бы многихъ отъ непоправимой роковой бѣды и домъ трудолюбія облегчилъ бы имъ найти соотвѣтствующее ихъ средѣ и образованію занятіе». Выслушавъ это предложеніе, попечительство постановило выдать 1,500 руб. на устройство перваго дома трудолюбія для образованныхъ женщинъ. По газетнымъ извѣстіямъ, въ настоящее время уже образовался кружокъ лицъ, изъявившихъ желаніе организовать подобный домъ, который предполагается открыть на Пескахъ. Работа въ этомъ домѣ трудолюбія будетъ заключаться въ печатаніи на скоропечатныхъ машинахъ различнаго рода бланокъ, бумагъ по заказамъ конторъ, нотаріусовъ, адвокатовъ и частныхъ лицъ. Мы не сомнѣваемся, что Петербургъ не пожелаетъ отстать въ этомъ случаѣ отъ Москвы и образуетъ у себя общество, аналогичное московскому.

Года полтора-два тому назадъ, какъ извѣстно, въ нашей періодической печати шелъ «великій споръ» о состояніи, въ которомъ находится знаменитый источникъ—*нарзанъ*—въ Кисловодскѣ. При этомъ

Digitized by Google

споръ, конечно, не было недостатка въ сенсаціонныхъ извѣстіяхъ, указывавшихъ на наступившую якобы слабость «богатыря»-нарзана. Съ другой стороны, въ печати же указывалось, что нарзанъ отнюдь не утратилъ своихъ исконныхъ свойствъ и, послѣ новыхъ, произведенныхъ надъ нимъ, каптажныхъ работъ, сталъ даже лучше прежняго. Бѣдная публика была окончательно сбита съ толку столь разнорѣчивыми извѣстіями и совершенно потеряла голову. Высокое значеніе нарзана, какъ первокласснаго русскаго курорта, объясняетъ то напряженное вниманіе, съ какимъ русское общество относилось къ дальнѣйшей его судьбѣ.

Вотъ, въ бѣглыхъ чертахъ, краткая исторія «вопроса о нарзанѣ». Еще въ восьмидесятыхъ годахъ указывали на необходимость обдѣлать источникъ нарзанъ прочнѣе. На этомъ сходились какъ французскій гидротехникъ Леонъ Дрю, такъ и нашъ русскій геологъ, профессоръ Мушкетовъ. Затѣмъ, когда всѣ спеціалисты по гидрологіи и геологіи, занимавшіеся вопросомъ о каптажѣ нарзана, сошлись на одинаковомъ способѣ его рѣшенія, дѣло это перешло въ руки особой комисіи, учрежденной министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Въ комисію эту снова приглашены были спеціалисты по гидрологіи и горному дѣлу и въ полномъ своемъ составѣ были командированы на мѣсто для окончательнаго рѣшенія вопроса. Приговоръ этой комисіи былъ еще не окончательнымъ и восходилъ на утвержденіе другаго компетентнаго ученаго учрежденія, именно горнаго ученаго комитета, единогласно утвердившаго предположенныя комисіей каптажныя работы, которыя были выполнены и закончены къ сезону 1894 года. И вотъ, послѣ того какъ правительство обставило самыми серьезными гарантіями правильное и цѣлесообразное рѣшеніе даннаго вопроса, посыпались обвиненія въ томъ, что все дѣло велось «халатно» и «легкомысленно», а газеты по всѣмъ уголкамъ страны разнесли страшный слухъ, что *нарзанъ погибъ*, что его погубили господа инженеры!

Но кому, спрашивается, нужно и выгодно поднимать кампанію противъ теперешняго устройства нарзана? Что это за люди, которымъ понадобилось забросать грязью всѣхъ работавшихъ въ этомъ дѣлѣ? Клика людей, которая ведетъ кампанію противъ нарзана,— отмѣчаютъ «Московскія Вѣдомости», — очень невелика: «первымъ, бросившимъ перчатку обвиненія противъ нарзана, былъ врачъ Сигристъ (*изъ евреевъ*), *уволенный* отъ должности старшаго врача при кавказскихъ минеральныхъ водахъ». Затѣмъ, та же газета называетъ въ числѣ лицъ, производившихъ походъ противъ нарзана, горнаго инженера Незлобинскаго, служившаго на кавказскихъ минеральныхъ водахъ, но уволеннаго оттуда; нѣкоего Даніэль-бека, армянина, также уволеннаго бывшимъ комисаромъ кавказскихъ минеральныхъ водъ, тайнымъ совѣтникомъ Бертенсономъ, отъ должности группнаго врача. Далѣе идутъ армяне же: Бебутовъ и Юзбашевъ, также уволенные съ кавказскихъ минеральныхъ водъ. Такова блестящая кампанія, къ которой неизвѣстно зачѣмъ присоединяется профессоръ химіи Марковниковъ и которая начинаетъ гипнотизировать общественное мнѣніе, разсѣивать смуту по землѣ русской и держать правду въ плѣну, ради сведенія личныхъ счетовъ своего

Digitized by Google

уязвленнаго самолюбія. Министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ, желая провѣрить всю неправду, напечатанную и распущенную по поводу каптажа нарзана, командировало профессора Залѣсскаго, который пробылъ въ теченіе всего минувшаго сезона въ Кисловодскѣ. Далѣе министерство намѣрено передать весь собранный матеріалъ на судъ спеціалистовъ-экспертовъ, которому будетъ представленъ и трудъ профессора Залѣсскаго, пришедшаго, какъ извѣстно, къ выводамъ, вполнѣ опровергающимъ всѣ измышленія, взводимыя на новый каптажъ.

Мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ правдиваго рѣшенія суда спеціалистовъ; теперь же считаемъ нужнымъ сказать, что подрывать у себя дома довѣріе къ лучшему отечественному курорту могутъ лишь враги своей родной страны, руководящіеся своимъ собственнымъ, сепаратнымъ,—а вовсе не русскимъ,—патріотизмомъ.

Digitized by Google

ФОНОГРАФЪ.

(Фельетонъ «Наблюдателя»).

И СМѢХЪ, И ГОРЕ.

(Литературныя и общественныя замѣтки).

Крупный скандалъ въ нашемъ журнальномъ муравейникѣ. — *Политическій шантажъ* и палочный отвѣтъ на него.—Князь Мещерскій, создавшій и культивировавшій новый сортъ публицистики.—*Типъ* или *личность* имѣлъ въ виду «Гражданинъ»?—«Толстые» намеки на А. А. Половцева и доносъ подъ видомъ патріотическаго служенія.—Духовное сродство *мещерскаго патріотизма* съ *патріотизмомъ еврейскимъ*.—Двѣ стороны одной и той же медали.—Розга, какъ одна изъ основъ «гражданинскаго» бытія.—Крѣпостническая злопамятность князя Мещерскаго.—Я. И. Ростовцевъ, уличаемый въ предательствѣ и въ измѣнѣ императору Николаю Павловичу.—Историческое опроверженіе этой клеветы.—Графъ Киселевъ, какъ первый проповѣдникъ освобожденія крестьянъ, дѣйствовавшій по предначертаніямъ самого государя.—Предводитель петербургскаго дворянства, примѣнившій къ защитнику якобы—«дворянскихъ интересовъ» излюбленное имъ тѣлесное наказаніе.

I.

Мы неохотно говоримъ о предметахъ, не имѣющихъ широкаго общественнаго значенія, не носящихъ на себѣ какой нибудь принципіальной окраски и могущихъ интересовать только отдѣльныя группы или мелкіе кружки нашей, такъ называемой, интеллигентной среды. Поэтому, при первомъ извѣстіи о скандалѣ, происшедшемъ въ пресловутой редакціи «Гражданина», мы просто хотѣли было промолчать о немъ, также какъ умалчиваемъ о разныхъ «городскихъ приключеніяхъ», для которыхъ находится мѣсто въ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ» или въ репортерскихъ замѣткахъ мелкой прессы. Къ «шестидесятилѣтнему старику» (какъ именуетъ себя кн. Ме-

Digitized by Google

щерскій) ворвались въ квартиру два юныхъ джентльмена,—ради отмщенія за обиженнаго отца,—и совсѣмъ не по джентльменски угостили виновника оскорбленія легкими побоями, имѣвшими болѣе символическое, чѣмъ реальное значеніе и разсчитанными на одну нравственную ихъ унизительность, а не на физическую увѣсистость или тѣлесное членовредительство. Въ такомъ видѣ является передъ нами остовъ этой фабулы, услужливо разнесенной газетными листами по всему лицу земли русской, отъ пріемной князя Мещерскаго до Кавказскаго хребта и Тихаго океана.

Повторяемъ, что самъ по себѣ этотъ случай—печатнаго шантажа съ одной стороны и собственноручной расправы съ другой—нисколько не выдѣляется изъ массы различныхъ городскихъ происшествій, своевременно занесенныхъ на столбцы «петербургской хроники» и безповоротно забытыхъ черезъ два-три дня по ихъ опубликованіи. Особенной драчливостью отличается у насъ театральная среда, заѣденная паразитизмомъ газетныхъ «рецензентовъ», готовыхъ за хорошій магарычъ прославить любаго безголосаго пѣвца и любую бездарную актрису, а безъ магарыча—марающихъ грязью и природное дарованіе, и хорошую сценическую подготовку. Примѣры крутой расправы обозленныхъ «артистовъ» съ алчущими и жаждущими даровато угощенія газетными строкулистами давно уже не составляютъ пикантной новости и даже не обращаютъ на себя никакого вниманія.

Въ «инцидентѣ» съ княземъ Мещерскимъ любопытна только новая разновидность печатнаго шантажа, уже поднимающагося все выше и выше по общественной лѣстницѣ,—а именно любопытенъ *шантажъ политическій*, впервые выдвинувшійся на судъ, «мировой» и общественный. Этою характеристическою новизною, этимъ смѣлымъ захватомъ шантажа, добравшагося уже, со ступеньки на ступеньку, отъ мелкихъ лицедѣевъ до «фютюръ-министровъ», слѣдуетъ объяснить и то лихорадочное движеніе, которое обнаружилось въ петербургскомъ обществѣ, и то вниманіе, съ которымъ наша ежедневная пресса отнеслась къ скандальному событію, выдающемуся только по своей обстановкѣ и по размаху печатнаго шантажа... «Вызвавъ оживленные толки—говоритъ хроникеръ одной большой газеты—это дѣло стало *сенсаціоннымъ*. Въ теченіе

Digitized by Google

двухъ недѣль, въ городѣ только и говорили о немъ. Одни принимали сторону князя Мещерскаго, другіе—сторону гг. Половцевыхъ, третьи—и такихъ было, кажется, большинство—не принимали ничьей стороны, одинаково осуждая какъ виновниковъ, такъ и жертву самоуправства. Судебное разбирательство этого дѣла ожидалось съ большимъ нетерпѣніемъ. Съ десятаго часа утра, камера мироваго судьи на Надеждинской была *осаждаема любопытными* (даже осаждаема?) изъ которыхъ далеко не всѣмъ удалось въ нее проникнуть (какая жалость!). Въ камерѣ находились друзья и знакомые тяжущихся сторонъ (замѣтимъ: все сливки петербургскаго beau monde'a), много студентовъ, много лицъ судебнаго вѣдомства и порядочныхъ дамъ. Всѣ мѣста были заняты, и такъ какъ *мѣстъ для всѣхъ не хватало* (sic) то многіе стояли. *Давно уже не было въ камерѣ мироваго судьи такого многолюдства*—съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ судили опереточную пѣвицу Волынскую, покусившуюся на цилиндръ рецензента».

Однимъ словомъ, «событіе» приняло почти-что стихійные размѣры, и случайный прохожій, очутившійся въ день судьбища на Надеждинской улицѣ, могъ только съ трепетомъ и недоумѣніемъ вопросить себя:

«Куда текутъ народа шумны волны»??

Понятно, что о такомъ стихійномъ явленіи молчать уже невозможно,—и «отъ избытка сердца уста глаголятъ». Поговоримъ же и мы, хотя безъ особаго удовольствія...

II.

Прежде всего, надо познакомиться основательнѣе съ «составомъ преступленія», въ которомъ оскорбившіеся за отца гг. Половцевы обвиняли князя Мещерскаго. Corpus delicti—это, знаменитая отнынѣ въ лѣтописяхъ журналистики, статья: «Его высопревосходительство», напечатанная въ № *13-мъ* (фатальная цифра!) «Гражданина» за нынѣшній годъ.

Мы добросовѣстно прочитали и даже перечитали эту лукавую статейку и должны признать, что, не удовлетворяя самымъ скромнымъ требованіямъ отъ публицистики или беллетристики, она представляетъ собою весьма цѣнный вкладъ въ сокровищницу нашей зародившейся шантажно-политической

Digitized by Google

прессы. Съ этой специфической точки зрѣнія, она вполнѣ цѣлесообразна, соразмѣрна въ своихъ частяхъ и прекрасно выдержана въ тонѣ. Хотя князь Мещерскій и увѣряетъ, что о выведенномъ имъ «высокопревосходительствѣ» онъ говоритъ, какъ о *типѣ*, но тутъ же ехидно прибавляетъ, что «этотъ человѣкъ *существуетъ во плоти и въ костяхъ*, что онъ уменъ, честолюбивъ, желаетъ играть видную общественную роль» и что авторъ памфлета «*имѣлъ честь слышать* его политическія мысли и государственные взгляды», т. е., другими словами, злоупотребилъ своею частною бесѣдою съ нимъ. Вотъ изъ этой-то бесѣды князь Мещерскій,—много лѣтъ «подсиживающій» такимъ образомъ своихъ неосторожныхъ собесѣдниковъ,—и извлекъ необходимыя ему свѣдѣнія и краски, дополнивъ и иллюстрировавъ ихъ, уже по праву художника (сомнительнаго «художества»), значительною долею *отсебятины*. Въ этомъ пестромъ калейдоскопѣ реальныхъ и фантастическихъ чертъ «его высокопревосходительства» кн. Мещерскій съ особеннымъ подчеркиваньемъ выдѣляетъ: огромное *богатство*, холопство передъ силой и властью, изъ какого бы источника онѣ ни выходили, *шатающійся оппортюнизмъ* (какъ будто есть еще оппортюнизмъ непоколебимый!) а—главное—*нелюбовь къ покойному государю*, который не далъ его высокопревосходительству столь желаннаго министерскаго портфеля. Но одною «нелюбовью» кн. Мещерскій не ограничивается и простираетъ свои инкриминаціи гораздо далѣе, уличая сановника—опять таки, путемъ частнаго разговора—въ *прямой враждѣ къ самодержавію* и въ сочувствіи проэктамъ гр. Лорисъ-Меликова...

«Обстоятельства, при которыхъ началось прошлое царствованіе,—говоритъ его высокопревосходительство тономъ человѣка, не допускающаго сомнѣнія въ своей авторитетности,—могли *извинить* (курсивъ кн. Мещерскаго) и даже оправдать *до извѣстной степени* режимъ одной воли и одного ума, хотя бы для того, чтобы привести въ порядокъ весь тотъ міръ, гдѣ отъ порядка зависитъ неприкосновенность такихъ правъ, какъ собственность, благоустройство, благочиніе и т. п.; но разъ этотъ порядокъ былъ возстановленъ, трудно допустить, чтобы работа освобожденія Россіи, начатая Александромъ II-мъ и прерванная случайно и временно новымъ царствованіемъ,

Digitized by Google

такъ сказать, полицейскаго характера, — признана была не прерванною, а совсѣмъ и навсегда прекращенною. Смѣшно же было бы допустить, что навсегда исправники и земскіе начальники будутъ говорить: «мы одни—Россія и повелители ваши», что ни голоса русскихъ людей, ни голосъ общественнаго мнѣнія принимать участіе въ нуждахъ русской жизни не будутъ. Я не могу допустить, чтобы *мысль, ознаменовавшая собой конецъ царствованія Александра II-го*—ближе пріобщить волю и умъ русскихъ людей къ волѣ и разуму одного—для того созрѣла, чтобы умереть навсегда. Я не дорожу словомъ «конституція»,—продолжалъ его высокопревосходительство,—если это слово пугаетъ боязливыхъ, но мы вправѣ дорожить его сущностью, какъ условіемъ sine qua non прогресса и развитія Россіи. Зачѣмъ далеко искать доказательствъ? Никогда наша дипломатія не стояла такъ высоко, какъ теперь. Мнѣ говорятъ про нашу блестящую иностранную политику прошлаго царствованія и приписываютъ ее отсутствію совѣта и безмолвію голосовъ дипломатовъ. Посмотрите теперь: никогда Европа не лежала у нашихъ ногъ такъ покорно, какъ теперь, и почему? Потому что раздались голоса нашихъ дипломатовъ. Почему же не допустить, что такой же блестящій періодъ не наступитъ въ нашей внутренней политикѣ, когда наши голоса,—*голоса дипломатовъ внутренней политики*,—раздадутся свободно и авторитетно»?

Въ этомъ наиболѣе щекотливомъ мѣстѣ статейка принимаетъ уже форму діалога.—«Не сдѣлали ли, ваше высокопревосходительство, lapsus linguae, сказавши: «*дипломаты* внутренней политики»? Вѣроятно, вы хотѣли сказать: «*депутаты* внутренней политики»?

«—Можетъ быть.

«—И неужели вы бы пошли въ депутаты?—спросили мы.—Въ вашемъ аристократическомъ положеніи, вы должны будете давать *вашу пухленькую надушенную ручку, съ бирюзою и рубиномъ на пальцахъ,—немытой рукъ собрата* (по мнѣнію кн. Мещерскаго, всѣ «депутаты», хотя бы и дворянскаго собранія, не знакомы съ употребленіемъ мыла) который, пожалуй, *стащитъ вамъ* (хороша грамотность: «стащитъ вамъ», т. е. сановнику же?!) и ваши рубины, и ваши бирюзы.

«—Въ депутаты нѣтъ, *но въ министры—отчего нѣтъ*?

Digitized by Google

«Наступило мгновеніе торжественнаго молчанія. Сердце въ насъ билось неровнымъ темпомъ, стукомъ жалости. Сердце его высокопревосходительства, какъ всегда, билось равнодушно, слабо и ровно. Мы взглянули пристально и внимательно въ глаза его высокопревосходительства... Эти глаза, никогда не плакавшіе, казались намъ вѣрнымъ отраженіемъ *этого сердца, никогда не любившаго, этого разума, никогда не просвѣтлявшагося вѣрою, что есть Богъ въ жизни русскаго народа* (это что еще за ересь, почтенный князь? развѣ Богъ присутствуетъ только въ жизни одного народа? вѣдь такъ думаютъ только евреи, всецѣло стремящіеся овладѣть своимъ талмудическимъ божкомъ) и надъ престоломъ русскаго царя».

Au bout du compte, «его высокопревосходительство» оказывается не только надменнымъ человѣкомъ, никогда и никого не любившимъ, не только предателемъ русскаго самодержавія и личнымъ врагомъ почившаго монарха-народолюбца, но и не твердымъ въ религіи—по крайней мѣрѣ, въ той религіи многобожія, которую видимо исповѣдуетъ князь Мещерскій. Понятно, что такой благочестивый и благообразный мужъ, съ тщательно вымытыми (но, однако, не «надушенными»—избави Богъ!)—руками, какъ издатель «Гражданина», заканчиваетъ свой памфлетъ «пламенною и горячею мольбою»,—чтобы «никогда сердце, не любившее Россію, и умъ, никогда ее не понявшій (по грамматикѣ: не понимавшій) не коснулись своимъ дыханіемъ совѣта Помазанника Божія»,—т. е. чтобы злокачественный сановникъ никогда не попалъ въ министры!

III.

Нашего подробнаго пересказа совершенно достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что инкриминированная статья кн. Мещерскаго, написанная по шаблону многихъ другихъ его статей такого же пошиба, дѣйствительно не можетъ назваться ни *публицистическимъ этюдомъ* на тему о политическомъ представительствѣ въ Россіи, ни *беллетристическимъ очеркомъ*, гдѣ были бы обобщены типическія черты «вельможи конца вѣка» въ цѣльномъ художественномъ образѣ. О *художественности* и цѣльности *типа* тутъ не можетъ быть и рѣчи, да и—«умыселъ другой тутъ былъ». Весьма «толстые» намеки на извѣстную личность, даже со стороны ея внѣшнихъ при-

Digitized by Google

мѣтъ и домашняго habitus'a, и, въ то же время, трусливыя вилянія изъ стороны въ сторону, чтобы отдѣлаться отъ формальнаго судебнаго преслѣдованія; прямой доносъ изъ-за угла и изъ-подъ личины скорбящаго и обливающагося слезами патріота, а тутъ же «запахъ жаренаго», запахъ какихъ-то неудовлетворенныхъ его высокопревосходительствомъ апетитовъ самого пасквилянта—все это имѣетъ такой гнусный, чисто ябедническій и шантажный характеръ, что говорить по этому поводу о свободѣ печати, о правахъ якобы-художественнаго творчества могутъ только или сообщники этого политическаго шантажа,—направленнаго прямо противъ г. Половцева и косвенно противъ князя А. Б. Лобанова Ростовскаго, какъ руководителя нашей «внѣшней политики»,—или же субъекты съ пораженнымъ обоняніемъ, не умѣющіе отличить запаха розы отъ вони ассафетиды. Въ самомъ названіи статьи: «Его высокопревосходительство» авторъ уже тычетъ пальцемъ на очень тѣсный кругъ лицъ, пользующихся этимъ титуломъ. По справкѣ, самоотверженно наведенной адвокатомъ кн. Мещерскаго, всѣхъ «полныхъ генераловъ», военныхъ и статскихъ, имѣется у насъ только 127 человѣкъ, а если исключить изъ этой цифры военныхъ генераловъ (слишкомъ ясно, что въ статьѣ идетъ рѣчь не о генералахъ отъ кавалеріи и инфантеріи), то указанный кругъ ограничится уже *шестьюдесятью двумя* «знатными персонами», — по преимуществу, членами государственнаго совѣта,—между которыми нетрудно угадать (по признаку крупнаго, штиглицевскаго, богатства) именно то лицо, на которое хотѣлъ кивнуть мнимый «художникъ». Еще болѣе съузится этотъ кругъ, если вспомнить, что имя А. А. Половцева нерѣдко фигурировало въ газетахъ, въ числѣ кандидатовъ на министерскіе посты.

Согласятся или нѣтъ читатели «Гражданина» съ его мнѣніемъ о предосудительности государственныхъ взглядовъ, выраженныхъ высокопревосходительнымъ сановникомъ? исполнится ли «горячая» мольба кн. Мещерскаго, чтобы такіе люди никогда не попадали въ ближайшіе совѣтники къ русскимъ государямъ?—это вопросы, не относящіеся къ дѣлу, такъ какъ подлинность этихъ взглядовъ никѣмъ не удостовѣрена, да и роль кн. Мещерскаго въ распредѣленіи министерскихъ портфелей, слава богу, не такъ-то значительна, въ особенности послѣ

Digitized by Google

превращенія его газеты изъ ежедневной въ еженедѣльную (за отсутствіемъ «доброхотныхъ дателей»). Тѣмъ не менѣе, пріемъ борьбы, усвоенный себѣ кн. Мещерскимъ,—пріемъ скрытнаго, но прозрачнаго шельмованія политическихъ противниковъ, противъ котораго нельзя бороться ни литературнымъ оружіемъ, ни путемъ судебнаго преслѣдованія, — не можетъ считаться принадлежностью порядочной прессы, и на этотъ счетъ не должно бы, кажется, существовать двухъ различныхъ мнѣній. Всякая честная борьба предполагаетъ равенство условій для нападенія и защиты, и не признаётъ ударовъ изъ-за угла и подъ маскою. Такая борьба должна вестись съ поднятымъ забраломъ и открытымъ оружіемъ. Но, спрашивается теперь, какимъ образомъ сталъ бы защищаться А. А. Половцевъ противъ безъименныхъ, но очень явственныхъ инсинуацій крѣпостнической злобы? Идти въ судъ было бы безполезно, потому что ловкій шантажъ ускользаетъ отъ уголовной мзды и можетъ быть караемъ только судомъ общественнаго мнѣнія; звать князя Мещерскаго къ барьеру—трудъ напрасный, такъ какъ какъ издатель «Гражданина» однажды заявилъ уже, что онъ «не гусарскій юнкеръ» и не принимаетъ вызововъ на дуэль; излагать печатно свои государственные взгляды, въ опроверженіе *мещерскихъ* фальсификацій—не входитъ въ наши политическіе нравы и сопряжено съ разными формальными затрудненіями. Да и стоитъ ли исповѣдываться передъ публикою по поводу каждой жалкой инсинуаціи шантажнаго писачки? Вѣдь эдакъ, пожалуй, цѣлый вѣкъ придется провести въ печатной перепалкѣ съ вольнопрактикующими фискалами!

Остается еще «самосудъ», къ которому и прибѣгли сыновья г. Половцева. Но это средство, во-первыхъ, обоюдоострое (у всякой палки, какъ извѣстно, два конца); во-вторыхъ, оно не убѣдительно ни для публики, ни для самого пасквилянта. Лучше бы къ нему и не прибѣгать.

Гораздо убѣдительнѣе и авторитетнѣе можетъ быть въ данномъ случаѣ судъ общественнаго мнѣнія, судъ независимой и честной печати, къ которому и слѣдовало обратиться друзьямъ А. А. Половцева, если ужь не ему самому. Тутъ можно было бы сопоставить двѣ личности: съ одной стороны — наглаго доносителя, а съ другой — жертву доноса. И вотъ какая характеристика должна была бы получиться въ результатѣ

Digitized by Google

этого сопоставленія. Г. Половцевъ, хотя и не занималъ министерскаго поста, но въ своей очень видной служебной дѣятельности прекрасно исполнялъ обязанности ревизующаго сенатора, а затѣмъ, въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ,—именно при покойномъ государѣ, оказывавшемъ ему свое милостивое довѣріе,—руководилъ дѣлами государственнаго совѣта въ отвѣтственной и высокой должности государственнаго секретаря, и, слѣдовательно, не только не отрицалъ внутренней политики незабвеннаго Царя-народника, но, по мѣрѣ силъ и вліянія, содѣйствовалъ ея упроченію на Руси. Что г. Половцевъ былъ искреннимъ и глубоко-убѣжденнымъ сторонникомъ «національной политики»,—остающейся неизмѣнною, въ главныхъ чертахъ, и при нынѣ царствующемъ Государѣ Императорѣ,—это несомнѣнно доказывается и тѣмъ горячимъ, дѣятельнымъ участіемъ, которое принимаетъ бывшій государственный секретарь въ трудахъ «Русскаго Историческаго Общества», основаннаго имъ подъ непосредственнымъ покровительствомъ Александра III. А кто же изъ людей науки не знаетъ сотни томовъ, уже изданныхъ этимъ почтеннымъ «обществомъ» исключительно на средства, доставляемыя щедрою рукою его основателя? кто не сказалъ за нихъ А. А. Половцеву и его ближайшему сотруднику Г. Ѳ. Штендману—глубокаго русскаго спасибо? Достаточно вспомнить, что труды знаменитой екатерининской комисіи по составленію новаго уложенія, только благодаря «Русскому Историческому Обществу», вышли цѣликомъ на свѣтъ божій и получили должную оцѣнку въ нашей исторической литературѣ. Много ли найдется у насъ «высокопревосходительствъ», которые бы такъ неустанно, безкорыстно и терпѣливо содѣйствовали развитію нашего просвѣщенія и народнаго самосознанія, путемъ широкаго историческаго изслѣдованія двухъ послѣднихъ столѣтій [1])? Не ограничиваясь выпускомъ полновѣсныхъ томовъ «Сборника Русскаго Историческаго Общества», А. А. Половцевъ—также по программѣ, одобренной покойнымъ государемъ,—предпринялъ новое грандіозное изданіе «Русскаго Біографическаго Словаря», первый томъ котораго уже печатается. Нѣтъ сомнѣнія, что и этотъ новый цѣнный вкладъ въ нашу историческую литературу,—цѣнный не по однѣмъ ма-

[1]) О дѣятельности «Русскаго Историческаго Общества» см. статью С. С. Трубачева въ № 1 «Наблюдателя» за 1895 г.

Digitized by Google

теріальнымъ затратамъ, но и по умственному труду,—будетъ встрѣченъ разумными патріотами съ неменьшею благодарностью, чѣмъ и «Сборникъ Русскаго Историческаго Общества».

IV.

Если, при этой очной ставкѣ двухъ враждующихъ сторонъ, личность А. А. Половцева много выигрываетъ, то князь Мещерскій, наоборотъ, можетъ лишь проиграть во всѣхъ отношеніяхъ.

Что̀ представляетъ собою князь Мещерскій въ нашемъ общественномъ и журнальномъ мірѣ? Жалкій эпигонъ крѣпостничества, непрошенный защитникъ дворянскихъ интересовъ, отъ котораго многократно и настойчиво открещивались лучшіе представители дворянства; журналистъ, обратившій политическій шантажъ въ какую-то позорную систему и выклянчивающій подачки отъ подписчиковъ въ просительныхъ письмахъ; самозванный офиціозъ, изобличенный въ самозванствѣ Н. М. Барановымъ—вотъ многоликая, но не особенно симпатичная фигура, которая предстанетъ передъ нами на этой очной ставкѣ, съ розгой въ рукѣ, какъ символомъ своеобразнаго «обновленія» нашей гражданской жизни! И всѣ эти пакости прикрываются именемъ патріотизма, пламенной любви къ дорогому отечеству—«все подъ личиною усердія къ царю», говоря безсмертными словами Чацкаго. Немудрено, что такого рода мрачный, абсурдный, такъ сказать, «застѣночный патріотизмъ», признающій и Бога только для одного своего народа, оттолкнулъ отъ себя въ противоположный лагерь людей, неспособныхъ къ умственному анализу и не могущихъ разобраться съ толкомъ въ шумихѣ звонкихъ, но пустопорожнихъ фразъ. А *противоположный лагерь* тутъ же, подъ бокомъ. Это—лагерь «еврейскаго патріотизма», который съ умысломъ отожествляетъ *русскій патріотизмъ* съ *патріотизмомъ мещерскимъ* и съ гордостью противопоставляетъ ему свой племенной узкій фанатизмъ, якобы носящій въ себѣ сѣмена прогресса, свободы и гуманности... Конечно, жидовская ложь еще грубѣе и наглѣе лжи мещерской, ибо шулханъ-арухъ,—достаточно знакомый нашимъ читателямъ по своимъ основнымъ принци-

Digitized by Google

намъ,—никоимъ образомъ не можемъ превратиться въ источникъ человѣколюбія и правомѣрнаго развитія общества. *Кастическій духъ* іерусалимскаго дворянства—тотъ же *дворянскій духъ* князя Мещерскаго: это—духъ нетерпимости, чванства и презрѣнія ко всему не-жидовскому (у талмудистовъ) и ко всему не-дворянскому (у «гражданиновъ» мещерскаго лагеря). Двѣ стороны одной и той же медали, съ тѣмъ же племеннымъ или кастовымъ Богомъ!

А. А. Половцевъ можетъ легко утѣшиться (если онъ, дѣйствительно, былъ огорченъ безобразной личной выходкой «Гражданина»). «На людяхъ и смерть красна», а князь Мещерскій такъ усердно влечетъ на свой картонный эшафотъ всѣхъ нашихъ выдающихся государственныхъ дѣятелей, что очутиться въ компаніи этихъ привлеченныхъ къ смертной казни, посредствомъ картоннаго же меча,—право, только почетно, а вовсе не предосудительно... Стоитъ лишь перелистовать тотъ самый злосчастный нумеръ «Гражданина», въ которомъ тиснутъ пасквиль на А. А. Половцева, чтобы наткнуться на другой образчикъ—уже не пасквиля на живое лицо, могущее защищаться такъ или иначе, но скверной клеветы на умершаго, надежно изолированнаго на кладбищѣ отъ всѣхъ житейскихъ распрей. Мы говоримъ объ одномъ изъ благороднѣйшихъ государственныхъ людей, которому князь Мещерскій посвящаетъ слѣдующія, великолѣпныя по своей гнусности, строки: «Во главѣ военно-учебныхъ заведеній стоялъ человѣкъ, котораго, *очень незаслуженно*, связь съ крестьянскимъ дѣломъ возвеличила въ лѣтописяхъ этой эпохи; это—знаменитый *Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ*, ставшій потомъ графомъ. У него, какъ оказалось, николаевскаго была только обложка; убѣжденій и нравственной стойкости у него вовсе не было, а потому *одинъ (однимъ) изъ первыхъ николаевскихъ слугъ, который устыдился своего монарха и благодѣтеля и поступилъ съ нимъ, какъ Петръ со Христомъ во дворѣ Каіафы, былъ Ростовцевъ;* едва появился Герценъ, едва заговорили о новыхъ вѣяніяхъ, Ростовцевъ оказался однимъ изъ главныхъ его поклонниковъ, и это-то опасеніе прослыть отсталымъ, прослыть на страницахъ герценскихъ (герценовскихъ) обличеній *николаевцемъ* (курсивъ «Гражданина») и было причиною, почему не было принято никакихъ серьезныхъ мѣръ къ тому, чтобы

Digitized by Google

будущій инженеръ или артиллеристъ-офицеръ не могъ въ стѣнахъ училища заниматься русскою литературою по Герцену».

Изъ словъ «Гражданина» ясно выходитъ, что Я. И. Ростовцевъ былъ такимъ же *предателемъ* по отношенію къ Николаю Павловичу, какимъ изображается и А. А. Половцевъ въ его отношеніяхъ къ Александру Александровичу. Тѣмъ не менѣе, добрая память Ростовцева въ исторіи разрѣшенія у насъ крестьянскаго вопроса также не пострадаетъ отъ новаго комка грязи, пущеннаго въ нее крѣпостническою злобой, какъ не пострадала, въ глазахъ порядочныхъ людей, и репутація г. Половцева отъ начиненной шантажемъ «гражданинской» ракеты. Кто же теперь не знаетъ,—послѣ книги А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго о почтенной дѣятельности графа П. Д. Киселева,—что Николай Павловичъ именно *самъ былъ всегда на сторонѣ освобожденія крестьянъ*, и только злостные крѣпостники, сгруппировавшіеся около него (въ родѣ графа Орлова) удерживали его отъ этого рѣшительнаго шага. Но, не дѣлая этого шага, императоръ, всѣмъ учрежденіемъ министерства государственныхъ имуществъ подъ управленіемъ Киселева, ясно показалъ, въ какомъ положеніи онъ хотѣлъ бы видѣть не однихъ государственныхъ, но и крѣпостныхъ крестьянъ. Организація крестьянскаго дѣла въ новоучрежденномъ, при императорѣ Николаѣ, министерствѣ являлась *прототипомъ* желательнаго устройства помѣщичьихъ крестьянъ, и Н. П. Дружининъ имѣлъ основаніе пожалѣть, что не всѣ черты киселевскаго устройства перешли въ бытъ освобожденныхъ крестьянъ [1]). Но принципъ надѣленія крестьянъ землею заимствованъ именно изъ «Киселевской республики»,—какъ называли Мещерскіе того времени министерство государственныхъ имуществъ, тупоумно полагая, что о народномъ благосостояніи можетъ заботиться только республика, а отнюдь не самодержавная монархія. На дѣлѣ же оказалось, что освобожденіе крестьянъ не только не противорѣчило существу русскаго *самодержавія* (совсѣмъ не похожаго на крѣпостное право или азіатскій деспотизмъ, и имѣющаго свою особенную историческую физіономію), но только *имъ однимъ* и могло быть при-

[1]) См. статью «Наши государственные крестьяне» во 2-й книгѣ «Наблюдателя» за текущій годъ.

Digitized by Google

ведено въ исполненіе,—вопреки мнѣнію большинства государственнаго совѣта,—по личной волѣ Александра Николаевича!

Подведя итогъ всему сказанному, мы полагаемъ, что гг. Половцевы-сыновья едва ли имѣли основаніе опасаться за репутацію своего отца и что они напрасно придали ничтожному пасквилю слишкомъ громкое значеніе, обративъ пасквилянта въ нѣкоего агнца, «пострадавшаго отъ физическаго насилія». Князь Мещерскій былъ бы наказанъ гораздо больнѣе—вполнѣ заслуженнымъ общественнымъ презрѣніемъ.

Курьезно выдѣляется въ этой «исторіи съ палкой и арапникомъ» одно обстоятельство: исправляющій должность петербургскаго уѣзднаго предводителя дворянства (старшій сынъ г. Половцева) примѣнилъ къ князю Мещерскому то самое тѣлесное наказаніе, которое «Гражданинъ» всегда рекомендовалъ и рекомендуетъ только для одной «мужицкой» спины. Новое доказательство, насколько кн. Мещерскій является популярнымъ и уважаемымъ лицомъ даже въ томъ сословіи, интересы котораго онъ берется защищать съ медвѣжьей услужливостью!..

Ефимъ Простосердовъ.

Digitized by Google

Праздничные сюрпризы.

Въ жребій свой питая вѣру,
Въ тьмѣ надеждъ утративъ мѣру,
Предъ Христовымъ свѣтлымъ днемъ,
Лѣтъ прошедшихъ по примѣру,
Всѣ мы мыслимъ объ одномъ.
Ждать даровъ у насъ привычка
Существуетъ каждый годъ,
И съ насмѣшкой, въ свой чередъ,
Вмѣсто краснаго яичка
Намъ судьба «сюрпризы» шлетъ.

Дяди, стараго купчины,
Съ нетерпѣніемъ кончины
Мотъ-племянникъ ожидалъ,
Развлеченій рядъ безчинный
Въ перспективѣ смаковалъ.
Грезъ заманчивыхъ частичка
Не сбылася: дядя всталъ
И кутилѣ за скандалъ,
Вмѣсто краснаго яичка—
Взбучку форменную далъ...

Полонъ вѣры идеальной
И въ себя, и въ цѣлый свѣтъ,
Годъ съ энергіей похвальной
Надъ поэмой колоссальной
Просидѣлъ бѣднякъ-поэтъ.
Сталъ онъ тонокъ, словно спичка,
Отъ большой потери силъ,
Но отрады не вкусилъ:
Вмѣсто краснаго яичка,
Красный... крестъ онъ получилъ.

Digitized by Google

Ежедневно хмѣля плѣнникъ,
«Ндравомъ» Пудъ Лукичъ—крутенекъ;
Учинивъ порой скандалъ,
Онъ всегда на силу денегъ
Упованье возлагалъ.
Беззаботенъ, словно птичка,
Онъ скандалитъ тамъ и тутъ;
Но пришелъ ему капутъ:
Вмѣсто краснаго яичка,
Получилъ онъ—вызовъ въ судъ...

Полнъ желаніемъ ретивымъ
Вдѣть въ петличку орденокъ,
Бюрократъ въ порывѣ льстивомъ
Предъ начальствомъ прихотливымъ
Не жалѣлъ спины и ногъ.
Вдругъ ударъ: пуста петличка...
Легче быть ему въ гробу!
Носитъ онъ, кляня судьбу,
Вмѣсто краснаго яичка,
Украшеніе—на лбу...

Хмурый Бардъ.

Digitized by Google

Весенняя фантазія.

Къ столицѣ невской «Духъ изгнанья»
Летѣлъ, исполненъ скорбныхъ думъ,
И дней былыхъ воспоминанья
Его смущали гордый умъ,—
Тѣхъ дней, что, къ злу стремленьемъ полонъ,
Въ Европѣ западной провелъ онъ,
Безшумнымъ призракомъ скользя
Въ эфирѣ, мрачный и суровый,
И чистотою образцовой
Былъ поражаемъ до-нельзя;
Когда, сердясь и негодуя,
Отъ злобы желтый, какъ лимонъ,
Паркета чище мостовую
Зрѣлъ въ городишкѣ каждомъ онъ;
Когда картину вѣчной грязи
И санитарныхъ безобразій
Онъ не встрѣчалъ ужь цѣлый годъ...
Объ этомъ вспомнивъ, онъ въ экстазѣ
Проклятье произнесъ—и вотъ
Ускóрилъ мигомъ свой полетъ.

И надъ Петрополемъ туманнымъ
Летѣлъ онъ сквозь ночную тьму.
Знакомымъ воздухомъ и страннымъ
Съ Невы повѣяло къ нему;
И длинныхъ улицъ Петрограда
Онъ предъ собой увидѣлъ рядъ,
И былъ мгновенно онъ отрадой
Давно незнаемой объятъ.
Очамъ любезныя картины
Вновь зрѣть судьба ему дала,
И вмигъ разгладились морщины

Digitized by Google

Его угрюмаго чела.
Веселыхъ мыслей вереница
Смѣнила приступы хандры:
Предмѣстья видѣлъ онъ столицы,
Онъ видѣлъ задніе дворы
Во всей красѣ ихъ первобытной.
Онъ видѣлъ то, что, господа,
Взоръ санитара любопытный;
Еще не видѣлъ никогда!
Подъ звуки пѣсни заунывной
Угрюмыхъ чухонъ, въ свой чередъ,
Онъ видѣлъ способъ примитивный
Очистки разныхъ нечистотъ.
Заря всходила на востокѣ;
Недвиженъ городъ былъ, какъ трупъ;
Сбѣгали мутные потоки
Въ Неву изъ водосточныхъ трубъ,
Сверкая въ первыхъ солнца блесткахъ;
Былъ воздухъ холоденъ и мглистъ,
И стражи, испуская свистъ,
Вкушали сонъ на перекресткахъ...
Былой печали сбросивъ гнетъ,
Нашъ демонъ, полонъ умиленья,
Надъ думской башней на мгновенье
Свой мощный задержалъ полетъ...

Фланеръ.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ № 4-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

«НАБЛЮДАТЕЛЬ».

Стран.

I. Грѣхи отцовъ. Романъ А. Михайлова. (*Окончъ.*). . . . 7
II. Разрывъ-трава. (Изъ Рудольфа Баумбаха). Стих. Л. Н. Трефолева 43
III. Рабочій трудъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. В. В. Святловскаго 45
IV. Кровь. (Изъ записокъ человѣка безъ убѣжденій). Романъ І. І. Ясинскаго. (*Окончъ.*) 68
V. Ночникъ. Стих. К. М. Фофанова 86
VI. Еврейскій вопросъ въ нравственно-религіозномъ отношеніи. А. П. Липранди. 87
VII. На рубежѣ искусства. С. И. Васюкова. (*Окончъ.*). . . . 113
VIII. Прометеево потомство. Романъ изъ исторіи послѣднихъ дней независимости Абхазіи. Д. Л. Мордовцева 133
IX. Въ полѣ. Стих. П. Тулуба 182
X. Артистическія натуры. Повѣсть Е. Бюлау. (Съ нѣмецкаго). 183
XI. Гётевскій Фаустъ, какъ художественная натура. Критическій этюдъ. В. Е. Чешихина 262
XII. Очерки иностранной литературы. В. Ч. 287
XIII. Сонеты Петрарки. Стих. М. М. Гербановскаго. . . . 304
XIV. На покоѣ. Повѣсть А. Мартынова. (*Окончъ.*). 306
XV. Разсказы А. Валенберга. Переводъ со шведскаго. . . . 326

Современное обозрѣніе.

XVI. Политическая хроника. 1
XVII. Новыя книги 17
XVIII. Наши внутреннія дѣла 28
XIX. Фонографъ. (Фельетонъ «Наблюдателя»). 1) «И смѣхъ, и горе». (Литературныя и общественныя замѣтки). Ефима Простосердова 43
2) Стихотворенія: Хмураго Барда и Фланера. . . . 56

Digitized by Google

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, куда можно было бы точно направлять книги журнала. Въ противномъ случаѣ, Редакція *не можетъ ручаться за исправную доставку журнала* и не принимаетъ на себя никакихъ хлопотъ по сношенію съ петербургскимъ почтамтомъ. 2) Если журналъ своевременно не получается подписчикомъ, Редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобы, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ *не позже полученія слѣдующей книги*, такъ какъ Газетная Экспедиція, на основаніи почтовыхъ правилъ, позже этого времени жалобъ не принимаетъ. При жалобѣ должно быть приложено удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книга, дѣйствительно, не доставлена по адресу. Жалобы должны присылаться *непосредственно* въ Главную Контору. Утраченный не по винѣ Редакціи экземпляръ высылается вторично подписчику за 1 руб. 50 коп. 3) При перемѣнѣ адреса, необходимо присылать *старый печатный адресъ* или же его нумеръ и, при каждомъ заявленіи, прилагать *пять семикопѣечныхъ почтовыхъ марокъ* за напечатаніе новаго адреса. Перемѣна адреса должна быть получена въ Конторѣ *не позже 20-го числа* каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу. 4) При перемѣнѣ городскаго адреса на иногородный, уплачивается 2 руб.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—1 р. Перемѣны адресовъ сообщаются исключительно въ Главную Контору Редакціи. 5) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ Редакцію, благоволятъ прилагать почтовыя марки для отвѣтовъ. 6) Редакція проситъ присылать рукописи не иначе, какъ *четко* переписанными. Рукописи, признанныя неудобными къ напечатанію, хранятся не болѣе полугода и, по истеченіи этого срока,—если не будутъ потребованы обратно,—уничтожаются. Мелкія статьи менѣе 100 листовъ писчей бумаги и стихотворенія вовсе не возвращаются. По поводу доставляемыхъ стихотвореній, Редакція не вступаетъ *ни въ какую переписку съ авторами*, хотя бы и были приложены марки для отвѣтовъ. Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ, должны быть приложены почтовыя марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказной бандеролью. Рукописи, доставленныя безъ опредѣленія условій гонорара, считаются безплатными или оплачиваются по усмотрѣнію Редакціи. Рукописи должны быть присылаемы въ Редакцію *заказными* (а не простыми) *письмами* и *бандеролями*. Рукописи, принятыя *безъ указанія срока помѣщенія*, печатаются *исключительно* по назначенію Редакціи. По усмотрѣнію Редакціи, рукописи подвергаются сокращенію и измѣненію. Статьи неизвѣстныхъ Редакціи авторовъ, за которыя гонораръ не былъ потребованъ *въ теченіе полугода со времени напечатанія*, признаются безплатными. 7) Контора открыта съ 1-го октября по 1-е мая—отъ 12 до 4 часовъ пополудни, въ остальное же время года—до 3 часовъ, *кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней. Пріемъ въ Редакціи—по четвергамъ, отъ часу до двухъ.* 8) Объявленія для напечатанія въ журналѣ принимаются съ платою: за страницу—25 руб., за $^1/_2$ стр.—13 руб., и за $^1/_4$ стр.—7 р. 9) Конторы газетъ и журналовъ, печатающихъ наши публикаціи, приглашаются доставлять свои счеты въ Редакцію *не позже полугода со дня напечатанія:* иначе теряется возможность контроля надъ правильностью уплаты. 10) *Всякія денежныя выдачи въ Главной Конторѣ производятся только одинъ разъ въ мѣсяцъ*: **5-го числа, отъ часу до 3-хъ пополудни.** Если это число приходится на праздникъ или воскресенье, то выдачи отлагаются до слѣдующаго дня. *Авансы за рукописи, хотя и принятыя, но не напечатанныя въ журналѣ, не допускаются.*

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА, НА 1896 Г., НА ЛИТЕРАТ.-ПОЛИТИЧ. ЖУРНАЛЪ

ГОДЪ XV. **„НАБЛЮДАТЕЛЬ“** ГОДЪ XV.

Вступивъ въ пятнадцатый годъ своего существованія, журналъ издается подъ прежней редакціей, въ томъ же *прогрессивно-національномъ* направленіи.

«НАБЛЮДАТЕЛЬ» выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, **безъ предварительной цензуры**, книгами отъ 25-ти до 30-ти печатныхъ листовъ. Подписная цѣна: **за годъ** безъ доставки **12** руб.; съ доставкою въ С.-Петербургѣ **13** руб.; съ пересылкою внутри Россіи **14** р.; за границу—**17** руб. **За полгода**: безъ доставки—**6** руб.; съ доставкою—**6** руб. **50** коп.; съ пересылкою въ Россіи—**7** руб.; съ пересылкою за границу—**9** руб. **За три мѣсяца**: безъ доставки—**3** руб.; съ доставкою и пересылкой въ Россіи—**3** руб. **50** коп.; за границу—**5** руб.

Вслѣдствіе допущенія редакціею подписки на полгода и на три мѣсяца безъ возвышенія платы, **разсрочка подписной суммы сохраняется только для гг. служащихъ** (по мѣсяцамъ и третямъ года) за поручительствомъ гг. казначеевъ. Книгопродавцамъ уступка: 50 коп. съ годоваго экземпляра. При подпискѣ полугодовой и трехмѣсячной, уступки не полагается.

Для сельскаго духовенства, учителей и учительницъ народныхъ школъ, для студентовъ и слушательницъ высшихъ учебныхъ заведеній, для преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній и для субалтернъ-офицеровъ армейской пѣхоты (но *не* для офицерскихъ библіотекъ) подписная цѣна: за годъ съ пересылкой 12 руб.; за полгода—6 руб.; за три мѣсяца—3 руб. Этою скидкою съ подписной цѣны пользуются только тѣ лица, которыя *дѣйствительно принадлежатъ къ указаннымъ категоріямъ подписчиковъ* и выписываютъ журналъ на *свое собственное имя*, *по мѣсту службы или ученія*, не болѣе одного экземпляра на каждое лицо. Подписка съ разсрочкой и уступкой адресуется *исключительно* въ Главную Контору журнала.

Въ первой книгѣ журнала начаты романы: «Грѣхи отцовъ», *А. К. Шеллера* (А. Михайлова), «Кровь», *І. І. Ясинскаго*, «Прометеево потомство» (изъ исторіи завоеванія Абхазіи) *Д. Л. Мордовцева* и пр.

Фельетоны *Ефима Простосердова* будутъ помѣщаться по прежнему въ каждой книгѣ журнала, кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (Пушкинская ул., близъ Невскаго просп., № 11), въ конторѣ «Новаго Времени» и во всѣхъ извѣстныхъ книжн. магазинахъ (Фену, Вольфа, Цинзерлинга, Риккера, Стасюлевича и др.); въ *Москвѣ*—въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи), въ книжн. магазинѣ Карбасникова (Моховая, противъ университета) и въ отдѣленіи конторы «Новаго Времени»; въ *Одессѣ*—въ книжныхъ магазинахъ Распопова и «Нов. Времени», и въ конторѣ «Новороссійскаго Телеграфа»; въ *Кіевѣ*—въ кн. магазинахъ Оглоблина, Идзиковскаго и Литова; въ *Харьковѣ* и *Саратовѣ*—въ кн. магазинахъ «Нов. Времени»; въ *Тифлисѣ*—въ «Центральной книжн. торговлѣ» и въ кн. магазинахъ Евангулова и Сузанаджана; въ *Томскѣ*—въ кн. магазинѣ Макушина; въ *Вильнѣ*—въ кн. магазинахъ Сыркина и Стракуна; въ *Смоленскѣ*—въ кн. магазинѣ Клестова; въ *Тулѣ*—въ кн. магазинѣ Протасова; въ *Житомирѣ*—въ кн. магазинѣ Савчука; въ *Казани*—въ кн. магазинахъ: Дубровиной, Башмаковыхъ и «Восточная Лира».

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала на почту только передъ лицами, подписавшимися въ Главной Конторѣ.

Редакторъ-Издатель **А. П. ПЯТКОВСКІЙ.**

Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google